

Вестник общественного мнения

Данные. Анализ. Дискуссии

3–4(125)

Выходит 4 раз в год. Год издания 24-й

Июль–декабрь 2017

Аналитический
Центр Юрия Левады
(Левада-Центр)

Междисциплинарный
академический центр
социальных наук
(Интерцентр)

Редакционный совет:

А.Г. Аганбегян
А.Г. Вишневский
Л.М. Дробижева
Т. Шанин
Е.Г. Ясин

Редколлегия:

Л.Д. Гудков
(главный редактор)
Н.А. Зоркая
(ответственный редактор)
М.Д. Красильникова
Л.А. Хахулина
(зам. главного редактора)

Подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России» 87847

СОДЕРЖАНИЕ

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ	3
ПОПУЛИЗМ В РОССИИ И МИРЕ	
Николай ПЕТРОВ. Эволюция популизма в российской политике	20
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ, СТРУКТУРЫ И КОЛЛЕКТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ	
Милена ЯКИМОВА, Димитар ВАЦОВ. Российская пропаганда в болгарских СМИ	38
Алексей ЛЕВИНСОН. Заметки о бюрократии в социальной структуре современного российского общества	48
Марк УРНОВ, Валерия КАСАМАРА. Национальная идентичность студентов России и США (сравнительный анализ)	74
Евгения ЛЁЗИНА. ВЧК и ее преемники: методы террора и практики дискриминации. К 100-летию основания советской тайной полиции	104
Петр БИЗЮКОВ. Взаимодействие акторов в пространстве трудового протеста	132
Татьяна ЛЫСОВА. Моделирование социально-культурных связей: анализ предпринимательского потенциала	146
Карина ПИПИЯ. К пониманию одного ксенофобского лозунга: «Россия для русских»	159
Лариса КОСОВА. Как живете, старичье? Анализ процессов старения в обществах разного типа	171
Екатерина КОЧЕРГИНА. Место женщины в современной России	180
Любовь БОРУСЯК. Школьная литература: почему ее не любят школьники (по результатам исследования российских школьников и студентов)	187
ИЗ АРХИВА ЛЕВАДА-ЦЕНТРА: ОТЧЕТЫ О ПРОШЛЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	
Общественное мнение о проблемах защиты прав и свобод человека в России	197
Оценки участия граждан в отправлении правосудия	248
Авторы номера	253
SUMMARY	254
Список статей, опубликованных в журнале в 2017 г.	258

Ответственный редактор
выпуска Н.А. Зоркая

Редактор
Е.Л. Коган

Корректор
О.Н. Крендясова

Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)
109012, Москва, ул. Никольская, 17. Тел.: (499) 755-40-30
E-mail: direct@levada.ru

Междисциплинарный академический центр социальных наук (Интерцентр)
119571, Москва, просп. Вернадского, 82. Тел.: (495) 564 8582

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна
Зарегистрировано Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций ПИ № 77981 от 10 декабря 2003 г.

© Левада-Центр, Интерцентр, 2008 ISSN 2070-5107

The Russian Public Opinion Herald

Data. Analysis. Discussions

3–4(125)

Quarterly

July–December 2017

Analytic Centre
Yury Levada
(Levada-Centre)

The Interdisciplinary
Academic Centre for
Social Sciences
(InterCentre)

Members of the Editorial Council

Abel Aganbeghian
Anatoly Vishnevsky
Leokadia Drobizheva
Teodor Shanin
Yevgenii Yassin

Editorial Board

Lev Gudkov
(*Editor-in-Chief*)
Ludmila Khakhulina
(*Deputy Editor-in-Chief*)
Marina Krasilnikova
Natalia Zorkaya
(*Executive Secretary*)

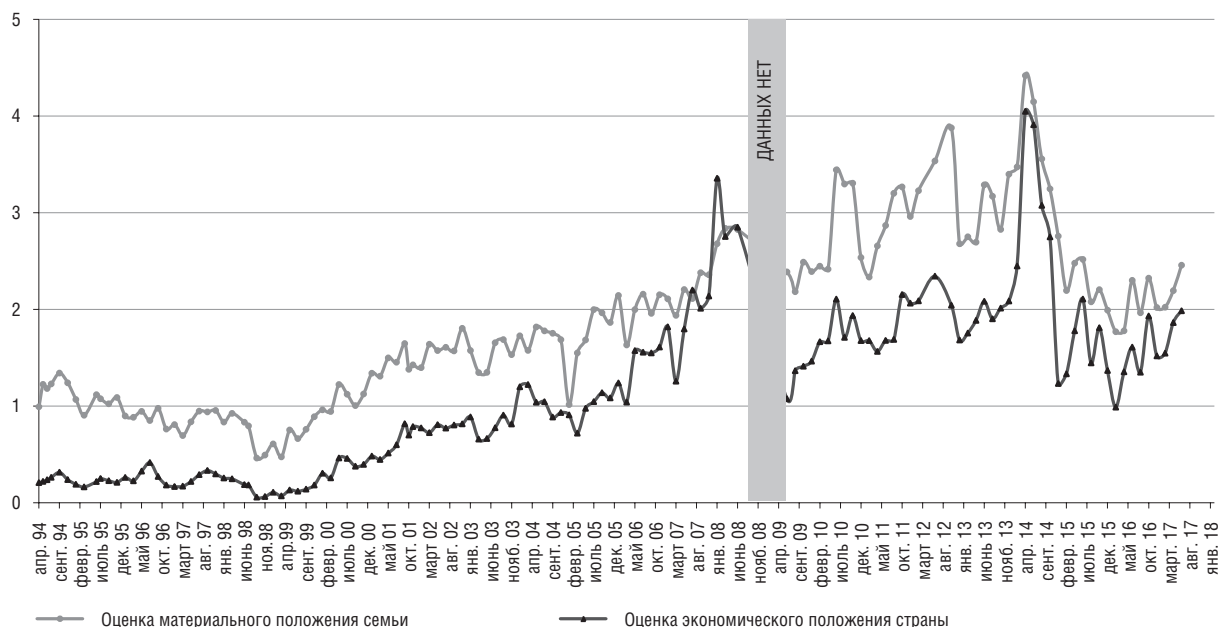
CONTENTS

MONITORING OF CHANGES: PRINCIPAL TRENDS	3
POPULISM IN RUSSIA AND BEYOND	
The evolution of populism in Russian politics (by Nikolai Petrov)	20
SOCIAL PROCESSES, STRUCTURES AND COLLECTIVE IDENTITY	
Co-opting discontent: Russian propaganda in the Bulgarian media (by Milena Iakimova, Dimitar Vatsov)	38
Notes on the current role of bureaucracy in the structure of Russian society (by Alexey Levinson)	48
National identity of students in Russia and the USA (a comparative analysis) (by Mark Urnov and Valeria Kasamara)	74
The Cheka and its successors: methods of terror and practices of discrimination. On the occasion of the 100th anniversary of the founding of the Soviet secret police. (by Evgenia Lezina)	104
Interaction of actors in the labor protest context (by Petr Bizyukov)	132
Socio-cultural relationships modeling: an analysis of the entrepreneurial potential (by Tatiana Lysova)	146
To understanding one xenophobic slogan: «Russia for Russians» (by Karina Pipiia)	159
How's life, old people? An analysis of the aging process in various society types (by Larisa Kosova)	171
The role of women in Russian society (by Ekaterina Kochergina)	180
Literature at school: why do high-schoolers dislike it (based on a survey of Russian high school and college students) (by Lyubov Borusyak)	187
FROM THE ARCHIVES OF LEVADA-CENTER: PREVIOUS RESEARCH	
Public opinion on the issues of human rights defense in Russia (Levada-center working group)	197
Evaluation of citizens' participation in judicature (by Natalia Zorkaya)	248
Authors of the issue	253
SUMMARY	254
LIST OF PUBLICATIONS. 2017	258

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

1. ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ СТРАНЫ И СВОЕЙ СЕМЬИ

«Как бы Вы оценили в настоящее время материальное положение Вашей семьи?»
«Как бы Вы оценили экономическое положение России?» (отношение положительных оценок — «хорошее» и «среднее» к отрицательным — «плохое» и «очень плохое»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

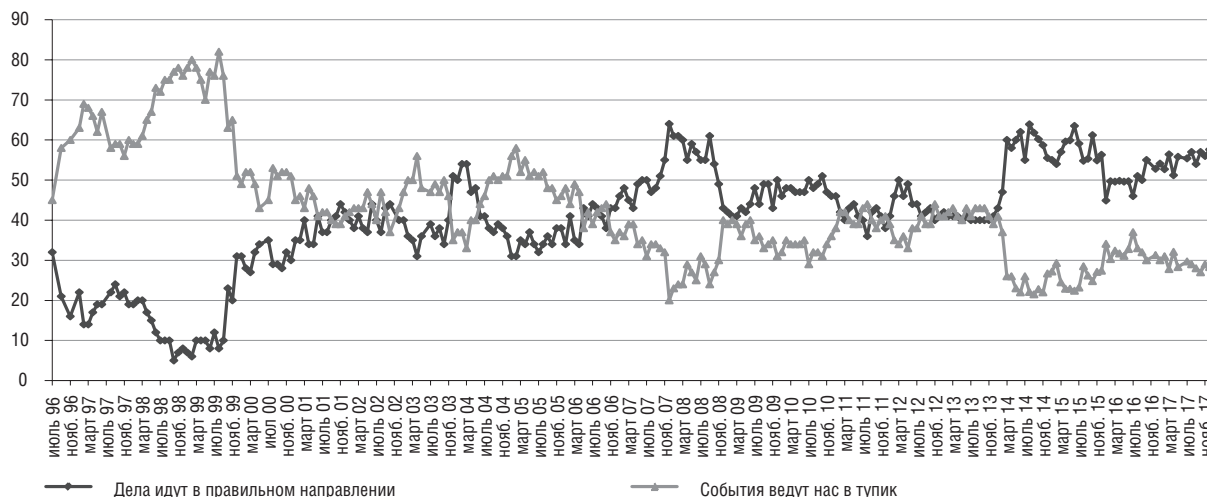

В 1994 г. $N=3000$, в 1995–2001 гг. $N=2400$, в 2002–2008 гг. $N=2100$, с 2009 г. $N=1600$.

После присоединения Крыма к России в марте 2014 года все показатели резко поднялись, достигнув к июню максимума за весь период наблюдений (с 1994–2014 гг.), но уже в августе начали снижаться, переходя в стремительное падение в ноябре и декабре. На протяжении 2016 года оценки экономического положения семьи оставались ниже уровня 2010-х годов. С апреля 2017 года восприятие общего положения дел в экономике стало более позитивным. Оценка материального положения семьи также несколько улучшается, сказывается эффект адаптации (ждали худшего, но падение доходов не было столь значительным, как опасались).

2. ОБЩИЕ ОЦЕНКИ ПОЛОЖЕНИЯ ДЕЛ В СТРАНЕ

А. «Вы считаете, что дела в стране идут сегодня в целом в правильном направлении или Вам кажется, что страна движется по неверному пути?» (в % от числа опрошенных)

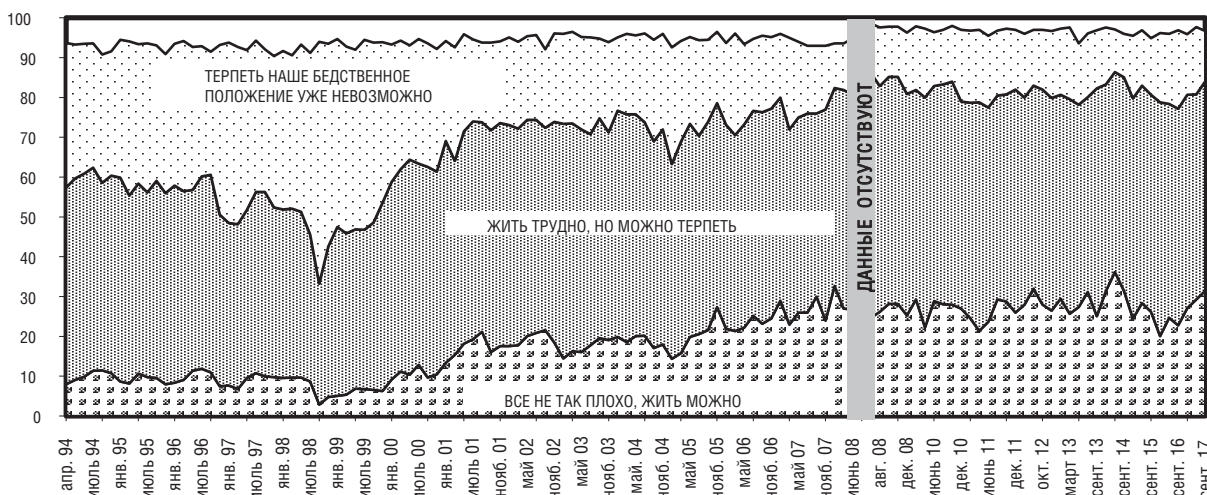

N=1600.

С началом событий на Украине, присоединения Крыма к России и развертывания пропагандистской антиукраинской и антизападной кампании в СМИ, доля одобряющих «дела в стране» быстро выросла до предкризисного уровня предкризисного лета 2008 года. Критические настроения резко ослабли. Весь год общие позитивные оценки («правильный курс развития страны») держались с некоторыми колебаниями на отметке 60%. К концу 2015 года показатели начали снижаться, а с весны 2017 года начали медленно расти, что можно рассматривать как определенную адаптацию к кризису и надежду на выход из него.

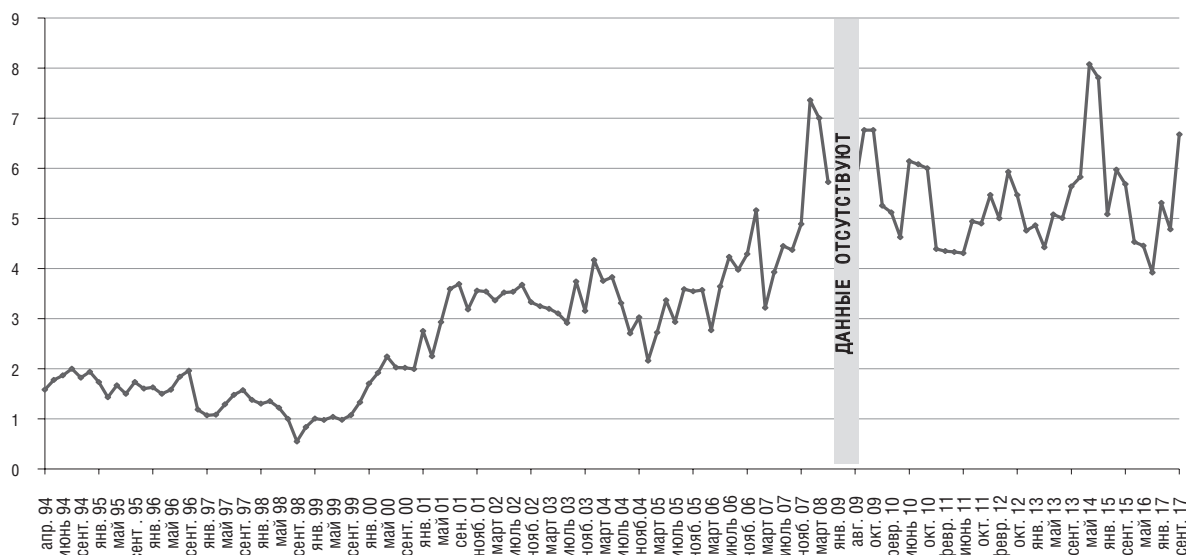
3. «ЗАПАС ПРОЧНОСТИ» НАСЕЛЕНИЯ

А. «Какое из следующих высказываний более всего соответствует Вашей жизненной ситуации?»

В 1994 г. N=3000, в 1995–2001 гг. N=2400, в 2002–2008 гг. N=2100, с 2009 г. N=1600.

Б. Отношение суммы позиций «жить можно» и «можно терпеть» к позиции «терпеть наше бедственное положение уже невозможно» (затруднившиеся с ответом не учитываются)

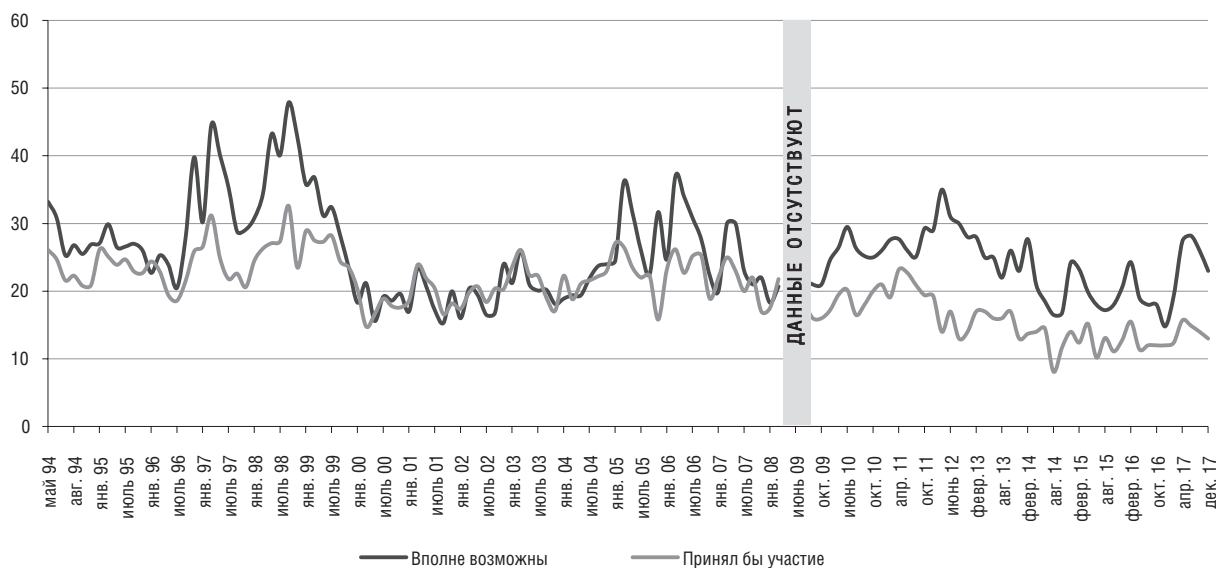

В 1994 г. $N=3000$, в 1995–2001 гг. $N=2400$, в 2002–2008 гг. $N=2100$, с 2009 г. $N=1600$.

4. ПОТЕНЦИАЛ ПРОТЕСТА

А. ПОТЕНЦИАЛ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА

«Насколько возможны сейчас в Вашем городе, сельском районе массовые выступления против падения уровня жизни, в защиту своих прав?»*; «Если такого рода митинги или демонстрации протеста состоятся, Вы лично примете в них участие?» (в % от числа опрошенных)

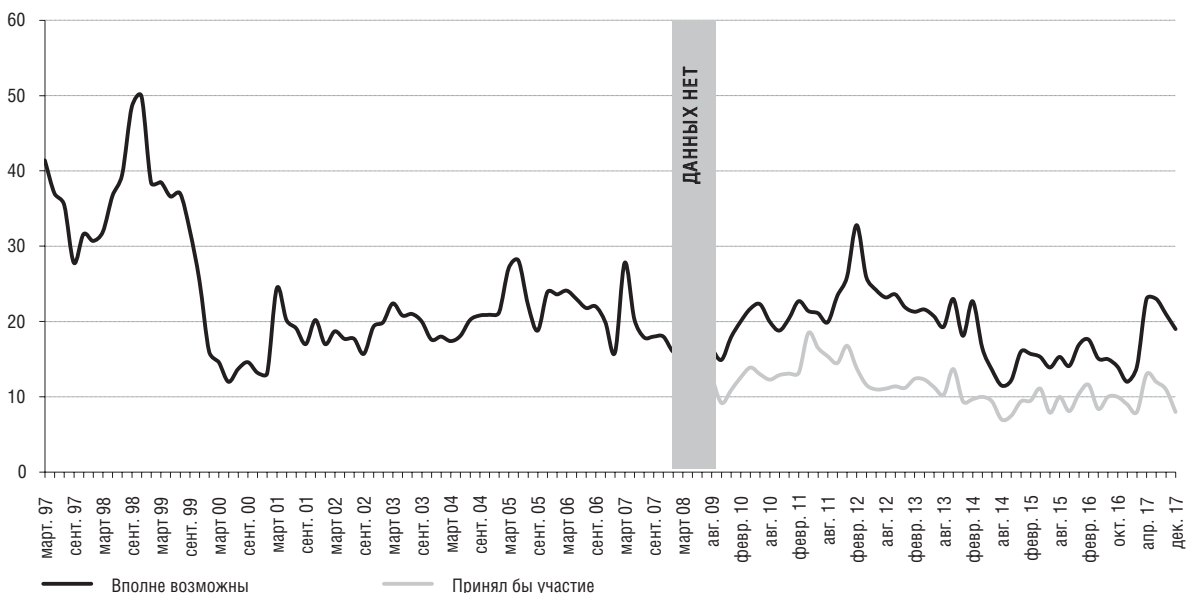

В 1994 г. $N=3000$, в 1995–2001 гг. $N=2400$, в 2002–2008 гг. $N=2100$, с 2009 г. $N=1600$.

* До марта 1997 г. задавался в формулировке «Насколько возможны сейчас в Вашем городе, сельском районе массовые выступления против роста цен и падения уровня жизни?».

Б. ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА

«Возможны ли, на Ваш взгляд, в Вашем городе, сельском районе выступления протеста (демонстрации, митинги, забастовки) с политическими требованиями?»*; «Если массовые выступления протеста с политическими требованиями состоятся, Вы лично примете в них участие или нет?» (в % от числа опрошенных)

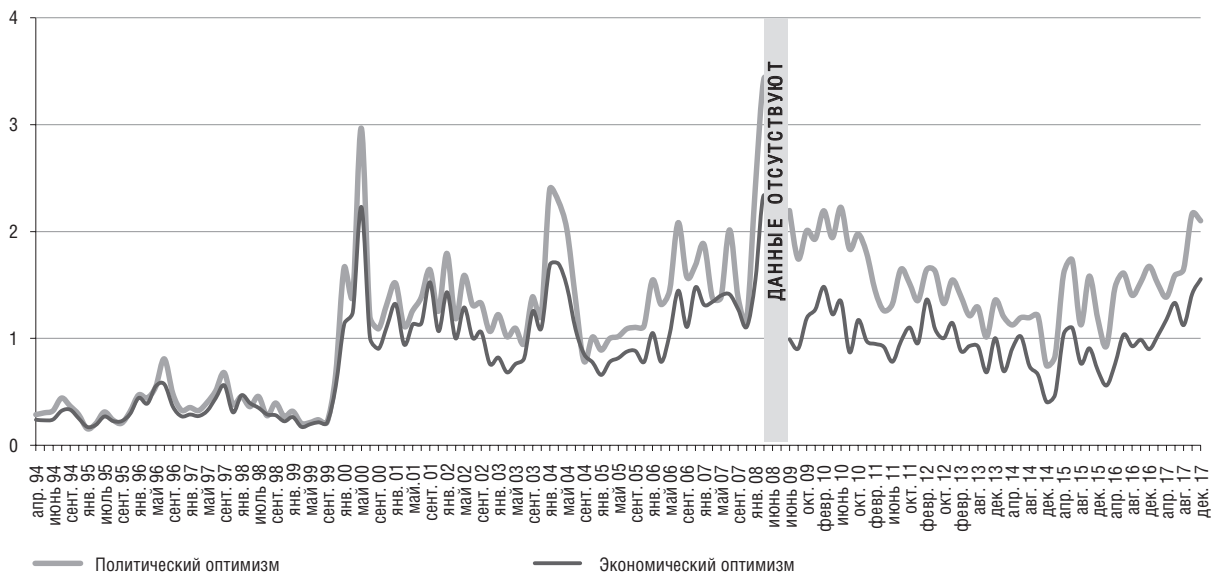
В 1997–2001 гг. $N=2400$, в 2002–2008 гг. $N=2100$, с 2009 г. $N=1600$.

Снижение показателей экономического оптимизма сопровождается – с некоторым запозданием – снижением «запаса прочности». Население после паники в ноябре-декабре 2015 года возвращается к прежним моделям «пассивной адаптации» после длительного периода «потребительского бума», к установке – «надо терпеть». Хроническое массовое недовольство происходящим в экономике и общественной жизни сопровождается отказом от действий, направленных на изменения социально-политической системы. Однако ожидания массовых протестов выросли весной 2017 г.

5. ПОКАЗАТЕЛИ ОПТИМИЗМА

«Что ожидает Россию в ближайшие месяцы в политической жизни?»;
«Что ожидает Россию в ближайшие месяцы в области экономики?»

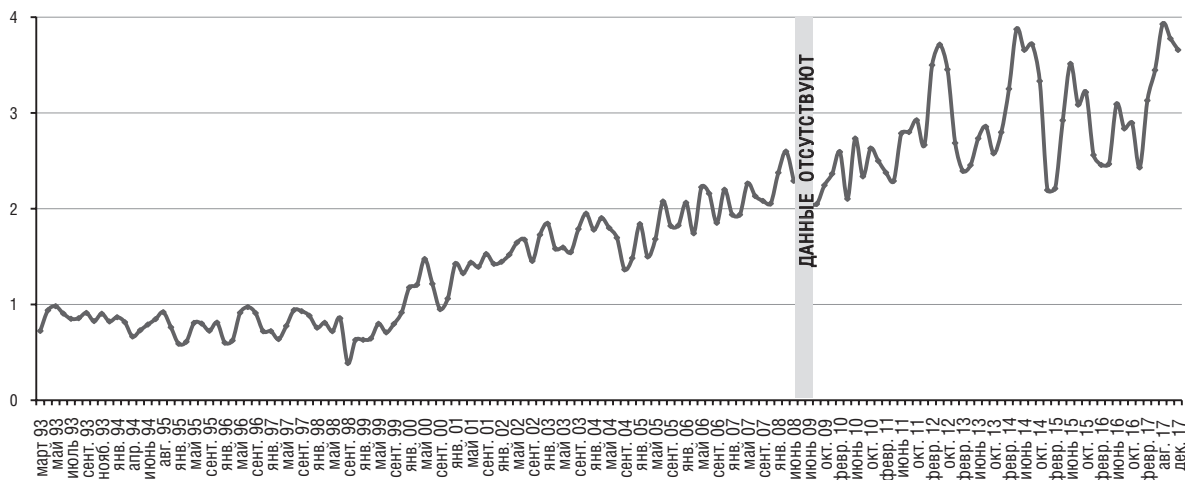
(отношение положительных оценок – «значительное улучшение ситуации» и «некоторое улучшение ситуации» к отрицательным – «некоторое ухудшение ситуации» и «значительное ухудшение ситуации»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

В 1994 г. $N=3000$, в 1995–2001 гг. $N=2400$, в 2002–2008 гг. $N=2100$, с 2009 г. $N=1600$.

6. СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ

«Что Вы можете сказать о своем настроении в последние дни?» (отношение суммы позитивных оценок «прекрасное» и «нормальное, ровное» к сумме негативных «испытываю раздражение» и «испытываю страх»)

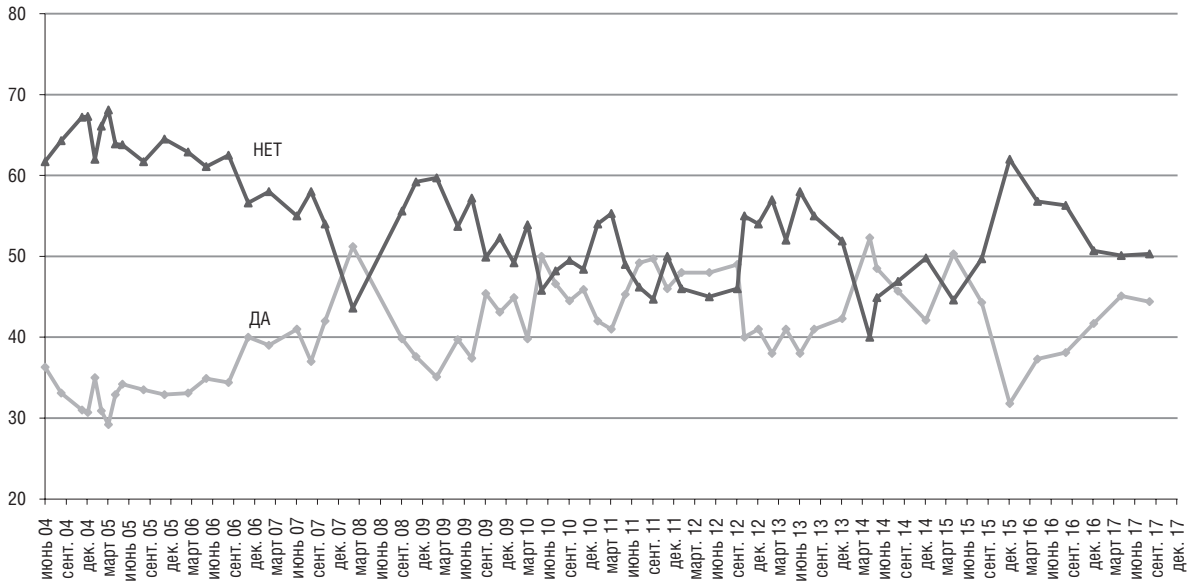

В 1994 г. $N=3000$, в 1995–2001 гг. $N=2400$, в 2002–2008 гг. $N=2100$, с 2009 г. $N=1600$.

Период 2012–2017 гг. демонстрирует крайнюю нестабильность эмоциональных состояний общества – короткие циклы переходов от возбуждения к быстрому психологическому спаду.

7. ЯСНОСТЬ ПЕРСПЕКТИВ

Чувствуете ли Вы уверенность в завтрашнем дне?

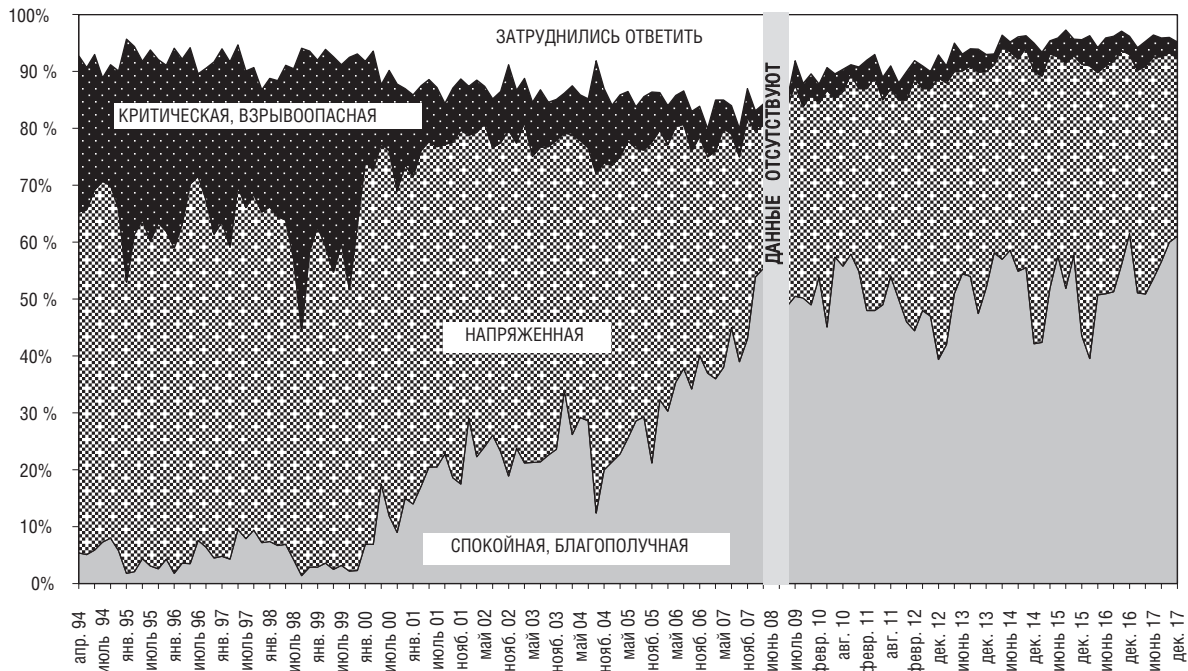

N=1600.

«Крымский синдром» и патриотическая мобилизация закончились, но уверенности в будущем нет.

8. ОЦЕНКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ

Как Вы оценили бы в целом политическую обстановку в России?

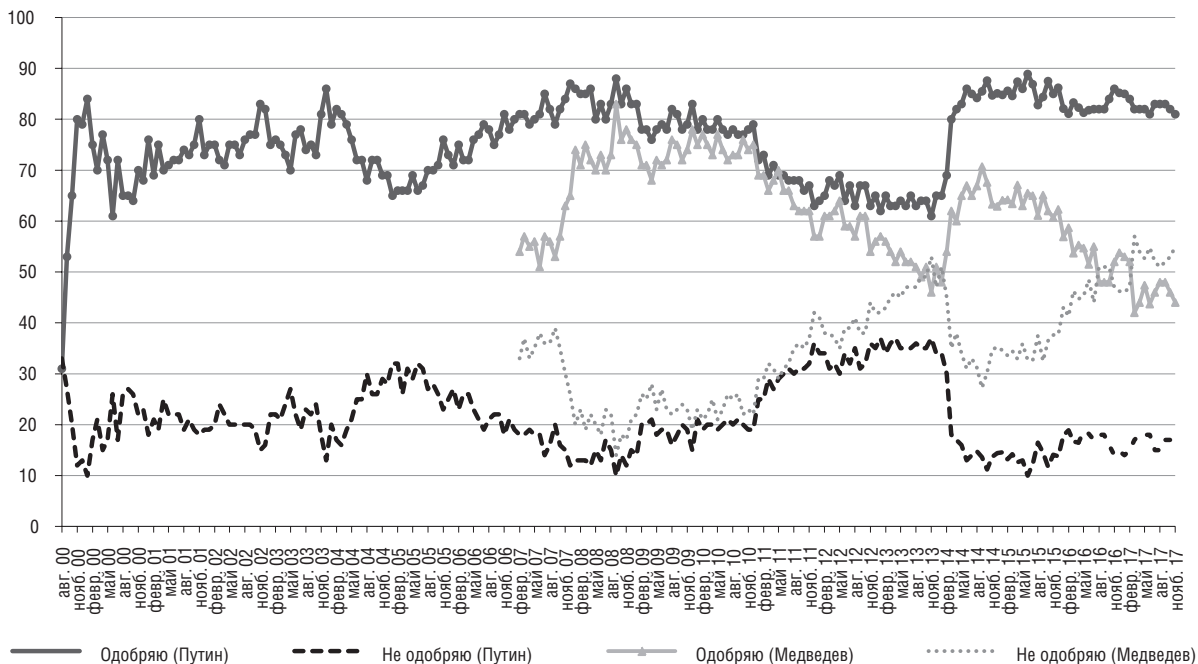
В 1994 г. N=3000, в 1995–2001 гг. N=2400, в 2002–2008 гг. N=2100, с 2009 г. N=1600.

9. ОДОБРЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРВЫХ ЛИЦ

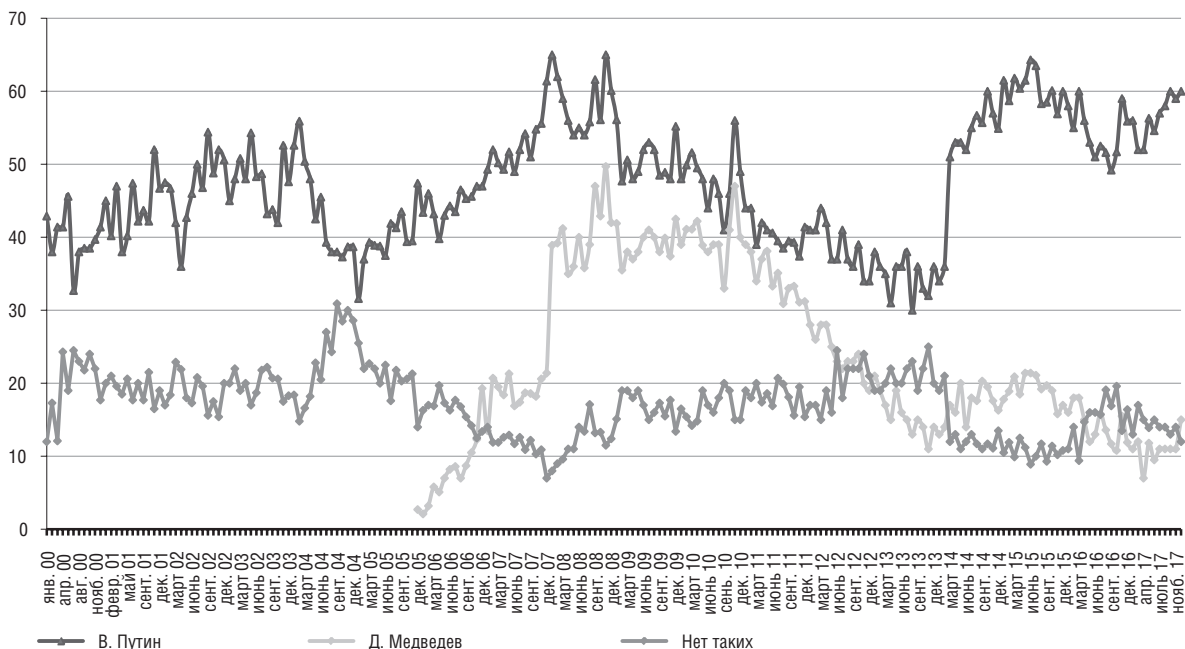
А. 1. «Одобряете ли Вы деятельность Владимира Путина?»;

А. 2. «Одобряете ли Вы деятельность Дмитрия Медведева?»

N=1600.

Б. Доверие к Владимиру Путину и Дмитрию Медведеву (в % от числа опрошенных, по данным «открытого» вопроса: «Назовите, пожалуйста, 5–6 политиков, которым Вы более всего доверяете»)

N=1600.

10. ДОВЕРИЕ К ПОЛИТИКАМ

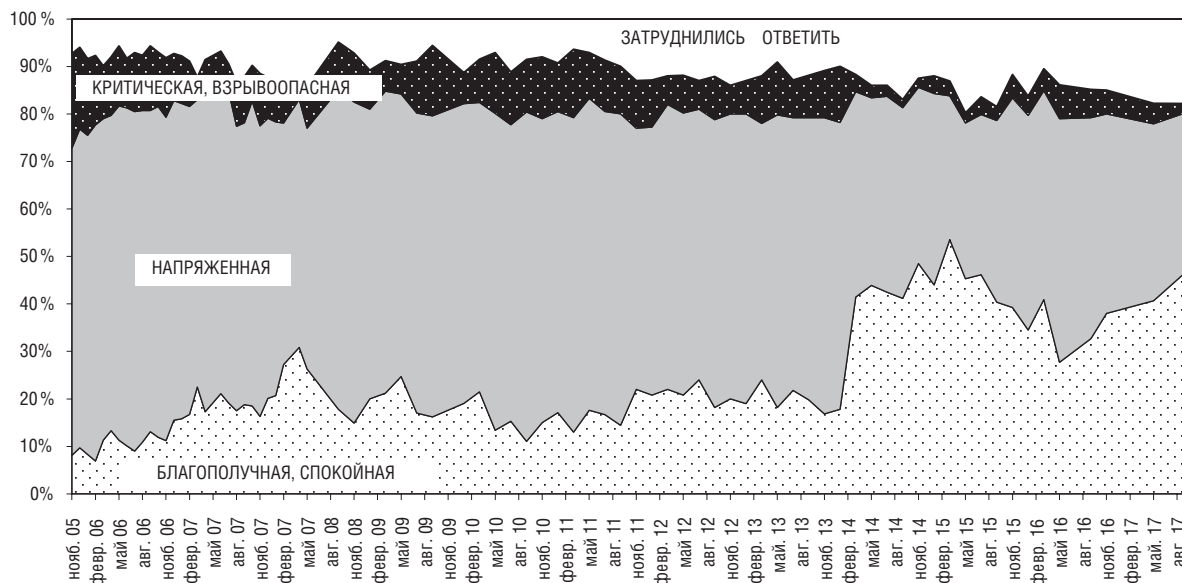
А. Назовите, пожалуйста, 5–6 политиков, которым Вы более всего доверяете (в % от числа опрошенных, приводятся данные о доверии политиков, собравших от 2% и более в последних трех замерах, по данным «открытого» вопроса)

Вариант ответа	2009								2017							
	VII	VII	VII	VII	VII	VII	VII	XII	I	II	IV	V	VI	VII	VIII	X
Жириновский Владимир	11	10	14	10	9	11	14	13	14	14	13	13	12	12	13	11
Захарова Мария	-	-	-	-	-	-	-	3	3	2	2	3	3	4	4	3
Зюганов Геннадий	9	9	11	11	10	10	11	9	9	9	8	8	8	7	9	7
Иванов Сергей	6	6	3	2	1	2	4	2	2	2	1	2	2	1	1	2
Кадыров Рамзан	-	-	2	-	-	-	3	3	3	3	4	6	5	4	5	6
Кудрин Алексей	3	3	2	3	3	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2
Лавров Сергей	6	6	8	4	4	16	16	20	21	22	21	26	21	21	28	27
Лукашенко Александр	4	2	2	1	2	4	4	3	2	1	2	3	2	2	3	3
Матвиенко Валентина	6	3	8	3	4	5	6	3	3	3	3	3	3	3	3	5
Медведев Дмитрий	41	39	35	22	15	18	21	12	11	12	7	12	10	11	11	11
Миرون Сергей	3	3	5	4	3	3	3	4	3	4	3	4	4	3	3	3
Навальный Алексей	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	2	2	3	2	2	2
Патриарх Кирилл	-	-	7	3	5	4	4	4	3	4	4	5	4	4	5	4
Песков Дмитрий	-	-	-	-	-	-	-	2	4	3	3	3	4	4	3	3
Путин Владимир	53	48	40	41	38	55	64	56	56	52	52	56	55	57	58	60
Рогозин Дмитрий	2	2	1	1	2	2	3	2	-	-	-	3	2	1	4	3
Собянин Сергей	-	-	4	3	4	4	5	4	3	3	3	5	5	3	5	6
Шойгу Сергей	16	15	21	11	18	22	1	23	24	22	23	30	26	25	30	30
Нет таких	15	16	21	18	18	13	13	16	13	17	15	14	15	14	14	13
Не интересуюсь политиками, политикой	13	17	15	16	22	14	10	12	14	15	14	13	12	10	11	11
Затрудняюсь ответить	6	6	5	7	4	6	4	5	7	5	7	4	5	7	4	4

N=1600, * – вариант не был назван.

11. ОБСТАНОВКА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Как Вы оценили бы сейчас обстановку на Северном Кавказе?

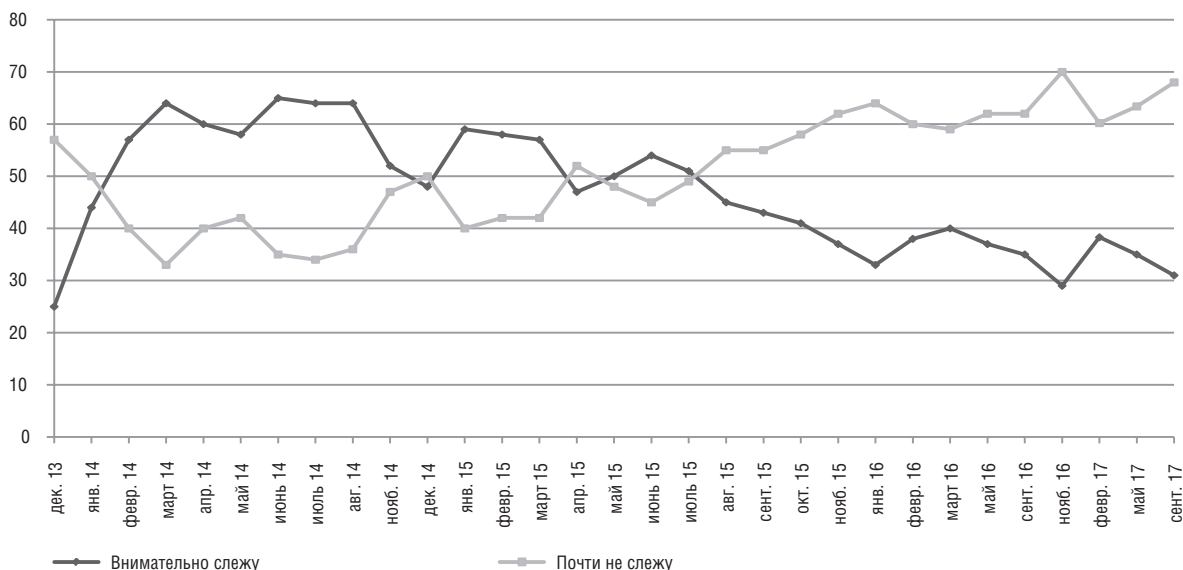

N=1600.

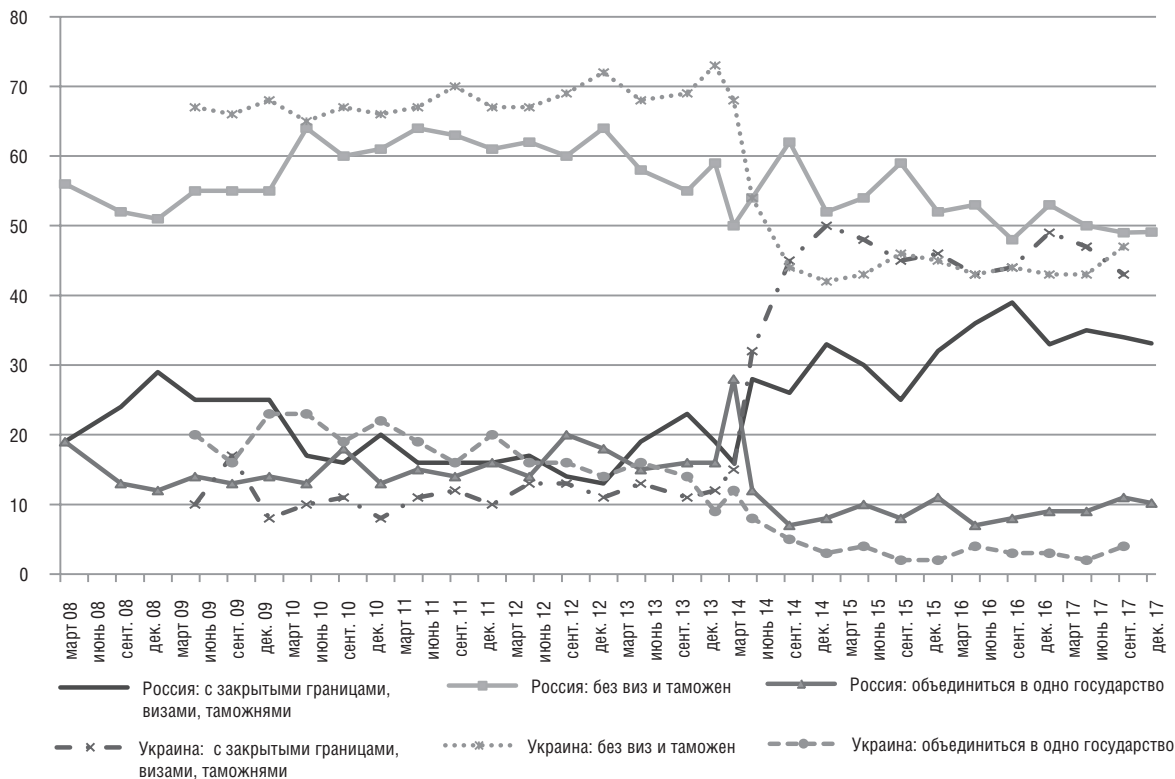
Общий рост поддержки власти и «социального оптимизма» весной 2014 г. сказался и на оценках положения дел на Северном Кавказе — доля людей, считающих, что на Северном Кавказе царит благополучие, остается высокой. Это указывает на переключение общественного мнения с Кавказа на другие проблемы, ослабление интереса к положению дел в этом регионе и поддержку режима Кадырова, обеспечивающего «порядок» в Чечне.

12. РОССИЯ И УКРАИНА

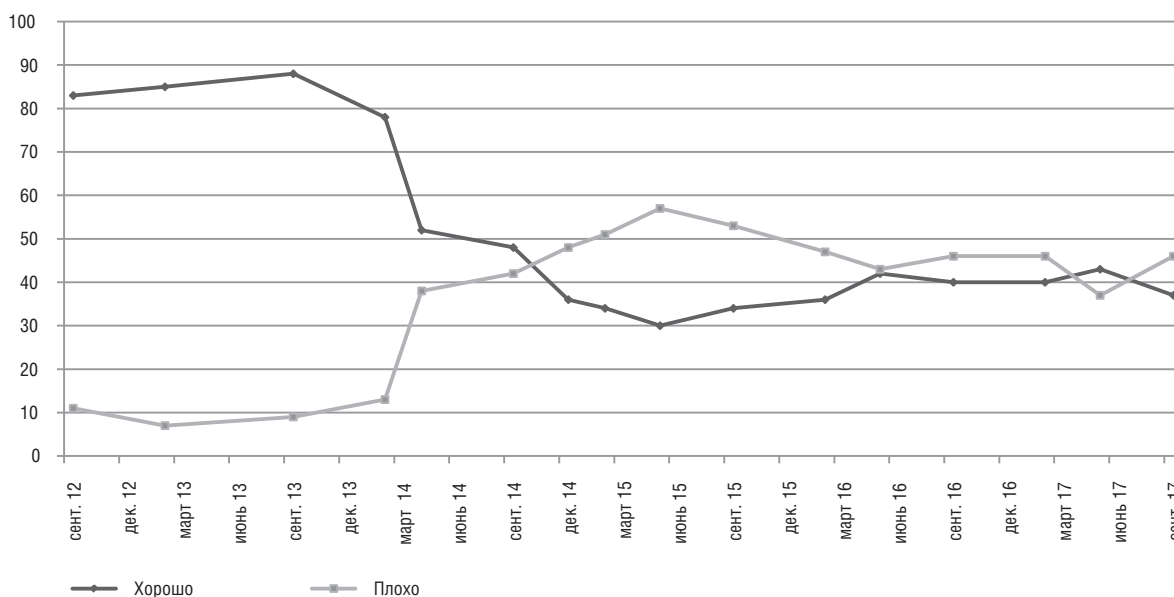
А. «Следите ли Вы за последними событиями в Украине?» (отношение положительных оценок — «очень внимательно» и «довольно внимательно» к отрицательным — «без особого внимания» и «совершенно не слежу»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

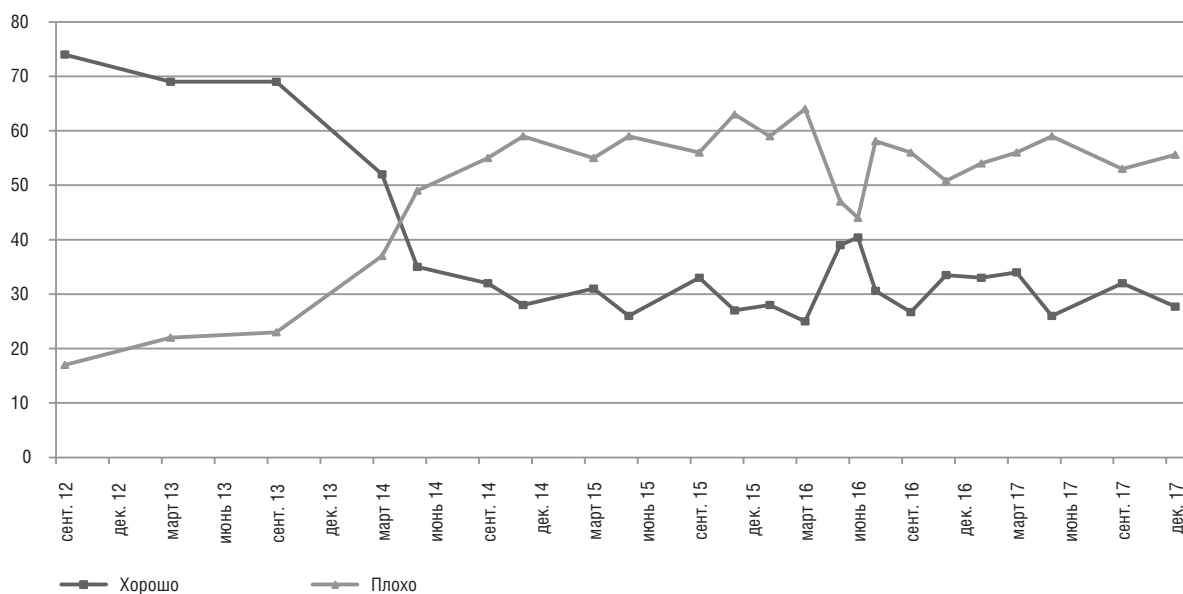
Б. «С каким из следующих мнений по поводу отношений России с Украиной Вы бы скорее согласились?» (данные Левада-Центра и КМИС)

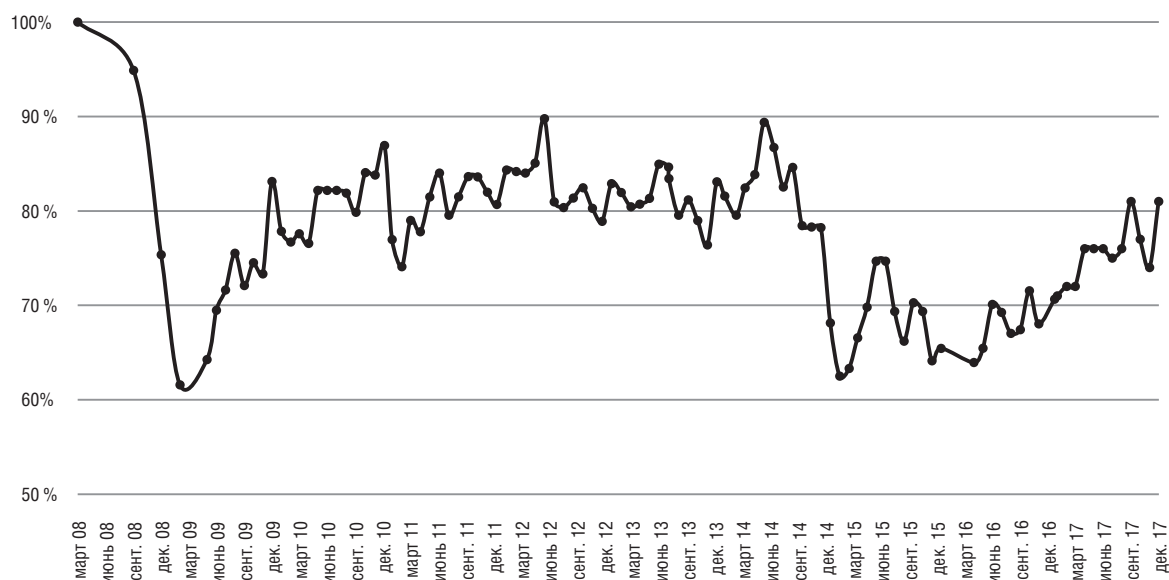
В. «Как Вы в целом относитесь сейчас к России?» Мнение жителей Украины – данные КМИС. (отношение положительных оценок – «очень хорошо» и «в основном хорошо» к отрицательным – «в основном плохо» и «очень плохо»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

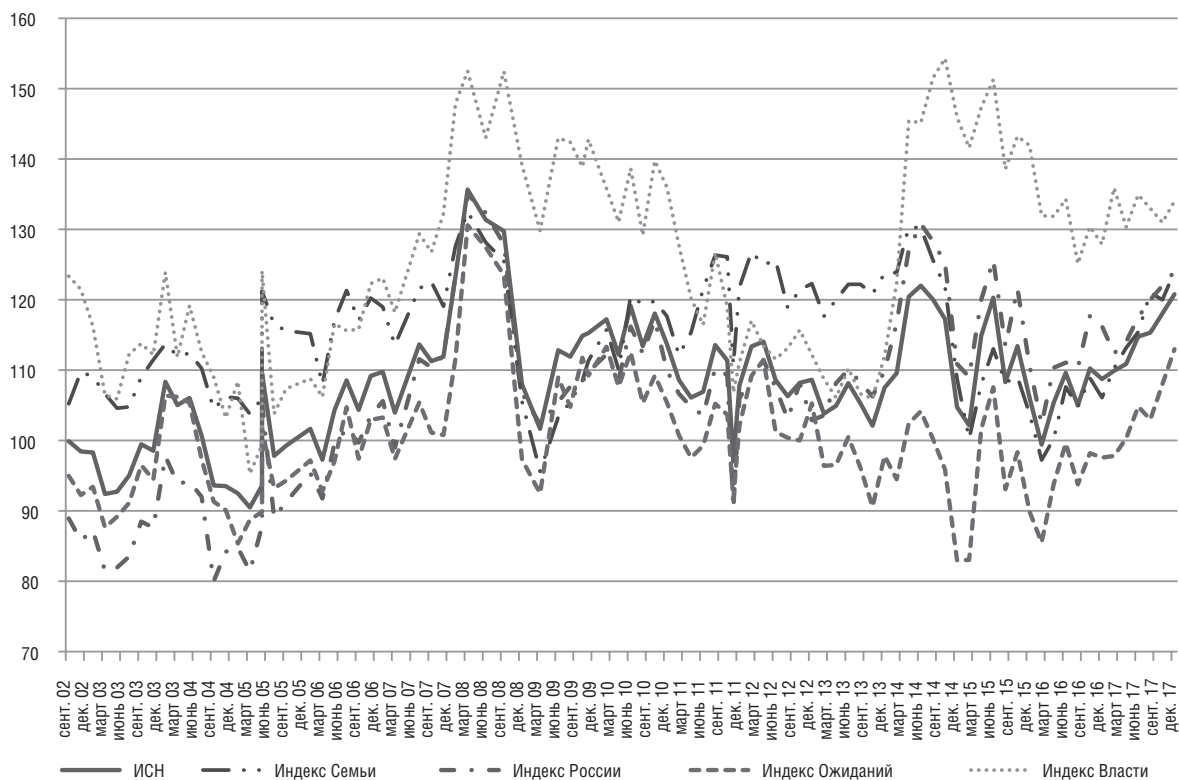
Г. «Как вы в целом относитесь сейчас к Украине?» Мнение россиян – данные Левада-центра. (отношение положительных оценок – «очень хорошо» и «в основном хорошо» к отрицательным – «в основном плохо» и «очень плохо»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

13. ИНДЕКС ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ НАСТРОЕНИЙ

14. ИНДЕКС СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ

В 2017г. динамика общественных настроений была более интенсивной, чем в предыдущем году, и в целом положительной. Индекс потребительских настроений (ИПН) за год увеличился на 15% (в 2016г. – 8%), а Индекс социальных настроений (ИСН) – на 11% (в 2016г. было всего 2% роста).

Социальные настроения плавно улучшались на протяжении всего года. Динамика потребительских настроений была сложнее – после интенсивного роста в первую половину года последовал заметный спад, который был компенсирован только в самом конце года, в период предновогодних праздников и покупок.

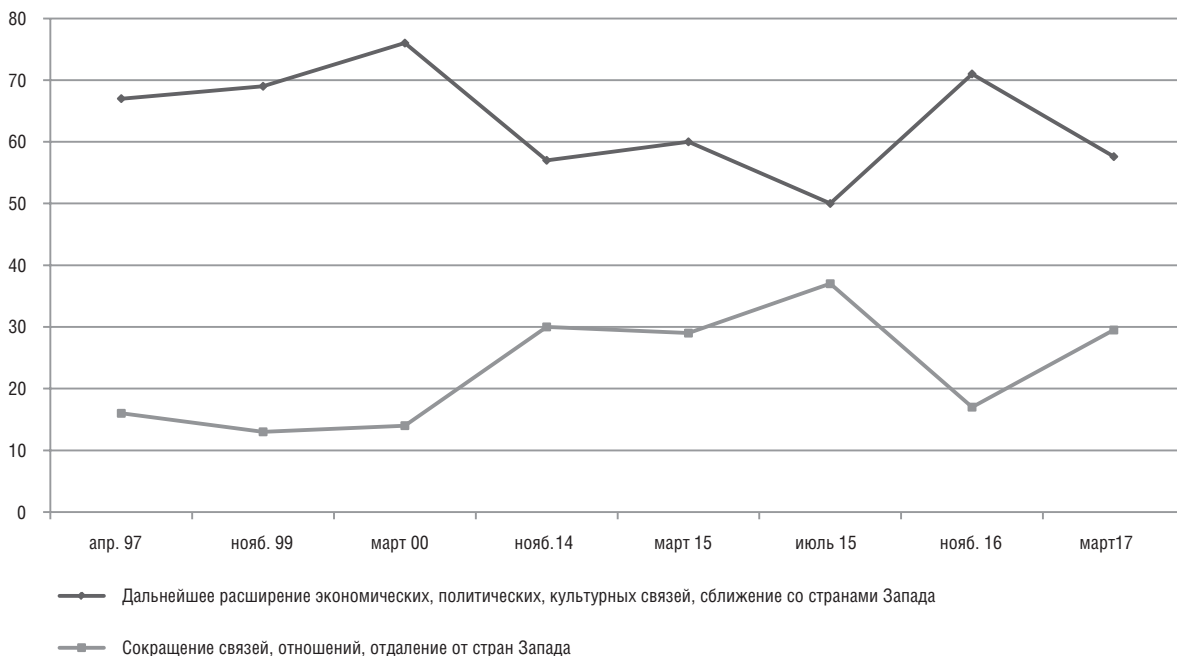
Драйвером роста ИПН в 2017 г. стали субъективные оценки текущих изменений в материальном положении семей – темпы роста этого частного индекса были почти вдвое выше остальных составляющих ИПН. На фоне продолжающегося снижения реальных денежных доходов семей (пусть и неуклонно уменьшающимися темпами) такая динамика может быть объяснена продолжающимся процессом понижательной адаптации потребительских ожиданий с учетом негативных перемен. Другим фактором могло стать снижение фактических темпов инфляции на потребительском рынке. На уровне инфляционных ожиданий этот процесс пока слабо отражается, но может опосредовано влиять на общие оценки изменений материального благополучия семей.

Улучшение социальных настроений в 2017г. также в первую очередь связано с ростом удовлетворенности качеством жизни семей. Одновременно почти в той же мере выросли ожидания на будущее. В составе ИСН в 2017г. менее всего улучшились оценки действий властей (плюс 6%), однако это все же заметно лучший результат, чем в 2016г., когда этот показатель снизился на 10%.

Прирост субъективных оценок материального положения семей в 2017г. не трансформировался в столь же значительное улучшение ожиданий на будущее и увеличение оценок ситуации на потребительском рынке. В этом случае динамика потребительских настроений была бы заметно более позитивной. Напротив, в сводной динамике общественных настроений (ИСН) опережающий рост текущих оценок качества жизни семей сопровождался столь же заметным повышением оптимизма относительно будущего развития страны.

15. ОТНОШЕНИЕ К ДРУГИМ СТРАНАМ

А. «Какого рода политику властей по отношению к странам Запада вы бы скорее всего поддержали?» (затруднившиеся с ответом не учитывались)

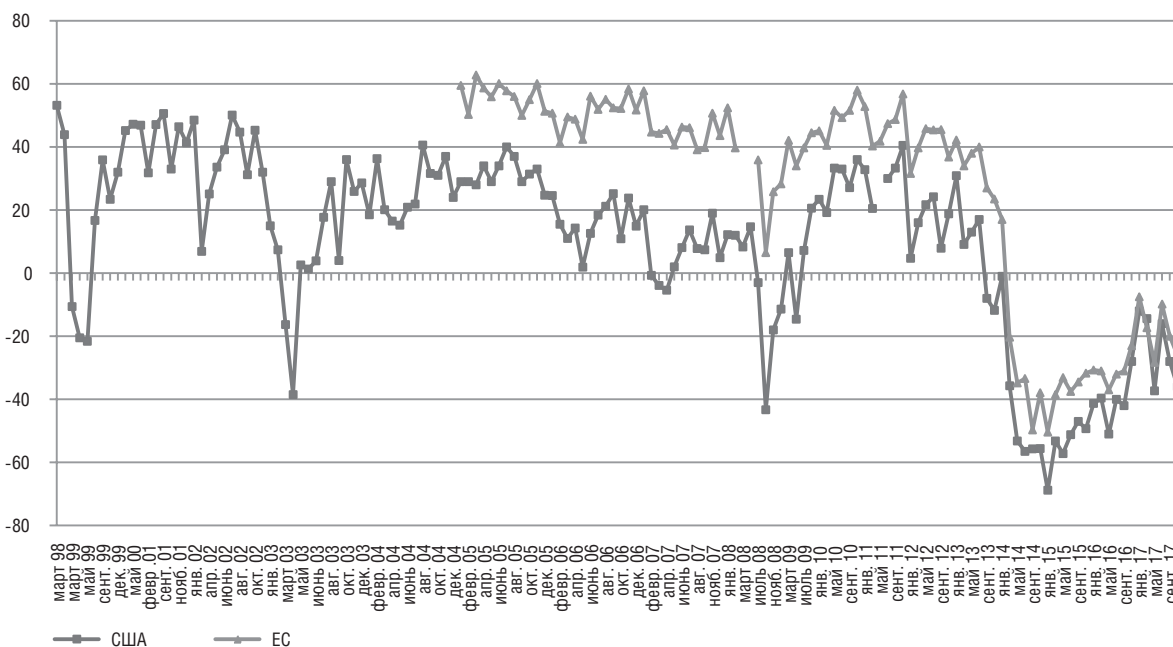
N=1600.

Б. Отношение к США и Евросоюзу

«Как вы в целом относитесь сейчас к Соединенным Штатам Америки?»

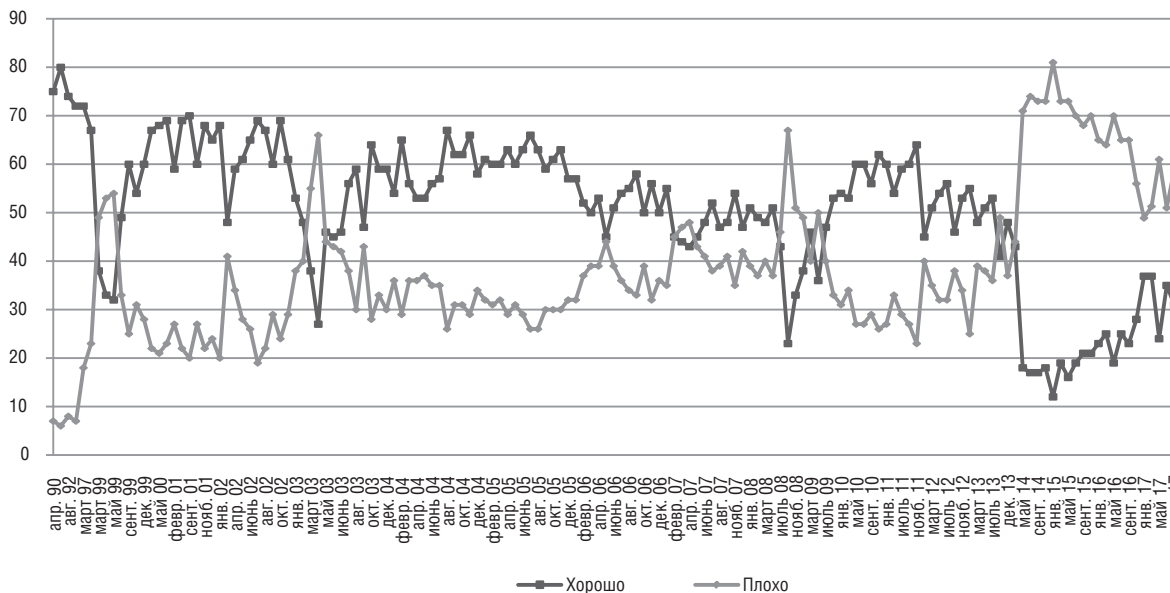
«Как вы в целом относитесь сейчас к Европейскому Союзу?»

(разница положительных и отрицательных оценок по данным закрытых вопросов)

N=1600.

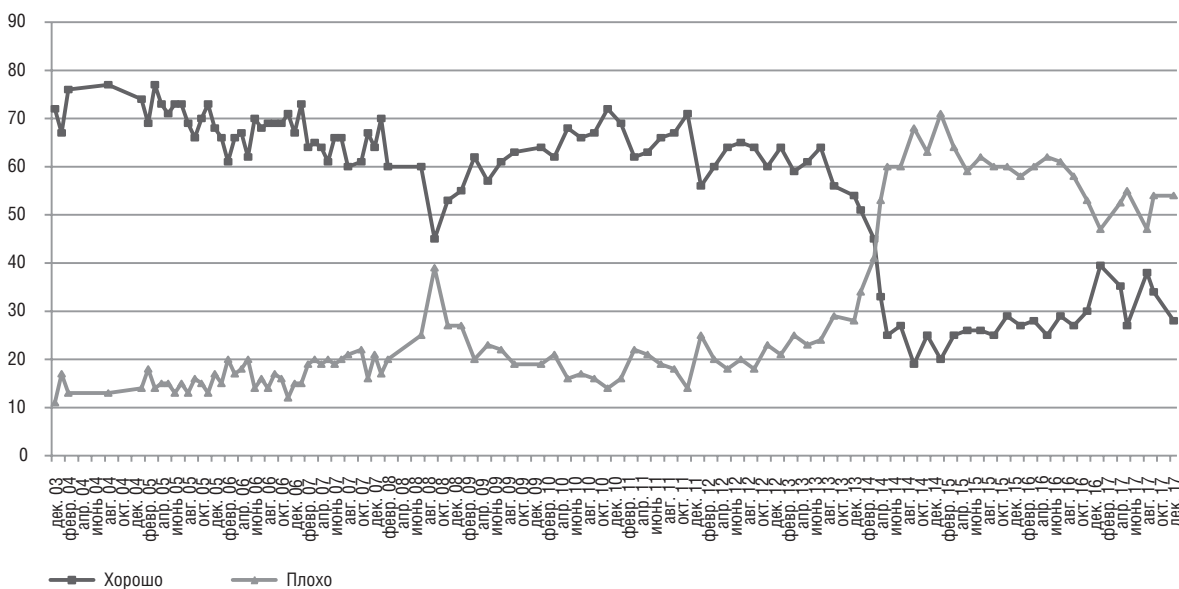
В. «Как вы в целом относитесь сейчас к Соединенным Штатам Америки?» (отношение положительных оценок — «очень хорошо» и «в основном хорошо» к отрицательным — «в основном плохо» и «очень плохо»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

N=1600.

Закончился недолгий период ожидания улучшения отношений России и США после избрания Дональда Трампа.

Г. «Как вы в целом относитесь сейчас к Европейскому Союзу?» (отношение положительных оценок — «очень хорошо» и «в основном хорошо» к отрицательным — «в основном плохо» и «очень плохо»; затруднившиеся с ответом не учитывались)

N=1600.

3. «Назовите пять стран, которые Вы считаете наиболее близкими друзьями, союзниками России...» (приводятся ответы, набравшие от 2% и более в последних трех замерах, по данным «открытого» вопроса; ответы ранжированы по последнему замеру)

	2005 Май	2006 Май	2007 Август	2009 Март	2010 Май	2011 Май	2012 Май	2013 Май	2014 Май	2015 Май	2016 Май	2017 Май
Беларусь	46	47	38	50	49	35	34	46	51	55	50	46
Китай	12	24	19	18	16	18	16	20	40	43	36	39
Казахстан	20	33	39	38	32	33	28	31	37	41	39	34
Сирия	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	10	15
Индия	16	15	14	12	14	16	9	7	13	18	18	14
Армения	9	14	15	15	15	11	11	12	15	18	13	12
Куба	-	-	-	8	10	13	8	9	10	14	10	11
Узбекистан	4	6	6	9	5	7	5	5	6	8	9	9
Таджикистан	3	3	7	9	4	5	4	5	8	7	6	9
Азербайджан	5	7	5	10	8	9	9	8	9	11	7	9
Киргизия	5	7	7	9	4	6	5	5	6	10	7	8
Молдавия	4	4	4	5	3	4	4	6	7	2	2	8
Сербия	3	4	3	5	5	4	4	3	5	8	6	5
Болгария	11	10	9	9	8	9	7	10	8	4	4	4
Грузия	-	-	-	-	-	2	1	2	1	3	2	4
Иран	2	4	3	2	2	1	2	1	2	2	2	4
Япония	4	6	5	5	5	5	4	4	4	2	5	4
Италия	6	7	8	5	8	6	7	5	3	1	3	4
Туркмения	2	2	8	5	1	3	2	2	3	4	2	4
Монголия	-	-	-	3	4	5	2	3	3	6	3	3
Венесуэла	-	-	2	8	10	6	5	6	5	9	6	3
Северная Корея	-	-	-	-	-	4	1	1	3	3	3	3
Израиль	5	3	3	3	4	5	4	3	4	2	3	3
Египет	2	1	2	2	2	5	2	2	2	4	3	2
Германия	23	22	24	17	24	20	17	14	4	2	2	2
Чехия	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	2	2
Франция	13	8	9	9	11	9	9	4	1	1	2	2
Украина	17	10	11	3	20	21	13	16	1	1	2	2
Нет таких/ Затруднились ответить	24	28	28	27	23	26	35	29	29	25	25	26

N=1600.

И. «Назовите пять стран, которые Вы считаете наиболее недружественно, враждебно настроенных по отношению к России...» (приводятся ответы, набравшие от 2% и более в последних трех замерах, по данным «открытого» вопроса; ответы ранжированы по последнему замеру)

	2005 Май	2006 Май	2007 Август	2009 Март	2010 Май	2011 Май	2012 Май	2013 Май	2014 Май	2015 Май	2016 Май	2017 Май
США	23	37	35	45	26	33	35	38	69	73	72	69
Украина	13	27	23	41	13	20	15	11	30	37	48	50
Латвия	49	46	36	35	36	35	26	21	23	25	23	24
Литва	42	42	32	35	35	34	25	17	24	25	23	24
Германия	3	2	2	3	1	4	3	3	18	19	19	24
Польша	4	7	20	10	14	20	8	8	12	22	24	21
Эстония	32	28	60	30	28	30	23	16	21	19	16	16
Великобритания	3	5	3	8	6	8	7	9	18	21	18	15
Грузия	38	44	46	62	57	50	41	33	19	11	10	9
Турция	1	1	1	1	1	1	1	2	1	1	29	8
Франция	<1	1	1	1	<1	1	1	2	5	7	4	8
Япония	6	4	3	3	3	9	6	7	5	6	5	6
Сирия	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	3	4
Канада	1	1	<1	1	<1	1	1	1	7	8	6	3
Афганистан	12	12	11	7	14	15	8	10	5	4	2	3
Ирак	10	9	8	5	9	9	8	7	3	2	2	3
Иран	6	7	7	3	7	7	7	5	2	2	2	2
Румыния	2	2	2	3	3	3	1	2	2	3	2	2
Саудовская Аравия	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	2	2
Нет таких/ затруднились ответить	20	23	19	18	21	15	28	31	20	17	15	14

N=1600.

16. ОСОБЫЙ ПУТЬ РОССИИ

А. «Что, по вашему мнению, входит в понятие “Великая держава”?»

(множественный выбор; ответы ранжированы по последнему замеру)

	1999 Март	2008 Июль	2012 Сентябрь	2014 Ноябрь	2015 Ноябрь	2016 Ноябрь	2017 Март
Высокое благосостояние граждан	63	66	61	60	64	64	62
Экономический и промышленный потенциал страны	64	57	55	60	58	58	58
Военная мощь, наличие ракетно-ядерного оружия	30	37	44	44	51	50	48
Великая культура, наука, искусство	31	31	27	23	25	23	22
Уважение других стран и авторитет в мире	35	24	19	19	20	18	19
Богатые природные ресурсы	14	19	21	20	18	17	18
Свободы и гражданские права	15	16	17	13	15	11	14
Героическое прошлое	7	10	10	13	9	10	12
Масштабы страны, просторы	4	8	10	16	9	10	11
Численность населения	2	5	5	6	5	5	7
Другое	1	1	1	1	1	<1	<1
Затруднились ответить	4	2	2	2	1	1	1

N=1600.

Б. «Государством какого типа вы хотели бы видеть Россию в будущем?»

	1998 Декабрь	2002 Сентябрь	2008 Октябрь	2013 Апрель	2014 Март	2014 Апрель	2015 Ноябрь	2016 Ноябрь	2017 Март
Государством с рыночной экономикой, демократическим устройством, соблюдением прав человека, подобным странам Запада, но со своим собственным укладом	29	33	34	33	37	29	31	33	31
Мне все равно, какой тип государства будет в России, мне важно лишь, насколько хорошо буду жить я и моя семья	29	27	29	26	22	29	27	33	28
Государством с совершенно особым устройством и особым путем развития	13	14	19	19	18	21	24	16	23
Социалистическим государством с коммунистической идеологией	17	20	10	12	17	13	10	11	10
Империей, монархией, подобно той, какой была Россия до 1917 года	3	3	3	3	2	4	3	3	5
Затруднились ответить	9	3	5	7	5	6	5	4	3

N=1600.

ПОПУЛИЗМ В РОССИИ И МИРЕ¹

Николай ПЕТРОВ

Эволюция популизма в российской политике

Популизм, привлекающий в последнее время особое внимание, — неотъемлемый атрибут публичной политики. При этом отношение к нему совсем не обязательно должно быть негативным. Популизм может быть оболочкой политики и выполнять определенную роль, позитивную или негативную, в зависимости от ее содержания. Если «негативному П» можно противопоставить ответственную политику, то «позитивному П» противопоставит игнорирование общественного мнения.

Чаще всего под популизмом понимается система действий политиков, ради сохранения или получения власти эксплуатирующих недовольство граждан элитами, паразитирующих на общественных фобиях и обещающих легко решить проблемы, осознаваемые гражданами как наиболее серьезные. Эти обещания потом либо надо выполнять, что сложно, либо отвлекать внимание граждан, перебивая другими обещаниями. Власть, таким образом, берется политиками-популистами в кредит под заведомо запретительно высокие проценты; когда сохранить ее можно, только меняя по ходу правила игры. Лидер-популист претендует на представительство интересов всей нации, которая по определению достойна лучшей элиты, чем имеющаяся.

Чистого популизма у лидера или находящейся у власти политической силы быть не может, всегда будут и элементы ответственной политики, — вопрос лишь в пропорциях. Продвижение любой политики на политическом рынке требует толики популизма, чтобы «продать» политику гражданам. Это отвлекает некоторые ресурсы, доля которых может оказаться

столь велика, что на реализацию содержательных задач ресурсов уже не остается. Тогда, собственно, и возникает феномен популизма — уже не как обертки, а как содержания политики.

Классический популизм возник в условиях прямой демократии, получив максимальное развитие уже в Древнем Риме, где принимал разные формы, часто гипертрофированные. Известно, например, что Юлий Цезарь, пришедший к власти как лидер популяров, умел «незаметно» потакать мнению простого народа. Он устраивал грандиозные пиры и дорогостоящие зрелища, стал кумиром плебса и постепенно взял под опеку государственные институты. При этом власть его опиралась не столько на институты, сколько на умело манипулируемое общественное мнение².

Представительная демократия отчасти сняла проблемы безответственных политиков, угождающих массам ради получения и удержания власти. Элиты стали посредниками между харизматичными политиками и массами. Конечно, элементы популизма как стремления нравиться гражданам, подыгрывать мейнстриму в общественном мнении, в том числе и низменным инстинктам, оставались, но до недавнего времени это не было ни единственным, ни доминирующим дискурсом.

Ситуация резко изменилась с революционными изменениями в коммуникациях. Сейчас полная проницаемость медиaprостранства в отсутствие посредников и фильтров, особенно там, где оно еще и контролируется авторитарным лидером, ведет к возврату к ситуации почти прямой демократии, когда политики-лидеры

¹ Редакция продолжает дискуссию о популизме в России.

² См.: Роберт Э. Цезарь М: Молодая гвардия, 2003. С. 162–194.

обращаются к массам через головы элит, получая таким образом необходимую для избрания общественную поддержку. Это может вести к безответственной политике, причем проецируемой вовне, выходящей за рамки страны, где популисты пришли к власти, и к сокращению горизонтов планирования и политического действия. Таким образом, популизм — это снижение роли политических элит как стабилизатора, фильтра и гаранта учета стратегических интересов.

Последние годы дали яркие примеры торжествующего популизма в самых разных странах — в России, Турции, Италии, Испании, Великобритании, США, Германии, во Франции. Представляется, однако, что при определенном сходстве в формах проявления природа этого явления и главные его последствия могут быть различными в странах разного типа.

Не претендуя на исчерпывающий анализ проблемы, выскажем некоторые соображения относительно роли популизма в российской политике.

Россия — страна развитого популизма

С середины 1980-х годов сначала СССР, а потом Россия продемонстрировали широкую палитру типов и форм популизма и могут служить полигоном для изучения его разновидностей. Это и контрэлитный популизм Б. Ельцина, поднявшегося на волне борьбы с привилегиями. Это и ретропопулизм КПРФ / Г. Зюганова с рассказами о прекрасном коммунистическом прошлом. Это и нарочито гипертрофированный политтехнологический популизм В. Жириновского для «сброса пара в свисток». Это и популизм малых дел (от выхухоли до ЖКХ) СР / С. Миронова. Это в первую очередь и популизм самой власти.

Популизм «Единой России» — особый, безликий или с лица общим выражением, чтобы не затенять президента. Это популизм не деятельный, а рекомендательный, осуществляемый по доброй воле, а то и по поручению президента. Особый случай — ОНФ как вариант квазипартийного, квазилитерского популизма. Имитационная демократия, в принципе, предлагает популизм на любой вкус. И ничего, кроме популизма.

Популизм власти, не менявшейся долгие годы, хорош против новых, особенно воображаемых, угроз. Поэтому таковые должны постоянно возникать. В противном случае, как, скажем, в случае борьбы с коррупцией, законо-

мерен вопрос: почему власть не предотвратила возникновение этой коррупции, чем власть занималась все эти годы?

Отсутствие публичной политической конкуренции и табуирование критики лидера, вкупе с недостаточной политической зрелостью и образованностью граждан, усугубляют негативный эффект. Безвластие и безответственность оппозиции провоцируют соревнование последней в популизме с партией власти. Популизм, таким образом, задает общую рамку, действует разлагающе и на социум, и на политику. Соответственно популизм плох и сам по себе как эрзац ответственной политики, и тем, что развращает политиков и граждан.

Сам В. Путин — прекрасный пример политика-популиста. Профессиональный адресный популизм Путина проявился с первых дней его прихода к власти. Вспомним демонстрацию близости к народу с хлесткими формулировками вроде «мочить в сортире» и пр.; домашний концерт Нани Бреговдзе с коленопреклоненным премьером, очаровавшим московскую интеллигенцию, и появление Путина на финале теннисного Кубка Кремля, когда победил Е. Кафельников; приезд с силовиками в президиум РАН на совещание по докладу миссии по Северному Кавказу с демонстрацией уважения к экспертам; инициативу с принятием модифицированного советского гимна. В дальнейшем В. Путин перехватывает у других политиков и сил привлекательные для граждан лозунги и темы, будь то коммунистическая символика, ностальгия по СССР и победа в Великой Отечественной войне (у коммунистов), церковь и Севастополь (у Ю. Лужкова), борьба с коррупцией (у А. Навального), антизападничество (у В. Жириновского)¹.

Антинегативный популизм

Во время президентских выборов 1996 года Б. Ельцин много ездил по стране и раздавал обещания: построить мост, аэропорт и др.² Потом, после победы, Ельцин честно признался, что денег на выполнение данных им обещаний

¹ См. развернутую таблицу «заимствований» В. Путиным у таких политических акторов, как Г. Зюганов, В. Жириновский, А. Лебедь, Ю. Лужков, Е. Примаков, А. Собчак, Г. Явлинский. [Электронный ресурс]. <http://uchebnik.biz/book/255-sredstva-massovoj-informacii-postsovetsoj-rossii/26-shtandartenfurer-shtirlic-nash-prezident.html>

² См.: Хронология президентской кампании 1996 г. // Политический альманах России. 1997 / Под ред. М. Макфола и Н. Петрова. М.: Моск. Центр Карнеги, 1998 Т. 1. Выборы и политическое развитие. С. 228–237.

нет — «извините, россияне»¹. Хотя, как показал Генри Хейл², регионы, где Ельцин побывал в ходе кампании, получили дополнительные деньги. Такого рода позитивный популизм вообще очень затратен, а при долгом нахождении политика у власти создает завышенные ожидания, делая каждую новую популистскую волну еще более затратной. Know how Путина — популизм антинегативный. Это популизм власти, стесненной в средствах. Суть его в том, что сначала создаются негативные общественные ожидания, а затем, когда по доброй воле власти они не реализуются, последняя получает лавры от того, что они не реализовались. В плюс власти, таким образом, идет не реализация позитивных ожиданий, а отсутствие реализации ожиданий негативных.

В качестве первого классического примера антинегативного популизма можно привести победу «Единства» над блоком «Отечество — Вся Россия» (ОВР) в 1999 году, когда на фоне фобий в связи со взрывами жилых домов оказались невостребованными тщательно разработанные программы по выводу экономики из кризиса и пр. Соображения безопасности, предлагаемой обновленной властью, их перевесили.

Другой пример — история с повышением цен на водку в 2011 году. Минфин тогда предложил поднять акцизы на этиловый спирт за три ближайших года почти вчетверо, что привело бы к двукратному росту цены на водку. Премьер-министр В. Путин, дав дискуссии по поводу водочных цен разгореться, призвал «простых, линейных предложений не формулировать». Цена в результате была повышена, но «лишь» на 20%³. Причем, если обычно цены индексируются ежегодно с учетом повышения акциза на спирт и инфляции, то в 2012 году — было сделано исключение: ставка акциза на спирт поднималась в два этапа: на 10% с 1 января 2012 года

¹ «Очевидным обманом избирателей, неприкрытой покупкой голосов, голым популизмом были и щедро раздававшиеся Б. Ельциным обещания относительно помощи всем и каждому: обманутым вкладчикам и потерявшим деньги в результате реформы, работникам науки и вузов, селянам и молодежи, армии и предприятиям ВПК; заявление о переходе армии с 2000 года на контрактную систему, о программах помощи многим регионам и отраслям и т.д. Значительная часть данных Б. Ельциным обещаний оказалась ревизованной сразу после второго тура, в дальнейшем о большинстве из них и не вспоминали». Там же. С. 259–260. Об обещаниях Б. Ельцина см. также: Борис Ельцин. Несдержанные обещания. [Электронный ресурс]. <http://medialeaks.ru/elcin>

² Hale H.E. Russian Patronal Politics Beyond Putin // *Daedalus*. Spring 2017. Vol. 146. No. 2. P. 30–40.

³ [Электронный ресурс]. <http://www.opoccuu.com/vodka-zena.htm>

и еще на 20% с 1 июля, минимальная же цена на водку была повышена с июля, уже после выборов, но сразу почти на 30%.

Сюда же можно отнести постоянно озвучиваемые предложения правительства и его финансово-экономического блока о повышении налоговой нагрузки, пенсионного возраста и т.д.; ряд жестких законопроектов, заблокированных президентом; помилования некоторых случайных жертв репрессивного законодательства и пр.⁴ Помилование представляет особый интерес. С одной стороны, в паре с дикими сроками по незначительным поводам это антинегативный популизм и механизм приучения/привыкания общества к репрессивному законодательству. С другой — демонстрация монополии В. Путина, который еще в 2002 году распустил комиссию по вопросам помилования при президенте РФ, объяснив это следующим образом: «Они только жалели, а нужно не только жалеть». При этом, если в 2001 году, за последний год существования, «комиссия Приставкина» помиловала 8650 человек, то с тех пор издается от двух до пяти президентских указов о помиловании в год⁵. Здесь важно и то, что помилования стали носить штучный характер, и то, что теперь их осуществляет лично лидер.

С ростом во второй половине 2000-х финансового благополучия потребность власти в антинегативном популизме сократилась, и власть все сильнее начала использовать позитивный популизм, всячески выпячивая рост экономики и благосостояния граждан в качестве своих успехов и используя в качестве негативного фона «лихие девяностые». К позитивному популизму, в частности, относятся майские (2012 год) указы В. Путина о повышении зарплат работников бюджетной сферы. За выпол-

⁴ Самый свежий пример — помилование в июле 2017 года двух жительниц Сочи, Марины Джанджгава и Анник Кесян, приговоренных по статье за госизмену к 12 и 8 годам колонии соответственно, за то, что в 2008 году они отправили SMS-сообщения в Грузию о движении в сторону республики военной техники.

⁵ См.: Челищева В. Не милосердие, а политическая игра. Владимир Путин ежегодно отпускает из тюрьмы всего пару человек. Почему? *Meduza*, 31.05.2016. [Электронный ресурс]. <https://meduza.io/feature/2016/05/31/ne-miloserdie-a-politicheskaya-igra>. На заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека 30.10.2017 Л.М. Алексеева привела следующую статистику: «Прежней комиссией по помилованию с 1996 по 2001 год, то есть за пять лет, помилован 36 901 осужденный. В тот период в состав комиссии входили такие известные всем люди, как Булат Окуджава, Анатолий Приставкин, Лев Разгон, Александр Бовин. После передачи этой процедуры в регионы с 2002 по 2016 год, то есть за 15 лет, помилованы всего 890 человек». [Электронный ресурс]. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55947>

нение этих указов Кремль и Путин лично жестко и публично спрашивают с правительства и губернаторов, к контролю подключен и ОНФ. Сами указы недостаточно продуманы и взвешены, ценой их выполнения стало разбалансирование бюджетов и огромные долги регионов. Но даже задним числом публично усомниться в необходимости их выполнения невозможно, и, чтобы уменьшить ущерб, правительство идет на подтасовки и арифметические ухищрения. Общий размер предвыборных обещаний президента Путина, которые он дал в 2012 году, составил 2,5% ВВП¹.

Сейчас, когда власть все более стеснена в средствах, опять приходит черед антинегативного популизма. Это и разовые пятитысячные выплаты пенсионерам в начале 2017 года (под выборы, вместо положенной по закону индексации пенсий на размер инфляции), и заявление Путина на совещании с членами правительства России в апреле 2017 года о том, что он не подпишет закон о реновации пятиэтажек в Москве, если тот будет нарушать права граждан.

Другой пример популизма «для бедных» — серия репрессивных законов, за которые шестую Госдуму (2011–2016) назвали «взбесившимся принтером». Именно этому созыву Думы, как показал «Левада-Центр», впервые с 1993 года удалось добиться симпатий большинства россиян. Доля одобрявших ее деятельность росла по мере становления «крымского консенсуса» с мая 2014-го до октября 2015-го: сначала 50%, потом 52%, затем 58%. Впоследствии популярность Думы снизилась до докрымского уровня, оставаясь при этом существенно выше, чем во время первого путинского президентского срока².

Что касается популизма власти, то как потакание массовому запросу он плох не столько сам по себе, сколько в сочетании с отсутствием разделения властей и вообще сильной представительной и судебной властей, а также с отсутствием независимых СМИ. Именно такое сочетание факторов сложилось к концу первого путинского президентского срока, когда популизм из инструмента борьбы за власть превратился в способ ее удержания.

Популизм взятия власти и ее удержания

Постсоветское пространство дает уникальные примеры нахождения политиков-попули-

стов у власти в течение десятилетий. Необходимым условием для этого является наличие авторитарного режима с плотным контролем над медиапространством. Пришедший к власти в Белоруссии на волне борьбы с коррупцией А. Лукашенко является лидером с 1994 года. В. Путин имеет как лидер несколько меньший стаж — 17 лет, но он сменил другого политика-популиста — Б. Ельцина, и таким образом Россия уже более четверти века имеет популистов во главе.

Как это возможно? Самый простой рецепт — покупать любовь сограждан, как это делал еще Юлий Цезарь. Это осуществимо при увеличивающемся притоке ресурсов. В России это происходило практически все нулевые годы и, как показал Д. Трейсман³, рост экономики обеспечивал тогда стабильно высокий или даже растущий рейтинг лидера. Если ресурсы заканчиваются, остается повышать ставки, заменяя ранее обещанное и неданное другим, более ценным. Что, собственно, и произошло в 2014 году с аннексией Крыма.

Если реальных успехов нет, их может заменить создание и «проедание» успехов виртуальных, например, во внешней политике. Поэтому военная кампания в Сирии — это не просто способ переключения внимания с востока Украины или разменная монета в отношениях с Западом, это и скандальные вмешательства в чужие выборы. Для ответа на антиистеблишментский запрос подойдут и умело проводимые репрессии в элитах.

Это возможно в условиях авторитарного режима. При демократическом или гибридном режиме все сложнее. Поэтому первое, что делает политик-популист, придя к власти, — перекрывает потенциальным конкурентам дорогу, по которой сам пришел. То есть подавляет свободу СМИ и обеспечивает контроль над информационной повесткой, подчиняет парламент и суды, устанавливает правила игры и обеспечивает контроль за их соблюдением; осуществляет наступление на свободы на выборах или даже отказывается от последних. Это происходило в начале 2000-х в России, наблюдается сейчас в том или ином виде в Венгрии Виктора Орбана и в Польше Ярослава Качиньского. Если это удастся сделать, режим перерождается в направлении авторитарного, нет — перерождается политик-популист,

¹ См.: [Электронный ресурс]. <https://republic.ru/posts/83622>

² По данным на май 2017 года, доля одобрявших деятельность Госдумы составляла 41%. [Электронный ресурс] <http://www.levada.ru/2017/05/24/majskie-rejtingi-odobreniya-i-doveriya-4/>

³ *Treisman D.* Presidential Popularity in a Hybrid Regime: Russia under Yeltsin and Putin // *American Journal of Political Science*. 2010. [Электронный ресурс]. https://www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/treisman/PAPERS_NEW/Pres%20pop%20final%20for%20website.pdf

трансформируясь в более ответственного, как это, к примеру, произошло с греческим Ципрасом. Если не происходит ни того, ни другого, политик-популист в относительно короткое время теряет власть, уступая ее либо более ответственному (тогда может быть запущен цикл с их чередованием), либо более свежему и поэтому привлекательному популисту.

Российский случай с политиками-популистами у власти в течение четверти века довольно редок. Это результат умелого политического маневрирования и удачного стечения обстоятельств. Следствием такого длительного — на протяжении жизни целого поколения — пребывания популистов у власти является деградация и политики, и социума.

Популизм на марше: 2000–2017 годы

В качестве основных вех современного российского популизма можно отметить следующие:

2000 год — приход к власти новоявленного лидера-популиста В. Путина на волне запроса на безопасность (от террористов с Кавказа, взрывающих дома) и эксплуатации имиджа антипода Б. Ельцина — молодого, спортивного, непьющего, решительного. В свое время обсуждалась даже идея о специальном подборе Путина-преемника под общественный запрос на «современного Штирлица»¹;

2003–2004 годы — «победоносное» завершение второй чеченской войны путем так называемой чеченизации, то есть заключения сепаратной сделки с наиболее влиятельным чеченским кланом и превращения войны из российско-чеченской в чеченско-чеченскую; демонстративное предвыборное давление на элиту (олигархи, «оборотни», старая команда), широкомасштабное объявление и быстрый отказ от болезненных непопулярных реформ;

2005–2008 годы — раскрутка приоритетных национальных проектов в качестве популистской подушки под операцию «преемник» по замене В. Путина Д. Медведевым на посту президента. Сразу после президентских выборов 2008 года — «маленькая победоносная война» в Грузии;

2012–2014 годы — исчерпание модели качества популярности с ростом благосостояния (проблема и с ресурсами, и с их падающей отдачей), регулярные демонстрации наказания коррупционеров среди губернаторов и мини-

стров, майские указы 2012 года и демонстративно жесткий спрос за них на встречах с губернаторами; выстраивание мощной и весьма эффективной пропагандистской машины; Олимпиада в Сочи с торжеством российского спорта; «бескровное» и «бесплатное» взятие Крыма;

2016–2017 годы — публичные выволочки представителям элиты: президенту РАН В. Фортову по поводу избрания чиновников в РАН (и их увольнение с госслужбы), губернаторам за низкие показатели их регионов по программе расселения аварийного жилья, аресты и последующие увольнения губернаторов и министров по «утрате доверия» президента, «Хороший царь — плохие бояре» как формула для популистского удержания власти, показательные репрессии против элит.

Заметен резкий всплеск популизма, начиная с 2014 года, когда нарастание популизма идет рука об руку с ростом персоналистского характера режима. Этот взлет популярности В. Путина и связанное с ним формирование вождистской системы имеет два главных следствия: 1) Путин стал заложником своей сверхвысокой популярности (рейтинг надо беречь и «кормить», чтобы не падал); 2) роль элит — корпоративных, включая силовые, и региональных — объективно снизилась, Кремль перестал с ними церемониться. Новая легитимность — легитимность вождя, а не избранного лидера, которая распространяется сверху вниз и категорически не приемлет любую другую автономную легитимность, в первую очередь электоральную. Отсюда отмены выборов, например, мэров, а там, где это невозможно, игра на снижение легитимности остающихся. После 2014 года власти для поддержания легитимности выборы не нужны, они для нее лишь источник хлопот.

Поиск и формирование нового путинского большинства началось с 2011 года, с созданием ОНФ (май 2011-го) под возвращение В. Путина на пост президента. ОНФ изначально представлял собой корпоративистское catch all образование, но рыхлое, без опоры на политэлиту и четкой оргструктуры. Система трех сопредседателей на федеральном и региональном уровнях удобна для демонстрации представленности разных социальных групп, но не для работы. ОНФ обеспечивает функции контроля за управленческими элитами и их острастки — сочетание элементов хунвейбинства с внешним для элит контролем за исполнением поручений президента.

¹ См., напр.: [Электронный ресурс]. <http://uchebnik.biz/book/255-sredstva-massovoj-informacii-postsovetskoj-rossii/26-shtandartenfyurer-shtirlic-nash-prezident.html>

В ответ на антивластные митинги власть собирала свои, чтобы продемонстрировать многочисленных сторонников — так было в 2011–2012-е и в 2017-м. При этом власть опиралась на административный ресурс, а не на партийные механизмы мобилизации. К мобилизации она вообще относится с опаской, ведь та может выйти из-под контроля.

Популистская стилистика

Есть популизм риторики и популизм действий — стилистический и содержательный. Для примера, стилистический популизм особенно активно использовался во время первого путинского президентского срока, когда денег на популизм содержательный не хватало, позже преобладал содержательный, и после победы на выборах в 2012 году Путин вновь прибег к нему с майскими указами и прочей «заботой о благополучии граждан», а в 2014-м перенес действия вовне и подключил первый особенно сильно.

Использование языка улицы с элементами уголовного жаргона как бы приближает Путина к простому народу, дистанцируя его от высокополобой элиты. Особенно активно президент прибегал к такого рода стилистике в самом начале правления и с наступлением кризиса.

Приведем наиболее сочные выражения В. Путина:

— «*Мочить в сортире*» (1999)¹;

— «*Если вы уж совсем хотите стать исламским радикалом и готовы пойти на то, чтобы сделать себе обрезание... то я вас приглашаю в Москву. У нас многоконфессиональная страна, у нас есть специалисты и по этому вопросу, и я порекомендую им сделать эту операцию таким образом, чтобы у вас уже больше ничего не выросло!*» — на пресс-конференции после саммита Россия — ЕС, в ответ на заявление одного из журналистов о том, что Россия подавляет свободу в Чечне (2002);

— «*Захлебнетесь пыль глотать, бегая по судам, чтобы их (капиталы) разблокировать!*» (2002);

— «*Не Пыталовский район они получают, а мертвого осла уши*» (2005);

— «*Если будем сопли жевать годами, тогда ничего не изменим. Надо принять все меры для*

стимулирования переработки леса на территории России, а не гнать кругляк за границу. А то шуруют туды-сюды в огромных количествах, и ничего не сделано... С 1999 года рассматриваются проекты... И ни хрена не происходит» — на совещании с ключевыми членами кабинета министров (2006);

— «*Конечно, болезнь есть болезнь. Но, думаю, ему нужно как можно скорее поправиться. Иначе придется послать ему доктора и зачистить все эти проблемы*» — о владельце «Мечела» И. Зюзине, по болезни не присутствовавшем на совещании по черной металлургии (2008);

— «*Мы знаем, в данном случае они залегли на дно. Но это уже дело чести правоохранительных органов — выковырять их с этого дна канализации на свет божий! Это будет сделано*» (2010);

— «*Вопреки моим ожиданиям дело стали раскручивать и докатили до суда, а суд залепил им душечку...*» — о деле «Пусси Райот» (2012);

— «*Если бы у бабушки были внешние половые органы дедушки, она была бы дедушкой, а не бабушкой*» — комментируя вопрос о падении курса рубля на пресс-конференции в Милане (2014);

— «*Кто первый встал, того и тапочки*» (2016);

— «*Какие отпечатки пальцев? Отпечатки копыт, рогов? Чьи это отпечатки?*» — на вопрос американской журналистки о причастности России к хакерским атакам (июнь 2017);

— «*Откуда такая борзота, такое хамство по отношению к людям?*» — в отношении директора завода, много месяцев не выплачивавшего зарплату сотрудникам и заявившего: «*Пока президент ко мне лично не обратится, зарплату никто не получит*» (июль 2017).

Заметим, что уже летом 2017 года в преддверии выборов-2018 официальные сообщения о встречах В. Путина с губернаторами стали начинаться с демонстрации президентом знания о проблемах простого человека и заботе о нем, со строгими указаниями губернаторам.

Публичные разносы элитам практиковались в свое время в отношении целого ряда региональных лидеров: Ю. Горячевым в Ульяновской области, Д. Аяцковым в Саратовской и др. Сегодня из заметных губернаторов-популистов такого рода остаются только А. Тулеев на Кузбассе и Р. Кадыров в Чечне. И это скорее исключения из общего правила.

Популизм, как и делегативная демократия, не может быть двух- и более этажным. Политики-популисты во власти плохо уживаются друг с другом. Кроме начала карьеры лидеры-по-

¹ Философ и социолог, член-корреспондент РАН Михаил Руткевич, ссылаясь в 2000 году на данные опроса общественного мнения, отметил заявление Путина после терактов в Москве о том, что «бандитов будем мочить в сортире», как получившее широчайший отклик в обществе. Руткевич М. Н. Президентские выборы — 2000: социологический анализ // Социологические исследования. 2000. Вып. 10.

пулисты в большинстве своем надпартийны и внепартийны.

Вот как о популистской стилистике В. Путина пишет А. Колесников: «Удивительным образом на символическое, окутанное ритуалами кремлевского величия политическое тело работает и природное тело президента. Оно, как кажется на первый взгляд, не сакрализовано — хотя бы потому, что президент России не без удовольствия и часами общается с разными аудиториями. Нельзя сказать, что он доступен, — между ним и гражданами лежит зачищенное сотрудниками ФСО пустое пространство. Но сама его манера разговора вполне простонародная. Язык — с самого начала правления, после знаменитой фразы “Мочить в сортире”, сложившей все стереотипы политического дискурса, — жесткий, ироничный, почти обценный. Власть говорит на языке улицы, идентифицируя себя с “простым народом”. И, казалось бы, тем самым она должна десакрализироваться, перестать быть волшебной, расколдоваться. Но такого сорта “уличный” популизм не десакрализирует второе, политическое тело президента. Его символическое значение хранителя всего священного, всех “духовных скреп” не исчезает»¹.

Субституты на службе у популизма

Выхолащивание и субституционализация институтов, их подмена субститутами характерны для российской политической системы, в высшей степени персоналистской и популистской. Характерна подмена слабеющих институтов субститутами — функциональными аналогами институтов, не имеющими, как правило, самостоятельной легитимности и лишенными возможности прямого действия². Последнее особенно важно, потому что их действия опосредует лидер, получая на этом очки, и потому что обеспечивается жесткий постоянный контроль, позволяющий в любой момент «убавить-прибавить» газу.

«Субститут — институт» — это дуализм, два полюса. Они редко встречаются в чистом виде и обычно слиты воедино, находясь в постоянно меняющихся каких-то пропорциях (гибридность на уровне отдельного института). Поэтому важна еще и производная, пока-

¹ Колесников А. В ожидании четвертого срока. Российский политический режим за год до выборов. [Электронный ресурс]. <http://carnegie.ru/2017/04/04/ru-pub-68501>

² Подробнее о субститутах см.: Петров Н. Политическая механика российской власти: субституты против институтов // Вестник общественного мнения. 2009. № 4 (102). С. 5–23. [Электронный ресурс]. http://www.levada.ru/sites/default/files/vom_2009.4_102.pdf

зывающая, происходит субституционализация или институционализация. Важным примером могут служить элита как институт и номенклатурная элита или просто номенклатура как соответствующий субститут. Со временем любая номенклатура, поначалу практически не обладающая самостоятельной субъектностью, институционализируется, приобретая черты относительно автономного актора. В известной мере именно это произошло с путинскими назначениями в российской номенклатуре, которые эволюционировали в сторону элиты. В 2016 году Путин сильно встряхнул эту полуэлиту/полуноменклатуру, снова превратив ее в субститут.

В отличие от создания субститутов, имеющих четкую дату появления, субституционализация институтов может происходить постепенно, без резких контрастов. Есть, впрочем, и исключения. Так, переход в 2000 году на новую схему формирования СФ стал резким ослаблением его институциональной составляющей и усилением субституциональной. А объявление в 2004 году перехода на назначаемость губернаторов резко ослабило институт губернаторов в целом (одновременно ослабив и федерализм) и глав регионов в отдельности. Введение в 2012 году муниципальных фильтров на формально «восстановленных» прямых губернаторских выборах превратило их из института в субститут.

Обратных примеров превращения субститутов в институт российское политическое развитие с 2000 года не дает, хотя некоторые примеры усиления институциональной составляющей привести можно. Таким образом, развитие путинского режима можно описать не просто в терминах ослабления институтов, но как подмену институтов субститутами и субституционализацию, выхолащивание остающихся институтов.

Многие из субститутов, множившихся с приходом В. Путина к власти, стали вехами и даже несущими конструкциями крепнувшего популизма. Приведем наиболее важные.

1999 (1/1)³ — Центр стратегических разработок (ЦСР) как штаб по выработке новой стратегии (потом о нем забудут на долгие годы, пока в 2016-м он не будет воссоздан для разработки стратегии-2024 под руководством А. Кудрина) и Совбез как стратегическое правительство;

³ В числителе дроби показано количество субститутов, связанных с популизмом; в знаменателе — общее количество субститутов, появившихся в соответствующем году.

2000 (2/2) — Госсовет и его президиум с рабочими группами, разрабатывающими «судьбоносные» проекты; полпреды в федеральных округах и разветвленная система советов при них;

2001 (3/4) — Гражданский форум, «Прямая линия» с В. Путиным; начало работы веб-бригад для дискредитации в Интернете нежелательных для власти позиций и текстов (в 2014-м они превратятся в «фабрики троллей»);

2002 (1/2) — развертывание сети общественных приемных ГФИ;

2003 (1/1) — запуск Георейтинга ФОМ — регулярных массовых закрытых соцопросов в регионах РФ;

2004 (3/4) — Институт общественного проектирования (ИНОП) как Центр разработки политических проектов, пиара, грантооператор правительства; Общественная палата РФ; «Валдайский клуб», регулярно обеспечивающий Кремлю аудиторию ведущих западных экспертов;

2005 (6/6) — общественные советы при ведомствах; политические клубы ЕР; молодежные движения «Наши» и др.; Всероссийский молодежный форум «Селигер»; объявление программы приоритетных национальных проектов — «инвестиций в человека»: 1) здравоохранение, 2) образование, 3) жилье, 4) сельское хозяйство (немного позже добавлены культура и демография); разработка и публичное представление стратегий социально-экономического развития регионов;

2006 (1/4) — «Политзавод» — молодежные праймериз с 20-процентной молодежной квотой в списках ЕР всех уровней;

2007 (1/6) — образование Института современного развития (ИНСОР) для подготовки предложений и выработки документов по важнейшим направлениям государственной политики;

2008 (2/8) — тандем с сохранением большинства завязанных на В. Путина субститутов и создание новых, медведевских; общественные приемные лидера ЕР В. Путина;

2009 (1/4) — «антиолигархическое» шоу В. Путина в Пикалеве и рабочие группы правительства по Пикалеву и Байкальскому ЦБК;

2010 (2/3) — межрегиональные конференции ЕР по федеральным округам; общественное обсуждение законопроектов;

2011 (5/9) — создание «Общероссийского народного фронта» (ОНФ) — надпартийной структуры поддержки лидера; Фонд «Институт социально-экономических исследований» (ИСЭПИ), разрабатывающий «Народную программу» для ОНФ; Агентство стратегических

инициатив по продвижению новых проектов; «Большое/открытое правительство»; рейтинговые праймериз ЕР;

2012 (4/18) — майские указы президента с поручениями правительству по повышению благосостояния граждан; муниципальные фильтры на выборах глав регионов; электронные голосования как способ манипулирования (формирование Совета по правам человека); создание Российского военно-исторического общества (РВИО);

2013 (4/10) — «Народный фронт — за Россию» с 10 экспертными центрами общественного мониторинга; интернет-портал Российской общественной инициативы (РОИ); Фонд развития интернет-инициатив; создание мощной пропагандистской машины по формированию общественного мнения в России и за рубежом в виде международного информагентства «Россия сегодня»;

2014 (4/12) — резкое расширение ФоРГО: филиалы в регионах России, запуск рейтинга эффективности губернаторов; общественные советы при министерствах и ведомствах, формируемые через ОП и РОИ; придание ОНФ функций общественного контроля; особый формат пропагандистских политических ток-шоу на всех основных каналах ТВ;

2015 (3/5) — аресты высокопоставленных чиновников, обвиняемых в коррупции, и обыски под камеру; Российское движение школьников — аналог пионерской организации; воссоздание общероссийской общественно-государственной просветительской организации «Российское общество “Знание”» — советской просветительской и пропагандистской организации, существовавшей с 1947 года и в 1990-е годы пришедшей в упадок;

2016 (4/11) — военно-патриотическое движение «Юнармия» на манер советской «Зарницы»; Общественный совет по контролю за строительством крымского моста; спецадрес электронной почты для обращения представителей бизнеса к Генпрокурору; полноформатные праймериз ЕР и сбор наказов избирателей к парламентским выборам;

2017 (4/6) — подбор кандидатов в губернаторы на основе профиля «идеального губернатора» и модели запроса региона; волна путингов-2 — инспирированных властями митингов «против терроризма» после акции протеста 26 марта и теракта в питерском метро 3 апреля; образование Экспертного института социальных исследований (ЭИСИ) — экспертной площадки для администрации президента; создание специаль-

ной системы мониторинга и анализ результатов рассмотрения обращений граждан в государственные органы, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные учреждения, иные организации, осуществляющие публично значимые функции (апрель).

Итак, популистская природа или заметное популистское измерение имеется у каждого третьего субститута, появившегося с приходом В. Путина к власти. Причем на ранних этапах функционирования режима доля популистских субститутов доходила до 3/4 (2001, 2004) или даже 1/1 (1999, 2003), 2/2 (2000) и 6/6 (2005). Новая волна популистских субститутов совпала с завершением президентского срока Д. Медведева и подготовкой к третьему путинскому сроку: 2/3 (2010) и 5/9 (2011). Пики создания субститутов по абсолютному их количеству имели место в периоды серьезных режимных трансформаций: в 2011-м (5) и 2013–2016-е (15).

Наиболее важные из популистских субститутов — несущие — сформировались к началу путинского второго срока: это прямые линии общения с гражданами (2001), сети общественных приемных (2002) и массовые закрытые социологические опросы (2003). К несущим популистским субститутам можно отнести также Общественную палату (2004), «Общероссийский народный фронт» (2011), появившиеся в годы федеральных выборов. Все они продолжают эксплуатироваться и сейчас, дополняемые мощной пропагандистской машиной (2013–2014) и активным разыгрыванием антизападной и антиэлитной карт. Из новейших популистских институтов текущего избирательного цикла стоит отметить введение президентским указом системы мониторинга рассмотрения обращений граждан во все государственные и муниципальные органы, а также учреждения и организации, осуществляющие публично значимые функции (апрель 2017). Система заработала с 1 июля, а вести ежемесячный мониторинг и анализ обращений граждан стала администрация президента со специально уполномоченным на это Фондом информационной демократии. С 6 июля президент, встречаясь с губернаторами, начал разговор с подборки обращений граждан из соответствующего региона во время «Прямой линии»¹.

¹ См., напр., материалы встречи В. Путина с главой Орловской области В. Потомским 6 июля 2017 года. В. Путин: «Я бы хотел, чтобы вы увидели, услышали, как люди, проживающие в Орле, в Орловской области, чувствуют себя, какие вопросы их волнуют, на что они обращают внимание. Вы это читаете, я вам передаю потом». [Электронный ресурс]. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54996>

Популизм и общественное мнение

Популизм, подобно кривому зеркалу, отражает общественное мнение, работая с ним в соответствии с триадой: мониторить — ублажать — манипулировать.

Популистская власть крайне внимательна к флуктуациям общественного мнения. В условиях отсутствия конкурентных выборов и независимых СМИ она стремится узнавать общественное мнение по своим каналам и обладать монополией на знание. Отсюда повышенный интерес Кремля к опросам общественного мнения. Делавшаяся поначалу ставка на собственные закрытые опросы силами ФАПСИ и ФСО не сработала в полной мере в силу недостаточного профессионального уровня и чрезмерной ангажированности этих структур. С середины 1990-х власть стала все более активно работать с Фондом «Общественное мнение» (ФОМ), обслуживавшим ее в период предвыборных кампаний, и постепенно сделала его главным поставщиком эксклюзивной социологической информации. В 2003 году Кремль осуществил замену авторитетного и самостоятельного руководства главного социологического центра — ВЦИОМ, сместив с поста его руководителя Ю. Леваду. Тогда же был запущен масштабный проект «Георейтинг ФОМ», представляющий собой ежеквартальный мегаопрос, проводимый в 69 субъектах (93,3% населения страны) с размером выборки 34 500 человек. Вся эта гигантская и дорогостоящая машинерия используется фактически для измерения политической температуры, которую видят, по сути, лишь несколько политтехнологов в Кремле. В свое время М. Дмитриев, тогда директор ЦСР, автор нашумевшего доклада 2011 года о грядущих протестах, жаловался, что и ему таблицы с результатами опросов приходят с отрезанными столбцами по замерам популярности президента.

Хлеб и зрелища со времен Рима остаются универсальным рецептом популизма. Власть всегда использовала эффектные празднества и спорт для повышения собственной популярности. Известна ранняя история с новоиспеченным премьером В. Путиным на финале теннисного Кубка Кремля — 1999, когда ему позвонили, чтобы он был запечатлен с победившим Кафельниковым. Из последних событий в этом ряду Олимпиада-2014, ЧМ-2018. Спорту, спортивным победам придается особое значение, это дело государственное. Не случайно кураторство видов спорта закреплено за представителями большого бизнеса и большой элиты.

Есть своего рода преемственность между публичными казнями в прошлом при большом стечении народа и нынешними арестами влиятельных сановников с унижительными обысками под камеру.

Власти важно не только постоянно знать общественное мнение в оперативном режиме, но и уметь быстро влиять на него, донося до граждан нужные сигналы. Механизмы манипулирования подробно рассмотрены А. Качкаевой и М. Липман¹. Силу неконтролируемых СМИ В. Путин впервые прочувствовал в связи с гибелью подлодки «Курск» в августе 2000 года — первым и одним из немногих проигранных Кремлем эпизодов. Соответствующие уроки были вынесены еще со времен первой чеченской войны, и вторая, увенчавшаяся успехом, прошла в условиях жесткого информационного контроля со стороны Кремля. В декабре 2013 года в преддверии украинских событий и в самый канун сочинской Олимпиады было ликвидировано РИА «Новости», вместо которого было создано международное информагентство «Россия сегодня». М. Липман сравнивает освещение трех трагедий: «Курск» (2000, телевидение постоянно разоблачает ложь чиновников, В. Путин в ярости, у Б. Березовского отбирают ОРТ); Дубровка (2002, В. Путин в ярости на НТВ, где Л. Парфенов дает перевод по губам беззвучного, представленного Кремлем ролика, и пр., замена Б. Йордана); Беслан (2004, все ТВ под контролем, освещение резко свернуто сразу после штурма — ни очевидцев, ни пострадавших, ни экспертов, и у В. Путина нет претензий)².

Медиагенералов действительно можно отнести к четвертой власти. Не случайна и их незыблемость, как и в случае двух других «вспомогательных» ветвей власти — высших судов и партийных лидеров, занимающих свои посты с конца 1980-х — начала 1990-х. Из трех китов российских электронных СМИ: К. Эрнст возглавляет «Первый канал» ТВ с 1999 года, О. Добродеев ВГТРК с 2000-го, В. Кулистиков (2004–2015) недавно ушел с НТВ по состоянию здоровья.

Можно говорить об эффекте популистского резонанса по модели накачки кристаллического лазера. Здесь одновременно работают популизм власти и контроль над медиасферой в сочетании с замирами общественного

мнения. Считывание властью общественных ожиданий и взаимное их отражение не просто позволяют власти получить максимальный П-эффект, но и представить собственные действия как реализацию общественного чаяния. И Крым-2014 может служить здесь ярким примером.

Величие масштаба и масштаб величия

Колоссальными ресурсами популизма в России являются история и география. Они позволяют демонстрировать величие страны как вовне, так и изнутри и капитализировать его, конвертируя в рейтинги политиков.

До революции в России было четыре императорских общества, которые патронировались монархами: Русское географическое общество (осн. в 1845), Русское историческое общество (1866–1917), Православное палестинское общество (осн. в 1882), Русское военно-историческое общество (1907–1914). Возрождение «императорских» традиций происходило постепенно: в 2009 году министр С. Шойгу, разработавший концепцию возрождения РГО, влачившего к тому времени жалкое существование, возглавил его³, а премьер В. Путин согласился возглавить специально созданный Попечительский совет РГО. В 2012-м власть, вдохновленная опытом РГО, после почти столетнего перерыва возродила сначала РИО, главой которого стал новый спикер Госдумы С. Нарышкин, а потом РВИО (глава — министр культуры В. Мединский, председатель Попечительского совета — вице-премьер Д. Рогозин). И лишь в Императорском РПО, которое еще в 2007-м возглавил бывший премьер, а тогда председатель Счетной палаты С. Степашин, существенных изменений не происходило, даже «императорским» оно стало еще в 1992-м.

Видимо, прав был Д. Тренин, утверждая, что, выходя из XX века, Россия ошиблась дверью и оказалась в XIX, а не в XXI⁴. Правда, похоже, не только Россия.

Почему именно РГО и именно в 2009 году? Сама идея обратиться к географии и геополитике связана с крахом прежних планов восстановления «сверхдержавного» статуса России сначала в экономике, а потом в энергетике. Кроме того, В. Путин в паре с С. Шойгу давно осваивал укромные уголки Южной Сибири и Дальнего Востока, боролся за сохранение ти-

³ До 1917 года эту должность занимали великие князья, а в 1917–2009 — ученые.

⁴ Тренин Д. Россия и мир в XXI веке. М.: Изд-во «Э». 2015. [Электронный ресурс]. http://partnersdnld.litres.ru/static/trials/12/82/23/12822399_a6.pdf

¹ The New Autocracy: Information, Politics, and Policy in Putin's Russia Treisman D., ed., Brookings Institution Press. 2017.

² Lipman M. The Media // Wegren S., ed. Putin's Russia: past imperfect, future uncertain. 6th ed., Rowman @ Littlefield. 2016. P. 127–150.

гров, леопардов, китов и пр., а тут появилась возможность вывести все эти хобби на царский уровень. Да и грянувший мировой экономический кризис располагал к переключению внимания вовнутрь¹. Наконец, штаб-квартира РГО находится (и всегда находилась) в Санкт-Петербурге.

Журнал «Форбс» назвал Попечительский совет РГО, членом которого В. Путин отбирал лично, президентским клубом, оценил в 2013 году совокупное состояние входящих в него бизнесменов в 120 млрд долларов и рассказал, как совет формировался. Всем звонили от имени Путина, объясняли, что дело важное, нужно поучаствовать, а отказывать в таких просьбах не принято. По словам источника из окружения одного из попечителей, такие звонки не редкость: именно так бизнесмены вступали и в Попечительский совет Фонда поддержки олимпийцев, который возглавляет Д. Медведев. Состав участников этих двух советов совпадает больше чем наполовину. На РГО бизнесмены скидываются ежегодно примерно по миллиону долларов. «Слезы, а не деньги», — заметил как-то Путин. Помимо «необязательных» взносов члены Попечительского совета оказывают и прочую помощь, проявляя инициативу: кто-то покупает исторические карты, кто-то финансирует экспедицию, кто-то реставрирует здание РГО².

Добавим, что на сегодняшний день из 37 российских членов Попечительского совета³ 25 входят в сотню наиболее влиятельных российских политиков, в том числе шесть — в десятку наиболее влиятельных, а 21 — в первые 50⁴. Другого такого собрания, сравнимого по политическому весу входящих в него представителей элиты, в стране нет.

Вот перечень членов Попечительского совета РГО (жирным шрифтом выделены имена тех из них, кто входит в первую сотню наиболее влиятельных российских политиков):

¹ «Масштаб, территория, население, наличие природных ресурсов — это, конечно, необходимые составляющие великой страны.... У РГО есть все возможности стать площадкой для диалога между обществом и государством». Из выступления В. Путина на внеочередном съезде РГО 17 ноября 2009 г. [Электронный ресурс]. http://www.rgo.ru/sites/default/files/media/2013/12/protokol_sezda_rgo_18_11_2009.pdf

² См.: [Электронный ресурс]. <http://www.forbes.ru/milliardery/242982-ne-vzletim-tak-poplavaem-zachem-milliardery-opekayut-russkoe-geograficheskoe-obsh>

³ С учетом включенных в Совет в 2017 году госолигархов и госчиновников О. Белозерова, Г. Грефа, А. Костина, В. Литвиненко, Н. Токарева, А. Вайно, И. Сечина.

⁴ См.: [Электронный ресурс]. http://www.apecom.ru/articles/?ELEMENT_ID=3913

Влиятельные иностранцы: правящий князь Монако Альбер II. Глава ВР Р. Дадли, глава «Ферринг фармасьютиклз» и путешественник Ф. Паулсен.

Госчиновники: А. Вайно (глава администрации президента), А. Громов (первый замглавы АП), С. Иванов (глава администрации президента в 2011–2016 годы), С. Собянин (мэр Москвы, глава администрации президента в 2005–2008 годы), С. Лавров (министр иностранных дел РФ), Д. Песков (замглавы АП), К. Чуйченко (помощник президента). Сюда же примыкают спикер СФ В. Матвиенко и ее заместитель, давний соратник С. Шойгу — Ю. Воробьев.

Олигархи: А. Абрамов, П. Авен, В. Алекперов, Р. Байсаров, В. Вексельберг, Ф. Гальчев, О. Дерипаска, В. Евтушенков, М. Магомедов, Л. Михельсон, В. Потанин, М. Прохоров, Г. Тимченко, А. Усманов.

Госолигархи: О. Белозеров (РЖД), А. Бокарев (Трансмашхолдинг), Г. Греф (Сбербанк), А. Дюков (Газпромнефть), А. Костин (ВТБ), В. Литвиненко (СПб, Горный университет), А. Миллер («Газпром»), В. Савельев («Аэрофлот»), В. Садовничий (МГУ), И. Сечин (Роснефть), Н. Токарев (Транснефть), С. Чемезов (Ростех), отставной госолигарх В. Стржалковский, ныне председатель спортобщества «Динамо»⁵.

Кроме звездного попечительского есть в РГО и Медиасовет, куда входят Д. Песков, А. Громов, все медиагенералы, главные редакторы МК, КП, РГ.

Наиболее активны РГО и РВИО, причем не только на федеральном уровне, но и в регионах, где у них имеются отделения, возглавляемые губернаторами и их замами, и попечительские советы с местными олигархами. С подачи В. Путина практикуется и шефство над региональными отделениями со стороны федеральных попечителей и подразделений их компаний, работающих в регионе. Отделения РГО имеются сейчас во всех 85 регионах страны, РВИО — в 80, РИО — в 26.

Имевшее до прихода Шойгу — Путина сугубо профессиональную направленность РГО стало активно заниматься популяризацией красоты, разнообразия и величия страны. Под его эгиду перешел популярный журнал «Вокруг света», работает совместный с ВГТРК телеканал «Моя планета». В настоящее время РГО ведет 600 проектов, включая разработку Концепции развития школьного географи-

⁵ См.: [Электронный ресурс]. <http://www.rgo.ru/ru/obshchestvo/struktura/popchitelskiy-sovet>

ческого образования и проведение съездов учителей географии, Всероссийского географического диктанта, который в 2016 году насчитывал около 200 тысяч участников, работу сети молодежных клубов, многочисленные школьные экспедиции, Всероссийский конкурс «Лучший гид России», Международная археолого-географическая экспедиция «Кызыл — Курагино» (2011–2016), экспедиции Центра подводных исследований (в одной из них, летом 2015 года, к останкам затонувшего в Черном море византийского судна, принял участие В. Путин), проект «Очистка Арктики», проекты по изучению популяций редких видов животных — амурского тигра, белого медведя, дальневосточного леопарда, белухи и др., фотовыставки «Самая красивая страна» в России и за рубежом, дни РГО в парках Москвы. Знаменитые путинские амфоры, поднятые со дна Таманского залива в августе 2011 года, — тоже экспедиция РГО¹.

Кейсы: «Прямая линия»

«Прямые линии» В. Путина обычно привлекают внимание как шоу, одномоментный сеанс популизма. Однако это не только массовое общения лидера с народом, но и предостережение элите, и сбор информации о проблемах, волнующих людей в каждом из регионов. Собственно, таких форматов два — ежегодная большая пресс-конференция в декабре и «Прямая линия» (ПЛ) весной. Обе происходят с привлечением большого количества известных людей, транслируются главными теле- и радиоканалами, обросли традициями и историями.

Первая ПЛ прошла 24 декабря 2001 года, в середине первого президентского срока Путина, когда процесс установления государственного контроля над главными СМИ был в основном завершен. В июне 2017-го прошла уже 15-я ПЛ.

В ходе ПЛ президент в течение трех-четырёх часов отвечает на несколько десятков из двух-трех миллионов вопросов², причем необязательно вопросы имеют постановочный характер. Это происходит днем, в рабочее время, но потом выжимки многократно повторяются в новостях. Согласно данным «Ле-

вада-Центра», ПЛ-2017 смотрела по телевизору половина опрошенных. При этом почти каждый второй считает, что смысл «Прямой линии» в том, чтобы руководство страны было в курсе того, что беспокоит население, каждый пятый считает, что задача в том, чтобы президент мог донести до населения страны политическую линию руководства, и каждый четвертый — что таким образом укрепляется популярность, рейтинг В. Путина. Любопытно, что за последние три года доля тех, кто видит смысл «Прямой линии» в том, чтобы донести до граждан позицию руководства, уменьшилась в полтора раза, зато в три-четыре раза выросла доля тех, кто затрудняется ответить (с 2 до 7%)³.

К последней «Прямой линии» «РИА Новости» подготовило нарезку из наиболее ярких эпизодов «предыдущих серий»⁴. Этот популизм вторичного использования выглядит впечатляюще. Приведем некоторые фрагменты. В 2001 году в ходе первой ПЛ президенту дозвонилась 79-летняя пенсионерка из Волгограда, которая пожаловалась, что она, будучи участницей войны, получает пенсию в 1 тысячу рублей. В. Путин пообещал, что вопрос будет решен. В итоге ежемесячная пенсия пенсионерки была повышена до 1700 рублей. Пятиклассник из Усть-Кута Иркутской области пожаловался на то, что их школа не отапливается, поэтому отменены занятия и школьников могут оставить на второй год. Путин ответил: «Губернатор нас слышит и сделает все необходимое для того, чтобы в кратчайшие сроки восстановить жизнедеятельность учебных учреждений». Уже на следующий день в региональной администрации объявили, что школа в Усть-Куте, где вышла из строя система теплоснабжения, будет восстановлена к 7 января 2002 года и в ней начнутся занятия. А мэр Усть-Кута подал в отставку. В 2002 году к Путину обратилась 11-летняя девочка из Биробиджана, которая пожаловалась, что в ее городе на площади установили не живую, а искусственную елку. Президент поздравил губернатора Еврейской АО с днем рождения и предложил ему сделать себе, а заодно и всем жителям Биробиджана подарок, установив на городской площади живую елку. Уже на следующий день гигантскую ель доставили на площадку на вертолете. Пенсионерка с хутора Дегтяревский Ставропольского края

¹ См.: [Электронный ресурс]. <https://www.rgo.ru/ru/proekty>

² В 2017 году сообщалось о 2,3 млн обращений, из которых более половины вопросов задали по телефону, четверть — по SMS, шестую часть — через социальные сети. Работал сайт <http://moskva-putin.ru/>. Обращения принимались круглосуточно в течение двух недель до ПЛ, этим занимались 200 операторов. [Электронный ресурс]. https://www.1tv.ru/news/2017-06-12/326916-kazhdoyu_minutu_rastet_chislo_obrascheniy_postupivshih_na_pryamuyu_liniyu_s_vladimirov_putinyim

³ См.: [Электронный ресурс]. <https://www.levada.ru/2017/06/30/ryamaya-liniya-s-prezidentom/>

⁴ См.: <https://ria.ru/spravka/20170615/1496400229.html>

дважды выходила на президента во время ПЛ. В декабре 2003-го она пожаловалась, что в их деревне нет воды. А во время прямого эфира в сентябре 2005-го Путин процитировал слова пенсионерки из газеты о том, что воды до сих пор нет. В ходе ПЛ Путин сказал, что как раз в эти дни решается вопрос о представлении кандидатур на должность губернатора Ставропольского края, и подчеркнул, что документы в отношении действующего губернатора подготовлены, но не будут направлены в Ставрополь до тех пор, пока он эту проблему не решит. Уже на следующий день на хутор Дегтяревский пригнали спецтехнику для прокладки водопровода, и воду провели в кратчайший срок.

А вот менее «святочная» история: в декабре 2010 года врач из Иванова в ходе ПЛ сообщил, что во время его ноябрьской поездки в регион в областную больницу была устроена показуха. Из других больниц привезли оборудование, которое после визита было убрано. Медсестрам и врачам было приказано говорить о существенно более высоких зарплатах, чем реальные. Заметим, что история странным образом совпала с моментом наделения губернатора области полномочиями на новый срок. Комиссия Минздравсоцразвития, приехавшая с проверкой, не нашла подтверждения словам врача, однако за другие прегрешения были уволены несколько руководителей лечебных учреждений. Вскоре был уволен и виновник скандала, о чем «РИА Новости» умалчивает, отмечая лишь, что врачу предложили пройти специализацию в Москве. Губернатор, кстати, был наделен полномочиями, а через некоторое время стал федеральным министром.

В апреле 2016 года ПЛ началась с видеовопроса жительницы Омска, которая рассказала о плохом состоянии дорог в городе. Власти города и области заверили, что работа по приведению в нормальное состояние дорог ведется и в текущем году на омские дороги будет выделено более миллиарда рублей. По сообщению мэрии города, 15 апреля, то есть за сутки, ремонтные работы были проведены во всех административных округах.

«Прямая линия» — апофеоз не только популизма, но и системы ручного управления: губернаторы смотрят прямую трансляцию в своих кабинетах, чтобы моментально принять меры и, по возможности, до окончания ПЛ рапортовать о результатах. При этом, с одной стороны, предлагаются простые решения сложных проблем, с другой — лоббируются самые разные

интересы. Насколько такая система неэффективна на деле, говорит недавний эпизод с балашихинской свалкой.

15 июня 2017 года во время ПЛ местный житель рассказал в прямом эфире федеральных каналов о том, что живущие в ближайших ко второй в Подмоскovie по объему свозимых отходов свалке городах Балашихе и Железнодорожном постоянно мучаются из-за этого соседства. В ответ президент продемонстрировал осведомленность в теме и пообещал, что проблема будет решена, в том числе благодаря строительству мусороперерабатывающих заводов в Подмоскovie, причем строить их будет компания «Ростех». Через пять дней, 20 июня, было официально объявлено, что конкурс на строительство этих четырех заводов в регионе выиграла компания АГК-1, в капитале которой присутствует государственная корпорация «Ростех». Кстати, по мнению ряда экспертов, заявление Путина могло ставить целью продавить саму идею строительства мусороперерабатывающих заводов, выбор площадок для которых сталкивается с сопротивлением населения и местных властей¹. Сразу после «Прямой линии» на свалку прибыл губернатор Московской области, который поговорил с местными жителями и пообещал разобраться в ситуации. Было заявлено, что свалку закроют в 2019 году, на два года раньше запланированного срока, как только будет построен мусороперерабатывающий комплекс неподалеку. Ровно через неделю после ПЛ, 22 июня, на встрече с членами федерального правительства Путин, обращаясь к министру природных ресурсов и экологии, жестко заявил: «Значит, послушайте меня, и чтобы Воробьев (губернатор) меня услышал. В течение месяца закрыть эту свалку... Я не знаю, за какое время, самое короткое, можно сделать, но через месяц я спрошу, что сделано, и с вас, и с Воробьева»². На следующий же день свалка распоряжением губернатора была закрыта. При этом на других свалках региона резко увеличились очереди мусоровозов, многие из которых стали просто сбрасывать мусор в случайных местах. Об опасности подобных негативных последствий вплоть до «мусорного коллапса» эксперты предупреждали изначально, говорили они и об опасности провоцирования жителей других частей Подмоскovie, про-

¹ На свалке истории: почему полигон в Балашихе закрыли за один день. [Электронный ресурс]. <https://www.rbc.ru/society/23/06/2017/594bf1de9a79472b31db5586>

² См.: [Электронный ресурс]. <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/54850>

живающих неподалеку от мусорных полигонов, к протестным действиям¹.

Популистский эффект ПЛ-2017 в силу приближающихся президентских выборов оказался растянутым: с начала июля многочисленные встречи с губернаторами, которым в сентябре предстоят выборы, президент начинает не со ставшего привычным их отчета об успехах региона и о выполнении майских указов президента, а с подробного перечня жалоб жителей, собранных во время ПЛ.

Кроме того, по итогам ПЛ-2017 В. Путиным было официально дано 28 поручений, в том числе 16 правительству (включая пять отдельным министерствам и ведомствам), четыре – Контрольному управлению АП, четыре – региональным правительствам Бурятии, Иркутской, Московской и Мурманской областей, три – Генпрокуратуре, одно – Счетной палате².

«Прямые линии» показывают, что власть не просто эксплуатирует патернализм граждан, но и культивирует его, не просто отвечает на патерналистский запрос, но и формирует его, постоянно демонстрируя гражданам, что для решения любых их проблем надо просто обратиться к президенту в Кремль, а уж он-то даст поручение по вертикали исполнительной власти и накажет нерадивых управленцев. При этом за популистской фразой или жестом следуют серьезные действия, лишь когда вступают в действие коммерческие или иные элитные интересы. Элиты принимают популистскую игру и активно используют ее к своей выгоде.

Кейсы: присоединение Крыма

Действия Кремля в водовороте событий 2014 года, приведшие к серьезной трансформации режима, выглядят, с одной стороны, ситуативными и реактивными, а с другой — подготовленными и в полной мере соответствующими чаяниям большинства. Массовое их одобрение не сводится к эффективной работе пропагандистской машины. Заметим, что социологические опросы задолго до 2014 года показывали, что большинство россиян считают Крым исконно российским³. По словам

¹ [Электронный ресурс]. <https://www.rbc.ru/society/23/06/2017/594bf1de9a79472b31db5586>

² [Электронный ресурс]. <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/54858>

³ Согласно Д. Волкову, в мае 1998 года 77% россиян хотели, чтобы Крым был «возвращен России» (половина из них наиболее приемлемым средством считали референдум). В марте 2002 года аналогичного мнения придерживались 80%, через шесть лет уже 85%, при этом 67% допускали оказание «политического и экономического давления» на

Л. Гудкова, «на протяжении двух последних десятилетий идея присоединения Крыма к России пользовалась высокой степенью поддержки россиян — примерно от 80 до 84% респондентов считали, что Крым хорошо бы присоединить к России. Естественно, подразумевалось, что делать это надо не захватом, а путем торга с Украиной, путем переговоров»⁴. Можно вспомнить, как задолго до 2014-го в течение длительного времени крымскую карту до В. Путина эксплуатировал другой яркий популист в российской политике — Ю. Лужков. Крым-2014 — это в известном смысле популистский выход из голландской болезни, выход из кризиса легитимности, связанного с исчерпанием модели экономического роста.

С «бескровным» взятием Крыма рейтинги В. Путина подскочили на 20 п.п., равно как и рейтинги Думы, правительства и других акторов. Одновременно на те же 20 п.п. снизилась острота восприятия гражданами таких проблем, как коррупция, терроризм на Северном Кавказе и др.⁵ Отрезвление приходит, но медленно⁶.

Заметим, что к «маленькой победоносной войне» как средству подъема рейтинга современная российская власть прибегала не единожды: в 1994-м и 1999-м с первой и второй чеченскими войнами, в 2008-м с войной в Грузии. В отношении Крыма удалось достичь сразу двух целей — и победу, и отсутствие войны.

Взятие Крыма было использовано уже дважды — в 2014-м и через год, когда к годовщине выпустили специальный фильм «Крым. Путь на Родину», педалирующий личную роль В. Путина. Сам Путин часто посещает Крым — это выигрышная для него картинка. В 2015-м, в канун оглашения президентского послания, В. Путин совершил блиц-бросок в Крым, чтобы лично запустить энергомоет из Краснодарского края, обеспечивая, таким образом, выход из энергетической блокады, вызванной подрывом линий электропередачи с Украины. Наконец, идея переноса президентских выборов 2018 года на 18 марта, день включения Крыма в состав России, предполагает использовать Крым уже в третий раз.

Украину (военное давление — 9%). [Электронный ресурс]. <https://www.levada.ru/2015/08/27/rossijskaya-sotsiologiya-ukrainskogo-konfliktka/>

⁴ См.: [Электронный ресурс]. <https://www.levada.ru/2014/03/18/olyubvi-k-krymu/>

⁵ См.: *Рогов К.* «Крымский синдром»: механизмы авторитарной мобилизации // *Контрапункт.* № 1. Сент. 2015. [Электронный ресурс]. http://www.counter-point.org/wp-content/uploads/2015/09/rogov_countpoint1.pdf

⁶ См.: [Электронный ресурс]. <https://www.levada.ru/2017/12/07/odobrenie-vlastnyh-institutov/>

Популизм и элита

Уже говорилось об объективном снижении в условиях популизма роли политических элит как стабилизатора, фильтра и гаранта учета стратегических интересов государства. При лидере-популисте элита оказывается в проигрыше, потому что популизм лидера снижает ее роль в системе и потому что она отчасти используется как расходный материал. Власть не только активно использует в П-целях свои действия, направленные на ослабление или устранение автономных акторов и отъем их ресурсов (Б. Березовский, В. Гусинский, М. Ходорковский и др.), но и «бросает в толпу головы нерадивых бояр», особенно перед выборами. Это и борьба с «оборотнями в погонах» (2003–2006), и «аллергены» — министр здравоохранения и социального развития М. Зурабов (2007), министр обороны А. Сердюков с любовницей (2012), министр образования и науки Д. Ливанов (2016), и «коррупционеры» — губернатор Сахалина А. Хорошавин (2015), глава Коми В. Гайзер (2015), Кировский губернатор Н. Белых (2016), глава ФТС А. Бельянинов (2016), министр экономического развития А. Улюкаев (2016), глава Удмуртии А. Соловьев (2017), глава Марийской республики Л. Маркелов (2017) и т.д.

При том что элиты в последние годы все чаще оказываются под ударом, педалировать тему борьбы с коррупцией Кремль не хочет, опасаясь как ущерба для системы в целом, так и выхода «борьбы с коррупцией» из-под контроля. Впрочем, эксперты, ссылаясь на закрытые опросы, свидетельствуют о позитивном восприятии гражданами борьбы с коррупцией.

Элита является не только объектом для чужого популизма, но и субъектом собственного. Примерами могут служить министр обороны С. Шойгу и министр иностранных дел С. Лавров. Если в первом элементы популизма были всегда, то во втором проснулись в последние годы. Тогда же расцвели и пресс-секретари с резкими комментариями — А. Песков у В. Путина, М. Захарова у С. Лаврова (до них наиболее заметными «говорящими головами» были представители ФСБ и СКР). Их можно отнести к «свите короля» — популизм лидера играет свита.

Если среди глав федеральных корпораций П в последнее время вырос, то среди региональных лидеров он, наоборот, снизился — Кремль воспринимает их как конкурентов и убирает (М. Шаймиев, Ю. Лужков, 2010), заменяя серыми управленцами-технократами.

Исключение — Р. Кадыров. Лидер самостоятельного персоналистского режима (чеченского) позиционирует себя в качестве исламского лидера в масштабах не только России, но и мира. Организованный Кадыровым в январе 2015 года в Грозном митинг против публикации карикатур на пророка Мухаммеда, куда автобусами свозили людей со всего Северного Кавказа, собрал если не миллион человек, как заявляли чеченские власти, то, по крайней мере, сотни тысяч. Кроме того, регулярные заявления и демарши сделали Кадырова одним из самых заметных и популярных российских политиков.

Возникает вопрос: зачем это элите? Прогрессивная в самостоятельности и собственных амбициях, она выигрывает в снижении ответственности. Меняется источник легитимности — в условиях персоналистского режима это, безусловно, доверие, если не любовь к вождю. Таким образом, легитимность распространяется не снизу вверх, через элиту к лидеру, а сверху вниз — от лидера к элите. Элита не столько добавляет легитимности В. Путину, обеспечивая голоса на выборах, сколько получает ее у него. Это меняет конфигурацию политического режима: лидер меньше зависит от элиты, а элита, наоборот, больше зависит от лидера.

Популизм и общество

Обратной стороной популизма власти является патернализм общества. Вместе они формируют своего рода двухтактный двигатель, работа которого наиболее заметна в период перед выборами. Даже в советское время граждане ставили местной власти условия: «Почините крышу, а то не пойдем голосовать», и та, боясь ненужного резонанса, их выполняла. Сейчас на выборах власть решает гораздо более серьезные задачи, стараясь, с одной стороны, находить привлекательных кандидатов и лозунги, что не просто в ситуации кризиса, а с другой — избегать любых действий, на которые может последовать массовая негативная реакция. В новой ситуации продолжительного электорального цикла 2016–2018 годов власть оказалась полупарализованной в отношении сокращения расходов бюджета. За каждой из трех его «священных коров» — социальными обязательствами, пенсионной системой и военно-промышленными расходами — стоят миллионы избирателей. В канун выборов, наоборот, власть склонна «делать подарки» наиболее чувствительным и важным группам избирателей: пенсионерам, бюджетникам, молодым семьям. При этом

власть проводит чисто популистское показательное сокращение зарплат госчиновников, включая президента¹.

Нынешняя российская власть моноцентрична и по вертикали, со сверхдоминированием Центра, и по горизонтали. Однако не стоит забывать, что в 1990-е и реже в 2000-е наблюдался конкурентный популизм, причем трехуровневый. Региональная власть часто играла на недовольстве граждан в отношении Центра, а популисты-мэры разыгрывали карту недовольства горожан региональными властями. Сегодня такое почти не встречается, хотя с финансовым ослаблением Центра легко может проявиться вновь. И Центр этого опасается: не случайно выборы президента РФ не рекомендуются сочетать ни с какими другими — с одной стороны, это отвлечение внимания, с другой — возможная конкуренция популизмов. При этом сам Кремль в ситуации ухудшения уровня жизни граждан активно практикует «перевод стрелок» на губернаторов по схеме «добрый царь — злые бояре».

Российское общество за три десятилетия позднесоветской и постсоветской истории фактически не знало другой политики, кроме популистской. Нет ничего удивительного в том, что оно не только благодарно откликается на популизм, но и само подталкивает политиков к популизму. Популизм действует как наркотик, на который подсело общество, требующее все новых доз.

Предрасположенность знаменитого Homo Sovieticus — человека советского, о котором писал Ю. Левада² и который жив еще в большинстве россиян (Л. Гудков) — к популизму, к риторике национальной и социальной исключительности формирует спрос на популизм и является для него отличной питательной средой. Российское общество, в том числе и усилиями властей, становится во многом обществом зрителей³ и жалобщиков, а не деятелей. Этому способствует и сложный комплекс «раба — господина» в вертикальной, доминирующей организации общества, и недостаток горизонтальных связей в нем. Этому способствует и разрыв, вакуум между «я» и «мы все», сочетание атомизации с мегаагрегированием.

¹ См.: [Электронный ресурс]. <https://www.rbc.ru/politics/19/10/2017/59e88ad99a7947b019121139>

² Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х. М.: «Мировой океан», 1993.

³ Гудков Л., Дубин Б. Общество зрителей // Газета «Первое сентября». № 20. 2002. [Электронный ресурс]. <http://ps.1september.ru/article.php?ID=200202012>

Можно согласиться с социологами, утверждающими, что Homo Sovieticus никуда не исчез. Тому есть много подтверждений, и в первую очередь проявление уже в постсоветских поколениях таких черт, как идентификация с государством, иерархический эгалитаризм, имперский синдром, ограниченность горизонта, ксенофобия и др.⁴ Важно, что с 2014 года это не стыдно, а поощряемо. Слово российское общество, подобно сынам Израиля, после распада СССР бродило по пустыне, изживая черты советского, а 2014 год вернул его назад «в Египет», и теперь отсчет сорока годам надо будет начинать вновь.

Цена популизма

Популизм далеко не безобиден. Он способен впустую поглощать огромное количество ресурсов государства — финансовых, материальных, людских. Он ведет к деградации и политической системы, и элит, и общества, закрепляет и поощряет массовые предрассудки, комплексы, фобии, включая патернализм, идею национальной исключительности, озлобленность в отношении внешних врагов и их внутренних пособников и пр. Популизм влечет за собой потерю времени и ориентиров, демодернизацию.

Маленькая победоносная война тоже входит в арсенал популизма. За четверть века новейшей истории России их было уже четыре: Чечня-94 (неудача), Чечня-99, Грузия-2008, Крым-2014.

Справедливости ради отметим, что войны не только начинались из популистских соображений, под выборы, но и заканчивались перед выборами из них же. Это и перемирие с ичкерийской стороной с 1 июня 1996 года (за две недели до первого тура выборов президента 1996 года, в котором генерал А. Лебедь получил 14,5% голосов) с последующим подписанием Хасавюртовских соглашений, и события марта 2000-го, когда за две недели до голосования на выборах президента РФ 2000 года Ахмат Кадыров выступил за введение прямого президентского правления в Чечне, вскоре после выборов был назначен В. Путиным главой администрации Чечни, а в октябре 2003-го, в канун выборов Госдумы, был избран президентом Чечни, что символизировало полное завершение активной фазы «контртеррористической операции». Наконец, уже совсем недавно, в канун выборов 2018 года, Кремль

⁴ Gudkov L. Der Sowjetmensch. Genese und Reproduktion eines anthropologischen Typus // Osteuropa, 2017, Jg.67. H. 6–8, S.91–112.

выступил с заявлением о завершении военной операции в Сирии и начале вывода оттуда российских войск.

Цену войны невозможно «подсчитать» исключительно в человеческих жизнях и материальных затратах, как бы велики они ни были. Помимо жертв с обеих сторон в нее входят санкции, проблемы во взаимоотношениях с соседями на десятилетия, наконец, моральный ущерб. Взамен страна получает рост рейтинга лидера, происходят приватизации выгод и национализации издержек, причем выгоды немедленны, а издержки растянуты на долгие годы.

Толчком к нынешней фазе популизма — великодержавной — стали экономический и политический кризисы 2008–2009 и 2011 годов. Именно тогда, в условиях падения экономического роста и сокращения финансовых ресурсов, В. Путин был вынужден мобилизовать ресурсы другого рода, связанные с великодержавными амбициями и геополитическими обидами. Именно тогда правило Трейсмана, устанавливающее прямую связь между ростом экономики и поддержкой президента, перестало работать. Тогда же Путин стал активно дистанцироваться от политической элиты, а система практиковать все более серьезные репрессии, выставление губернаторам оценок ФОРГО, публичные порки губернаторов¹ и других проштрафившихся чиновников.

К выборам популизм активизируется: в ход идут смены наиболее непопулярных губернаторов, использование их в роли громоотводов, призванных снять негативные эмоции граждан в отношении власти, и пр.

Втянувшись в популистскую игру с обществом, власть попадет в засасывающую ее воронку, залезает в долги, дает все новые и новые популистские обещания.

Воронка популизма и выход из нее

Популистская сила с приходом к власти попадает в своего рода ловушку, имеющую вид воронки, которая обусловлена тянущим ко дну грузом обещаний, усугубляемых провоцированием завышенных ожиданий в обществе. Если внешние факторы неблагоприятны, скажем, денег на выполнение популистских обещаний нет, политик-популист быстро теряет кредит доверия, а затем и власть. Можно попытаться перебить одни невыполненные обещания дру-

¹ Например, К. Ильковского, А. Худилайна в феврале 2016 года за срыв программы по расселению из аварийного жилья. [Электронный ресурс]. <https://ria.ru/politics/20160217/1376289273.html>

гими, вплоть до маленькой победоносной войны, которая в случае успеха способна списать все долги политика и повысить его рейтинг. Но, как правило, ненадолго.

Благоприятные внешние факторы, например рост финансовых возможностей государства, обусловленный конъюнктурой цен, могут сделать пребывание в такой воронке относительно долгим, а саму воронку относительно глубокой. При этом происходит эскалация общественных ожиданий, спрос на популизм растет, а с ним возрастает и скорость движения вниз. Это влечет за собой сокращение горизонта действий власти, деградацию институтов, элит и общества.

То же и со сверхвысоким рейтингом — его поддержание становится главной заботой власти. Если власть так озабочена удержанием рейтинга, то его снижение до уровня, который большинству мировых лидеров кажется пределом мечтаний, для В. Путина будет крахом. Снизить же рейтинг со сверхвысокого уровня до нормального без риска его полного обрушения тяжело.

Есть как минимум две ловушки популизма: 1) эксплуатация П в течение длительного времени и взращивание патернализма и соответствующего общественного запроса делает крайне сложным переход к ответственной политике (только через кризис и смену лидера) — предложение П изменить легче, чем спрос; 2) лидер-популист становится заложником спровоцированных им завышенных общественных ожиданий и должен вести себя как азартный игрок, все время повышающий ставки. Это особенно опасно при отсутствии институциональных ограничений и слабости элиты. Происходит взаимная возгонка популизма и патернализма. Пресловутое путинское большинство из идиллического стада овец, послушных пастуху, превращается в несущееся за спиной лидера стадо быков.

Популизм можно сравнить с финансовым пузырем, который рано или поздно лопнет. Но если в нормальной демократической стране выйти из популизма можно через выборы (если до этого популисты пришли к власти), то в российских условиях все сложнее и длительнее — отравленные П граждане сами выбраться могут не иначе как через масштабный политический кризис всей системы. Если в европейских странах приход популистов к власти или даже реальная возможность/опасность такого прихода способна стать прививкой от популизма, то в России этого не происходит.

Каковы сценарии выхода из популизма? Лидер-популист может только наращивать градус, так что смена лидера — необходимое условие выхода из популистской воронки, но недостаточное, о чем свидетельствует наш собственный опыт. Чем дольше популист был у власти, тем сложнее представить, что следующий не будет популистом.

Что может противопоставить популизму гражданское, экспертное сообщество? Как можно обеспечить переход от него к ответственной политике?

Во-первых, нужны так называемые малые дела — ответственная политика на низовом уровне, включая местные референдумы, выборы, общественные слушания. Все это способствует и наращиванию социального капитала, и формированию социальной ткани — институциональной среды, враждебной популизму, и обеспечивает ответственность власти перед гражданами хотя бы на низовом уровне. Во-вторых, налаживание горизонтальных взаимодействий, сотрудничество низовых ячеек обще-

ства, гражданских организаций в обеспечении общего блага. В-третьих, гражданский контроль за действиями власти, обеспечение их прозрачности и публичного обсуждения, критический анализ работы институтов и действий власти, разъяснение рисков и негативных последствий популистских решений. Это прежде всего работа с общественным мнением, контрпропаганда, разрушение монополии власти в информационном пространстве, включая определение повестки и продвижение альтернативных ее вариантов, формирование общественного мнения. В-четвертых, это взаимоуважительный диалог с властью, где общество выступает в роли партнера, а не просителя, выстраивание партнерских отношений по любому частному поводу.

Во всем этом велика роль экспертного сообщества и СМИ. Рано или поздно популизм, по крайней мере, в его гипертрофированном виде, из российской политики уйдет, но его последствия обществу придется изживать еще очень долго.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ, СТРУКТУРЫ И КОЛЛЕКТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Милена ЯКИМОВА
Димитар ВАЦОВ

Ассимиляция несогласия: Российская пропаганда в болгарских СМИ¹

Два с лишним года назад небольшую группу болгарских исследователей в области общественных и гуманитарных наук (в том числе нас) озадачил рост антилиберального дискурса в Болгарии. Здравый смысл подсказывал, что скорее всего это явление было связано с последствиями финансового кризиса 2008 года, но мы решили его изучить. В 2016 году мы провели объемное исследование. Оно касалось антилиберальной риторики, распространявшейся в болгарских СМИ в течение четырех лет (2013–2016), и бытового субъективного восприятия их главных фигур и лозунгов. Мы не искали источники финансирования, но некоторые вещи очевидны и так. В ходе исследования были определены несколько явных разновидностей антилиберальной и антидемократической риторики, которая в Болгарии носит, несомненно, пропагандистский и пророссийский характер.

Так что мы были глубоко поражены, когда утверждения, идентифицированные в ходе нашего исследования, стали слышны теперь уже из уст нового президента США Дональда Трампа:

- независимые СМИ — «враги народа»;
- гражданские протесты проплачены, а несогласные — это «профессиональные протестующие»;
- «суды медлительны и политизированы» (то есть не независимы);

¹ Англоязычный оригинал текста размещен на сайте журнала «Еврозин»: [Электронный ресурс]. <http://www.eurozine.com/co-opting-discontent-russian-propaganda-in-the-bulgarian-media/?pdf>

- нация «на первом месте»;
- НАТО себя «изжило».

Можем ли мы просто предположить, что «длинная рука» Москвы «скармливает» одинаковые тезисы и Трампу, и болгарским СМИ? А заодно Виктору Орбану, Ярославу Качиньскому и Марин Ле Пен? Кремль ведет пропагандистскую войну против Запада, но официальные российские СМИ, так же как и охваченные исследованием местные пророссийские медиа, далеки от глобального покрытия². Тем не менее их посыл — примат национального суверенитета, критика гегемонии Запада и прав человека, антиамериканизм и евроскептицизм, отрицание независимости либеральных институтов (СМИ, судебной системы, некоммерческого сектора и гражданских протестов) — получает поддержку, причем в различных общественно-политических и культурных контекстах. Почему они находят отклик в этих контекстах?

В данной статье представлены результаты нашего исследования, базирующегося на гипотезе, что мы стали свидетелями формирования единого фронта популистской пропаганды, который объединяет и использует силы, процессы и деятелей, различных по масштабу, структуре и уровню организованности, например центры стратегических исследований и анализа, центробежные силы массового недовольства,

² [Электронный ресурс]. <https://www.economist.com/news/europe/21715031-kremlin-backed-network-inflates-its-viewership-youtube-disaster-videos-its-propaganda>; см. также: [Электронный ресурс]. http://hssfoundation.org/wp-content/uploads/2017/04/SUMMARY_Bulgaria-and-Russian-propaganda_EN.pdf

оппортунистических политических игроков и интересы местного бизнеса, масштабные изменения на энергетических рынках и растущие трудности, с которыми сталкиваются либеральные правительства, противодействуя этой сложной динамичной сети. Несмотря на свой масштаб, наше исследование не смогло распутать всю эту сеть, но все же указывает на причины, по которым случайный прохожий, Дональд Трамп и Кремль — все говорят одно и то же.

Смысл в том, что российская пропаганда, которая, без сомнения, существует, ассимилирует темы из низовой западной критики либерализма и глобализации, переформулирует и правую, и левую популистские критики в терминах национальной суверенности и геостратегии и распространяет их в качестве бесплатного средства для подрыва либеральной демократии изнутри. И наоборот, разнообразные местные деятели заимствуют «российский пропагандистский пакет» или его части и используют его в своих популистских политических и/или частных экономических целях.

Другими словами, мы являемся свидетелями перекрестного опыления между местной низовой популистской критикой, с одной стороны, местными хозяйствующими субъектами, привыкшими сидеть на шее у государства — с другой, и антилиберальной пропагандой контролируемых государством российских СМИ — с третьей. В ходе этого процесса различные его участники, которые могут и не знать друг о друге, формируют общий популистско-пропагандистский дискурсивный фронт — особый язык, который работает с ограниченным набором интерпретативных клише. Возникновение этого фронта — важный момент в общем процессе смещения политических демаркационных линий сегодня — демаркации все меньше между правыми и левыми и все больше по линии либерализма/антилиберализма, глобализма/изоляциялизма¹.

Хотя это не исключительно болгарское явление, подъем такого фронта был подробно проанализирован в исследовании «Антидемократическая пропаганда в Болгарии. Новостные сайты и печатные СМИ: 2013–2016 годы»². Количественные данные, приводимые в этом исследовании, поражают: между 2013–м

и 2016 годами количество евроскептических публикаций, выходящих на болгарском языке, за год выросло в 16 раз, количество публикаций, направленных против США и НАТО, — в 34, число публикаций, атакующих на политической арене внутри страны независимость СМИ, судебной системы и плюрализм в гражданском обществе, — в 23, а число публикаций, хвалящих Россию за что-либо (ее возросшую политическую и духовную мощь, силу русского оружия и т.п.), увеличилось в 42–144 раза. Как мы видим, дискурсивный фронт популистской пропаганды, растущий в Болгарии с 2013 года, отчетливо «пророссийский», хотя данные показывают, что он далеко не всегда напрямую инспирирован Россией.

Каковы же в таком случае тезисы — интерпретативные клише — антилиберального фронта популистской пропаганды в Болгарии? Какова именно роль России в его подъеме? Какого рода деятели используют язык антилиберальной и антидемократической пропаганды? Как популистские и пропагандистские лозунги смешиваются и сочетаются в языке антилиберального дискурса?

Мы полагаем, что Болгария — это частный, но не единичный случай, который может быть использован как пример для анализа и других контекстов.

Тезисы антилиберальной пропаганды: семантический анализ

Мы используем термин «пропаганда», а не куда более популярное сейчас слово «дезинформация», не столько чтобы пролить свет на «фейковые новости», которые составляют лишь небольшую часть современных методов оказания влияния на общественное мнение, и даже не на «хакинг», «троллинг» и использование местных социальных сетей, на чем сфокусировано большинство современных исследований³. Для нас куда важнее классическая функция пропаганды — распространение «распространенных толкований»⁴ — утверждений, стереотипных клише, превращающихся в примитивную «грамматику», в рамках которой артикулируется картина мира для множества ин-

¹ *Krastev I. Majoritarian Futures. In: Geiselberger H. (ed.). The Great Regression. Cambridge: Polity Press, 2017.*

² Исследование проводилось командой Фонда гуманитарных и социальных исследований — София, при финансовой поддержке фонда «Америка для Болгарии». Результаты см.: [Электронный ресурс]. http://hssfoundation.org/wp-content/uploads/2017/04/REPORT_PART1_EN.pdf

³ На этом фокусируются исследования, проводимые международными организациями (НАТО, ЕС) напр.: [Электронный ресурс]. <http://www.stratcomcoe.org/kremlin-and-daesh-information-activities>; <https://euvsdisinfo.eu/commentary-means-goals-and-consequences-of-the-pro-kremlin-disinformation-campaign/>, а также ряд академических проектов, напр.: [Электронный ресурс]. <http://compromp.oii.ox.ac.uk/about-the-project/>

⁴ *Ellul J. Propaganda: The Formation of Men's Attitudes (K. Kellen & J. Lerner, trans.). New York: Vintage Books, 1973. P. 11. 57 ff.*

дивидов. Мы осознаем, что в отличие от времен холодной войны сегодняшняя антилиберальная пропаганда носит менее идеологический, но в первую очередь негативный, подрывной характер — не предлагая альтернативного положительного образа мира, а, наоборот, фокусируясь на подрыве веры общественности в либерально-демократические принципы и институты. Как бы то ни было, работает она посредством распространения таких утверждений.

Чтобы их вычленили, мы решили проанализировать болгарские печатные СМИ и новостные сайты. Печатные СМИ и новостные сайты в Болгарии крайне уязвимы с экономической точки зрения, то есть они очень легко превращаются в таблоиды. Они также подвержены экономическому и политическому влиянию — их доходы от продаж существенно сократились, а с 2002 года упали также и доходы от рекламы, которая уходит на национальное телевидение и в социальные сети¹. С другой стороны, печатные медиа и новостные сайты — это основные производители медийного контента, который затем распространяется телевидением и радиостанциями, а также в социальных сетях.

Исследование состояло из трех фаз: 1) семантического анализа полных выпусков 20 болгарских новостных сайтов и печатных изданий; 2) частотного анализа в электронном архиве из 3080 сайтов, газет и блогов на болгарском языке; 3) контент-анализа выборки из 3305 публикаций в восьми типологически разных СМИ.

По итогам семантического и контент-анализа 597 статей было выявлено четыре простых и взаимосвязанных антилиберальных и антидемократических тезиса:

— США/НАТО — глобальный гегемон и кукловод, держащий за ниточки и Брюссель, и национальные правительства;

— Европа умирает из-за культурного упадка («либерастии») под натиском нашествия мигрантов, развязанного США, а также из-за хромой марионеточной европейской бюрократии («еврократии»). Другими словами, Европа умирает, потому что она объединенная: ЕС — это конструкция, служащая интересам США и глобальных корпораций и являющаяся врагом европейских народов;

— Россия на подъеме. Хотя она и является жертвой западной агрессии, Россия — защитница исконного суверенитета и традиционных ценностей и вообще истинная спасительница Европы;

¹ [Электронный ресурс]. <http://www.csd.bg/artShowbg.php?id=17659>

— либеральные элиты Болгарии продажны — гражданские движения, организации по защите прав человека, независимые СМИ, западные политики и партии представлены как неразличимое целое, и все они — «иностранные агенты», марионетки иностранных сил.

Пока ничего удивительного — с некоторыми вариациями все это хорошо изученные постулаты официальной кремлевской пропаганды².

Связь между вышеуказанными тезисами — конспирологическая, а грамматика конспирологии проста: мировой гегемон (роль, чаще всего приписываемая США, НАТО или Джорджу Соросу³) — марионетки (все неудобные институты и индивиды) — жертвы (народ). На международном уровне конспирологическая логика позволяет дискредитировать права человека, соблюдение которых — дымовая завеса, скрывающая продвижение «интересов гегемона» (тем самым ликвидируются любое международное давление и контроль над «суверенным» агентом, осуществляющим пропаганду). На уровне страны конспирологическая пропаганда позволяет заткнуть рот любому неудобному спикеру, представляемому «агентом иностранных интересов» (тем самым ликвидируется давление и контроль внутри страны). Конечно, использование конспирологии в пропаганде отнюдь не новость: осуждение «врагов народа», внутренних и международных, — хорошо известный со времен сталинизма механизм консолидации тоталитарной власти, в более мягком варианте также эффективный для консолидации авторитарно-олигархической власти нынешнего режима в Кремле. Но каковы истоки и функции такого словаря в Болгарии? В конце концов, это член ЕС со стабильно — в последние десятилетия — проевропейским общественным мнением и демократическими институтами, которые если не хорошо функционируют, то, по крайней мере, не полностью разрушены. Когда и как антилиберальный дискурсивный фронт переходит в наступление?

Одним из важных эмпирических открытий в ходе семантического анализа стал тот факт, что каждый из постулатов антилиберальной пропаганды уже имеет особый словарь (идиолект) — для каждого из тезисов был идентифицирован семантический кластер ярлыков и фраз, с по-

² [Электронный ресурс]. <http://www.e-ir.info/2015/04/28/dominant-narratives-in-russian-political-and-media-discourse-during-the-crisis/>

³ Джордж Сорос в роли кукловода — самая распространенная метонимия: [Электронный ресурс]. <http://www.dailymail.co.uk/news/article-4598796/Lauded-loathed-Whos-afraid-George-Soros.html>

мощью которого этот тезис продвигается¹. Например, евроскептический кластер представлен списком из 53 ключевых слов и выражений, таких как «Гейропа» и «европейская олигархия». Четвертый кластер, призванный дискредитировать болгарское гражданское общество и внутривластные оппонентов, самый богатый — он состоит из 119 ключевых фраз и выражений, таких как «толерасты», «грантоеды», «либеральные фашисты» и «лакеи Запада».

Именно существование общих тезисов, формирующих конспирологическую «грамматику» отображения мира, а также использование особого «словаря» позволяют нам говорить о «пропаганде» и более узко о «пропагандистском языке» (учитывая высокую степень совпадения болгарских тезисов и используемого в них словаря с теми, что применяет российская пропаганда).

Подъем антилиберального фронта: частотный анализ

Как мы уже отмечали, если сравнить 2016 год с «далеким» 2013-м, число публикаций в год, воспроизводящих тот или иной из вышеупомянутых тезисов, выросло в 16–144 раза. Данные получены путем машинного анализа числа статей, продвигающих каждый из пропагандистских тезисов, обнаруженных в электронном архиве 3080 новостных сайтов, газет и блогов на болгарском языке за период между 1 января 2013 года и 31 декабря 2016 года².

Вот только некоторые основные данные и выводы, сделанные после измерения частоты использования каждого из утверждений.

Тезис о продажности болгарских элит, нацеленный на дискредитацию гражданских движений, независимых СМИ, организаций по защите прав человека и прозападных политических лидеров и партий, воспроизводится чаще всего. Также это единственный из тезисов, встречающийся в большом числе публикаций уже в 2013 году (494 статьи). Хотя рос он не так сильно, как другие (в 26 раз за четыре года: до 11 394 статей в 2016 году), этот семантический кластер использовался во в два раза большем числе статей, чем все прочие до конца исследуемого периода. При помощи контент-анализа пиковых дней мы об-

наружили, что статьи, продвигающие этот тезис, чаще всего дискредитируют про-реформенные движения и инициативы (антиправительственные протесты лета 2013 года, попытки проведения серьезной судебной реформы после 2014 года и т.п.), а также гражданские организации, СМИ и политических деятелей, поддерживающих эти инициативы. Абсолютный пик числа таких статей пришелся на 13 ноября 2016 года ((232 публикации за один день) — день, когда действующий президент Румен Радев выиграл второй тур президентских выборов (важно отметить, что его предвыборная кампания в значительной степени базировалась на российских тезисах «Крым по факту российский», «санкции с России надо снять», «болгарская внешняя политика должна формулироваться в Софии (а не в Брюсселе) и т.п.).

Мы также обнаружили, что кремлевские «антимайдановские» тезисы напрямую переносятся для использования во внутривластных целях. Но в 2013 году такое внутреннее использование еще не совмещалось с открытым продвижением тезисов геостратегических. Это связано с тем, что тезисы, относящиеся к внешнеполитической пропаганде, практически отсутствовали в 2013 году: уровень евроскептицизма в газетах и на сайтах был низким (109 публикаций горевали о «закате Европы» в 2013 году, тогда как в 2016-м их было уже 1841), а антиамериканский и антинатовский дискурс практически отсутствовал (69 публикаций в 2013-м по сравнению с 2361 в 2016-м).

Восхваление России в Болгарии в 2013 году также было на очень низком уровне. Для целей частотного анализа тезис о «подъеме России» был разделен на пять отдельных пропагандистских подпунктов: 1) «возросшая политическая и духовная мощь России» (эпитеты, в целом формирующие позитивный образ России); 2) «враги России» (эпитеты, называющие критиков России ее «врагами»); 3) «сила русского оружия» (эпитеты, восхваляющие военную мощь России); 4) «Крым и Украина» (эпитеты, продвигающие тезис о том, что Крым по своей сути российский, а Евромайдан — это западный переворот); 5) «санкции против России» (эпитеты, подтверждающие представление, что наложенные после аннексии Крыма санкции несправедливы и являются частью войны Запада против России). Цель такого разделения в том, чтобы выяснить, в какой степени и когда конкретные тезисы из официальной российской пропаганды транслируются прямо в публичную сферу Болгарии.

¹ Именно существование стабильных семантических кластеров для каждого из постулатов сделало возможным автоматизированный поиск и измерение частоты употребления, определяя число публикаций, использующих этот повторяющийся словарь.

² Частотные измерения проводились при помощи SENSIKA, системы мониторинга и анализа СМИ, которая ведет архив публикаций 3080 сайтов на болгарском языке.

Данные удивляют:

— в 2013 году антисанкционного дискурса не существовало, поскольку санкции еще не были наложены, зато в 2016-м мы насчитали 4005 публикаций, содержащих ключевые слова данной тематики;

— в 2013 году публикаций, поддерживающих официальную российскую точку зрения о Крыме и Украине, было 56 (все в самом конце года, после начала протестов Евромайдана), их число выросло до 6109 в 2016 году;

— в 2013 году болгарские медиа не упоминали о «врагах России», хотя и ЕС, и НАТО уже давно расширились, практически достигнув своих нынешних размеров (мы нашли всего 54 публикации), а в 2016-м такие фразы, как «враги России», «агрессия против России» и «война против России», были обнаружены в 7511 публикациях;

— число публикаций, восхваляющих русское оружие, возросло с 22 (в 2013 году) до 745 (в 2016-м), а число статей, восхваляющих Россию в целом, — с 44 до 1326.

Получается, тезисы российской пропаганды были внесены прямо в болгарскую медийную сферу в конце 2013 года (после начала протестов Евромайдана), а в особенности в марте 2014-го (с присоединением Крыма). Тезис, промотируемый наибольшим числом публикаций, — что Россия является жертвой агрессии Запада (Россия в кольце «врагов»); по сравнению с ним число публикаций, восхваляющих политическую и духовную мощь России, гораздо ниже. Это подтверждает наш вывод о том, что сегодняшняя антилиберальная пропаганда по большей части носит негативный и подрывной характер, направлена в большей степени на дискредитацию либеральной демократии, чем на построение ее позитивного образа, который предлагал бы альтернативный жизненный уклад. Данные также показывают, что два практических политических тезиса из российской пропаганды — «Крым наш» и «Евромайдан — это путч, организованный Западом», — а также тезис о несправедливости западных санкций, доминировали особым образом: они стабильнее и сильнее всего росли с 2014-го по конец 2016-го и продвигались посредством большого числа статей.

Прямые связи болгарской пророссийской пропаганды с официальной российской пропагандой очевидны, если сравнить международный и российский политические календари. Упомянутость пяти пророссийских тезисов резко возрастала одновременно с событиями на Украине в ноябре — декабре 2013 года, присо-

единением Крыма в марте 2014-го, наложением санкций в июле и сентябре 2014-го и эскалацией конфликта на Донбассе в том же году, мигрантским кризисом в Европе и российским вмешательством в Сирии (представляемым как кампания по «спасению Европы») в 2015-м и встречами «Большой семерки» в Давосе и НАТО в Варшаве в 2016-м.

Частота пророссийских публикаций также диктуется событиями из российского политического календаря, такими как празднование первой годовщины присоединения Крыма в марте 2015 года и Парад Победы в Москве 9 мая того же года, а также речь Владимира Путина в Душанбе в сентябре 2015 года, когда он назвал Россию спасительницей Европы от нашествия мигрантов. Евроскептические («закат Европы»), антиамериканские и антинатовские публикации («ЕС/НАТО как глобальный гегемон/кукловод») также первые появились в конце 2013 года и имели сходные пиковые периоды.

Общий вывод в том, что массовое распространение всех тезисов геополитической пропаганды — «ЕС/НАТО как глобальный гегемон/кукловод», «закат Европы» и «подъем России» — началось одновременно и шло по сходной «русской» траектории.

Данные наталкивают нас на два важных вопроса:

1. Почему пропагандистский лексикон был впервые применен для дискредитации политических оппонентов и гражданского общества в Болгарии?

2. Какова именно роль Кремля в подъеме фронта популистской пропаганды в Болгарии, а какой вклад внесли местные деятели?

В 2013 году по Болгарии прокатилась волна гражданских протестов. Она началась с массовых антимонопольных акций в феврале и марте против отсутствия госконтроля за деятельностью компаний — поставщиков электроэнергии. Это привело к отставке правительства Бойко Борисова (партия «ГЕРБ»). После непродолжительного затишья и выборов в июне поднялась новая волна массовых протестов против олигархов (продолжавшихся с разной степенью интенсивности до середины 2014 года). Последняя была вызвана назначением печально знаменитого болгарского олигарха Деляна Пеевски главой Государственного Агентства по Национальной безопасности (ГАНС)¹ и со временем привела к отставке правительства

¹ После того, как закон о ГАНС был изменен таким образом, чтобы сделать возможным назначение Пеевски главой агентства без опыта работы в системе национальной безопасности.

Пламена Орешарски¹. В каком-то смысле болгарские гражданские протесты 2013 года были кульминацией предыдущего выражения недовольства: массовой забастовки учителей в 2007 году, а также серии протестных акций различных профессиональных групп, протестов против АКТА (торговое соглашение о борьбе с контрафактом) и интенсивных и крупномасштабных протестов защитников природы.

Все эти протесты, завершившиеся массовыми акциями 2013 года, напоминали глобальные протестные движения (Occupy, Indignados, Парк Гези) и заметно отличались от протестов в Болгарии и других восточноевропейских странах, происходивших в 1990-е, как, впрочем, и от более поздних «цветных» революций. «Бархатные» и «цветные» революции требовали изменения политической системы, но не ставили под сомнение роль государства как политической структуры. Болгарские же протесты 2013 года (и в целом предшествовавшие акции, начиная с 2007 года, когда Болгария вошла в ЕС), а также протесты в странах с более устоявшейся демократией, ставили под сомнение именно роль государства как надежного и честного регулятора общественных отношений: они обвиняли государство в лице политического класса в неспособности выполнять функцию справедливого регулятора общественных интересов и в превращении в инструмент несправедливости — обслуживании «частных» корпоративных интересов, которым чужды интересы общественные. Отсюда происходят также и обвинения, характерные и для глобальных, и для болгарских протестных движений, что политические элиты находятся «в заговоре» против общественных интересов (1% против 99%) и превратились в «олигархию».

Конечно же в болгарских протестах 2013 года, как и во всех подобных им протестных движениях, была явная доля популизма. Критика этих протестов, подобно критике движений Occupy и Indignados, в первую очередь фокусировалась на том, что они были негативными, не предлагали позитивного проекта будущего, были точкой, а не движением протеста². Негативность, и это общее место в теории общества, —

¹ Номинирован коалицией Болгарской социалистической партии (БСП, в прошлом Коммунистическая партия) и Движением за права и свободы (ДПС, партия турецкого меньшинства в Болгарии) и избранный при поддержке пророссийской националистической партии Атака. Протесты лета 2013 года не смогли напрямую сместить коалицию, но делигитимизировали ее до такой степени, что после катастрофического поражения БСП на выборах в Европарламент в мае 2014 года ДПС вышла из коалиции.

² *Gillin T. Occupy Nation: The Roots, the Spirit and the Promise of Occupy Wall Street.* New York: HarperCollins Publishers, 2012. P. 105–112.

естественная черта протестных движений, потому что она легко поддается универсализации и эффективно мобилизует сторонников³. Но, что интересно, эти рассеянные и разбросанные по миру протестные движения сошли на нет, когда их лозунги были экспропрированы и извращены на удивление похожим образом и в США, и в Венгрии, и в Болгарии.

Конечно, это стандартный ход для правил, которые пытаются дискредитировать протесты против себя, утверждая, что те служат «частным интересам» или напрямую «проплачены» кем-то. Опасаясь «цветной» революции после протестов 2011–2012 годов в России, Кремль обличил «спонсора протестов» в безусловно геополитическом ключе: Сорос, американцы и их союзники — политические стервятники Запада. Аналогичным образом в Болгарии антиолигархические протесты, а также организации по защите прав человека, независимые СМИ и судьи были объявлены проплаченными Соросом и фондом «Америка для Болгарии». Критики олигархии, таким образом, были объявлены олигархами — их язык был экспроприрован, превращен в стереотип и обращен против них самих: теперь уже не политическая элита, а протестующие оказались поборниками частных и «иностранных» интересов на общественные деньги. Стратегическое использование техник «постправды» — пропаганды — вводит вывернутые наизнанку, но устойчивые смыслы в бурный поток социального недовольства, тем самым заставляя его замолчать. Паразитируя на языке общественного недовольства, пропаганда становится инструментом блокировки гражданского сопротивления.

Так, в случае Болгарии популистская негативная критика была экспроприрована и вывернута наизнанку местными олигархическими кругами, превратившими ее при помощи своих СМИ в инструмент пропаганды российского типа, заставляя умолкнуть всякую критику олигархии⁴. Словарь российской пропаганды оказался удобным, а Россия стала ролевой моделью для местных деловых кругов в исполь-

³ *Ibid.* P. 95–98. See also: *Rosanvallon P. Counter-Democracy: Politics in an Age of Distrust* (A. Goldhammer, trans.). Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

⁴ Летом 2013 года язык пропаганды, направленный на дискредитацию протестов, был введен в оборот именно СМИ, находящимися в собственности или связанными с вышеупомянутым претендентом на руководство ГАНС — Деляном Пеевски, членом парламента от ДПС и медиамагнатом (в то время его мать, Ирена Крастева, владела «Новой болгарской медиагруппой» (НБМГ), которая издает множество газет и является монополистом в области распространения печатных СМИ в Болгарии).

зовании национального государства в качестве своего «частного» ресурса как в международной конкуренции, так и против местного гражданского сопротивления.

Это частично отвечает и на второй вопрос о роли Кремля в росте фронта популистской пропаганды в Болгарии. Ясно, что появление дискурса антилиберальной пропаганды в болгарских СМИ не было напрямую инспирировано Кремлем, по крайней мере, не совсем и даже не большей частью¹. В 2013 году антилиберальная пропаганда начинала работать только на внутреннем политическом поле, стремясь дискредитировать массовые антиолигархические протесты, которые призывали к возвращению институтов либерально-демократического государства к выполнению их основных функций — защиты общественных интересов и обеспечения плюрализма и разделения властей. В 2013 году геополитическая пропаганда — антиевропейская, антиамериканская, антинатовская — и восхваление России практически отсутствовали. Следовательно, появление антилиберальной пропаганды и ее все нарастающее использование, видимо, было инспирировано местными политэкономическими интересами. Антилиберальная пропаганда в Болгарии зародилась как феномен внутреннего происхождения, а не в результате прямого вмешательства России². Однако российское вмешательство можно обнаружить на более позднем этапе, о чем свидетельствует совпадение появления геополитических аспектов с присоединением Крыма и с российским политическим календарем³.

¹ Конечно, до 2013 года в Болгарии тоже были организации и партии, напрямую продвигавшие язык российской пропаганды, в первую очередь это пророссийская партия «Атака», а также ряд представителей БСП, бывшей Коммунистической партии, но до этого момента их голоса оставались в значительной степени маргинальными.

² [Электронный ресурс]. <https://www.opendemocracy.net/od-russia/tom-junes/bulgaria-how-not-to-mistake-russian-propaganda-for-russian-policy>; http://hssfoundation.org/wp-content/uploads/2017/04/SUMMARY_Bulgaria-and-Russian-propaganda_EN.pdf

³ Но чтобы понять, насколько переплетены местные экономические интересы и российская пропаганда, нужно иметь в виду, что экономическое влияние России в Болгарии очень сильно: российский «след» в экономике Болгарии превышает 25%, а в некоторых отраслях, в первую очередь энергетической, Россия доминирует. [Электронный ресурс]. http://www.csd.bg/fileadmin/user_upload/160928_Conley_KremlinPlaybook_Web.pdf). Другими словами, значительная часть экономических интересов в Болгарии является напрямую российскими или пророссийскими. Это частично объясняет, почему популистский пропагандистский антилиберальный дискурс в Болгарии недалеко отходит от официальной российской пропаганды. Более того, как и у большинства балканских народов, получивших независимость в результате русско-турецких войн XIX века, русофилия и благодарность «освободителям» являются частью болгарского мифа о создании государства и частью национальной идентичности. Поэтому использовать пророссийский лексикон просто и эффективно.

Это свидетельствует о первоначальном тактическом заимствовании тропов из российской пропаганды и пересадке их в болгарский медийный дискурс для внутривластных целей. Более того, существенная часть словаря для дискредитации внутривластных оппонентов напрямую скопирована из русского: слова вроде «толераст», «либерал-фашист» и т. п. используются как готовое блюдо и появились в местной прессе, чтобы служить интересам разнообразных сил. Этот альянс сил в Болгарии не представлен какой-то одной партией, не работает постоянно «за» или «против» какой-либо партии, скорее он создает различные СМИ, часто аффилированные с различными партиями или медиа, которые могут быть использованы в тактических целях в любой момент, чтобы дискредитировать и правительство, каким бы оно ни было, и любого другого политического или гражданского деятеля. И вообще, политэкономические силы, стоящие за СМИ, настолько разнообразны, насколько и объекты популистской пропаганды. Однако эти силы объединяются, достигая взаимопонимания, когда хотят атаковать инициативы или деятелей, борющихся за больший общественный контроль и прозрачность, в первую очередь через реформу судебной системы⁴.

Использование тезисов в пропаганде: контент-анализ

В 2013 году первоначальный импорт тропов из российской пропаганды проходил в форме «готовых блюд», пригодных к использованию интерпретаций и тезисов, в среду низкооплачиваемых журналистов, привыкших обслуживать противоречивые внутренние интересы. Спустя всего полгода картина существенно поменялась. После аннексии Крыма количество публикаций с использованием ключевых слов из евроскептического, антиамериканского и пророссийского смысловых кластеров начало расти в геометрической прогрессии. Были ли это тоже готовые интерпретации для политического и олигархического потребления внутри страны? Чтобы определить различные виды использования тропов популистской пропаганды, мы сделали дополнительную выборку из

⁴ Основным элементом непрозрачности в Болгарии является прокуратура, входящая в судебную систему, но являющаяся централизованной, иерархической структурой с единым командованием, никак не контролируемой, все назначения в которой находятся под контролем политического аппарата генерального прокурора. Таким образом, прокуратура может быть используется для сведения счетов с неудобными политическими и экономическими оппонентами, в связи с чем гражданские протесты 2013 года в первую очередь требовали реформирования именно ее.

3305 публикаций восьми средств массовой информации, различных по типу производимого контента, способу распространения и целевой аудитории¹. Для анализа этого медийного контента мы объединили темы американской гегемонии и смерти Европы в одну, названную «закат Запада». Ниже представлены некоторые результаты контент-анализа.

Публикации, посвященные геополитическим темам, в основном анонимные. Любимая тема анонимных публикаций — подъем России, а любимый жанр — новостной репортаж. Анонимный новостной репортаж определенно не числится в репертуаре «недовольных масс». Это чистая пропаганда — техника насыщения информационной среды материалами, которые резонируют не с каким-либо социальным недовольством или устремлением, а с точкой зрения на современную реальность как на набор фактов. Аккумулируемые «факты» предназначены для того, чтобы «говорить за себя». Как же в таком случае выглядит «реальность», сконструированная из этих «фактов»?

Образ России выстраивается эллиптически, при помощи исторических аналогий. Основных аналогий используется две. Во-первых, Россия изображается как невинная жертва агрессии, как во время Второй мировой войны. Недавняя агрессия против России имеет три типа: создание фронта вдоль западных границ; незаслуженные санкции; кампания по дискредитации в западных медиа, которые незаслуженно обвиняют ее в военной агрессии, тогда как она является миротворцем (аналогии проводятся между Донцом, Алеппо и Сталинградом). Во-вторых, Россия изображается освободительницей Европы. Во время Второй мировой Россия освободила Европу от фашизма, а теперь она освобождает ее одновременно от ислама, американской гегемонии и морального разложения либерализма. Эти составляющие официальной российской пропаганды с большей вероятностью будут продвигаться в анонимных публикациях.

¹ Подробнее о методах выборки и внесения в список, см. полный отчет об исследовании: [Электронный ресурс]. http://hssfoundation.org/wp-content/uploads/2017/04/REPORT_PART1_EN.pdf. Материалы из изданий Русия Днес, Поглед Инфо, Труд, A-spectro, Glasove, ПИК и Weekend, собранные в базе данных, характеризовались по: информация об авторе, СМИ, рубрике и жанре каждой публикации (формальный анализ); главные темы и аргументы в их пользу в каждой публикации (контент-анализ); определение основных негативно и позитивно характеризующих акторов — частных лиц, политических фигур, институтов, режиссеров (структурный анализ); способы такой характеристики — через эпитеты, действия, описания характера и т.п. (семантический анализ).

Еще один геополитический тезис, используемый главным образом анонимно (хотя не так часто, как пророссийские): Европу поработили институты объединенной Европы, которые, в свою очередь, являются проводниками интересов США. Другими словами, цель — в популяризации евроскептицизма посредством антиамериканизма. Либеральные ценности — это оружие США, ослабляющее Европу; мультикультурализм и права человека — это оружие США против европейских идентичностей. Вдобавок, уничтожив европейский иммунитет при помощи мультикультурализма и прав человека, США используют и более прямое оружие — исламское нашествие. Так что же осталось от Европы? Национальные государства.

Однако разве мы не классифицируем как пропаганду то, что на самом деле является критикой? Именно на этом играет антилиберальная пропаганда, используя фигуры, имманентные политической и культурной вселенной либерализма. Но мы должны помнить, что пропаганда (как и «постправда») — это не просто ложь: это режим частичной правды, полуправды, правды вне контекста, которая упакована, мобилизована и используется, чтобы играть на существующих стереотипах и обидах².

Как же это происходит в публикациях на внутривнутриполитические темы? Это делается посредством изобличения мультикультурализма и политкорректности как американского оружия против Европы. Отвергать их не неправильно, а, наоборот, благородно и смело. Те, кто обвиняют вас в риторике ненависти, лишь показывают, что являются американскими агентами (в более мягком варианте — проводниками иностранных интересов). Риторике вражды придается статус гражданской доблести — только она «искренна» и «правдива».

Это четко показывает, как антилиберальная пропаганда перерабатывает и упаковывает устремления доморощенного популизма. Болгарские социологи давно отметили один типичный эффект чувства социальной несправедливости: обвинение цыганского меньшинства в паразитизме — состоянии, которое называется «врожденным» и которое политические элиты используют, чтобы оставаться у власти³. Доморощенный популистский момент здесь в идее, что права цыган — это не права, а привилегии,

² Об этих свойствах пропаганды см.: *Ellul J. Propaganda: The Formation of Men's Attitudes* (K. Kellen & J. Lerner, trans.). New York: Vintage Books, 1973, P. 35–37.

³ *Iakimova M. About «Gypsies», «Roma» and «Umberto Eco» // Critique and Humanism. № 39 (2). 2012. P. 279–299* (in Bulgarian). See also: *Pamporov A. Social Distances and Ethnic Stereotypes Towards Minorities in Bulgaria*. Sofia: Open Society Institute (in Bulgarian), 2009.

которые лишают остальное население, то есть не цыган, его прав. Здесь пропаганда — а то, что это пропаганда, а не дезинформация, очевидно, — обращается к классическим, проверенным временем техникам создания моральной паники по поводу меньшинства, добавляя к такому образу беженцев и мигрантов и объявляя риторику ненависти по отношению к ним гражданской доблестью. Эффект от такой трансформации общественного ресентимента (популистский момент) в добродетель глубже настраивания общественности против меньшинств. В первую очередь промотируется тезис о национальном суверенитете как главной европейской ценности, которая систематически разрушается ЕС, проводником американских гегемонских интересов. Какой именно популистский ресентимент культивирует данная схема пропаганды? Что мы, болгары, — «европейцы второго сорта», а «они», люди Запада, «приезжают в Болгарию по социальным путевкам формата “все включено”, мы убираем в их домах и присматриваем за их стариками».

Чтобы отличить прямую российскую пропаганду в Болгарии и тактическое использование распространенных клише из нее, мы изучали три типа СМИ: 1) СМИ — геополитические пропагандисты (превалируют статьи о внешней политике, а тема «Россия» превалирует над темой «Болгария» — газета *Русия Днес*, журнал *A-specto* и новостное агентство ПИК; 2) СМИ, использующие средства пропаганды для внутривнутриполитических целей (превалируют публикации на внутривнутриполитические темы, причем статей по теме «Болгария» решительно больше, чем по теме «Россия», — ежедневные газеты *Дума* и *Труд*, а также еженедельный таблоид *Weekend*; 3) СМИ, совмещающие геополитическую пропаганду и внутреннюю политику (статьи о внешней политике превалируют над статьями о внутренней, но тема «Болгария» посвящено больше внимания, чем теме «Россия», — сайты *Pogled-info* и *Glasove*).

A-specto — журнал с претензией на элитарность, что-то вроде журналистского экспертно-аналитического центра, где большая часть статей посвящена глобальным политическим и экономическим проблемам, а редакторы и ведущие авторы относительно известны и идентифицируются как «левацкие» журналисты. «Левацкий» профиль журнала, впрочем, сомнителен, потому что с самого запуска издания критика гегемонии неоллиберализма автоматически и систематически «переводилась» в термины реальной политики, геостратегии и

даже в открыто националистические термины, такие как «гегемония США и их евроатлантических союзников». США являются «главным злодеем» в 43% статей *A-specto*¹, что полностью соответствует российской модели, с четкой линией на защиту российского «национал-суверенитета». Также показателен момент запуска журнала — первый выпуск вышел в апреле 2014 года, через месяц после аннексии Крыма, и уже в этом номере есть статьи, защищающие геополитическое родство Украины с Россией или рассказывающие об истории «украинского фашизма».

№ 28 за июль 2016 года полностью посвящен защите тезиса о принадлежности Крыма России — сотрудники журнала даже съездили в Крым, чтобы взять интервью у чиновников высшего звена. Другими словами, *A-specto* — это прямой проводник российских геополитических тезисов и функционирует полностью в соответствии с повесткой дня и приоритетами официальной российской пропаганды. Статьи оттуда широко распространяются через газету *Дума*, представлявшую Болгарскую социалистическую партию (БСП, наследница Коммунистической партии Болгарии), через пропагандистский дайджест *Pogled-info*, связанный с той же партией, и через такие СМИ, как *Glasove*, *Епицентар* и *Труд*. В последнее время *A-specto* все больше перепечатывает «сообразные» статьи, переведенные с русского, вероятно, потому что большая часть основных авторов издания уже делает карьеру в политике: на последних парламентских и президентских выборах БСП попыталась оседлать волну популистской пропаганды — журналист Иво Х. Христов стал ответственным за пиар, а затем главой кабинета вновь избранного президента Румена Радева, а журналисты Александр Симов, Тома Томов и социолог Иво А. Христов стали членами парламента от БСП.

В отличие от открыто пропагандистского журнала *A-specto*, таблоид *Труд*, принадлежащий к второму типу СМИ, также использует геополитические тезисы в качестве основы, но

¹ В каждом документе архива были идентифицированы антагонисты и протагонисты. Количественный анализ всех статей из отобранных восьми СМИ позволил нам прийти к занятым выводам о современной антилиберальной пропаганде в Болгарии: 1) практически отсутствуют совпадения между списками антагонистов и протагонистов, то есть болгарская антилиберальная пропаганда рисует раздвоенный черно-белый мир; 2) антагонистов существенно больше, чем протагонистов, что может быть доказательством негативного и подрывного характера болгарской антилиберальной пропаганды; 3) протагонисты чаще всего провозглашаются косвенно как антагонисты антагонистов или как их жертвы.

исключительно тактически, просто потому что они удобны и доступны, чтобы продвигать истинно внутривластные идеи, — здесь пропагандистские клише используются для дискредитации политических оппонентов внутри страны, и чаще, чем геополитические.

Наиболее явно это становится видно из данных структурного анализа, который прошли статьи из архива. В *Труде* США являются главным злодеем в 5,3% статей; больше же (7,2%) статей, где главный враг — это «круг *Капитала*», особый пропагандистский ярлык, обозначающий два пролиберальных СМИ (еженедельную газету *Капитал* и новостной сайт *Дневник*) и намекающий на их принадлежность к более крупной олигархической сети. *Труд* также постоянно использует дискурсивную стратегию для делигитимизации Майдана в Киеве и «цветных» революций в целом, чтобы очернить всевозможные организации и активистов, связанных с судебной реформой и движением по защите окружающей среды. Что интересно, *Труд* был приобретен его нынешним владельцем, Петью Бласковым, на кредит, предоставленный «Первым Инвестиционным Банком»¹, связанным с крупным предпринимателем в сфере горнолыжного туризма и девелопмента территорий, за защищенный статус которых борются активисты-экологи. Здесь очернение сектора НКО и гражданских инициатив, использованное Кремлем, чтобы предотвратить и подавить подобные Майдану настроения в России, используется в качестве риторической дымовой завесы при продвижении вполне конкретных экономических интересов.

Показательно также, что, хотя представленные в выборке СМИ распространяют антилиберальную, евроскептическую и пророссийскую пропаганду, они не идентифицируются явно с какой-либо одной партией — ни с открыто пророссийской националистической партией «Атака», ни с БСП, традиционно ориентированной, по крайней мере, через одну из своих фракций, на Кремль и российские энергетические проекты. Показательна, однако, позиция по отношению к Бойко Борису (утвержденному в должности премьера в третий раз лидеру ГЕРБ — правоцентристской партии, входящей в Европейскую народную партию). В общем списке антагонистов из выборки он стоит вторым после США. Однако в трех СМИ — *Труде*, *Weekend* и *ПИК* — он крайне редко выставляется

ся в роли злодея. Именно эти СМИ, публично провоцирующие цинизм лозунгами вроде «все политики — мерзавцы», оказывают Борису скрытую поддержку, советуя избегать «плохих партнеров», которые хотят повысить контроль общественности над институтами, а главное — углубить судебную реформу.

Популистская критика призывает к народному суверенитету и возвращению к национальным государствам вместо международного сообщества, которое якобы является не чем иным как маской для жадности (колониализма и империализма) Запада, в сочетании с его логической и военной слабостью. Как же выглядит такой национал-суверенитет? Семантический анализ посылов всех СМИ показывает, что национал-суверенитет — это отрицание мультикультурализма, межкультурного сосуществования и институционализма. Он риторически изымает демократию из институтов и гражданских процессов и закрепляет ее за народом. Но разве это не истинная демократия, пусть и нелиберального толка?

Чтобы ответить на данный вопрос, посмотрим, как выглядит демос в этой демократии, и спросим, чего он хочет. Ответ — он хочет лишь, чтобы его оставили в покое, чтобы заниматься своими частными делами, а не глобальными вопросами, потому что «маленькие люди не созданы для больших вещей». Что этот демос делает? Ничего, потому что, что бы он ни делал, это не имеет значения, а тот факт, что он ничего не предпринимает, показывает его мудрость. Он мудр, потому что неактивен, это его достоинство. Помимо мудрости, он также естественным образом честен, называя все своими именами: беженцев — цыганами, а цыган — животными. Сгруппированные пропагандой левые и правые популистские голоса утратили различия, сливаясь в национализм самого банального и примитивного толка. У этого много причин и лишь одна из них — беспрепятственное внедрение готовых к употреблению кремлевских интерпретаций, которые служат поддержанию авторитарно-олигархического режима, у которого на структурном уровне есть потребность в бездействии граждан.

Не только Кремль заинтересован в бездействии своих граждан и ослаблении международного регулирования или, в случае Болгарии, в ослаблении ЕС. Заинтересованных сторон много, и большинство из них местные.

¹ [Электронный ресурс]. <https://offnews.bg/medii/pib-finansiralasdelkata-za-prodazhbata-na-trud-ot-petio-blaskov-619428.html>

Алексей ЛЕВИНСОН

Заметки о бюрократии в социальной структуре современного российского общества¹

1. Бюрократия и прекариат

Существует множество определений того, что такое социальная структура. Все они говорят о социологических категориях — группах, институтах, статусах, ролях и пр. как о сущностях. Из их сложения в некотором помышляемом порядке получают «социальную структуру». Это подсказывает другой подход к определению: социальной структурой, очевидно, является представление социологов и других обществоведов об устройстве общества вообще или некоего конкретного общества.

Но свои представления об этом устройстве имеют и собственно члены общества. Тогда социальной структурой можно называть и устойчивые социальные обстоятельства, которые, по представлениям членов общества, определяют их существование в нем.

Мы будем придерживаться второго понимания. В соответствии с этим обратимся к результатам многочисленных качественных исследований, которые приходилось проводить за постсоветские годы.

Они часто показывали такую картину (люди обычно строят ее иерархически). Если говорить о представлениях людей активного возраста, то они вначале выделяют некоторую верхушку, элиту или несколько элит, далее говорят «мы», или «простые люди», или «средний класс», а затем «бедные», «пенсионеры». Иногда в самом низу помещают «нищих» или «бомжей». В эпохи кризиса понятие «бедные», «простые» и «мы» имеют тенденцию сливаться. Тогда «пенсионеры» попадают в категорию «нищих». В смысле размеров категория «мы» = «простые люди» = «средний класс» и мыслится как наиболее многочисленная, остальные оказываются на положении меньшинств.

Похожую картину дают массовые опросы в части, где респондентам предлагают отнести себя к тому или иному слою общества. Абсолютное большинство относит себя к «средне-

му» слою, внутри этого большинства большинство помещает себя в середину среднего слоя. Проводившийся в свое время эксперимент, при котором слово «слой» в формулировке вопроса заменялось на «класс», показал, что на распределение ответов это практически не влияет.

Данное явление обсуждалось специалистами, и Л. Хахулиной было предложено определение «субъективный средний класс» для обозначения этого воображаемого большинством большинства². В качестве курьеза можно отметить, что в такой «средний класс» записывались около 70% населения, и делали они это тогда, когда не только среди специалистов, но и среди политиков обсуждалась социальная цель: добиться того, чтобы в России, как и в развитых странах Запада, средний класс составлял 70% населения. Участникам таких обсуждений было понятно, что это далекая цель, а наличного среднего класса или совсем еще нет, или он составляет ничтожное меньшинство.

Дискуссии о наличии/отсутствии в России среднего класса тогда были весьма популярными. Одной из причин этого было принесенное в сознание элит представление, что наличие среднего класса как большинства есть гарантия стабильности общества. При этом элиты, что были ближе к власти или ее образовывали, возлагали основные надежды на то, что средний класс обычно лоялен режиму, не склонен к бунту. А элиты, дистанцированные от власти, уповали на то, что средний класс обычно является носителем либеральных взглядов и, став большинством, сформирует власть сообразно своим социальным и политическим установкам.

При этом всем участникам таких дискуссий и размышлений представлялось, что средний класс сложится, как и в странах Запада, взятых за образец, прежде всего из мелких и средних предпринимателей, лиц свободных профессий — словом, людей самозанятых, потому независимых и ориентированных на стабильные условия жизни.

¹ При написании статьи использованы материалы исследований, проведенных сотрудниками «Левада-Центра» по заказу Комитета гражданских инициатив. Автор приносит благодарность Ю. Брошадту, О. Караевой и С. Королевой за помощь в этой работе.

² Хахулина Л.А. Субъективный средний класс // Мониторинг общественного мнения. 1999. № 2.

Вскоре в стране действительно установилась власть, обладающая невиданным до того ресурсом общественной поддержки. То ли ей удалось установить условия стабильности, то ли она удачно попала в такие само собой установившиеся формы стабильности, сейчас не будем выяснять. Если стабильность и нарушали кризисы, то за небольшими исключениями все они были вызваны или казались вызванными не внутренними социальными причинами, а внешними — то ли плохой мировой экономической конъюнктурой, то ли происками недругов. Как бы то ни было, возникновение стабильности связать с формированием того среднего класса, о котором велись разговоры, не было возможности, да никто и не пытался. Формирование предпринимательского сословия, активно начавшееся в первые постсоветские годы, затормозилось и затем, с формированием режима стабильности, замерло. Доля предпринимателей в составе российского общества стагнирует все путинские годы.

На кого же опирается эта замечательно стабильная власть, если чаемая ею опора не возникла? Дискуссии о среднем классе сошли на нет. Слова «средний класс» между тем остались в обиходе. Отметим, что слово «средний» широкая публика понимает не столько в его значении «находящийся между, посередине», сколько в его значении «такой, как все», «не отличимый от других». Исследователи российского общества знают, что в нем господствует стремление индивидов приписать себя к большинству, спрятаться в его толще, быть в этом смысле невидимым — прежде всего для власти. Да и социальный контроль в недавно урбанизованном обществе не поощряет (на уровне эгалитаристского публичного дискурса) стремления выделяться.

Слова «средний класс» оказались также нужны многочисленным специалистам, так или иначе связанным с массовым потребительским поведением. Они отмечают приход в Россию некоторых образцов такого поведения, характерных для европейского и американского среднего класса. Первыми адептами этих стандартов стали действительно представители зарождавшегося в нашей стране «классического» среднего класса¹. Как указывалось, его составляли предприниматели и люди свободных профессий. Последние обеспечивали первоначаль-

¹ Напомним, что этот «средний класс» пошел в рост после недолгого, но яркого периода существования «новых русских» с их эклектической культурой показного потребления, вызывавшей ироническую реакцию остального общества.

ный перенос образцов, первые — их акцепцию, встраивание в свой обиход и образ жизни, формирование платежеспособного спроса, участие в устойчивом импорте. На участии в этом процессе начал складываться отечественный маркетинг как вид деятельности, как профессия.

Если социологи — некоторые с тревогой — отмечали стагнацию класса предпринимателей, жалующихся на невозможность нормального бизнеса ввиду произвола и давления госчиновников из различных ведомств, то маркетологи с удовлетворением фиксировали рост среднего класса, который определяли по объемам и характеру потребления.

В самом деле, за годы путинского правления буквально по всем городам страны распространились так называемые элитные районы или хотя бы элитные дома и магазины брендовых товаров. Слово «шопинг» вошло в обиход. Некоторые наблюдатели отмечали, что у нас стала проявляться классическая феноменология «показного потребления», и они сочли возможным констатировать появление в России «общества потребления»².

Широко известно, что экономической основой этого процветания явилась благоприятная конъюнктура цен на экспортируемое Россией углеводородное сырье. Менее широко было признано, что возможность национальной экономики усваивать и перераспределять этот приток капиталов была заложена экономическими реформами первых постсоветских лет.

Так или иначе, процесс расширения доли потребителей, причисляемых (или причисляющих себя) к «российскому среднему классу», происходил на протяжении большей части путинских лет.

Из сказанного ясно, что в России рос и развивался «неклассический средний класс»³. За счет кого он рос?

Вернемся к представлениям россиян об устойчивых социальных обстоятельствах — их можно считать представлениями о социальной структуре или, если угодно, по-дюркгеймиански, и считать собственно социальной структурой.

² Здесь нет места для развернутой дискуссии на эту тему. Ограничимся соображением, что «общество потребления» у нас в той же степени «не то», как «не тот» пресловутый «средний класс», «не то» «постиндустриальное общество» и прочие феномены, обнаруженные социологией, изучавшей реальность не нашу, а иную.

³ Эту тенденцию мы отмечали в начале 2000-х. Левинсон А. *с соавт.* О тех, кто называет себя «средний класс» // Вестник общественного мнения. № 5 (73). 2004. С. 48 и далее.

В ходе качественных исследований, фокус-групп и иных вариантов групповых дискуссий устойчиво наблюдалось следующее. На просьбу изобразить состав российского общества респонденты, как правило, предъявляли уже описанную ранее трехэтажную модель, в центре которой «мы», выше нас начальство, ниже нас пенсионеры. Однако при обсуждении других общественно значимых вопросов открывалось существование двух других социальных состояний, о которых при изображении трехэтажной модели речь обычно не заходила. Они оказывались закрыты своего рода слепым пятном.

Одним из таких состояний были «приезжие», «гастарбайтеры». У этой категории много других названий, как эвфемистических («гости с юга»), так и жестко-пейоративных («чурки»). Казалось бы, повсеместное существование, наличие, присутствие этой категории людей более чем очевидно. Оно обсуждается на фокус-группах с величайшим пылом и разгулом самых сильных негативных эмоций. Однако эту категорию не упоминают, рисуя состав общества. Причина в том, что ее не хотят видеть в этом составе, ее исключают из общества. Мы еще будем говорить об отношении к «приезжим», сейчас зафиксируем факт этой эксклюзии, но не как моральный факт, а как свидетельство некоторого особого отношения россиян к данной категории людей. Эта особенность и будет впоследствии обсуждаться.

В ходе групповых дискуссий, как и в ходе массовых опросов, обнаруживается еще одно социальное состояние, не упоминаемое в общепринятой картине. Оно возникает и демонстрирует свою значительность при обсуждении вопросов карьеры, выбора профессии для себя (молодыми) или детей (более старшими). Есть ряд профессий, которые считаются «хорошими»: врачи, учителя, инженеры. Но известно, что им мало платят. Есть «новые» хорошие профессии — банкир, финансист. Здесь высокие доходы, но для обычного человека эти позиции недостижимы. Есть профессии «юрист» и «экономист», которые стали символом новых времен. С этими компетенциями, как считалось, можно иметь лучшие возможности на современном рынке труда.

Но если вести разговор не о профессиях, а о том, где лучше всего работать, то чем дальше по ходу путинских лет, тем прочнее формировалось убеждение, что оптимальное место работы — в государственных организациях. Идея частного, свободного индивидуального и самостоятельного существования как идеаль-

ного, мотивировавшая первых героев «классического» среднего класса, не просто ушла — она сменилась противоположной. Мальчиков и девочек стал привлекать идеал службы в его наиболее жестком, наиболее далеком от частной свободы варианте: это служба в правоохранительных органах либо в вооруженных силах. При всей их многочисленности эти места не поглотят это множество испытывающих подобные aspirations. Но они останутся идеалом.

Для людей в более зрелом, но молодом возрасте привлекательной и вполне практической идеей является идея статской государственной службы. Они знают, что более надежного места в небольшом городе, чем работа в администрации, нет.

Известно, что в первое послесоветское десятилетие прошло разгосударствление экономики на три четверти. За последующие — путинские — годы процесс был реверсирован, и теперь три четверти экономики огосударствлено. Разумеется, характер государства и соответственно статус государственного предприятия теперь не тот, что был в советское время. Крупный российский капитал, по известному выражению, приватизировал доходы и национализировал издержки. Эта схема — схема работы так называемых теневых предприятий советского времени — реализована не как криминальная, а как официально принятая.

Многочисленные исследования показывали, что рядовые работники крупных отечественных предприятий зачастую не замечали ни момента приватизации, ни момента обратной национализации их предприятий. Но общее убеждение, выявляемое средствами социологических исследований, гласило, что рабочему лучше всего работать на крупном госпредприятии (на втором месте — крупные иностранные фирмы).

Теперь — о рабочем месте. Еще в советское время (первыми) социологами было выяснено, что наши люди в целом предпочитают «чистую» работу «грязной» (вторую называли «физическим трудом»). Называть первую «умственным трудом» было не всегда уместно, поскольку речь, как правило, шла о конторской работе. Учреждение в этом смысле отличалось от предприятия. (Впрочем, на предприятиях тоже были этажи «чистой» — управленческой — работы.)

Внутри управленческой деятельности различались две статусные ступени: «работа с бумажками» и «работа с людьми». «Работа с бумажками» — нижняя ступень, удел почти исключительно женщин. Удел для них, как пра-

вило, пожизненный. (Попадающий на такие должности мужчина быстро продвигался наверх и начинал «работать с людьми».) Руководство несколькими работниками (такой функциональной единицей, как, например, отдел) обычно тоже осуществлялось женщинами. Это первый и второй этажи грандиозной структуры бюрократии, предмет которой — руководство людьми, напрямую или через «бумажки».

Заслуживает особого упоминания такой вариант «руководства людьми», как исполнение функций воспитателя и преподавателя в детских дошкольных и школьных учреждениях образования. Руководство людьми всегда есть власть и распоряжение. Воспитатели и педагоги — массовая профессия, прерогативой ее носителей является власть над социально неполноценными субъектами — детьми. Добавим, что медицинская профессия в советское время выстраивалась так, что врач — в поликлинике или в стационаре — обладал властью и распоряжением в отношении пациента, чей статус также оказывался хотя бы временно сниженным, неполноценным.

Нет нужды специально аргументировать, что в образовательных и медицинских учреждениях, реализующих государственные программы, на этих должностях заняты почти исключительно женщины. Если принять определение бюрократии как людей, управляющих людьми, то и это тоже части бюрократии. Это основание пирамиды, и оно в перечисленных отраслях женское. Если взять силовую бюрократию, которая управляет людьми через насилие, то она и в нижних отделах мужская.

На более высоких уровнях, на которых происходит руководство теми, кто руководит, появляются мужчины. И чем выше ступень руководства руководящими, тем выше вероятность, что должности там будут замещены мужчинами. Мы рассказываем об этих всем известных обстоятельствах, чтобы подчеркнуть, что подобное разделение функций и присущих им статусов представляется всем, кроме феминисток, естественным. Данная констатация нам нужна, чтобы указать на кажущуюся естественность, природность, историческую укорененность установившегося на самом деле недавно порядка вещей.

В годы путинского правления основание пирамиды разрасталось, т.е. увеличивалось количество учреждений и ведомств, предназначенных управлять деятельностью и жизненными процессами в обществе. Росло и количество этажей управления управляющими. Подсчеты

даже первых послесоветских лет свидетельствовали, что количество управленцев в России больше, и чем в РСФСР, и чем во всем СССР. Мы не намерены проверять эти расчеты и давать собственную количественную оценку объемам бюрократии в РФ. Для нашей работы гораздо важнее другой способ этой оценки — тот, который дает общество. Общество реагирует не на собственно количество бюрократов, а на то, какой объем общественного пространства занимает бюрократия, каков объем ее власти и распоряжения относительно общества в целом. И оценка здесь не градуальная, а качественная: бюрократия/власть занимает столько общественного пространства, сколько ей полагается, или больше.

Суть развиваемой в этой работе идеи состоит в том, что границы допустимого бюрократией переиждены, она заняла больше общественного места, чем общество считает правильным. Но в силу того, что именно в ряды бюрократии и стремится в идеале попасть само общество, протестный ответ на эту экспансию не совершается. Происходит перенос агрессии.

Куда переносится агрессия, будет описано далее. Пока констатируем, что в социальной структуре нынешнего российского общества существуют с высокой определенностью два класса: бюрократия и андеркласс, оба — на особом положении. Их видят за границами общества. (Хотя сама бюрократия себя видит в его середине, в центре и вполне готова именоваться «средним классом». Впрочем, в важных случаях они зовут себя «государственными людьми».)

Повторим, что под бюрократией мы здесь предлагаем понимать ту категорию жителей страны, которые в силу занимаемых ими должностей управляют действиями и поведением других жителей. Должности и полномочия этих людей образуют институты, совокупность которых называется государством. Управление, которое осуществляют эти люди, называется властью.

Власть как возможность управления — одна из главных ценностей в нашем обществе. Обладающий некоторой властью над людьми всегда выше по статусу, чем обладающий властью над механизмами или процессами. Анекдотические истории о власти, присваиваемой вахтерами над посетителями или продавщицами над покупателями, указывают именно на ценность власти.

Бюрократия в обществах типа советского не раз становилась предметом серьезных дискуссий. Уже через год после установления со-

ветской власти в России Роза Люксембург критиковала формирующийся строй именно как строй с диктатурой бюрократии. В 1918 году, за год до своей гибели, она писала, адресуясь к большевикам-победителям: «Свобода лишь для сторонников правительства, лишь для членов одной партии — сколь бы многочисленными они ни были — это не свобода. Свобода всегда есть свобода для инакомыслящих. Не из-за фанатизма “справедливости”, а потому, что от этой сути зависит все оживляющее, исцеляющее и очищающее действие политической свободы; оно прекращается, если “свобода” становится привилегией...»¹. Предугадывая дальнейшее развитие событий в России, она предупреждала: «С подавлением свободной политической жизни во всей стране... жизнь неизбежно все более и более замирает. Без всеобщих выборов, неограниченной свободы печати и собраний, свободной борьбы мнений замирает жизнь в любом общественном учреждении, она превращается в видимость жизни, деятельным элементом которой остается одна только бюрократия... Это диктатура, но не диктатура пролетариата, а диктатура горстки политиков... Такие условия должны привести к одичанию общественной жизни — покушениям, расстрелам заложников и т.д. Это могущественный объективный закон, действия которого не может избежать никакая партия»².

Тенденции обюрокративания новой власти отмечали и Владимир Ленин, и Лев Троцкий. Оба были бессильны их остановить, поскольку сами действовали методами, против которых призывали бороться.

Особо отметим, что с ранних пор существования Советского государства в его ядре был сформирован орган, который номинально был подчинен государству и высшим партийным инстанциям, но был наделен и правами неподчинения. Речь идет о Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем³. Фундаментальный характер исключительности, чрезвычайности этих орга-

нов как особого отряда бюрократии сохранялся на всем протяжении их существования и далее лег в основу бюрократии вообще. Об этом будет сказано ниже.

Мрачные предсказания Розы Люксембург о диктатуре бюрократии сбылись в чудовищных формах массового террора и пр. не только в СССР, но и в других странах, которыми управляли партии, называвшие себя коммунистическими. В 1953 году Милован Джилас заявил о формировании в его родной Югославии нового правящего класса. В 1957-м он развил эти тезисы в книге «Новый класс», распространив свои заключения на все коммунистические режимы. Бюрократия, о которой он писал, ответила ему на своем языке: автор получил семь лет тюрьмы.

Для Джиласа как марксиста было важно подчеркнуть классовую природу коммунистической бюрократии. Этим он стремился показать, что ведет речь не об отдельных злоупотреблениях/преступлениях должностных лиц, но о формировании социальной системы, в которой такие действия объективно неизбежны и неизбежно массовы.

«Этот новый класс, бюрократия, или, точнее выражаясь, политическая бюрократия, обладает всеми характерными чертами прежних классов; но есть у него и новые, одному ему принадлежащие черты. Происхождение его тоже не совсем обычное, хотя в основном и похоже на начало других классов. Другие классы точно так же достигали могущества и власти революционным способом, разрушая политический и социальный строй, стоявший у них на пути. Однако эти классы почти всегда приходили к власти уже после того, как в старом обществе возникали новые хозяйственные отношения. С новым классом в коммунистических странах дело шло в обратном порядке. Новый класс пришел к власти не для того, чтобы закончить создание нового хозяйственного строя, а для того, чтобы установить свой собственный, нужный ему строй и подчинить своей власти все общество в целом»⁴.

Попытку описать образующееся таким путем государство предпринял Янош Корнай. Отталкиваясь от идеи Гумбольдта о «минимальном государстве», этот автор описал его противоположность — «максимальное государство». Для него характерен «предельно возможный уровень бюрократической власти, осуществимость которого зависит от практических

¹ Люксембург Р. Рукопись о русской революции // Роза Люксембург. Актуальные аспекты политической и научной деятельности. (К 85-летию со дня гибели.) Международная конференция в Москве 12 февраля 2004 г. М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 229.

² Люксембург Р. Русская трагедия // Роза Люксембург. Актуальные аспекты политической и научной деятельности. (К 85-летию со дня гибели.) Международная конференция в Москве 12 февраля 2004 г. М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 198.

³ Более полное название с 1918 г. «Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности при СНК РСФСР». Создана постановлением СНК РСФСР от 7(20).12.1917.

⁴ Джилас М. Новый класс. Нью-Йорк, 1961. С. 25.

условий для усиления централизации. К таким условиям относятся технология сбора и обработки информации и связи между должностными лицами в бюрократической иерархии; ... умение манипулировать массами; максимальные пределы допустимости репрессий и т. д.»¹.

В период перестройки, гласности и далее появились и работы отечественных исследователей. Из них мы отметим ту, которая была сделана под руководством Ю.А. Левады². В этой работе указано, что понятие «бюрократии» в так называемом веберовском смысле не приложимо к явлению с таким же названием в нашей действительности. Рациональность отечественной бюрократии неоднократно ставилась под сомнение. Однако «формализм» считается родовой чертой бюрократии, с этим согласны и эксперты, и широкая общественность.

В наших исследованиях неоднократно встречались и жалобы на избыток формализма и соответственно на неразумность требуемых бюрократией процедур и действий, т.е. на ее не-рациональность. Повторим: если в рациональности нашей бюрократии отказывают, то в склонности к формализму — никогда.

Простейшее понимание формализма — это преувеличенная приверженность к формальным отношениям и решениям, т.е. склонность действовать по формальным правилам и там, где здравый смысл (наличная социальная культура) требовал бы действовать на основах неформальных, «человеческих».

Более пристальное изучение темы формализма отечественной бюрократии ведет, однако, к совершенно другим заключениям. Ее современной чертой является как раз распространение неформальных порядков в сферы, где должен действовать закон — недвусмысленная инструкция, прописанный порядок. Неформальные порядки, о которых идет речь, порядки не-универсалистические, а партикуляристические, характерные для ограниченных коллективов, общин, — это первичные отношения внутри собственно бюрократии как корпорации, бюрократии как своего рода общины в обществе.

В то же время бюрократия сохраняет полное распоряжение ресурсом формальных полномочий. Возникает нечто вроде билингвизма; любая осуществляемая ею транзакция может быть

выражена и на официальном, и на внутреннем «языке» (понимая здесь язык не как знаковую систему, но как систему норм, правил и ценностей). Включение того или другого «языка» означает разный порядок рассмотрения любого дела и разные его следствия — удовлетворение всеобщих или внутрикорпоративных интересов. Внутренний язык предполагает свою систему норм как разрешений и запретов. Внутренние нормы могут разрешать запрещенное нормами официальными. Широко обсуждаемая практика откатов как практика не только взимаемой mzды, но и ее перераспределения по всей бюрократической системе, возможна именно в силу этого двоения норм. Оно же объясняет и практику избирательного правосудия.

Особенность изучаемой ситуации в том, что названная практика не остается «внутренним делом» бюрократии как корпорации. В силу сложившейся ее гегемонии в обществе она влияет на общую культуру. Указанный билингвизм, т.е. наличие у каждой официальной нормы ее пары в неофициальном языке «своих», ее отменяющей или трактующей «по-нашему», преподносится обществу как реальность, «правда жизни». При этом право власти высказываться на «своем» языке остается только за нею. Обществу достается лишь релятивизация моральных норм, знание о том, что в реальной жизни кроме правых путей всегда есть «левые», что любую норму можно нарушить, «если надо». Разница между тем порядком, что существует внутри корпорации, и тем, что вне ее, в обществе, принципиальная: нарушение официальной нормы при соблюдении нормы «своей» внутри корпорации не влечет санкций. За пределами этого контура освобождения от санкции нет. Там нарушение нормы лишь морально легитимировано неформальной культурой «своих», далее все зависит от случая, навыков субъекта, ситуации и пр.

Само по себе разделение социального существования на формальное и неформальное, само по себе соприсутствие первичных отношений и отношений других уровней — универсальное явление. Взаимодействие этих начал принимает то синергические, то конфликтные формы. В последнем случае можно наблюдать варианты, при которых одерживает верх то или другое начало.

Феномены неформальных отношений в основном описаны как проявления внутригрупповые, как следствия работы структур внутри малых групп. Эти структуры хорошо изучены в социальной психологии. Те неформальные

¹ Корнаи Я. Размышления о капитализме М., 2012. С. 411.

² Левада Ю. с соавт. Бюрократизм и бюрократия. Необходимость уточнений // «Коммунист». 1988. № 12. Более полная версия этой работы: Феномен бюрократии в историко-социологической перспективе // «Мировая экономика и международные отношения». 1989. № 2, 3, 4.

отношения, которые мы сделали предметом настоящего исследования, также могут быть принадлежностью первичной группы. В самом деле, участники неких формальных (деловых, политических) структур могут быть одновременно членами одной дружеской компании, соседями по одному дачному кооперативу, а то и быть членами одной семьи. Этим случаям мы уделим некоторое внимание, они интересны.

Из литературы и из жизни известны многочисленные примеры общественного негодования по поводу того, что формализм, бюрократия выходят за пределы, которые в обществе считаются естественными. Доминирование неформального начала, экспансия первичных отношений в их прямых и не прямых видах, проявляясь то тут, то там, сопровождает общественное развитие нашей страны не менее чем 100 лет подряд. Характерным является доминирование неформальных структур над формальными. В годы революции 1904–1905 годов, а затем революций 1917-го и Гражданской войны повсеместно встречалось проявление воли и нравов разнообразных человеческих объединений, каковому придавался примат над формальными законами или которые сами объявлялись законами или порядками. Этим славились анархисты, но так поступали все участники многостороннего кровавого конфликта, называемого Гражданской войной.

Далее уже в первых концлагерях, появившихся с установлением твердой советской власти, встречался характерный лозунг «Здесь власть не Советская, здесь власть Соловецкая»¹. Это значило, что неформальный порядок здесь устанавливала сама администрация, это был ее произвол. Но также известно, что далее часть зон оказывалась под контролем «авторитетов» или «воров» и там царил «воровской закон». В позднесоветские и первые постсоветские годы в армии неформальные практики дедовщины, неуставных отношений были сильнее уставных². Таким образом, можно констатировать, что в институтах, где формальный порядок должен был быть наиболее жестким, где для его поддержания имелись самые сильные средства, инструменты прямого физического насилия, — именно там неформальные практики (также опирающиеся на насилие) брали верх над формальными.

Спецификой развития нашей общественной жизни с начала XXI века является парадок-

¹ Ширяев Б. Неугасимая Лампада. М., 2003. С. 45.

² Левинсон А. Об эстетике насилия / Опыт социологии. М., 2004. С. 583.

сальное сочетание гипертрофии формального и неформального моментов разом, повышения роли первичных отношений внутри третичных и более высоких структур. Мы получили в итоге ситуацию с гегемонией бюрократии как якобы предельно формального начала, но наша бюрократия нынешней формации пронизана неформальными отношениями, и неформальные первичные структуры занимают в ней доминирующее положение.

Такое положение следует объяснять двумя группами факторов. Первая связана с характером сегодняшних правящих элит, которые предложили/навязали обществу такую комбинацию³. Другая связана с характером общества, которое ее приняло.

Что касается общества, то склонность значительной его части в ситуации выбора отдавать приоритет неформальным решениям и первичным отношениям надо объяснять характером урбанизации/модернизации. Процессы урбанизации (раскрестьянивания) населения России, начавшиеся в массовых масштабах с Первой мировой войной и далее не останавливающиеся по сию пору, имели две формы. Одна — условно говоря, классическая — выражалась в переходе бывших членов деревенских соседских общин в анонимную урбосреду, где господствуют формальные технологизированные обезличенные отношения. Крестьянин превращался в пролетария или служащего, селянин — в горожанина. Известно из российского и мирового опыта, что при таком переходе в среде неурбанистов сохраняются пережитки прежнего строя их существования. Но все же доминантными являются городские формы общения.

Другой вариант урбанизации, едва ли не более массовый на первых этапах, был удачно назван «слободским»⁴. С точки зрения социолога, переселение из деревни в слободу — это слом традиционной системы первичных отношений, в том числе отношений социального контроля

³ об этом же пишет А. Рубцов: «в наших условиях ручное управление незаметно формирует теневую идеологию, саму суть господства и подчинения, консолидации социума, производства лояльности и легитимности. Это... основа режима, из себя порождающая тип экономических регуляторов, а не наоборот. ... Это идеальное обоснование... авторитаризма, персонализма... вплоть до... фактической несменяемости личной власти». Ведомости 18.09.2017.

⁴ «Слобода, довольно успешно имитирующая форму города, — основа иллюзорной вещественности российского нонурбанизма». Автор термина В.Л. Глазычев выражался резко: «Смею утверждать, что при успешной имитации формы города собственно городское начало в России... органическим образом отсутствовало прежде и отсутствует теперь» <http://www.glazychev.ru/books/slobodizatsia.htm>.

и замена их на новую систему первичных же отношений, но с включениями зон анонимности, которые предстают как зоны отсутствия социального контроля. Далее общей рамкой для свободы является какая-то формальная администрация, чья власть вынужденно опирается на насилие.

Для людей, пребывающих преимущественно в подобных фреймах, естественными отношениями не только в домашней среде, но и в рабочих и в досуговых обстоятельствах будут отношения первичные и неформальные. Их культурный капитал — общий кругозор, знание правил, специфические компетенции за пределами профессии — скуден. Социальный капитал — знакомства, опыт общения, отношений — более богат. Если они оказываются в ситуации, построенной на принципах формальности, правил, законов, они ищут возможности реализовать второй, более сильный ресурс, решать вопросы и проблемы привычным неформальным путем. Формальные процедуры они стремятся облечь в форму неформальных. Далее вопрос в том, как на это реагируют официальные лица, командующие формальной ситуацией. Если они настаивают (как «истинные» бюрократы) на соблюдении формальностей, они «учат» этих неурбанистов формальному поведению. Это путь жесткого взаимодействия. Если же они «идут навстречу», заменяют формальности «человеческим отношением», они встречают благодарность посетителей, с которыми заговорили на «их» языке. Как будет выражаться эта благодарность, зависит от частных обстоятельств.

Остается сказать, что таким образом складываются паттерны взаимодействия, к которым социализируются следующие поколения, выросшие в условиях поселков и слобод, постепенно накапливающих определенный потенциал урбанизма. Но означенные паттерны уже имеют роль элементов местной культуры.

Что касается баланса формально/неформального в поведении элит, то его определяют совсем другие обстоятельства. Все элиты формируются через механизмы избранничества, и доступ в любую элиту возможен только при наличии неформальных (первичных) связей и контактов. При этом, если говорить о классе управляющих, то на любом уровне каждый участник процесса имеет должностные обязанности и располагает определенными правами и возможностями распоряжения, также у него есть некие обязанности как у члена неформальной группы и обязательства в рамках этих отно-

шений. Критическим является вопрос, каким обязанностям он будет лоялен в случае, если они не совпадают.

Следует принять во внимание тот отмеченный выше факт, что нынешние элиты изначально рекрутировались из людей, принадлежащих к упоминавшимся корпорациям закрытого характера. Эти корпорации — сами по себе формальные организации, но отличающиеся от прочих, порой противопоставляющие себя им — так же, как неформальные группировки или сети. Важно, что внутренние правила этих организаций считались стоящими над правилами внешнего окружения и любых других организаций. Их члены видели за собой право по собственному выбору соблюдать или не соблюдать внешние и общие законы и правила. При этом само наличие такого права в обществе в целом за ними признавалось. Подобные представления из организационных правил легко претворяются в корпоративную этику. Сильная корпоративная этика этих организаций продолжает иметь влияние на их членов и при переходе в другие среды и системы и там становится этикой данных систем. Этика закрытых профессиональных сообществ трансформируется в этику элит. К стандартной элитарной избранности добавляется представление о приоритете собственных внутренних порядков и правил над любыми иными, о собственном праве, стоящем над законом.

С учетом важности вертикальных (сверху вниз) управленческих воздействий внутри управляющего класса типы социального действия, принятые «наверху», будут неизбежно транслироваться «вниз», неизбежно же модифицируясь. В итоге для системы в целом оказываются справедливыми наблюдения, которые сделаны исследователями, использующими подход Теодора Шанина: «Особенности генезиса и сходство с принципами организации социально-экономической жизни архаических обществ заставляет говорить о том, что эксплоярные структуры выполняют роль связующего промежуточного звена между традиционными и современными типами общества и экономики»¹.

Мы рассмотрели несколько характеристик отечественной бюрократии, в том числе роль неформального начала. Мы коротко отметили роль неформального начала в социальной культуре общества в целом. Мы обнаружили принципиальное сходство этих двух состояний,

¹ Самсонов В.В. [Электронный ресурс]. <https://knigi.link/filosofiya-narodov-kontsepsiya-ekspolyarniyh-struktur-shanina-27737.html>

закрывающееся в опоре на примат неформальных начал и отношений над формальными. Это сходство породило уникальный исторический результат. В применении к нашей стране и к нынешнему периоду ее истории, который надо отсчитывать от присоединения Крыма весной 2014 года, можно говорить о не имевшем прецедента единении управляемых и управляющих, прежде всего в лице главного из них. Это символическое единение, выражающееся наиболее ярко в массовом огульном и априорном одобрении внешнеполитической линии и практики руководства и далее в так называемом рейтинге этого руководства, основано на единстве ценностных установок управляющих и управляемых касательно соотношения формального и неформального в области права и закона, а именно приоритета неформального над формальным. К таким убеждениям элиты и массы пришли, как мы показали, разными путями. Но они сошлись на результате.

Поэтому политический маневр-жест — присоединение Крыма в нарушение норм международного права, осуществленный российской стороной, — был воспринят массами населения с энтузиазмом: «наше» неформальное право на такую акцию было поставлено выше «их» формального права, «их» международных законов. Нарушать закон, если «очень надо» — так привыкли вести себя структуры, считающие свои полномочия «особыми», «специальными». Повторим: социологически чрезвычайно важно, чтобы «специальность» таковых выражалась прежде всего в наличии у них корпуса внутренних норм и правил, имевших приоритет и легитимность более высокие, чем нормы и правила всеобщие, общепринятые. К тому же самому привыкли и люди, выращенные в культуре разоренной деревни и наспех заселенной слободы.

Бюрократия — единственная категория общества, которая, сохраняя особость и целостность, разрасталась как численно, так и в отношении своей властности и авторитетности. Ясно, что реально высшая распорядительная власть в стране принадлежит особому бюрократическому образованию — администрации президента. Респонденты о ней говорят:

— *Преимственность (с властью верхушки КПСС) очевидна. Заселились в покои ЦК и управляют точно так же — вне закона и ответственности.*

Важно отметить, что в отличие от известных из истории господствовавших классов — аристократии, буржуазии — современная российская бюрократия не закрыта для проникно-

вения в нее из общества. Из исследований престижа профессий известно, что государственная служба в ее разновидностях получает все больший приоритет перед другими жизненными перспективами. Это означает еще и престижность характерной для нее культуры. Для нашей темы важен не столько сам факт разрастания этого класса, сколько его гегемония в отношении остального общества. Она существует как прямая власть. Но также эта гегемония реализуется и в том, что происходит в нормативной сфере, как размечаются границы между формальным и неформальным.

Для того чтобы истолковать некоторые феномены нынешнего устройства российского общества, нам необходимо обратиться к отдельным моментам истории российского общества в период после революции 1904–1905 годов. Потрясающие тогда страну события вызвали бурный рост разнообразных организаций, союзов, объединений, клубов, товариществ и соответствующих форм общественной жизни — собраний, заседаний, митингов, демонстраций, сходок. Вместе с ними во множестве возникли новые органы печати. Наиболее известны те организации и акции, которые вписаны в каноническую историю страны. Мы хотим указать на обилие параллельно существовавших схожих форм. Так, в то время не было в ходу категории «гражданское общество» в современном смысле. И именно в этот период в России взрывным порядком возникло и стало расти как раз оно — гражданское общество. Под влиянием как внутренних причин, так и внешних репрессий эта активность вскоре резко сократилась, но к 1917 году снова расцвела едва ли не более пышно.

РСДРП была одной из организаций гражданского общества. Мы не будем обсуждать многократно дебатировавшийся вопрос, почему именно эта организация (в союзе с несколькими подобными) сумела захватить власть в октябре 1917 года в столице, а затем в иных частях империи. Мы хотим указать на то, что одним из первых процессов, которые начала эта организация гражданского общества, захватившая власть, был процесс уничтожения других организаций гражданского общества, таких же, как она. Подчеркнем, что это происходило как дело прежде всего социальной и лишь потом политической или экономической конкуренции. Свободные объединения любого рода — кассы взаимопомощи, кредитные товарищества, союзы — закрывались и запрещались под любыми предлогами. Экспроприация буржуа и по-

мешиков, уничтожение других политических партий, что следовало из политических программ победившей силы, также происходили, но не в первую очередь. Подчеркнем, что истребление организаций гражданского общества совершалось не по доктринальным причинам и не управлялось из какого-либо центра. Поскольку процесс не получал рациональных обоснований, приходится признать, что его мотивировал некоторый социальный инстинкт. В ту пору многое совершалось под влиянием массовых чувств. В процессе, о котором мы говорим, чувства также сыграли роль. Но мотивом было установление монополии в социальной сфере, наподобие монополии в сфере политической и экономической. В зоне рефлексии были только две последние, это и называлось «установление диктатуры». Но теперь мы знаем, что было создано нечто более полное, чем собственно диктатура, — тоталитарное государство. И оно не может состояться без уничтожения структур гражданского общества, потому что они препятствуют образованию главной особенности — превращения общества в единую бесструктурную массу, вручающую свою субъектность некоторому центру.

Из общества последовательно удалялись структурообразующие начала — были попытки упразднить семью, зато уничтожение веры и церкви состоялось; раскулачиванием, ссылками и коллективизацией уничтожались имевшиеся общинные связи, на это же работали процессы урбанизации по «слободскому» типу. Присущий данной власти инстинкт монополии на организованность и уничтожение любой другой организованности не переставал действовать до самого ее конца, а его последствия явственно сказываются и по сей день. Надо обратить внимание на то, что в Уголовном кодексе РСФСР 1926 года в ранних редакциях знаменитой 58-й статьи «участие в организации» фигурировало в трети всех составов. О том, как уничтожались организации эсперантистов, фалеристов, краеведов и пр., теперь известно многое. Само существование организации, т.е. объединения людей по собственной воле или интересу, оказывалось в глазах власти преступным. Поскольку это инстинкт, рационального объяснения быть не могло, так что подставлялись другие, заведомо ложные, потому зачастую абсурдные доводы.

Только этот центр имел монопольное право на организованность и организацию. И он его реализовывал сполна. Советская история может быть написана как история организации

организаций. В устройстве главных форм организации, явных и тайных, советский строй был во многом пионером. Партия была организована как территориальная сеть, поскольку осуществляла контроль над расселенным по территории обществом. Соответственно территориально-сетевой принцип был положен в основу организации практически всех служб. На местах действовали другие принципы: проживающий в некотором месте человек (прикрепленный к этому месту режимом прописки) мог или должен был входить в ряд местных организаций или местных отделений организаций. Части структур он принадлежал через принадлежность к определенному месту работы. Для организации повседневной жизни людей особо важным был советский вариант корпоративизма. Государственные предприятия любого рода, прежде всего промышленные, были не только местом приложения труда, через них человек реализовывал свои повседневные экстраординарные нужды. «Родное» (т.е. заменяющее семью) предприятие было форматом, внутри которого реализовывался порой весь жизненный цикл — труд, быт, досуг, социальные связи, медицинское обслуживание, социальная поддержка. Часть этих функций осуществляли не корпоративные, а сетевые территориальные органы и организации.

Перечислением этих структур мы хотим указать на то, чем обернулось дело, начатое разрушением всех гражданских организаций со стороны одной из них. Систему, которая именовала себя развитым социализмом, мы можем сейчас охарактеризовать как тоталитарное общество, вправленное в систему фреймов и институтов, которые находятся под контролем единого центра и единой идеологической программы. Эта сложная система созданных и контролируемых государством вторичных институтов, надстроенных над системой первичных отношений, оказывалась на функциональном месте гражданского общества и зачастую прямо имитировала его структуры. Повторим, в среде таких структур выращено несколько поколений советских людей. Именно эти рамки выступали для них рамками естественной референции. Такая референция имела в виду, когда человека спрашивали: «Ты где работаешь?», «Ты где живешь?». Оба вопроса были не узкими, как может теперь показаться, а предельно широкими, они имели в виду фактически всю тотальность существования.

События начала 1990-х годов, которые сейчас называются распадом СССР, оказались для

этих поколений чрезвычайно болезненными в первую очередь потому, что в короткий срок исчезли почти все из названных государственных структур. Очень немногие (торговля) были быстро заменены на частные сети и продолжили функционирование и обслуживание общества.

Напомним, что помимо разрушения и останки многих предприятий, прежде всего крупных и крупнейших, те, что продолжили работу в качестве приватизированных, произвели так называемый сброс социалки. Описанный выше советский корпоративизм, содержащий работников в общей капсуле предприятия, прекратил свое существование. «Выброшенными на улицу» оказались не только оставшиеся без работы, но и продолжавшие работать.

Постсоветские годы были периодом серьезных трансформаций социальной структуры нашего общества. Практически исчезли основные социальные классы и группы, которые образовывали эту структуру. Деиндустриализация упразднила существование рабочего класса. Люди, которых называют рабочими, существуют, но они не образуют класс, их статус утратил определенность. То же произошло с классом крестьянства. Жители сельских поселений, люди, занятые сельскохозяйственным трудом в личных хозяйствах, не образуют класса, как его не образуют работающие по найму в аграрном секторе. Исчезла интеллигенция как прослойка, хотя сохранились фрагменты ее культуры и в наличии много людей занятых не-физическим, умственным трудом. Само определение статуса через труд перестало существовать.

Общество существует в ином агрегатном состоянии. К нему во многом приложимы признаки массового общества. Наряду с этим в нем идут процессы дифференциации. Весьма популярна тема имущественного расслоения. Сосредоточенность на ней не только широкой публики, но и обществоведов мешает увидеть другие формы дифференциации. Социологи скупой и общо высказываются о них. Справедливы замечания, что степень социальной дифференциации, функциональной специализации групп и институтов для нашего общества мала и недостаточна. Но та, которая состоялась и имеет место, сама по себе есть колоссальный сдвиг относительно состояния, в котором пребывало советское общество, — состояния, которое до сих пор в отечественной культуре трактуется как норма. Общество же, обнаруживая себя в этом новом состоянии, отказывает ему в качестве «правильного», «должного». Общая идея, что настоящее время — не настоящее, и вытекаю-

щая из этого идея одних, что нужно двигаться к другому, настоящему, идея других, что нужно вернуться к прежнему, как и идея третьих — «валить», ощущается многими как аномия. Обществу в целом еще предстоит выстроиться в новых форматах. Они не будут классами.

По сути, в нашей стране тогда прошел процесс, который называют прекариатизацией, образованием прекариата, которому присваивают имя нового класса¹. Как и во всем мире, он был социальной стороной процесса деиндустриализации. В нашей стране деиндустриализация имела иные экономические основания, нежели в странах Запада, но сам факт сокращения промышленного производства, прекращение работы множества промышленных предприятий и целых отраслей имел место на огромных пространствах Европы и Северной Америки.

Гай Стендинг, выступивший с книгой и рядом интервью на тему формирования прекариата, а также отечественные авторы, обращающиеся к ней², указывают на широчайшие масштабы этого явления.

Авторы идут к определению прекариата через сопоставление его с понятием «пролетариат». В марксистской традиции пролетариат определяется прежде всего как класс людей, занятых производительным трудом в системе производства, при том что средства производства принадлежат другому классу. При таком определении между пролетариатом и нынешним трудящимся классом различий не найти. Однако понятие пролетариата в рассуждениях названных авторов главными своими чертами имеет другие смысловые акценты. Речь идет о высокоорганизованных (в формах профсоюзов) коллективах работников. Их условия труда (его оплата, продолжительность, безопасность и пр.) зафиксированы в договорах с работодателями. Валидность и прочность этих договоров гарантируется государством. Их труд наемный, но это, как правило, долговременный наем. Поэтому люди существуют в постоянных коллективах, связанных отношениями солидарности и взаимоподдержки. Ясно, что это некоторый идеальный образ существования пролетариата, но он используется для определения прекариата как класса, лишённого всех этих социальных гарантий.

Авторы обращают внимание на то, что в промышленно развитых странах Запада, где

¹ Стендинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М., 2014.

² Тощенко Ж.Т. Прекариат — новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. Бизюков П. Что такое прекариат? // Газета.ру. 2014.

условия жизни рабочих максимально приближались к описанному идеалу, в силу целого комплекса причин эти условия исчезают. В сервисной экономике постиндустриальной эпохи наемные работники трудятся на массово возникающих и быстро исчезающих рабочих местах. Трудовые коллективы не успевают сложиться, профорганизаций нет. Трудовые договоры с работодателем некому обсуждать, их зачастую тоже нет. Наем и его прекращение зависят от плавающей и непостоянной конъюнктуры. Из этого выводятся непостоянство заработка и прочих жизненных обстоятельств.

Непостоянство социального положения работника — признак, который, по мнению пишущих о прекариате, становится все более распространенным. Авторы указывают на процессы, которые широко признаны как ведущие в нынешнем веке. Это автоматизация и роботизация производства, включая сельскохозяйственное, те же процессы в сфере услуг, включая транспорт. Эти и сходные процессы обещают исчезновение десятков, если не сотен миллионов рабочих мест. Продолжающаяся глобализация экономики, по их мнению, переносит эти процессы и тенденции из Северной Америки и Западной Европы в другие части мира. Китай, пусть и в особых формах, оказывается включен в эти процессы. В нашей стране превращение разных категорий работников в прекариев, разнорабочих, происходит давно. Понятие «прекариат» непосредственно соотносится с понятием «неформальная экономика». Непостоянно занятые люди чаще всего работают без оформления своих отношений с работодателем.

В постсоветский период шла интенсивная эрозия прежней социальной структуры. Крупные предприятия как основной формат организации труда рабочих в промышленности и части сельского хозяйства останавливались, исчезали, дробились. Экономика становилась все более сервисной, а в сфере обслуживания господствовал мелкий формат предприятий.

Исчезло значительное количество рабочих мест, трудившиеся на которых люди именовались рабочими. Понятие «рабочий» как категория статучета осталось. В соответствии с этим лиц, относимых к данной категории, в России до сих пор около 15 млн¹. Но, по свидетельствам компетентных лиц из Конфедерации труда России, даже те, кто трудится на так назы-

ваемых рабочих должностях, не именуют себя рабочими. В итоге оным компетентным лицам пришлось сказать, что сегодня рабочий класс в России существует как «класс в себе»². При переводе на социологический язык это изыщное философское выражение будет значить, что рабочий класс если существует, то как предмет воображения иных, нежели сами рабочие, социальных субъектов.

По сходным причинам исчез денотат для понятия «класс» с названием «колхозное крестьянство», исчезло и такое словоупотребление. Слово «класс» в его истматовском смысле, таким образом, ушло. Но в постсоветскую эпоху оно стало снова появляться с иными значениями и иными предикатами.

В России за последние десятилетия произошло несколько важных событий. После 1991 года разрушились институциональные рамки социального существования основной части активного/трудоспособного населения. Большие трудовые коллективы фрагментировались или просто переставали существовать, как и их места в социальном пространстве с принадлежащими этим местам атрибутами статуса.

Значительная часть российского социального пространства оказалась зоной неопределенных статусов, неопределенных правил взаимодействия. Туда попали десятки миллионов людей, нашедших занятия в сервисном секторе в его легальной или теневой части.

Часто дискурс о неформальной экономике включает различные определения типа «невидимая», «скрытая», «непрозрачная». Существенным является вопрос: от кого она скрыта, кто ее не видит, для кого она непрозрачна? Как сообщил в 2013 году «Интерфакс»³, лицо, имеющее все полномочия вещать от имени государства — вице-премьер правительства Ольга Голодец, — заявила в рамках официальной ситуации, а именно на 14-й апрельской Международной конференции по экономическому и социальному развитию, что в России «в секторах, которые нам видны и понятны, занято всего 48 млн человек. Все остальные (еще 38 млн) непонятно где заняты, чем заняты, как заняты». Далее она выразила мнение, что «эти люди создают серьезные проблемы для всего общества».

В этом признании все крайне важно для понимания смыслов рассматриваемого понятия, также не всегда прозрачных. Прежде всего ясно, что неформальная экономика — значит, стоящая вне формалитетов **государства**

¹ Есть ли в России рабочий класс? Отчет о семинаре Конфедерации труда России. [Электронный ресурс]. www.rosbalt.ru/blogs/2015/02/25/1371839/html

² Там же.

³ [Электронный ресурс]. <http://www.interfax.ru/russia/299143>

(а не, например, формальной логики или формальных наук). Далее ясно, что государство в лице своих первых лиц признается в собственной неосведомленности и неспособности понять это явление («нам непонятно»). Но ответственность за подобную ситуацию в рамках данного суждения его автор возлагает на тех, кто невиден и непонятен. От лица «всего общества» им выносятся обвинения в том, что они «создают серьезные проблемы». Между тем это почти половина (44%) трудоспособных членов этого общества. В государственном дискурсе неформальное директивно исключается из общества и помечается как вредное.

Зарубежные, а за ними и отечественные авторы склонны оценивать эти процессы в основном критически и негативно. Наивно, на наш взгляд, они связывают их с «политикой неолибералов» и прямо или неявно выражают мнение, что эти процессы нужно (и, главное, можно!) остановить, обратить вспять.

Похоже, что авторы недооценивают масштаб исторической трансформации, свидетелями которой мы обречены быть. Ее надо сопоставлять с явлениями типа промышленной революции. Доктрины и политические силы, сопровождавшие ее развитие, были ее следствиями, а не причинами.

Видя в новом положении работников множество негативных моментов и черт, противоречащих сложившимся стандартам, а также идеалам образа жизни и вообще существования людей, эти авторы ставят цель вернуть прекариат в состояние пролетариата. (А твердящие об исчезновении и среднего класса — реверсировать и этот процесс.)

Принеся таким авторам благодарность за привлечение внимания, безусловно, к очень значимым процессам, можно выставить им претензию в том, что они спешат назвать прекариат классом. Если не считать это слово годным для обозначения любого множества людей, которое нам будет угодно считать отличающимся от других, то для применения к прекариату такого названия нет оснований — это и есть одна из главных особенностей этой социальной категории. Множество людей, скорее разединенных, чем объединенных условиями своего существования, не имеющих и не могущих иметь общие интересы (кроме собственно витальных), разных по своему прошлому и не имеющих определенности в настоящем и будущем — здесь нет поводов называть их «класс».

Проблема таксономического обозначения для этой категории заслуживает внимания.

Похоже, для таких множеств у социологии не только нет, но и не может быть названия; это не просто текучие, не фиксируемые множественные человеческие состояния. Между пребывающими в них субъектами может не быть взаимодействия. Их действия в той области/сфере, которую мы ранее признавали классообразующей, которая дает значимые социальные признаки субъектам, делает их социальными акторами, т.е. в сфере труда, мы в этой сервисной экономике не находим содержательных оснований для социальной атрибуции участников, а порой и самих участников.

Формирование прекариата — процесс колоссальной значимости для современной социальной культуры (и для темы социальной структуры), потому что впервые в той интеллектуальной традиции, к которой принадлежит социология, труд перестает быть основанием для группообразования, статуса, мобильности. Можно сказать, сам труд исчезает как категория. Остается «работа».

Экономика и политэкономия в свое время отказались от попыток что-либо сказать о процессах в этой сфере, назвав такую экономику неформальной, т.е. не подлежащей изучению, недоступной ни концептуализации, ни эмпирическому исследованию¹.

Социологии не пристало капитулировать сходным образом.

Видимо, следует признать, что сфера труда перестала быть социообразующей. На ней больше не построить и социологических конструкций (как у Дюркгейма). Для социальных наук в нашей стране это конец не только марксистской платформы, но и всей принесенной в обрывках с нею франко-германской традиции, основанной на идее труда как наивысшей ценности.

Социология — кстати, и тут французская — еще в 1960-е начала искать другие пути. Некоторое время была популярна идея «цивилизации досуга». В нашей стране сделана попытка построить нечто вроде политэкономической трудовой теории, но на основе досуга как анти-труда². Но во всех случаях теоретические достижения были скромными.

Не имея в виду закладывать основы большой теории, мы ограничимся предположением,

¹ Вполне содержательные и продуктивные исследования экономистов в этой сфере, на которые мы ссылаемся, сделаны, так сказать, после и поверх этого признания и в этом смысле принадлежат категории неклассических.

² *Кривошеев В.М.* Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние // Экономические стратегии. 2008. № 8. С. 150–154.

что в той социальной среде, которая в основном подверглась процессам прекариатизации, со временем начнут идти неизбежные процессы социогенеза, т.е. процессы образования групп, институтов и прочих атрибутов общества как состояния. Можно ожидать, что своей частью этот процесс пойдет известными путями и возникающие конструкции будут иметь форму слабых, эфемерных и окказиональных объединений, с одной стороны шкалы, и жестких групп типа уличных банд, мафиозных группировок — с другой. Не исключено появление чего-то вроде гражданских организаций, например групп взаимопомощи, разного рода товариществ.

Однако гораздо более интересным направлением кажется формирование новых общественных структур на базе общения через различные информационные и коммуникационные системы. Их примером служит Интернет.

Отметим, что коммуникация в Интернете сильно отличается от той, которую мы (часть общества) до сих пор принимаем за «реальную», исходную, первичную и пр. Другая часть общества ее уже рассматривает как вторичную, говоря о ней: «офлайн». Коммуникация онлайн порождает социальные конструкции, которые надо не в переносном смысле называть интернет-сообществом, а рассматривать как собственно общество (оно имеет место наряду с обществом офлайн, существование которого может быть и неинтересно). Социологии этого внутрисетевого общества предстоит выработать свои определения актора, субъекта, социального действия и пр.

Для нашей темы представляет особый интерес проблема социальной структуры данного общества. Подчеркнем — не интернет-сообщества, а общества, социальным пространством которого является Интернет. Похоже, в этом пространстве отсутствуют ценностно-означенные верх и низ и не будет естественным воображение социальной структуры как пирамиды, лестницы или иной конструкции, имеющей вертикальную, статусно-иерархическую (задаваемую властью) организацию. В этом смысле картина общества в Интернете будет адекватна картине офлайн, где для прекариата труд, место труда и связанный с ним статус более не будут определять статус субъекта.

Авторы, пишущие о прекариате, подчиняясь ими же принятому его определению через «отвязанность» работника от рабочего места или ослабленную связь с ним, вынуждены записывать в прекариат беженцев, гастарбайте-

ров и сезонных рабочих, с одной стороны, и дауншифтеров, фрилансеров и тех, кто работает в режиме удаленного доступа, — с другой. Ясно, что по множеству значимых для них социальных параметров эти социальные фракции себя объединять не станут. Смысл в рассмотрении и тех, и других в одной концептуальной рамке можно видеть лишь в том, что успех для первых может выражаться переходом в категорию вторых, и наоборот.

О неформальной экономике часто говорят как о «невидимой». Она невидима не только для налоговых и иных контролирующих, надзирающих органов. Она во многом не видна и обычному глазу, потому что, представляя собой некоторую сумму деятельностей, она не только, по выражению Т. Шанина, эксплоярна, но и экстерриториальна относительно той разметки пространства, которая досталась нам как данность в лице наших городов и сельских поселений. И те, и другие сформировались в ответ на запросы других типов социальной организации, нежели предполагаемые прекариатной фазой. Если искать метафоры прекариатного состояния в существующем мире, то они видятся в формах лагерей для беженцев, фавел, бидонвелей, с одной стороны, и субурбий — с другой. В уже использованных урбано-логических терминах это скорее слободской, чем собственно-городской тип существования. Но кардинальной поправкой служит присутствие современных (тем более перспективных) видов коммуникации, сетей, которые объединяют участников не через близость мест в физическом пространстве, а сами порождают собственные пространства и места в них.

Социальная экология наших городов определяет, и еще какое-то время будет определять, статусы насельников и определяться ими. Приводившиеся нами исследования в российских городах показали, что селитьба в них делится горожанами с большой четкостью на три категории. Первая — это «элитные» кварталы или дома, вторая — «плохие районы», третья — все остальное. В первых и вторых жить нельзя или не следует, в третьей категории происходит вся городская жизнь. Эта третья часть представлена прежде всего массовой многоэтажной застройкой 1960-х и более поздних лет либо частным сектором — одноэтажными домами деревенского типа. Некоторую долю занимают постройки барачного типа, сохранившиеся с 1940—1950-х годов. Рынок недвижимости существует, и часть людей могут приводить свое жилье в соответствие с доходами. Но этот процесс

заторможен многими обстоятельствами, поэтому социальная стратификация внутри обсуждаемой третьей, и наиболее массовой, категории выражена слабо. С превращением все большей части населения в прекариат выраженность продолжит слабеть.

Если говорить о внешних символических выражениях статуса и отнести к ним жилье, автомобиль, одежду, то наблюдения показывают, что помимо узкого класса ситуаций, когда все три признака согласно говорят о высоком, среднем или низком статусе горожанина, есть гораздо более развернутая панорама рассогласований статусных знаков на всех трех шкалах. В «бедных» домах живут люди с «богатыми» авто или одетые с претензией на знак богатства. При этом члены их семей могут быть одеты бедно и не пользоваться автомобилями. Приходилось бывать в почти элитных домах, где квартиры поражают убожеством интерьеров, и в запущенных пятиэтажках, где на обшарпанной лестнице за стальной дверью интерьер переполнен знаками богатства. Встречаются практически все комбинации.

На примере городской среды и интерьеров мы хотим указать на процесс рассогласования семиотических систем, связанных с прежней шкалой статусов, и современными реалиями существования людей. Это рассогласование делает невидимой и соответственно несуществующей социальную структуру применительно к обсуждаемой части общества. Однако, как было сказано выше, общественное мнение четко выделяет два статуса.

Статус элиты обсуждался выше, здесь надо сказать о статусе нижнего или, точнее, «ниже нижнего» класса, андеркласса.

Есть в этом классе субкатегория, о которой, к сожалению, мы почти ничего не знаем, — это категория нищих и лиц БОМЖ. Нам не приходилось проводить исследования ни в этой среде, ни по поводу отношения к ним в других социальных слоях.

Но есть и другая, более многочисленная субкатегория андеркласса — так называемые приезжие, они же иммигранты, гастарбайтеры и пр. В задачу настоящей работы не входит описание этой категории изнутри. Мы сохраняем установку общественного мнения исключительно на внешнее отношение. Точнее, мы хотим проанализировать именно его. Разумеется, преобладающее отношение российской публики к «понаехавшим» может быть охарактеризовано как эксклюзия, дискриминация по расовым и культурным признакам, как ксенофобия и пр.

Ксенофобия может представляться некоторой культурной нормой: все человеческие сообщества опознают кого-то как «чужих», в тех или иных формах их отторгают и т.д. То, что мы наблюдали как отношение «коренных» жителей российских городов к иммигрантам, соответствует этим представлениям, но не целиком. И в этом суть проблемы.

Регистрируемые в ходе исследований проявления негативного отношения к иммигрантам обладали несколькими особенностями. Они имели очень высокую интенсивность в момент выражения. Будучи выраженными, они ее почти полностью теряли. Практически никогда респонденты не ставили вопрос о собственных насильственных действиях в адрес мигрантов и не рассказывали о таковых (действия скинхедов против чужих или не обсуждаются, или осуждаются, пусть и не резко).

Вменяемые иммигрантам преступления, отрицательные качества имели все признаки измышлений: гиперболы, неправдоподобие, логические нестыковки и пр. При этом в прочих нарративах такие признаки полностью отсутствовали. При попытках расспросов и выяснения деталей респонденты легко отказывались от излагаемых версий и историй.

По этим и другим основаниям можно заключить, что некий фактор, возбуждающий массовую агрессию, безусловно, есть. Но все говорит о том, что он не связан с объектом, на который якобы направлена агрессия. Функция многочисленных разговоров о засилье приехавших явно не в том, чтобы заставить их уехать, а в том, чтобы «облегчить душу». От какого груза ее надо облегчить?

Здесь мы подходим к финальной части заметок о месте бюрократии в социальной структуре. Эта завершающая часть, в отличие от предыдущих, построена на гипотезе, которая еще не получила необходимых доказательств.

Выше мы говорили о двух тенденциях, сопровождающих рост бюрократии в нашей стране. Одна — экспансия бюрократии в общем социальном пространстве. Этот процесс объективно не может не вызывать напряжение и ответную агрессию теснимых бюрократией социальных групп, которые страдают от произвола местных властей, полицейских, чиновников, от того, что лишились прав на неприкосновенность личности и жилища, что не могут быть уверены в защите судом их прав и интересов, и пр. Однако массовых проявлений протеста против именно этих проявлений произвола наблюдать почти не приходилось. Почему?

Этот вопрос можно считать частью другого, звучащего в некоторых кругах: за годы путинского правления правящими инстанциями всех уровней, бюрократией были демонтированы многие демократические институты, защищавшие людей и их объединения. Почему общество почти не противилось этому?

Как мы уже говорили, бюрократия, которая осуществляет эту экспансию и гегемонию в обществе, в своем качестве элиты, верха любых статусных лестниц, является одновременно вождельным социальным состоянием, целью социальной мобильности. При этом ее этос ценностно созначен ценностям массы. Она в качестве эксплуататора и притеснителя «чужая», но в качестве жизненного идеала — «своя». Для прекариата, основная беда которого отсутствие гарантий состояния, мечтой является работа в стабильном месте, а значит, в госучреждении, тем более в силовом, где условия существования тверды, соцпакет обязателен. Такое положение блокирует ответную агрессию, блокирует протест. Подавленная агрессия переносится на другой объект.

Этот объект обладает множеством свойств, делающих удобной для массового сознания такую подмену. Объектом являются приезжие, гастарбайтеры из бывших республик СССР в Средней Азии. Если бюрократия «своя», то они — предельно «чужие» по расе, языку, религии, манерам и пр. Если бюрократия сильна и защищена, то они слабы и беззащитны.

Наконец, бюрократия статусно выше «нас», а они ниже.

Фигура переноса агрессии на объект с противоположными характеристиками помогает сознанию не опознавать совершаемую подмену.

В течение 2011 года нашими, в том числе качественными, исследованиями регистрировался очень высокий накал антиэмигрантских настроений. Но в те недолгие месяцы зимы 2011–2012 годов, когда впервые общество вышло на прямую и открытую конфронтацию с бюрократией, мы обнаружили резкий спад ксенофобии, агрессии в адрес приезжих. Наше объяснение — потребность в переносе агрессии отпала. Общество отчетливо направило критику прямо в адрес правящей верхушки.

Неудача этой волны протестного движения вернула ситуацию на прежние места. Ксенофобия вернулась. Вернулась исполнять свою замещающую функцию.

2. Бюрократия и коррупция

Термин «неформальные объединения» имел широкое хождение в СССР в 1970–1980-е годы.

Сперва политические власти и репрессивные органы так обозначили различные группы молодежи, объединявшиеся по их собственным интересам (чаще всего связанным с музыкой и модой), но не по линиям, предложенным формальными организациями типа ВЛКСМ. За развитием и деятельностью этих объединений были обязаны следить органы МВД, не говоря о работниках школ, ПТУ и пр. Часть объединений подпадала под запрет. «Неформалы» как продукт политической стигматизации стал самоназванием участников этих в самом деле порой неоформленных социальных образований¹.

В гуманитарных научных, политических, бюрократических европейских нарративах категория «неформального» по своему происхождению и смысловому наполнению близка к категориям «народного» (фолк-), «естественного», а в иных случаях и «дикого». Эти и подобные определения указывают на то, что есть, по одну сторону, исходный для суждения мир, который понят, т.е. сконструирован корпорацией профессионалов науки ли, управления ли, а по другую — мир за пределами этого понимания. Он не подчиняется его формам и нормам, и поэтому там вместо структуры — хаос, царство нерационального, иррационального, таинственного.

С проникновением дискурса романтиков в такие гуманитарные сферы, как социальная история, политическая философия, социология и антропология, ценностное означение «формального» и «неформального» (понятий, не слов) переменялось. В новом альтернативном дискурсе у неформального появились преимущества естественного, природного, безыскусного. Это позволило новой генерации ученых и публицистов, обратившихся к подобным феноменам, утверждать ценностную основательность своего предмета и подхода. Неформальные отношения стали открывать для себя, для науки повсеместно в третьем мире², в крестьянском хозяйстве всех «миров», наконец, в домашнем хозяйстве, т.е. в человеческом существовании вообще. Стали возможными заявления о том, что на самом деле неформальные экономические отношения — преобладаю-

¹ См. об этом на сайте www.soviethooligans.ru. В слове «неформальные» за счет самой его формы неотменимо присутствует ценностная нагрузка, хотя знак ее может быть разным.

² Неформальный сектор — «национальный ответ» третьего мира на вызовы современности, воплощенные в пришествии западного капиталистического уклада. Барсукова С.Ю. Неформальная экономика. Экономико-социологический анализ. М., 2004. С. 21 со ссылкой на: Berman J. Towards a Dualistic Labor Polity. A Critical View on the Concept of Informal Sector. Rotterdam, 1976.

ший по частоте и, главное, по значимости вид экономических отношений. Категория неформального из периферийных выдвигается в центральные, приобретает статус всеобъемлющего понятия, более эпистемологически «главного», чем понятие формального, прежде — исходного (ср.: «Погружение в неформальное — единственно возможная форма существования формального»¹). Обзорные работы² показывают, что научная легитимность предмета «неформальные отношения» мировой наукой признана.

Но расширение взгляда заставило увидеть и то, что неформальные отношения в одних случаях — легитимный научный предмет и легитимная практика, в других — предмет, сохраняющий свою научную легитимность, но являющийся практикой нелегитимной, а той, которая в обществе и государстве признается преступной и является уголовно наказуемой. А главное, если говорить о целях настоящей работы, состоит в том, что для науки открылось: именно в сфере неформальных отношений есть обширнейшая зона, где позиции общества и государства по поводу правомерности определенных неформальных практик и проявлений могут расходиться. Дозволительное с точки зрения народной морали оказывается недопустимым с точки зрения закона и морали, насаждаемой государственными институтами. Такая коллизия, в свою очередь, отражается в общественном мнении и поведении. Моральные оценки и нормы теряют однозначность, становятся относительными и ситуативными. Можно квалифицировать такую ситуацию как частично, но хронически аномическую.

В среде экономистов обращение к феноменам, которые в классических теориях игнорировались, рассматривались как «шум», от коего экономист должен очищать предмет своего анализа, было методологически весьма существенным переходом³. Феномены получали разные названия, словосочетание «неформальная экономика» среди них оказалось (по крайней мере, для экономистов в нашей стране) наиболее распространенным. Мы не раз будем обращаться к наблюдениям и соображениям экономистов по данной проблематике. Здесь же, как мы и обещали, укажем на важную социальную характеристику понятия «нефор-

мальная экономика». Отрицательный вид этого определения отражает историю его возникновения. Оно дано учеными, увидевшими нечто, НЕ похожее на известный им предмет. Это была НЕ та экономика, изучением которой они занимались. Это была экономика, которая НЕ находила отражения в документах, регулирующих и фиксирующих экономические трансакции, в частности в документах государственной статистики, государственной регистрации. Именно внаходимость относительно этих институциональных пространств и была сочтена ее главным качеством. В этом сходство ее имени с «нелегальной» или «преступной» деятельностью. Названия ничего не имеют сказать о содержании деятельности, а говорят только о том, что она находится за пределами закона и эти пределы преступила. Как и в случае с социологией, можно сказать, что использование термина в его имеющемся виде означает принятие точки зрения не субъектов и участников интересующих исследователя процессов, а тех, для кого эти процессы хотя бы изначально были отклонением от принятого за норму и потому признавались НЕжелательными, оценивались негативно.

Совсем другую позицию заняла группа социологов и экономистов, видным представителем которой является уже упоминавшийся Т. Шанин. В их представлении экономическая деятельность, которую называют неформальной, теневой, скрытой и пр., должна рассматриваться не как маргинальный или побочный феномен, тогда как основным будет функционирование капиталистической или, на период до развала советского строя, социалистической экономики, а как равноправная с ними. Имея в виду ее статус — пребывание вне этих «полюсов», — Т. Шанин предложил название «эксплолярная» экономика. Ученым данного направления эта экономическая деятельность виделась как характерная прежде всего для стран третьего мира (повторим, речь о ситуации до исчезновения «мира социализма»). Полагая, что такое название заслуживает той же критики, что и название «неформальная», отметим как несомненную заслугу Т. Шанина придание этому предмету статуса самостоятельного. Далее сторонники Шанина указали на широчайшее распространение неформальных практик. Для ряда стран, как сказано, они суть основные формы хозяйствования. Но обнаружилось, что даже для классических капиталистических экономик они существенный сегмент народного хозяйства. Для экономики современной Рос-

¹ Барсукова С.Ю. Цит. соч. С. 26.

² Шанин Т. Эксплолярные структуры и неформальная экономика современной России // Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М., 1999.

³ Барсукова С.Ю. Цит. соч.

сии, указывают аналитики данной школы, эта деятельность по масштабам вполне сравнима с обычной экономикой (и на деле явление несколько не менее обычное)¹. Но она отличается тем, что «невидима».

В этой связи стоит припомнить мнения о полезности деятелей неформальной экономики для общества. По авторитетному мнению, первые «неформалы» советского времени — те, кого называли в 1919–1922 году мешочниками — буквально спасли Россию, заменив своей деятельностью распавшуюся систему торговли и снабжения (и сделали это до введения НЭПа, на который была вынуждена пойти коммунистическая диктатура)². Об этом писал и Владимир Ленин. Мы же добавим, что ситуация воспроизвелась в начале 1990-х, и в роли спасателей и спасителей оказались «неформалы-2», которых теперь называли челноками³.

В последние десятилетия среди экономистов проблематика неформальной экономики пользовалась большим вниманием. Обобщающие работы приводят множество названий на разных языках, которые давались авторами тому кругу явлений, который на русском языке чаще всего именуют неформальной экономикой. Наличие двух солидных монографий с таким названием⁴, включающих аналитические обзоры по состоянию исследований в данной области, позволяет нам ограничиться ссылкой на эти труды. Важно, что «на микроуровне неформальные практики предстают не просто естественным механизмом функционирования экономики, но способом решения многих проблем, связанных с несовершенством формальных правил». На это на международном семинаре по данной теме указывал Отто Шик⁵. Существенны соображения, что это «проблема государства и государственного управления, не воспринимаемая как значимая на уровне повседневных экономических практик. Само население часто не рефлектирует, в какой именно форме — формальной или неформальной — происходят реальные экономические интеракции. Более того, представления граждан и государства о том, что формально, а что нет, что

законно, а что противозаконно, порой сильно различаются»⁶.

Наши исследования также показывают: если задать вопрос рядовым гражданам о распространенности коррупции, ответы будут гласить, что коррупция — *кругом*, что ею *заражено все*, и т.п. Однако более детальные исследования дают возможность увидеть, что частота участия россиян в коррупционных взаимодействиях сильно зависит от их занятий и статуса.

Мы полагаем полезным привести сведения о тех средах, где неформальные отношения действительно по преимуществу имеют монетарную форму. Слухи о них проникают в слои широкой публики и способствуют формированию отмеченных выше ходячих мнений о том, что *все берут и все дают*. А наличие такой расхожей формулы в обиходе людей, далеких и от госслужбы, и от бизнеса, играет важную роль в отношении их морали, нормативной системы. Те, кто слышит или повторяет эту формулу, не берут на себя ответственность за ее истинность, это мнение не их, а «всех», но оно помогает хотя бы частично освободиться от ответственности, если приходится самим участвовать в коррупционных отношениях, давать или передавать взятки.

Итак, несколько слов о «настоящей» коррупции. Мы располагаем очень ограниченной информацией о том, как воспринимается вся реальность коррупции в среде госслужащих, тех, кто, по мнению других, и является главным взяткополучателем и сам дает взятки вышестоящим руководителям. По словам экспертов:

— Система отлажена давно и до тонкостей. Известно, сколько где можно взять. Из этого следует, и сколько стоит место. Кто кому и сколько должен заносить, тоже каждый знает. Ошибок не прощают.

Из рассказов экспертов следует, что система неформальных (коррупционных) отношений внутри госучреждений приобретает жесткость и иные характеристики формальной, а конститутивные черты неформальной во многом теряет. В ней нет добровольности и произвольности, личностной вовлеченности, симпатии и эмпатии, характерных для личных (первичных) связей.

По мнению экспертов, коррупционными монетарными отношениями пронизана отнюдь не вся система.

— Полно мест, где взять неоткуда и нечего. Там черные деньги не циркулируют. Там главный капитал — связи, знакомства. Места хорошие

¹ Радаев В.В. Экономическая социология. М., 2008.

² Давыдов А.Ю. Мешочники и диктатура в России. 1917–1921 гг. СПб., 2007.

³ Жестков В. Кто такие челноки? [Электронный ресурс]. <https://shkolazhizni.ru/world/articles/66686/>

⁴ Шанин Т. Указ. соч., Барсукова Н. Указ. соч.

⁵ [Электронный ресурс]. <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-seminar-neformalnaya-ekonomika-v-post-sovetском-prostranstve-vozmozhnosti-izucheniya-i-regulirovaniya>. С. 23.

⁶ Указ. соч. С. 12.

все раздаются «людям». Так и говорят: «Держу место для человека». Это значит — для своего или для того, за которого кто-то попросил, кому отказа быть не может.

В нашем распоряжении имеется интересное сообщение одного из экспертов относительно неформальных отношений в учреждении, где получают необходимые им документы иммигранты. Момент интересен тем, что обсуждается случай, когда там в кратчайший срок (быстрее, чем по нормативам) делают все, что необходимо просителю, и не только не требуют взятку, но отказываются от обычных знаков благодарности — «подарков». По словам эксперта:

— Девочкам тоже хочется думать о себе хорошо. Они себе несколько раз в год устраивают нечто типа праздника. Выбирают клиента, который им симпатичен, и показывают класс обслуживания: мол, вот как мы можем — и вовсе не за деньги, не за шоколадные наборы, от которых уже тошнит, а потому что мы добрые и хорошие...

Мы не располагаем собственной информацией о том, как совершаются дела на вершинах отечественного бизнеса. Из рассказов людей, которые вхожи в эти круги, роль неформальных механизмов, таких как доверие, верность «своим» и своему слову, весьма велика и там. Передают, что решающую роль играет наличие/отсутствие личных (т.е. неформальных) контактов с первыми лицами. Один из информаторов резюмировал свое описание нравов в этих кругах:

— Слушай, там все, как у нас, только цена всех ставок на три-четыре порядка выше, и все.

Обсуждение этих обстоятельств с компетентными лицами привело к выводу, что указанное подобие дел «наверху» делам «внизу», вызывающее на первый взгляд симпатию и удовлетворение тем, что они такие же, значит, и мы ничем не хуже, является структурным дефектом «вертикали». Качество политических и бизнес-решений национального, т.е. крупнейшего масштаба, принимаемых тем же способом, что и решения масштаба малого, оказывается низким, не отвечающим национальным интересам, размерность которых заведомо выше, чем у любых корпоративных, тем более личных, интересов.

Обсуждение вопроса о взятках «там, наверху» с экспертами выявило ряд точек зрения. Одна, на которую мы уже ссылались, исходит из того, что

— И там все берут и все дают, но берут дворцами или другими такими активами, что ой-ой-ой.

В этом дискурсе, который нам представляется нарочито наивным, т.е. популистским, существует и мнение, что первые лица

— Они первые и по богатству, а как иначе?

Разоблачительные «антикоррупционные» памфлеты и фильмы, включая тот, который недавно вызвал значительный общественный резонанс, принадлежат описанному дискурсу и рассчитывают на его распространенность в обществе. На эту же популистскую логику рассчитаны и публичные аспекты взятия с поличным, ареста и далее уголовного дела, где обвиняемым оказывается один из министров, а потерпевшим — один из крупнейших хозяйственных руководителей. В наши задачи не входит оценка того, насколько верны/неверны сообщаемые всеми названными источниками факты относительно передаваемых и получаемых взяток «там, наверху». Для нас представляет важность то, как широко распространены представления об универсальности «человеческих» форм взаимоотношений. Снова скажем, что не имеем достоверной информации, действительно ли отношения немногих людей, обладающих самыми большими состояниями и самой большой властью в нашей стране, такие же, как у многих прочих, у всех, или они имеют некую специфику. Но для нас важно не это, а то, что убеждение во всесии и всераспространенности таких отношений само имеет широчайшее распространение. Этот факт проверяем, и он установлен нами эмпирически в ходе интервью и фокус-групп.

Описываемые «первичные» отношения, отношения «своих» — это всегда и принципиально партикуляристические отношения, которые в социологии принято отличать от отношений универсалистских, существующих в рамках формальных структур. Значит, обнаруженные мнения об их распространенности повсюду, «внизу» и «наверху», можно назвать «парадоксом универсальности партикуляризма». И с тем перейти к следующим уровням социальной пирамиды.

О том, в какой степени распространены неформальные отношения и практики в среде российского среднего и малого бизнеса, мы можем судить на основании нескольких собственных исследований, проводившихся не раз. Все они показывали, что российский малый и средний бизнесы находятся в условиях, когда ни дня без взятки. Для предпринимателей уровня малого бизнеса это практика регулярных и, что, по их словам гораздо хуже, нерегулярных поборов со стороны всевозможных государственных

и муниципальных должностных лиц. Наши попытки выяснить, каков размер коррупционной нагрузки на бизнес, дали результат качественный, а не количественный:

— *Сколько? Это зависит. Если они (чиновники) не идиоты, они берут, но дают тебе жить. Но, к сожалению, они часто именно идиоты и дают тебя так, что все теряет смысл. Я уже дважды был вынужден закрыть дело и уйти.*

Другой ответ:

— *Раньше были бандиты. Ребята страшенькие, но с понятиями. Во-первых, у них все четко. Сколько сказали, столько берут, ни копейки выше. Им выгодно, чтоб ты стабильно жил в плюсе. Поэтому могут подождать, если тебе надо выкрутиться. Знаю, иногда даже помогали, ты же им полезен! А потом менты их всех скрутили-подмяли, рэкет отобрали себе. И у них пошло-поехало: сегодня даешь столько, через месяц, может, столько же, а может, больше. А могут и вне расписания заехать: «Как дела, надо бы помочь...» Отнекиваться, мол, сейчас не могу, очень не рекомендуется.*

Предприниматели, на своем или чужом опыте знающие, как идут дела у малого бизнеса в бывших республиках СССР, расположенных к западу от РФ, говорят:

— *Даже удивляет. Начинаешь дело, к тебе никто не приходит (вымогать взятку). Раскрутился, все равно никого. Плати налоги и иди себе, ты никому не нужен. Дальше все уж от тебя зависит.*

Такие условия для многих выглядят идеальными, многих привлекают — в воображении, а то и в реальности. Но для некоторых они не годятся. Во всех городах России есть сегмент малого и среднего бизнеса, который приспособился к описанной специфике российских условий, в них выживает и даже процветает. Это бизнес, который в тех или иных формах интегрирован с (местной) властью. Способов интеграции несколько. Один — согласиться на структурное (юридически оформленное или не оформляемое) внедрение представителей власти в твой бизнес с выделением им их доли в прибылях и пр. Другой:

— *Сперва войти во власть (что проще, чем открыть дело с нуля), там пообкататься, узнать ходы-выходы, узнать нужных людей, стать своим и тогда уже начинать здесь дело. Тогда банки дадут кредиты, спецслужбы тебя не тронут, если надо — прикроют от чужих (выделено нами.— А.Л.).*

Способ третий, практикуемый теми, кто укрепился и намерен далее укрепляться на ме-

сте, — избрание депутатом местного законодательного органа. Депутатство как минимум дает неприкосновенность, что автоматически резко повышает конкурентоспособность данного субъекта в его коммерческих делах. К тому же оно помогает проводить в своих интересах установления, получающие силу местного закона.

Комментаторы говорили, что такая практика при всей ее очевидной порочности — единственный способ закрепления успешных бизнесов на местах, прежде всего в небольших городах. Если не так, то:

— *Либо бизнес сожрут местные власти, либо его втянет крупняк с областного, а то и федерального уровня, либо он сам, почувствовав силу, уйдет выше — в ту же область, а то и в столицу. Но здесь его по-любому уже не будет.*

Сказанное о судьбах российского малого и среднего предпринимательства касается его наиболее массовых видов, прежде всего торговли и обслуживания в небольших и средних городах. Эти предприятия там на виду, их деловые связи и схемы очевидны. Видно, как они вынуждены обращаться к неформальным практикам, в том числе коррупционного характера.

В гораздо более сложных деловых и коммуникационных структурах больших городов разворачиваются гораздо более сложные коррупционные и теневые схемы. Но интереснее было узнать у информаторов, что в больших городах или, точнее, в сложных информационных структурах, которые там вырастают, возможны наряду с абсолютно криминальными и абсолютно «чистые» бизнесы:

— *У нас все по-белому, у меня работают люди, которые на другое и не согласились бы. Да и мне неинтересно. Мне интересно доказать, что мы можем так жить в России.*

На вопрос, как это удается, отвечают:

— *Ну, во-первых, всем, кто хотел бы с нас что-то поиметь, просто по факту не понять, что мы делаем. Это вообще понимают еще в двух-трех местах в стране, и все. Они идут к тем, кто попроще. Во-вторых, все наши партнеры там (за рубежом), вся наша отчетность под их присмотром. Чуть что не так... это-то интеллекту местных любителей доступно, и они уже не пробуют лезть.*

Возвращаясь к более ординарным видам бизнеса, укажем, какие встретились варианты отношения предпринимателей к непереносимости коррупции и необходимости строить неформальные отношения с нужными людьми. Вопрос представляется важным для нашей темы потому, что мнения бизнесменов так или

иначе проникают и в массовую среду работающих по найму, живущих на пенсии и пр.

Из наиболее частых выделим мнение о том, что коррупция (в России) неизбежна. Далее различаются отношения к ней как к неизбежному злу или как к необходимому и полезному (на данном этапе или в данных социокультурных обстоятельствах) социальному инструменту.

Характерна в этой связи неоднократно отмеченная нами реакция непонимания/недоверия среди предпринимателей в ответ на рассказы о том, как была побеждена коррупция в Грузии и (в отдельных видах) на Украине.

Представляет интерес дискуссия предпринимателей при обсуждении одного начинания в госструктурах. Речь шла о практике создания при ряде министерств специальных организаций (официальных, государственных унитарных предприятий), которые за плату брали на себя «помощь в оформлении документов», каковые данное министерство по своему регламенту обязано выдавать обращающимся за ними физическим и юридическим лицам. Из практики было известно, что до того никому из обращающихся получить эти документы в установленный регламентом срок было практически невозможно — обнаруживались формальные препятствия, но эти препятствия обходили с помощью «подарков». Учреждение этих дополнительных организаций с точки зрения одних участников дискуссии устраняло коррупцию, а с точки зрения других — возводило ее на уровень государственной практики. Одни говорили:

— *Чем я буду в конверте совать или конфетки подносить, я заплачу государству в кассу, возьму чек и пойду спокойно.*

Другие возражали:

— *Я налоги заплатил за то, чтобы они (в министерстве) работали, дело свое делали. Почему я должен второй раз платить за их услуги?!*

Повторим: если спрашивать рядовых россиян о коррупции в России, самый частый ответ будет гласить, что ею охвачено всё, что взятки берут все, повсюду и везде. Но более детальные расспросы покажут, что авторы ответов о тотальном мздоимстве обычно имеют в виду других, не себя и не таких, как он/она.

— *Нам-то кто будет взятки давать? За что? Кому мы нужны-то?*

Похожая ситуация и с вопросом, приходится ли давать взятки. Почти автоматический ответ:

— *Конечно, без взяток ни шагу. Тому дай, этому дай... Россия!*

Но, как показывают исследования, большинство рядовых россиян большую часть своего повседневного существования пребывают в условиях, когда у них никто не требует взятку и не было случая кому-либо ее предлагать.

Однако в жизни рядового человека встречается ряд ситуаций, являющихся экстраординарными. Часть из них — «плановые» события жизненного цикла, вроде помещения жены в роддом, ребенка в детсад, школу, институт, переход со ступени на ступень, испытания, экзамены. Кроме того, есть незапланированные, но сопровождающие жизнь человека или его близких события, например тяжелая болезнь, требующая частого обращения к врачам в поликлинике и других медучреждениях, госпитализация, хирургическая операция, похороны, а также арест, суд, заключение.

На каждом из этих лиминальных (рубежных) жизненных моментов происходит контакт с государством. От лица последнего выступает некое ведомство, учреждение, а в нем лицо, от которого зависит существенное для человека решение. Это чиновник, врач, учитель или иной специалист. В зависимости от ситуации их контакт сопровождается или не сопровождается передачей взятки или иным неформальным действием.

По мнению россиян¹, практика взяток теперь распространена более чем прежде. На популярность такого мнения, разумеется, может влиять склонность россиян к идеализации прошлого и к критике настоящего. В этом случае «объективная» картина бы свидетельствовала, что некие количественные показатели взяточности не изменились, а изменилось мнение об этом явлении.

Несомненно, описанная тенденция действует. Наши опросы, посвященные другим явлениям морального порядка (у которых нет количественного измерения), показывают, что к идее, что происходит порча нравов, легко склоняется значительная часть россиян. Однако есть основания полагать, что и фактическая частота взяток выросла по сравнению с советскими временами, которые для значительной (не только старшей) части общества служат эталонными. Это связано с увеличением числа упоминавшихся лиминальных ситуаций, когда человек/семья сталкивается с госструктурами по поводу важных жизненных обстоятельств. Так, к примеру, тот факт, что россияне в большинстве своем стали обладателями недвижимости и

¹ [Электронный ресурс]. <https://www.levada.ru/2017/03/28/vlastinelzya-narodu-mozhno/>

вынуждены проводить ряд операций по оформлению прав и правоотношений, заставляет их обращаться к услугам агентов и агентств. Другой фактор — растущая бюрократизация и необходимость в оформлении документов, которые ранее не требовались.

Сравнение советских времен с нынешними выявляет еще одно интересное различие. В советские времена, как могут вспомнить люди старшего поколения, одной из важнейших черт повседневного быта была нехватка различных товаров. Эта ситуация была известна под именем «дефицит».

У феномена дефицита в социалистической хозяйственной системе были глубокие корни, связанные с ее основаниями и глубинными характеристиками. Эти связи обстоятельно проанализированы в большом специальном труде¹. Наличие фундаментального труда позволяет нам не обсуждать экономическую сторону этого явления, а сосредоточиться на его социокультурных аспектах. Имевшая широкую известность миниатюра Михаила Жванецкого в исполнении Аркадия Райкина, посвященная дефициту, точно указывала на те его аспекты, которые имеют непосредственное отношение к теме нынешнего исследования. А именно «наличие отсутствия» некоторых товаров и продуктов, обладание которыми было социально желательным для потребителей, с одной стороны, и присутствие, с другой стороны, лиц, которые могли обеспечить приобретение этих продуктов полуправильным или нелегальным путем, создавало массовым порядком коррупционную ситуацию, точнее, одну ее часть. Другая же заключалась в том, что потребитель, предъявляющий спрос на дефицитный товар или услугу, в силу указанных не вполне законных или незаконных форм ее приобретения, как правило, не имел прямого и открытого доступа к продавцу. Продавец дефицитного товара нуждался в гарантиях того, что покупатель не разгласит обстоятельства сделки, не навлечет на продавца репрессии карательных органов. Такими гарантиями выступали неформальные отношения, связи. Потенциальный покупатель в идеале должен был принадлежать к той же неформальной (первичной) группе, что и продавец. Взаимные обязательства, существующие в таких группах, гарантировали, что обе стороны будут ставить неформальные отношения выше формальных и потому не впустят в свою систему «чужих» представителей власти, блюстителей закона. Для потенци-

¹ Корнаи Я. Дефицит. М.: Наука, 1990.

ального покупателя доступ к неформальным отношениям с продавцом, как правило, представлял проблему. Наличие таких отношений было ценностью и именовалось словом «блат». Добывание каких-либо дефицитных благ или товаров ввиду наличия знакомства с их владельцем/продавцом называлось доставанием по благу.

Блат как полезные отношения для обеспечения себя и близких дефицитом возникал в силу разного рода спонтанно возникших неформальных отношений (вроде родства, соседства, дружбы, совместной учебы и пр.). Отношения, которые мы теперь именуем сетевыми, можно считать ресурсом, видом социального капитала. Мы оставляем в стороне весьма интересный вопрос о неравномерности распространения этого капитала в социуме и отметим лишь специфические формы его распространения. Речь идет о том, что в условиях крупногородского быта индивидов совершалась трансформация реальных первичных/неформальных отношений в якобы-неформальные. Люди передавали свои реальные знакомства с обладателем/продавцом дефицита своим знакомым, создавая знакомства второй степени, а те — своим знакомым, повышая далее эту степень. Часто «паролем» являлось имя. Это имя само представляло ценность и могло передаваться, обмениваться на такое же, дающее доступ к другому дефициту. Возникал рынок паролей, параллельный рынку дефицита. Ведь блат — это род как-бы-дружбы, это ссыла на отношения якобы-дружбы. Если «я к вам от NN», значит, я с ним состою в неких особых отношениях, в которых и вы состоите, я их эксплуатирую, я нечто покупаю за мои отношения с этим NN. Конечно, это патология по отношению к дружбе, потому что в дружбе ничего не должно покупаться-продаваться.

В конце 1980-х годов авторам статьи о дефиците² представлялось, что мы вскоре перейдем к рыночным отношениям, там никакие личные связи не потребуются. Авторы, как теперь видно, ошиблись, и ошиблись фундаментально. Сегодня мы имеем рыночную экономику, но она не господствует, а напротив, подчинена системе неформальных квазидружеских связей в элитах. Отношения типа «дружбы» бывших однокурсников, бывших сослуживцев или членов одного дачного кооператива венчают структуру, которая является основой нашей социэкономической системы. Именно основой,

² Левада Ю., Левинсон А. Похвальное слово дефициту // Горизонт. № 10. 1988.

а не побочным сопровождающим феноменом, каковым всегда являются неформальные отношения в классических экономиках.

Введение в России собственно рыночных отношений действительно быстро ликвидировало дефициты. Исследования последних лет показали, что описанная связка блат-дефицит в отношении товаров в самом деле более не существует. Вышло из употребления слово «блат»:

— Слово «блат» ушло, теперь это называется «связи». Связи — это не только каркас нашей экономики, это природа всех наших властных отношений, в том числе на самом высоком уровне. Их принцип «своих не сдаем», он действует в кадровой политике и в политике вообще.

По словам респондентов, ушли отношения блат-дефицит, но ситуация, когда требуются неформальные отношения с должностным лицом, чтобы получить услуги или блага, осталась. Если неформальные отношения уже существовали, то возможно получение искомым благ/услуг в силу существования таких отношений. Предоставление благ может быть одолжением, выполнением обязательства, знаком доброго отношения и пр. Может быть, эта транзакция совершается на основе взаимности — услуга за услугу, одолжение за одолжение и т.п. Но так или иначе, а наличие неформальных отношений (знакомства, приятельства, дружбы и пр.) предшествует транзакции и является ее условием. Наличие такого знакомства теперь называется словом «связи». Иметь связи (знать людей) — значит, обладать известным социальным капиталом.

Нас больше интересует ситуация, когда за услугой обращается человек, с которым податель услуги лично не знаком. Как и в рассмотренной ситуации доставания по благу, здесь существует система ступеней — знакомый-знакомый-знакомый. И так же как и в случае с блатом, имеется своего рода рынок этих знакомств, где их обменивают.

Но знакомства второго и более высоких порядков, как правило, не обладают той силой, за которую оказывают услугу. Знакомства второго, третьего порядков уже предполагают прямую покупку услуги. За услугу платят некую согласованную цену, т.е. дают взятку.

Здесь важно не столько то, что за услугу надо дать взятку, сколько то, что дать эту взятку можно, только имея описываемое знакомство (второй или более высокой степени).

Система развивается, неформальные связи, как и в случае с блатом, начинают приобретать черты безличных, формальных. Так, знание о

том, кому дать, становится самостоятельной ценностью. Ссылка на неформальные связи, знакомства в виде описанного выше пароля, может уже не требоваться. Требуется тот или иной знак того, что человек знает, кому дать. Это подразумевает, что он знает и условия транзакции, в частности ее секретность и правила соблюдения таковой. Такой проситель не будет сообщать о взятке/услуге в контрольные и карательные органы.

Дальнейшее развитие этих тенденций ведет ко все большей формализации и автоматизации подобных коррупционных отношений. Для этого также требуется своего рода компетентность соискателя услуги. Он должен знать или с высокой вероятностью предполагать, что даже незнакомый врач или преподаватель, к которому он обращается за особой услугой, заведомо готов принять взятку и оказать эту услугу.

Такое знание может дать репутация учреждения или профессии. Здесь все берут или они все берут — это формулы, которые аккумулируют подобное знание.

Связи нужны и для устройства на работу. Обширные исследования, которые проводились нами на эту тему, дали весьма красноречивый результат.

Есть вопрос, на который практически все опрошенные отвечают положительно: можно ли устраивать или устраиваться на работу посредством связей? Одни говорят: конечно, да. И приводят резоны: гораздо лучше взять человека, которого тебе рекомендовали, чем человека с улицы. Это повышает вероятность того, что берется хороший работник и что он будет добросовестнее относиться к своим обязанностям.

— Я считаю, что допустимо (брать знакомых), но надо смотреть, соответствует ли такой человек этой должности.

— Смотря, на какую работу. Если человек работает честно, он имеет право брать по знакомству кого хочет, это никакой не блат, просто берет тех, кому доверяет, кого знает. Почему бы и нет?

На это, впрочем, следует возражение, что именно знакомство иногда вынуждает взять человека, который не подходит и который далее плохо работает.

— Недопустимо, если у тебя нет образования, чтобы идти на эту работу, но тебя туда впахивают, а рядом есть человек, у которого есть диплом этот, и берут тебя, а не его. Без какой-либо квалификации сажают туда. Это недопустимо.

Несмотря на это, знакомства, связи оказываются, по словам респондентов, единственным видом доступа к достойной (а для некоторых — вообще к любой) работе. Примечательно, что институт связей работает на всех уровнях социальной пирамиды, от низших до высших.

— *Без знакомства ты вообще не устроишься. У нас иначе не делается.*

Если далее спрашивать о том, это вид коррупции или нет, то такой вопрос порождает у респондентов беспокойство. Назвать использование знакомств коррупцией — значит, приравнять использование этих как-бы-дружеских, «человеческих» связей к преступлению. Поэтому отвечают поровну: и «да», и «нет». Иногда оба ответа дает один человек:

— *Пример: вот у нас в Н-ске в вузах на должностях все только знакомые — чей-то родственник, чья-то сестра, чей-то брат. Чей-то друг, чей-то однокурсник. Недопустимо, но так. С другой стороны, если бы я была руководителем какого-то предприятия образывающего, я бы только по знакомству набрала людей, потому что я знаю их. Я знаю их профессиональные способности и так далее. И выходит, я считаю, допустимо.*

Представляет интерес мнение, почему нельзя считать коррупцией использование знакомств:

— *Ведь это не взятка, деньги не фигурируют, никто несправедливо не обогащается.*

В дискуссиях часто указывали на то, что в академической среде, в вузах:

— *Никогда не возьмут (на работу) человека, за которого не выскажутся авторитетные люди, профессора. И это норма жизни.*

— *Да, и у нас, и на Западе. Там без этого вообще и не подходи.*

В интервью с главврачом как нечто само собой разумеющееся было сказано:

— *Людей подбираем тщательно, только тех, которых мои коллеги из других стационаров знают и порекомендуют. А как иначе я могу им доверять своих больных, сами подумайте.*

Использование первичных отношений при найме на работу, как мы видели, представляется респондентам общераспространенным и, в общем, не предосудительным. Первичные отношения включают родственные, «врожденные» отношения и отношения приобретенные. Часть людей предлагает их не различать, все это «свое». Но наряду с этим заметно и стремление части людей считать, что:

— *Сажать на теплые места своих родствен-*

ников, сыночков-племянничков — это делается, но по мне это просто неприлично.

Те же респонденты не видят ничего плохого:

— *Но если я возьму на работу парня, с которым мы учились. Я его знаю как родного, знаю ему цену, мне такой нужен. Какие здесь ко мне вопросы?*

В обоих случаях отношения происходят из первичных связей. Но отношения родства — аскриптивные, примордиальные, «природные». По сравнению с ними отношения дружбы, знакомства, включающие момент выбора, более достижительные, «культурные». Руководитель медицинского учреждения говорит:

— *Родня, чужая ли, своя ли, — это всегда проблемы. Не взять нельзя, а зачем они тебе, одни проблемы. Избегаю как могу.*

Очевидно, что отношения родства, полагаемые «природными» и потому самыми сильными, могут заставить людей совершать нерациональные действия (рекомендовать/брать ненужных работников).

Таким образом, многими из тех, кто прием на работу по знакомству считает практикой рациональной, целесообразной, непотизм, кумовство рассматриваются как порочная практика.

Внутри этих систем отношений циркулируют, условно говоря, три вида капитала. Главный капитал — социальный, т.е. связи или знакомства. Собственно, сеть этих связей и есть общество. Отметим как один из важнейших результатов наших исследований регистрацию того факта, что общество относится без осуждения к знакомствам и их использованию для получения каких-либо благ или услуг. Гражданам известно, что официальная позиция в отношении действий по знакомству отрицательная, но народная культура их не осуждает. (В отличие от взятки, которая признается злом.) Общество не осуждает такие связи именно потому, что это, собственно, оно само и есть. Они суть социальность как таковая.

Итак, один вид капитала — социальный. Второй — капитал в виде благ, услуг либо денег как средства их приобретения. Этот капитал функционирует в обстоятельствах взятки, подкупа, вымогательства и пр. Эта сторона дела наиболее известна, описана уголовным законодательством, широко освещается в СМИ как коррупция. Это криминальная часть неформальных отношений. Именно данный аспект неформальных отношений используется как инструмент политической борьбы, поскольку

уличение того или иного актора в том, что он так или иначе участвует в транзакциях этого вида капитала, оказывается максимально эффективным. Такие действия признаются преступлением и безусловным злом как законом, так и общественным мнением. В ходе исследования мы рассматривали ситуации, когда общественное мнение оправдывает дачу взятки простым человеком, и установили, что это всегда связано с лиминальными, т.е. крайними, пограничными ситуациями, когда решается судьба или вопрос о жизни и смерти. Квалификация взятки как зла при этом не отменяется. Происходит другое: отменяется санкция (в том числе моральная) за использование зла как средства. Здесь в миниатюре повторяется описанная выше ситуация ограниченной аномии.

Третий вид капитала — капитал символический. Мы детально рассматривали тему подарков, раз за разом обнаруживая, что общественное мнение не способно принять квалификацию подарков как взятки. Из антропологии известно, что дар является одним из инструментов социального управления, с помощью него дарящий может определенным образом влиять на поведение одаряемого. Однако это возможно только в случае, если обе стороны приписывают одно и то же символическое значение дару, подарку. Подарок есть символический элемент отношений реципрокности, взаимности. Он символически фиксирует состоявшийся факт получения реального блага: врач вылечил, учитель выучил, или же предполагаемое получение этого блага: врач будет хорошо лечить, учитель будет снисходителен и т.п.

Исследования «Левада-Центра» позволяют прийти к заключению, что развитие современного российского общества движется по двум диаметрально противоположным направлениям. Одно направление — это экспансия неформальных отношений, которая разворачивается в относительно новой оригинальной форме. Для нас привычным было распространение неформальных отношений в зону, которая номинально или по замыслу являлась зоной отношений формальных (классические примеры — взятка, кумовство). Сегодня помимо этого широко обсуждаемого и осуждаемого процесса мы имеем дело с экспансией «формально формальных» отношений в различные области деятельности, но в ходе своей реализации эти отношения оказываются неформальными, действующими по законам первичных коллективов. Исполнение всеобщих формальных законов оказывается

подчиненным неформальным внутриобщинным законам. Это, в частности, означает, что норма, в том числе юридическая, в обиходе класса управляющих теряет обязательность, потому что более не подкрепляется санкцией. То, что в народе называется безнаказанностью, на социологическом языке должно называться управляемой или селективной аномией.

Экспансия класса бюрократии, идущая в последние два десятилетия в России, не означает, как это традиционно считалось, одного лишь забюрокративания жизни, подчинения всего и вся инструкциям и прочим бумажкам. Распространение всех означенных атрибутов бюрократического управления, безусловно, происходит и само по себе вызывает жалобы и недовольство как исполнителей, так и получателей услуг. Однако распространение этих формальностей есть лишь внешняя сторона процесса. Все его участники знают (или обречены узнать), что реальное и продуктивное взаимодействие все чаще происходит помимо этих формальностей. Реальные акторы находятся между собой в неформальных отношениях, и именно сеть этих отношений (как солидарных, так и конфликтных, как реальных, так и фиктивных) определяет ход и результаты деятельности.

Внесенные различными волнами модернизации — от урбанизации и культурной революции первой половины XX века до демократизации в его последней декаде — формальные институты в последние 15 лет интенсивно обживались. Не следует говорить, что все формальные отношения коррумпированы и тем самым подорваны и извращены. Достаточно того, что это произошло, как согласно говорят наши респонденты, с рядом ключевых институтов, таких как суд и полиция. Наше исследование указывает не на тотальность коррупции, а на отсутствие у почти любого института иммунитета против нее. (Исключения есть, это важнейший момент, и о нем будет сказано особо.) Строго говоря, мы фиксируем не отсутствие такого иммунитета как результат, а соответствующее мнение в обществе как причину.

Распространению подверглось представление о том, что первичные отношения ценностно выше вторичных и третичных, что неформальные связи ценностно более значимы, чем формальные, и эти принципы прилагаются не к реальности первичных коллективов, где они у себя «дома», и такая приоритетность закономерна. То, что мы можем счесть порчей нравов в последние 15 лет, есть распространение

таких понятий на всю действительность отношений, от внутрикорпоративных до международных.

Но необходимо сказать и о противоположной тенденции, которую фиксировали наши исследования.

Если угодно, ее можно назвать тенденцией дегуманизации, вложив в это слово специфический смысл. В нашем повседневном обиходе начинают появляться бесчеловечные — действующие без человека — системы, в которых отсутствует возможность «договориться по-человечески», вступить в неформальные отношения.

Практика электронных расчетов с налоговой инспекцией, по рассказам деловых людей, избавила их от бремени договариваться с чиновниками. Система ЕГЭ, какие бы ни звучали проклятия в ее адрес, теперь свободна от такого греха, как коррупция. Практика электронной записи в детский сад или в школу устранила ситуации с чистосердечно вручаемыми или сомнительными подарками, знакомствами и прямым подкупом.

Как мы обнаружили, в случаях, когда предложение и спрос на какое-то благо находятся в равновесии, современное городское общество выбирает путь формальных решений, не подразумевающих коррупционный путь. В таких обстоятельствах всеобщее осуждение коррупции совпадает с отказом от нее на практике.

Именно формальные решения могут быть переданы автоматизированным (безлюдным) системам. Городское сообщество, повторим, такие решения в основном приветствует.

Как бы Россия ни отставала от передовых стран в распространении и использовании информационных технологий, зона их применения в нашей повседневности будет расти. Поэтому пока мы имеем перед собой два процесса: процесс разрастания зоны неформальных отношений под видом формальных и процесс элиминации неформальных отношений в ходе распространения безлюдных технологий. Нельзя второму обещать победу, но он гарантирует, что тотальной победы первого тоже не будет.

Марк УРНОВ
Валерия КАСАМАРА

Национальная идентичность студентов России и США

Сравнительный анализ

Введение

Данная работа посвящена сопоставлению некоторых базовых характеристик национальной идентичности студентов трех ведущих вузов России — МГУ, МГИМО и НИУ ВШЭ — и студентов Принстонского университета (США). Основная цель — хотя бы в первом приближении очертить контуры одной из важнейших составляющих мировоззрения кандидатов в российские элиты. Понятно, что далеко не все выпускники институтов, включенных в наше исследование, попадут в политическую, экономическую или интеллектуальную элиту. Диплома престижного вуза для этого недостаточно. Однако вероятность войти в элиту у наших респондентов все же выше, чем у представителей других групп молодежи с высшим образованием¹. Кроме того, значительная часть выходцев из МГУ, МГИМО и НИУ ВШЭ, не попавших в элиты, окажется в рядах интеллектуалов — группы, существенно влияющей на элиты².

Очевидно, что через 10–15 лет, то есть к тому времени, когда элиты страны начнут активно пополняться представителями поколения нынешних студентов, взгляды наших

¹ В 2015 году выпускники МГУ, МГИМО и НИУ ВШЭ занимали 14 из 40 руководящих должностей в Администрации президента РФ и 5 из 8 вице-премьерских постов в правительстве РФ; двое были заместителями министров РФ (Министерство экономики, Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды), один — губернатором ([Электронный ресурс]. <http://kremlin.ru/>; <http://government.ru/gov/>; <http://governors.ru/>). Согласно данным внутреннего мониторинга НИУ ВШЭ, около 45% выпускников факультетов социально-политической и экономической направленности этого вуза начинают профессиональную карьеру в федеральных, региональных и муниципальных органах власти.

² О влиянии интеллектуалов на формирование национальной идентичности см.: Weber M. *Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology*. G. Roth and C. Wittich (Eds.). Vol. 1, 2. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1978; Lipset S.M. *The First New Nation*. New York: Basic Books, 1963.

Истинный Космополит есть существо метафизическое или столь необыкновенное явление, что нет нужды говорить об нем...

Н.М. Карамзин. История государства Российского

респондентов в той или иной мере изменятся. Однако значимость изучения их сегодняшних представлений это не умаляет: без знания стартовых позиций понять динамику невозможно.

Целесообразность сравнительного подхода для достижения нашей цели вряд ли нужно специально доказывать. Напомним лишь, что этого требует относительный характер человеческих суждений, подмеченный еще Анезидемом Александрийским, Секстом Эмпириком и Агриппой³ и сравнительно недавно подробно описанный когнитивными психологами⁴. К сопоставлениям подталкивают и навеянные теоремой Гёделя о неполноте соображения о том, что для сколько-нибудь глубокого понимания любой системы (включая, разумеется, систему ценностных ориентаций) требуется посмотреть на нее не только изнутри, но и извне.

В то же время обоснованность сопоставления кандидатов в нашу элиту с кандидатами в элиту США может вызвать сомнения. В самом деле, по *объективным критериям* такое сравнение не вполне правомерно: США — намного более богатая и стабильная страна, обладающая значительно более зрелой элитой и куда более стабильной системой ценностей. Однако по *субъективным критериям* подобного рода сопоставление представляется оправданным. Сегодня США для России играют роль «зеркала», глядя в которое наша страна формирует представления о себе⁵. Как отмечают Л. Борусяк и А. Левинсон, в настоящее время в России «постоянно идет сравнение нашей политики

³ Кирхнер Ф. История философии с древнейшего до настоящего времени. СПб.: Издание книгопродавца В.И. Губинского, 1895.

⁴ См., напр.: Helson H. Current trends and issues in adaptation-level theory // *American Psychologist*, 1964. Vol. 19. Issue 1. P. 26–38; Kahneman D., Miller D.T. Norm theory: Comparing reality to its alternatives // *Psychological Review*, 1986. Vol. 9. No. 2. P. 136–153.

⁵ Подробнее о феномене «зеркального имиджа» см. с. 25.

и политики США. Каждое действие России, которое может трактоваться как нарушение международных правил, тут же обязательно оправдывается похожими или якобы похожими действиями главного соперника. Если им можно, почему нам нельзя?»¹. Так что в своем исследовании мы просто использовали образец для сравнения, являющийся привычным (а возможно, и единственно легитимным) для российских элит и общественного мнения.

Выбор национальной идентичности в качестве предмета исследования продиктован ее мощным влиянием на политическое поведение. Распространенные в разных государствах представления о своей стране, о том, какое место она занимает и какое должна занимать в мире, какими должны быть и что в реальности собой представляют ее политические системы, экономика, культура, относятся к числу важнейших факторов, влияющих на внутривнутриполитические процессы и международные отношения.

Используя термин, предложенный Ф. Конверсом, можно сказать, что национальная идентичность играет роль «психологического ограничителя» в процессе отбора политических оценок и действий².

В качестве научной проблемы национальная идентичность является столь же привлекательной, сколь и сложной. В начале нынешнего века Р. Брубекер и Ф. Купер писали, что идентичность «тяготеет к тому, чтобы значить слишком много (когда понимается в широком смысле), слишком мало (когда понимается в узком смысле) или не значить вообще ничего (из-за своей полнейшей неопределенности)»³, а М. Брюер назвала ситуацию в исследованиях социальной идентичности «концептуальной анархией»⁴. За прошедшие с тех пор полтора десятилетия мало что изменилось. Отсутствие общепринятых подходов не позволяет избежать хотя бы минимального теоретизирования в нашей, по преимуществу эмпирической, работе и вынуждает начать с уточнения основных используемых понятий. Требования

формата статьи сделали невозможным сколько-нибудь подробный теоретический анализ конкурирующих между собой доктрин и аналитических парадигм изучения национальной идентичности. Кроме того, они вынудили нас предельно сократить публикуемый список литературы, использованной при подготовке данной работы.

Разделяя озабоченность И. Шапиро затруднениями, которые в современных научных исследованиях порождаются «ориентацией на метод в противовес ориентации на проблему»⁵, мы принципиально не относим себя к приверженцам ни одной из существующих методологических традиций анализа национальной идентичности⁶. Более того, мы полагаем, что эти направления не столько конкурируют, сколько дополняют друг друга, акцентируя различные аспекты одного явления. И потому считаем не только возможным, но и желательным — в той мере, в какой это диктуется потребностями исследования — придерживаться методологической эклектики и по мере необходимости использовать аналитические инструменты и концепции, разработанные разными школами.

Единственная методологическая позиция, которой *мы постараемся* придерживаться, — субъективистский подход к национальной идентичности. Здесь мы ни в коей мере не претендуем на оригинальность, а следуем традиции, общие положения которой ассоциируются с именами З. Фрейда, К. Левина, Л. Фестингера, Р. Дельгадо и различные аспекты которой применительно к интересующей нас проблеме были развиты Э. Эриксоном, Г. Таджфелом, Дж. Тернером, Ш. Страйкером, П. Бёрком, Дж. Макколлом, Дж. Саймонсом, Х. Маркус и др.⁷

⁵ Шапиро И. Бегство от реальности в гуманитарных науках. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.

⁶ Конструктивизм, бихевиоризм, теории социальной или ролевой идентичности, символический интеракционизм; психологический, социально-психологический или социологический подходы и пр.

⁷ Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». М.: Академический проект, 2014; Левин К. Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Изд-во «Речь», 2000; Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996; Burke P.J., Stets J.E. Identity Theory. New York: Oxford Univ. Press, 2009; Delgado R.R. A Possible Model for Ideas // Philosophy of Science, 1957. Vol. 24. No. 3. P. 253–269; Festinger L. A Theory of Social Comparison Processes // Human Relations, 1954. Vol. 7. No. 2. P. 117–140; Markus H. Self-schemata and processing information about the self // Journal of Personality and Social Psychology, 1977. Vol. 35. No. 2. P. 63–78; McCall J., Simmons J.L. Identities and Interactions: An Examination of Human Associations in Everyday Life. New York: Macmillan, 1978; Stryker S. Symbolic Interactionism: A Social Structural Version. Caldwell, NJ: Blackburn, 2002; Tajfel H. Human Groups and Social Categories.

¹ Борусяк Л., Левинсон А. Величие вместо демократии: как Россия догнала США в умах своих жителей // РБК daily. 2016. 4 февр.

² Converse P.E. The Nature of Belief Systems in Mass Publics // David E. Apter (Ed.). Ideology and Discontent. New York, Free Press, 1964.

³ Brubaker R. Citizenship and Nationalism in France and Germany. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1992; Inoguchi T. Clash of Values across Civilizations // R. J. Dalton, H.-D. Klingemann (Eds.). The Oxford Handbook of Political Behavior. New York: Oxford Univ. Press, 2009. P. 240–258.

⁴ Brewer M.B. In-Group Bias in the Minimal Intergroup Situation: A Cognitive-Motivational Analysis // Psychological Bulletin, 1979. Vol. 86. No. 2. P. 307–324.

Мы рассматриваем национальную идентичность как один из компонентов индивидуальной социальной идентичности, то есть как элемент¹ «сети»², «карты»³, «я-концепции»⁴, «социального я»⁵, «я-схемы»⁶, субъективных связей индивида с многообразными элементами социума — группами, институтами, идеями или в самом общем плане — с социальными категориями⁷. Эти связи образуют систему представлений индивида о своей принадлежности к различным элементам социума (содержание этих представлений составляют приписываемые элементам социума субъективные/личностные смыслы, характеристики опыта взаимодействия с ними и т.п.)⁸.

В индивидуальной системе идентичностей нация выступает в качестве «психологической

группы»⁹ или «воображаемого сообщества»¹⁰. Принадлежность к этому сообществу позволяет человеку ощущать «прелесть *gemeinschaft*»²² или «эмоциональное единство с другими»¹¹. К. Левин называл это ощущение чувством «мы» или, с акцентом на временную перспективу, переживанием «взаимозависимости судеб», которое считал основным критерием принадлежности к группе¹².

Говоря о национальной идентичности в системе («сети») индивидуальной идентичности, важно иметь в виду, что ее понимание и значимость могут под воздействием разного рода обстоятельств меняться, причем достаточно быстро¹³. Подобные изменения, естественно, будут сказываться на общем восприятии человеком своего положения в социуме, а при массовом распространении — на системе доминирующих в обществе ценностей, представлениях о патриотизме, сплоченности общества, специфике внутри- и внешнеполитических решений и пр.¹⁴

Национальная идентичность имеет множество аспектов и может рассматриваться под разными углами зрения. В нашем исследовании мы сконцентрируемся на стране как на объекте национальной идентичности и на некоторых аспектах отношения к стране, делающих ее объектом национальной идентичности.

Страна как объект национальной идентичности

Предельно упрощая ситуацию, существующие в современной науке и массовом сознании представления об объекте национальной идентичности можно классифицировать по относительной значимости в них следующие три компонента: политический (общее гражданство/подданство/государство), этнический (общая

Cambridge; Cambridge University Press, 1981; *Tajfel H., Turner J.C.* An Integrative Theory of Intergroup Conflict // G. Austin, S. Worchel (Eds.). *The Social Psychology of Intergroup Relations*. Monterey, CA: Brooks/Cole, 1979. P. 33–47; *Turner J.C.* Social Comparison and Social Identity: Some Prospects for Intergroup Behavior // *European Journal of Social Psychology*, 1975. Vol. 5. Issue 1. P. 5–34; *Turne J.C., Oakes P.J.* The Significance of the Social Identity Concept for Social Psychology with Reference to Individualism, Interactionism and Social Influence // *British Journal of Social Psychology*, 1986. Vol. 25. Issue 3. P. 231–252; *Turne J.C., Hog M.A., Oake P.J., Reicher S.D., Werherell M.S.* Rediscovering the Social Group: A Self-categorization Theory. Oxford: Blackwell, 1987.

¹ «...мы не можем предполагать, что для большинства людей национальная идентификация — когда она существует — исключает или /.../ превосходит по значимости множество остальных идентификаций, которые образуют социальное бытие. Фактически она всегда сочетается с другими идентификациями, даже если ощущается более важной, чем другие». *Hobsbawm E.J.* *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality*. 2d ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

² *Stryker S., Burke P.J.* The Past, Present, and Future of an Identity Theory // *Social Psychology Quarterly*, 2000. Vol. 63. No. 4. Special Millennium Issue on the State of Sociological Social Psychology. P. 284–297.

³ *Greenfeld L., Eastwood J.* National Identity // *Oxford Handbook of Comparative Politics*. Charles Boix and Susan C. Stokes (Eds.). Oxford: OUP, 2009. www.oxfordhandbooks.com

⁴ *Tajfel H.* *Human groups and social categories*. Cambridge; Cambridge University Press, 1981.

⁵ *Turner J. C., Oakes P.J.* The Significance of the Social Identity Concept for Social Psychology with Reference to Individualism, Interactionism and Social Influence // *British Journal of Social Psychology*, 1986. Vol. 25. Issue 3. P. 231–252.

⁶ *Markus H.* Self-schemata and Processing Information about the Self // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1977. Vol. 35. No. 2. P. 63–78.

⁷ *Stryker S., Burke P.J.* The Past, Present, and Future of an Identity Theory // *Social Psychology Quarterly*, 2000. Vol. 63. No. 4. Special Millennium Issue on the State of Sociological Social Psychology. P. 284–297.

⁸ *Tajfel H., Turner J.C.* An integrative theory of intergroup conflict // G. Austin, S. Worchel (Eds.). *The Social Psychology of Intergroup Relations*. Monterey, CA: Brooks/Cole, 1979. P. 33–47; *Deaux K.* Reconstructing Social Identity // *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1993. Vol. 19. No. 1. P. 4–19.

⁹ *Turner J.C., Oakes P.J.* The Significance of the Social Identity Concept for Social Psychology with Reference to Individualism, Interactionism and Social Influence // *British Journal of Social Psychology*, 1986. Vol. 25. Issue 3. P. 231–252.

¹⁰ *Anderson B.* *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Revised Edition. London, New York, Verso, 2006.

¹¹ *Allpor G.W.* *The Nature of Prejudice*. Cambridge, Mass., Addison-Wesley Pub. Co, 1954.

¹² *Левин К.* *Разрешение социальных конфликтов*. СПб.: Изд-во «Речь», 2000.

¹³ *Hobsbawm E.J.* *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality*. 2d ed. Cambridge: Cambridge University Press. 1992.

¹⁴ Впрочем, изменения могут наблюдаться не только в том, что касается национальной идентичности, но и охватывать всю систему индивидуальной идентичности. См. напр.: *Reynolds K.J., Turner J.C., Branscombe N.R., Mavor K.I., Bizumic, B., Subasic E.* Interactionism: In Personality And Social Psychology: An Integrated Approach To Understanding The Mind And Behaviour // *European Journal of Personality*, 2010. Vol. 24. Issue 5. P. 458–482.

генетическая основа) и культурный (общность языка, веры, обычаев, эстетических и этических ценностей и пр.).

В американских и западноевропейских научных концепциях национальной идентичности ключевым элементом представлений о нации является сегодня политический компонент. Это предельно сближает понятия «нация» и «страна», наделяя их такими общими характеристиками, как *общая территория, суверенитет над территорией, суверенность, гражданство, национальное государство, единая политическая система, политическое влияние, политическая основа, политическая/идеологическая природа* и пр.¹

В массовом сознании США и Западной Европы политическая составляющая национальной идентичности также преобладает. Судя по словарям синонимов английского, немецкого, французского, итальянского и испанского языков, слова «нация», «страна» и «государство» являются ближайшими по смыслу понятиями. Этнический и культурный компоненты в понимании нации здесь, разумеется, присутствуют, причем в разных странах оказываются выраженными с разной интенсивностью², но занимают подчиненное положение

относительно компонента политического. Так что с точки зрения содержания преобладающую сейчас в западных странах национальную идентичность можно было бы назвать страновой или, расширяя трактовку Ф. Глисона, политической идентичностью, которая обладает не только этнической, но и культурной инклюзивностью³.

Впрочем, так было не всегда. В новой истории идея политической нации была популярна в XVIII веке — веке рационализма и просвещения, то есть в период еще не разрушенного влияния утопий Мора, Кампанеллы и Сирано де Бержерака, питавшихся рационализмом «Государства» Платона. Именно в это время «патриотизм» в качестве термина возникает в европейских (включая русский) языках⁴. Однако в первые десятилетия XIX века романтизм с его пафосом истории, традиций и народной специфики возродил куда более древнее, чем политическое, — этническое, племенное чувство общности, наполнил им понятие «нация» и на много лет вперед обеспечил сосуществование и конкуренцию политической и этнической трактовки этого понятия⁵.

Конфликтность этих пониманий нации подробно описал Ю. Хабермас⁶. Одну из важ-

¹ См., напр.: *Калхун К.* Национализм. М.: Изд-во «Территория будущего», 2006; *Anderson B.* Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Revised Edition. London, New York, Verso, 2006; *Breuilly J.* Nationalism and the State. 2d ed. Chicago: The University of Chicago Press, 1994 (1st ed. 1982, Manchester Univ. Press); *Citrin J., Reingold B., Green D.P.* American Identity and the Politics of Ethnic Change // The Journal of Politics, 1990. Vol. 52. No. 4. P. 1124–1154; *Gellner E.* Nations and Nationalism. Ithaca: Cornell University Press, 1983; *Greenfeld L., Eastwood J.* National Identity // Oxford Handbook of Comparative Politics. Carles Boix and Susan C. Stokes (Eds.). Oxford: OUP, 2009. www.oxfordhandbooks.com; *Hobsbawm E.J.* Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality. 2d ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1992; *Kohn H.* American Nationalism: An Interpretive Essay. New York: Macmillan, 1957; *Primoratz I.* Patriotism // E.N. Zalta (Ed.). The Stanford Encyclopedia of Philosophy, 2015. <http://plato.stanford.edu/archives/spr2015/entries/patriotism/>; *Sorokin P.A.* The Essential Characteristics of the Russian Nation in the Twentieth Century // Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 370. National Character in the Perspective of the Social Sciences, Mar., 1967. P. 99–115; *Westle B.* Identity, Social and Political // B. Badie (Ed.) International Encyclopedia of Political Science. Thousand Oaks (CA): Sage Publications, 2011. P. 1131–1142. <http://site.ebrary.com/id/10582147?ppg=1656>; *Wirth L.* Types of Nationalism // American Journal of Sociology, 1936. Vol. 41. No. 6. P. 723–737.

² О существующей между различными национальными культурами разнице в акцентах на отдельных компонентах идентичности см., напр.: *Иванова Н.Л., Мазилова Г.Б.* Гражданская идентичность в различных социально-экономических условиях // Идентичность и организация в меняющемся мире. Сб. науч. ст. / под ред. Н.М. Лебедева, Н.Л. Иванова, В.А. Штроо. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2009. С. 41–56; *Линто Д.* Меж двух миров. Европейская культура и американская демократия. М.: Ad Marginem, 1996; *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ, Транзиткнига, 2004; *Brubaker R.*

Citizenship and Nationalism in France and Germany. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1992; *Citrin J., Reingold B., Green D.P.* American Identity and the Politics of Ethnic Change // The Journal of Politics, 1990. Vol. 52. No. 4. P. 1124–1154; *Greenfeld L.* Nationalism: Five Roads to Modernity. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1992; *Greenfeld L.* Etymology, Definitions, Types // Encyclopedia of Nationalism, Vol. 1. / Motyl (Ed.). New York: Academic Press, 2001. P. 251–265; *Smith R.M.* The 'American Creed' and American Identity: The Limits of Liberal Citizenship in the United States // Western Political Quarterly, 1988. Vol. 41. No. 2. P. 225–251; *Weiss H.* A Cross-National Comparison of Nationalism in Austria, the Czech and Slovak Republics, Hungary, and Poland // Political Psychology, 2003. Vol. 24. No. 2. P. 377–401.

³ «Политическая идентичность, обладающая этнической инклюзивностью (ethnically inclusive political identity)». *Gleason Ph.* American Identity and Americanization // The Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups. S. Thernstrom (Ed.). Cambridge: Harvard University Press, 1980.

⁴ В английском языке слово patriotism в значении public-spiritedness впервые появляется 1720-е годы. *Berns W.* Patriotism // International Encyclopedia of the Social Sciences. W.A. Darity, Jr. (Ed. in Chief). Detroit, Mich.: Macmillan Reference USA, 2008. Наиболее ранняя цитата со словом patriotism, содержащаяся в Oxford English Dictionary, относится к 1716 году. В Россию это слово пришло из Западной Европы во времена Петра Великого. *Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка: в 2 т. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Совко. 1910–1914.

⁵ Крупнейший романтик XX века О. Шпенглер описывал становление нации как эволюцию от расы — единства «почвы и крови» к народу — единству души и далее к нации — единству идеи. *Шпенглер О.* Закат западного мира: Очерки морфологии мировой истории: в 2 т. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. М.: Академический Проект, 2009. С. 145–242.

⁶ *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории. 2-е изд., стер. СПб.: Наука, 2008.

нейших причин конфликтности он видел в столкновении двух принципов свободы: коллективного понятия национальной свободы, связанного с этническим пониманием нации, и универсалистскими понятиями индивидуальной свободы, связанными с политической трактовкой нации¹. Макс Вебер был свидетелем того, как после Первой мировой войны этот конфликт разворачивался на межстрановом уровне: в Италии и Германии набирала популярность идея нации-этнуса, Великобритания и Франция склонялись к политической интерпретации нации. Говорить о существовании общепринятого понимания национальной идентичности в такой ситуации было невозможно. И Вебер предпочел воздержаться от введения ее точного определения и писал лишь о тенденции к сближению понятий «нация» и «страна»².

После Второй мировой войны этническая национальная идентичность по понятным причинам оказалась в Европе в роли культурного маргинала. В конце 1970-х появилась «чисто политическая» страновая концепция идентичности, не только не отягощенная какой бы то ни было этничностью, но демонстративно отторгающая связь с последней. Речь идет о концепции «конституционного патриотизма», предложенной Д. Штернбергером для характеристики лояльности к отечеству, отождествляемому с республикой, конституцией и свободой³, то есть о «постнациональной идентичности, сформированной на универсалистских принципах правового государства и демократии»⁴. Параллельно на фоне интеграционных процессов начала формироваться надстрановая (общеевропейская) политическая идентичность, на которую в конце XX века порой смотрели как на набирающую силу естественную преемницу страновой идентичности, более соответствующую новым условиям.

Между тем сегодняшние взгляды на страновую идентичность и ее роль в структуре социальной идентичности уже далеко не столь песси-

мистичны, как пару десятилетий назад. С одной стороны, становится понятно, что интеграционные процессы, распространение электронных коммуникаций и элементов культуры постмодерна/«ценностей самовыражения»⁵ создают благоприятные условия не столько для вытеснения страновой политической идентичности, сколько для ее обогащения элементами «субнациональными»⁶ и наднациональными (региональными, цивилизационными). С другой стороны, новое «великое переселение народов» обостряет межнациональные отношения, усиливает роль этнического компонента идентичности и способствует оживлению шовинистических идеологий. Одновременно межэтническая напряженность стимулирует и политическую идентичность, так что в западных странах, по крайней мере пока, рост этой напряженности проявляется не только и не столько в усилении расистских или ультранационалистических настроений, сколько в интенсификации требований совершенствования работы политических институтов, обеспечивающих соблюдение принципов либеральной демократии в новых, куда более сложных, чем раньше, условиях. В Европе это сопровождается некоторым усилением евроскепсиса — снижением популярности надстрановых институтов ЕС и соответствующим ростом «старой доброй» страновой политической идентичности. Согласно некоторым прогнозам, в ближайшем будущем «Европу определит возвращение национального государства в качестве основной формы политической жизни на континенте. Число национальных государств, вероятно, будет увеличиваться по мере того, как разнообразные сепаратистские движения будут добиваться успеха — разделения стран на составные части или прямой сецессии. Это будет особенно заметно в ближайшие несколько лет, потому что общеевропейский кризис усилит политическое и экономическое давление»⁷.

Учитывая сказанное, можно предположить, что в обозримой перспективе в Европе и в целом на Западе за страновой/политической идентичностью сохранится роль «одной из са-

¹ Какое из этих понятий свободы древнее, можно судить по исследованию Э. Бенвениста, показавшего, что современное слово «свободный», понимание которого ассоциируется с либеральными ценностями, в древних индоевропейских языках обозначало принадлежность человека к «группе людей, объединенных общностью рождения или дружескими отношениями». Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс-Универс, 1995.

² Weber M. Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology. G. Roth and C. Wittich (Eds.). Vol. 1, 2. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1978.

³ Sternberger B. Verfassungspatriotismus (Schriften, Vol. 10). Frankfurt/M.: Insel Verlag, 1990. S. 11–31.

⁴ Хабермас Ю. Политические работы. М.: Праксис, 2005.

⁵ О культуре постмодерна и «ценностях самовыражения» см.: Inglehart R., Baker W.E. Modernization, Cultural Change, and Persistence of Traditional Values // American Sociological Review, 2000. Vol. 65. No. 1. P. 19–51; Welzel C., Inglehart R. The Role of Ordinary People in Democratization // Journal of Democracy, 2008, Vol. 19. No. 1. P. 126–140.

⁶ Термин С. Хантингтона. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ, Транзиткнига, 2004.

⁷ Stratfor Global Intelligence «Decade Forecast: 2015–2025». Feb. 23. 2015. <https://www.stratfor.com/sample/forecast/decade-forecast-2015-2025>

мых важных форм группообразования»¹, сравнимой по значимости с христианской идентичностью для европейского Средневековья².

В России в последние 100 лет динамика представлений о национальной идентичности была иной, нежели в западных странах. Большевицкий переворот 1917 года поначалу повлек за собой категорический официальный отказ от понятия нации. Однако к середине 1920-х годов в условиях рухнувших надежд на мировую революцию пустующее место национальной идентичности стало заполняться образом социалистической Родины — надежды мирового пролетариата, противостоящей мировому капиталистическому окружению. Этническая составляющая этой идентичности то усиливалась (достигнув максимума к 1953 году), то ослабевала, но самостоятельно существовать ей официально не позволялось. Советской идеологией ей отводилась роль «национальной формы», точнее, форм — русской (доминантной) и остальных, наполняемых социалистическим содержанием. После крушения советского режима, распада СССР и образования России русская и прочие этнические идентичности избавились от официальных ограничений и оформились в качестве отдельных концепций, в крайних формах противостоящих политическим идентичностям.

В результате сегодняшняя ситуация в России характеризуется отсутствием доминирующих представлений о национальной идентичности и в большей мере напоминает Европу времен Макса Вебера, чем современную.

В российской науке единственной общей точкой зрения является признание кризиса национальной идентичности, на фоне которого наблюдается не сближение, а борьба между ее различными интерпретациями. В дискуссиях сталкиваются³:

— последовательные доктрины гражданской/политической идентичности⁴;

¹ См., напр.: *Schatz R.T., Staub E., Lavine H.* On the Varieties of National Attachment: Blind versus Constructive Patriotism // *Political Psychology*, 1999. Vol. 20. No. 1. P. 151–174.

² *Greenfeld L., Eastwood J.* National Identity // *Oxford Handbook of Comparative Politics*. Carles Boix and Susan C. Stokes (Eds.). Oxford: OUP, 2009. www.oxfordhandbooks.com

³ Приводимый перечень работ является далеко не полным. Мы включили в него только те публикации, которые показались нам наиболее концептуально значимыми и интересными.

⁴ *Тишков В.А.* Российский народ: история и смысл национального самосознания. СПб.: Наука, 2013; *Тренин Д.* Интеграция и идентичность: Россия как «новый Запад». М.: Изд-во «Европа», 2006; *Иванова С.В.* Национальная идентичность как фактор безопасности государства // Сб. докладов и тезисов V межведом. семинара (конференции) «Пограничная безопасность в условиях информационной войны». М.: Пограничная академия ФСБ, 2010. [Электронный ресурс]. [— концепции, в которых главную роль играет этничность⁵;](http://www.pan-i-</p></div><div data-bbox=)

— концепции по преимуществу культурные, в том числе идеологические и религиозные (эта группа представлена взглядами И. Чубайса⁶), и противоположные по идеологическому «заряду» концепции идентичности на основе «новой официальной идеологии», которая включает просоветские и антилиберальные/антизападные компоненты⁷;

— разнообразные и не менее противоположные по установкам доктрины смешанного типа (проект С.В. Картунова, объединяющий либеральные политические ценности во внутренней политике с идеями специфической культурной миссии русского суперэтноса⁸;

— культурно-политическое антизападное и антилиберальное евразийство в версиях А. Дугина⁹, А. Панарина¹⁰, К. Татарского¹¹;

— российская «территориально-государственная идентичность... союза народов, ядром которого являются русские»¹², и др.).

[ru/nauchnie-stati/natsionalnaya-identichnost-kak-faktor-bezopasnostigosudarstva.html](http://nauchnie-stati/natsionalnaya-identichnost-kak-faktor-bezopasnostigosudarstva.html); *Ярская-Смирнова В.Н.* Национальная идентичность: формула гражданской нации // Национальная идентичность России и демографический кризис. Матер. Всеросс. научн. конференции (Москва, 20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт, 2007. С. 617–625.

⁵ *Вдовин А.И.* «Русский вопрос» и «российская нация» на современном этапе // Национальная идентичность России и демографический кризис. Матер. Всеросс. научн. конференции (Москва, 20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт, 2007. С. 140–152; Декларация русской идентичности 2014 // Патриархия.ru [Электронный ресурс]. <http://www.patriarchia.ru/db/print/508347.html>; *Лебедев С.В.* Русские идеи и русское дело. Национально-патриотическое движение в России в прошлом и настоящем. СПб.: Алетейя, 2007; *Немыченков В.И.* Россия, XXI век: выбор судьбы // Русская народная линия. 2014. Дек. [Электронный ресурс]. http://ruskline.ru/analitika/2014/12/15/rossiya_xxi_vek_vybor_sudby/ и др.

⁶ *Чубайс И.Б.* Как нам понимать свою страну. Русская идея и Российская идентичность. Прошлое, настоящее, будущее. М.: Arsisbooks, 2014.

⁷ *Иванова С.Ю.* Национальная идея в культуре современной России // Национальная идентичность России и демографический кризис. Матер. Всеросс. научн. конференции (Москва, 20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт, 2007. С. 626–636.

⁸ *Картунов С.В.* Национальная идентичность: Постигание смысла. М.: Аспект Пресс, 2009.

⁹ *Дугин А.Г.* Война континентов. М.: Академический проект, 2014.

¹⁰ *Панарин А.С.* Россия в Евразии: Геополитические вызовы и цивилизационные ответы // Социальная философия и философская антропология: Труды и исследования. М.: Ин-т философии РАН, 1995. С. 10–43.

¹¹ *Татарский К.А.* Наследие К.Н. Леонтьева и русская идея // Национальная идентичность России и демографический кризис. Матер. Всеросс. научн. конференции (Москва, 20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт, 2007. С. 756–759.

¹² *Кучуков М.М.* Российская идентичность: состояние и перспективы // Национальная идентичность России и демографический кризис. Матер. Всеросс. научн. конференции (Москва, 20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт, 2007. С. 602–607.

Современные словари русского языка понятия «нация» и «страна» к синонимам не относят, а в массовом сознании представления о нации как об этнической общности и о стране как об общности гражданской/политической воспринимаются по-разному и соответственно играют роль различных объектов идентичности. Что же касается типов идентичности, то нынешнее российское массовое сознание заметно менее плюралистично, чем российская наука и массовое сознание Европы времен Макса Вебера. И хотя, по словам Л. Дробижевой, «современная идентичность россиян» представляет собой «сложный конгломерат новой российской идентичности, ностальгической советской, социальной, региональной, локальной, этнокультурной, религиозной идентичностей»¹, доминантными, согласно социологическим опросам, на сегодняшний день являются два типа идентичности: гражданская/политическая идентичность и идентичность смешанного типа, в которой ведущую роль играет этничность, претендующая на подчинение себе политического компонента. Перефразируя Ф. Глисона, такую идентичность можно было бы назвать идентичностью этнической, обладающей политической инклюзивностью (*politically inclusive ethnic identity*). Для русского этноса эта идентичность выражается ксенофобским лозунгом «Россия для русских», который, по данным ВЦИОМ, в 2014 году «скорее поддерживали» 40% опрошенных граждан страны (в том числе 52% учащихся и студентов), «скорее не поддерживали» чуть более 50%, а остальные «затруднились ответить»².

Разумеется, в подобной ситуации не стоит ждать, что множество смыслов, связанных со словами «патриотизм» и «страна», которые бытуют в сегодняшней российской и западной культурах, окажутся тождественными.

Вместе с тем в качестве слов-символов, служащих для описания объектов идентичности в России и на Западе, понятия *страна, country, pays, país, land* все же ближе друг к другу, чем понятия *нация, nation, nación, Nation, Volk*, хотя бы в силу большей нагруженности первых универсальным политическим содержанием.

Относительная близость смыслов, вкладываемых в понятие «страна», и политологическая значимость этого понятия были основными

причинами, по которым мы для сопоставления объектов идентичности остановились именно на нем: в количественных сравнительных исследованиях имеет смысл по возможности сопоставлять более или менее сопоставимое.

В дальнейшем, чтобы не создавать терминологической путаницы, мы вместо понятия «национальная идентичность» будем пользоваться словосочетанием «страновая идентичность».

Процедуры исследования, характеристики выборки, подходы к анализу эмпирических данных

Инструментарий исследования. Сбор первичной информации осуществлялся с помощью анкеты, разработанной М. Урновым (НИУ ВШЭ) и Б. Розенфельд (Принстон).

Анкета была ориентирована на выявление следующих аспектов страновой идентичности.

Объект идентичности.

Нормативные представления о своей стране:

- желаемые отношения страны с окружающим миром;
- устройство общества (желаемый политический режим, содержательные трактовки процедурной, дистрибутивной и карающей справедливости).

Отношение к объекту идентичности.

Компоненты отношения к своей стране:

- страновой фаворитизм (цивилизационно-временная развертка);
- выраженность критического отношения к стране;
- специфика проявления чувства долга перед страной.

Взгляды респондентов не только отражают разные аспекты их страновой идентичности, но и могут — в более широком контексте — служить индикаторами соотношения популярности среди них ценностей индивидуалистической/либеральной и коллективистской/авторитарной культур³. Сравнение культурных

³ Литература, посвященная анализу этих культур, необозрима. Упомянем лишь некоторые из работ, на которые мы непосредственно опирались при формулировании вопросов анкеты. Индивидуалистическая vs коллективистская культура: *Вайнек Э.* Внутренне- и внешне-направленное поведение (*inner/outer-directed behavior*) // *Р. Корсини, А. Ауэрбах.* Психологическая энциклопедия. 2-е изд. СПб.: Питер, 2006. С. 82–84; *Триандис Г.* Культура и социальное поведение: учеб. пособие. М.: ФОРУМ, 2007; *Hofstede G., McCrae R.R.* Personality and Culture Revisited: Linking Traits and Dimensions of Culture // *Cross-Cultural Research*, 2004. Vol. 38. No. 1. P. 52–88; *Hui C.H.* Measurement of Individualism — Collectivism // *Journal of Research in Personality*. 1988. Vol. 22. Issue 1. P. 17–36; *Iyengar S.S., DeVoe S.E.* Rethinking the Value of Choice: Considering Cultural Mediators of Intrinsic Motivation // *V. Murphy-Berman, J.J. Berman (Ed.). Cross-Cultural Differences in Perspectives on the Self. Volume 49 of the Nebraska Symposium on*

¹ *Дробижева Л.М.* Интеграционные процессы в полиэтничном российском обществе. 2007. [Электронный ресурс]. http://www.isras.ru/index.php?page_id=882&printmode

² [Электронный ресурс]. http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=993&q_id=68207&date=23.11.2014

профилей исследуемых групп представлялось нам одной из важных с прогностической точки зрения задач работы.

Время проведения опроса. Осень — зима 2014 года.

Методы опроса. В России опрос проводился методом личного интервью, в США анкета рассылалась по Интернету.

Выборка. В России квотировалось число опрошенных в каждом из трех вузов и внутри квоты каждого вуза — гендерный состав и соотношение студентов первого-второго и более старших курсов; в пределах каждой квоты отбор респондентов осуществлялся методом снежного кома. В США, в Принстонском университете, квотировались гендерный состав и соотношение студентов первого-второго и более старших курсов; в пределах каждой квоты отбор респондентов носил случайный характер.

Motivation (p. 146–191). Lincoln (NE): University of Nebraska Press, 2003; *Oyserman D., Coon H.M., Kimmelmeier M.* Rethinking Individualism and Collectivism: Evaluation of Theoretical Assumptions and Meta-Analyses // *Psychological Bulletin*, 2002. Vol. 128. No. 1. P. 3–72; *Shurlu, B., Hattie J., Dixon R.* Development of a New Measurement Tool for Individualism and Collectivism // *Journal of Psychoeducational Assessment*, 2007. Vol. 25. No. 4. P. 385–401. Либеральная vs авторитарная культура: *Оруэлл Дж.* Заметки о национализме // Эссе. Статьи. Рецензии. Пермь: Изд-во «КАПИК», 1992. С. 236–256; *Adorn T.W., Frenkel-Brunswick E., Levinson D.J., Sanford R.N.* (in collaboration with B. Aron, M. H. Levinson and W. Morrow). *The Authoritarian Personality*. Abridged Edition. New York, London: W.W. Norton and Co., 1982; *Barker E.N.* Authoritarianism of the Political Right, Center, and Left // *Journal of Social Issues*, 1963. Vol. 19. Issue 2. P. 63–74; *Eysenck H.J.* Primary Social Attitudes as Related to Social Class and Political Party // *The British Journal of Sociology*, 1951. Vol. 2. No. 3. P. 198–209; *Gaus G., Courtland S.D., Schmidt D.* Liberalism // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* E.N. Zalta (Ed.), 2015, <http://plato.stanford.edu/archives/spr2015/entries/liberalism/>; *Gellner E.* Nations and Nationalism. Ithaca: Cornell University Press, 1983; *Hayek F.* *The Road to Serfdom*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1944; *Johnston D.C.* Liberalism // *Encyclopedia of Governance*. SAGE Publications., Inc., 2007, <http://sk.sagepub.com/reference/governance/n300.xml?PageNum=527>; *Jones O.* Authoritarianism // *International Encyclopedia of Organization Studies*. SAGE Publications, 2007. http://sage-ereference.com/organization/Article_n31.html; *Kimmelmeier M., Burnstein B., Krumov K., Genkova P., Kanagawa C., Hirshberg M.S., Erb H.-P., Wiczorkowska G., Noels K.A.* Individualism, Collectivism, and Authoritarianism in Seven Societies // *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2003. Vol. 34. No. 3. P. 304–322; *Lim J.S.* Authoritarianism // *Encyclopedia of Political Communication*. SAGE Publications, 2007, http://sage-ereference.com/politicalcommunication/Article_n36.html; *Martin J.L.* «The Authoritarian Personality», 50 Years Later: What Lessons Are There for Political Psychology? // *Political Psychology*, 2001. Vol. 22. No. 1. P. 1–26; *O'Neill M.* Authoritarian personality // *Encyclopedia of Race, Ethnicity, and Society*. SAGE Publications, 2008, http://sage-ereference.com/ethnicity/Article_n47.html; *Samelson F.* Authoritarianism from Berlin to Berkeley: On Social Psychology and History // *Journal of Social Issues*, 1986. Vol. 42. Issue 1. P. 191–208; *Spector R.A.* Authoritarianism // *Encyclopedia of Governance*. SAGE Publications, 2006, http://sage-ereference.com/governance/Article_n23.html.

Нарочитая квотность выборок объясняется стремлением сделать сравниваемые группы максимально похожими друг на друга по формальным критериям и тем самым по возможности очистить результаты сравнения представителей студенчества России и США от влияния специфики включенных в исследование вузов.

В США полученные в ходе сбора первичной информации массивы данных несколько отклонились от целевых характеристик выборок. Для устранения этого смещения данные были перевзвешены (впрочем, исходные результаты и результаты, полученные после перевзвешивания, в подавляющем большинстве случаев статистически друг от друга не отличались).

Проводимый нами анализ эмпирических данных был нацелен не на изучение структуры индивидуального сознания участников исследования, а на сопоставление распространенности в группах респондентов тех или иных представлений и установок.

Результаты исследования

Нормативные представления о своей стране

Страна и мир. Представления об отношениях своей страны с окружающим миром, которые К. Гаджиев удачно назвал «геополитической идентичностью»¹, а Л. Гринфельд и Дж. Иствуд — «национальным образом мира»², относятся к числу важнейших составляющих образа страны как объекта идентичности³.

¹ *Гаджиев К.С.* Национальная идентичность: концептуальный аспект // *Вопросы философии*. 2011. № 10. С. 3–16.

² *Greenfeld L., Eastwood J.* National Identity // *Oxford Handbook of Comparative Politics*. Carles Boix and Susan C. Stokes (Eds.). Oxford: OUP, 2009. www.oxfordhandbooks.com

³ См., напр., трактовку образа страны: *Boulding K.E.* National Images and International Systems // *Conflict Resolution*, 1959. Vol. 3. No. 2. P. 120–131; *Deutsch K., Merritt R.* Effects of Events on National and International Images // H. Kelman (Ed.). *International Behavior: a Social-psychological Analysis*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1965. P. 130–187; *Herrmann R.K.* Image theory and strategic interaction in international relations // D.O. Sears, L. Huddy, R. Jervis (Eds.). *Oxford Handbook of Political Psychology*. New York, Oxford University Press, 2003. P. 285–314. О значении оценок внешней среды и взаимодействия с ней в формировании групповой идентичности: *Brewer M.B.* In-Group Bias in the Minimal Intergroup Situation: A Cognitive- Motivational Analysis // *Psychological Bulletin*, 1979. Vol. 86. No. 2. P. 307–324; *Deaux K.* Reconstructing Social Identity // *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1993. Vol. 19. No. 1. P. 4–19; *Ellemers N., Kortekaas P., Ouwerkerk J.W.* Self-categorization, Commitment to the Group and Group Self-esteem as Related but Distinct Aspects of Social Identity // *European Journal of Social Psychology*, 1999. Vol. 29. Issue 2–3. P. 371–389; *Tajfel H., Turner J.C.* An Integrative Theory of Intergroup Conflict // G. Austin, S. Worchel, (Eds.). *The Social Psychology of Intergroup Relations*. Monterey, CA: Brooks/Cole, 1979. P. 33–47; *Turner J.C., Oakes P.J., Haslam S.A., McGarty C.* Self and Collective: Cognition and Social Context // *Personality and Psychology Bulletin*, 1994. Vol. 20. Issue 5. P. 454–463; *Tversky A.* Features of Similarity // *Psychological Review*, 1977. Vol. 84. No. 4. P. 327–352.

Таблица 1
ЦЕЛЕВЫЕ И ФАКТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВЫБОРОК

	Россия		США	
	Цель	Факт	Цель	Факт
Число опрошенных	1 500*	1 399*	500	382**
Пол респондентов (в %)				
Мужчины	50	45	50	40
Женщины	50	55	50	60
Время обучения в вузе (в %)				
1–2-й курс	50	52	50	46
3-й курс и старше	50	48	50	54
Средний возраст респондентов	20	20	20	20

*В России предполагалось опросить по 500 студентов каждого вуза. В ходе исследования получено 496 — МГУ, 363 — МГИМО и 540 — НИУ ВШЭ.

**Всего был опрошен 451 студент. В анализ были включены только студенты-граждане страны.

Из множества этих представлений мы выбрали для анализа только мнения респондентов о том, должна ли их страна стремиться к доминированию над другими странами.

В теории международных отношений ставка страны на господство в мире ассоциируется с поведением великой державы/супердержавы. В 1920-е годы М. Вебер говорил о великих державах как о странах, которые «по собственной воле определяют и обеспечивают масштабы своего участия в глобальных политических и экономических процессах», равно как и «меру своей ответственности за распределение власти и престижа между ними и другими политиями»¹. В настоящее время такое понимание термина «великая держава» является общепринятым².

В концепциях авторитарной личности отношения с окружающим миром, построенные на господстве/подчинении/неравенстве, или, говоря словами Э. Фромма, отношения «садомазохистского» типа³, рассматриваются

¹ Weber M. Essays in Sociology. Translated, Edited, and with an Introduction by H.H. Gerth and C. Wright Mills. New York: Oxford University Press, 1946.

² Смысл веберовского определения воспроизводится в наиболее влиятельных англоязычных и российских словарях и энциклопедиях. См., напр.: A Dictionary of World History (2d ed.) / E. Wright (Ed.). Oxford University Press, 2006. Current Online Version: 2012. <http://82.179.249.32:2394/view/10.1093/acref/9780192807007.001.0001/acref-9780192807007-e-1531>; Oxford Encyclopedia of the Modern World. Peter N. Stearns (Ed.). Oxford University Press, 2008. Current Online Version: 2012. <http://82.179.249.32:2394/view/10.1093/acref/9780195176322.001.0001/acref-9780195176322-e-653>; http://universal_ru_en.academic.ru/

³ Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. М.: АСТ: АСТ Москва, 2006.

в качестве одной из фундаментальных составляющих авторитарной культуры. С этой точки зрения ответы на вопросы о желательности/нежелательности доминирования страны в мире представляют собой зависящую от уровня авторитарности проекцию личностных установок граждан на внешнюю политику своей страны.

Чтобы определить распространенность в исследуемых группах желания видеть свою страну господствующей над другими странами, респондентам предлагалось ответить, в какой мере они согласны или не согласны с утверждениями «Наша страна может существовать только как великая держава» и «Нашу страну должны бояться. Только тогда нас будут уважать».

Ответы представлены в табл. 2. Как видно из таблицы, у российских студентов пафос великодержавности выражен значительно сильнее, чем у американских: доля считающих, что *единственно приемлемым международным статусом страны является положение великой державы*, среди российских респондентов была в 3 раза выше, чем среди американских.

Сопоставление полученных результатов с данными общенациональных опросов не претендует на точность из-за разницы формулировок вопросов. Тем не менее оно дает основание полагать, что популярность идеи великой державы у российских студентов выше, чем в среднем по стране, тогда как у американских — ниже. В 2014 году доля россиян, стремящихся видеть страну «великой державой, которую уважают и побаиваются другие страны»⁴, равнялась 48%; полученный нами студенческий показа-

⁴ Общественное мнение — 2015. М.: Левада-Центр, 2014.

Таблица 2

ОТНОШЕНИЯ СВОЕЙ СТРАНЫ С ОКРУЖАЮЩИМ МИРОМ: НОРМАТИВНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ. В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ СОГЛАСНЫ ИЛИ НЕ СОГЛАСНЫ СО СЛЕДУЮЩИМИ УТВЕРЖДЕНИЯМИ? (в % от числа опрошенных)

	Россия N = 1399	США N = 382
Наша страна может существовать только как великая держава*		
Согласен + Скорее согласен	62	23
Не согласен + Скорее не согласен	29	73
Нашу страну должны бояться. Только тогда нас будут уважать		
Согласен + Скорее согласен	38	4
Не согласен + Скорее не согласен	57	94

*В части российских анкет это утверждение звучало более драматично: «Для нашей страны перестать быть великой державой было бы катастрофой». Однако на распределение ответов изменение формулировки вопроса практически не повлияло. В американской анкете вместо «великая держава» использовался термин *superpower*, поскольку, по мнению американских партнеров, понятие *great power* у американских студентов имеет четкие отрицательные коннотации.

тель (62%) был выше этого уровня в 1,3 раза. Удельный вес американцев, считающих, что США должны играть роль единственного или самого активного мирового лидера, в 2013 году был равен 32%¹. Между тем у американских студентов поддержка сходной по смыслу идеи составляла 23%, то есть была в 1,4 раза слабее.

Не исключено, что отличия позиций российских и американских студентов от взглядов «среднестатистических» граждан их стран обусловлены чувствительностью студентов к динамике общественных настроений. В России начиная с середины 2000-х годов «спрос» на великую державу устойчиво возрастал, тогда как в США снижался. По данным «Левада-Центра», в 2005–2014 годы доля россиян, желающих видеть страну великой державой, выросла в 1,3 раза (с 36 до 48%), а считающих ее уже таковой — в 1,6 раза (с 40 до 63%)². Для сравнения: удельный вес американцев, полагающих, что США должны быть мировым лидером, в 2005–2013 годы снизился в 1,2 раза (с 37 до 32%), а доля убежденных, что в эти годы позиции США как мирового лидера *остались неизменными* или *улучшились*, сократилась в 1,7 раза (с 76 до 44%)³.

Мнение о том, что *необходимым условием уважения к стране является страх перед ней*, не пользуется поддержкой большинства ни рос-

сийских, ни американских студентов. Однако среди российских студентов число верящих в необходимость на соседей «сеять страх» было почти в 10 раз больше, чем среди американских (38% против 4%). При этом позиция российских студентов в рассматриваемом вопросе очень близка настроениям, характерным для общероссийской выборки, тогда как американские студенты были намного миролюбивее своих соотечественников. В 2014 году доля российских граждан, желающих видеть свою страну «непобедимой», составила 36%⁴, то есть практически совпала с долей воинственно настроенных российских студентов в нашем исследовании. Между тем удельный вес американцев, согласившихся с утверждением, что «военная мощь» США является лучшим средством обеспечить мир, в этом же году был равен 30%⁵, то есть в 8 раз превышал долю американских участников нашего исследования, желающих, чтобы их страну боялись (4%)⁶.

Связь между великодержавностью и стремлением держать в страхе окружающий мир (или, выражаясь более академически, стремлением опираться во внешней политике на жесткую

⁴ Общественное мнение — 2015. М.: Левада-Центр, 2014.

⁵ Pew Research Center. June. 2014. «Beyond Red vs. Blue: The Political Typology», <http://www.people-press.org/files/2014/06/6-26-14-Political-Typology-release1.pdf>

⁶ Заметим попутно, что, согласно данным World Values Survey (WVS), в 2006–2011 годах в США в ответах на вопрос «Что является самым важным приоритетом для вашей страны?» популярность позиции «обеспечение сильной обороноспособности» в целом по общенациональной выборке снизилась с 29 до 13%. В России за тот же период поддержка «обеспечения сильной обороноспособности» на общенациональном уровне почти не изменилась (12% в 2006-м и 10% в 2011-м), <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSOnline.jsp>; номера вопросов V 69, 60.

¹ Pew Research Center. December. 2013. «America's Place in the World 2013». <http://www.people-press.org/files/legacy-pdf/12-3-2013%20APW%20VI.pdf>

² Общественное мнение — 2015. М.: Левада-Центр, 2014.

³ Pew Research Center. December. 2013. «America's Place in the World 2013». <http://www.people-press.org/files/legacy-pdf/12-3-2013%20APW%20VI.pdf>

силу)¹ у российских студентов была значительно более тесной, чем у студентов американских. Среди тех, кто полагает необходимым для своей страны быть великой державой, доля считающих, что ее должны бояться, составила у российских респондентов 50%, а у американских — только 16%.

Итак, большинству опрошенных нами российских студентов хотелось бы видеть Россию великой державой, тогда как американские студенты по преимуществу полагали, что США могут без этого обойтись. Кроме того, в представлениях о великой державе российские студенты оказались заметно более агрессивны, чем американские.

Устройство общества

Нормативные взгляды респондентов на устройство общества определялись по следующим позициям.

Представления о желаемом политическом режиме — отношение к институтам политической демократии.

*Представления о справедливости*².

- Процедурная справедливость (оценивалось отношение к равенству перед законом, равноправию, дискриминации меньшинств).
- Дистрибутивная справедливость (отношение к проблеме ответственности человека за свое благосостояние, неравенству доходов).
- Карающая справедливость (отношение к суровости наказаний за преступления).

В США отношение к институтам политической демократии и включенным в исследование аспектам процедурной и дистрибутивной справедливости определяет содержательную

специфику американского образа жизни и американской идентичности³. В России отношение к этим аспектам общественного устройства находится в центре дискуссий, посвященных постсоветской страновой идентичности.

Сходство российского и американского подходов к страновой идентичности не должно удивлять. Оно во многом определяется упоминавшимся в начале работы свойственным российской культуре механизмом самооценки — ориентацией на «зеркальный имидж/mirror image», то есть имидж, который опирается не столько на собственные культурные образцы, сколько на принятие или отрицание образцов чужой культуры⁴. По замечанию И. Феоктистова, «самоопределение русской (в широком смысле) нации всегда происходило не на основе формирования «внутренних нематериальных символов», а на основе противопоставления символам иных наций /.../ Иначе говоря, на вопрос: «Кто мы?» русские отвечали (и продолжают отвечать): «Мы — не они»⁵. Начиная примерно с Ивана III, то есть с XVI века, и до 1917 года «зеркалом» для России служила Европа⁶. В советский и пост-

¹ О жесткой силе и ее компонентах см.: Nye J.S. Power to Lead: Soft, Hard and Smart. Cary, NC, USA: Oxford University Press, 2008.

² О процедурной, дистрибутивной и карающей справедливости см.: Гулевич О.А. Социальная психология справедливости. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011; Полз Дж. Теория справедливости. Изд. 2-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2010; Clayto S., Opoto S. Justice and Identity: Changing Perspectives on What Is Fair // Personality and Social Psychology Review. 2003. Vol. 7. No. 4. P. 298–310; Deutsch M. Justice and Conflict // M. Deutsch, P.T. Coleman, E.C. Marcus (Eds.). The Handbook of Conflict Resolution: Theory and Practice, Second Edition. San Francisco (CA): Jossey-Bass, 2011; Lamont J., Favor C. Distributive Justice // E.N. Zalta (Ed.) The Stanford Encyclopedia of Philosophy, 2014, <http://plato.stanford.edu/archives/fall2014/entries/justice-distributive/>; Phelps E.S. Distributive justice // J. Eatwell, M. Milgate, P. Newman (Eds.). The New Palgrave Dictionary of Economics Online. Palgrave Macmillan, 1987, http://proxylibrary.hse.ru:3951/article?id=pde1987_X000607; Tyler T.R., Blader S.L. The Group Engagement Model: Procedural Justice, Social Identity, and Cooperative Behavior // Personality and Social Psychology Review. 2003. Vol. 7. No. 4. P. 349–361; Walen A. Retributive Justice // E.N. Zalta (Ed.) The Stanford Encyclopedia of Philosophy, 2015, <http://plato.stanford.edu/archives/sum2015/entries/justice-retributive/>

³ См., напр.: Citrin J., Reingold B., Green D.P. American Identity and the Politics of Ethnic Change // The Journal of Politics, 1990. Vol. 52. No. 4. P. 1124–1154; Delameter J., Katz D., Kelman H.C. On the Nature of National Involvement: A Preliminary Study // Journal of Conflict Resolution, 1969. Vol. 13. No. 3. P. 320–357; Feldman S. Structure and Consistency in Public Opinion: the Role of Core Beliefs and Values // American Journal of Political Science, 1988. Vol. 32. No. 2. P. 416–440; Gleason Ph. American Identity and Americanization // The Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups. S. Thernstrom (Ed.). Cambridge: Harvard University Press, 1980; Huntington S. American Politics: The Promise of Disharmony. Cambridge: Harvard University Press, 1981; Kohn H. American Nationalism: An Interpretive Essay. New York: Macmillan, 1957; Lipset S.M. The First New Nation. New York: Basic Books, 1963; McClosky H., Zaller J. The American Ethos: Public Attitudes toward Capitalism and Democracy. Cambridge: Harvard University Press, 1984; Smith R.M. The 'American Creed' and American Identity: The Limits of Liberal Citizenship in the United States // Western Political Quarterly, 1988. Vol. 41. No. 2. P. 225–251; Wildavsky A. The Three Cultures: Explaining Anomalies in the American Welfare State // Public Interest, 1982. No. 69. P. 45–58; Williams R.M. American Society: A Sociological Interpretation. 2d ed., rev. New York: Knopf, 1960.

⁴ Bronfenbrenner U. The Mirror Image in Soviet-American Relations: A Social Psychologist's Report // Journal of Social Issues, 1961. Vol. 17. No. 1. P. 45–56.

⁵ Феоктистов И. От редакции. На переломе, в поисках себя // С. Хантингтон. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: ООО «Изд-во АСТ»; ООО «Транзиткнига», 2004. С. 5–8.

⁶ В 1904 году св. Николай Японский темпераментно и раздраженно писал об этом так: «За что бы нас любить и жаловать? /.../ Верхний класс — коллекция обезьян — подражателей и обожателей то Франции, то Англии, то Германии и всего прочего заграничного /.../ И при всем том мы — самого высокого мнения о себе: мы только истинные христиане, у нас только настоящее просвещение, а там — мрак и гнилость; а сильны мы так, что шапками всех забросаем...». Св. Н. Японский. // Дневники святителя Николая Японского (1870–1911 гг.). [Электронный ресурс]. http://www.k-istine.ru/library/nikolay_yaponskiy-01.htm.

советский период роль главного зеркала стали играть США.

Что касается отношения к суровости наказаний, эта позиция в теориях политических режимов большой популярностью не пользуется, отчасти из-за нелюбимого институционалистами ярко выраженного психологизма, отчасти потому, что на вопрос «Что есть суровое наказание?» общепринятого ответа не существует. Между тем отношение это важно, так как серьезно влияет на моральный климат общества. Кроме того, многократно подтверждавшееся на практике замечание Монтескье о том, что «строгость в наказаниях более уместна в деспотических государствах, принцип которых — страх, чем в монархиях и республиках, которые имеют своим двигателем честь и добродетель»¹, позволяет использовать рассматриваемую характеристику для сравнения склонности изучаемых сообществ к либеральным или авторитарным ценностям.

Таблица 3

ЗНАЧИМОСТЬ ИНСТИТУТОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ. В КАКОЙ МЕРЕ ПЕРЕЧИСЛЕННОЕ НИЖЕ ВАЖНО ДЛЯ ВАШЕЙ СТРАНЫ? (в % от числа опрошенных)

	Россия (N = 1399)	США (N = 382)
Суд, защищающий права граждан от посягательств со стороны государства		
Очень важно + Скорее важно	89	97
Совсем не важно + Скорее не важно	3	1
Свободные и справедливые выборы		
Очень важно + Скорее важно	86	98
Совсем не важно + Скорее не важно	7	1
Независимые СМИ		
Очень важно + Скорее важно	82	96
Совсем не важно + Скорее не важно	8	1
Сильная политическая оппозиция		
Очень важно + Скорее важно	59	74
Совсем не важно + Скорее не важно	18	7
В среднем по четырем позициям		
Либеральные взгляды (Очень важно + Скорее важно)	79	91
Авторитарные взгляды (Совсем не важно + Скорее не важно)	9	4

Отношение к институтам политической демократии

Данные табл. 3 показывают, что значимость институтов политической демократии оценивается российскими студентами несколько ниже, чем студентами американскими. Однако эти

¹ Монтескье Ш.Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999.

различия не имеют качественного характера. В обеих группах численность тех, для кого демократические институты важны, намного превышает численность тех, для кого они не важны, а наименьшей популярностью и там, и там почему-то пользуется «сильная оппозиция».

Между тем впечатление о близости российских и американских позиций в данном вопросе обманчиво, поскольку основано на сопоставлении мнений на уровне общих формулировок, не привязанных к представлениям опрошенных о приоритетах страны и об эффективности работы демократических институтов. При уточнении этих аспектов картина резко меняется.

Судя по табл. 4, общественные приоритеты российских и американских студентов выстроены противоположным образом: у россиян лидируют экономический рост и отсутствие коррупции, то есть задачи, ассоциируемые прежде всего с материальным благополучием и *напрямую* с базовыми либеральными ценностями

не связанные. Между тем приоритетами американских студентов являются именно либеральные ценности.

В табл. 5 представлены студенческие оценки возможностей реализации этих приоритетов в условиях демократической и авторитарной политических систем. Легко видеть, что среди

Таблица 4

ИЕРАРХИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРИОРИТЕТОВ. ЧТО ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННОГО ВЫ СЧИТАЕТЕ САМЫМ ВАЖНЫМ ДЛЯ СТРАНЫ? (в % от числа опрошенных)

	Россия (N = 1399)	США (N = 382)
Материальное благополучие		
Экономический рост	25	1
Отсутствие коррупции	25	11
Стабильность	16	14
Политические условия личной самореализации		
Равенство возможностей	17	37
Свобода	13	34

Таблица 5

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО И АВТОРИТАРНОГО РЕЖИМОВ. ЧТО ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННОГО МОЖЕТ БЫТЬ СКОРЕЕ ОБЕСПЕЧЕНО ПРИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ПРАВЛЕНИИ, А ЧТО — ПРИ АВТОРИТАРНОМ ПРАВЛЕНИИ? (в % от числа опрошенных)

	Россия (N = 1 399)	США (N = 382)
Материальное благополучие		
Экономический рост		
Демократическое правление	39	58
Авторитарное правление	32	10
Отсутствие коррупции		
Демократическое правление	31	68
Авторитарное правление	42	4
Стабильность		
Демократическое правление	18	36
Авторитарное правление	64	34
Политические условия личной самореализации		
Равенство возможностей		
Демократическое правление	70	78
Авторитарное правление	14	3
Свобода		
Демократическое правление	88	91
Авторитарное правление	2	0
В среднем по пяти позициям		
Сторонники демократического правления	49	67
Сторонники авторитарного правления	31	10

россиян популярность авторитарного режима значительно выше, чем среди американцев.

Иначе говоря, у российских студентов по сравнению с американскими либеральная демократия пользуется меньшей популярностью и в ценностном аспекте (общественные приоритеты), и по прагматическим соображениям

(возможности реализации приоритетов).

Разница в отношении наших респондентов к институтам политической демократии примерно соответствует различиям в оценках важности демократии, фиксируемым в общенациональных социологических опросах (см. табл. 6).

Абсолютные значения включенных в эту таблицу данных WVS и нашего исследования несопоставимы: слишком велика разница методик их получения. Однако приведенные в нижней строке таблицы межстрановые соотношения представляются нам заслуживающими доверия, так как в этом случае речь идет о сравнении оценок, полученных с помощью одних и тех же вопросов.

Представления о справедливости

Процедурная справедливость (отношение к равенству перед законом, равноправию, дискриминации меньшинств).

Ответы респондентов на вопросы о процедурной справедливости (табл. 7) по характеру напоминают ответы, касающиеся институтов политической демократии. Как и там, на уровне общих, внеконтекстных формулировок про-

Таблица 6

ОТНОШЕНИЕ К ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ И США (в % от числа опрошенных)

Страны	World Values Survey (WVS)*		НИУ ВШЭ/Принстон
	Общенациональные выборки		Студенты
	2006	2011	2014
Россия	<i>N</i> = 2 033 62	<i>N</i> = 2 500 63	<i>N</i> = 1 399 49
США	<i>N</i> = 1 249 79	<i>N</i> = 2 232 79	<i>N</i> = 382 67
Россия/США	62/79 = 0,8	63/79 = 0,8	49/67 = 0,7**

Источник: World Values Survey (<http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp>).

*WVS. Вопрос: «Насколько важно для вас жить в стране с демократической властью?»

Варианты ответов: Отметьте свою позицию на 10-балльной шкале, где 1 означает «совершенно не важно», а 10 — «абсолютно важно». Цифры, приведенные в табл.: ответы «важно» (7–10) в % от числа участников опроса.

**Цифры, приведенные в табл.: «Сторонники демократического правления» по данным табл. 5 (последняя строка).

Таблица 7

ОТНОШЕНИЕ К НЕКОТОРЫМ АСПЕКТАМ ПРОЦЕДУРНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ (в % от числа опрошенных)

	Россия (<i>N</i> = 1 399)	США (<i>N</i> = 382)
В какой мере равенство всех граждан перед законом важно для страны?		
Очень важно + Скорее важно	92	97
Совсем не важно + Скорее не важно	3	2
Люди качественно отличаются друг от друга, поэтому у них не должно быть равных прав		
Не согласен + Скорее не согласен	75	95
Согласен + Скорее согласен	20	4
В какой мере гарантированность прав меньшинств важно для страны?		
Очень важно + Скорее важно	62	94
Совсем не важно + Скорее не важно	17	2
Национальные меньшинства имеют слишком много власти и влияния в нашей стране		
Не согласен + Скорее не согласен	59	92
Согласен + Скорее согласен	27	4
В среднем по четырем позициям		
Принятие процедурной справедливости	72	95
Отторжение процедурной справедливости	17	3
В среднем по трем позициям (без учета равенства граждан перед законом)		
Принятие процедурной справедливости	65	94
Отторжение процедурной справедливости	21	3

цедурная справедливость получила примерно одинаковую поддержку у российских и американских студентов.

Однако в ответах на более конкретные вопросы популярность процедурной справедливости среди россиян заметно снижается, тогда как среди американцев устойчиво держится на высоком уровне.

Иными словами, на декларативном уровне российские студенты поддерживают идеи политической демократии и процедурной справедливости примерно так же, как и американские. Однако конкретизация вопросов обнаруживает, что они в значительно большей мере, чем студенты американские, склонны ориентироваться на авторитарные ценности.

Дистрибутивная справедливость (отношение к проблеме ответственности человека за свое благосостояние, неравенству доходов).

Как видно из табл. 8, у российских и американских студентов популярность личной ответственности человека за свое материальное благополучие (ответы на два первых вопроса) сочетается с поддержкой идеи выравнивания доходов. Такое соотношение позиций показывает, что в сфере дистрибутивной справедливости обе группы тяготеют к идеологии социального либерализма, для которого недопущение чрезмерного неравенства доходов является одним из важнейших условий обеспечения баланса позитивных и негативных прав граждан¹.

То обстоятельство, что у российских студентов популярность социального либерализма заметно ниже, чем у американских, не мешает обоим группам быть в рассматриваемой области значительно либеральнее общественного мнения своих стран. Однако характер расхождений между студентами и «гласом народа» в России и США по каждой из включенных в исследование позиций неодинаков. В вопросе о том, *кто в большей мере несет ответственность за благосостояние граждан, государство или сами граждане*, преобладающая у российских студентов индивидуалистическая позиция выбивает их из общекультурного контекста страны, где большинство граждан склонно считать, что ответственным за их благосостояние является государство. Это особенно бросается в глаза на фоне наблюдаемого с середины 1990-х годов полевения российского общественного мнения (см. табл. 9).

Между тем у американских студентов, которые также живут в условиях левеющего, но не столь социально ориентированного общества, ценностного конфликта с большинством населения страны в этом вопросе не наблюдается. Там просматривается лишь большая выраженность характерного для американцев принятия ответственности за свое благополучие на себя.

В оценках *причин бедности в стране* расхождения между взглядами студентов и позициями

Таблица 8

ОТНОШЕНИЕ К НЕКОТОРЫМ АСПЕКТАМ ДИСТРИБУТИВНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ (в % от числа опрошенных)

	Россия (N = 1 399)	США (N = 382)
За благосостояние граждан основная ответственность лежит:		
на государстве (коллективистская позиция)	29	15
на самих гражданах (индивидуалистическая позиция)	52	53
В том, что в стране есть бедные люди:		
виновно несправедливое устройство общества (коллективистская позиция)	29	7
виновны сами бедные, их лень и безволие (индивидуалистическая позиция)	39	67
Необходимо большее равенство доходов (коллективистская позиция)	45	64
Необходимо усилить неравенство доходов — это стимулирует людей (индивидуалистическая позиция)	34	10
В среднем по трем позициям		
Коллективистская дистрибутивная справедливость	34	29
Индивидуалистическая дистрибутивная справедливость	42	43

¹ Более или менее подробно об отличиях социального либерализма от либертарианства и классического либерализма см.: Урнов М.Ю. Социальный либерализм в России (взгляд политолога) // Общественные науки и современность. 2013. № 3. С. 30–43.

«среднестатистических» граждан в обеих странах сходны и по направленности, и по величине. Насколько позволяют судить грубые сопостав-

Таблица 9

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС О ТОМ, КТО НЕСЕТ ОСНОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА БЛАГОСОСТОЯНИЕ ГРАЖДАН — САМИ ГРАЖДАНЕ ИЛИ ГОСУДАРСТВО (в % от числа опрошенных)

	World Values Survey (WVS)			НИУ ВШЭ/ Принстон
	Общенациональные выборки			Студенты
	1995	2006	2011	2014
За благосостояние граждан основная ответственность лежит:				
Россия	<i>N</i> = 2 040	<i>N</i> = 2 033	<i>N</i> = 2 500	<i>N</i> = 1 399
на государстве	57	65	70	29
на гражданах	16	16	12	52
США	<i>N</i> = 1 542	<i>N</i> = 1 249	<i>N</i> = 2 232	<i>N</i> = 382
на государстве	17	27	27	15
на гражданах	64	43	47	53

Источник: WVS (<http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp>). Номера вопросов: 1995 — V 127, 2006 — V 118, 2011 — V 98.

Примечание.

Вопрос WVS: Отметьте свою позицию на 10-балльной шкале, где 1 означает полное согласие с утверждением «Основная ответственность за благосостояние граждан лежит на государстве», а 10 — полное согласие с утверждением «Основная ответственность за благосостояние граждан лежит на самих гражданах».

Вопрос НИУ ВШЭ / Принстон: Какое из мнений вам ближе: «За благосостояние граждан основная ответственность лежит на государстве» или «За благосостояние граждан основная ответственность лежит на самих гражданах».

Группировка ответов WVS: на государстве — ответы 1–4; на гражданах — ответы 7–10.

ления, доля российских и американских студентов, считающих основной причиной бедности в стране лень и другие негативные личностные качества бедных, превышает удельный вес сторонников этой позиции в общенациональных выборках своих стран примерно в 2 раза¹.

Во взглядах на *распределение доходов* и российские, и американские студенты оказываются в ценностном конфликте с настроениями, преобладающими в их обществах: в отличие от студентов, большинство граждан России и США усиление неравенства доходов предпочитают их выравниванию (табл. 10).

Вынуждены обратить внимание на то, что выводы об отношении российского общества к неравенству доходов мы строим на основе данных WVS 1995–2006 годов, поскольку доверять результатам более позднего исследования WVS (2011) в этой области вряд ли возможно. Дело в том, что во всех опросах WVS, предше-

вавших опросу 2011 года, россияне устойчиво демонстрировали верность принципу неравенства доходов. Кривая распределения их мнений здесь напоминала параболу (U) с выраженным смещением в пользу неравенства и находилась в «противофазе» кривой ответов на вопрос об ответственности за благосостояние граждан (вопросы 1995 — V 127, 2006 — V 118), где эта ответственность возлагалась по преимуществу на государство. Однако в опросе 2011 года картина внезапно качественно изменилась. Кривая распределения ответов о неравенстве стала походить на гиперболу, демонстрирующую преобладание уравнивательных взглядов. В результате популярность государственной заботы о гражданах и популярность выравнивания доходов сомкнулись (коэффициент корреляции между этими показателями стал равен 0,99, тогда как в 1995 и 2006 годах составлял соответственно –0,07 и 0,23). Поверить в подобную революцию ценностей трудно. Взгляды на неравенство доходов относятся к базовым характеристикам культуры общества, для качественного изменения которых в масштабах страны за сравнительно короткий (пятилетний) срок нужны мощные социальные потрясения или интенсивное массовое промывание мозгов. Но ничего подобного в России во второй по-

¹ Данные по России за 2013 год см.: Тихонова Н.Е. Феномен бедности в современной России // Социологические исследования, 2014. № 1. С. 7–19. [Электронный ресурс]. <http://demoscope.ru/weekly/2014/0607/analit02.php>. Данные по США за 2015 год см.: College of Mount Saint Vincent. Fishlinger Center for Public Policy Research. 2016. Society or the Individual: Root Causes of Poverty in America. <https://www.mountsaintvincent.edu/society-or-the-individual-root-causes-of-poverty-in-america/>.

Таблица 10

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС ОБ ОТНОШЕНИИ К РАВЕНСТВУ/НЕРАВЕНСТВУ ДОХОДОВ (в % от числа опрошенных)

	World Values Survey (WVS)			НИУ ВШЭ/ Принстон
	Общенациональные выборки			Студенты
	1995	2006	2011	2014
В отношении доходов необходимо большее:				
Россия	<i>N</i> = 2 040	<i>N</i> = 2 033	<i>N</i> = 2 500	<i>N</i> = 1 399
равенство	22	30	64	45
неравенство	51	53	12	34
США	<i>N</i> = 1 542	<i>N</i> = 1 249	<i>N</i> = 2 232	<i>N</i> = 382
равенство	33	18	30	64
неравенство	37	43	36	10

Источник: WVS (<http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp>). Номера вопросов в анкетах: 1995 — V 125, 2006 — V 116, 2011 — V 96.

Примечание.

Вопрос WVS: Отметьте свою позицию на 10-балльной шкале, где 1 означает полное согласие с утверждением «Необходимо большее равенство доходов», а 10 — полное согласие с утверждением «Необходимо усилить неравенство доходов — это стимулирует людей».

Вопрос НИУ ВШЭ / Принстон: Какое из мнений вам ближе: «Необходимо большее равенство доходов» или «Необходимо большее неравенство доходов — это стимулирует людей».

Группировка ответов WVS: равенство — ответы 1–4; неравенство — ответы 7–10.

ловине 2000-х не происходило. Имевшие место в 2008 году экономический кризис и военный конфликт в Грузии не могут претендовать на роль факторов, способных обеспечить глубокие и быстрые изменения ценностных ориентаций большинства населения страны. Государственная пропаганда в эти годы также менее всего была озабочена распространением левоавторитарных (коммунистических) идей. О том, что в России в 2006–2012 годы никаких перемен во взглядах на неравенство не происходило, свидетельствуют и данные European Social Survey¹. Иными словами, в опросе WVS 2011 года мы, скорее всего, сталкиваемся либо с дефектом выборки, либо с некачественным заполнением анкет, либо с техническими ошибками при формировании базы данных, либо с каким-нибудь сочетанием этих трех обстоятельств.

Карающая справедливость (отношение к суровости наказаний за преступления).

В отношении наказания преступников российские студенты были настроены значительно более репрессивно, чем американские (табл. 11).

Напрямую сравнить позиции российских и американских студентов с общественным мнени-

ем их стран нам удалось только в отношении применения смертной казни за убийство (данных общенациональных опросов России и США по остальным включенным в исследование аспектам карающей справедливости найти не удалось).

Во взглядах на смертную казнь за убийство, так же как в области дистрибутивной справедливости, наблюдалось смещение обеих групп «в одну и ту же сторону»: российские и американские студенты были настроены гуманнее «среднестатистических» граждан своих стран. При этом отклонение позиций наших респондентов от общенациональной выборки в России было несколько меньшим, чем в США: уровень поддержки смертной казни за убийство среди российских студентов был ниже среднего по стране примерно в 1,5–1,7 раза (38% против 63% в 2014 году и 57% в 2015-м), а среди американских студентов — в 2,1 раза (26% против 55% в 2013 году и 56% в 2015-м)².

² Данные по России за 2014 и 2015 годы см.: опросы ФОМ [Электронный ресурс]. <http://fom.ru/TSennosti/11722>; <http://fom.ru/Bezopasnosti-pravo/12128>. Данные по США за 2013 и 2015 годы см.: Pew Research Center. March 28, 2014, «Shrinking Majority of Americans Support Death Penalty» <http://www.pewforum.org/2014/03/28/shrinking-majority-of-americans-support-death-penalty/>; Pew Research Center. April. 2015. «Less Support for Death Penalty, Especially Among Democrats».

¹ [Электронный ресурс]. <http://www.europeansocialsurvey.org/data/>

Таблица 11
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КАРАЮЩЕЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ (в % от числа опрошенных)

Вопросы	Россия (N = 1 399)	США (N = 382)	
Тюремное заключение без суда Держать человека в тюрьме без суда:			
— допустимо, если человек опасен для общества	55	28	
— недопустимо ни при каких обстоятельствах	37	46	
Суровость наказания как средство борьбы с преступностью			
— если преступников наказывать более сурово, преступность снизится	54	10	
— мы слишком сурово обходимся с преступниками, их нужно скорее лечить, чем наказывать	18	67	
Отношение к смертной казни Как вы относитесь к применению смертной казни к людям, совершившим следующие преступления?			
Терроризм	За	65	33
	Против	25	51
Изнасилование несовершеннолетней	За	50	21
	Против	34	60
Умышленное убийство	За	38	26
	Против	44	58
Торговля наркотиками	За	27	1
	Против	58	95
Коррупция	За	16	2
	Против	71	93
Государственная измена, шпионаж (в мирное время)	За	15	7
	Против	67	83
В среднем по шести позициям	За	35	15
	Против	50	73

Утверждать на основании этих данных, что студенты и во всех остальных областях карающей справедливости более склонны к гуманности, чем общественное мнение их стран, нельзя. Судя по России, это неверно даже в отношении применения смертной казни за преступления, отличные от убийства.

Как видно из табл. 12, взгляды российских участников исследования на смертную казнь за терроризм и коррупцию значительно жестче общероссийских, за изнасилование несовершеннолетней и торговлю наркотиками — мягче, в отношении кары за государственную измену совпадают с общественным мнением страны, а в среднем по всем шести включенным в исследование преступлениям мало чем от него отличаются.

Компоненты отношения к своей стране

В научной и публицистической литературе, равно как и в массовом сознании, отношение

к стране, **превращающее ее в объект национальной идентичности**, чаще всего именуется *патриотизмом*. Анализ философских, психологических, социологических и политологических работ, посвященных патриотизму¹, позволяет

¹ Брувейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012; Калхун К. Национализм. М.: Изд-во «Территория будущего», 2006; Соловьев Вл.С. Национализм // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 20А. СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1897. С. 710; Соловьев Вл.С. Патриотизм // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 23. СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1898. С. 36–38; Хабермас Ю. Политические работы. М.: Праксис, 2005; Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. 2-е изд., стер. СПб.: Наука, 2008; Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Revised Edition. London, New York, Verso, 2006; Backhouse S. Nationalism and Patriotism // The Oxford Handbook of Theology and Modern European Thought. N. Adams, G. Pattison, G. Ward (Eds.). OUP. Oxford Handbooks Online, 2013 (www.oxfordhandbooks.com). DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199601998.013.0003; Baron M. Patriotism and 'Liberal' Morality // D. Weissbord (Ed.) Mind, Value, and Culture: Essays in Honor of E.M. Adams. Atascadero: Ridgeview Publishing Co., 1989. P. 269–300; Billig M. Banal Nationalism. London: Sage Publ., 1995; Brighouse H. Justifying Patriotism // Social Theory and Practice, 2006. Vol. 32. No. 4.

Таблица 12

ОТНОШЕНИЕ К СМЕРТНОЙ КАЗНИ В РОССИИ. ВЫСКАЗАВШИЕСЯ ЗА ПРИМЕНЕНИЕ СМЕРТНОЙ КАЗНИ (в % числу опрошенных)

Преступления	Фонд «Общественное мнение» (ФОМ)			НИУ ВШЭ/Принстон
	Россия в целом			Российские студенты
	2012	2014	2015	2014
	N = 1 500	N = 1 500	N = 1 500	N = 1 399
Терроризм	54	53	55	65
Изнасилование несовершеннолетней*	72	73	71	50
Умышленное убийство**	64	63	57	38
Торговля наркотиками***	28	28	34	27
Коррупция****	5	6	8	16
Госизмена, шпионаж (в мирное время)*****	12	13	15	15
В среднем по шести позициям	39	39	40	35

Данные ФОМ: 2012 — [Электронный ресурс]. <http://fom.ru/obshchestvo/10378>; 2014 — [Электронный ресурс]. <http://fom.ru/TSennosti/11722>; 2015 — [Электронный ресурс]. <http://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/12128>.

Формулировки ФОМ: *Сексуальное преступление против несовершеннолетних; **Убийство; ***Распространение наркотиков; ****Взятничество; *****Государственная измена, раскрытие государственной тайны.

Примечание.

В опросе ФОМ шпионаж фигурировал в качестве отдельной позиции. За применение смертной казни по этой позиции высказалось заметно меньше респондентов, чем за государственную измену (2012 — 6%; 2014 — 4%; 2015 — 9%).

P. 547–558; *Canovan M.* Patriotism Is Not Enough // *British Journal of Political Science*, 2000. Vol. 30. No. 3. P. 413–432; *Cohen J.* (Ed.) *For Love of Country: Debating the Limits of Patriotism*. Boston: Beacon Press, 1996; *Dekker H., Malová D., Hoogendoorn S.* Nationalism and Its Explanations // *Political Psychology*, 2003. Vol. 24. No. 2 (Special Issue: National Identity in Europe). P. 345–376; *Dietz M.G.* Patriotism // T. Ball, J. Farr, R.L. Hansen (Eds.). *Political Innovation and Conceptual Change*. Cambridge, UK: CUP, 1989. P. 177–193; *Gellner E.* *Nations and Nationalism*. Ithaca: Cornell University Press, 1983; *Greenfeld L.* *Nationalism: Five Roads to Modernity*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1992; *Hobsbawm E.J.* *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality*. 2-d ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1992; *Kateb G.* Is Patriotism a Mistake? // *Social Research*, 2000. Vol. 67. No. 4. P. 901–924; *Miller D.* Nationalism // *The Oxford Handbook of Political Theory*. / J.S. Dryzek, Honig, A. Phillips (Eds.). OUP. Oxford Handbooks Online, 2008 (www.oxfordhandbooks.com). DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199548439.003.0029 2009; *Miscevic N.* Nationalism // E.N. Zalta (ed.). *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 2014, <http://plato.stanford.edu/archives/win2014/entries/nationalism/>; *Müller J.-W.* *Constitutional Patriotism*. Princeton: PUP, 2007; *Nathanson S.* In Defense of 'Moderate Patriotism' // *Ethics*, 1989. Vol. 99. No. 3. P. 535–552; *Primoratz I.* Patriotism // E.N. Zalta (Ed.). *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 2015, <http://plato.stanford.edu/archives/spr2015/entries/patriotism/>; *Rothi D.M., Lyons E., Chrysoschoou X.* National Attachment and Patriotism in a European Nation: A British Study // *Political Psychology*, 2005. Vol. 26. Issue 1. P. 135–154; *Schatz R.T., Staub E., Lavine H.* On the Varieties of National Attachment: Blind versus Constructive Patriotism // *Political Psychology*, 1999. Vol. 20. No. 1. P. 151–174; *Schochet G.* Patriotism // Neil J. Smelser and Paul B. Baltes (Eds-in-Chief). *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. Palo Alto, CA: Elsevier, 2001. P. 11116–11118; *Vincent A.* Patriotism // *New Dictionary of the History of Ideas*. The Gale Group, Inc., 2005, <http://www.encyclopedia.com/topic/Patriotism.aspx>; *Vincent A.* Nationalism // *The Oxford Handbook of Political Ideologies* / M. Freeden, M. Stears (Eds.). OUP. Oxford Handbooks Online, 2013, (www.oxfordhandbooks.com); *Wirth L.* Types of Nationalism // *American Journal of Sociology*, 1936. Vol. 41. No. 6. P. 723–737.

выделить три ключевых компонента этого отношения:

- позитивная сопричастность стране;
- критическое отношение к стране;
- чувство долга перед страной.

Содержание этих компонентов определяет многообразие переживаний страновой идентичности на индивидуальном и групповом уровнях¹. В нашей работе были исследованы лишь некоторые характеристики указанных компонентов: страновой фаворитизм, выраженность критического отношения к стране и специфика проявления чувства долга перед страной.

Страновой фаворитизм (цивилизационно-временная развертка)

Страновой фаворитизм, то есть склонность людей тем или иным образом смещать оценки своей и чужих стран в «свою» пользу, представляет собой частный случай группового фаворитизма. В социальной психологии под влиянием работ Таджфела и Тернера²

¹ Заметим попутно, что указанные компоненты могут использоваться как характеристики отношения к любому объекту групповой идентичности.

² См., напр.: *Tajfel H., Turner J.C.* An Integrative Theory of Intergroup Conflict // G. Austin, S. Worchel (Eds.). *The Social Psychology of Intergroup Relations*. Monterey, CA: Brooks/Cole, 1979. P. 33–47; *Turner J.C., Hogg M.A., Oakes P.J., Reicher S.D., Werhrell M.S.* Rediscovering the social group: A Self-categorization Theory. Oxford: Blackwell, 1987.

групповой фаворитизм чаще всего рассматривается как способ удовлетворения глубинной потребности человека в позитивной идентичности/позитивной сопричастности своей группе (стране). Интенсивность странового фаворитизма может варьироваться от индивида к индивиду, от группы к группе, от национальной культуры к национальной культуре, от страны к стране¹.

Однако важно иметь в виду, что фаворитизм является далеко не единственным способом обеспечения позитивной сопричастности стране. Позитивная сопричастность вполне может существовать и на фоне отрицательных оценок своей страны относительно других стран².

Объектом странового фаворитизма может быть образ страны в целом, равно как и отдельные элементы этого образа. Причем оценки целого и частей могут не только существенно отличаться, но и противоречить друг другу, как это происходит, например, с диффузным и специфическим доверием к политической власти у Д. Истона³ и — в общем случае — с впечатлениями об объекте в целом и о его отдельных частях.

Особый интерес, с нашей точки зрения, представляет цивилизационно-временная развертка странового фаворитизма, то есть распределение оценок прошлого, настоящего и будущего страны относительно основных цивилизаций мира.

В психологической теории проблеме временной перспективы в структуре идентично-

¹ Очень колоритно эти различия иллюстрирует приводимый Ф.М. Достоевским в «Дневнике писателя» анекдот о разговоре между наполеоновским маршалом Себастьяни и одним англичанином: «[Себастьяни]: “Если бы я не был французом, то желал бы стать англичанином”. Англичанин выслушал, но, нимало не тронутый любезностью, тотчас ответил: “А если б я не был англичанином, то я все-таки пожелал бы стать англичанином”». Цит. по: *Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1876 год. Январь — апрель.* ПСС: в 30 т. Т. 22. Ленинград: Наука, 1981.

² Один из способов такого существования зафиксирован в пословице «Своя печаль чужой радости дороже» (*Даль В.И. Пословицы русского народа. Сб. пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр. Владимира Даля.* 3-е изд., без перем. Т. 3. СПб., М.: Издание Тов-ва М.О. Вольф, 1904). Еще один описан А.С. Пушкиным: «Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног — но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство. /.../ Когда воображаю Лондон, чугунные дороги, паровые корабли, английские журналы или парижские театры и бордели — то мое глухое Михайловское наводит на меня тоску и бешенство. В 4-й песне “Онегина” я изобразил свою жизнь; когда-нибудь прочтешь его и спросишь /.../: где же мой поэт? /.../ услышишь /.../: он удрал в Париж и никогда в проклятую Русь не воротится — ай да умница» (*Пушкин А.С. Письмо П.А. Вяземскому, 27 мая 1826 года. Из Пскова в Петербург* // Письма: в 3 т. Т. 1. 1815–1826. М.: Захаров, 2006).

³ *Easton D.A. Re-Assessment of the Concept of Political Support* // *British Journal of Political Science*, 1975. Vol. 5. No. 4. P. 435–457.

сти посвящен целый ряд фундаментальных работ. К. Левин придавал важное значение оценкам прошлого, настоящего и будущего в формировании групповой идентичности⁴. О пространственно-временной структуре идентичности писал Э. Эриксон⁵, а о значении прошлого для формирования образа страны — М. Вебер и К. Боулдинг⁶. К. Калхун относит «глубину во времени», то есть «представление о том, что нация как таковая существует во времени, включая прошлые и будущие поколения, и обладает историей», к одной из десяти «наиболее важных /.../ особенностей риторики нации»⁷. И. Приморац полагает психологическую причастность к прошлому и будущему страны одной из важных характеристик патриотизма⁸.

Что касается эмпирических исследований страновой идентичности, они эту проблему практически не затрагивают. Между тем сопоставление временных горизонтов странового фаворитизма облегчает возможность исследования такого значимого фактора страновой идентичности, как оптимизм/пессимизм, а также позволяет лучше понять, какие объекты внешнего мира являются референтными при формировании оценок своей страны.

Как видно из табл. 13, в абстрактных нормативных суждениях подавляющее большинство российских и американских студентов считает страновой фаворитизм явлением «естественным и правильным», то есть заслуживающим одобрения или как минимум имеющим право на существование. При этом среди россиян этот взгляд несколько менее популярен, чем среди американцев.

На уровне конкретных отношений к своей стране ситуация складывается по-иному: у российских студентов страновой фаворитизм выражен очень сильно, тогда как у американских он практически отсутствует.

Для получения представления о цивилизационно-временной локализации странового фаворитизма респондентам предлагалось ответить на следующие вопросы:

— Что можно было бы назвать «лучшими

⁴ *Левин К. Разрешение социальных конфликтов.* СПб.: Изд-во «Речь», 2000.

⁵ *Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис.* М.: Прогресс, 1996.

⁶ *Weber M. Essays in Sociology.* Translated, Edited, and with an Introduction by H. H. Gerth and C. Wright Mills. New York: Oxford University Press, 1946.

⁷ *Калхун К. Национализм.* М.: Изд-во «Территория будущего», 2006.

⁸ *Primoratz I. Patriotism* // E.N. Zalta (Ed.). *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 2015, <http://plato.stanford.edu/archives/spr2015/entries/patriotism/>.

временами» для вашей страны, западной цивилизации, восточной цивилизации, человечества в целом?

— Что можно было бы назвать «худшими временами» для вашей страны, западной цивилизации, восточной цивилизации, человечества в целом?

Варианты ответов: «прошлое», «настоящее», «будущее», «трудно сказать».

Соотношения полученных оценок показаны в табл. 14 и на гистограмме 1.

Приведенные данные свидетельствуют о двух важных характеристиках сознания *российских студентов*.

Важнейшим объектом сравнения своей страны для них является западная цивилизация. Величины даваемых российскими студентами отрицательных и положительных оценок России относительно Запада на порядок превышают величины оценок России относительно восточной цивилизации и человечества в целом, а амплитуда изменений оценок «Россия/Запад» делает изменения остальных сравнительных оценок малозначимыми. Такой характер оценок говорит о том, что упоминавшийся ранее механизм «зеркального имиджа», где в качестве зеркала служит Запад (см. с. 4, 25), не чужд и участникам нашего исследования.

Таблица 13

ОТНОШЕНИЕ К СТРАНОВОМУ ФАВОРИТИЗМУ. В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ СОГЛАСНЫ ИЛИ НЕ СОГЛАСНЫ С УТВЕРЖДЕНИЕМ «ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА ЕСТЕСТВЕННО И ПРАВИЛЬНО ДУМАТЬ, ЧТО ЕГО СТРАНА ЛУЧШЕ ДРУГИХ?» (в % от числа опрошенных)

	Россия (N = 1 399)	США (N = 382)
Согласен + Скорее согласен	68	76
Не согласен + Скорее не согласен	28	21
(Согласен + Скорее согласен) — (Не согласен + Скорее не согласен)	40	55

Таблица 14

ЦИВИЛИЗАЦИОННО-ВРЕМЕННАЯ РАЗВЕРТКА ОЦЕНОК СВОЕЙ СТРАНЫ. СООТНОШЕНИЕ ПОЗИТИВНЫХ И НЕГАТИВНЫХ ОЦЕНОК ПРОШЛОГО, НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО СВОЕЙ СТРАНЫ, ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ, ВОСТОЧНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ЦЕЛОМ (в % от числа опрошенных)

Оценки	Группы респондентов					
	Россия (N = 1 399)			США (N = 382)		
	Прошлое	Настоящее	Будущее	Прошлое	Настоящее	Будущее
1 Своя страна	-21	-1	28	-36	9	26
2 Человечество в целом	-19	5	23	-47	5	40
3 Запад	3	23	-16	-37	18	20
4 Восток	-27	5	34	-41	-1	45
5 Своя страна — Человечество в целом (1-4)	-2	-6	5	11	4	-14
6 Своя страна — Запад (1-2)	-24	-24	44	1	-9	6
7 Своя страна — Восток (1-3)	6	-6	-6	3	10	-19
Средние оценки позиций своей страны во времени (5+6+7)/3	-7	-12	14	5	2	-9

Оценки в строках 1–4 представляют собой разность ($np - nn$), где np — доля респондентов соответствующей группы, назвавших прошлое, настоящее или будущее «лучшими временами», а nn — доля назвавших их «худшими временами». Показатели могут изменяться от -100 процентных пунктов (максимальная негативная оценка) до +100 процентных пунктов (максимальная позитивная оценка).

Оценки в строках 5–7 представляют собой разность оценок указанных в скобках строк одного и того же столбца. Показатели изменяются от -200 процентных пунктов (максимальная негативная оценка своей страны по сравнению с Западом, Востоком или человечеством в целом) до +200 процентных пунктов (максимальная позитивная оценка своей страны по сравнению с Западом, Востоком или человечеством в целом).

У российских студентов существует ярко выраженная цивилизационно-временная локализация странового фаворитизма. Речь идет о будущем России относительно западной цивилизации, образ которого порождает мощный всплеск оптимизма (+44), резко контрастирующий с устойчиво негативным взглядом на положение России относительно Запада в прошлом и настоящем (-24).

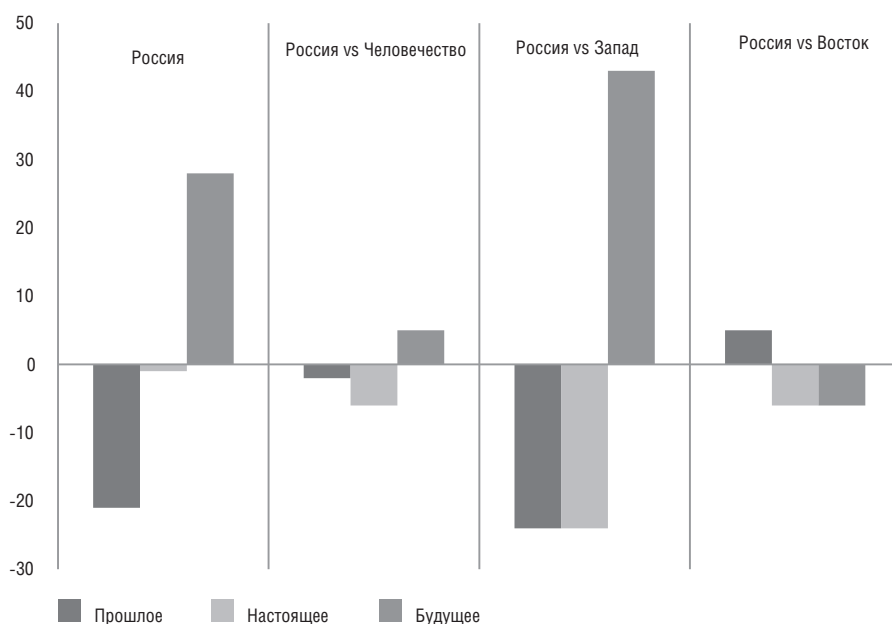
Что касается *американских студентов*, говорить о наличии у них сколько-нибудь чет-

ко очерченного цивилизационно-временного локуса странового фаворитизма вряд ли возможно. В цивилизационном измерении конфигурации их оценок США относительно западной, восточной цивилизаций и человечества в целом мало отличаются друг от друга. При этом по абсолютной величине позитивные оценки оказываются всюду несколько меньше оценок негативных. Во временной перспективе у американских студентов наблюдается плавное нарастание негативных оценок положения США

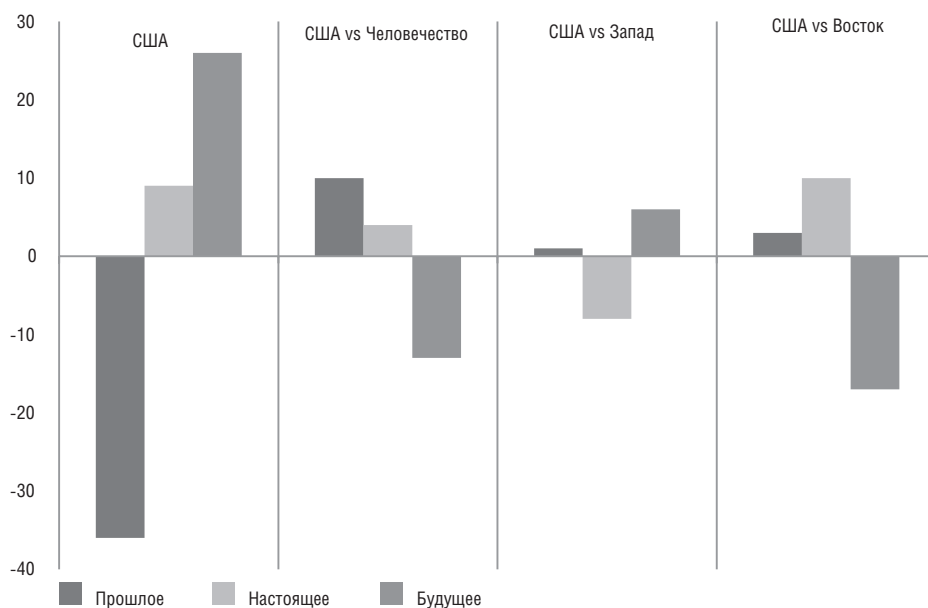
Гистограмма 1

ОЦЕНКИ ПРОШЛОГО, НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО СВОЕЙ СТРАНЫ

а) Российские студенты

б) Американские студенты

относительно человечества в целом, обусловленное прежде всего пессимизмом во взглядах на перспективы страны относительно восточной цивилизации.

Цивилизационно-временная специфика странового фаворитизма той или иной группы зависит от многих факторов, детальный анализ которых является самостоятельной задачей, выходящей за рамки данной работы. Единственный представитель этих факторов, включенный в наше исследование, — выраженность критического отношения к своей стране — будет рассмотрен в следующем параграфе. Но прежде чем перейти к нему, позволим себе краткое замечание о влиянии на сознание наших российских респондентов еще одного фактора — массовой пропаганды. Не учитывая ее эффекта, трудно объяснить одновременное присутствие у российских студентов оптимистического взгляда на будущее страны и сильной обеспокоенности *неопределенностью ее будущего*, а также *угрозами мировой войны и разрушения цивилизации* (см. табл. 15).

Сосуществование в здоровом сознании столь противоречивых представлений может поддерживаться лишь верой в то, что никакие глобальные передраги, включая ядерную вой-

Таблица 15

УРОВЕНЬ ОБЕСПОКОЕННОСТИ НЕКОТОРЫМИ ПОЛИТИЧЕСКИМИ ПРОБЛЕМАМИ. В КАКОЙ МЕРЕ ВАС БЕСПОКОИТ (ЕСЛИ БЕСПОКОИТ) КАЖДАЯ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ПРОБЛЕМ? (в % от числа опрошенных)

	Россия (N = 1 399)	США (N = 382)
Неопределенность будущего своей страны		
Очень беспокоит + Скорее беспокоит	69	59
Совсем не беспокоит + Скорее не беспокоит	27	40
Угроза мировой войны		
Очень беспокоит + Скорее беспокоит	59	29
Совсем не беспокоит + Скорее не беспокоит	34	68
Угроза разрушения современной цивилизации		
Очень беспокоит + Скорее беспокоит	49	22
Совсем не беспокоит + Скорее не беспокоит	45	76
В среднем по трем позициям		
Очень беспокоит + Скорее беспокоит	59	37
Совсем не беспокоит + Скорее не беспокоит	35	61

ну, не смогут лишить Россию блестящего будущего. В свою очередь, наиболее безобидной причиной наличия подобной веры у людей, обучающихся в лучших вузах страны, представляется нам влияние на них массовой пропаганды.

Страновой фаворитизм и желаемый тип отношений страны с внешним миром

Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что российские и американские студенты сильно отличаются друг от друга по соотношению авторитарных и либеральных установок во взглядах на внешнюю политику, с одной стороны, и внутреннюю политику и межчеловеческие отношения — с другой (см. табл. 16).

Как видно из табл. 16, «удельные показатели» авторитарности (число высказываний авторитарного характера в расчете на одно высказывание либерального толка) у российских студентов выше во внешнеполитических представлениях, тогда как у американских — во взглядах на межличностные отношения и внутреннюю политику. Расширительно толкуя термин «жесткость», введенный У. Джеймсом и обязанный своей нынешней популярностью Г. Айзенку¹, можно сказать, что российские студенты жестче в отношениях к чужим, чем к своим, тогда как студенты американские, напротив, жестче в отношениях к своим, чем к чужим.

Зависят ли эти особенности в расставлении авторитарных акцентов от общего уровня авторитарности (существенно более высокого

¹ James W. The Moral Equivalent of War // Popular Science Monthly, 1910. Vol. 77. https://en.wikisource.org/wiki/Popular_Science_Monthly/Volume_77/October_1910/The_Moral_Equivalent_of_War#cite_note-1; Eysenck H.J. Primary Social Attitudes as Related to Social Class and Political Party // The British Journal of Sociology, 1951. Vol. 2. No. 3. P. 198–209; Eysenck H. The Psychology of Politics. London: Routledge and Kegan Paul, 1954.

Таблица 16

СТРАНОВОЙ ФАВОРИТИЗМ, ВЗГЛЯДЫ НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ, МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНУТРЕННЮЮ ПОЛИТИКУ РОССИЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ СТУДЕНТОВ (в % от числа опрошенных)

Россия (N = 1 399)		США (N = 382)	
Страновой фаворитизм			
Ярко выражен		Практически отсутствует	
Взгляды на внешнюю политику, межличностные отношения и внутреннюю политику			
Внешняя политика	Межличностные отношения и внутренняя политика	Внешняя политика	Межличностные отношения и внутренняя политика
Наша страна может существовать только как великая держава А. Согласен + Скорее согласен — 62% Б. Не согласен + Скорее не согласен — 29%	Отношение к родителям А. Человек должен уважать своих родителей независимо от того, хорошие они или плохие, ошибаются или нет — 59% Б. Человек не обязан уважать своих родителей, если они не заслужили этого своим отношением к жизни и своим поведением — 29% А : Б = 2 : 1	Наша страна может существовать только как великая держава А. Согласен + Скорее согласен — 23% Б. Не согласен + Скорее не согласен — 73%	Отношение к родителям А. Человек должен уважать своих родителей независимо от того, хорошие они или плохие, ошибаются или нет — 26% Б. Человек не обязан уважать своих родителей, если они не заслужили этого своим отношением к жизни и своим поведением — 50% А : Б = 0,5 : 1
	Отношение к начальству А. Человек должен выполнять указания начальника, даже если он с ними не согласен — 34% Б. Человек должен выполнять указания начальника, только если он убежден в их правильности — 42% А : Б = 0,8 : 1 В среднем А — 47%; Б — 36%		Отношение к начальству А. Человек должен выполнять указания начальника, даже если он с ними не согласен — 18% Б. Человек должен выполнять указания начальника, только если он убежден в их правильности — 34% А : Б = 0,5 : 1 В среднем А — 22%; Б — 42%
А : Б = 2,1 : 1	Аср : Бср = 1,3 : 1	А : Б = 0,3 : 1	Аср : Бср = 0,5 : 1
Нашу страну должны бояться. Только тогда нас будут уважать А. Согласен + Скорее согласен — 38% Б. Не согласен + Скорее не согласен — 57%	В нашей стране власть должны бояться. Иначе ее не будут уважать А. Согласен + Скорее согласен — 26% Б. Не согласен + Скорее не согласен — 69%	Нашу страну должны бояться. Только тогда нас будут уважать А. Согласен + Скорее согласен — 4% Б. Не согласен + Скорее не согласен — 94%	В нашей стране власть должны бояться. Иначе ее не будут уважать А. Согласен + Скорее согласен — 9% Б. Не согласен + Скорее не согласен — 87%
А : Б = 0,7 : 1	А : Б = 0,4 : 1	А : Б = 0,04 : 1	А : Б = 0,1 : 1

у российских респондентов), сказать трудно. Вместе с тем не исключено, что они могут быть обусловлены различиями в уровнях странового фаворитизма (высокого у российских и практически нулевого у американских студентов). В этом случае мы сталкиваемся с проявлением на групповом уровне зависимости, аналогичной той, которая на индивидуальном уровне

была выявлена Б. Кристиансенем. Кристиансен показал, что агрессивность в повседневной жизни проецируется на внешнеполитические представления тем сильнее, чем выше страновой фаворитизм (в терминах Кристиансена — национализм/ патриотизм)¹.

¹ Christiansen B. Attitudes towards Foreign Affairs as a Function of Personality. Oslo: Oslo University Press, 1959.

Выраженность критического отношения к своей стране

Критичность индивида или группы по отношению к своей стране порождается разрывом между нормативными и дескриптивными представлениями о ней и может находиться в широких пределах от *апологетики* («нулевой» критичности) до *всеобъемлющей критичности*.

Более или менее полное описание характерного для группы критического отношения к стране требует учета сложного комплекса элементов этого отношения, которые в самом общем виде могут быть сведены в следующие блоки: используемые в группе критерии оценки своей страны (отождествление/неотождествление интересов страны с волей государства, соотношение значимости в оценках действий страны универсальных моральных норм и так или иначе понимаемых интересов страны и пр.); распространенность в группе критических суждений о стране (доля членов группы, позволяющих себе критику страны); широта спектра и масштабность проблем, подвергающихся критике; временной горизонт и интенсивность критики.

В нашем исследовании мы затронули лишь два следующих элемента/показателя критичности:

— уровень критического отношения к прошлому страны;

Таблица 17

ПОКАЗАТЕЛИ КРИТИЧЕСКОГО ОТНОШЕНИЯ К СВОЕЙ СТРАНЕ

	Россия (N = 1 399)	США (N = 382)
Критическое отношение к прошлому своей страны		
Число событий в прошлом страны, которых следует стыдиться (<i>Ea</i>)	1 749	810
Общее число высказываний о стыде и гордости за прошлое своей страны (<i>Ea + Ep + nsa + nsp + dsa + dsp</i>)	5 456	1 719
Уровень критического отношения группы к прошлому страны (<i>LCP</i>)	0,32	0,47

— склонность группы в оценках внешнеполитических действий страны отдавать предпочтение универсальным моральным принципам, а не интересам страны (или, в терминах Г. Моргентау, «фильтрам» конкретных обстоятельств времени и места¹).

Уровень критического отношения к прошлому страны

Данный показатель определялся по ответам участников исследования на два открытых во-

¹ О соотношении этих фильтров и моральных принципов во внешней политике см., напр.: *Morgenthau H. Truth and Power: Essays of a Decade, 1960–1970.* London: Pall Mall, 1970.

проса, содержание которых было заимствовано из Шварц и Ким²: «Назовите три события в истории страны:

— которыми, с вашей точки зрения, больше всего следует гордиться;

— которых, с вашей точки зрения, больше всего следует стыдиться».

Формула расчета показателя критичности к прошлому страны: $LCP = Ea / (Ea + Ep + nsa + nsp + dsa + dsp)$, где *Ea* — число событий, которых, по мнению опрошенных, следует стыдиться; *Ep* — число событий, которыми, по их мнению, следует гордиться; *nsa* и *nsp* — число ответов «таких событий нет» в обоих вопросах; *dsa* и *dsp* — число ответов «трудно сказать» в обоих вопросах. Показатель изменяется в интервале [0;1], где 0 означает полное отсутствие критичности, а 1 — максимально возможный уровень критичности, для достижения которого требуется, чтобы респонденты упомянули только события постыдного, по их мнению, характера, не указав ни одного предмета гордости и не дав ни негативных, ни несодержательных ответов.

Как видно из табл. 17, рассчитанный предложенным способом показатель критического отношения к прошлому страны у российских студентов оказался в 1,5 раза ниже, чем у американских³.

Критерии оценки страны: универсальные моральные принципы vs интересы страны

Для выявления того, в какой мере рассматриваемые группы склонны оценивать действия своей страны на основе универсальных

² *Schwartz B., Kim M. Honor, Dignity, and Collective Memory // K.A. Cerulo (Ed.). Culture in Mind: Toward a Sociology of Culture and Cognition.* New York: Routledge, 2002. P. 209–226. <http://www.barryschwartzonline.com/HonorDignityCM.pdf>

³ Численно и по смыслу соотношение показателей критического отношения к прошлому страны близко к соотношению противоположных по знаку оценок прошлого своих стран, вычисляемых по ответам на вопросы о «лучших» и «худших» временах: в обеих группах прошлое оценивалось негативно, однако у россиян оценка была в 1,7 раза выше (лучше), чем у американцев: –21 против –36 (см. табл. 14).

Таблица 18

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ СТРАНЫ; СВЯЗЬ МЕЖДУ ПРЕДПОЧИТАЕМЫМИ КРИТЕРИЯМИ ОЦЕНКИ И ЖЕЛАЕМЫМИ ТИПАМИ ОТНОШЕНИЯ СТРАНЫ С ДРУГИМИ СТРАНАМИ (ответы в % от числа опрошенных)

	Россия (N = 1399)	США (N = 382)
Универсальные моральные нормы vs национальные интересы Вопрос: «Какое мнение вам ближе?»		
Справедливость — вещь более важная, чем интересы нашей страны	57	71
Интересы нашей страны важнее справедливости	26	6
Доля респондентов, в ответах которых наблюдалась предполагаемая в теоретических работах связь между критериями оценки страны и желаемыми типами ее отношения с другими странами	55	71

моральных принципов, а в какой — на основе национальных интересов, нарочито противопоставляемых этим принципам, нами использовались ответы респондентов на вопрос, какая из двух позиций им ближе:

«Справедливость — вещь более важная, чем интересы страны» или «Интересы страны важнее справедливости».

Как видно из табл. 18, в обеих группах в качестве критерия оценки своей страны большей популярностью пользуется универсальная мораль, однако у российских студентов склонность к этому критерию оценки выражена значительно слабее, чем у американских.

В работах по политической психологии и философии морали ориентации в оценках действий страны на универсализм и на национальный интерес часто описываются как элементы противоположных друг другу ценностных констелляций: «универсализм оценок, критическое отношение к стране, установка на равенство с другими странами» vs «оценки, основанные на национальном интересе (отрицающие применимость универсальных критериев), апологетическое отношение к стране, ставка на силовое/агрессивное подчинение себе других стран».

В своих крайних проявлениях первая констелляция характеризуется как *конструктивный (constructive)*¹, *истинный (genuine)*², *этичный (ethical)*³, *умеренный (moderate)*⁴, *банальный*

(*banal*)⁵ патриотизм, просто патриотизм в качестве оппозиции национализму⁶, просто национализм в качестве оппозиции расизму и т.п. Вторая — как *слепой (blind)*⁷, *жесткий (strong)*⁸, *крайний (extreme)* или, по меньшей мере, *твердый (robust)*⁹ патриотизм; *псевдопатриотизм (pseudopatriotism)*¹⁰, *национализм*¹¹, *джингоизм, шовинизм* и пр.¹²

Используя менее эмоционально нагруженные термины, можно сказать, что первая констелляция тяготеет к взглядам на страну как на естественную часть мировой системы, интересы элементов которых нуждаются в гармониза-

⁵ Billig M. Banal Nationalism. London: Sage Publ., 1995.

⁶ Соловьев Вл.С. Патриотизм // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 23. СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1898. С. 36–38.

⁷ Schatz R.T., Staub E., Lavine H. On the Varieties of National Attachment: Blind versus Constructive Patriotism // Political Psychology, 1999. Vol. 20. No. 1. P. 151–174.

⁸ Vincent A. Patriotism // New Dictionary of the History of Ideas. The Gale Group, Inc., 2005, <http://www.encyclopedia.com/topic/Patriotism.aspx>

⁹ Primoratz I. Patriotism // E.N. Zalta (Ed.). The Stanford Encyclopedia of Philosophy, 2015, <http://plato.stanford.edu/archives/spr2015/entries/patriotism/>.

¹⁰ Adorno T.W., Frenkel-Brunswick E., Levinson D.J., Sanford R.N. in collaboration with B. Aron, M.H. Levinson and W. Morrow. The Authoritarian Personality. Abridged Edition. New York, London: W.W. Norton and Co., 1982.

¹¹ Соловьев Вл.С. Национализм // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 20А. СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1897. С. 710

¹² Князь П.А. Вяземский именвал такой взгляд на страну сивушным патриотизмом. (П.А. Вяземский. Старая записная книжка. 1813–1877. М.: Захаров, 2003). М.Е. Салтыков-Щедрин называл представителей этой позиции бонапартистами. «Под "бонапартистом" я разумею вообще всякого, кто смешивает выражение "отечество" с выражением "ваше превосходительство" и даже отдает предпочтение последнему перед первым. Таких людей во всех странах множество, а у нас до того довольно, что хоть лопатами огребай» (Салтыков-Щедрин М.Е. За рубежом // Собр. соч.: в 10 т. Т. 7. М.: Изд-во «Правда», 1988. С. 5–270). Здесь Салтыков-Щедрин, скорее всего, обыгрывает то обстоятельство, что Николая Шовен, от фамилии которого произошел термин «шовинизм», был, по слухам, солдатом Великой армии Наполеона и считался ярким бонапартистом.

¹ Schatz R.T., Staub E., Lavine H. On the Varieties of National Attachment: Blind versus Constructive Patriotism // Political Psychology, 1999. Vol. 20. No. 1. P. 151–174.

² Adorno T.W., Frenkel-Brunswick E., Levinson D.J., Sanford R.N. in collaboration with B. Aron, M.H. Levinson and W. Morrow. The Authoritarian Personality. Abridged Edition. New York, London: W.W. Norton and Co., 1982.

³ Primoratz I. Patriotism // E. N. Zalta (Ed.). The Stanford Encyclopedia of Philosophy, 2015, <http://plato.stanford.edu/archives/spr2015/entries/patriotism/>.

⁴ Nathanson S. In Defense of 'Moderate Patriotism' // Ethics, 1989. Vol. 99. No. 3. P. 535–552.

ции, а взаимодействие между которыми может и должно соответствовать игровой модели win-win. Вторая констелляция предлагает посмотреть на страну и мир глазами Т. Гоббса и в качестве модели отношений между странами ориентируется на игру с нулевой суммой.

Результаты нашего исследования обнаруживают присутствие у российских и американских респондентов описанного только что типа связи между критериями оценки страны и желаемым типом ее отношений с окружающим миром. На групповом уровне показателем такой связи может служить доля респондентов, давших следующие комбинации ответов на вопросы о критериях оценки и о том, должна ли страна стремиться, чтобы ее боялись: «Справедливость — вещь более важная, чем интересы нашей страны» «Согласен/Скорее согласен», что «нашу страну должны бояться, только тогда нас будут уважать» U «Интересы нашей страны важнее справедливости» «Не согласен/Скорее не согласен», что «нашу страну должны бояться, только тогда нас будут уважать». Эти доли совпадают с удельными весами респондентов соответствующей группы, предпочитающих оценивать свою страну по критериям справедливости (см. табл. 18).

Такое совпадение кажется нам случайностью. Что же касается более слабой связи между рассматриваемыми показателями у российских студентов по сравнению со студентами американскими, то это представляется достаточно объяснимым и наряду с верой российских студентов в будущее страны, сочетаемой с обеспеченностью ее будущим и перспективой ядерной войны, служит свидетельством относительно меньшей продуманности позиций наших студентов, а значит, и меньшей устойчивости их мировоззрения.

Специфика проявления чувства долга перед своей страной

В самом общем виде специфика проявления чувства долга перед страной определяется:

— интенсивностью переживания этого чувства;

— содержанием действий, направленных на исполнение долга;

— степенью самостоятельности/несамостоятельности индивидов в выборе этих действий.

Сочетанием первых двух характеристик задается мотивация долга, сила которой может колебаться в интервале от бескорыстной готов-

ности пожертвовать собственной жизнью¹ до расчетливого «возврата долга», свойственного, по выражению И. Примораца, «сдувшемуся/ослабленному/девальвированному (deflated) патриотизму»².

Что касается степени независимости человека в выборе действий, то она описывается с помощью близких психологических и социально-психологических конструкций, противопоставляющих «внутренне- и внешненаправляемое» поведение; внутренний и внешний локусы контроля, «независимые» и «взаимозависимые» Я; акценты на личных ценностях и на социально одобренных идеалах; ответственность перед собой и перед обществом; ставку на самостоятельное принятие решения и стремление получить совет со стороны окружающих и пр. Свобода выбора здесь ограничена двумя полюсами, связанными с упоминавшимися ранее типами культуры: индивидуалистической/либеральной и коллективистской/авторитарной (см. с. 15).

— Индивидуалистический/либеральный полюс предполагает самостоятельный выбор индивида, который сам ищет себе достойное дело, сам ставит себе задачу и сам ее решает. Иллюстрацией этого принципа может служить знаменитый призыв из инаугурационной речи Дж. Кеннеди (20.01.1961): «Не спрашивай, что твоя страна может сделать для тебя, спроси себя, что ты можешь сделать для своей страны»³.

— Коллективистский/авторитарный полюс предполагает, что инициатива находится на стороне страны/государства/социальных институтов, от которых индивид получает задачу. Хорошая иллюстрация этого варианта содержится, как нам кажется, в советской песне, появившейся в 1949 году (слова Л. Ошанина): «Дайте трудное дело, / Дайте дело такое, / Чтобы сердце горело / И не знало покоя!»⁴.

В далекой от теоретической чистоты реальности тяготение к собственной инициативе и получению «заказа» от общества так или иначе сочетаются. Специфика группы будет определяться соотношением этих установок. В нашем исследовании мы постарались оценить

¹ «...вес смысл нации заключается в бескорыстности. Именно поэтому нация может требовать жертв» (Anderson B. *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Revised Edition.* London, New York, Verso, 2006).

² *Primoratz I. Patriotism* // E.N. Zalta (Ed.). *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 2015, <http://plato.stanford.edu/archives/spr2015/entries/patriotism/>.

³ [Электронный ресурс]. <http://www.ushistory.org/documents/ask-not.htm>

⁴ [Электронный ресурс]. <https://www.stihi.ru/2015/12/21/1678>

популярность данных установок у российских и американских респондентов с помощью следующей пары позиций, включенных в перечень характеристик идеальной работы:

— «новое, связанное с риском дело» (индивидуалистическая ориентация);

— «возможность быть полезным стране» (коллективистская ориентация).

Понятно, что в обеих позициях можно обнаружить присутствие и общественной пользы, и индивидуального риска, и «независимости», и «взаимозависимости», и остальных признаков индивидуалистической и коллективистской культур. Однако в первой из них индивидуализма все же заметно больше, чем во второй, тогда как во второй коллективизма явно больше, чем в первой. Соотношение ответов показано в табл. 19.

Приведенные данные свидетельствуют, что в вопросе о долге перед страной позиции российских и американских студентов полярно расходятся: у россиян здесь доминируют коллективистские установки, тогда как у американцев — установки индивидуалистические. Контрастность представлений исследуемых групп в этой области схожа разве что с контрастностью их подходов к внешней политике.

Обсуждение результатов

Приведенные данные, конечно, нуждаются в уточнении и на основе расширения выборки (прежде всего американской), и путем подкрепления, дополнения, а возможно, и коррекции полученных выводов с помощью информации качественного характера, собираемой в ходе глубинных интервью и групповых дискуссий. Тем не менее некоторые выводы общего характера можно сделать уже сейчас.

Таблица 19

ОТВЕТЫ РОССИЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ СТУДЕНТОВ НА ВОПРОС «НАСКОЛЬКО ВАЖНЫМИ ЯВЛЯЮТСЯ ПРИВЕДЕННЫЕ НИЖЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ВАШИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ИДЕАЛЬНОЙ РАБОТЕ?» (в % от числа опрошенных)

	Россия N = 1 399	США N = 382
Новое, связанное с риском дело		
Важно	31	64
Не важно	58	35
Важно — Не важно	-27	+29
Возможность быть полезным стране		
Важно	66	46
Не важно	28	49
Важно — Не важно	+38	-3

Наша работа позволила выявить целый ряд сходств и различий в трактовках базовых аспектов страновой идентичности, распространенных среди российских и американских студентов. Однако наиболее важными для понимания перспектив формирования нового поколения российских элит нам представляются не столько общие характеристики мировосприятия российских студентов, отличающие их от студентов американских. Речь идет о меньшем либерализме, большей противоречивости (непродуманности) суждений и меньшей разнице во взглядах со «среднестатистическими» гражданами страны.

Меньший либерализм. Как показало исследование, в ответах на большинство предлагавшихся респондентам вопросов у российских и американских студентов преобладали либеральные позиции. Однако склонность к либерализму у российских участников опроса была выражена значительно слабее, чем у американских. При этом в ряде случаев российские участники исследования были не просто менее либеральны, но заметно более авторитарны, чем американские респонденты. Например, говоря о желаемом положении страны в мире, 2/3 (62%) российских студентов заявили, что их страна «может существовать только как великая держава», причем половина разделявших это мнение была убеждена, что «нашу страну должны бояться, только тогда ее будут уважать». Среди американских студентов соответствующие показатели были равны 23 и 16%. Преобладали авторитарные установки и в ряде суждений российских студентов о карающей справедливости:

удельный вес считающих, что «держать человека в тюрьме без суда допустимо, если человек опасен для общества» и что «если преступников наказывать более сурово, преступность снизится», составил у них соответственно 55 и 54% против 28 и 10% у американских студентов. Отметим также, что в вопросе о долге перед страной у российских студентов коллективистская установка (получение «заказа» от общества) была значительно привлекательнее индивидуалистической установки (проявление собственной инициативы). У американских студентов соотношение привлекательности этих позиций было прямо противоположным.

Большая противоречивость (непродуманность) суждений российских студентов достаточно четко прослеживается в ответах на вопросы о желаемом политическом устройстве общества. Поддержка принципов либеральной демократии на уровне абстрактных деклараций порой сочеталась у них с авторитарными установками в более конкретных высказываниях. Так, доля российских студентов, заявивших о важности для страны равенства *всех граждан* перед законом, составила 92%. Между тем доля указавших, что для страны важна гарантированность прав *меньшинств*, была равна всего 62%. Иначе говоря, около 40% российских студентов, считающих важным равенство всех граждан, отказали в важности гарантиям прав меньшинств. Для сравнения: у американских студентов соответствующие показатели были равны 97, 94 и 6%. Еще один пример противоречивости позиций российских студентов — сочетание *оптимистического взгляда на будущее страны* с сильной обеспокоенностью *неопределенностью ее будущего*, а также *угрозами мировой войны и разрушения цивилизации*. У американских студентов позиция в этом вопросе была значительно более последовательной: для них обеспокоенность будущим страны сочеталась с негативными оценками ее перспектив.

Меньшая разница во взглядах со «среднестатистическими» гражданами страны. Во всех вопросах, где имеющиеся данные позволяли сопоставить взгляды наших респондентов с результатами общенациональных опросов в их странах, российские студенты были ближе к своим «среднестатистическим» соотечественникам, чем американские студенты к своим. При этом если американские студенты оказывались всегда либеральнее «типичных» американцев, то про российских студентов этого сказать нельзя. Например, во взглядах на желаемый характер отношений с другими странами

российские участники нашего исследования были настроены более великодержавно, а в вопросе о применимости смертной казни за терроризм и коррупцию — более жестко, чем «простые» граждане России.

Перечисленные характеристики мировосприятия российских студентов представляют собой комбинацию элементов традиционной российской/русской политической культуры (слабая укорененность либерализма, великодержавность), наследия тоталитаризма (слабые различия ценностных ориентаций элитных и неэлитных групп общества)¹ и неизбежных проявлений далеко еще не завершеного выхода России из тоталитарной культуры (противоречивость, непродуманность суждений).

Эти характеристики можно было бы назвать естественными — во всяком случае, их наличие показалось нам куда более ожидаемым, чем было бы их отсутствие. Однако при всей «естественности» этих характеристик сознания кандидатов в российские элиты присутствие их является фактором, серьезно затрудняющим возможности преодоления фундаментальных проблем, стоящих сегодня перед Россией. Свой взгляд на эти проблемы мы более или менее подробно изложили². Повторять сказанное вряд ли уместно. Заметим здесь лишь то, что речь в первую очередь идет о выходе России из экономической, политической и моральной стагнации и о преодолении нарастающего отставания от ведущих стран мира по критериям мягкой силы, то есть по критериям качества в таких областях, как экономика, государственное управление, образование, медицина, наука, культура, экология, межчеловеческие отноше-

¹ О ценностной однородности российского общества см.: *Урнов М.Ю.* Неинституциональные факторы социальной динамики — подходы к моделированию // *Общественные науки и современность*. 2010. № 5. С. 59–70; *Касамара В.А., Сорокина А.А.* Образ России в дискурсе политической элиты и российских бездомных // *Полис (Политические исследования)*. 2011. № 4. С. 171–184; *Урнов М.Ю., Соболев А.С., Соболева И.В.* Ценностная неоднородность общества как фактор социальной динамики — эмпирическая проверка теоретической модели // *Общественные науки и современность*. 2012. № 3. С. 43–57; *Kasamara V.A., Sorokina A.A.* Imperial ambitions of Russians // *Communist and Post-Communist Studies*. 2012. Vol. 45. No. 3–4. P. 279–288.

² *Урнов М.Ю.* Россия: виртуальные и реальные политические перспективы // *Общественные науки и современность*. 2014. № 4. С. 48–58; № 5. С. 114–129; *Урнов М.Ю.* Экономический кризис в России: причины, механизмы развертывания и возможные последствия // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2015. № 2 (26). С. 186–190; *Урнов М.Ю.* Политические ограничители модернизации национальной экономики // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2015. № 4 (28). С. 183–188; *Urnov M.* 'Greatpowerness' as the Key Element of Russian Self-consciousness under Erosion // *Communist and Post-Communist Studies*. 2014. Vol. 47. No. 3–4. P. 305–322.

ния и пр. Для решения этих проблем необходимо максимальное использование человеческого потенциала страны, а это с учетом масштабов страны и глубины проблем требует от российских элит куда большего уважения к политическим и экономическим свободам личности, куда большей нравственности и куда более тонкого умения использовать инструменты социально-либеральной поддержки равенства возможностей, чем это могут себе позволить элиты ведущих стран мира.

С этой точки зрения самым опасным явлением, обнаруженным нашим исследованием, представляется характерное для российских студентов сочетание относительной слабости либеральных установок со сравнительно небольшим ценностным отрывом от большинства населения страны. Помимо всего прочего это означает, что при сохранении нынешней ситуации роль следующего поколения российской элиты в качестве референтной группы для остального общества будет столь же незначительной, как и роль элиты нынешней. Иначе

говоря, в обозримой перспективе внутренний потенциал изменений российского общества будет весьма небольшим. А это, в свою очередь, означает консервацию в обществе существующих ныне многочисленных негативных черт и явлений и продолжение отставания страны от лидеров мирового развития.

Вопрос, преодолима ли сложившаяся ситуация и, если да, каким образом она может быть преодолена, требует специального исследования. Но, каким бы ни был набор возможных рекомендаций, в любом случае его необходимым элементом является подготовка меритократической элиты — образованной и открытой миру, не страдающей комплексами неполноценности и не обремененной мифологемами исключительности, способной своими решениями и своим примером создать мощный импульс обновления страны, то есть элиты, состояние умов которой во многом отличается от состояния, выявленного нашим исследованием.

Евгения ЛЁЗИНА

ВЧК и ее преемники: методы террора и практики дискриминации

К 100-летию основания советской тайной полиции

Сто лет назад был совершен большевистский переворот, а вскоре после него основаны советские органы государственной безопасности. Это повод вспомнить о репрессивной политике советского режима и ее последствиях. В данной статье я попытаюсь обобщить дискриминационные и репрессивные практики, составившие систему государственного террора в СССР, проанализировать роль, отведенную в вышеуказанной системе тайной полиции и ее внесудебным органам, а также попробую обозначить основные социальные последствия массовых репрессий в Советском Союзе.

Вскоре после Октябрьского переворота, совершенного большевиками 7 ноября (25 октября по старому стилю) 1917 года, в Советской России были заложены основы однопартийной коммунистической диктатуры, просуществовавшей три четверти века. Центральную роль в ней играла жесткая идеологическая доктрина, базирующаяся на классовом подходе, неприимости к меньшевистским воззрениям, отрицании принципов плюрализма, представительства, правового государства. Промежуточной целью большевиков являлась «диктатура пролетариата» во главе с его авангардом — единолично правящей пролетарской партией. Достижение последующего идеала «бесклассового общества» предполагало уничтожение всех «непролетарских», «буржуазных» общественных сил и социальных институтов. Таким образом, концепция «диктатуры пролетариата» идеологически обуславливала ничем не ограниченную власть, опирающуюся на насилие.

Оказавшись у руля государства в России в разгар затянувшейся и кровопролитной Первой мировой войны, большевики немедленно прибегли к практикам неограниченного террора. «Революционная диктатура пролетариата есть власть, завоеванная и поддерживаемая насилем пролетариата над буржуазией, — власть, не

связанная никакими законами», — объяснял вождь большевиков В.И. Ленин спустя год после Октябрьского переворота¹.

Создание машины террора

Советский режим и его тайная полиция возникли практически одновременно. Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК) при Совете Народных Комиссаров (СНК) РСФСР была создана 20 (7) декабря 1917 года вместо упраздненного незадолго до этого Военно-революционного Комитета (ВРК), сыгравшего ключевую роль в успехе Октябрьского вооруженного восстания. Председателем ВЧК был утвержден Ф.Э. Дзержинский, по инициативе которого ранее в составе ВРК была организована комиссия по борьбе с контрреволюцией.

В задачи созданной Комиссии входили «пресечение и ликвидация контрреволюционных и саботажнических действий по всей России» и «предание суду Революционного трибунала саботажников и контрреволюционеров и выработка мер по борьбе с ними»². В 1918 году председатель ВЧК уточнял задачи своего ведомства: «Мы представляем собой организованный террор <...> — террор, совершенно необходимый в условиях переживаемого революционного времени. <...> Мы терроризируем врагов советской власти, дабы задушить преступления в корне»³. В свою очередь очевидец событий, историк и общественный деятель С.П. Мельгунов, ставший в эмиграции летописцем ранних

¹ Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский, 10 ноября 1918 года. В: Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 37. М.: Политиздат, 1977. С. 244–245.

² Выписка из протокола № 21 заседания СНК «Об организации ВЧК». РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 21. Л. 2. Опубл. в: Кокурин А.И., Петров Н.В. (сост.). Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. М.: МФД, 2003. С. 302.

³ Интервью Дзержинского и Заска (От нашего корреспондента по телефону из Москвы) // Новая жизнь. 1918. 27 мая. № 112 (327). С. 4. Кол. 1.

лет большевистского правления, писал о «цинических формах самого безудержного произвола и насилия, в которые вылилась повсеместно на практике деятельность Чрезвычайных Комиссий»¹.

Созданная как временная структура, ВЧК скоро обрела институциональные черты, отличавшие впоследствии советские органы госбезопасности в их многочисленных реинкарнациях: ГПУ — ОГПУ — НКВД — НКГБ — МГБ — МВД — КГБ. С ранних лет большевистскую тайную полицию отличали внеправовой статус, жесткая централизация и фактическая неподконтрольность никаким структурам, кроме узкого круга партийных руководителей, а также всеобъемлющий охват населения полицейским контролем.

По мере усиления противостояния большевикам и их политике увеличивались и внесудебные, особые полномочия чрезвычайных комиссий. Изначально заявленная как следственный орган, ВЧК уже в феврале 1918 года получила право проведения внесудебных казней (на основе принятого 21-го числа декрета СНК РСФСР «Социалистическое Отечество в опасности!»)². Как сообщалось в опубликованном пару дней спустя заявлении ВЧК в газете «Известия», «до сих пор Комиссия была великодушна в борьбе с врагами народа», но теперь, «когда гидра контрреволюции нагнет с каждым днем», она «не видит других мер борьбы с контрреволюционерами, шпионами, спекулянтами, громилами, хулиганами, саботажниками и прочими паразитами, кроме беспощадного уничтожения на месте преступления»³.

Казни без суда и следствия не заставили себя долго ждать. Одной из таких бессудных расправ стало тайное убийство царской семьи (по постановлению исполкома Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов) в ночь с 16-го на 17 июля 1918 года. В подвале дома Ипатьева в Екатеринбурге местными чекистами тогда были расстреляны бывший император Николай II, его жена Александра Федоровна, дочери Ольга (22 года), Татьяна (21 год), Мария (19 лет), Анастасия (17 лет), сын Алексей (13 лет), а также лейб-медик Е.С. Боткин, повар И.М. Харитонов, камердинер А.Е. Трупп и горничная А.С. Демидо-

ва. Еще несколько человек из окружения или из числа слуг царской семьи были арестованы ЧК ранее и приговорены к смертной казни. Гофмаршал князь В.А. Долгоруков, адъютант царя князь И.Л. Татищев, детский лакей И.Д. Сиднев и слуга наследника К.Г. Нагорный были расстреляны летом 1918 года в Екатеринбурге. Камердинер же императрицы А.А. Волков, ее камер-фрейлина княгиня А.А. Гендрикова и гофлектрисса Е.А. Шнейдер были переведены в Пермь и там приговорены органами Пермской ЧК к казни как заложники в числе 42 человек (в ночь с 3 на 4 сентября 1918 года Гендрикова и Шнейдер были расстреляны в окрестностях Перми, Волкову же удалось бежать с места казни)⁴.

Особенный размах полномочия ВЧК обрели с принятием 5 сентября 1918 года постановления СНК «О красном терроре» в контексте уже разворачивающейся Гражданской войны, разделившей общество на «красных» (большевиков) и «белых» (их противников). Перед ВЧК теперь ставилась задача «обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях», а также расстреливать «всех лиц, прикосновенных к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам»⁵.

С лета 1918 года официальной политикой большевиков, реализуемой через ВЧК, стало взятие заложников. В приказе ВЧК, изданном за три дня до объявления «красного террора», было предписано «арестовать как заложников крупных представителей буржуазии, помещиков, фабрикантов, торговцев, контрреволюционных попов, всех враждебных советской власти офицеров и заключить всю эту публику в концентрационные лагеря, установив самый надежный караул, заставляя этих господ под конвоем работать. При всякой попытке сорганизоваться, поднять восстание, напасть на караул — немедленно расстреливать»⁶. В телеграммах, разосланных в местные партийные комитеты еще в августе, Дзержинский настаивал,

¹ См. подробно о практиках большевиков того периода: *Мельгунов С.П.* Красный террор в России: 1918–1923. М.: СП «Рицо», 1990.

² Декрет СНК РСФСР от 21 февраля 1918 года «Социалистическое отечество в опасности!» // *Правда*. № 32. 1918. 22 (9) февр.

³ Объявление ВЧК о расстреле на месте преступления врагов советской власти // *Известия ЦИК*. № 32(296). 1918. 23 (10) февр.

⁴ *Соловьёв В.Н.* Постановление о прекращении уголовного дела № 18/123666-93 «О выяснении обстоятельств гибели членов Российского императорского дома и лиц из их окружения в период 1918–1919 годов», пункты 5–6. [Электронный ресурс]. <<http://www.nik2.ru/documents.htm?id=267>>

⁵ Постановление СНК РСФСР от 5 сентября 1918 года «О красном терроре». СУ. № 19. Отдел 1. Ст. 710. 05.09.18. Опул. в: *Кокурин А.И., Петров Н.В.* (сост.). ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918–1960. М.: МФД, 2000. С. 15.

⁶ Приказ ВЧК о «красном терроре» от 2 сентября 1918 года. Опул. в: *Кокурин А.И., Петров Н.В.* (сост.). ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918–1960. М.: МФД, 2000. С. 14–15.

что «все заложники и подозрительные» должны арестовываться и заключаться в концлагеря¹.

После покушения на Ленина 30 августа и убийства в тот же день известного особой беспощадностью председателя Петроградской ЧК М.С. Урицкого, в Петрограде без суда и следствия в качестве заложников были расстреляны 512 человек из числа бывших царских чиновников, профессоров, военных и др. Всего за полтора месяца в городе были казнены, по официальным данным, 800, по другим сведениям, — не менее 1300 человек².

Важно отметить, что с момента основания ВЧК обладала не только чрезвычайной широтой полномочий, но и огромной свободой действий. Все попытки поставить ее деятельность под контроль — главным образом, Наркомата юстиции — терпели фиаско. В сентябре 1918 года в губернские ЧК была направлена директива заместителя председателя Комиссии Я.Х. Петерса, подчеркивавшая, что «[в] своей деятельности ВЧК совершенно самостоятельна, производя обыски, аресты, расстрелы, давая после отчет Совнаркому и ВЦИК»³.

Председатель ВЧК Дзержинский постоянно обращался с записками и телефонограммами во ВЦИК и Политбюро ЦК РКП(б), требуя расширения особых полномочий своего ведомства и жестко выступая против любых попыток их урезать или передать отдельные функции ВЧК другим структурам⁴.

Ленин же неизменно выступал на стороне ВЧК. К примеру, спустя два месяца после начала «красного террора» в обращении к чекистам на их служебном митинге-концерте 7 ноября 1918 года вождь революции заявил: «Для нас важно, что ЧК осуществляют непосредственно диктатуру пролетариата, и в этом отношении их роль неоценима. Иного пути к освобождению

масс, кроме подавления путем насилия эксплуататоров, — нет. Этим и занимаются ЧК, в этом их заслуга перед пролетариатом»⁵.

Начиная с марта 1918 года, Комиссия приступила к созданию чекистской «вертикали» — сети местных чрезвычайных комиссий, жестко управляемых из центра. К маю в стране функционировали уже около 400 уездных и губернских ЧК. Это территориальное расширение сопровождалось формированием специализированных подразделений ЧК на транспортных объектах (на узловых железнодорожных станциях, в крупных портах), в пограничной полосе и в вооруженных силах (здесь с 1918 года создавалась сеть Особых отделов, надзирающих за армией). Так что всеобъемлющий характер контроля над населением, отличавший в дальнейшем советские органы госбезопасности, определился уже на раннем этапе их существования: в 1918–1921 годы сеть оперативных структур, а также агентов и осведомителей ВЧК постепенно охватывала всю страну.

Организованная *ad hoc* в качестве «карающего меча революции», ВЧК не была совершенно упразднена после победы большевиков в Гражданской войне, что свидетельствовало о системообразующей роли данного института. В феврале 1922 года произошло первое в истории институциональное реформирование органов госбезопасности, впоследствии производившееся не раз. Отныне задачи ВЧК стало выполнять Государственное политическое управление (ГПУ) при Народном комиссариате внутренних дел (НКВД) РСФСР, возглавляемом с марта 1919 года председателем ВЧК Дзержинским. Еще через полтора года тайная полиция вновь стала отдельным органом в связи с созданием Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) при СНК СССР. В течение всех последующих лет советской власти органы государственной безопасности служили главными проводниками карательной политики компартии⁶, основанной на систематической дискредитации, охватывавшей целые социальные и этнические группы и создававшей идеологическую базу для массовых репрессий.

⁵ Ленин В.И. Речь на митинге-концерте сотрудников Всероссийской чрезвычайной комиссии 7 ноября 1918 года. В: Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 35. М.: Политиздат, 1977. С. 174.

⁶ В феврале 1919 года в обращении ЦК РКП(б) к коммунистам — работникам чрезвычайных комиссий — подчеркивалось, что «ЧК созданы, существуют и работают лишь как прямые органы партии по ее директивам и под ее контролем» (Правда. 1919. 8 февр.). Этот принцип был закреплен в постановлении Политбюро ЦК РКП(б) от 15 февраля 1922 года.

¹ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 22. См.: Куртуа, С., Верт Н., Панне Ж-Л., Пачковский А. и др. Черная книга коммунизма. 2-е изд. М: Три века истории, 2001. С. 95.

² Ежедневник ЧК. № 5. 1918. 27 окт.. С. 19. A Collection of Reports on Bolshevism in Russia: Abridged Edition of Parliamentary Paper, Russia. No. 1. London: HMSO. 1919. P. 25.

³ Приказ ВЧК № 47 о правах ЧК и их взаимоотношениях с советскими органами. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 511. С. 54. Оpubл. в: Кокурин А.И., Петров Н.В. (сост.). Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. М.: МФД, 2003. С. 317–318.

⁴ См., напр.: Телефонограмма Дзержинского во ВЦИК с просьбой о расширении полномочий председателя ВЧК от 2 января 1922 года. РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 237. Л. 3. Оpubл. в: Плеханов А.А.; Плеханов А.М. (сост.) Ф. Э. Дзержинский — председатель ВЧК — ОГПУ. 1917–1926. М.: МФД; Материк, 2007. С. 365–366. Записка Дзержинского для Политбюро ЦК РКП(б) о разграничении функций ВЧК и НКЮ 1921 года. РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 149. Л. 30–32об. Оpubл. в: Там же. С. 362–363.

Идеологическая основа террора: образы «врагов» советской власти и способы их «нейтрализации»

С первых дней Октябрьского переворота термины «враг народа» и «классовый враг» стали одними из главных инструментов, используемых большевиками в качестве орудия массовых репрессий и преследования оппонентов¹. Поскольку победа РСДРП трактовалась ее вождями как торжество народной революции, «народного дела», выступления генералов русской армии и казачества против большевистского захвата власти объявлялись СНК выступлениями «врагов народа» против народа. Применительно к политическим противникам первой «партией врагов народа» была объявлена партия кадетов именно за поддержку «антинародных» генералов. Помимо политических оппонентов и тех, кто открыто выступал против политики большевиков, — офицеров, представителей других политических партий (эсеров, меньшевиков, анархистов), близких к ним органов печати, членов оппозиционного рабочего движения, независимых профсоюзов, повстанческого крестьянского движения и проч., — врагами нового режима объявлялся неопределенно широкий круг граждан.

Основанием для дискриминации могла служить не только политическая и идеологическая позиция, но и социальная и даже этническая принадлежность. В категорию «неблагонадежных» социальных и этнических групп, представляющих, по мнению большевистских лидеров, потенциальную угрозу для «диктатуры пролетариата», попадали казаки, зажиточные крестьяне («кулаки»), духовенство («попы», «муллы»), интеллигенция, частные предприниматели, представители «бывших привилегированных» сословий — дворяне, купцы, промышленники, чиновники, банковские служащие, офицеры царской армии и др. Впоследствии каждый новый этап развития общества (НЭП, коллективизация, индустриализация и т.д.) дополнял список «врагов народа» («вредители», «саботажники», «коллаборационисты», «троцкисты», «правые», «оппортунисты», «уклонисты», «националисты» и проч.).

¹ Само понятие «враг народа» не было, однако, большевистским изобретением: оно возникло во времена римского права и широко использовалось в период Великой французской революции. В российской революционной практике термин «враг народа» был впервые употреблен еще до Октябрьского переворота: в августе 1917 года он появился в листовках Комитета народной борьбы с контрреволюцией в связи с выступлением генерала Л.Г. Корнилова.

Для дискредитации и дегуманизации негодных советскому режиму социальных групп использовались различные пропагандистские приемы. В речах большевистских вождей и агитационных материалах раннего советского периода медико-гигиенические метафоры «гниения» и «нечисти» нередко адресовались тем, кто был провозглашен «классовым врагом» советской власти. К примеру, на известном пропагандистском плакате времен Гражданской войны «Товарищ Ленин очищает землю от нечисти» вождь революции сметает с земного шара «классово чуждых элементов» — монарха, священника и банкира.

Поднимая вопрос о необходимости применения суровых мер по отношению к «классово чуждым пролетариату элементам», в статье 1918 года «Как организовать соревнование?» В.И. Ленин называл их «отбросами человечества, этими безнадежно прогнившими, некрозными членами, этой эпидемией, чумой, язвой, оставленной капитализмом в наследство социализму»². Глава правительства настаивал на необходимости выработки форм перевоспитания «классовых врагов»: «Тысячи форм и способов практического учета и контроля за богатыми, жуликами и тунеядцами должны быть выработаны и испытаны на практике самими коммунарами, мелкими ячейками в деревне и в городе. Разнообразие здесь есть ручательство жизненности, порука успеха в достижении общей единой цели: очистки земли российской от всяких вредных насекомых, от блох — жуликов, от клопов — богатых и прочее и прочее»³.

В сентябре 1918 года постановлением СКН «О красном терроре» термин «классовый враг» был официально введен в обиход. Основы большевистского подхода к следствию в рамках объявленной борьбы с «классовыми врагами» озвучил в ноябре 1918 года член Коллегии ВЧК и начальник отдела ВЧК по борьбе с контрреволюцией М.И. Лацис, откровенно написавший в первом номере газеты «Красный террор»: «Мы не ведем войны против отдельных лиц. Мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материалов и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против советской власти. Первый вопрос, который мы должны ему предложить, — к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти

² Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 35. М.: Политиздат, 1977. С. 204.

³ Там же.

вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом — смысл и сущность красного террора»¹.

Как уже отмечалось, основными методами нейтрализации тех, кто воспринимался в качестве «классовых врагов» советской власти с ранних лет большевистского правления и особенно в период «красного террора», стали физическое уничтожение и изоляция. Людей десятками тысяч арестовывали, брали в заложники, помещали в концентрационные лагеря, отправляли в ссылки, принудительно выслали за границу, принуждали заниматься тяжелым физическим трудом, конфисковали их собственность и имущество, лишали гражданских и избирательных прав. Политических оппонентов еще до их окончательного истребления большевики лишали права занимать выборные и другие «должности, связанные с общением с широкими массами». Кроме того, против «врагов» советской власти велись активные агитационные кампании по их дискредитации, а также организовывались различные провокации с целью раскола, уничтожения солидарности внутри независимых институтов (церкви, партий, профсоюзов и др.) и подрыва их авторитета². Хотя точное число жертв «красного террора» не поддается исчислению, оценки только казненных ВЧК в период 1917–1921 годы колеблются от 100 до 300 тыс. человек³.

Систематическим преследованиям и травле со стороны большевиков подвергались верующие и представители духовенства. Хотя борьба с религией затронула все конфессии, наиболее сильным гонениям подверглась самая большая и влиятельная из них — Русская православная церковь. Антирелигиозная кампания сопровождалась арестами священников и прихожан, казнями священнослужителей, осквернением церковных святынь, закрытием и разрушением храмов и монастырей и т.п. В феврале 1919 года в ВЧК был организован специальный Секретный отдел (СО), основной задачей которого стала борьба с «враждебной деятельностью церковников и сектантов» наряду с «антисоветской

деятельностью буржуазных и мелкобуржуазных партий и групп»⁴.

Некоторые категории граждан Советской России были лишены избирательных прав на основании Конституции РСФСР 1918 года, а затем и Конституции 1925 года. К тем, кто, согласно статье 65 Конституции, был лишен активного и пассивного избирательного права, относились: «(1) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; (2) лица, живущие на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т.п.; (3) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; (4) монахи и духовные служители церквей и религиозных культов; (5) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома; (6) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными; (7) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на установленный законом или судебным приговором срок»⁵.

Важно понимать, что лишение политических прав фактически влекло за собой также существенные ограничения в правах социальных. В частности, «лишенцы» сталкивались с серьезными препятствиями при приеме на работу, в выборе места жительства, в определении детей в школы, при поступлении в высшие учебные заведения и другими трудностями. С 1925 года ограничения в правах и дискриминация официально распространились и членом семей лишенных избирательных прав, что привело к резкому увеличению общего количества «лишенцев». Если в 1926 году были лишены права голоса 1 040 894 человека (1,63% от общего количества избирателей), то к 1927 году их число возросло до 3 038 739 человек (4,27% избирателей), а в 1929-м — до 3 716 855 (4,89%). Если в 1926 году члены семьи составляли 6,5% от общего числа «лишенцев», то в 1927-м — уже 38,5%, а в 1929-м — 43,9%⁶. Поскольку ограни-

¹ Красный террор. № 11918. 1 нояб.

² См. подробно о практиках большевиков того периода: *Мельгунов С.П.* Красный террор в России: 1918–1923. М.: СП «Рiсco», 1990.

³ *Bruce Lincoln W.* Red Victory: A History of the Russian Civil War. Simon & Schuster, 1989. P. 384. *Lowe Norman.* Mastering Twentieth Century Russian History. New York: Palgrave, 2002. *Leggert George.* The Cheka. Lenin's Political Police (1981). P. 467. *Бруновский В.* Дело было в СССР (Страничка из воспоминаний бывшего «смертника») // *Гессен И.В.* (ред.) Архив Русской революции. 1928. Т. 19. М.: Terra, 1993. С. 131.

⁴ В январе 1921 года борьба с «контрреволюционной деятельностью духовенства» была выделена в отдельное направление: ею теперь занималось 6-е отделение Секретного отдела ВЧК. *Кокурин А.И., Петров Н.В.* (сост.). Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. М.: МФД, 2003. С. 17, 21. См. также по теме: *Одинцов М.И.* Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М.: РОССПЭН, 2014.

⁵ Конституция (Основной Закон) РСФСР, принятая V Всероссийским съездом Советов в заседании 10 июля 1918 года. Ст. 65 // Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937). М., 1940. С. 29.

⁶ *Красильников С.А.* На изломах социальной структуры: Маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 — конец 1930-х гг.). Новосибирск: НГУ, 1998. [Электронный ресурс]. <<http://zaimka.ru/soviet/krasiln1p1.shtml>>

чения, в том числе на получение образования, касались представителей наиболее активных и образованных слоев (духовенства, предпринимателей и др.), обладавших наибольшим социальным и культурным капиталом, в отдаленной перспективе данная политика означала прекращение воспроизводства этого капитала, грозившее кризисом развития.

Апофеозом борьбы с наиболее образованными представителями российской элиты стала принудительная высылка из страны осенью 1922 года более 200 неугодных власти интеллектуалов: в их число вошли ведущие инженеры, экономисты, врачи, журналисты, литераторы, юристы, философы.

Столкнувшись зимой 1922 года с забастовками профессорско-преподавательского состава в университетах и с некоторым оживлением интеллектуальной жизни после Гражданской войны, 12 марта Ленин обрушился на интеллигенцию в статье «О значении воинствующего материализма». В частности, он выступил с жесткой критикой журнала «Экономист», издававшегося «Русским техническим обществом», назвав его «органом современных крепостников, прикрывающихся, конечно, мантией научности, демократизма и т.п.». «Некий г. П.А. Сорокин, — сетовал вождь, — помещает в этом журнале обширные якобы “социологические” исследования “О влиянии войны”. Ученая статья пестрит учеными ссылками на “социологические” труды автора и его многочисленных заграничных учителей и сотоварищей»¹. Статья заканчивалась зловеще: «Рабочий класс в России сумел завоевать власть, но пользоваться ею еще не научился, ибо, в противном случае, он бы подобных преподавателей и членов ученых обществ давно бы вежливо препроводил в страны буржуазной “демократии”. Там подобным крепостникам самое настоящее место»².

За словом последовало дело. Уже 19 мая Ленин направил секретное письмо председателю ВЧК Дзержинскому с инструкцией по подготовке к высылке «писателей и профессоров, помогающих контрреволюции». «Питерский журнал “Экономист”, — писал Ленин, — явный центр белогвардейцев... Все это явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация ее слуг и шпионов и растлителей учащейся молодежи. Надо поставить дело так, чтобы этих “военных шпионов” изловить и из-

лавливать постоянно и систематически и высылать за границу»³.

Для проведения данной операции в Секретно-оперативном управлении ГПУ в том же году было создано «Особое бюро по делам об административной высылке антисоветских элементов интеллигенции». Административной высылке предшествовали арест без предъявления обвинения, заключение в тюрьмах ГПУ или домашний арест («Арестовывать... без объявления мотивов», — поучал Ленин Сталина в письме, отправленном 16 июля из подмосковных Горок⁴).

29 сентября из Петрограда в немецкий Штеттин (с 1945 года — польский Щецин) отбыл первый пароход с более 30 интеллектуалами из Москвы, Казани и других городов с семьями, всего около 70 человек. Пассажирами парохода «Обербургмейстер Хакен», в том числе, были Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, И.А. Ильин, М.А. Ильин (Осоргин), С.Е. Трубецкой, Б.П. Вышеславцев и другие знаменитые ученые и философы. Вслед за ними, 16 ноября, из Петрограда отплыл пароход «Пруссия», на котором в изгнание отправились Н.О. Лосский, Л.П. Карсавин, И.И. Лапшин и другие (всего 17 человек с семьями в общем составе 44 человек). Еще несколько групп интеллектуалов той осенью были высланы из страны поездами.

В конце 1920-х И.В. Сталиным, возглавившим партию после смерти Ленина, была выдвинута идея об усилении классовой борьбы по мере укрепления социалистической власти. Выступая на пленуме ЦК ВКП(б) 9 июля 1928 года, Сталин заявил, что «отживающие классы» не станут «добровольно» сдавать свои позиции, «не попытаюсь организовать сопротивление». Более того, подчеркивал вождь, «продвижение к социализму не может не вести к сопротивлению эксплуататорских элементов этому продвижению, а сопротивление эксплуататоров не может не вести к неизбежному обострению классовой борьбы»⁵. Этот сталинский тезис стал обоснованием ряда массовых репрессивных кампаний против целых категорий граждан.

³ Письмо В.И. Ленина о высылке за границу писателей и профессоров от 19 мая 1922 года. Опубл. в: Плеханов А.А., Плеханов А.М. (сост.). Ф. Э. Дзержинский — председатель ВЧК — ОГПУ. 1917–1926. М.: МФД: Материк, 2007. С. 388.

⁴ Артизов А.Н. Очистим Россию надолго. К истории высылки интеллигенции в 1922 г. // Отечественные архивы, № 1. 2003.

⁵ Сталин И.В. Об индустриализации и хлебной проблеме: Речь на пленуме ЦК ВКП(б) 9 июля 1928 года. В: Сталин И.В. Сочинения. Т. 11. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1949. С. 157–187.

¹ Ленин В.И. О значении воинствующего материализма, 12 марта 1922 года. В: Ленин В.И. Полное собрание сочинений в 55 т. Т. 45. М.: Политиздат, 1977. С. 31–32.

² Там же. С. 33.

К концу 1920-х советская экономика в значительной степени зависела от экспертной прослойки, технических специалистов, инженеров, управленцев и ученых, которых после окончания Гражданской войны большевики стали активно привлекать на предприятия и в государственные учреждения «для поднятия производительных сил». Доверия же к этим профессионалам руководители страны никогда не питали (как не питали они его и к бывшим специалистам и офицерам царской армии, на которых так же были вынуждены опираться в годы Гражданской войны). Еще в марте 1919 года на VIII съезде РКП(б) Ленин заявил, что «буржуазные специалисты» «насквозь проникнуты буржуазной психологией», а потому они «предавали и будут предавать еще годы» советскую власть¹. Против них и была развязана широкая репрессивная кампания, совпавшая с началом форсированной индустриализации. На многочисленных показательных процессах им вменялось ведение в СССР шпионской деятельности, саботаж и вредительство с целью подрыва советской экономики. Так, в приговоре по наиболее резонансному Шахтинскому делу (официально «Дело об экономической контрреволюции в Донбассе»), по которому были осуждены 53 руководителя и специалиста угольной промышленности (11 из них приговорены к расстрелу, еще 82 человека осуждены во внесудебном порядке Коллегией ОГПУ)², говорилось: «Следствием установлено, что работа этой контрреволюционной организации, действовавшей в течение ряда лет, выразилась в злостном саботаже и скрытой дезорганизаторской деятельности, в подрыве каменноугольного хозяйства методами нерационального строительства, ненужных затрат капитала, понижения качества продукции, повышения себестоимости, а также в прямом разрушении шахт, рудных заводов и т.д.»³. Аналогичные стереотипные обвинения повторялись и на других сфабрикованных процессах: «Промпартии», «Трудовой крестьянской партии», «Союзного бюро ЦК меньшевиков» и др. По данным, приводимым историком Н. Вергом, за четыре года (1928–1931) 138 тыс. служащих были отстранены от работы и лишены гражданских прав, 1

256 тыс. человек — взяты под контроль, а в ходе новой чистки 1932–1933 годов было уволено еще около 153 тыс. человек⁴.

Вероятно, на фоне общего числа жертв советского террора количество подвергнутых репрессиям «спецов» может показаться не столь значительным. Но, учитывая общую долю лиц с высшим образованием в занятом населении СССР, составлявшую в 1928 году всего 0,2%⁵, масштаб репрессивной политики против высококвалифицированных кадров представляется огромным. Как и в случае с «лишенцами» и высланными интеллектуалами, кампания по борьбе с «вредительством» имела долгосрочные социальные последствия — она грозила (и в итоге обернулась) уничтожением интеллектуального потенциала, социального и культурного капитала, снижением качества управления, экспертного знания и, в конечном счете, параличом развития, застоём, деградацией.

Уничтожив или отстранив от работы квалифицированных специалистов внутри страны, большевики были вынуждены привлекать иностранных экспертов и закупать иностранные технологии для успешного проведения форсированной индустриализации. Они также приступили к подготовке новых кадров, создавая каналы мобильности для низовых, лишенных социального капитала, но потенциально более лояльных групп. Так что, с одной стороны, формирующаяся социальная структура носила дискриминационный характер, направленный на исключение социальных групп, обладавших культурным и социальным капиталом, а с другой, была нацелена на массовизацию, примитивизацию, уплощение общества. Подобное «выравнивание» и одновременные требования беспрекословного подчинения большевистской политике влекли за собой подавление условий социальной структуры, дифференциации, эволюции общества.

Рост численности промышленных предприятий (около 6000 в 1928–1937 годы) и университетов (их число выросло в 5,5 раза, с 148 до 817, в 1928–1941 годы)⁶ сопровождался созданием структур капиллярного контроля в этих массовых советских институтах. С 1920-х годов

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 38. М.: Политиздат, 1977. С. 143.

² Красильников С.А. (отв. ред.). Шахтинский политический процесс 1928 года: источники в контексте эпохи // Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. Кн. 1. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. С. 856.

³ Там же. С. 191; Известия ЦИК и ВЦИК. № 60. 1928.

⁴ Верг Н. История советского государства. М.: Прогресс, 1995. С. 218–219.

⁵ Гудков Л.Д. Образованное сообщество в России: социологические подступы к теме // Неприкосновенный запас. № 1 (3). 1999. [Электронный ресурс]. <<http://magazines.russ.ru/nz/1999/1/gudk.html>>

⁶ Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах (Статистический сборник). М.: Государственное статистическое издательство. 1957. С. 196, 278.

органы госбезопасности присутствовали в них через сети Секретных (позднее — Первых) отделов, формально отвечавших за сохранение государственных секретов, а на деле осуществлявших политический контроль, надзор за кадрами (прежде всего через систему «допуска» к секретным работам и документам)¹.

В то же время аресты высококвалифицированных специалистов в конце 1920-х — начале 1930-х заложили основу такой специфически советской формы организации научной и проектной деятельности, как «шарашки». Практика использования труда заключенных — ученых, инженеров, конструкторов и техников в системе научно-технических тюрем или лабораторий, особых технических бюро (ОТБ), особых конструкторских бюро (ОКБ) и научно-исследовательских институтов (НИИ) в ведении органов госбезопасности — стала отличительным феноменом закрытого тоталитарного государства, остро нуждавшегося в технологическом развитии, но в то же время не могущего полагаться на механизмы, которые формируют прослойку высококвалифицированных и независимых кадров в свободных конкурентных обществах. С этой коллизией была связана потребность в организации жестких регламентирующих механизмов контроля над научно-исследовательской и проектно-конструкторской работой в рамках закрытых (секретных) иерархических структур. Основным направлением их деятельности была разработка военной и специальной техники. Как обобщил значение таких зон функционального развития Ю.А. Левада и его коллеги по проекту «Советский простой человек», изучавшие социальные последствия советского тоталитарного проекта с конца 1980-х годов, «шарашка» — это тот «минимум функциональной дифференциации, который допустим в иерархическом обществе тоталитарного толка и без которого не могло бы существовать все целое»².

Другой социальной группой, причисленной большевиками к «классовым врагам», являлся слой зажиточных крестьян. Для дискредитации самых успешных и работоспособных представителей деревни использовался термин, приобретший негативно-оценочную окраску еще в дореволюционный период: «кулаками» было

принято называть крестьян, пользовавшихся наемным трудом, а также занимавшихся продажей готовой сельхозпродукции в товарных количествах. После Октябрьского переворота идеологическое наполнение понятия «кулачество», превращенного большевиками в инструмент борьбы за удержание власти, менялось в зависимости от направления курса ВКП(б). В ранний послереволюционный период «кулаки-мироеды» объявлялись причинами всех обрушившихся на страну бед — продовольственного кризиса в городах, голода в деревне, нехватки хлеба на продажу. Причем первоначальный ленинский курс продрозверстки, то есть принудительного изъятия зерна для государственных нужд, затрагивал не только крестьян, использовавших наемный труд, но и всех жителей деревни, в чьих хозяйствах имелся минимальный запас продовольствия.

Поскольку политика «военного коммунизма» и продрозверстки вызвала мощное сопротивление в крестьянской среде (волна крестьянских восстаний распространилась по всей стране) и стала одной из главных причин массового голода 1921–1922 годов (этот первый советский голод унес жизни около 5 млн человек), курс на раскулачивание был временно приостановлен в период НЭПа. Однако он был с новой силой возобновлен в конце 1920-х в связи с началом форсированной индустриализации. Главной целью политики сталинской коллективизации, первым этапом которой стал жесткий курс на полную «ликвидацию кулачества как класса», было выкачивание средств и ресурсов из преобладающего сельского населения (оно составляло на тот момент около 80%). Репрессиям вновь предшествовала кампания по публичной дискредитации: в 1928 году, накануне начала антикрестьянской операции, Сталин назвал индивидуальное крестьянство «классом, который выделяет из своей среды, порождает и питает капиталистов, кулаков и вообще разного рода эксплуататоров»³.

В результате раскрестьянивания и принудительной коллективизации был сформирован такой системообразующий советский тип социальной организации, как колхоз. Эта «своеобразная форма уравнительной жизни» основывалась на «принудительном, экономически невознаграждаемом труде» и на «устранении

¹ Подробнее о системе Секретных (Первых) отделов и «режиме секретности» в СССР см.: *Lezina E. The Secrecy Regime in the Soviet Union as an Instrument of Mass Social Control. In: 100 Years since the Creation of the Soviet State Security Organization Cheka (1917–2017). Prague: Institute for the Study of Totalitarian Regimes, 2018* (публикация ожидается).

² *Левада Ю.А. (ред.) Советский простой человек Опыт социального портрета на рубеже 1990-х годов. М.: Мировой океан, 1993. С. 68.*

³ *Сталин И.В. На хлебном фронте: Из беседы со студентами Института красной профессуры, Комакадемии и Свердловского университета 28 мая 1928 г. // Правда. № 127. 1928. 2 июня. Сталин И.В. Сочинения. Т. 11. М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. С. 96.*

любой функциональной дифференциации и соответствующей социальной мотивации»¹. Колхоз как специфически советское социальное образование стал выражением стремления большевиков к массовизации, социальному упрощению, уравниловке. Возник же он в результате предельного насилия и угнетения, которому подверглось российское крестьянство, о чем еще пойдет речь.

Хотя к середине 1930-х большевиками было проведено несколько массовых репрессивных кампаний, апофеозом поисков «врагов народа» стал период, получивший известность как «Большой террор» 1937–1938 годов. Это время, по существу, и вошло в национальную память как годы массовых репрессий: именно тогда охота на «шпионов», «вредителей», «троцкистов», «правых», «уклонистов» и проч. приобрела поистине эпические масштабы, а образы «врагов» советской власти практически воплотились в реальных персонажах повседневной жизни.

Значение идеологемы «враг народа» сохранялось на протяжении всего сталинского периода. Если в Конституции РСФСР 1925 года присутствовал термин «враг трудящихся», в сталинскую Конституцию 1936 года вошло понятие «враг народа» (согласно статье 31, врагами являлись «лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность»)².

В конце 1940-х с выходом нормативных актов об организации особых лагерей и тюрем МВД был официально закреплен перечень «особо опасных государственных преступников», в который вошли 12 типов осужденных: «агенты иностранных разведок, диверсанты, террористы, троцкисты, правые, меньшевики, эсеры, анархисты, националисты, белоэмигранты и другие участники антисоветских организаций и групп, а также лица, представляющие опасность по своей вражеской деятельности»³. Хотя пере-

численные группы уже давно не существовали в реальной советской жизни, «традиции идеологической и классовой борьбы не позволяли партийному руководству отказаться от ставших уже каноническими образов «врагов народа»»⁴.

В конце 1940-х — начале 1950-х годов на фоне общего ожидания реформ в послевоенные годы в Советском Союзе была развернута идеологическая кампания по борьбе с «безродными космополитами», в ходе которой деятели культуры и науки, преимущественно еврейского происхождения, — театральные критики, писатели, журналисты, композиторы, художники, ученые и др. — обвинялись в прозападных идеях, антипатриотизме, «антинародничестве», «низкопоклонничестве перед Западом», формализме. «Буржуазный ура-космополитизм связан с безразличным, равнодушным отношением к народу, к его творчеству, с равнодушным, оскотинным, холодным эстетством и формализмом», — говорилось в передовице «Правды» от 29 января 1949 года, в подготовке которой, по некоторым свидетельствам, принимал участие лично Сталин⁵.

За два месяца до начала этой публичной расправы над так называемыми «еврейскими буржуазными националистами», 20 ноября 1948 года, был распущен Еврейский антифашистский комитет (ЕАК) на основании якобы имевшихся фактов о том, что он «является центром антисоветской пропаганды и регулярно поставляет антисоветскую информацию органам иностранной разведки»⁶. За этим последовало закрытие еврейских издательств и газет, аресты членов ЕАК. 8 февраля 1949 года Сталин подписал постановление Политбюро о роспуске объединений еврейских советских писателей в Москве, Киеве и Минске, подготовленное генеральным секретарем Союза советских писателей А.А. Фадеевым, после чего многие писатели подверглись арестам⁷. Историк Г.В. Ко-

¹ Сталин И.В. На хлебном фронте: Из беседы со студентами Института красной профессуры, Комакадемии и Свердловского университета 28 мая 1928 г. // Правда. № 127. 1928. 2 июня. Сталин И.В. Сочинения. Т. 11. М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. С. 96.

² Конституция (Основной Закон) СССР (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 5 декабря 1936 года) // Советская Сибирь. № 283 (5143). 1936. 7 дек.

³ Приказ МВД СССР, МГБ СССР и Генерального Прокурора СССР № 00279/00108/72сс «Об организации особых лагерей и тюрем МВД для содержания особо опасных государственных преступников и о направлении последних по отбытии наказания в ссылку на поселение под надзор органов МГБ» 16 марта 1948 года. Оpubл. в: Кокурин А.И., Петров Н.В. (сост.). ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918–1960. М.: МФД, 2000. С. 138–141.

⁴ Иванова Г.М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М: Наука, 2006. С. 87.

⁵ Костырченко Г.В. В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие: Документальное исследование. М.: Международные отношения, 1994. С. 178.

⁶ Решение Политбюро ЦК ВКП(б) о закрытии ЕАК от 20 ноября 1948 года. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 39. Л. 140. Оpubл. в: Костырченко Г.В. (сост.) Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации. 1938 – 1953. М.: МФД, 2005. С. 138.

⁷ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О роспуске объединений еврейских писателей и о закрытии альманахов на еврейском языке» от 8 февраля 1949 года. Оpubл. в: Наджафов Д.Г. (ред.) Сталин и космополитизм. Документы Агитпропа ЦК КПСС. 1945 – 1953. М.: МФД, 2005. С. 263–265.

стырченко так объяснил взаимосвязь между кампанией по публичной дискредитации и репрессивными мерами: «То были две стороны одной медали. Шумная пропагандистская кампания, бичующая оторвавшихся от родной почвы антипатриотов, находилась в центре всеобщего внимания и прикрывала, прежде всего от мировой общественности, негласную репрессивную акцию против еврейской интеллигенции. Скоординированные пропагандистская и полицейская атаки оказывали на тогдашнее советское общество ни с чем не сравнимый психологический эффект»¹. Кульминацией данной кампании стало дело еврейских «врачей—вредителей», прекращенное лишь после смерти Сталина в марте 1953 года.

Послесталинская эпоха была отмечена некоторой сменой парадигмы. В то время как на фоне усиливающегося противостояния с Западом в атмосфере холодной войны основной враг советской власти оказывался за пределами СССР, внутренний враг в качестве остаточного явления в бесклассовом обществе продолжал нести в себе угрозу «идеологической диверсии» или подрывной деятельности против советского государства под влиянием западного империализма и капиталистических идей. Как предупреждал в начале 1960-х Ф.Д. Бобков, тогдашний руководитель отдела Второго Главного управления КГБ, а с 1969 года — многолетний начальник Пятого управления по борьбе с «идеологической диверсией», «не имея социальной базы для развертывания широкой подрывной работы против нашей страны, империалисты стремятся активизировать подрывную деятельность отдельных антисоветских элементов»². Так фигура «врага», центральная для советского тоталитарного сознания, сохранилась и после смерти Сталина, лишь поменяв обличье. Став менее открытым и более уклончивым, этот новый враг требовал более сложных методов подавления и нейтрализации.

Роль органов госбезопасности в терроре. Правоприменительные практики советских судебных и внесудебных органов

Преследования по признаку принадлежности к той или иной группе (социальной, этни-

ческой, профессиональной и проч.), широкое использование внесудебных органов в ведении тайной полиции, принятие противоправных нормативных актов и постановлений, нарушающих не только принципы международного права, но и противоречащих юридическим нормам советской правовой системы, избирательное правоприменение, придание обратной силы законам, произвольное использование права в качестве инструмента власти, постоянное расширение диапазона применения уголовного права и ужесточение наказания³, нарушение принципа справедливости при вынесении уголовных приговоров — эти и другие правоприменительные практики составляли основу политических репрессий с момента основания советского режима.

Как отмечал юрист В.С. Нерсисянц, в советской юриспруденции имела место почти тотальная «политизация правопонимания» в сочетании с признанием «особого качества» советского права, на деле оборачивавшегося отрицанием права как такового. «Сведение советского права к форме политики пролетариата по существу означало отрицание права как самостоятельного и специфического феномена, отличного и независимого от политики пролетарской диктатуры. В этом подходе не право определяло форму политики, а политика определяла право, правовую форму регламентации. Право, таким образом, полностью подменялось политикой, политической целесообразностью, текучкой и конъюнктурой политики переходного периода», — пояснял юрист⁴.

Яркой иллюстрацией подобной «политизации правопонимания» может послужить письмо, направленное Лениным наркому юстиции Д.И. Курскому в мае 1922 года. В письме шла речь о необходимости законодательного урегулирования террора: «Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас. Формулировать надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле, более или менее широкого»⁵.

Как следствие подобных установок повсеместно практиковалась фабрикация уголовных

¹ Костырченко Г.В. В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие: Документальное исследование. М.: Международные отношения, 1994. С. 178.

² Бобков Ф.Д. Идеологическая диверсия империализма против СССР и деятельность органов КГБ по борьбе с ней. Тезисы доклада, 1963 год. Особый архив Литвы. LYA. К. 1. Ар. 10. В. 325, л. 25. [Электронный ресурс]. <<http://www.kgbdocuments.eu/index.php?4168526230>>

³ Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М.: РОССПЭН, 2008. С. 436, 444.

⁴ Нерсисянц В.С. Философия права: Учеб. для вузов. М.: Норма, 2005. С. 263, 270.

⁵ Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 45. М.: Политиздат, 1977. С. 190–191.

дел на основе расширительных формулировок статей республиканских Уголовных кодексов (УК), а также сфальсифицированных доказательств. Неопределенность таких понятий, как «контрреволюционные преступления», «общественно опасные действия» и т.п., неясность юридического содержания целого ряда включенных в УК составов преступлений открывали неограниченные возможности их расширительного толкования и свободы усмотрения правоприменительных органов. Особая роль при этом отводилась статье 58 УК РСФСР 1926 года (и ее аналогам в УК других союзных республик), превращенной в один из главных инструментов политических репрессий как в СССР, так и в странах, оказавшихся в зоне советского влияния во время и после Второй мировой войны.

Как уже было отмечено, в Советской России уголовное преследование за «контрреволюцию» практиковалось с первых дней советской власти. Особенную часть вступившего в силу 1 июня 1922 года УК РСФСР открывала Глава I «Государственные преступления», содержащая два раздела: «О контрреволюционных преступлениях» (ст. 57–73) и «О преступлениях против порядка управления» (ст. 74–104). 25 февраля 1927 года в новой редакции УК РСФСР вступила в силу статья 58 «Контрреволюционные преступления», включавшая 14 пунктов. Она оставалась в силе до 1960 года, став символом советского политического правосудия. «Нет такого проступка, помысла, действия или бездействия под небесами, которые не могли бы быть покараны дланью 58-й статьи, — писал А.И. Солженицын в “Архипелаге ГУЛАГ”». — Сформулировать ее так широко было невозможно, но оказалось возможно так широко ее истолковать. 58-я статья не составила в кодексе главы о политических преступлениях, и нигде не написано, что она “политическая”. Нет, вместе с преступлениями против порядка управления и бандитизмом она сведена в главу “преступлений государственных”. Так Уголовный кодекс открывается с того, что отказывается признать кого-либо на своей территории преступником политическим — а только уголовным»¹.

Хотя полные данные об осужденных за контрреволюционные и другие особо опасные государственные преступления до сих пор не рассекречены, по имеющейся официальной статистике МВД СССР за 1921–1953 годы раз-

личными внесудебными органами (Коллегией ОГПУ, «тройками» НКВД, Особым совещанием, Военной коллегией) было осуждено 4 060 306 человек². Если прибавить к этой цифре осужденных за контрреволюционные преступления обычными судами и военными трибуналами (по имеющимся сведениям, таковых было 1,1–1,2 млн), то общее число достигнет приблизительно 5,1–5,3 млн человек³. По подсчетам общества «Мемориал», осужденных по политическим мотивам в СССР было 5,5 млн человек, из которых примерно 1,1 млн были расстреляны⁴.

Важным средством постоянного ужесточения репрессивной политики в СССР являлись секретные указы и постановления высших органов власти — ЦК ВКП (б), Совнаркома и ЦИКа, — санкционировавшие различные операции по массовым арестам и депортациям, а также приказы и ведомственные инструкции органов госбезопасности. Эти негласные распоряжения «директивных органов», игравшие роль «надстроек» над Уголовным и Уголовно-

² Письмо Генерального прокурора СССР Р.А. Руденко, министра внутренних дел СССР С.Н. Круглова и министра юстиции СССР К.П. Горшенкина 1-му секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву о пересмотре дел на осужденных за контрреволюционные преступления от 1 февраля 1954 г. ГАРФ. Ф. 94016. Оп. 26. Д. 4506. Лл. 30–37. Оpubл. в: *Кокурин А.И., Петров Н.В.* (сост.). ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918–1960. М.: МФД, 2000. С. 147–151. Справки 1 спецотдела МВД СССР о количестве арестованных и осужденных в период 1921–1953 гг. от 11 декабря 1953 года. Оpubл. в: Там же. С. 431–435.

³ Справки Спецотдела МВД СССР о количестве арестованных и осужденных органами ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ СССР в 1930–1953 гг., составленная полковником Павловым 11 декабря 1953 г. ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 4157. Л. 201–205. Оpubл. в: *Козлов В.А.* (отв. ред.) История сталинского ГУЛАГа: конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: собрание документов: в 7 т. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. М.: РОССПЭН, 2004. С. 608–609. Статистические сведения Отдела по подготовке ходатайств о помиловании при Президиуме Верховного Совета СССР о числе лиц, осужденных специальными судами СССР (военными трибуналами, транспортными и лагерными судами) и судебными органами союзных республик за период с 1940 г. по первую половину 1955 г. ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 4408. Л. 8–10. Оpubл. в: Там же. С. 610–612. См. также: *Колосов Н.Е.* К оценке масштаба сталинских репрессий // Полит.ру, 11 декабря 2007 года. [Электронный ресурс]. <<http://polit.ru/article/2007/12/11/repressii/>> Ссылаясь на данные анализа статистики союзных и областных управлений КГБ СССР, проведенного в Центральном архиве КГБ СССР в 1988 году, историк А.Л. Литвин приводит данные, согласно которым в 1918–1953 гг., органами ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ были арестованы 4 308 487 человек, из них 835 194 расстреляны. По этим же данным, в лагерях погибло около 1 760 тыс. человек. *Литвин А.Л.* Российская историография большого террора [Электронный ресурс]. <<http://www.infran.ru/vovenko/60yearsww2/demogr7.htm>>

⁴ *Охотин Н.Г., Рогинский А.Б.* О масштабе политических репрессий в СССР при Сталине: 1921–1953 // Демоскоп Weekly. № 313–314. 2007. 10–31 дек. [Электронный ресурс]. <<http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0313/analit01.php#1>>

¹ *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. Т. 1. М.: ИНКОМ НВ, 1991. С. 51–52.

процессуальными кодексами, представляли грубое нарушение общепринятых процессуальных норм, юридических гарантий и норм судопроизводства.

Например, постановление Президиума ЦИК СССР от 21 ноября 1929 года, объявлявшее вне закона советских граждан, оказавшихся за границей, открыто придавало только что введенным нормам обратную силу. Отныне любой отказ вернуться в СССР расценивался «как перебежка в лагерь врагов рабочего класса и крестьянства» и квалифицировался как измена. В случае обнаружения «невозвращенец» подлежал по приговору Верховного суда СССР расстрелу «через 24 часа после удостоверения его личности», а его имущество конфисковалось¹.

Еще одним инструментом репрессивной политики режима служил «упрощенный» порядок судопроизводства. Особенную известность в этой связи приобрело постановление ЦИК и СНК СССР от 1 декабря 1934 года, принятое в день убийства первого секретаря Ленинградского обкома ВКП (б) С.М. Кирова². Оно вводило порядок внесудебного вынесения приговоров, устанавливало, что следствие по делам о террористических организациях и терактах должно вестись в ускоренном режиме (до 10 дней); рассмотрение же дел в суде должно проходить в упрощенном порядке: заочно, без участия сторон и без вызова свидетелей. Не допускались ни кассационное обжалование, ни подачи ходатайств о помиловании; смертные приговоры должны были приводиться в исполнение немедленно. Хотя первоначально постановление применялось эпизодически, расширение масштаба упрощенного порядка вынесения приговоров совпало с назначением на пост наркома СССР Н.И. Ежова осенью 1936 года и стало проводиться на регулярной основе с февраля 1937 года.

Тысячи людей подвергались преследованиям на основании «объективного вменения», то есть привлекались к уголовной ответственности без установления их вины. Согласно статье 7 УК РСФСР 1926 года, меры социальной защиты (наказание) применялись не только «в отноше-

нии лиц, совершивших общественно опасные действия», но и в отношении лиц, «представляющих опасность по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности»³. Наиболее широкое распространение объективное вменение получило при репрессировании супругов и прочих родственников тех, кто обвинялся в измене родине и других контрреволюционных преступлениях (они осуждались исключительно как «члены семей изменников родины», ЧСИР). Начало этой практике положило постановление ЦИК от 8 июня 1934 года⁴. С тех пор репрессии в отношении членов семей «врагов народа» осуществлялись на основании статей 58-1в и 58-12 УК РСФСР, а также секретных партийных постановлений, приказов НКВД и других ведомственных инструкций⁵. Хотя точные статистические сведения о жертвах по принципу коллективной ответственности до сих пор неизвестны, в доступной записке наркома внутренних дел Н.И. Ежова и его заместителя Л.П. Берии Сталину от 5 октября 1938 года говорится, что «по неполным данным, [было] репрессировано свыше 18 000 жен арестованных предателей»⁶.

Неотъемлемой частью механизма массовых репрессий также являлись различные внесудебные органы в ведении органов госбезопасности — чрезвычайные комиссии, «тройки», «двойки» и проч., — наделенные правом выносить приговоры в упрощенном порядке, без соблюдения процессуальных норм. Так, в 1924–1934 годы в ОГПУ существовали два органа внесудебной расправы: Коллегия ОГПУ, выносившая во внесудебном порядке решения о применении смертной казни, и Особое совещание (ОСО) Коллегии ОГПУ, уполномоченное отправлять в ссылку и заключать в концлагеря сроком до трех лет⁷. Особое совещание продолжило функци-

¹ Постановление Президиума ЦИК СССР от 21 ноября 1929 года «Об объявлении вне закона должностных лиц — граждан Союза ССР за границей, перебежавших в лагерь врагов рабочего класса и крестьянства и отказывающихся вернуться в Союз ССР» // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. № 277. 1929. 22 нояб.

² Постановление ЦИК СССР «О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов» от 1 декабря 1934 года. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 12. Д. 516. Л. 4. Опубли. в: *Кокурин А.И., Петров Н.В.* (сост.). ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918–1960. М.: МФД, 2000. С. 95.

³ Постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. в редакции 1926 года» (вместе с Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.) // СУ РСФСР. № 80. 1926. С. 600.

⁴ Постановление ЦИК СССР от 08.06.1934 «О дополнении Положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления) статьями об измене родине» // СЗ СССР. № 33. 1934. С. 255.

⁵ *Иванова Г.М.* История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М.: Наука, 2006. С. 83–84.

⁶ Спецсообщение Н.И. Ежова и Л.П. Берии И.В. Сталину об арестах жен изменников родины. 15 октября 1938 г. АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 366. Л. 78–79. Опубли. в: *Хаустов В.Н.* и др. (сост.) Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М.: МФД, 2004. С. 563.

⁷ *Кокурин А.И., Петров Н.В.* (сост.). Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. М.: МФД, 2003. С. 37.

онировать и после вхождения ОГПУ в состав НКВД в 1934 году и просуществовало до сентября 1953-го, получив осенью 1941-го право приговаривать к расстрелу. За весь период своего существования ОСО было осуждено более 650 тыс. человек¹.

Функцию внесудебного органа также выполняла Военная коллегия Верховного суда (ВК ВС) СССР, которая в 1937–1938 годы выносила приговоры (в подавляющем большинстве — смертные) на основании списков, составленных органами НКВД и санкционированных лично Сталиным и другими членами Политбюро ЦК ВКП (б)². По отчетам ВК ВС, за период 1934–1955 годов ею было осуждено 47 549 человек, из них за период с 1 октября 1936 года по 30 сентября 1938 года были приговорены к расстрелу 31 456 человек, к лишению свободы — 6 857 человек³.

Механизм проведения арестных кампаний, основанных на разнарядках или «лимитах» с привлечением внесудебных органов, был разработан в рамках антикрестьянской кампании 1930–1931 годов, получившей название операции по раскулачиванию. На основании постановления Политбюро ЦК ВКП (б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 года и приказа ОГПУ № 44/21 «О мероприятиях по ликвидации кулачества как класса» от 2 февраля 1930 года выделялись три категории подлежащих репрессированию так называемых кулаков (под это определение на практике попадали не только наиболее зажиточные крестьяне, но и недовольные политикой властей или заподозренные в нелояль-

ности середняки и даже бедняки). Крестьяне, отнесенные к первой категории («контрреволюционный кулацкий актив») подлежали ликвидации путем заключения в концлагеря или расстрела. Попавшие во вторую категорию («остальные элементы кулацкого актива») высылались в отдаленные местности, в третью — расселялись на неудобных землях вне пределов колхозов⁴.

Для рассмотрения дел «кулаков первой категории» в Полномочных представительствах ОГПУ на местах создавались «тройки» в составе членов ОГПУ, соответствующих комитетов ВКП(б) и прокуратуры, а для руководства операцией по выселению — «оперативные тройки». Состав «троек» утверждался председателем ОГПУ. В исключительном ведении Управления также находились списки, составлявшиеся на основе оперативных сведений об «антисоветских элементах», которые в течение многих лет собирались органами госбезопасности⁵.

Первоначальные лимиты на аресты в 60 тыс. человек и на высылку в 150 тыс. были многократно превышены уже на первом этапе операции. С 1 января по 1 октября 1930 года ОГПУ было арестовано более 283 тыс. «кулаков первой категории»⁶. Число высланных в рамках операции по раскулачиванию крестьян только в 1930–1931 годы составило 1 803 392 человека⁷. По разным данным, через «кулацкую ссылку» прошли около 2,05–2,5 млн человек⁸. В местах ссылки в 1930-е годы от голода, болезней и невыносимых условий погибли около 600 тыс. переселенцев⁹.

¹ Особым Совещанием при НКВД СССР в период с 5 ноября 1934 года по 1 сентября 1953 года было осуждено 442 531 человек, в том числе к высшей мере наказания 10 101 человек, к лишению свободы 360 921 человек, к ссылке и высылке (в пределах страны) 67 539 человек и к другим мерам наказания (зачет времени нахождения под стражей, высылка за границу, принудительное лечение) 3970 человек. См.: Докладная записка С.Н. Круглова и Р.А. Руденко Н.С. Хрущеву о пересмотре дел осужденных особым совещанием при НКВД — МГБ СССР от 8 декабря 1953 года. АП РФ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 109. Л. 1–3. Оpubл. в: *Артизов А.Н. и др.* (сост.) Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы: в 3 т. Т. 1. Март 1953 — февраль 1956. М.: МФД, 2000. С. 72–74.

² Списки с именами людей, осужденных по личной санкции И.В. Сталина и его ближайших соратников по Политбюро ЦК ВКП(б) (Сталинские расстрельные списки) из Архива Президента РФ опубликованы на сайте Международного Мемориала по ссылке: [Электронный ресурс]. <<http://stalin.memo.ru>>. В списках значится 44,5 тыс. имен.

³ Справка о количестве осужденных Военной коллегией Верховного суда СССР в 1934–1955 гг. Оpubл. в: *Кокурин А.И.; Петров Н.В.* (сост.) ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918–1960. М.: МФД, 2000. С. 435.

⁴ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 года. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 64–69. Оpubл. в: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 2. ноябрь 1929 — декабрь 1930. М.: РОССПЭН, 2000. С. 126–130.

⁵ *Верт Н.* Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М.: РОССПЭН, 2010.

⁶ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы Т. 2. Ноябрь 1929 — декабрь 1930. М.: РОССПЭН, 2000. С. 704.

⁷ Справка № 1 Особого отдела ОГПУ о количестве выселенного кулачества в 1930 и 1931 гг. ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 79. Л. 2. Оpubл. в: Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. Т. 3. 1930–1934. Кн. 2. 1932–1934. М.: РОССПЭН, 2005. С. 771.

⁸ *Полян П.М.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ-Мемориал, 2001. С. 73–74. *Земсков В.Н.* Кулацкая ссылка в 1930-е годы // Социологические исследования. № 10. 1991. С. 3–21. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960: Автореф. дис. ... д-ра ист.-наук. М., 2005. С. 34–35.

⁹ *Khlevniuk Oleg V.* The History of the Gulag: From Collectivization to the Great Terror. New Haven; London: Yale University Press, 2004. P. 327.

Насильственная политика раскулачивания, принудительной коллективизации и повсеместного изъятия зерна на государственные заготовки привела к жесточайшему голоду в основных зерновых районах страны. По официальным российским данным, в 1932–1933 годы от голода умерли 7 млн человек¹. Наибольшие потери понесла Украина, где число умерших достигло 4–4,5 млн человек². Колоссальный уровень смертности был также на Северном Кавказе, в Нижнем Поволжье и Казахстане, в этих регионах потери составили примерно по 1 млн жителей³.

В разгар голода были приняты репрессивные меры, жестоко каравшие за хищение колхозной и иной государственной собственности (под это понятие подпадали в том числе собраные голодающими крестьянами колосья или картофелины, оставшиеся после сбора урожая на колхозном поле, — отсюда название, которое постановления ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 года получило в народе, — «закон о трех колосках», или «семь восьмых», по дате издания указа)⁴. Наказанием за хищение государственной собственности назначался расстрел с конфискацией имущества, который при смягчающих обстоятельствах мог быть заменен лишением свободы сроком не менее 10 лет с конфискацией. По некоторым сведениям, всего по «закону семь восьмых» в 1932–1939 годы были осуждены 200 тыс. человек, 11 тыс. из них приговорены к смертной казни⁵.

Раскручивание маховика массовых репрессий привело к расширению советской лагерной системы принудительного труда и ее переходу под контроль органов госбезопасности. 11 июля 1929 года СНК СССР принял постановление «Об использовании труда уголовно-заключен-

ных», по которому все осужденные сроком от трех лет лишения свободы передавались в ведение ОГПУ. 25 апреля 1930 года приказом ОГПУ № 130/63 (во исполнение постановления СНК СССР «Положение об исправительно-трудовых лагерях» от 7 апреля 1930 года) было организовано Управление исправительно-трудовых лагерей⁷, преобразованное 1 октября того же года в Главное управление исправительно-трудовых лагерей (ГУЛАГ) в структуре ОГПУ, а с 1934 года — НКВД⁸. Через ГУЛАГ, ставший символом бесправия, рабского труда и произвола в советском обществе, прошли по меньшей мере 20 млн человек⁹, из них 1 606 748, по официальным данным, умерли в заключении в период 1930–1956 годы¹⁰.

Таким образом, два взаимосвязано существовавших репрессивных плана — режим террора и лагерная система — стали ключевыми социокультурными составляющими советского тоталитаризма. По мнению социолога Л.Д. Гудкова, режим террора, реализуемый институтами тайной полиции, составлял «негласную, необсуждаемую область социальных значений, определяющих массовое поведение, подобно традиционным регуляторам и механизмам (устным образом, некодифицированно, воспроизводясь исключительно в ходе межличностного взаимодействия)»¹¹. В свою очередь, угроза лагеря (превращение в «лагерную пыль») представляла собой «не просто постоянный горизонт происходящего в стране и минусовую точку отсчета шкалы социальных позиций», но образовывала «ценностный негатив по отношению

¹ Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 2 апреля 2008 года № 262-5 ГД «О заявлении Государственной Думы Федерального Собрания РФ «Памяти жертв голода 30-х годов на территории СССР»». [Электронный ресурс]. <<https://duma.consultant.ru/page.aspx?955838>>

² Rudnytsky, Omelian; Levchuk Nataliia; Wolowyna Oleh; Shevchuk Pavlo; Kovbasiuk Alla. Demography of a man-made human catastrophe: The case of massive famine in Ukraine 1932–1933 // Canadian Studies in Population. Vol. 42. No. 1–2. 2015. P. 53–80.

³ Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание: (начало 30-х годов). М.: Магистр, 1996. С. 224. Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ-Мемориал, 2001. С. 78.

⁴ Постановления ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 года «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» // СЗ СССР. № 62. 1932. С. 360.

⁵ Elman Michael. Stalin and the Soviet Famine of 1932–33 Revisited // Europe-Asia Studies, Vol. 59. No. 4. June 2007. P. 668.

⁶ Кокурин А.И., Петров Н.В. (сост.). ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1960: Справочник. М.: МФД, 1997. С. 64–65.

⁷ Постановление СНК СССР от 7 апреля 1930 года «Положение об исправительно-трудовых лагерях». ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 54. Лл. 52–66. Типографский экземпляр. Оpubл. в: Кокурин А.И., Петров Н.В. (сост.) ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918–1960. М.: МФД, 2000. С. 65–72.

⁸ Кокурин А.И., Петров Н.В. (сост.). ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1960: Справочник. М.: МФД, 1997. С. 47.

⁹ По подсчетам историка Э. Бэкона (на основании данных о поступлении и выбытии узников, опубликованных В.Н. Земсковым), в 1934–1952 гг. через лагерь ГУЛАГа и колонии прошло около 18 млн заключенных. Bacon Edwin. The Gulag at War. Stalin's Forced Labour System in the Light of the Archives-Palgrave Macmillan UK, 1996. P. 37. По мнению Н.Е. Копосова, эта цифра должна быть увеличена на 1–2 млн, если добавить заключенных, содержащихся в тюрьмах. Копосов Н.Е. К оценке масштаба сталинских репрессий // Полит.ру. 2007. 11 дек. [Электронный ресурс]. <<http://polit.ru/article/2007/12/11/repressii/>>

¹⁰ Справка о смертности заключенных в системе ГУЛАГа за период 1930–1956 гг. ГАРФ. Ф. 9414. Кокурин А.И., Петров Н.В. (сост.) ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918–1960. М.: МФД, 2000. С. 441–442.

¹¹ Гудков Л.Д. «Тоталитаризм» как теоретическая рамка: попытки ревизии спорного понятия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 6 (56). 2001. С. 13–30.

ко всем декларативным официальным ценностям и принципам», служа объяснительным смыслом ее «конституции, ее чрезвычайности и жесткости, воспроизводя и ретранслируя подразумеваемый, но никогда не формулируемый резидуум социального знания и компетенций, представлений о природе данного общества»¹.

По мере расширения репрессивной политики в 1936–1938 годы по указанию Сталина органами НКВД в Москве были организованы три больших показательных судебных процесса над бывшими высшими функционерами партии, в 1920-е принадлежавшими к внутривластной оппозиции. На первом процессе по делу «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра», который состоялся в августе 1936 года, все 16 подсудимых, включая бывших лидеров партии Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева, были приговорены ВК ВС СССР к расстрелу. Этот процесс дал сигнал к началу очередной массовой партийной «чистки», за которой последовала волна репрессий в армии и оборонной промышленности (в июне 1937 года состоялся суд по делу «антисоветской троцкистской военной организации», известному как «дело Тухачевского» и др.).

«Большой террор» представлял собой, словами историка О.В. Хлевнюка, «серии централизованных карательных операций против различных категорий населения, рассматривавшихся руководством СССР в качестве потенциальных или реальных “врагов” режима»². На основании постановления Политбюро ЦК ВКП (б) «Об антисоветских элементах» от 2 июля 1937 года и оперативного приказа НКВД СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» от 30 июля 1937 года в каждый регион спускались лимиты по числу лиц, подлежащих аресту, а создаваемым на местах «спецтроякам» (в составе руководителей местных органов НКВД, первых секретарей соответствующих комитетов ВКП(б) и либо местных прокуроров, либо руководителей местных исполкомов) предоставлялось право выносить приговоры по «первой категории», то есть приговаривать к расстрелу, и по «второй категории», то есть заключать в лагеря сроком 8–10 лет. В рамках операции территории республик, краев и областей делились на оперативные сектора, в каждом из которых форми-

ровались оперативные группы, возглавляемые ответственным работником республиканского, краевого или областного управления НКВД. Оперативным группам отводилась центральная роль в организации и проведении операции: начальники групп осуществляли «руководство учетом и выявлением подлежащих репрессированию, руководство следствием, утверждение обвинительных заключений и приведение приговоров троек в исполнение»³. Списки кандидатов на арест, составленные оперативной группой (на основании «установочных данных и компрометирующих материалов»), утверждались начальниками соответствующих УНКВД республик, краев и областей. Санкции прокурора при этом не требовалось. Всего «тройками» с августа 1937-го по ноябрь 1938-го было осуждено 767 397 человек, из них — 386 798 по «первой категории»⁴.

Наряду с «тройками» в течение 1937–1938 годов действовали «двойки» в составе наркомов внутренних дел республик или начальников краевых и областных управлений НКВД совместно с республиканскими, краевыми и областными прокурорами (на общесоюзном уровне работала главная «двойка», официально именуемая Комиссией НКВД и прокурора СССР). Создание этих внесудебных структур предусматривалось приказом НКВД от 11 августа 1937 года «Об операции по репрессированию членов польской военной организации в СССР»⁵. В ходе операции рассмотрение дел производилось заочно, по подшитым в специальные «альбомы» спискам. Такой механизм «альбомного» порядка оформления дел применялся впоследствии при проведении, по крайней мере, десяти аналогичных «национальных операций» 1937–1938 годов (румынской, латышской, эстонской, финской и др., а также харбинской).

³ Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел СССР Н.И. Ежова № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» от 30 июля 1937 г. Оpubл. В: Довбни О.А., Макарова Л.С. (ред.). Через трупы врага на благо народа. «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–1941 гг.: в 2 т. Т. 1. 1937 г. М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина»: ГИИМ, 2010. С. 99–115.

⁴ Петров Н.В., Сидоров Н.А. (сост.) Сталинский план по уничтожению народа. Подготовка и реализация приказа НКВД № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» // Альманах Фонда А.Н. Яковлева, 2010. [Электронный ресурс]. <<http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-intro/1005111>>

⁵ Оперативный приказ Народного комиссара внутренних дел Союза ССР № 00485. 11 августа 1937 г. Оpubл. в: Хаустов В.Н. и др. (сост.) Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М.: МФД, 2004. С. 301–303.

¹ Там же.

² См.: Хлевнюк О.В. Государственный террор в 1930-е годы. История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР. М.: Издательство объединения «Мосгорархив», 2002. С. 120.

Ужесточение репрессивной политики в годы «Большого террора» было связано и с увеличением сроков лишения свободы: в 1937 году предельный срок заключения вырос с 10 до 25 лет¹.

Не прекратились карательные операции органов госбезопасности и в годы Второй мировой войны. В этот период органами военной контрразведки, проводившими фильтрационную проверку военнослужащих, а также советских и иностранных граждан на территориях, освобожденных Красной армией (с целью выявлением среди них «изменников», «шпионов» и «дезертиров»), были арестованы 700 тыс. человек, из которых 70 тыс. были расстреляны².

Также в годы войны органами НКВД в административном порядке были вновь проведены массовые депортации: на этот раз принудительному переселению с мест их исторического проживания подверглись целые народы (по некоторым оценкам, были репрессированы представители 61 этнической группы, включая калмыков, ингушей, чеченцев, карачаевцев, балкарцев, крымских татар, турок-месхетинцев, греков, болгар, крымских цыган, курдов, а также немцев, поляков, жителей аннексированных Советским Союзом Латвии, Эстонии и Литвы). По подсчетам В.Н. Земскова, общее число депортированных в рамках национальных операций составило примерно 3,5 млн человек³. Всего же за период 1930–1953 годов, включая «кулацкую ссылку» и депортации по национальному признаку, по оценкам демографа А.Г. Вишневского, было выслано не менее 6,4 млн человек⁴.

Накануне и в годы войны был принят целый ряд крайне репрессивных «трудовых указов», жестко карающих за такие действия, как самовольный уход с предприятий и учреждений, прогулы и опоздания (особенную известность в этой связи получил указ, изданный Президиумом Верховного Совета СССР 26 июня 1940 года)⁵. Как уточнялось в ранее изданном

совместном разъяснении СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС, прогулом считалось в том числе и опоздание на работу более чем на 20 минут⁶. С 1940 года до отмены указа в 1956-м за самовольный уход с предприятий и учреждений были осуждены 3,3 млн человек, за прогулы и опоздания — 11,3 млн⁷. Всего по трудовым указам были осуждено 17,9 млн человек, 4,1 млн из них приговорены к лишению свободы, остальные — к штрафам или/и исправительно-трудовым работам (ИТР)⁸.

После войны и очередного страшного года 1946–1947 годов, унесшего не менее 1 млн жизней, для принуждения крестьян к ударному и фактически бесплатному труду в колхозах в июне 1948 года был принят указ «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни». Согласно указу, невыработка обязательного минимума трудовой каралась ссылкой в отдаленные местности без решения суда, лишь по приговору общих собраний колхозников⁹. По такому принципу были сосланы более 33 тыс. человек, за которыми последовали в ссылку более 13 тыс. членов их семей¹⁰.

Хотя принятие различных неправовых «трудовых» указов, законов военного времени, указа «семь восьмых» и проч. происходило в контексте тотальной политизации права, явной зависимости принимаемых норм от ужесточения репрессивной политики компартии и было связано с тоталитарной природой государства, советская власть трактовала нарушения перечисленных «законов» в качестве исключительно уголовных деяний. Примечательно, что такая трактовка, навязанная государством, раз-

¹ Постановление ЦИК СССР от 2 октября 1937 года «Об изменении ст. 18 «Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик» // СЗ СССР. № 66. 1937. С. 297.

² Эти цифры приводятся историком Н.В. Петровым в статье: Рожнов К. «СМЕРШ»: контрразведка или орудие репрессий? // BBC Russian.com, 2003. 16 апр. [Электронный ресурс]. <<http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/life/newsid2954000/2954799.stm>>

³ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. С. 34.

⁴ Вишневский А.Г. (ред.) Демографическая модернизация России, 1900–2000. М.: Новое издательство, 2006. С. 423.

⁵ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» // Ведомости Верховного Совета СССР. № 20. 1940.

⁶ Разъяснение СНК СССР, ЦК ВКП(б) и Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов о взысканиях за опоздание на работу // Правда. № 9(7694). 1939. 9 янв. С. 1.

⁷ Рогинский А.Б. Сталинизм: цифры и мифы. Интервью // Эхо Москвы. 2010. 14 авг. [Электронный ресурс]. <<https://echo.msk.ru/programs/staliname/696621-echo/>>

⁸ Сборник действующих постановлений пленума Верховного суда СССР. 1924–1957 гг. / Под ред. Н.К. Морозова. М.: Госюриздат, 1958. Цит. по: Колпосов Н.Е. К оценке масштаба сталинских репрессий // Полит.ру. 2007. 11 дек. [Электронный ресурс]. <<http://polit.ru/article/2007/12/11/repressii/>>

⁹ Указ Президиума ВС СССР от 2 июня 1948 г. «О выселении лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в колхозах и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни. [Электронный ресурс]. <<http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/480602.htm>>

¹⁰ Жирнов Е. Внушить полезный страх // Коммерсант. 2011. 25 апр. [Электронный ресурс]. <<https://www.kommersant.ru/doc/1618579>>

делялась и обществом, проникнув даже в российский закон о реабилитации 1991 года: по этому закону осужденные по трудовым указам, указу «семь восьмых», лишённые прав на основании советской Конституции, осуждённые за однополюсные отношения¹ и другие категории жертв советской репрессивной политики не подлежали реабилитации.

После смерти Сталина партийное руководство провозгласило возврат к социалистической законности, в целом отказавшись от внесудебных, квазисудебных и административных мер и отменив наиболее одиозные репрессивные указы и постановления сталинского периода. Деятельность Особого совещания при МГБ СССР была завершена в сентябре 1953 года и с тех пор не возобновлялась. Выступая с докладом на XX съезде КПСС в феврале 1956 года, Н.С. Хрущёв многократно делал акцент на необходимости укрепления принципа социалистической законности, а также «ленинского принципа коллективности руководства в партии», «восстановления выработанных Лениным норм партийной жизни, которые прежде часто нарушались»².

Более того, в новой программе партии, объявленной на XXII съезде КПСС в октябре 1961 года, был провозглашён переход от государства «диктатуры пролетариата» к «общенародному государству»: согласно новому официальному толкованию, «диктатура пролетариата», обеспечившая «полную и окончательную победу социализма — первой фазы коммунизма — и переход общества к развёрнутому строительству коммунизма» на новом, современном этапе превращалась в «орган выражения интересов и воли всего народа»³. Однако, как справедливо отмечает В.С. Нерсесянц, подобные заявления носили по существу декларативный и пропагандистский характер, поскольку изменения фактически «не затронули социальные и экономические характеристики общества, фундаментальные принципы, функции и структуры диктатуры пролетариата и его репрессивно-приказной регулятивной

¹ Имеются ввиду осуждённые на основании статьи 154 УК РСФСР 1926 года («Мужеложество»), и позднее — статьи 121 УК РСФСР 1960 года, предусматривавшей лишение свободы на срок до 5 лет, а при отягчающих обстоятельствах — до 8 лет.

² См.: XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 года. Стенографический отчет. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1956. С. 94, 101.

³ См.: XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчет. Ч. III. М.: Госполитиздат, 1962. С. 303.

системы»⁴. По мнению эксперта, «в советской юридической науке, за очень редким исключением, продолжали господствовать слегка словесно модернизированные, но по существу прежние представления о праве вообще и советском социалистическом праве как совокупности (или системе) правил поведения (норм), установленных государством и обеспеченных его принуждением»⁵.

Несмотря на частичные изменения в законодательстве, призывы к укреплению социалистической законности, мероприятия «по преодолению последствий культа личности Сталина» и половинчатую реабилитацию репрессированных, основные институты советской тоталитарной системы, прежде всего бессменная, единолично правящая партия и институт тайной полиции были сохранены в период правления Хрущёва, а правовое государство так и не было создано. Жизнь советских граждан продолжала регламентироваться секретными постановлениями «директивных органов» и различными ведомственными приказами.

Прекращение массовых репрессий и решение поставить органы госбезопасности под коллективный контроль Политбюро (а не одного генерального секретаря, как было при Сталине) было продиктовано стремлением номенклатуры к самосохранению, страхом перед повторением «Большого террора», когда под каток репрессий попали многие партийные функционеры и члены номенклатуры.

Организованный в марте 1954 года Комитет государственной безопасности (КГБ) при Совете Министров СССР продолжил борьбу с «врагами» партии уже в новых условиях. Отказавшись от массовых арестов и расстрелов, тайная полиция прибегла к новым методам подавления потенциально нелояльных граждан и инакомыслящих. Эти методы были особенно усовершенствованы в период, когда во главе Комитета стоял Ю.В. Андропов (1967–1982) по инициативе которого в составе КГБ в 1967 году было создано 5-ое Управление по борьбе с идеологическими диверсиями противника. Акцент теперь делался на профилактических мерах воздействия (социальной профилактике), более тщательном социальном контроле с помощью сетей осведомителей и доверенных лиц, а также с помощью структур Первых отделов, формально отвечавших за сохранение режима секретно-

⁴ Нерсесянц В.С. Философия права: Учеб. для вузов. М.: Норма, 2005. С. 305.

⁵ Там же.

сти в большинстве учреждений и предприятий СССР. Широкое применение получили также методы «оперативной психологии», психологического подавления инакомыслящих (особенно тщательно они были разработаны восточногерманским Министерством госбезопасности ГДР (Штази), где получили название мер разложения или деморализации *Zersetzung*).

Уже отмеченная статья 58 УК РСФСР 1926 года и аналогичные статьи уголовных кодексов других союзных республик продолжали использоваться для преследования инакомыслящих до 1960 года, когда вступил в силу новый УК. Хотя в кодексе больше не упоминалась «контрреволюционные преступления», в нем содержалась статья 70 «Антисоветская агитация и пропаганда», предусматривавшая лишение свободы сроком до 7 лет, а для ранее судимых за подобные преступления — до 10 лет. По сути, статья 70, которой нередко сопутствовала статья 72 («Организационная деятельность, направленная к совершению особо опасных государственных преступлений, а равно участие в антисоветской организации»), противоречила статье 125 советской Конституции, гарантировавшей гражданам свободу слова, печати, митингов и собраний. В 1966 году в УК РСФСР появилась статья 190.1 «Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй», также криминализирующая инакомыслие и предусматривающая наказание в виде лишения свободы на срок до 3 лет¹. По данным КГБ СССР, в 1956–1987 годы по статьям 70 и 190.1 УК РСФСР были осуждены 8 152 человека². Причем большинство приговоров (41,5%) пришлось на два первых года хрущевского правления (1957–1958), что лишь подтверждает факт адаптации репрессивных практик в новых условиях, а не их прекращение³.

По закону КГБ обладала правом производства предварительного следствия и дознания по целому ряду дел, отнесенных законом к его ведению. Это касалось почти всех государственных

ных преступлений (включая госизмену, шпионаж, диверсию, разглашение государственной тайны, антисоветскую агитацию и пропаганду и проч.), а также дел о контрабанде и незаконных валютных операциях⁴.

Как представляется, криминализация «антисоветской агитации и пропаганды» и «распространения заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй» с 1960-х годов стала реакцией на начавшиеся процессы усложнения и развития общества, связанные с появлением различных неконтролируемых каналов информации (самиздата, иностранных «голосов»), повышением образовательного уровня в связи с инвестициями в ВПК и попытками создания собственной интеллектуальной, хотя и преимущественно технократической, элиты. В этом смысле террор уже в новых условиях стал реакцией на некоторые изменения социальной структуры. Ее усложнение, расширение системы информации требовали других «технологий» подавления и соответственно их обоснования. В этом контексте борьба с антисоветскими высказываниями стала именно попыткой нейтрализации процесса постепенного усложнения общества, что в очередной раз свидетельствовало о связи репрессивной политики с неправовой природой государства: внеправовой институт тайной полиции был, как и прежде, функционально необходим для сохранения всей целостности тоталитарной системы.

Если основной задачей террора в ленинско-сталинский период являлось «уничтожение эксплуататорских классов», то есть изменение социальной структуры, превращение общества в управляемую, легко поддающуюся воздействию массу, то после смерти Сталина нужды в таком «перемальвании» социума уже не было. К тому моменту все группы, потенциально способные к некоей эмансипации, были уничтожены — от политической оппозиции до частных предпринимателей и крестьян-собственников. Соответственно в 1960-е годы изменилась и технология репрессивной стерилизации элит: обеспечивая общий контроль над населением, инструменты террора были теперь более адресно направлены на определенные группы, главным образом, на возникающую и пытающуюся эмансипироваться так называемую советскую интеллигенцию. Хотя объемы и масштабы репрессий могли варьироваться в зависимости

¹ Указ Президиума ВС РСФСР «О внесении дополнения в Уголовный кодекс РСФСР» от 16 сентября 1966 года // Ведомости ВС РСФСР. № 38. 1966. С. 1038.

² Статистические сведения о числе лиц, осужденных за антисоветскую агитацию и пропаганду и за распространение заведомо ложных сведений, порочащих советский государственный и общественный строй, за период с 1956 по 1987 г. АПРФ. Ф. 3. Оп. 108. Д. 523. Л. 27–34. Оpubл. в: О массовых беспорядках с 1957 г. // Источник. № 6., 1995. С. 153.

³ Козлов В.А. МIRONENKO С.В. (ред.) Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневe 1953–1982 гг. Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР. М.: Материк, 2005. С. 36.

⁴ Закон РСФСР от 27 октября 1960 г. «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» (вместе с Уголовным кодексом РСФСР) // Ведомости ВС РСФСР. № 40. 1960. С. 592.

от политических целей и менявшейся политической конъюнктуры, сами репрессии не прекращались до конца существования советской власти (институциональные функции террора продолжали воспроизводиться).

Постепенно происходил и возврат к административным репрессивным практикам. С 1961 года в СССР преследовались те, кто уклонялся от общественно полезного труда и имел какие-либо нетрудовые доходы более четырех месяцев подряд. На основании указа Президиума Верховного Совета РСФСР «Об усилении борьбы с лицами (бездельниками, тунеядцами, паразитами), уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни», принятого 4 мая 1961 года, такие граждане подвергались «по постановлению районного (городского) народного суда выселению в специально отведенные местности на срок от 2 до 5 лет с конфискацией имущества, нажитого нетрудовым путем, и обязательным привлечением к труду по месту поселения»¹. К середине 1964 года по этому указу было выслано 37 тыс. человек². Наиболее известным случаем использования «закона о тунеядстве» для преследования по политическим мотивам стало дело будущего Нобелевского лауреата по литературе, поэта И.А. Бродского, арестованного в январе и высланного в марте 1964 года из Ленинграда по приговору районного суда. Бродский отбывал ссылку в деревне Норинская Архангельской области, работая разноработчим в совхозе, до октября 1965 года.

Административные меры особенно широко использовались властями в борьбе за «укрепление трудовой дисциплины» в годы нахождения Ю.В. Андропова на посту генерального секретаря КПСС (1982–1984): тогда были ужесточены санкции за прогулы и опоздания, стали привычными проверки граждан сотрудниками милиции с целью выяснить, почему в дневное время те находятся не на работе (дело доходило до проверок и задержаний в кинотеатрах, общественных банях, ресторанах, магазинах и парикмахерских).

Другой отличительной репрессивной практикой, особенно после вторжения в 1968 году советских войск в Чехословакию для подавления «Пражской весны», стало помещение

¹ Указ Президиума ВС РСФСР от 4 мая 1961 года «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни» // Ведомости ВС РСФСР. №18. 1961. С. 273.

² Жирнов Е. «Внушить полезный страх» // Коммерсант. 2011. 25 апр. [Электронный ресурс]. <<https://www.kommersant.ru/doc/1618579>>

инакомыслящих на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения, как по решениям судов, так и во внесудебном порядке, на основании лишь судебно-психиатрической экспертизы. Как правило, принудительной госпитализации подвергались обвиняемые по тем же «политическим» статьям 70 и 190-1. При этом советские психиатры активно сотрудничали с органами госбезопасности, с готовностью ставя соответствующие диагнозы и отправляя здоровых людей на принудительное психиатрическое лечение (в 1983 году за эту практику представители советской психиатрии были исключены из Всемирной психиатрической ассоциации).

Как описывал экспертную процедуру А.П. Подрабинек, по инициативе которого в 1977 году была создана Рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях: «Совесть врача сменилась цинизмом чекиста. Экспертизы как таковой нет. Несколько формальных бесед с обвиняемым достаточно для представления экспертного дела на комиссию»³. Хотя точные данные (как и многие другие, касающиеся деятельности КГБ и его предшественников) до сих пор недоступны для анализа, на основании имеющихся сведений можно говорить о не менее 10–20 тыс. жертвах советской карательной психиатрии⁴.

К неугодным властям общественным активистам и деятелям культуры применялась и такая мера воздействия, как лишение советского гражданства с фактической высылкой из страны, по сути, вернувшая забытый со времен «философского парохода» способ изгнания неудобных интеллектуалов. Как правило, до принудительной высылки последние сталкивались с травлей и существенными ограничениями своей деятельности в Советском Союзе. В 1966–1988 годы за действия, «порочащие высокое звание гражданина СССР и наносящие ущерб престижу или государственной безопасности СССР» (статья 18 Закона о гражданстве СССР), были лишены советского гражданства более 170 человек⁵. В их числе — писатели и поэты И.А. Бродский (1972), А.И. Солженицын (1974), В.Е. Максимов (1975), Т. Венцлова (1977), А.А. Зиновьев (1978), В.П. Некрасов (1979),

³ Подрабинек А.П. Карательная медицина. Нью-Йорк: Хроника, 1979.

⁴ Gershtman Carl. Psychiatric Abuse in the Soviet Union // Society. Vol. 21. No. 5. 1984. P. 54–59. Прокопенко А.С. Безумная психиатрия // Карательная психиатрия: Сборник / Под общ. ред. А. Е. Тараса. Москва; Минск: АСТ, Харвест, 2005. [Электронный ресурс]. <<https://web.archive.org/web/20100219221427/http://h-v-p.boom.ru/book.htm>>

⁵ Стецовский Ю.И. История советских репрессий. М.: Знак-СП, 1997. Т. 1. С. 128.

В.П. Аксенов (1980), В.Н. Войнович (1981), Л.З. Копелев и Р.Д. Орлова (1981), И.Б. Ратушинская (1987), правозащитники В.Н. Чалидзе (1973), П.Г. Григоренко (1978), Н. Шаранский (1986) и Ю.Ф. Орлов (1986), музыканты Г.П. Вишневская и М.Л. Ростропович (1978), мастер спорта по шахматам В.Л. Корчной (1978), художник О.Я. Рабин (1978), режиссер Ю.П. Любимов (1984) и многие другие.

За критику советского вторжения в Афганистан в январе 1980 года по секретному указу Президиума Верховного Совета СССР в административном порядке были высланы из Москвы в закрытый для посещения иностранцами Горький академик А.Д. Сахаров с женой Е.Г. Боннэр¹.

В то же время советским гражданам, стремившимся к воссоединению с жившими за границей родственниками (прежде всего это касалось советских евреев, чьи семьи проживали в Израиле), власти, напротив, систематически отказывали в выезде из СССР². Особенно ужесточилась выездная политика после вторжения советских войск в Афганистан: с тех пор число выехавших в Израиль сократилось в разы. Если в 1979 году успели покинуть страну 51 тыс. человек, то в 1982–1986 годы в целом выехало менее 7 тыс. евреев и членов их семей³. Не выпускали из СССР и представителей других национальностей (например, советских немцев) и членов религиозных групп (пятидесятников, баптистов, адвентистов, католиков и др.). «Отказники» часто подвергались давлению, в том числе увольнениям с работы, а также уголовному преследованию по статье о «тунеядстве».

На фоне ужесточения репрессивной политики КГБ предпринимал значительные пропагандистские усилия для улучшения собственного имиджа. Стремясь дистанцироваться от зловещих «органов» сталинской эпохи, Комитет позиционировал себя в качестве духовного наследника ЧК революционного периода, одновременно формируя образ высокоэффективной совре-

менной службы безопасности, заботящейся о гражданах и защищающей страну от внешних и внутренних угроз. Трансформация значения понятия «чекизм» в послесталинский период была связана с возрождением культа Дзержинского (в 1958 году в его честь был возведен памятник на Лубянской площади в Москве) и других «рыцарей революции». Культивировалось представление о «нравственной чистоте», «моральном таланте» и бескорыстии чекистов в их борьбе с «врагами» советской власти. Этот миф подкреплялся в том числе усилиями советских писателей, журналистов, кинематографистов и других деятелей культуры, что в конечном итоге послужило определенной романтизацией образа КГБ в глазах большинства населения⁴.

Восприятие органов госбезопасности российским обществом

Конечно, в целом не критическое восприятие советских органов госбезопасности позднесоветским и постсоветским обществом было связано не только с целенаправленными пропагандистскими усилиями, предпринимаемыми для улучшения имиджа чекистов. Многолетнее существование в режиме закрытого общества и безальтернативной однопартийной диктатуры привело к отождествлению большинства населения с советским режимом и его институтами, в том числе и с тайной полицией как одной из базовых структур, обеспечивающих не просто функционирование данного типа государства, но и коллективную идентичность его подданных.

Примечательно, что, несмотря на обнаружение в период гласности многочисленных фактов о массовых репрессиях, критика того периода ограничилась лишь фигурой Сталина как единственного инициатора террора, фактически не затронув фигуру Ленина и репрессии раннесоветского периода «красного террора», а также обойдя стороной период послесталинский. Более того, острая, хотя и поверхностная, критика Сталина, велась в годы перестройки даже самыми образованными группами главным образом с позиций «социализма с человеческим лицом»: сталинизм рассматривался преимущественно как извращение «ленинских норм социализма»⁵. Это означало, что тоталитарная идеология, тесно связанная с институциональной структурой государства и укоренен-

¹ Указ «О выселении Сахарова А.Д. в административном порядке из города Москвы». Оpubл. в: Сахаров А.Д. Воспоминания: в 2 т. Т. 2. М.: Права человека, 1996. С. 694.

² Здесь необходимо уточнить, что ограничения на выезд из страны для граждан Советской России начали вводиться большевиками еще в 1917 году. К середине 1920-х процедура выезда была настолько ужесточена, что фактически означала полный запрет, который сохранялся до конца советской власти. Предоставление возможностей выезда для советских евреев и некоторых других групп в послесталинский период стало само по себе ослаблением и являлось большим исключением на фоне сохранявшегося запрета на выезд.

³ Тольц М. Постсоветские евреи в современном мире // Демоскоп-Weekly. № 303–304, 2007. [Электронный ресурс]. <<http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0303/tema01.php>>

⁴ См.: Федор Д. Традиции чекистов от Ленина до Путина. Культ государственной безопасности. СПб: Питер, 2012.

⁵ См. подробный разбор постсоветского восприятия прошлого: Гудков Л.Д. Массовая идентичность и институциональное насилие. Статья первая: Партикуляризм и вытеснение прошлого // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. № (67). 2003. С. 28–44.

ная в коллективной идентичности, сохранялась и воспроизводилась. Позднесоветское общество даже в ситуации гораздо большей открытости продолжало признавать значимость и легитимность самого института тайной полиции в качестве необходимого оплота государственной власти. При этом в российском обществе (за редчайшим исключением) так и не возникло альтернативных групп, готовых не только хранить память о жертвах советского террора, но и заниматься анализом репрессивной машины, рационализацией смысла имевших место социальных процессов, демонстрацией взаимодействия различных социальных институтов и главное — выработкой проектов институциональных и кадровых реформ для преодоления последствий тоталитарной системы террора.

Опросы общественного мнения, проводившиеся ВЦИОМом (нынешним «Левада-Центром») с конца 1980-х — начала 1990-х годов фиксировали весьма позитивную оценку и относительно высокий уровень доверия граждан к КГБ и его предшественникам, в особенности к раннесоветской ВЧК. Так, в опросе, проведенном в октябре 1990 года, 54% респондентов в РСФСР заявили, что в создании ВЧК и предоставлении ей самых широких полномочий была необходимость, лишь по мнению 19% опрошенных необходимости в этом не было (27% затруднились с ответом).

Таблица 1

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧЕМ ЗАНИМАЛАСЬ СОЗДАННАЯ 20 ДЕКАБРЯ 1917 ГОДА ВСЕРОССИЙСКАЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ КОМИССИЯ (ВЧК)? (в % от числа опрошенных)

	1997 декабрь	2018 январь
Борьбой с противниками советской власти, контрреволюцией и саботажем	40	32
Борьбой с преступностью (воровством, бандитизмом, спекуляцией)	42	28
Политическим террором, репрессиями инакомыслящих	23	12
Разведкой	8	13
Контрразведкой	9	15
Восстановлением народного хозяйства страны	5	4
Решением проблемы беспризорников	13	7
Решением других социальных проблем	3	3
Политическая полиция, тайная полиция советских времен	12	8
Другое	1	1
Затрудняюсь ответить	23	36

N = 1600

Когда в январе 1991 года респондентов попросили дать оценку тому, что КГБ занялся борьбой с экономическим саботажем и взял под

свой контроль распределение продовольственной помощи, большинство (54%) высказало мнение, что «это поможет навести порядок в стране». Лишь 8% выразили опасение, что «это приведет к неоправданному расширению влияния КГБ» и 20% констатировали, что «КГБ занимается не своим делом».

Отвечая уже после распада Союза, в декабре 1997 года, на открытый вопрос о том, чем занималась ВЧК, лишь 12% ответили, что это была «политическая полиция, тайная полиция советских времен», и 23%, что она осуществляла «политический террор, репрессии инакомыслящих». Большинство же россиян предпочли традиционно-пропагандистскую версию властей, согласно которой ВЧК занималась «борьбой с противниками советской власти, контрреволюцией и саботажем» (42%), «борьбой с преступностью (воровством, бандитизмом, спекуляцией)» (40%) и «решением проблемы беспризорников» (13%) (табл. 1).

Хотя большинство опрошенных (58%) в 1990 году в целом положительно отнеслись к растущей критике в адрес КГБ в эпоху гласности и перестройки (лишь 14% отрицательно восприняли такую критику, еще 29% не смогли дать определенного ответа) и примерно столько же поддержали идею деполитизации правоохранительных органов¹, доверие к КГБ до последнего сохранялось на относительно высо-

¹ В 1990 году 59% респондентов поддержали предложение устранить влияние политических партий и общественно-политических организаций на деятельность силовых структур — МВД и КГБ (13% отнеслись к этой идее отрицательно, 28% — затруднились с ответом).

ком уровне. Отвечая в мае 1990 года на вопрос: «Насколько вы доверяете КГБ?» — 39% жителей РСФСР заявили о своем доверии этой организации (совокупность ответов «безоговорочно доверяю» (12%) и «вполне доверяю» (27%)), 35% — о недоверии (совокупность ответов «не вполне доверяю» (23%) и «совсем не доверяю» (12%)), и 27% затруднились с ответом. В этих данных отразились неопределенность, непроработанность общественного мнения, расколотого в эпоху перемен. Неопределенность восприятия, трудность вынесения однозначных оценок накануне распада СССР еще более усилилась спустя год, когда на вопрос «В какой мере вы доверяете КГБ?», заданный в мае 1991 года, о доверии КГБ заявили 33%, о недоверии 29% и 38% затруднились с ответом.

С наиболее серьезным кризисом доверия КГБ столкнулся лишь после провала путча ГКЧП, когда на заданный социологами в сентябре 1991 года вопрос: «В какой мере, на ваш взгляд, заслуживает доверия КГБ СССР?» — лишь 9% ответили, что «вполне заслуживает», 30% — «не вполне заслуживает» и 32% — «совсем не заслуживает» (таким образом, уровень недоверия или неполного доверия достиг 62%), 30% затруднились с ответом. Есть основания предполагать, что данное изменение в общественных оценках было связано с тем, что после неудавшегося госпереворота и на фоне распада СССР люди впервые ощутили возможность свободно высказывать свое мнение о тайной полиции. Но более вероятно, что утрата доверия в действительности была связана не столько с жесткой оценкой самих органов госбезопасности (что не подтверждается другими, в том числе, уже приведенными данными), сколько с плохой организацией путча и дискредитацией его инициаторов из КГБ на фоне очевидного провала.

Необходимо отметить, что посттоталитарное общественное сознание, привыкшее существовать в постоянном режиме адаптации и двоемыслия, довольно точно фиксировало любые изменения в позициях во властных верхах, как правило, легко склоняясь на сторону «победителя» в том или ином политическом противостоянии. Во всяком случае, российское общество весьма чутко отреагировало на сохранение влияния секретных служб уже на раннем постсоветском этапе.

После неудачи августовского путча 1991 года одержавший победу в этом противостоянии российский президент Б.Н. Ельцин скоро дал понять, что не планирует существен-

ных реформ органов госбезопасности. Ельцин отверг и идею люстрации по образцу Чехословакии или Восточной Германии, не раз высказывая удовлетворение тем, что управление в стране сохранилось в руках «профессионалов»¹. Вместо проведения необходимых структурных и кадровых реформ президент разделил бывший КГБ на несколько отдельных институтов, сохранив за ними большую часть их функций и персонала². Более того, Ельцин все больше искал опору в силовиках — спецслужбах, армии и проч., особенно в борьбе с парламентом, завершившейся штурмом Белого дома в октябре 1993 года, и с началом первой чеченской войны в декабре 1994-го. Как констатировал в то время руководитель питерской общественной организации «Гражданский контроль» Б.П. Пустынцев, «пережив после августа 1991 года период некоторой растерянности, ряд переименований и формальных преобразований, <...> политическая полиция уже к середине 1990-х <...> воспрянула духом, рассчитывая снова стать одной из влиятельных сил в государстве»³.

Большинство россиян — по крайней мере, те из них, кто следил за развитием событий — довольно точно отреагировали на эти изменения: 42% опрошенных в апреле 1993 года согласились с тем, что преемник КГБ, Министерство безопасности, продолжает быть «тайной властью» в России (28% не согласились, 29% не имели своего мнения по этому поводу).

Несмотря на то, что около 80% российских граждан что-то слышали о сталинских репрессиях, адекватную оценку их масштабу («несколько миллионов» или «десятки миллионов») в марте 1991 года смогли дать хотя и большинство опрошенных, но довольно ограниченное — 38% (19% назвали десятки или сотни тысяч жертв, а 34% затруднились с ответом). Примечательно, что примерно те же 38%, что были знакомы с реальным масштабом террора, признались в 1994 году в страхе перед возможностью возврата массовых репрессий (из них 23% заявили, что испытывают такой страх постоянно). Стоит отметить, что этот показатель оказался самым высоким за все последующие годы замеров: по мере снижения

¹ Ельцин Б.Н. Записки президента. М.: Огонек, 1994.

² Солдатов А.А., Бороган И.П. Мутация органов безопасности // Индекс / Досье на цензуру. № 26. 2007. [Электронный ресурс]. <<http://l.index.org.ru/journal/26/sobo26.html>> Lezina E. Transformations of the Soviet State Security Bodies in Post-Soviet Russia. In: Memory of Nations: Democratic Transition Guide. CEVRO — Liberálně-konzervativní akademie, o.s., 2017. P. 7–17.

³ Пустынцев Б.П. Контроль над службой безопасности. Путь к правому государству // КГБ: вчера, сегодня, завтра: Сборник. М.: Знак-СП, Гендальф, 1993. С. 9–19.

значимости темы массовых репрессий, страх перед ними за 10 лет сократился почти вдвое (в последние два года он составлял около 20%). Одновременно размывалось и так довольно смутное представление о количестве жертв террора: лишь около трети опрошенных (27–32%) на протяжении десятилетия (2007–2017) называли цифру более миллиона (табл. 2 и 3).

По мере роста общественного запроса на стабильность и порядок на фоне болезненных экономических реформ и нарастающих авторитарных тенденций в российской внутренней политике, к концу 1990-х годов противоречивые и отчасти критические оценки начала десятилетия сменялись гораздо более позитивным образом силовых структур в целом и советских органов госбезопасности в частности. На вопрос, заданный респондентам в феврале 2000 года: «Поддержали бы вы идею объединить все

Когда после прихода к власти В.В. Путина несколько месяцев подряд, в 2000–2002 годы, россиян спрашивали, беспокоит ли их, что новый президент долгое время работал в органах КГБ и ФСБ, в среднем 75–80% респондентов признавались, что данное обстоятельство не вызывает у них беспокойства, и лишь 3–8%, что этот факт беспокоит их «очень сильно». В январе 2018 года уже 88% опрошенных заявили, что карьера Путина в КГБ/ФСБ не вызывает у них беспокойства (табл. 4). По справедливому замечанию Л.Д. Гудкова, «связь Путина с госбезопасностью и армией выглядит в глазах значительной части российского общества скорее достоинством, нежели позорящим пятном на репутации»¹.

На фоне массового притока на ключевые государственные посты в эпоху Путина выходцев из органов госбезопасности андроповского пе-

Таблица 2

БОИТЕСЬ ЛИ ВЫ ВОЗВРАТА К МАССОВЫМ РЕПРЕССИЯМ? (в % от числа опрошенных)

	1994 август	1999 апрель	2003 август	2008 август	2011 ноябрь	2013 май	2014 август	2015 август	2017 август
Совершенно не боюсь/ скорее не боюсь	26	34	51	47	55	38	49	53	51
Иногда да, иногда нет	16	14	21	17	17	23	21	22	23
Испытываю постоянный страх/ боюсь	38	28	19	17	18	30	26	20	21
Затруднились ответить	20	23	10	19	11	10	4	5	5
Число опрошенных	3 000	2 000	2 000	1 500	1 800	800	800	1 600	1 600

Таблица 3

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, СКОЛЬКО ЛЮДЕЙ В СССР ПОПАЛО ПОД РЕПРЕССИИ В 1937-1938 ГОДАХ? (в % от числа опрошенных)

	1991 март	2007 август	2011 апрель	2012 август	2017 апрель
Сотни людей	2	1	2	1	2
Тысячи	6	3	5	6	4
Десятки тысяч	19	8	11	10	9
Сотни тысяч		21	21	21	22
Около миллиона		15	14	13	15
Несколько миллионов	21	21	22	21	20
Десятки миллионов	18	6	10	8	6
Затруднились ответить	34	24	15	21	21
Число опрошенных	1 600	1 600	800	800	1 600

спецслужбы России и воссоздать единый Комитет государственной безопасности по образцу КГБ СССР?» — большинство опрошенных (58%) ответило утвердительно, лишь 22% высказались против (21% затруднились с ответом).

риода улучшался и образ советского КГБ, в том числе под воздействием целенаправленных про-

¹ Гудков Л.Д. Массовая идентичность и институциональное насилие. Статья вторая: Армия в постсоветской России // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. №2 (68). 2003. С. 35–51.

Таблица 4

БЕСПОКОИТ ЛИ ВАС, И ЕСЛИ ДА, ТО В КАКОЙ МЕРЕ ТО, ЧТО ВЛАДИМИР ПУТИН ДОЛГО РАБОТАЛ В КГБ/ФСБ? (в % от числа опрошенных)

	2000 I	2000 III	2000 IV	2000 V	2000 VI	2000 VIII	2000 X	2000 XII	2001 II	2001 VI	2001 X	2018 I
Совершенно не беспокоит	52	40	39	49	41	50	42	56	52	46	51	65
Не могу сказать, что беспокоит	26	28	32	29	28	30	33	23	25	32	29	23
В какой-то мере беспокоит	13	18	17	13	18	11	16	11	13	14	12	7
Очень беспокоит	4	7	6	5	8	5	6	6	6	3	5	2
Затруднились ответить	5	7	6	4	4	5	3	4	5	5	4	4

N=1600

Таблица 5

КАКИЕ МЫСЛИ ВОЗНИКАЮТ У ВАС, КОГДА ВЫ СЛЫШИТЕ О КГБ? (в % от числа опрошенных)

	2000 июль	2007 декабрь	2018 январь
Защита интересов государства/государственных тайн	22	31	41
Профессионалы, дураков там не держали	12	15	15
Борьба с коррупцией в брежневские, андроповские годы	8	9	15
Таинственная, секретная организация	11	16	12
Честные, порядочные люди	7	5	5
Другие положительные высказывания	5	3	5
Служка за людьми, доносы и доносчики	19	15	19
Репрессии, 1937 год	22	16	17
Чистки, расстрелы в годы Гражданской войны	10	10	14
Преследования инакомыслящих, диссидентов	9	10	11
Нарушения социалистической законности	2	4	4
Провокации, террористические акты	3	3	3
Другие отрицательные высказывания	6	4	2
ФСБ	8	11	9
НКВД	5	6	6
ЧК, ВЧК	2	4	2
ОГПУ	1	1	2
Другие названия ведомства	<1	1	<1
Дзержинский	4	8	9
Берия	7	8	8
Ежов	3	3	2
Ягода	1	2	2
Другие руководители ведомства	<1	1	1
Другие нейтральные высказывания	2	5	3
Затруднились ответить	17	13	10

N = 1600

пагандистских усилий. Если в июле 2000 года в ответе на открытый вопрос: «Какие мысли возникают у вас, когда вы слышите о КГБ?» — суммарная доля положительных суждений хотя и

была очень высока (65%), все же не превышала соответствующих отрицательных оценок (71%), то к декабрю 2007 года ситуация перевернулась: уровень положительных высказываний о КГБ

достиг 78%, а доля отрицательных снизилась до 62%. В том числе снизилась ассоциация органов госбезопасности с массовыми репрессиями, 1937 годом. В ходе январского опроса 2018 года доля положительных высказываний о КГБ достигла уже 93% (табл. 5).

Изменения общественных настроений в постсоветский период особенно хорошо прослеживаются в вопросах, связанных с ключевой проблемой ответственности за совершенные преступления. Так, в марте 1991 года в совокупности 71% россиян высказали мнение, что организаторы и исполнители репрессий 1920-х — 1950-х годов должны понести наказание в той или иной форме: по мнению 36%, они должны были предстать перед судом, по представлениям 21% — освобождены от занимаемых постов, лишены персональных пенсий, и, по мнению еще 11%, достаточно было назвать их имена. При этом меньшинство, хотя и довольно значительное (27%), высказались против любых форм ответственности (главным аргументом для 15% было то, что организаторы и исполнители сталинских репрессий «действовали по законам того времени») (табл. 6).

Как известно, никакой ответственности никто из организаторов и исполнителей репрессий советского периода в постсоветской России так и не понес. По сути, единственным принятым законодательным актом, имеющим отношение к проблеме преодоления последствий репрессивной политики, стал закон «О реабилитации жертв политических репрессий», подписанный президентом Ельциным 18 октября 1991 года. Согласно статье 18 этого закона, «работники органов госбезопасности ВЧК, ГПУ — ОГПУ, УНКВД — НКВД, МГБ, прокуратуры,

судьи, члены комиссий, «особых совещаний», «двоек», «троек», работники других органов, осуществлявших судебные полномочия, судьи, участвовавшие в расследовании и рассмотрении дел о политических репрессиях, несут уголовную ответственность на основании действующего уголовного законодательства. Сведения о лицах, признанных в установленном порядке виновными в фальсификации дел, применении незаконных методов расследования, преступлениях против правосудия, периодически публикуются органами печати»¹. Однако, несмотря на наличие в законе приведенного положения, данная статья никогда не применялась: хотя изначально предполагалось, что списки причастных к различным преступлениям будут публиковаться, этого так и не случилось.

Когда вопрос об организаторах и исполнителях репрессий, аналогичный задававшемуся в 1991 году, был повторен уже на другом историческом этапе — в 2007-м, 2011-м и 2017 годах, — освободить причастных террору от ответственности было готово соответственно 58, 54 и 59% (совокупность ответов «оставить в покое за давностью лет», «простить» и «защитить от нападок»), а осудить — лишь 26, 35 и 21% (табл. 7).

Основной массив вопросов, касающихся массовых репрессий и оценки роли в них Сталина, задавался «Левада-Центром» в 2007–2017 годы. В это десятилетие можно проследить значительный откат в готовности выносить ценностные суждения в вопросах ответственности и вины. Так, готовность признать Сталина государственным преступником в связи с его ключевой ролью в организации массовый террора в 1920-е — 1950-е годы, слабела с каждым

Таблица 6

ДОЛЖНЫ ЛИ ОРГАНИЗАТОРЫ И ИСПОЛНИТЕЛИ РЕПРЕССИЙ 1920-Х — 1950-Х ГОДОВ ПОНЕСТИ НАКАЗАНИЕ? (в % от числа опрошенных)

Нет, потому что они поступали правильно	1
Нет, потому что они действовали по законам того времени	15
Хотя и виновны, их нужно простить	2
Достаточно назвать их имена — это уже послужит им наказанием	11
Они должны быть освобождены от занимаемых постов, лишены персональных пенсий	21
Они должны предстать перед судом	36
Другое	3
Затрудняюсь ответить	12

1993, март, N = 2100

¹ Закон РФ № 1761-1 от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий» // Ведомости СНД и ВС. № 44. 31 октября 1991 года. С. 1428.

замером. В августе 2009-го признать политику Сталина преступной были готовы 38%, в феврале 2010-го — 32%, в марте 2015-го — уже только 25%. Отказывались от такого «приговора» генералиссимусу 44% опрошенных в 2009 году, 50% — в 2010-м и уже 57% — в 2015-м; при этом пятая часть респондентов (18–25%) затруднились высказать какое-то определенное мнение по этому поводу¹ (табл. 8).

Кроме того, за последние 10 лет доля россиян, расценивающих сталинские репрессии как «преступление, которому нет оправдания», сократилась почти в два раза — с 72 до 39%, а число тех, кто готов оправдывать подобную политику соображениями «политической целесообразности», напротив, выросло с 9 до 26% (табл. 9).

Таблица 7

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ОРГАНИЗАТОРОВ И ИСПОЛНИТЕЛЕЙ РЕПРЕССИЙ СЕЙЧАС СЛЕДУЕТ... (в % от числа опрошенных)

	2007 август	2011 апрель	2017 апрель
Осудить	26	35	21
Оставить в покое за давностью лет	49	46	50
Простить	8	6	7
Защитить от нападок	1	2	2
Наградить	<1	<1	1
Затруднились ответить	16	12	19

N = 1600

Таблица 8

УЧИТЫВАЯ МАСШТАБ РЕПРЕССИЙ В СТАЛИНСКУЮ ЭПОХУ, НАСИЛЬСТВЕННОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ (ВЫСЫЛКУ) НЕСКОЛЬКИХ НАРОДОВ, СОГЛАСНЫ ЛИ ВЫ, ЧТО РУКОВОДИТЕЛЯ СТРАНЫ И. СТАЛИНА СЛЕДУЕТ СЧИТАТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ПРЕСТУПНИКОМ? (в % от числа опрошенных)

	2009 август	2010 февраль	2015 март	2017 апрель
Совершенно согласен	12	11	9	8
Во многом согласен	26	21	16	18
В целом не могу так сказать	32	37	40	35*
Совершенно не согласен	12	13	17	13
Затруднились ответить	18	19	18	25

N = 1600, в % к числу опрошенных; * — в формулировке «скорее не согласен»

Таблица 9

С КАКИМ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ МНЕНИЙ ПО ПОВОДУ ЭТИХ РЕПРЕССИЙ ВЫ БЫ СКОРЕЕ СОГЛАСИЛИСЬ? (в % от числа опрошенных)

	2007 август	2011 апрель	2012 август	2012 октябрь	2016 март	2017 апрель
Это была политическая необходимость, они исторически оправданы	9	14	13	22	26	25
Это было политическое преступление и ему не может быть оправдания	72	70	67	51	45	39
Я ничего не знаю об этих репрессиях	—	—	—	6	7	13
Затруднились ответить	19	17	20	13	15	16
Отказ от ответа	—	—	—	8	7	7
Число опрошенных	1 600	800	800	1 600	1 600	1 600

¹ См. подробный разбор последних данных по этой теме: Гудков Л.Д. Большой террор и репрессии // Пресс-выпуск «Левада-Центр» 7 сентября 2017 года. [Электронный ресурс]. <<https://www.levada.ru/2017/09/07/16561/>>

Давление государственной пропаганды и официальной исторической политики особенно сильно повлияло на общественные установки

после аннексии Россией Крымского полуострова и военных действий в Донбассе весной 2014 года, что уже неоднократно анализировалось¹. На фоне развернутой в СМИ агрессивной патриотической пропагандистской кампании значительно увеличилось число тех, кто считал жертвы, которые понес советский народ в сталинскую эпоху, оправданными великими целями и достижениями: с 2012 по 2015 год их доля выросла почти вдвое — с 25 до 45%, а доля неготовых оправдывать преступления ни при каких обстоятельствах сократилась с 60 до 41%² (табл. 10). Кроме того, последние годы были отмечены значительным

ростом привлекательности и значимости Сталина, «выступающего в качестве одного из персоналистских символов Великой державы, победы советского народа в Отечественной войне»³.

В то же время сократилось число россиян, готовых причислять различные категории пострадавших к жертвам репрессий. Хотя по-прежнему значительная доля респондентов в состоянии указывать в качестве жертв террора репрессированных за попадание в плен в годы войны, спецпереселенцев, раскулаченных, членов семей репрессированных, осужденных за опоздания на работу, и т.п., с годами наблюда-

Таблица 10

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ОПРАВДАНЫ ЛИ ЖЕРТВЫ, КОТОРЫЕ ПОНЕС СОВЕТСКИЙ НАРОД В СТАЛИНСКУЮ ЭПОХУ, ВЕЛИКИМИ ЦЕЛЯМИ И РЕЗУЛЬТАТАМИ, КОТОРЫЕ БЫЛИ ДОСТИГНУТЫ В КРАТЧАЙШИЙ СРОК? (в % от числа опрошенных)

	2008 октябрь	2010 февраль	2011 апрель	2012 ноябрь	2015 март	2017 апрель
Определенно да	3	5	4	4	7	7
Да, в какой-то степени	24	29	26	21	38	29
Нет, их ничем нельзя оправдать	60	58	61	60	41	49
Сумма готовых оправдать	27	34	30	25	45	36
Затруднились ответить/нет ответа	13	9	10	15	13	14
Число опрошенных	1 600	1 600	800	1 600	800	1 600

Таблица 11

КОГО, КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, СЛЕДУЕТ ОТНОСИТЬ К ЖЕРТВАМ СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЙ? (множественный выбор; ранжировано по апрелю 2017 года, в % от числа опрошенных)

	2011 апрель	2017 апрель
Расстрелянных по политическим статьям	54	46
Заклученных в тюрьмы и лагеря по политическим статьям	51	42
Осужденных за то, что попали в плен во время войны	45	38
Всех осужденных по политическим статьям	42	34
Членов семей осужденных по политическим статьям, выселенных с постоянного места жительства, уволенных с работы или ограниченных	42	32
Раскулаченных	38	31
Всех осужденных с нарушениями обычной судебной процедуры («тройками» или в ускоренном судебном порядке)	36	28
Всех членов семей осужденных по политическим статьям, независимо от того, были ли они сами поражены в правах или нет	34	27
Спецпереселенцев (включая репрессированные народы)	29	21
Осужденных за нарушения трудовой дисциплины (опоздание на работу более 20 минут и т.п.)	25	21
Затруднились ответить	11	19

N = 1600

¹ См., напр.: Гудков, Л.Д. Механизмы кризисной консолидации // Контрапункт. № 5. 2016. сент. [Электронный ресурс]. <http://www.counterpoint.org/gudkov_5/>/ Lezina E. The Revival of Ideology in Russia // Eurozine, 24 March 2017. [Электронный ресурс]. <<http://www.eurozine.com/the-revival-of-ideology/>>

² Сталин и его роль в истории страны. Пресс-выпуск «Левада-Центра» 31 марта 2015 года. [Электронный ресурс]. <<http://www.levada.ru/2015/03/31/stalin-i-ego-rol-v-istorii-strany/>>

лось снижение (в среднем на 7–8 процентных пунктов) готовности видеть в разных категориях жертв преступлений (табл. 11).

³ Гудков Л.Д. Большой террор и репрессии // Пресс-выпуск «Левада-Центра» 7 сентября 2017 года. [Электронный ресурс]. <<https://www.levada.ru/2017/09/07/16561/>>

Заключение

Даже неполный обзор дискриминационных и репрессивных практик советского режима, ограниченный форматом журнальной статьи, может дать представление о том, какую важную роль институционализированное насилие играло в Советском государстве и насколько системным был его характер.

В течение 74 лет советской власти госбезопасность осуществляла репрессивную политику компартии: создавала внесудебные органы и проводила с их помощью массовые казни и депортации, использовала институт заложников, управляла системой принудительных трудовых лагерей ГУЛАГа, проводила жесточайшую политику раскулачивания и коллективизации, систематически подавляла инакомыслие и любые формы оппозиции, злоупотребляла карательной психиатрией и прибегала ко многим другим репрессивным мерам. Всего жертвами карательной политики Советского государства стали, по разным оценкам, от 40 до 55 млн человек.

Несмотря на многолетний террор, не прекращавшийся всю первую половину правления большевиков, и на столь же продолжительную, хотя и значительно менее кровавую, репрессивную политику второй половины их правления (принудительную регламентацию жизни граждан, изоляцию, ограничения гражданских свобод, преследование инакомыслящих и проч.), советская тайная полиция, в отличие от своих аналогов в большинстве стран Центральной и Восточной Европы, не оказалась достаточно дискредитированной в глазах позднесоветского общества, чтобы понести хотя бы минимальную юридическую ответственность и разорвать функциональную, кадровую и символическую преемственность с репрессивным советским аппаратом. Российские спецслужбы любят и не стесняются подчеркивать свою историческую роль наследников традиций советских чекистов. Например, 20 декабря, в годовщину основания советской ВЧК, они ежегодно торжественно отмечают День работника органов безопасности (неформально – День чекиста).

В 2017 году официально праздновалось 100-летие советских и российских органов госбезопасности. В интервью, данном по этому случаю, многолетний директор ФСБ А.В. Бортников в ответе на вопрос об оценке деятельности своих предшественников сделал заявление абсолютно в духе сталинских времен: «Наше Отечество неоднократно становилось объектом враждебных посягательств иностранных держав. Противник пытался победить нас либо

в открытом бою, либо с опорой на предателей внутри страны, с их помощью посеять смуту, разобщить народ, парализовать способность государства своевременно и эффективно реагировать на возникающие угрозы. Разрушение России для некоторых до сих пор остается навязчивой идеей. Мы, как органы безопасности, обязаны своевременно выявлять замыслы противника, упреждать его действия и адекватно реагировать на любые выпады. В этом смысле важнейшим критерием оценки нашей деятельности является ее эффективность»¹.

Лишь вскользь упомянув о некоторых перегибах в годы сталинского террора, Бортников сообщил о «наличии объективной стороны в значительной части уголовных дел, в том числе легших в основу известных открытых процессов»². Как справедливо заметили академики и члены-корреспонденты РАН, опубликовавшие в СМИ открытое письмо в связи с интервью директора ФСБ, «впервые после XX съезда КПСС 1956 года одно из высших должностных лиц нашего государства оправдывает массовые репрессии 1930–1940-х годов, сопровождавшиеся неправосудными приговорами, пытками и казнями сотен тысяч ни в чем не повинных наших сограждан»³.

Такое выступление руководителя ФСБ демонстрирует, что российскому обществу еще только предстоит оценить, описать и проработать социальные последствия советского террора и лежавших в его основе дискриминационных практик. Самые очевидные следствия многолетних систематических ограничений базовых прав и свобод личности — от права на жизнь до права покинуть страну, избирать и быть избранным, свободы выражения мнений, совести, религии и проч., — это сохранение государственного патернализма и безответственности государства перед обществом, политическая апатия и абсентеизм, деформация правосознания и общественной морали. И то, как отмечался в 2017 году 100-летний юбилей революции и ВЧК, показывает, что с этим наслідием предстоит жить еще не одному поколению россиян.

¹ Бортников А.В. Разрушение России для некоторых до сих пор остается навязчивой идеей. Наша задача — не дать состояться их планам // Российская газета. № 7454 (288). 2017. 19 дек. [Электронный ресурс]. <<https://rg.ru/2017/12/19/aleksandr-bortnikov-fsb-rossii-svobodna-ot-politicheskogo-vliianiia.html>>

² Там же.

³ «Как человек, рожденный в 1937 году, я хочу предупредить». Академики написали коллективное обращение в связи с интервью главы ФСБ // Коммерсант. 2017. 22 дек. [Электронный ресурс]. <<https://www.kommersant.ru/doc/3507282?tg>>

Петр БИЗЮКОВ

Взаимодействие акторов в пространстве трудового протеста

Трудовой протест — сложное социально-экономическое явление, свидетельствующее о глубинных противоречиях и конфликтах, вырвавшихся на поверхность и ставших видимыми не только для тех, кто непосредственно вовлечен в них, но и для внешних наблюдателей. Обычно напряжение во взаимодействиях работников с работодателями скрыто от посторонних глаз прежде всего потому, что трудовые отношения реализуются в пределах организационного пространства предприятий и фирм. Главным образом, ситуацию там формируют работодатели в тех рамках и пределах, которые позволены государством и которые нельзя ухудшать. Выход за пределы трудового законодательства возможен только в сторону улучшения, хотя, разумеется, работодатели часто выходят за эти рамки и навязывают работникам варианты отношений, ухудшающие положения закона¹.

Нормативная модель регулирования трудовых конфликтов и проблемы ее применения

Современные трудовые отношения крайне сложны и многообразны, чтобы можно было надеяться на то, что закон способен охватить их полностью. Многообразные противоречия, возникающие между участниками, не могут быть предусмотрены даже в самом подробном и детализированном законе. Поэтому, кроме установленных законом стандартов и ограничений (продолжительность рабочего дня, оплачиваемого отпуска, размеров оплаты и т.п.), сторонам дается возможность самим отрегулировать возникающие разногласия, и для этого в законодательство встроены специальный блок. Работникам и работодателям предложена целая линейка способов, используя которые они могут найти приемлемое решение. Причем все это многообразие имеет характер правовых норм, регламентирующих

¹ Бизюков П.В. Практики регулирования трудовых отношений в условиях неустойчивой занятости. М.: АНО «Центр социально-трудовых прав», 2013.

кто, когда, в каких случаях и как может действовать. Есть возможность устранять разногласия через коллективные переговоры, через внутреннюю комиссию по трудовым спорам, через индивидуальное обращение в суд, наконец, как крайняя форма, через трудовой спор, который может принять форму забастовки. По сути дела, в Трудовом кодексе заложена нормативная модель взаимодействия работников и работодателей в условиях конфликта и способы его разрешения. Государство фреймирует этот процесс, чтобы стороны, во-первых, использовали только легальные методы воздействия друг на друга, а во-вторых, не выносили конфликт в открытое социальное пространство, не вовлекали других субъектов в противостояние.

Правда, российское трудовое законодательство часто характеризуют как тенденциозное. Упреки слышны с обеих сторон — его называют и прорабочим, то есть чрезмерно защищающим работников, и проработодательским. Например, процедура организации трудового спора и забастовки чрезвычайно сложна и запутанна — на протяжении многих лет профсоюзы и многие эксперты критикуют положения закона, регламентирующие организацию забастовок, требуя сделать ее более простой и доступной, устранить «запретительный» характер².

Последствия существования запретительной правовой нормы весьма серьезны. Прежде всего нужно отметить, что органы государственной статистики регистрируют только законные забастовки, то есть те, которые проводятся в соответствии с требованиями закона. Например, в 2016 году были зарегистрированы только три забастовки³, в то время как в рам-

² Коллективные трудовые конфликты: Россия в глобальном контексте / под ред. Ю.П. Орловского, Е.С. Герасимовой. М.: Юридическая фирма «Контракт», 2016.

³ Информация о социально-экономическом положении России. 2016 г. Федеральная служба государственной статистики. С. 109. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2016/info/oper-12-2016.pdf (актуально на 20.06.2017).

ках Мониторинга трудовых протестов¹ были зафиксированы 158 акций, сопровождающихся полной или частичной остановкой работ. Разумеется, большая часть этих забастовок была незаконной, но они оставались за пределами внимания официальных органов власти. А министр труда М. Топилин в ноябре 2016 года даже заявил на встрече с депутатами Госдумы, что «счастлив» из-за того, что в стране действует сложная процедура забастовок, ведь иначе «мы с вами здесь будем подпрыгивать и не совещаться по этому поводу, обсуждать, а будем ездить по стране и гасить различные конфликты»². В цитату вложены сразу несколько смыслов, которые транслировались адресатам. Во-первых, это отрицание фундаментального принципа трипартизма, заложенного в основу современного трудового законодательства. В соответствии с ним государство разрабатывает правила урегулирования спорных ситуаций, возникающих между работниками и работодателями, и следит за их исполнением. Стороны должны сами урегулировать свои противоречия, здесь нет необходимости чиновниками и политикам «ездить по стране и гасить различные конфликты». Во-вторых, подразумевается, что конфликтов не так уж много, раз есть время «совещаться и обсуждать» эту проблему. В-третьих, сложная процедура забастовок воспринимается не как дефект законодательства, а как нечто, дающее положительный эффект. Цитата позволяет понять содержание взглядов на проблему, которая есть также у значительного числа политиков, чиновников, экспертов и журналистов. Пожалуй, только профсоюзные лидеры, несмотря на все имеющиеся у них разногласия, едины в том, что законодательство о забастовках нужно менять, но их никто не слушает, и об изменении закона нет и речи.

¹ Мониторинг трудовых протестов ведется в Центре социально-трудовых прав с 2008 года. Мониторинг представляет собой информационную систему, в которой накапливаются, обрабатываются и анализируются данные о трудовых протестах в России. Ведется анализ территориальной и отраслевой структур протестов, анализируются причины и формы протестов. За девять лет, с 2008 по 2016 год, в базе данных мониторинга накоплена информация о 2516 акциях. Данные с результатами мониторинга публикуются ежемесячно в виде коротких справок, а дважды в год, по итогам года и полугодия, выпускаются полные аналитические отчеты. Мониторинг трудовых протестов. Центр социально-трудовых прав (ЦСТП). URL: <http://trudprava.ru/main/protest> (актуально на 20.11.2017).

² Цит. по: Минтруд против упрощения процедуры забастовок // РИА «Новости», 08.11.2016. URL: <https://ria.ru/society/20161108/1480920960.html> (ссылка актуальна 09.12.2016).

Динамика трудовых протестов в России: основные тенденции

Между тем реальная ситуация выглядит весьма непросто. В 2008 году в рамках Мониторинга трудовых протестов начались регулярные ежемесячные наблюдения за выступлениями работников в стране, так как данные официальной статистики не позволяли отслеживать реальный уровень конфликтности в трудовых отношениях. Исходным методологическим положением для мониторинга является понимание того, что трудовые конфликты весьма многообразны и сложны по составу и причинам, но, главное, они латентны и недоступны для внешнего наблюдения. Под трудовым конфликтом здесь понимаются *действия участников социально-трудовых отношений (акторов), направленные на отстаивание их интересов и социальных позиций*. Некоторые конфликты, наиболее значимые и острые, приобретают публичный характер, то есть переходят в открытую форму и становятся протестами. *Под протестом здесь понимается открытая форма трудового конфликта, в рамках которого работники предприятия (организации, корпорации) или трудовая группа предпринимают действия, направленные на отстаивание своей социально-трудовой позиции путем отказа от традиционных (сложившихся) трудовых практик для воздействия на работодателя или других субъектов, способных определять позицию работодателя, с целью ее изменения*. Среди протестов особо выделяются *стоп-акции, то есть протестные акции работников, приводящие к полной или частичной остановке деятельности предприятия или организации, а также к замедлению исполнения функций в рабочее время*.

Соотношение скрытых конфликтов и открытых протестов установить вряд ли возможно, но, опираясь на практику изучения форм трудовых конфликтов в разные годы, можно утверждать, что чем больше скрытых конфликтов, тем больше трудовых протестов, то есть соотношение напоминает соотношение подводной (скрытой и большой) части айсберга и его видимой (надводной) части³. Информация о протестах позволяет судить об уровне трудо-

³ В разные годы тема трудовых конфликтов и протестов рассматривалась в целом ряде работ. См.: Labour relations in transition. Wages, employment and industrial conflict in Russia, edited by S. Clarke. Great Britain, Edward Elgar, Cheltenham. Brookfield, US. 1996; Борисов В.А. Забастовки в угольной промышленности (анализ шахтерского движения за 1989–1999 гг.). М., 2001; Ильин В.И. Власть и уголь: шахтерское движение Воркуты (1989–1998 годы), Сыктывкар: СГУ, 1998; Бизюков П.В. Подземная шахтерская забастовка // Социологические исследования. 1995. № 10.

вой конфликтности и степени напряженности социально-трудовых отношений.

База данных Мониторинга трудовых протестов содержит информацию о 2516 акциях за 108 месяцев, с 2008 по 2016 год. В 2016 году состоялось 419 протестов, из которых 158 сопровождались полной или частичной остановкой работ — так называемые стоп-акции. За девять лет наблюдений, с 2008 года, количество протестных акций постоянно росло и увеличилось в 4,5 раза. Данные о количестве трудовых протестов приведены на рис. 1.

Резкое увеличение числа протестов происходило дважды и каждый раз было связано с кризисом в экономике — в 2009-м и 2015 годах. Соответственно, количество акций увеличилось в 2,8 раза и на 40%. Несколько иная динамика у стоп-акций, доля которых в среднем составляет 40% от общего числа протестов и колеблется от 33% в 2012 и 2014 годах до 61% в 2009-м.

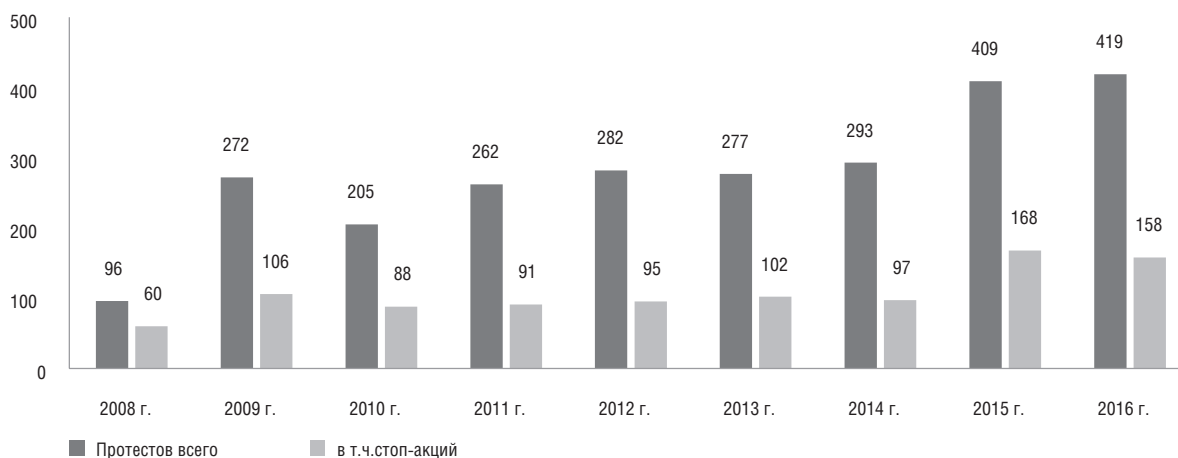
Основные тенденции таковы. За весь период наблюдения **территориальная распространённость** протестов увеличивалась. Коэффициент распространённости протестов¹ вырос с 42% (2008) до 85% (2016), то есть каждый год протесты возникали в новых регионах, и ситуация приблизилась к возможному максимуму. Одновременно фиксировался рост протестной нагрузки на один регион — **коэффициент протестной нагрузки**² на один регион вырос с двух протестов на регион (2008) до шести (2016).

Существенно изменилась **отраслевая распространённость** протестов. В первые годы наблюдений на долю промышленности приходилось более половины всех акций (53% в 2008 году и 56% в 2009-м). В дальнейшем ситуация менялась следующим образом: доля промышленности уменьшалась, а удельный вес протестов в других отраслях увеличивался. Доля строительства выросла с 5% (2008) до 13% (2016), бюджетников (здравоохранение, образование, культура, наука) с 5% (2008) до 21% (2016). В последний год даже появились забастовки работников сельского хозяйства (5%), хотя раньше те почти никогда не протестовали. В целом наблюдается тенденция смещения протестов из отраслей, где традиционно сильны профсоюзы, в отрасли, где их нет.

Еще об одном значимом изменении говорит динамика **причин протеста**. Главной причиной в 2008 году были невыплаты зарплат — 57% всех акций начинались именно из-за этого. Затем ситуация стала меняться: доля невыплат уменьшалась, и возрастала доля других причин — против политики реорганизации, банкротств, низкой зарплаты и увольнений. Так продолжалось до 2013 года, когда удельный вес невыплат снизился до 29%. Но с 2014-го число акций по этой причине снова стало нарастать и в 2016-м составило 54%, то есть вернулось на уровень девятилетней давности. Оценивая такую флуктуацию, следует помнить, что в абсолютном выражении число протестов выросло более чем в четыре раза, то есть речь идет не о возврате на

Рисунок 1

ДИНАМИКА ЧИСЛА ТРУДОВЫХ ПРОТЕСТОВ И СТОП-АКЦИЙ В 2008-2016 ГГ. (КОЛИЧЕСТВО АКЦИЙ)

¹ Коэффициент территориальной распространённости протестов вычисляется как количество субъектов федерации, в которых зафиксированы протесты, к общему числу субъектов федерации в стране.

² Коэффициент протестной нагрузки на один регион вычисляется как отношение количества протестов в стране к количеству субъектов федерации в стране, в которых состоялись протесты.

прежний уровень, а о значительном увеличении подобных акций.

Но если территориальная, отраслевая и каузальная структуры протестов менялись, то **набор форм** протеста оставался стабильным.

Наиболее частой является минимальная форма протеста, то есть демонстративное выдвижение требований. В среднем используется такая форма в 41% акций¹. Вторая по популярности форма — это митинги и пикеты, которые используются в каждой третьей акции (34%). Наконец, третья — это полная или частичная остановка работ, то есть забастовка — в среднем ежегодно 29% всех акций проходят подобным образом. Нельзя не отметить, что на протяжении всего периода наблюдений количество законных протестов² в среднем не превышало 9%, при этом на долю сверхрадикальных акций, таких как голодовка, перекрытие дорог и захват предприятий, приходится почти столько же — 10%. Стабильность структуры объясняется просто — как уже говорилось, предложенная законом процедура разрешения трудовых конфликтов настолько сложна и неэффективна, что ею пользуются крайне редко. Большинство работников в случае обострения ситуации ищут другие способы, от банального выдвижения требований до отчаянных голодовок. Этот арсенал остается неизменным на протяжении девяти лет, его используют и работники промышленных предприятий, и в бюджетной сфере, в крупных мегаполисах и маленьких моногородах, когда протестуют из-за предстоящих сокращений или задержанной зарплаты. В идеале закон должен предложить универсальную процедуру, с помощью которой работники и работодатели смогли бы без постороннего вмешательства разрешить противоречия и найти решение. Но такой процедуры нет, поэтому работники используют не то, что законно, а то, что способно повлиять на работодателя, отказывающегося от диалога.

Наконец, последняя тенденция, о которой стоит упомянуть, это изменение доли стихийных протестов, возникающих и проходящих без участия профсоюзов или других представительских организаций. В рамках мониторинга первоначально велся учет *акторов со стороны работников*, вовлеченных в протест. Выделялись акции, когда работники действовали стихийно, то есть без всяких про-

фсоюзов, рабочих комитетов, без помощи политических или общественных организаций. Прежде всего, это были данные о количестве стихийных акций. В 2008 году 62% всех протестов были такими, соответственно, треть оставшихся проходила с участием профсоюзов. Потом ситуация начала меняться, и доля акций с участием профсоюзов стала нарастать при снижении количества стихийных акций. Это происходило до 2013 года, когда был зафиксирован минимум стихийных протестов — 35%, а более половины всех протестов в этом году были организованы либо проходили с участием профсоюзов. Но с 2014 года, когда число протестов возросло и они стали смещаться в отрасли, где профсоюзов нет или они слабы (бюджетные отрасли, строительство, транспорт, ЖКХ), доля стихийных акций опять начала расти, и в 2016-м каждый второй протест (53%) был стихийным.

Актеры трудового протеста и их взаимодействие

Однако предложенный индикатор не мог дать представление обо всех акторах, вовлеченных в протесты. Мало того, он даже не показывал, какие именно акторы участвовали со стороны работников, потому что и в рамках стихийных акций это были представители различных групп, и характер их участия в протесте различается. Одно дело, когда в ситуации с многомесячными задержками зарплаты весь коллектив останавливает работу и забастовка становится массовой. Другое, когда забастовку объявляет группа работников, выполняющих ключевые функции в технологическом процессе, и вслед за ними вынужденно прекращают работу остальные, даже те, кто не хотел или боялся бастовать. Например, так происходит в автобусном парке — если бастуют водители, то работа кондукторов, диспетчеров, ремонтников тоже останавливается, или с рабочими участка покраски кузовов на автосборочной линии, которые останавливают всю технологическую цепочку. Наконец, это может быть группа вспомогательных работников, доведенных до отчаяния. Они не могут остановить других, которые не поддерживают их протест, но тем не менее вынуждены как-то пытаться воздействовать на ситуацию, компенсируя отсутствие влияния радикальностью акций, организуя голодовки и т.п. В каждом случае в протест оказываются вовлечены разные лица, совершающие разные действия. Ведь одно дело останавливать работу на работающем предприятии, другое — на том,

¹ В рамках протеста может использоваться не одна, а сразу несколько протестных форм, многие акции начинаются именно с того, что в ходе собрания работники выдвигают требования и угрожают перейти к более радикальным действиям и в дальнейшем выполняют угрозу — организуют митинги, останавливают работу и т.п.

² Под законными протестами здесь имеются в виду три формы — коллективный трудовой спор без забастовки, коллективный трудовой спор с забастовкой и остановка работы по ст. 142 ТК (остановка работы из-за более чем двухнедельной задержки зарплаты).

которое готовится к банкротству: во втором случае, начав забастовку, работники только помогут быстрее его закрыть, поэтому они не бастуют, а выходят на площади с митингами, обращаются к властям и всячески демонстрируют свое бедственное положение, но не останавливают работу.

Трудовой протест очень непросто сочетается с нормальной жизнью предприятия. Его суть заключается в отказе работников от обычной деятельности и традиционных взаимодействий. Это отказ от субординации и подчинения, то есть отрицание административной и властной структуры отношений, отказ от выполнения технологических функций. Но, прекращая работать, участники протеста вовсе не переходят к безделью, они начинают заниматься другой деятельностью, связанной с публикацией своей позиции (выдвижение требований, подготовка и проведение митингов, общение с прессой, властями, работодателями) и попытками повлиять на позицию оппонентов (переговоры, контакты с властями, политическими и общественными организациями, чтобы через них повлиять на позицию работодателя, и т.п.). Порожденные отказом практики создают особое пространство протеста, где есть разные акторы, у которых складываются специфические взаимодействия, влияющие на протекание самого протеста и на его результаты¹.

Поэтому для более полного понимания того, что такое трудовой протест, было необходимо выявить, какие именно акторы действуют в этом пространстве и какие у них возникают взаимодействия. *Под акторами здесь понимаются социальные субъекты, вовлеченные в ситуацию трудового протеста, то есть включенные в совокупность взаимодействий (транзакций), инициирующие их либо являющиеся адресатами транзакций, исходящих от других акторов.* Перечень акторов составлялся на основе изучения текстов Мониторинга трудовых протестов, так как в них довольно подробно описываются все участники и их взаимодействия. На основе анализа текстов о протестах было выделено 35 акторов², объединенных в семь групп:

1) работники, не объединенные в профсоюз (неорганизованные работники, работники бригад, цехов, подразделений, профессиональные группы и т.п.);

¹ Бизюков П. Как защищают трудовые права в России: коллективные трудовые протесты и их роль в регулировании трудовых отношений. М.: АНО «Центр социально-трудовых прав», 2011.

² Полностью классификатор приведен в Приложении.

2) профсоюз и работники, объединенные в профсоюз (члены профсоюза, профсоюзные лидеры и т.п.);

3) другие акторы со стороны работников (уволенные, пенсионеры, жители и др.);

4) работодатели (низовые управленцы, руководители и собственники предприятий и компаний);

5) власти-администрация (представители исполнительных и законодательных органов власти);

6) власти-правоохранительные органы (представители Гострудинспекции, прокуратуры, полиции и др.);

7) общественные и политические организации (партии, общественные организации, представители СМИ и др.).

Единицей взаимодействия акторов считается транзакция, то есть некое завершённое действие, операция, которая имеет логическое начало и завершение. Именно так ее понимают социальные психологи³, когда один субъект отправляет другому информацию о своем состоянии и его желаемом изменении. Суть *транзакции* – это передача некоторого послания, которое один актер адресует другому, например, выдвижение требований группы работников руководству предприятия. При регистрации фиксировалось, кто инициирует транзакцию и кому ее адресует. С 2016 года на основе разработанного классификатора был начат процесс накопления информации об акторах и об их взаимодействиях в рамках каждого трудового протеста, включенного в базу данных мониторинга.

Благодаря этому стало возможным определить:

- общее количество акторов;
- долю (%) каждого актора (показатель представительности актора);
- количество транзакций по каждому актору (общее количество);
- в т. ч.
  - количество исходящих (показатель активности актора);
  - количество входящих (показатель авторитетности актора).

Значимость акторов трудового протеста

Всего в 2016 году в 419 трудовых протестах зафиксировано участие 1616 акторов, совершивших 1351 транзакцию. В среднем в одном протесте участвуют четыре актора, организующих три транзакции. Опираясь на эти данные,

³ Берн Э. Игры, в которые играют люди. (Психология человеческих отношений). М.: Эксмо, 2016.

можно рассчитать *коэффициент*, характеризующий *значимость* каждого *актора*. Коэффициент рассчитывается как частное от количества входящих транзакций (авторитетность) с количеством исходящих транзакций (активность), умноженное на долю актора в общем числе (его представительность). Он может быть рассчитан по группам и по отдельным акторам. Данные о коэффициенте значимости акторов приведены в табл. 1.

Таблица 1

ДАННЫЕ ОБ УЧАСТИИ АКТОРОВ, О КОЛИЧЕСТВЕ ТРАНЗАКЦИЙ И КОЭФФИЦИЕНТЕ ИХ ЗНАЧИМОСТИ В 2016 ГОДУ

АКТОРЫ	Доля от числа акторов (представительность) (%)	Число исходящих (активность) (кол-во)	Число входящих (авторитетность) (кол-во)	Входящие/исходящие	Значимость
Всего работники	39,9	776	324	0,41	16,4
Неорганизованные работники в целом	21,2	446	235	0,53	11,2
Профсоюз	14,1	266	63	0,24	3,4
Другие (уволенные, пенсионеры и пр.)	3,7	64	26	0,4	0,28
Всего работодатели	27,1	209	620	2,97	80,5
Всего власть	27,9	315	356	1,1	30,7
Власть-администрация	18,6	198	277	1,4	26,0
Власть-правоохранители	9,2	117	79	0,7	5,9
Всего общественные организации и другие	5,1	51	49	0,96	4,9

В протесты вовлекаются разные акторы, например группа работников может обратиться в профсоюз, начавшиеся действия могут поддержать пенсионеры, местные жители, члены семей которых входят в число протестующих, или профком предприятия может обратиться к региональному профсоюзному органу за поддержкой, а со стороны работодателей в протест вовлекаются и руководители предприятия, и собственники, и те, кто представляет вышестоящие организации.

Как и следовало ожидать, наибольшая *представительность* у работников, ведь именно они инициируют протест. Их доля среди всех акторов составляет 40%, в то время как доля их главных оппонентов, работодателей, составляет 27%. Столько же у представителей власти. У работников в наибольшей степени представлены те, кто выступает без участия профсоюзов, то есть неорганизованные работники – 21%, а профсоюзы представлены меньше – 14%. Об этом уже говорилось ранее: участие профсоюзов в трудовых протестах снижалось в последние годы и достигло довольно низкого

уровня. Очень важна информация об участии в трудовых протестах представителей властей. Здесь выделяются две группы. Первая – представители исполнительной власти (от федеральных чиновников до сельских администраций), а также законодательной власти, то есть депутатов всех уровней. Вторая – представители правоохранительных органов (Гострудинспекции, прокуратуры, Следственного комитета, полиции, ФСБ, миграционной службы

и др.), осуществляющих надзор за соблюдением законодательства в связи с протестами. По большей части именно они осуществляют нормативную роль государства в рамках системы трипартизма. В ситуации протеста правоохранители выступают арбитрами, теми, кто фиксирует нарушения и предпринимает меры по устранению нарушений законодательства. Чаще всего это предъявление требований к работодателям в случае задержки зарплаты и т.п. Хотя нельзя не упомянуть и ситуации, когда представители правоохранительных органов выступают как силовики, пытаясь не столько содействовать разрешению конфликта, сколько подавить его, оказывая давление на организаторов и участников протеста¹.

Иначе выглядит роль представителей властей и депутатов. В идеале их роль заключается в том, что они должны разрабатывать и совершенствовать трудовое законодательство, а в конкретных трудовых протестах исполни-

¹ Так, например, было, когда в конце 2016 года бывшие шахтеры компании «Кинг Коул» (Ростовская обл.) пытались выехать в Москву для встречи с депутатами и были заблокированы полицией.

тельная и законодательная власть участвовать не должна¹. Но в российской практике они часто включаются в акции протеста не как арбитры, а как участники конфликта — организуют и ведут переговоры, ищут компромиссы и даже берут на себя расходы, необходимые для разрешения ситуации. В этой ситуации власти становятся представителями либо работников, либо работодателей. И в том, и в другом случае это означает, что они вовлечены в конфликт и протест не как арбитры, а как непосредственные участники, которые несут все риски и издержки, неизбежные в такой ситуации. Данные показывают, что каждый пятый участник трудового протеста (19%) — это чиновник, а доля правоохранителей (9%) вполнину меньше. Иными словами, власти вдвое чаще вмешиваются в протесты как участники, нарушая принцип трипартизма и заложенные в законодательстве подходы к регулированию трудовых отношений.

Исходящие и входящие транзакции показывают не только то, кто к кому и как часто обращается, но и *степень активности и авторитетности акторов*. Чем больше исходящих обращений, тем выше активность участника протеста. В свою очередь, получать обращения может тот, чья позиция является значимой, кто может на основании информации, полученной при обращении к нему, принять решение, совершить действие, иными словами, повлиять на ситуацию, изменить положение других акторов и даже конфигурацию пространства в целом. Здесь количество входящих транзакций свидетельствует о степени авторитетности того или иного участника.

Наиболее активными акторами, безусловно, являются работники, ведь именно они инициируют трудовые протесты. Заметим, не конфликты, а именно протесты. Конфликт может начать и работодатель, но протест, то есть открытую и публичную форму конфликта, начинают работники либо как группа, либо через представителей (профсоюзы). Именно публичный характер протеста подразумевает высокую степень активности работников как акторов протеста. Активность властей и рабо-

дателей ниже в 2,5 и 3,7 раза соответственно. А вот с авторитетностью ситуация выглядит иначе — наиболее авторитетным актором является работодатель, к которому адресованы просьбы, требования, пожелания, угрозы и приказы. Количество обращений к работникам и властям почти вдвое ниже. Такая структура входящих транзакций тоже понятна, ведь именно у работодателя находятся самые действенные рычаги, позволяющие конфигурировать пространство трудовых отношений, менять положение и статус инициаторов протеста, то есть работников.

Сопоставление входящих и исходящих транзакций позволяет оценить, как соотносится активность актора с его авторитетностью. Здесь бросается в глаза, насколько мало это соотношение у профсоюзов — у них, как у активных акторов, весьма низкий уровень авторитетности. В то время как неорганизованные работники, пенсионеры и уволенные имеют лучшее соотношение входящих и исходящих транзакций. Максимальное соотношение, разумеется, у работодателей, а представители власти выглядят в полной мере как посредники — число входящих и исходящих на одном уровне.

Но соотношение транзакций может быть еще отнормировано через представительность актора, чтобы показать, насколько значим тот или иной участник. *Коэффициент значимости акторов* не только позволяет получить оценки, характеризующие включенность актора во взаимодействия, но и показать его вес в социальном пространстве. Чем выше доля участия актора в протесте, чем больше транзакций будет направлено на него, тем будет выше коэффициент, и наоборот. В соответствии с предложенной методикой наибольшей значимостью обладают работодатели (значение коэффициента — 80,5), у них высокая степень включенности и максимальное соотношение входящих и исходящих транзакций. Следующий уровень значимости у властей — 30,7, а самый низкий коэффициент у работников — 16,4. Значимость профсоюза мизерная — 3,4, она объясняется и невысокой степенью представительности, и крайне неблагоприятным соотношением входящих и исходящих транзакций.

Предложенная методика позволяет определять уровень значимости не только в целом, но и в рамках подвыборок, по регионам, причинам протестов или, как в данном случае, по груп-

¹ Разумеется, представители властей вмешиваются в трудовые конфликты во всем мире, даже в тех странах, где сложились развитые социальные институты и развиты традиции правового регулирования трудовых конфликтов. Но делают они это в исключительных случаях, когда речь идет о крупных конфликтах, несущих масштабные угрозы экономике, или о разросшихся протестах, перерастающих в крупные социальные потрясения.

пам отраслей¹. При общем сохранении пропорций различия вполне очевидны (см. табл. 2). Для промышленности значимость профсоюзов оказалась максимально высокой (5,3). Вполне ожидаемой выглядит низкая значимость для профсоюзов в строительстве и ЖКХ, но для бюджетного сектора, где существуют многочисленные традиционные профсоюзы и весьма активные альтернативные, столь низкое значение (2,2) оказалось неожиданным. Активнее всего они в бюджетном секторе (83,5), здесь же максимальная значимость у властей как участников протестов (60,9). Это тоже вполне объяснимо, так как руководители образовательных, медицинских и других бюджетных организаций зависимы от выделения им средств из местных

ми отношениями (14,4). Для группы отраслей «строительство и ЖКХ» их значимость оказалась сопоставима с той, которая есть у работников. Поддержку строителям оказывают общественные организации, особенно если речь идет о мигрантах, работающих на стройках, коммунальщики пользуются сочувствием жителей, которые приходят на митинги поддержать их требования. Все вместе они обращаются к властям, и именно здесь виден момент «слияния» трудового протеста с общегражданским и коммунальным. Если в промышленности и в бюджетном секторе работники протестуют изолированно, то у строителей и коммунальщиков виден процесс слияния, точнее, притягивания к себе протестов из других сфер.

Таблица 2

КОЭФФИЦИЕНТ ЗНАЧИМОСТИ АКТОРОВ ТРУДОВЫХ ПРОТЕСТОВ ПО ОТРАСЛЯМ

АКТОРЫ	В целом по массиву	Промышленность	Бюджетные отрасли	Строительство и ЖКХ
Всего работники	16,4	18,07	13,9	15,9
В т.ч. неорганизованные работники	11,2	11,01	9,2	13,2
В т.ч. профсоюз	3,4	5,3	2,2	2,0
В т.ч. другие акторы со стороны работников	1,5	1,1	2,3	0,7
Всего работодатели	80,5	77,5	83,5	79,4
Всего власть	30,7	26,5	60,9	21,2
Всего общественные организации и другие	4,9	1,9	3,2	14,4

и региональных бюджетов, и без участия представителей властей вопросы зарплаты, отмены льгот, снижения финансирования и других причин, приводящих к протестам, не могут быть решены. Наконец, в таблице отраслевых сравнений просматривается роль еще одного актора — общественных организаций, партий и других, напрямую не связанных с трудовыми

Система взаимодействий акторов трудового протеста

Использование коэффициента значимости проясняет внутреннюю структуру протестов и показывает роли акторов, которые они исполняют. Однако он не позволяет увидеть, как складывается эта значимость и, прежде всего, какова структура взаимодействия акторов в пространстве трудового протеста. Информация о входящих и исходящих транзакциях позволяет не только узнать их количество, но и определить, кто с кем взаимодействует и как часто. Графическая схема того, как акторы взаимодействуют в рамках одного протеста, приведена на рис. 2.

Здесь видны пять акторов и семь транзакций: (1) работники, которые обращаются в профсоюз, (2) профсоюз, передающий требования работников (3) работодателю и, одновременно, обращающийся в (4) мэрию и (5) прокуратуру. Прокуратура и мэрия пытаются воздействовать на работодателя, а он, игнорируя профсоюз, обращается непосредственно к работникам.

¹ Выбор и группировка отраслей производилась с целью демонстрации наиболее существенных различий между участниками трудовых протестов. Промышленность, строительство и бюджетный сектор — это отрасли, где не только производится различный продукт, но и где существует определенный тип организаций, социального устройства и структура коллектива. Они не только устроены по-разному — они вписаны в разные экономические структуры, там неодинаково решены вопросы собственности и у них даже разная правовая ситуация. Например, бюджетникам (медикам, педагогам) запрещено бастовать. Имеет значение тип организации: в промышленности, особенно в так называемой тяжелой индустрии, — это крупные частные предприятия с большим количеством работников; в бюджетном секторе — это государственные средние, порой большие по численности организации (школы, больницы, вузы, библиотеки); в строительстве и ЖКХ — это средние и малые организации, функционирующие в сложной системе подрядов и субподрядов, где порой трудно отделить частные организации от бюджетных.

Рисунок 2
СХЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АКТОРОВ В ХОДЕ ПРОТЕСТА

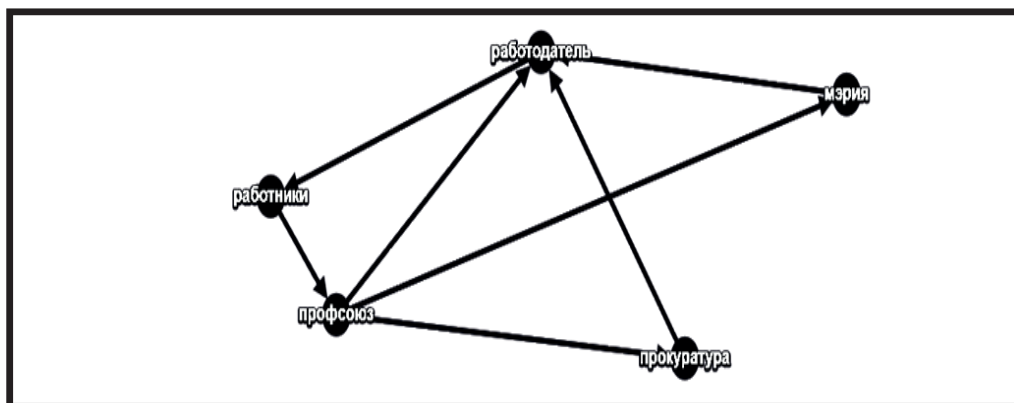
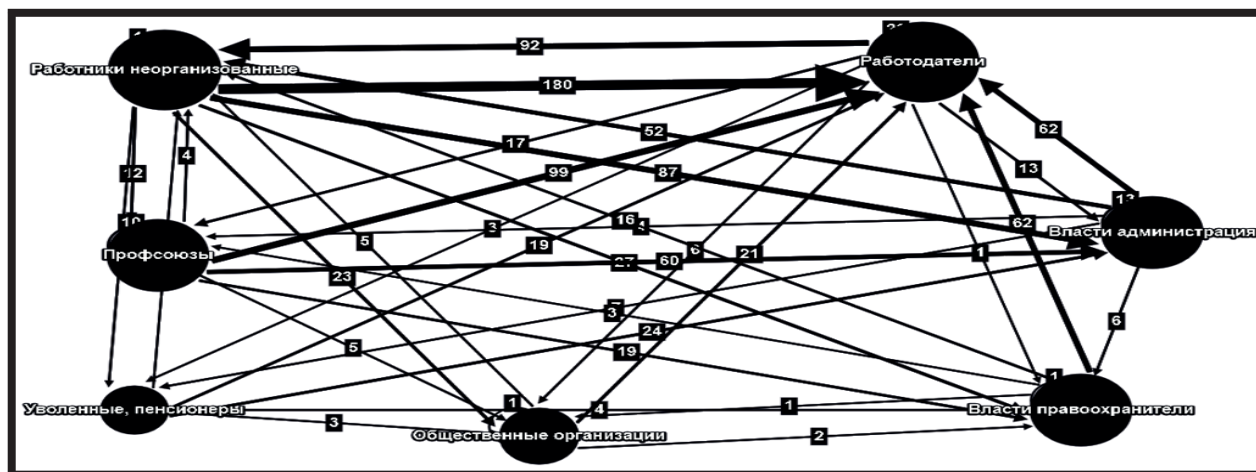

Рисунок 3
ОБЩЕННАЯ СХЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ АКТОРАМИ С УКАЗАНИЕМ ЗНАЧИМОСТИ ТРАНЗАКЦИЙ (ПРОМИЛЛЕ)

Для получения обобщенной картины необходимо подсчитать количество каждого актора и транзакций с указанием, от кого они исходили и к кому были обращены. В 2016 году в рамках 419 протестов было зафиксировано 1616 акторов и 1351 транзакция. Меньшее число транзакций по сравнению с количеством акторов объясняется тем, что не всегда количество обращений соответствует количеству ответов. Например, в приведенном примере, если власть, прокуратура и работодатель оставят обращение профсоюза без ответа, как это часто бывает при проведении митингов, то количество акторов останется прежним (пять), а число транзакций уменьшится с семи до четырех. Для анализа взаимодействий между акторами было сформировано семь групп акторов. Со стороны работников это три позиции – (1) неорганизованные работники; (2) профсоюз; (3) другие, выступающие со стороны работников. Работодатели были объединены в одну группу (4), а властные

акторы были разделены на две подгруппы – (5) представители исполнительной и законодательной власти; (6) представители правоохранительных органов. Последней группой (7) стали представители общественных организаций и прочие акторы. На рис. 3 представлена обобщенная схема взаимодействий между выделенными группами акторов¹ в виде графа, где акторы – это вершины, а транзакции с указанием значимости – это направленные дуги, имеющие соответствующий вес.

Разумеется, столь насыщенный граф невозможно анализировать визуально, поэтому он был трансформирован в матрицу смежности (размером 7x7), которая отражает частоту и направленность транзакций – матрицу взаимодействий. Строки и столбцы в ней соот-

¹ Стрелки, обозначающие транзакции, сопровождаются цифровыми значениями, которые отражают долю данного вида транзакций в общем числе. Чтобы избежать малых и дробных значений, данные приводятся не в процентах, а в промилле, то есть это проценты, умноженные на 10.

ветствуют номеру актора, а числа — это значимость транзакции в промилле. Например, доля транзакции профсоюза с работодателем (Tr_{24}) составляет 99 промилле и находится на пересечении второй строки и четвертого столбца. Матрица взаимодействий акторов трудового протеста по всему массиву в 2016 году ($ТП_{общ}$) выглядит следующим образом:

$$ТП_{общ} = \begin{vmatrix} 1 & 12 & 3 & 180 & 87 & 27 & 23 \\ 4 & 10 & 0 & 99 & 60 & 19 & 5 \\ 1 & 0 & 0 & 19 & 24 & 0 & 3 \\ 92 & 17 & 3 & 20 & 13 & 1 & 6 \\ 52 & 4 & 7 & 62 & 13 & 6 & 0 \\ 16 & 3 & 4 & 62 & 0 & 1 & 1 \\ 5 & 0 & 0 & 21 & 0 & 2 & 1 \end{vmatrix}$$

Таким же образом можно построить матрицы взаимодействия акторов для любой подвыборки, в том числе для разных отраслей — промышленности ($ТП_{пром}$), бюджетного сектора ($ТП_{бюдж}$), строительства и ЖКХ ($ТП_{стр}$). Построение таких матриц дает возможность сравнивать их между собой, выявляя различия в транзакциях. Вычитание из матрицы взаимодействий для промышленности матрицы взаимодействий для бюджетного сектора ($ТП_{пром}$) — ($ТП_{бюдж}$) дает результирующую матрицу ($ТП_{пром-бюдж}$).

$$\begin{vmatrix} 3 & 8 & 0 & 144 & 64 & 16 & 5 \\ 5 & 19 & 0 & 147 & 64 & 24 & 5 \\ 0 & 0 & 0 & 13 & 16 & 0 & 0 \\ 85 & 35 & 8 & 21 & 13 & 0 & 3 \\ 51 & 11 & 8 & 69 & 13 & 8 & 0 \\ 8 & 5 & 11 & 77 & 0 & 0 & 0 \\ 3 & 0 & 0 & 19 & 11 & 5 & 3 \end{vmatrix} - \begin{vmatrix} 0 & 16 & 8 & 182 & 194 & 36 & 20 \\ 20 & 8 & 0 & 63 & 99 & 0 & 8 \\ 0 & 0 & 0 & 12 & 12 & 0 & 0 \\ 63 & 0 & 4 & 12 & 16 & 0 & 0 \\ 71 & 4 & 4 & 36 & 28 & 0 & 0 \\ 12 & 4 & 0 & 24 & 0 & 0 & 0 \\ 4 & 0 & 0 & 24 & 16 & 4 & 0 \end{vmatrix} = \begin{vmatrix} 3 & -8 & -8 & -38 & -130 & -20 & -15 \\ -15 & 11 & 0 & 84 & -35 & 24 & -3 \\ 0 & 0 & 0 & 1 & 4 & 0 & 0 \\ 22 & 35 & 4 & 9 & -3 & 0 & 3 \\ -20 & 7 & 4 & 33 & -15 & 8 & 0 \\ -4 & 1 & 11 & 53 & 0 & 0 & 0 \\ -1 & 0 & 0 & -5 & -5 & 1 & 3 \end{vmatrix}$$

Числа в матрице различий обозначают следующее: положительные значения показывают превышение доли данной транзакции (Tr_{ij}) в уменьшаемой матрице по сравнению с вычитаемой, и наоборот — отрицательное число показывает, что доля данной транзакции в вычитаемой больше, чем в уменьшаемой. Так, транзакция $Tr_{24} = 84$ в результирующей матрице ($ТП_{пром-бюдж}$) означает, что количество обращений от профсоюза к работодателю в промышленности больше на 84 промилле (или 8,4%), чем в бюджетном секторе. А транзакция $Tr_{15} = -130$ показывает, что неорганизованные работники из бюджетного сектора на 130 промилле (или 13%) чаще, чем промышленные ра-

ботники, обращаются к представителям исполнительной власти.

Если зафиксировать наиболее значимые различия (более 30 промилле, или 3%), то между взаимодействиями акторов трудового протеста в промышленных и бюджетных отраслях они таковы:

— в бюджетных отраслях неорганизованные работники чаще обращаются к работодателям, но почти втрое чаще к властям;

— в промышленности профсоюзы чаще обращаются к работодателям, а у бюджетников — к административным властям;

— работодатели в промышленности чаще обращаются к профсоюзам, чем у бюджетников;

— в промышленности власти активнее обращаются к работодателям, а еще активнее к ним обращаются правоохранительные органы.

Таким же образом можно получить матрицы, иллюстрирующие различия во взаимодействиях между промышленностью и строительством ($ТП_{пром-стр}$), строительством и бюджетом ($ТП_{стр-бюдж}$).

$$ТП_{пром-стр} = \begin{vmatrix} 3 & 1 & -4 & -99 & -3 & -30 & -37 \\ 5 & 15 & 0 & 105 & 46 & 13 & 5 \\ 0 & 0 & 0 & -7 & -12 & -4 & -15 \\ -38 & 21 & 8 & -7 & -12 & -4 & -15 \\ 2 & 11 & -3 & -1 & 6 & -3 & 0 \\ -17 & 1 & 11 & -15 & 0 & 0 & 0 \\ -1 & 0 & 0 & 1 & 11 & 5 & 3 \end{vmatrix}$$

В строительстве по сравнению с промышленностью неорганизованные работники чаще обращаются напрямую к работодателям (на 9,9%), в правоохранительные органы (3%)

и к общественным организациям (3,7%). В промышленности профсоюзы чаще обращаются к работодателям (10,5%) и административным властям (4,6%). В строительстве работодатели чаще (3,8%) обращаются к неорганизованным работникам.

ТП _{стр-бюдж} =	0	-9	-4	61	-127	10	22
	-20	-4	0	-21	-81	11	-8
	0	0	0	-8	-1	0	0
	60	14	-4	16	9	4	18
	-22	-4	7	34	-18	11	0
	13	0	0	68	0	0	0
	0	0	0	-6	-16	-4	0

В строительстве неорганизованные работники чаще обращаются к работодателям (6,1%), а в бюджетных отраслях – к административным властям (12,7%). В строительстве работодатели чаще обращаются к неорганизованным работникам (6,0%). В бюджетных отраслях административные власти чаще обращаются к работодателям, чем у строителей (3,4%).

Обобщая отмеченные различия, можно выделить особенности взаимодействия акторов в различных отраслях. В *промышленных отраслях* взаимодействие акторов сильнее всего походит на то, что предписано нормативной моделью. Здесь выше активность профсоюза, поэтому преобладают взаимодействия с работодателем, а не с другими акторами. Хотя и здесь до нормативной модели далеко – достаточно велика роль власти как непосредственного актора, также значительна роль неорганизованных работников.

В *строительстве* инициатива безоговорочно принадлежит неорганизованным работникам, и именно с ними выстраивают отношения и работодатели, и власти. Также здесь велика роль «посторонних акторов» – общественных организаций, через которые трудовые конфликты «выводятся» за пределы предприятий.

В *бюджетных отраслях* главными являются взаимодействия властей с неорганизованными работниками. Профсоюзы здесь активнее, чем в строительстве, но и они нацелены на власти, которые представлены как активные участники, а не как арбитры. Это во многом, обусловлено спецификой бюджетных отраслей, где работодатели зависимы от властей и все требования работников переадресуются или напрямую обращаются к властям.

Основные выводы

Подводя итоги, можно отметить две группы результатов – методические и содержательные. Методический подход, основанный на выделении акторов, участвующих в протесте, и фиксация возникающих между ними взаимодействий оказался оправданным. Прежде всего удалось определить линейные и обобщенные характеристики тех, кто вовлечен в трудовые протесты, и интенсивность их взаимодействия. Важно, что методика позволяет это делать не только в целом, но и сопоставлять отдельные подвыборки, что открывает большие перспективы для сравнительного анализа в рамках мониторинга. В статье приведен пример сравнения по укрупненным группам отраслей экономики, но уже сейчас достаточно данных, чтобы провести анализ по федеральным округам и даже по некоторым субъектам Федерации. Причем по мере накопления данных можно будет выделять все более дробные критерии для сравнения. Важным аспектом сравнительного анализа, безусловно, станет изучение динамики взаимодействия акторов трудовых протестов в разные периоды времени. Изменение или, наоборот, стабильность результатов дадут богатый материал для понимания того, как меняются трудовые протесты и что будет в перспективе.

Говоря о содержательных итогах, следует отметить несколько моментов, которые необходимо отслеживать и при сравнении подвыборок, и при изучении динамики. Во-первых, нужно контролировать значимость и структуру взаимодействий работников, как неорганизованных, так и объединенных в профсоюзы. Полученные данные свидетельствуют, что *высокая активность со стороны работников не делает их значимыми участниками в пространстве трудового протеста*. Профсоюзы почти вытеснены из этого пространства – работодатели и власти предпочитают взаимодействовать не с ними, а с неорганизованными работниками. Скорее всего это связано с тем, что профсоюзы – это более подготовленный и требовательный партнер, которым трудно манипулировать. Признаком нормализации ситуации стало бы увеличение значимости работников вообще и профсоюзов в частности.

Другой аспект, требующий пристального внимания, – это степень вовлеченности, значимость и спектр взаимодействий властей. Нормативную роль арбитров выполняют представители правоохранительных органов – Госинспекция, прокуратура, полиция и др. Они указывают на наличие нарушений, требуют ис-

правления ситуации, то есть пытаются ввести возникший конфликт в правовое поле. А роль представителей исполнительных и законодательных властей — региональных правительств, муниципальных органов и даже федеральных органов власти — никак не вписывается в нормативную схему регулирования трудового конфликта. Чаще всего они напрямую взаимодействуют с участниками протестов: принимают жалобы от работников, организуют давление на работодателей или, наоборот, пытаются вместе с ними если не погасить протест, то перевести его назад, в закрытую форму, чтобы люди не выходили на улицы, не устраивали забастовок, голодовок и т.п. Такой *характер взаимодействий говорит об использовании ими так называемого ручного управления, когда акторы действуют не в институциональных рамках, а по обстоятельствам.* Необходимость прямого участия властей в протестах вызвана несовершенством законодательства — запретительный закон позволяет заблокировать организацию законной забастовки, но не отменяет самого конфликта, его последствий в виде разнообразных протестов.

Крайне важно отслеживать роль работодателей, которые выглядят доминирующими фигурами в пространстве протеста, к которым обращены все просьбы и требования. Без них невозможно урегулировать ситуацию, которая привела к возникновению протеста. При этом работодатели, как показывает структура транзакций, имеют возможность выбирать, с кем им удобнее взаимодействовать. Разумеется, они делают выбор в пользу неорганизованных работников, даже при наличии профсоюза, ведь с ним гораздо труднее общаться, там есть подготовленные специалисты, которых трудно обмануть, они склонны не верить на слово, но требуют заключения договоров и соглашений. Профсоюзы — это институциональный актор, склонный опираться на закон, официальные процедуры, ограничивающие произвол работодателей. Поэтому работодатели отдают предпочтение неорганизованным работникам, так как ими легче манипулировать, с ними можно заключать неформальные договоренности, на них легче оказывать давление, чем на профсоюзы, способные использовать не только закон, но и поддержку других профсоюзов, в том числе и международную.

Предложенный методический подход позволил увидеть *важную особенность трудовых протестов — они не одинаковы.* Даже приведенные в статье примеры показывают, что единого сценария трудового протеста не существует.

Между отраслями есть различия, и, например, сценарии протестов в промышленности, которые ближе всего к нормативной модели, отличаются от тех, которые есть в бюджетном секторе или в строительстве. Но именно за счет непромышленных отраслей происходит увеличение числа протестов, а значит, все более распространенными становятся модели, где преобладают власти как участники конфликта, где профсоюзы исключены из взаимодействия, а работодатели занимают безусловную доминирующую позицию.

Подобная конфигурация пространства дает работодателям немалые преимущества, позволяющие сохранять и даже укреплять доминирование. В большинстве случаев управленцы, допустившие грубые нарушения закона, например невыплаты зарплаты, остаются на своих позициях даже после частичного погашения задолженности. Санкции против них носят условный характер, не доставляя особых беспокойств, — штрафы незначительны, отстранение от работы бывает редко, уголовные наказания еще реже. А если говорить о других причинах, толкающих работников к протестам, таких как реорганизация предприятия, изменение условий оплаты или режимов работы, то тут и вообще трудно предъявить какие-либо претензии к работодателю. К тому же часто включаются неформальные механизмы, когда представители властей начинают помогать работодателю искать средства для выплаты задолженностей и(или) подавлять активность работников. Поэтому сохранение своей позиции и подобного положения дел видится управленцами как важнейшая задача. Работники, предъявляя претензии, как правило, опираются на трудовое законодательство или на понятия о справедливости. Но работодатели воспринимают это как покушение на их господствующую позицию и, выражаясь языком теории фреймов, осуществляют рефрейминг ситуации, превращая ее из правовой в схватку за власть (за право принимать решения, распределять ресурсы и т.п.). Именно этим объясняется отказ от диалога, различные манипулятивные технологии воздействия на работников, давление на лидеров протеста и т.п. Сопrotивляясь давлению на себя, работники вынужденно втягиваются в эту схватку, покидая правовое поле и вступая на поле локальной борьбы за власть. Логика такой борьбы заставляет их искать поддержки у других влиятельных акторов и перетягивать на свою сторону представителей властей, пытаясь усилить свою позицию. В ход идут самые раз-

нообразные методы: работники демонстрируют свою уязвимость, показывая бедность, отсутствие необходимых жизненных средств, невозможность кормить детей и т.п. Но это не правовые методы, это методы борьбы за власть, за влияние, где у работников, во-первых, крайне мало шансов на победу, а во-вторых, даже если они победят, они не получают никаких гарантий того, что ситуация не повторится вновь.

Именно этот драматический *переход от правовых требований к схватке за власть* является сутью трудовых протестов в современной России. Предъявление работниками претензий по поводу нарушенных прав подразумевает опору на правовые институциональные механизмы, но дальнейшее развитие ситуации не находит адекватного продолжения из-за отсутствия эффективной правовой процедуры разрешения трудовых споров. В такой ситуации конфликт либо угасает, когда работники смиряются со своим поражением, либо переходит в латентную вялотекущую фазу постоянной вражды и мелких стычек, либо в протест, когда стороны не связаны институциональными рамками и все решается соотношением сил в данный момент.

Работодатели, располагая финансовыми, административными и организационными ресурсами, конечно же, занимают доминирующую позицию. Мало кто может им противостоять, кроме правоохранительных органов, опирающихся на государственную мощь. Незначительная роль профсоюзов только показывает справедливость вывода о трансформации протеста из правового спора в ничем не ограниченную борьбу за власть. Они — именно тот актер, который может удерживать ситуацию в легальном пространстве, а их вытеснение (игнорирование) позволяет уйти в зону, где у работодателя есть преимущество, где главным является не закон, а расклад сил.

Протестное движение работников в такой ситуации превращается в серию схваток за власть в рамках отдельных предприятий. Трудовое законодательство в условиях протеста не

играет существенной роли, так как его удается использовать только на стадии предъявления претензий, а дальше ситуация развивается на основе того, насколько солидарны действия работников, в какой мере работодатель расположен к переговорам, а власти — к давлению на участников. Этим обусловлена однотипность конфликтных ситуаций — одинаковые конфликты и появляющиеся на их основе протесты возникают повсеместно, найденные в одной ситуации решения не применяются в иных и, как правило, не пригодны для них. Иными словами, происходит то, что может быть названо *деинституционализацией трудовых конфликтов*, в основе которой лежит перевод институционального (правового) противоречия в локализованную борьбу за власть.

Какими могут быть последствия такой ситуации? Динамика трудовых протестов показывает, что их количество нарастает, то есть растет уровень конфликтности в трудовых отношениях. Это значит, что простое накопление протестов при определенном их количестве приведет к качественному изменению. Но, так как протесты усилиями работодателей, которым это выгодно, и властей, которые не желают менять законодательство о регулировании трудовых споров, переводятся в плоскость борьбы за власть, качественные изменения протестного движения работников будут связаны с укрупнением протестов и сопровождаться обобщенными требованиями, направленными на перераспределение власти. В локальных пространствах отдельных предприятий работодатели, безусловно, имеют преимущество. Но сохранится ли оно при возникновении качественно иных протестов? Опыт глобальных выступлений работников, таких как шахтерские забастовки 1989—1991 годов, «рельсовые войны» 1998 года, конфликт в Пикалево в 2009 году и в Междуреченске в 2010-м, показывает полную беспомощность работодателей, которые переключают тяжесть урегулирования созданных ими конфликтов на плечи государства и общества.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КОДИФИКАТОР АКТОРОВ ТРУДОВЫХ ПРОТЕСТОВ

1. СТОРОНА РАБОТНИКОВ	
1	1.1. Действующие работники, сотрудники
2	1.1.1. Основные работники
3	1.1.2. Вспомогательные работники
4	1.1.3. Отдельная профессиональная группа работников
5	1.1.4. Работники структурного подразделения (цех, бригада, филиал и т.п.)
6	1.1.4.1. Группа работников
7	1.1.5. Стихийные лидеры из числа действующих работников
8	1.2. Профсоюз в целом
9	1.2.1. Профсоюзный лидер или комитет регионального уровня и выше
10	1.2.2. Профсоюзный лидер или комитет первичной профсоюзной организации
11	1.2.3. Профсоюзный лидер или комитет структурного подразделения
12	1.2.4. Члены профсоюза
13	1.2.5. Рабочие, забастовочные и другие непрофсоюзные комитеты
14	1.3.1. Уволенные работники
15	1.3.2. Пенсионеры, бывшие работники
16	1.3.3. Родственники, члены семьи действующих или бывших работников, жители
2. СТОРОНА РАБОТОДАТЕЛЕЙ	
17	2.1. Руководство структурных подразделений
18	2.2. Руководство предприятия, организации, первые лица организации
19	2.3. Руководство вышестоящей управляющей структуры (руководство холдинга, вышестоящая организация, наниматель, подрядчик)
20	2.4. Собственник, представитель собственника
3. ВЛАСТЬ	
21	3.1. Высшее руководство страны
22	3.2.1. Региональные администрации
23	3.2.2. Городские, муниципальные администрации
24	3.2.3. Местные, сельские администрации
25	3.3. Представители парламентов, депутаты
26	3.4.1. Гострудинспекция
27	3.4.2. Прокуратура, Следком
28	3.4.3. Полиция, ФСБ
29	3.4.4. Другие властные и правоохранительные и властные органы
4. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ	
30	4.1. Представители партий
31	4.2. Представители общественных организаций
32	4.3. Другие общественные организации, СМИ, горожане, жители
5. ДРУГИЕ	
33	5.1. Суды
34	5.2. Банки, другие экономические акторы
35	5.3. Работники других предприятий и отраслей

Татьяна ЛЫСОВА

Моделирование социально-культурных связей: анализ предпринимательского потенциала

Данная работа посвящена культурным факторам, влияющим на отношение к предпринимательской деятельности в России. Целью работы является построение статистической модели, связывающей патерналистские установки, общественную оценку вознаграждения различных личностных качеств и предпринимательства. Анализ проводился с помощью статистического аппарата моделирования структурными уравнениями (SEM). Результаты показывают, что в современной России преобладает отношение к предпринимательству как к общественно полезному, но «нечестному» виду деятельности. Такое отношение объясняется распространенностью мнения о том, что не современные качества (готовность подчиняться и наглость) являются выгодными для продвижения в обществе, причиной чего в определенной степени являются патерналистские установки населения. Данная ситуация приводит к тому, что в России не существует благоприятной общественной среды для развития предпринимательской деятельности.

Для развития предпринимательской деятельности важны как личные качества предпринимателя, его социальные связи и окружение, так и отношение в обществе к этому виду деятельности¹. Важность таких факторов подтверждается и в российском контексте²: российских предпринимателей от людей, занятых другими видами деятельности, отличают высокая когнитивная способность, мобильность, склонность к риску, трудолюбие. Также предпринимателей характеризует иное ближайшее окружение — среди друзей и родственников было больше людей, которые занимаются или занимались предпринимательством; родители имели более высокое образование и были более обеспеченными. А также, хотя и в меньшей степени, различалось субъективное восприятие

общественного отношения к предпринимательству.

Эксперты, опрошенные в рамках международного мониторинга предпринимательства (Global Entrepreneurship Monitoring) в 2016–2017 годах, низко (3,5 балла из 9) оценивают культурные и социальные нормы в России, связанные с предпринимательской деятельностью (по этому показателю Россия находится на 63-м месте из 66)³.

Более того, опрос населения (в возрасте от 16 до 84 лет), проведенный в рамках мониторинга предпринимательства, показывает: сами россияне считают, что у них мало возможностей и способностей для предпринимательской деятельности, и лишь 2% россиян сказали, что у них есть предпринимательские намерения. Однако респонденты считают, что у предпринимателей высокий статус в обществе и что предпринимательство — это хороший выбор для построения карьеры (согласие с этими мнениями выразили 66 и 63% респондентов соответственно).

Таким образом, сейчас в России сложилась ситуация, когда в целом к предпринимателям относятся положительно, однако само российское население не готово заниматься предпринимательской деятельностью, чему не способствует институциональная и социальная среда. Как показывают исследования, общественное отношение к предпринимательской деятельности влияет на мотивацию заняться предпринимательством⁴, поэтому важно понять, что влияет на российское общественное мнение по поводу предпринимательства.

Хофстеде ввел шесть параметров для описания национальных культур. Один из них — дистанцированность от власти. Общества со значительной дистанцией от власти характе-

¹ Morrison A. Entrepreneurship. What Triggers It? // International Journal of Entrepreneurial Behaviour & Research. № 2(6). 2000. P. 59.

² Djankov S., Miguel E., Qian Y., Roland G., Zhuravskaya E. Who Are Russia's Entrepreneurs? // Journal of the Economic Association. № 3(2–3). 2005. P. 587–597.

³ Global Entrepreneurship Monitor. Global Report 2016/2017. [Online]. Дата обращения 12 декабря 2017 г.: [Электронный ресурс]. <http://www.gemconsortium.org/report>

⁴ Davidsson P., Honig B. The Role of Social and Human Capital Among Nascent Entrepreneurs // Journal of Business Venturing. № 18(3). 2003. P. 326.

ризируются, например, автократическими правительствами, несамостоятельностью подчиненных (они «ожидают, что им скажут, что делать»), неравномерностью распределения доходов и пр.¹ Таким образом, данный параметр измерения культуры характеризуется патерналистскими установками населения, то есть население, снимая с себя ответственность и не проявляя инициативы, ожидает от государства определенных благ и указаний.

В другой работе Хофстеде², считая, что культура объясняет оценки личностных черт, показал, что существует статистическая связь между показателем дистанции от власти и некоторыми личностными чертами. С помощью метода пошаговой регрессии он установил, что дистанцированность от власти положительно взаимосвязана с добросовестностью (в обществах с высокой дистанцией от власти люди оценивали себя как более добросовестных) и отрицательно — с открытостью новому опыту (люди в обществах с высокой дистанцией от власти описывают себя менее открытыми новому опыту). Однако Хофстеде указал, что у показателя ВВП (валовой национальный продукт) на душу населения, который он использовал как индикатор уровня бедности и контрольную переменную, связь с добросовестностью теснее (в бедных обществах люди считают себя более добросовестными), чем у показателя дистанции от власти. Из этого анализа следует, что в патерналистских обществах люди реже обладают теми чертами, которые исследователи³ приписывают предпринимателям, — склонностью к риску, инициативностью.

В работе российских социологов⁴ показано, что российское городское население по-разному оценивает востребованность современных (инициативность, ответственность) и не современных (готовность подчиняться, бессовестность) личностных качеств. Так, большинство респон-

дентов считало, что современные качества в обществе не вознаграждаются, в то время как не современные — наоборот. При этом данные качества сосуществуют без конфликта в мнении россиян. Это, по мнению авторов исследования, означает, что существует только видимость поддержки современных качеств, в то время как не современные личностные качества являются «общепринятой, базовой нормой организации жизни». Данный фактор является существенным тормозом в развитии инновационного и предпринимательского потенциала.

Модель и исследовательские гипотезы

В исследовании проверяется взаимосвязь патерналистских установок россиян и отношения к определенным личным качествам и предпринимателям. На основе литературы предполагается, что отношение к предпринимателям может быть объяснено не только установками россиян по поводу тех качеств, которые ценятся в обществе, но и в целом патерналистскими установками.

Основные гипотезы:

1. Восприятие вознаграждения современных личных качеств положительно связано с позитивным представлением россиян о предпринимателях и отрицательно — с негативным представлением;
2. Восприятие вознаграждения не современных личных качеств положительно связано с негативным представлением россиян о предпринимателях и отрицательно — с позитивным представлением;
3. Патерналистские установки положительно связаны с представлениями о вознаграждении не современных личных качеств и отрицательно — с представлениями о вознаграждении современных личных качеств.

Как видно из приведенных выше гипотез, в данной работе считается, что отношение к вознаграждению личностных качеств выступает в роли медиатора между патерналистскими установками и субъективным восприятием предпринимательства. Предположение о медиативной роли отношения к личностным качествам основано на том, что существующее восприятие общественной ценности современных и не современных качеств сказывается на развитии предпринимательской деятельности⁵, но, по-видимому, объясняется сложившимся порядком вещей (например, ограниченным развитием рыночной экономики в России).

¹ Хофстеде Г. Модель Хофстеде в контексте: параметры количественной характеристики культуры // Язык, коммуникация и социальная среда. № 12. 2014. С. 21–22.

² Хофстеде Г., МакКрэй Р. Возвращаясь к обсуждению личности и культуры: связь личностных черт и культурных осей // Социологический журнал. № 4. 2010. С. 29–30.

³ Заславская Т. Бизнес-слои российского общества: понятие, структура и идентификация // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 5. 1994. С. 10. Cunningham J.B., Lischeron J. Defining Entrepreneurship // Journal of Small Business Management. № 29(1). 1991. P. 48. Djankov et al. P. 590.

⁴ Бондаренко Н., Красильникова М., Юдаева К. Инновационный и предпринимательский потенциал общества // Вестник общественного мнения. № 1(111). 2012. С. 7–89.

⁵ Бондаренко Н. и др. Там же.

Чтобы оценить вклад патерналистских установок в модель, сначала будет оценена модель взаимосвязи отношения к личностным качествам и предпринимательству, а потом в модель будут введены показатели патернализма в качестве предикторов отношения к личностным качествам.

Методология исследования

Для проведения статистического анализа использовался метод моделирования структурными уравнениями (Structural Equation Modeling, SEM), который позволяет выявлять отношения не только между наблюдаемыми и латентными переменными, но и между непосредственно самими латентными переменными. Таким образом, в методике SEM есть две основные составные части: структурная модель (показывает возможные регрессионные связи между латентными и/или наблюдаемыми переменными) и модель измерений (показывает отношения между латентными переменными и их показателями).

Задачей SEM является проверка соответствия теоретической модели эмпирическим данным, собранным в рамках определенного исследования. SEM является методом априорного анализа, то есть исследователь, основываясь на теории, должен четко указать, какие именно связи необходимо определить (ковариационные, регрессионные), а также обозначить переменные, между которыми устанавливаются эти связи. При анализе методом моделирования структурными уравнениями параметры оцениваются с помощью минимизации разницы между наблюдаемыми ковариациями и теми, которые подразумеваются моделью.

Перед осуществлением SEM, в котором будет проводиться анализ латентных переменных, можно провести эксплоративный (или разведывательный) факторный анализ, который облегчает исследователю задачу определения латентных факторов. Этот анализ является апостериорным, то есть исследователь заранее не знает, количество извлекаемых факторов и вариацию каких переменных извлеченные факторы объясняют.

В данном исследовании для проверки данных на нормальность и выбросы, а также для реализации факторного анализа, использовалась программа IBM SPSS Statistics 20, для реализации SEM — пакет lavaan версии 0.4–0.8 программы R версии 3.3.1.

Описание данных

Описание выборки и переменных

Для анализа использовались данные опроса общественного мнения, проведенного «Левада-Центром» по заказу НИУ ВШЭ в 2016 году. Для проведения опроса была спроектирована многоступенчатая стратифицированная вероятностная выборка, репрезентирующая городское и сельское экономически активное (от 15 до 72 лет) население России. Всего было опрошено 6062 человека.

На основании литературы были сформулированы следующие латентные конструкты, которые были измерены в рамках опроса (латентные конструкты и их измерения представлены в табл. 1):

- отношение к вознаграждению современных и не современных личностных качеств — отношение к тем качествам, которые поощряются и помогают в продвижении в обществе. Под современными личностными качествами понимались такие, как трудолюбие, вера в собственные усилия, инициативность, самостоятельность. Под не современными — склонность к подчинению и наглость;
- патерналистские установки, характеризующие те аспекты общественной жизни, в которой люди предпочитают бездействовать и снимать с себя ответственность, ожидая указаний и определенных благ от государства;
- отношение к предпринимательству, характеризующие как субъективное восприятие самой предпринимательской деятельности, так и существующей институциональной среды, связанной с этим видом деятельности.

Перед проведением основного анализа с помощью SEM целесообразно посмотреть на распределения ответов респондентов, опрошенных в рамках данного опроса, чтобы выявить распространенность тех или иных взглядов среди российского населения (рис. 1–3).

Россияне чаще всего считают, что в обществе ценятся в первую очередь не современные качества (готовность подчиняться и выполнять указания начальства) (рис. 1). Данная установка показывает склонность к патернализму, безынициативности и стремлению снять с себя ответственность. О сильной склонности к патернализму говорят и распределения ответов на вопросы, связанные с измерением патерналистских установок (рис. 2), которые показывают, что большая доля населения считает, что государство должно обеспечивать различными экономическими и социальными благами население.

Распространенность патерналистских установок согласуется с тем, что российское на-

Таблица 1

КОНСТРУКТЫ И ИХ ИЗМЕРЕНИЯ

Отношение к вознаграждению современных и не современных личностных качеств (шкала 1–4: полностью согласен — полностью не согласен)

Q7A. В нашей стране вознаграждается усердный труд

Q7B. В нашей стране вознаграждаются ум и профессиональное мастерство

Q7C. В нашей стране высоко ценится индивидуальный успех, достигнутый в результате личных усилий

Q7D. В нашей стране высоко ценится самостоятельность, независимость и личная инициатива

Q7E. В нашей стране вознаграждается готовность подчиняться и выполнять указания начальства

Q7F. В нашей стране люди с хорошими идеями обычно могут их реализовать

Q7G. В нашей стране вознаграждается готовности идти на риск и брать на себя ответственность

Q7H. В нашей стране вознаграждаются наглость и напористость

Отношение к предпринимательству (шкала 1–4: полностью согласен — полностью не согласен)

Q9A. Предпринимательству научить невозможно, предпринимателем надо родиться

Q9B. Не стоит начинать бизнес, если существует риск его провала, неудачи

Q9C. Предприниматели создают новые продукты и услуги и от этого польза и выигрыш для всех нас

Q9D. У человека надолго останется репутация неудачника, если его бизнес не состоялся

Q9E. Предприниматели думают только о своих кошельках, о своей выгоде

Q9F. Предприниматели создают рабочие места

Q9G. Предприниматели пользуются результатами труда других людей, эксплуатируют других

Q9H. Наше государство старается создать благоприятные условия для ведения малого бизнеса

Патерналистские установки (шкала 1–4: безусловно, должно — безусловно, не должно)

Q17A. Государство должно обеспечивать работой каждого, кто хочет работать

Q17B. Государство должно сдерживать рост цен

Q17C. Государство должно обеспечивать нормальный уровень жизни старикам

Q17D. Государство должно обеспечивать нормальный уровень жизни безработным

Q17E. Государство должно сокращать различия в доходах между бедными и богатыми

Q17F. Государство должно обеспечивать необходимым жильем тех, кто сам не в состоянии сделать этого

Q17G. Государство должно обеспечивать равноправие мужчин и женщин

селение считает, будто в стране не существует условий для реализации предпринимательского потенциала: 47% респондентов считают, что в России люди с «хорошими идеями» не могут их реализовать; 42% сказали, что государство не создает комфортные условия для ведения бизнеса (рис. 3).

В целом этот опрос подтверждает данные мониторинга предпринимательства о благосклонном отношении населения к предпринимательству. Так, более 50% опрошенных считают, что в России также вознаграждаются ум, профессиональное мастерство и инициативность — качества, которые характеризуют предпринимателя. Более того, опрошенные респонденты выразили наибольшее согласие

с утверждениями, подчеркивающими позитивный вклад предпринимателей в экономику (85% согласились с мнением, что предприниматели создают рабочие места; 77% — что предприниматели создают новые продукты и услуги, приносящие пользу обществу) (рис. 3).

Однако две трети респондентов считают, что предприниматели эгоистичны и в первую очередь думают о своей выгоде. Возможно, это свидетельствует, что предпринимательство воспринимается как довольно бессовестный и циничный вид деятельности, который при этом приносит пользу обществу и экономике (создавая новые услуги, товары и рабочие места).

Проверка данных на нормальность

Анализ с помощью SEM основывается на

Рисунок 1
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ СОГЛАСНЫ ИЛИ НЕ СОГЛАСНЫ С ТЕМ, ЧТО В НАШЕЙ СТРАНЕ...» (N = 6062)

Рисунок 2
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ДОЛЖНО ЛИ ГОСУДАРСТВО...»

Рисунок 3
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ СОГЛАСНЫ ИЛИ НЕ СОГЛАСНЫ СО СЛЕДУЮЩИМИ УТВЕРЖДЕНИЯМИ?» (N = 6062)

предположении, что данные распределены нормально. Это дает основание использовать в качестве метода оценки модели максимальное правдоподобие (ML). Однако если данные распределены не нормально, то также есть способ оценки модели с помощью робастного максимального правдоподобия (robust ML, MLM)¹. Использование MLM позволяет избежать слишком раздутых показателей², занижения оценок индексов соответствия модели эмпирическим данным и стандартных ошибок, что произошло бы в случае оценки не нормально распределенных данных методом ML.

Перед проведением основного анализа все данные были проверены на выбросы и одномерную и многомерную нормальность. Одномерные выбросы определялись как оценки, отличающиеся от выборочной средней оценки более чем на ± 3 стандартных отклонения. Для определения многомерных выбросов использовался показатель рычага (leverage). Выбросами считались те значения показателя рычага, которые превышали среднее значение по выборке показателя рычага в пять раз. Одномерных и многомерных выбросов выявлено не было.

Одномерная и многомерная нормальность оценивалась с помощью показателей асимметрии (смещение пика кривой распределения в ту или иную сторону от средней оценки) и эксцесса (уплощение или вытягивание пика кривой распределения). Проверка на одномерную нормальность показала, что большинство переменных распределены нормально (показатели асимметрии и эксцесса оказались в диапазоне от -2 до 2 , что можно считать приемлемым для дальнейшего анализа²). Однако для ряда индикаторов (*q17A*, *q17B* и *q17C*) показатели эксцесса оказались довольно большими ($7,236$, $10,725$ и $13,369$ соответственно). Также была осуществлена проверка данных на многомерную нормальность с помощью анализа регрессионных остатков, проводимого путем регрессирования каждой переменной на все остальные и сохранения остатков. Данный тест выявил, что, если в регрессии в качестве зависимых переменных стояли *q17A*, *q17B* и *q17C*, эксцесс остатков этих регрессий оказывался довольно большим ($7,484$, $15,265$ и $10,417$ соответственно).

Для анализа с помощью SEM в статистическом пакете R анализировалась матрица вариаци-

ций и ковариаций (описательная статистика и корреляции между переменными представлены в табл. 2) и в качестве метода оценки использовалось MLM, поскольку не все переменные оказались распределенными нормально.

Факторный анализ

Перед проведением анализа с помощью SEM был проведен факторный анализ для выявления латентных переменных, которые анализируются с помощью SEM. Факторный анализ осуществлялся с помощью наклонного вращения (oblique rotation), поскольку, в отличие от ортогонального, оно позволяет факторам коррелировать друг с другом, что дает более реалистичное представление о взаимосвязи латентных факторов. Формой наклонного вращения является промакс, который и был использован в данной работе. При выявлении латентных факторов рассматривались матрицы паттернов, которые показывают отношение между фактором и переменной, в то время как контролируется влияние других латентных факторов на переменную.

Первый факторный анализ был проведен на переменных *Q7A* — *Q7H*, которые характеризуют отношение к вознаграждению определенных личным качеств. В табл. 3 не демонстрируются факторные нагрузки меньше $0,5$. Как видно из результатов факторного анализа, первый латентный фактор объясняет вариацию таких переменных, которые характеризуют отношение к важности современных качеств для достижения успеха. Второй объясняет вариацию отношения к вознаграждению не современных качеств — готовности подчиняться и наглости. Корреляция латентных факторов составила $0,225$.

Вторыми с помощью факторного анализа были проанализированы переменные *Q9A* — *Q9H*, характеризующие отношение россиян к предпринимательству. В табл. 4 не демонстрируются факторные нагрузки ниже $0,4$. В результате факторного анализа отношение к предпринимательству можно разделить на три основных фактора:

- первый характеризует установку, что предпринимательство зависит не от личных усилий, а от врожденных навыков и общественного мнения;

- второй объясняет вариацию переменных, которые показывают позитивный вклад предпринимательства в экономическую и общественную жизнь страны, а также институциональную среду;

¹ Brown T.A. Confirmatory Factor Analysis for Applied Research. New York, London: The Guilford Press, 2006. P. 380.

² Brown. Ibid. P. 155.

Таблица 2
ОПИСАТЕЛЬНЫЕ СТАТИСТИКИ И ПАРНЫЕ КОРРЕЛЯЦИИ

Среднее	Стд. от-клонение	Q7A	Q7B	Q7C	Q7D	Q7E	Q7F	Q7G	Q7H	Q9A	Q9B	Q9C	Q9D	Q9E	Q9F	Q9G	Q9H	Q17A	Q17B	Q17C	Q17D	Q17E	Q17F	Q17G			
Q7A	2,61	1,006	-																								
Q7B	2,38	0,956	,577**	-																							
Q7C	2,48	1,056	,426**	,497**	-																						
Q7D	2,56	1,061	,370**	,421**	,535**	-																					
Q7E	2,22	1,069	,135**	,152**	,176**	,199**	-																				
Q7F	2,73	1,079	,357**	,368**	,383**	,389**	,201**	-																			
Q7G	2,66	1,129	,300**	,338**	,370**	,397**	,229**	,474**	-																		
Q7H	2,4	1,192	-,060**	-,037**	,031*	,055**	,255**	,044**	,219**	-																	
Q9A	2,44	1,095	,083**	,051**	,056**	,045**	,045**	,049**	,064**	,071**	-																
Q9B	2,36	1,074	,078**	,071**	,065**	,059**	,075**	,049**	,068**	,083**	,452**	-															
Q9C	2,14	1,022	,134**	,172**	,151**	,157**	,126**	,123**	,151**	,080**	,181**	,196**	-														
Q9D	2,76	1,093	,097**	,063**	,091**	,100**	,080**	,104**	,111**	,101**	,302**	,326**	,177**	-													
Q9E	2,29	1,071	-,001	0,006	,032*	,037**	,130**	,042**	,042**	,159**	,205**	,257**	,068**	,265**	-												
Q9F	1,94	0,926	,076**	,131**	,133**	,116**	,131**	,100**	,130**	,089**	,146**	,163**	,432**	,130**	,198**	-											
Q9G	2,34	1,081	-,007	0,016	,058**	,067**	,127**	,076**	,100**	,161**	,234**	,262**	,115**	,237**	,534**	,266**	-										
Q9H	2,9	1,21	,180**	,167**	,169**	,173**	,069**	,194**	,175**	,027*	,154**	,161**	,215**	,185**	,124**	,178**	,190**	-									
Q17A	1,36	0,63	-,048**	-,038**	-,008	0,019	,062**	-,013	0,013	,059**	,035**	,084**	0,02	,044**	,124**	,044**	,118**	-,001	-								
Q17B	1,3	0,597	-,052**	0,011	0,009	0,019	,085**	0,007	0,011	,077**	,034**	,089**	,063**	,049**	,120**	,123**	,112**	0,007	,469**	-							
Q17C	1,23	0,52	-,069**	0,011	-,0012	0,01	,063**	0,005	0,002	,067**	,022	,062**	,090**	0,014	,118**	,140**	,105**	-,019	,409**	,540**	-						
Q17D	1,96	1,063	,034**	0,011	,040**	,070**	0,022	,072**	,062**	,067**	0,019	,053**	,034**	,095**	,066**	0,01	,088**	,055**	,309**	,229**	,220**	-					
Q17E	1,71	0,948	-,055**	-,050**	-,041**	-,015	,075**	-,004	0,009	,080**	,046**	,083**	,028*	,062**	,087**	0,024	,095**	-,008	,301**	,314**	,262**	,370**	-				
Q17F	1,76	0,94	-,042**	-,040**	-,005	,032*	,066**	-,008	0,017	,054**	0,013	,054**	0,017	,067**	,049**	,028*	,069**	0,01	,321**	,294**	,259**	,444**	,464**	-			
Q17G	1,93	1,115	-,008	0,013	0,011	,039**	,047**	,071**	,046**	,069**	0,022	,067**	,081**	,074**	,059**	,048**	,083**	,079**	,208**	,217**	,212**	,287**	,303**	,353**	-		

N = 6062

*p ≤ 0,05 (двухсторонний)

**p ≤ 0,001 (двухсторонний)

Таблица 3
МАТРИЦА ПАТТЕРНОВ

	Компонента	
	1	2
<i>Q7A</i>	,780	
<i>Q7B</i>	,811	
<i>Q7C</i>	,758	
<i>Q7D</i>	,698	
<i>Q7E</i>		,655
<i>Q7F</i>	,626	
<i>Q7G</i>	,517	
<i>Q7H</i>		,846

Метод выделения: метод главных компонент
Метод вращения: промакс с нормализацией Кайзера.
Вращение сошлось за 3 итерации

Таблица 4
МАТРИЦА ПАТТЕРНОВ

	Компонента		
	1	2	3
<i>Q9A</i>	,811		
<i>Q9B</i>	,778		
<i>Q9C</i>		,849	
<i>Q9D</i>	,619		
<i>Q9E</i>			,872
<i>Q9F</i>		,798	
<i>Q9G</i>			,841
<i>Q9H</i>		,437	

Метод выделения: метод главных компонент.
Метод вращения: промакс с нормализацией Кайзера.
Вращение сошлось за 5 итераций.

Таблица 5
МАТРИЦА ПАТТЕРНОВ

	Компонента	
	1	2
<i>Q17A</i>		,686
<i>Q17B</i>		,858
<i>Q17C</i>		,854
<i>Q17D</i>	,749	
<i>Q17E</i>	,687	
<i>Q17F</i>	,786	
<i>Q17G</i>	,671	

Метод выделения: метод главных компонент.
Метод вращения: промакс с нормализацией Кайзера.
Вращение сошлось за 3 итерации.

• третий в наибольшей степени характеризует установки об эгоизме предпринимателей.

Все факторы связаны слабо: корреляция первого и второго латентного факторов составила 0,265, первого и третьего — 0,317, второго и третьего — 0,235.

Третий факторный анализ был проведен для переменных *Q17A* — *Q17G*, измеряющих

патерналистские установки россиян. В табл. 5 не показаны факторные нагрузки меньше 0,2. Факторный анализ показал, что патерналистские установки россиян определяются двумя факторами. Первый характеризуется представлениями как об экономических обязательствах государства, так и о снижении гендерного не-

равенства, а второй связан только с оценками экономических обязательств государства перед населением. Корреляция между факторами составила 0,441.

В результате факторного анализа были выделены пять латентных факторов, которые будут использоваться при построении модели с помощью SEM. Ниже представлены **кодовые** названия этих факторов, которые будут использованы в дальнейшем в рисунках:

- 1.1. Отношение к современным качествам.
- 1.2. Отношение к не современным качествам.
- 2.1. Личные усилия не влияют на предпринимательство.
- 2.2. Позитивный вклад предпринимательства в экономику.
- 2.3. Эгоизм предпринимателей.
- 3.1. Патернализм 1.
- 3.2. Патернализм 2.

Анализ с помощью SEM

При анализе с помощью SEM соответствие модели эмпирическим данным было оценено с помощью нескольких показателей: значение ² и его статистическая значимость, CFI (comparative fit index), TLI (Tucker-Lewis index), RMSEA (root mean square error of approximation) и его 90%-ный доверительный интервал, SRMR (standardized root mean square residual). Использование нескольких критериев обосновано тем, что это позволяет оценить соответствие модели теоретическим данным на разных основаниях, и совместный анализ критериев дает более точное представление о соответствии теоретической модели эмпирическим данным.

В литературе были предложены следующие правила для оценки модели:

- значение ² должно быть статистически незначимым;
- значения CFI и TLI в промежутке 0,90–0,95 указывают на приемлемую модель, значения CFI и TLI $\geq 0,95$ — на хорошую¹;
- $RMSEA \leq 0,05$ (и показатель статистически значим), 90%-ный доверительный интервал $RMSEA \leq 0,08^2$;
- $SRMR \leq 0,08^3$.

¹ Bentler P.M. Comparative Fit Indices In Structural Models // Psychological Bulletin. № 107. 1990. P. 240.

² Browne M.W., Cudek R. Alternate Ways Of Assessing Model Fit. In K.A. Bollen & J.S. Long (Eds.). Testing structural equation models. Newbury Park, CA. Sage. 1993. P. 158.

³ Hu L., Bentler P.M. Cutoff Criteria for Fit Indexes in Covariance Structure Analysis: Conventional Criteria Versus New Alternatives // Structural Equation Modeling. № 6. 1999. P. 48.

Модель связи отношения к вознаграждению личностных качеств с отношением к предпринимательству

Оценка модели

Сначала был проведен анализ взаимосвязи отношения к личным качествам, необходимым для достижения успеха, и отношения к предпринимательству. На рис. 4 показаны теоретическая модель и коэффициенты, оцененные с помощью SEM. Наблюдаемые переменные не показаны для удобства представления результатов (факторные нагрузки на наблюдаемые переменные и не стандартизованные регрессионные коэффициенты представлены в приложении 1).

Поскольку модель оценивалась методом робастного максимального правдоподобия, под рисунком представлены робастные оценки индексов оценки модели. Все коэффициенты указывают на хорошее соответствие модели эмпирическим данным. Однако значение ² оказалось статистически значимым, это говорит о том, что предсказанная моделью матрица корреляций сильно отличается от эмпирической матрицы. Но, как отмечено в литературе, большая выборка ($N > 400$) почти всегда приводит к статистически значимому значению ² ⁴. На этом основании и с учетом значений других индексов можно говорить, что данная модель хорошо описывает наши эмпирические данные.

Все латентные факторы связаны статистически значимо, кроме факторов субъективных оценок вознаграждения современных качеств и представлениями об эгоизме предпринимателей.

Обсуждение результатов

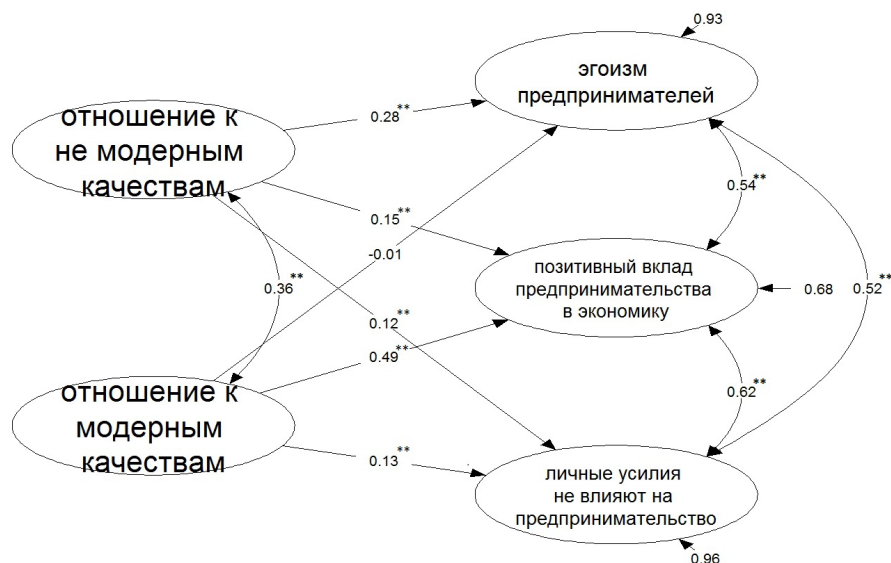
Как и предполагалось, фактор отношения к современным качествам (самостоятельность, трудолюбие и т.п.) позитивно (хоть и умеренно) связан с представлением о том, что предприниматели вносят позитивный вклад в экономику. Это логично, поскольку, если в обществе поощряются такие качества, как инициативность, независимость и креативность, и есть благоприятная институциональная среда, это приводит к развитию предпринимательства и рыночной экономики в целом.

Гипотеза о том, что оценки вознаграждения не современных качеств положительно связаны с мнением, что предприниматели думают только о себе, была подтверждена. Таким образом, у людей, считающих, что в обществе вознаграждается склонность к подчинению и наглость,

⁴ Brown. Ibid. P. 75.

Рисунок 4

СТРУКТУРНАЯ ЧАСТЬ МОДЕЛИ ВЗАИМОСВЯЗИ ОТНОШЕНИЯ К ВОЗНАГРАЖДЕНИЮ ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ И ОТНОШЕНИЯ К ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВУ (стандартизированные результаты)

** $p \leq 0,001$

В овалах показаны латентные конструкты, регрессионные связи представлены в виде однонаправленных стрелок, корреляции — двунаправленными стрелками. На рисунке представлены остатки.

$\chi^2 = 793,202$, количество степеней свободы 89, p -value (χ^2) = 0, коэффициент коррекции масштаба для поправки Санторра — Бенглера = 1,268, робастный CFI = 0,957, робастный TLI = 0,941, робастный RMSEA = 0,041 (90%-ный доверительный интервал 0,038–0,043), SRMR = 0,033.

преобладает взгляд на предпринимателей как на циничных и думающих только о себе людях.

Неожиданной оказалась положительная связь между отношением к вознаграждению не современных качеств и представлений о том, что предприниматели вносят позитивный вклад в экономику. Можно предположить, что это связано с тем, что в глазах российского общества предприниматели, вне зависимости от своих мотивов и личных качеств, всегда делают вклад в развитие экономики. А также это может свидетельствовать, что российское население считает: для занятия предпринимательской деятельностью требуются в том числе и такие не современные качества, как наглость и подчинение, то есть в глазах россиян предпринимателям нужно уметь договариваться с теми, кто стоит выше них по социальному статусу или обладает какой-либо властью над ними.

Фактор, характеризующий представление о фатализме предпринимательской деятельности (врожденности предпринимательских качеств), положительно и примерно с одинаковой силой связан с отношением как к современным, так и не современным личностным качествам. Возможно, это связано с тем, что среди российского на-

селения в целом распространен фатализм, что подтверждает результаты исследования Бондаренко и др. В исследовании этих авторов показывается, что почти треть российского городского населения оказались «фаталистами», которые считают, что для продвижения в России не помогут ни современные, ни не современные личностные качества.

Модель связи патерналистских установок, отношения к вознаграждению личностных качеств и отношения к предпринимательству

Оценка модели

На рис. 5 представлен результат SEM, в котором отношение к личностным качествам выступало в качестве медиатора между патерналистскими установками и отношением к предпринимательству. В этом случае также не показаны наблюдаемые переменные, чтобы рисунок был удобным для анализа (факторные нагрузки на наблюдаемые переменные и не стандартизированные регрессионные коэффициенты представлены в приложении 2).

Как и в случае с предыдущей моделью, все коэффициенты оценки, кроме статистически значимого значения χ^2 , указывают на хорошее

соответствие модели эмпирическим данным. Однако, как и в предыдущем случае, можно считать, что данная модель хорошо описывает наши эмпирические данные, основываясь на значениях других показателей и большого размера выборки в данном исследовании.

Факторы отношения к вознаграждению личностных качеств и отношения к предпринимательству связаны статистически значимо. Факторы, характеризующие патерналистские установки, статистически значимо связаны с отношением к вознаграждению не современных качеств и статистически не значимо с отношением к вознаграждению современных качеств.

Обсуждение результатов

Гипотеза о том, что патерналистские взгляды положительно связаны с оценками вознаграждения в обществе не современных личностных качеств, была подтверждена. Таким образом, следуя логике Хофстеде, можно сказать, что среди тех, кто придерживается патерналистских взглядов, распространены взгляды о ценности, с одной стороны, пассивности (отказа от инициативы), а с другой — наглости.

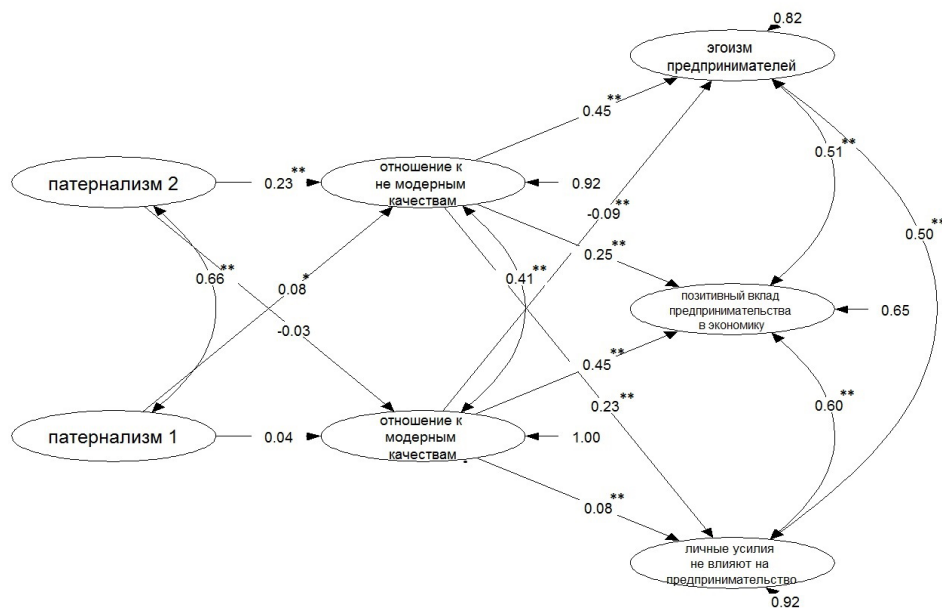
После введения в модель факторов патерналистских установок стандартизованные

регрессионные коэффициенты, показывающие связь между оценками не современных качеств и факторами отношения к предпринимательству, выросли в 1,5–2 раза. При этом процент объясненной дисперсии больше всего увеличился у фактора, характеризующего мнение о предпринимателях как об эгоистах (доля объясненной дисперсии увеличилась на 11 п.п. с 7 до 18%), то есть предсказательная способность фактора, обозначающего взгляд на вознаграждение не современных качеств, существенно увеличилась. Также произошло небольшое снижение регрессионных коэффициентов, показывающих связь между отношением к предпринимательским качествам и к патернализму.

Содержательно такие перемены после ввода в модель факторов патернализма свидетельствуют, что патерналистские установки населения сильно влияют на восприятие вознаграждения не современных качеств, что сказывается и на отношении к предпринимательству. То есть люди в России склонны к бездействию и стремятся не брать на себя ответственность, что приводит к негативному восприятию предпринимательства в целом. При этом предпринимательство,

Рисунок 5

СТРУКТУРНАЯ ЧАСТЬ МОДЕЛИ ВЗАИМОСВЯЗИ ПАТЕРНАЛИСТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК, ОТНОШЕНИЯ К ВОЗНАГРАЖДЕНИЮ ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ И ОТНОШЕНИЯ К ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВУ (стандартизованные результаты)

* $p \leq 0,05$

** $p \leq 0,001$

В овалах показаны латентные конструкты, регрессионные связи представлены в виде однонаправленных стрелок, корреляции — двунаправленными стрелками. На рисунке показаны остатки.

$\chi^2 = 1400,608$, количество степеней свободы 209, p -value = 0, коэффициент коррекции масштаба для поправки Санторра — Бенглера = 1,256, робастный CFI = 0,951, робастный TLI = 0,941, робастный RMSEA = 0,034 (90%-ный доверительный интервал 0,033–0,036), SRMR = 0,034.

с одной стороны, может восприниматься как довольно циничный и беспринципный вид деятельности, а с другой — как требующий навыков подчинения и выполнения указаний тех, кто обладает какой-то властью или возможностью повлиять на занятие предпринимательством.

Стоит также учесть и довольно высокую распространенность патерналистских установок россиян, поскольку это свидетельствует, что в России пока не сформирована благоприятная среда для развития предпринимательства. Ведь

если в культуре преобладает патернализм и поощряются не современные качества, она не может стать источником мотивации для занятия собственным делом, поскольку в такой культуре люди не стремятся, например, к инициативности или принятию на себя ответственности. Это подтверждается данными глобального мониторинга предпринимательства, приведенными в начале работы, которые показывают, что лишь незначительная доля россиян готова заниматься предпринимательской деятельностью.

Приложение 1

ФАКТОРНЫЕ НАГРУЗКИ И РЕГРЕССИОННЫЕ СВЯЗИ ДЛЯ МОДЕЛИ СВЯЗИ ОТНОШЕНИЯ К ЛИЧНОСТНЫМ КАЧЕСТВАМ И ОТНОШЕНИЯ К ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯМ

Latent variables	Manifested variables	Estimate	Std. Err	z-value	<i>P</i> (> z)	Std. lv	Std. all
Fatalism	<i>Q9A</i>	1,000				0,689	0,628
	<i>Q9B</i>	1,063	0,036	29,630	0,000	0,733	0,680
	<i>Q9D</i>	0,816	0,031	26,590	0,000	0,562	0,512
	<i>Q9C</i>	1,000				0,437	0,427
Positive	<i>Q9F</i>	0,910	0,043	21,087	0,000	0,389	0,428
	<i>Q9H</i>	1,280	0,072	17,656	0,000	0,559	0,460
Selfish	<i>Q9E</i>	1,000				0,746	0,694
	<i>Q9G</i>	1,108	0,039	28,698	0,000	0,827	0,764
	<i>Q7A</i>	1,000				0,592	0,588
Modern	<i>Q7B</i>	1,070	0,026	41,563	0,000	0,634	0,660
	<i>Q7C</i>	1,258	0,039	32,211	0,000	0,745	0,703
	<i>Q7D</i>	1,189	0,039	30,702	0,000	0,704	0,662
	<i>Q7F</i>	1,051	0,034	31,063	0,000	0,623	0,575
	<i>Q7G</i>	1,093	0,037	29,691	0,000	0,648	0,567
Nonmodern	<i>Q7E</i>	1,000				0,796	0,744
	<i>Q7H</i>	0,485	0,058	8,408	0,000	0,386	0,324

Depended variables	Independed variables	Estimate	Std. Err	z-value	<i>P</i> (> z)	Std. lv	Std. all
Fatalism	modern	0,150	0,027	5,586	0,000	0,129	0,129
	nonmodern	0,107	0,026	4,159	0,000	0,123	0,123
Positive	modern	0,364	0,026	13,780	0,000	0,494	0,494
	nonmodern	0,084	0,021	3,975	0,000	0,153	0,153
Selfish	modern	-0,012	0,029	-0,421	0,674	-0,010	-0,010
	nonmodern	0,260	0,039	6,725	0,000	0,277	0,277

Приложение 2

ФАКТОРНЫЕ НАГРУЗКИ И РЕГРЕССИОННЫЕ СВЯЗИ ДЛЯ МОДЕЛИ СВЯЗИ ПАТЕРНАЛИСТСКИХ УСТАНОВОК, ОТНОШЕНИЯ К ЛИЧНОСТНЫМ КАЧЕСТВАМ И ОТНОШЕНИЯ К ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯМ

Latent variables	Manifested variables	Estimate	Std. Err	z-value	P (> z)	Std. lv	Std. all
Fatalism	Q9A	1,000				0,688	0,627
	Q9B	1,065	0,036	29,578	0,000	0,733	0,680
	Q9D	0,818	0,031	26,614	0,000	0,563	0,513
Positive	Q9C	1,000				0,438	0,428
	Q9F	0,909	0,043	21,058	0,000	0,398	0,429
	Q9H	1,271	0,072	17,651	0,000	0,557	0,459
Selfish	Q9E	1,000				0,750	0,697
	Q9G	1,098	0,037	29,399	0,000	0,823	0,760
	Q7A	1,000				0,592	0,587
Modern	Q7B	1,070	0,026	41,480	0,000	0,633	0,659
	Q7C	1,263	0,039	32,093	0,000	0,748	0,705
	Q7D	1,192	0,039	30,603	0,000	0,705	0,663
	Q7F	1,050	0,034	31,009	0,000	0,622	0,574
Nonmodern	Q7G	1,103	0,037	29,795	0,000	0,653	0,570
	Q7E	1,000				0,608	0,569
	Q7H	0,730	0,056	13,096	0,000	0,444	0,372
	Q17D	1,000				0,641	0,600
Patern1	Q17E	0,956	0,033	28,582	0,000	0,612	0,644
	Q17F	1,061	0,034	31,387	0,000	0,680	0,718
	Q17G	0,846	0,035	24,173	0,000	0,542	0,484
Patern2	Q17A	1,000				0,437	0,694
	Q17B	0,910	0,049	18,544	0,000	0,398	0,664
	Q17C	0,697	0,042	16,548	0,000	0,305	0,583

Depended variables	Independed variables	Estimate	Std. Err	z-value	P (> z)	Std. lv	Std. all
Fatalism	modern	0,093	0,029	3,192	0,001	0,080	0,080
	nonmodern	0,264	0,041	6,447	0,000	0,233	0,233
Positive	modern	0,333	0,027	12,311	0,000	0,449	0,449
	nonmodern	0,179	0,033	5,433	0,000	0,249	0,249
Selfish	modern	-0,115	0,034	-3,404	0,001	-0,090	-0,090
	nonmodern	0,557	0,056	9,973	0,000	0,452	0,452
Modern	patern1	0,036	0,027	1,331	0,183	0,039	0,039
	patern2	-0,038	0,043	-0,880	0,379	-0,028	-0,028
Nonmodern	patern1	0,073	0,037	1,968	0,049	0,077	0,077
	patern2	0,315	0,060	5,207	0,000	0,226	0,226

Карина ПИПИЯ

К пониманию одного ксенофобского¹ лозунга: «Россия для русских»

Обращение к данному предмету было вызвано как личной дискуссией автора с коллегами из других социологических институтов, настаивающими на том, что лозунг «Россия для русских» может позитивно пониматься населением («Конечно, “Россия для русских”, а для кого же?»), так и стремлением провести инвентаризацию результатов исследований «Левада-Центра» относительно изучения ксенофобских и националистических настроений накануне очередной даты проведения «Русских маршей»². На подобных мероприятиях этот лозунг периодически актуализируется его участниками в качестве плакатов или речовок, а накануне маршей используется в онлайн-сообществах (в пабликах) или встречах в социальных сетях, посвященных «Русскому маршу».

В начале 2000-х годов, как справедливо отмечал в своей статье Б. Дубин, понятие национализма и повестка, связанная с ним, «все больше рутинизируется, так что его семантическая выделенность, броскость, лозунговый, а соответственно, и мобилизационный потенциал слабеют»³. Эксперты из центра «Сова» начиная с 2014 года указывают на снижение попу-

лярности «Русских маршей», выражающееся в уменьшении числа его участников, и в целом на дезориентацию отечественных националистов, вызванную разногласиями внутри движения относительно оценок присоединения Крыма и нынешней власти⁴. На уровне массовых настроений также отмечалось снижение поддержки идей, обычно используемых при анализе идеологии русского этнонационализма: лозунгов «Россия для русских» и «Хватит кормить Кавказ», призывов к ограничению миграции в Россию из стран Средней Азии и Закавказья, запретов на проживание на территории страны представителей «нерусских» этнических групп. Эта позитивная тенденция (снижение поддержки) преимущественно проявлялась в отношении идей этнического национализма, в то время как гражданский национализм — или, как его иногда маркируют, «защитный», «мобилизационный», — напротив, укреплялся на фоне разворачивающихся конфликтов и войн (в Сирии, на Украине).

Гипотеза данной статьи заключалась в следующем: лозунг «Россия для русских» коррелирует с более общим ксенофобским фоном, то есть респонденты, которые его одобряют, вероятно, охотнее поддерживают ограничение миграции в Россию и проживания представителей «нерусских» национальностей в стране, а также чаще демонстрируют установку «межнационального дискомфорта» — соглашались с мнением о том, что в настоящее время ощущается межнациональная напряженность в месте их проживания. Для проверки гипотезы были использованы материалы инициативных общероссийских опросов населения старше 18 лет за три года: август 2015-го, июль 2016-го и июль 2017-го. Методом исследования выступили личные интервью на дому у респондентов (порядка 1600 человек — в рамках каждого исследования) репрезентируя совершеннолетнее население России по полу, возрасту и образовательному уровню в соответствии с результатами всероссийской переписи, доступными на момент проведения опроса.

¹ По моему мнению, данный лозунг следует понимать именно как ксенофобский, а не как националистический, по нескольким причинам. Во-первых, он характеризует, скорее, массовые настроения на уровне повседневности, лишённые политической субъектности, в то время как его институализация (в программах и т.д.) практически отсутствует. Во-вторых, трудно однозначно описать его сторонников, то есть охарактеризовать идеологическую основу, поскольку россияне, которые одобряют лозунг «Россия для русских», в массе своей не считают себя националистами. Э. Геллнер, например, также подчеркивает, что важно различать ксенофобию и национализм, отмечая, что национализм по своему характеру может быть ксенофобским, но ксенофобия не всегда националистична. Ксенофобия понимается им как «враждебность к “другому”», как очень широкий и полиморфный феномен, что, по мнению автора, может способствовать морализаторству и его критике. Однако, когда неприятие «другого» увязывается с гражданскими правами, «национализм выводит ксенофобию... из сферы человеческих слабостей и при благоприятных обстоятельствах превращает ее в разрушительную и опасную силу». См.: *New Xenophobia in Europe*. Kluwer Law International, 1995. 416 p.

² В этом году «Русский марш» проводился 4 ноября и стал самым малочисленным мероприятием за все годы его проведения. URL: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/racism-nationalism/2017/11/d38205/>.

³ Дубин Б.В. «Чужие» национализмы и «свои» ксенофобии вчерашних и сегодняшних россиян // *Pro et Contra*. 2014. №1–2. С. 17.

⁴ *Верховский А.М.* Национализм как основа мобилизации // *Контрапункт*. 2017. № 9. URL: http://www.counter-point.org/9_verkhovskiy/.

Для оценки негативного понимания лозунга использовалось три индикатора (табл. 1). Стоит отметить, что выбор индикаторов определялся инструментарием — возможностями анкеты. Было важно, чтобы каждое из трех исследований, выбранных для анализа, включало эти вопросы-индикаторы и их формулировки и шкалы были идентичны в каждой анкете.

Таблица 1

ИНДИКАТОРЫ, ВЫБРАННЫЕ ДЛЯ АНАЛИЗА

Индикатор	Формулировка вопроса в анкете
Этнофобия	Как вы считаете, следует ли ограничить проживание на территории России...?
Мигрантофобия	Как вы думаете, какой политики должно придерживаться правительство России: пытаться ограничить приток приезжих или не ставить на его пути никаких административных барьеров и пытаться использовать его на благо России?
Межнациональный дискомфорт	Ощущается ли сейчас в том городе, районе, где вы живете, межнациональная напряженность?

Россия для русских в контексте этнофобии

По уровню одобрения идеи «Россия для русских» респонденты могут быть разделены на четыре группы в соответствии с выбором одной позиции из шкалы, указывающей на разную интенсивность ее поддержки (табл. 2). Исходя из этого деления, была сделана кросстабуляция, которая демонстрировала, каким образом интенсивность поддержки идеи «Россия для русских» влияет на уровень допустимости изоляционной меры в отношении «нерусских» этнических групп — ограничения их проживания на территории России.

Респонденту, отвечая на вопрос «Как вы считаете, следует ли ограничить проживание на территории России...», предлагалось выбрать один или более ответ из предлагаемых девяти: вьетнамцев; евреев; выходцев с Кавказа; китайцев; выходцев из бывших среднеазиатских республик СССР; украинцев; цыган; включая радикальную позицию «всех наций, кроме русской» и, напротив, толерантную «не следует вводить ограничения на проживание каких-либо наций», или затрудниться с ответом.

Из табл. 2 следует, что сильное желание ограничить проживание «нерусских» этнических групп на территории России характерно для респондентов с радикальной поддержкой идеи «Россия для русских», которая в анкете была операционализирована позицией «поддерживаю, ее давно пора осуществить». В 2015 году треть респондентов из этой группы поддержки лозунга считали, что надо ограничивать проживание «всех наций, кроме русской», в 2016-м — 41%, в 2017-м — 44%. Более

слабый вариант одобрения данной идеи («ее было бы неплохо осуществить, но в разумных пределах») или ее табуирование («отрицательно, это настоящий фашизм») снижают уровень поддержки рестриктивной меры в отношении представителей «нерусских» этнических групп: 17%, 20% и 25% соответственно. В самой лояльной группе к представителям «не-

русских» национальностей («отрицательно, это настоящий фашизм») доля сторонников изоляционизма по этническому признаку во всех трех замерах составляла менее 10% опрошенных в группе.

Высокое значение критерия хи-квадрата Пирсона и идентичные на массивах трех исследований тенденции свидетельствуют о неслучайности более высокого уровня этнофобии среди сторонников идеи «Россия для русских»¹, чем среди ее противников, что, вероятно, исключает позитивное понимание данного лозунга в качестве лишнего ксенофобски окрашенных коннотаций. Стоит отметить, что именно выбор позиции радикального этноизоляционизма — «всех наций, кроме русской» — сильнее коррелирует с одобрением лозунга «Россия для русских», на что указывает коэффициент Пирсона. Таким образом респонденты, которые выбирают эту позицию, не хотели бы видеть представителей любых «нерусских» национальностей в своей стране, то есть национальность им не важна (что исключает в их случае рациональное понимание этнической ксенофобии как, например, результата негативного личного опыта взаимодействия с представителями тех или иных этнических групп), а важно только эссенциалистское разделение на «своих» и «чужих» («обобщенный чужой» в понимании Ю. Левады²).

¹ Учитывая, что замеры проводились в период «затишья», когда этнонационалистическая риторика была стерилизована и замещена другими темами.

² Левада Ю.А. Сочинения: проблема человека, М.: Издатель Карпов Е.В., 2011. С. 426.

Таблица 2
ЭТНОФОБИЯ

	Отношение к идее «Россия для русских»				
	Поддерживаю, ее давно пора осуществить	Ее было бы неплохо осуществить, но в разумных пределах	Отрицательно, это настоящий фашизм	Меня это не интересует	Хи-квадрат Пирсона
2015					
Не следует вводить ограничения на проживание каких-либо наций	9	19	41	34	117,378
Всех наций, кроме русской	33	17	5	14	113,714
«Выходцев с Кавказа»	45	37	14	19	111,1
Евреев	19	6	4	3	78,703
«Выходцев из бывших среднеазиатских республик СССР»	40	34	21	20	48,708
2016					
Не следует вводить ограничения на проживание каких-либо наций	3	9	37	33	194,969
Всех наций, кроме русской	41	20	4	14	132,862
«Выходцев с Кавказа»	42	45	27	22	73,793
Евреев	9	7	6	2	12,898
«Выходцев из бывших среднеазиатских республик СССР»	28	41	22	18	67,423
2017					
Не следует вводить ограничения на проживание каких-либо наций	4	13	46	39	202,588
Всех наций, кроме русской	44	25	6	9	168,953
«Выходцев с Кавказа»	26	35	17	12	82,603
Евреев	3	7	5	2	20,638
«Выходцев из бывших среднеазиатских республик СССР»	19	31	12	15	63,869

«Россия для русских» в контексте отношения к мигрантам

Связь этнического национализма с анти-мигрантскими настроениями свойственна для идеологии популизма (не только российского, но практически любого)¹, который не ограничивается одним объектом неприязни, культивируя в обществе ксенофобию к мигрантам, этническим и религиозным группам, сексуальным меньшинствам и т.д. Поэтому важно проследить, есть ли связь между поддержкой лозунга «Россия для русских» и одобрением изоляционных мер в отношении мигрантов,

которое, на наш взгляд, также может указывать на негативное понимание данного лозунга.

Из табл. 3 следует, что нежелание принимать мигрантов доминирует среди респондентов с разной интенсивностью поддержки лозунга «Россия для русских» (даже среди тех, кто относится к нему отрицательно). Вместе с тем уровень одобрения ограничительной политики в отношении приезжих увеличивается с ростом поддержки лозунга. Например, в 2016 году среди тех респондентов, которые отрицательно относились к поддержке идеи «Россия для русских», мнение, согласно которому следует пытаться ограничить приток приезжих в Россию, поддерживали 45% опрошенных; сторонников

¹ Гудков Л.Д. Особенности российского популизма // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2017. № 1–2. С. 91–104.

позиции «ее было бы неплохо осуществить, но в разумных пределах» было практически в два раза больше – 81%; среди сторонников радикальной поддержки «поддерживаю, ее давно пора осуществить» – 90%. И этот тренд повторялся на результатах каждого из трех исследований в 2015–2017 годах¹.

Исследование 2016 года включало блок вопросов относительно негативных представлений об иммигрантах²: о повышении ими уровня преступности в принимающей стране; о конкуренции с местным населением за рабочие места; о разрушении российской культуры. Чем интенсивнее согласие с лозунгом «Россия для русских», тем выше уровень поддержки мифов о мигрантах, которые характеризуют их как преступников или конкурентов за рабочие места с «местным» населением. Значение критерия хи-квадрат также демонстрирует наличие связи между этими переменными.

Таблица 3
МИГРАТОФОБИЯ*

	Поддерживаю, ее давно пора осуществить	Ее было бы неплохо осуществить, но в разумных пределах	Отрицательно, это настоящий фашизм	Меня это не интересует	Хи-квадрат Пирсона
2015					
Пытаться ограничить приток приезжих	85	77	53	61	
Не ставить на пути притока приезжих административных барьеров и пытаться использовать его на благо России	12	17	38	29	212,083
2016					
Пытаться ограничить приток приезжих	90	81	45	50	
Не ставить на пути притока приезжих административных барьеров и пытаться использовать его на благо России	7	15	42	30	284,68
2017					
Ограничивать приток трудовых мигрантов	82	77	48	39	
Способствовать притоку трудовых мигрантов	8	5	11	2	275,718
Мне все равно	8	15	34	52	

* В таблице не приводятся данные по затруднившимся ответить. В 2017 году «подсказки» вопроса включали позицию «мне все равно».

¹ Критерий хи-квадрат свидетельствует о наличии связи между переменными.

² International Social Survey Programme: National Identity III – ISSP 2013. URL: <http://www.issp.org/menu-top/home/>

Россия для русских в контексте межнационального дискомфорта

Третий индикатор, который рассматривался в контексте того, как характеризовать опрошенных, которые поддерживают лозунг «Россия для русских», был операционализирован в анкете вопросом «Ощущается ли сейчас в том городе, районе, где вы живете, межнациональная напряженность?».

Таблица 4, во-первых, демонстрирует позитивную динамику – с 2015 по 2017 год – рост доли россиян, не ощущающих межнациональной напряженности, и, соответственно, сокращение разрыва между позитивными и негативными оценками сферы межнациональных отношений в месте проживания респондента во всех группах поддержки лозунга «Россия для русских». Вместе с тем дифференциация между сторонниками данной идеи и ее противниками указывает на повышенное ощущение межнационального дискомфорта среди сторонников.

В 2015–2016 годах среди респондентов из группы «поддерживаю, ее давно пора осуществить» (т.е. сторонники радикальной поддержки «Рос-

Таблица 4
МЕЖНАЦИОНАЛЬНАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ

	Поддерживаю, ее давно пора осуществить	Ее было бы неплохо осуществить, но в раз- умных пределах	Отрицательно, это настоящий фашизм	Меня это не интересует	Хи-квадрат Пирсона
2015					
Определенно да	16	5	3	0	
Скорее да	31	20	8	9	
Скорее нет	32	49	46	49	250,845
Определенно нет	15	22	40	40	
Затрудняюсь ответить	7	5	4	2	
2016					
Определенно да	12	2	2	1	
Скорее да	31	19	11	4	
Скорее нет	40	51	40	47	275,596
Определенно нет	15	25	46	44	
Затрудняюсь ответить	2	3	2	4	
2017					
Определенно да	8	2	2	<1	
Скорее да	17	19	6	2	
Скорее нет	48	54	45	31	333,509
Определенно нет	21	21	46	59	
Затрудняюсь ответить	7	5	2	8	

сия для русских») позиции, указывающие на ощущение напряжения (сумма «определенно да» и «скорее да») или на отсутствие межнациональной напряженности («скорее нет» и «определенно нет») в месте их проживания, находились в равном соотношении 1:1. В группе тех, кто придерживается более мягкой позиции относительно реализации данной идеи («ее было бы неплохо осуществить, но в разумных пределах»), это соотношение составляло уже 1:3 в 2015-м и 1:4 и в 2016-м соответственно в пользу россиян, положительно оценивающих сферу межнациональных отношений в месте своего проживания.

Среди респондентов, которые отрицательно относятся к данной идее, разрыв между антагонистическими позициями еще выше: 1:8 и 1:7 соответственно в пользу оптимистически настроенных россиян. В 2017 году эта дифференциация сохранилась, однако разрыв во всех группах увеличился за счет роста доли оптимистов, на что указывают и другие индикаторы общественного мнения в целом. Таким образом, чем выше интенсивность поддержки лозунга «Россия для русских», тем негативнее

представления о межнациональной напряженности в месте проживания респондента.

Россия для русских в контексте ксенофобских установок

Ксенофобия может принимать не только этническую форму неприязни по отношению к этнически отличным группам, но и, например, форму неприязни к иноконфессиональным группам, мигрантам, а также представителям сексуальных меньшинств. Респондентам предлагалось ответить на вопрос¹, выбрав одну из шести позиций: «очень хорошо», «доброжелательно», «без особых эмоций», «настороженно», «очень плохо» — или затрудниться с ответом. Для выявления респондентов с ксенофобскими настроениями в анализе были объединены две позиции: «настороженно» и «очень плохо», выраженность которых дифференцировалась среди респондентов с разным уровнем поддержки лозунга «Россия для русских».

¹ «Люди очень по-разному относятся друг к другу. А как лично вы преимущественно относитесь к следующим категориям населения...?».

Таблица 5 демонстрирует, что с интенсивностью поддержки лозунга «Россия для русских» растет и выраженность ксенофобских установок в отношении практически всех предложенных групп. Если среди респондентов, которые не одобряют данный лозунг, неприязнь в отношении мигрантов фиксируется у пятой части опрошенных в группе (19%), то среди тех, кто считает, что «ее было бы неплохо осуществить, но в разумных пределах», она наблюдается более чем у трети опрошенных (39%). А среди россиян с радикальной поддержкой лозунга этот показатель составляет 53%. Аналогичен тренд с более высоким уровнем религиозной ксенофобии – среди участников опроса, поддерживающих в той или иной мере лозунг «Россия для русских», наиболее высок показатель негативизма по отношению к людям с религией, отличной от религии респондента.

Примечательно, что самые слабые различия фиксируются в ксенофобских установках относительно представителей сексуальных меньшинств. Уровень гомофобии¹ высок среди всех – превышает 40-процентный порог в группах с разными оценками лозунга «Россия для русских». Однако в группах, одобряющих его, «настороженность» и «очень плохое» отношение к представителям ЛГБТ-сообщества в целом выше, чем среди тех респондентов, кто считает данный лозунг фашизмом.

Более того, самый высокий показатель одновременной ксенофобии ко всем четырем типам «других» отмечается среди респондентов с радикальной поддержкой лозунга «Россия для русских» (22%), среди россиян со слабой поддержкой – у каждого шестого, а среди тех опрошенных, кто его отрицает, – только у каждого двадцатого.

Таблица 5
ПОДДЕРЖКА РАЗНЫХ ТИПОВ КСЕНОФОБИИ

	Всего	Поддерживаю, ее давно пора осуществить	Ее было бы неплохо осуществить, но в разумных пределах	Отрицательно, это настоящий фашизм	Меня это не интересует
Мигрантофобия	27	53	39	19	15
Религиозная ксенофобия	16	36	23	10	8
Этнофобия	17	43	28	8	7
Гомофобия	55	65	66	50	47
Поддержка всех типов	10	22	16	5	4

¹ Более подробный анализ гомофобных настроений в российском общественном мнении см.: *Липия К.Д.* «Невидимое меньшинство»: к проблеме гомофобии в России. URL: <https://www.levada.ru/2015/05/05/nevidimoe-menshinstvo-k-probleme-gomofobii-v-rossii/>

Таким образом, можно сделать вывод, что респонденты, поддерживающие лозунг «Россия для русских», более ксенофобны в отношении мигрантов, этнических и религиозных групп, а также представителей ЛГБТ-сообщества. И чем радикальнее поддержка лозунга, тем выше уровень ксенофобии в целом.

Эксперимент с формулировкой

В теоретических дискуссиях и эмпирических исследованиях существуют два основных подхода к пониманию лозунга «Россия для русских». Согласно первому, о ксенофобском (негативном) характере лозунга свидетельствует формулировка «Россия только для русских», в то время как формулировка «Россия для русских» может пониматься позитивно, указывая лишь на принятие русской культуры, вынесенной из контекста русского этнонационализма.

Для понимания, каким образом формулировка лозунга («Россия для русских» или «Россия только для русских») может влиять на уровень поддержки самой идеи, в июле 2017 года был осуществлен методический эксперимент, в рамках которого вопрос с одной и той же шкалой, но с разными формулировками одновременно задавался респондентам из двух общероссийских подвыборок – порядка 800 человек в каждой.

Идею в более радикальной формулировке «Россия только для русских» поддерживают столько же опрошенных, сколько поддерживают ее в более мягкой формулировке «Россия для русских»: суммарно 40% и 41% соответственно (см. табл. 6). Разница между ответами не выходит за пределы статистической погрешности, которая для показателей, близких к 25% (при выборке в 800 человек), составляет порядка 3,6%.

Таблица 6
РАЗНЫЕ ФОРМУЛИРОВКИ

КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ИДЕЕ:	В среднем	Вариант 1	Вариант 2
		«Россия для русских»?	«Россия только для русских»?
Число опрошенных	1601	793	808
Поддерживаю, ее давно пора осуществить	10	11	10
Ее было бы неплохо осуществить, но в разумных пределах	30	30	30
Отрицательно, это настоящий фашизм	27	26	29
Меня это не интересует	24	25	22
Затруднились ответить	9	8	9

Таблица 7
ФОРМУЛИРОВКИ ЛОЗУНГА И ИНДИКАТОРЫ КСЕНОФОБИИ

	Вариант 1		Вариант 2	
	«Россия для русских»?		«Россия только для русских»?	
	«Радикальная поддержка»	«В разумных пределах»	«Радикальная поддержка»	«В разумных пределах»
Не следует вводить ограничения на проживание каких-либо наций	6	13	2	13
Всех наций, кроме русской	46	24	43	25
«Выходцев с Кавказа»	26	32	26	39
«Выходцев из бывших среднеазиатских республик СССР»	19	31	19	31
Пытаться ограничить приток приезжих	84	75	81	79
Не ставить на пути притока приезжих административных барьеров и пытаться использовать его на благо России	4	6	12	4
Определенно да	8	1	8	2
Скорее да	13	16	20	22
Скорее нет	46	55	49	54
Определенно нет	24	23	18	18
Затрудняюсь ответить	8	5	5	4

Более того, если анализировать поддержку этноизоляционных и антимигрантских установок среди сторонников обеих формулировок лозунга, можно проследить отсутствие дифференциации в обеих подвыборках, указывающее на идентичное (негативное) понимание респондентами обеих формулировок лозунга.

В табл. 7 приведено сравнение групп из двух подвыборок (с разными формулировками лозунга) с идентичными позициями поддержки лозунга «поддерживаю, ее давно пора было осуществить» или «ее было бы неплохо осуществ-

ствить, но в разумных пределах» относительно трех индикаторов, выбранных для анализа: этнофобия, мигрантофобия, ощущение межнациональной напряженности.

Уровень поддержки радикальной позиции («всех наций, кроме русской»), указывающей на желание ограничить проживание на территории России представителей тех или иных национальностей, идентичен в обеих подвыборках с разными формулировками лозунга: 46% и 43% соответственно. Поддержка ограничительных мер в отношении, например, «вы-

ходцев с Кавказа» или «выходцев из бывших среднеазиатских республик» совпадает до доли десятых: 26% против 26% и 19% против 19% соответственно. За ограничение притока приезжих также выступает большинство в обеих сравниваемых группах: 84% и 81%. Единственный индикатор из трех, в котором фиксируются различия, — это ощущение межнациональной напряженности в месте проживания респондента, показатель которой на 7 п.п. выше при второй, более жесткой формулировке («Россия только для русских»).

Аналогичное отсутствие различий в уровне этнической ксенофобии и мигрантофобии прослеживается и при сравнении респондентов из двух подвыборок, но уже придерживающихся более мягкой идеи реализации данного лозунга: «Ее было бы неплохо осуществить, но в разумных пределах».

Можно сделать вывод о том, что различные формулировки лозунга «Россия для русских» свидетельствуют о более ярко выраженных ксенофобских настроениях среди респондентов, которые его поддерживают, вне зависимости от «уточнения» данной формулировки — «Россия только русских» или «Россия для русских», — которая важна для понимания русского этнонационализма на уровне экспертного сообщества, но не на уровне массовых, обыденных мнений.

Таблица 8

ПОДДЕРЖКА ЛОЗУНГА «РОССИЯ ТОЛЬКО ДЛЯ РУССКИХ» С ДРУГОЙ ШКАЛОЙ

	янв. 12	июнь 12	авг. 12	дек. 12	февр. 13	нояб. 13
Совершенно согласен	13	12	12	16	15	12
Скорее согласен	29	30	29	34	29	26
Скорее не согласен	32	33	38	30	38	37
Совершенно не согласен	23	18	17	14	15	17
Затруднились ответить	4	7	5	7	4	7

Разные шкалы

В данном эксперименте учитывалась только формулировка вопроса, но не шкала, которая, вероятно, влияет на результаты¹. Однако,

¹ Ранее мы уже проводили эксперимент с разными шкалами у вопроса: «Чувствуете ли вы враждебность к людям другой национальности?». Это позволило сделать вывод о том, что шкала, позволяющая респонденту выбрать ответ, указывающий на определенную частоту ощущения враждебности и неприязни («очень часто», «довольно часто», «редко»), а не только на факт согласия/несогласия с фактом наличия/отсутствия таких чувств, показывает в целом более высокий уровень неприязни в самооценках, в то время как дихотомическая шкала («да» или «нет») дает более комплементарные результаты. Так как большая часть ответов аккумулируется в позиции «редко» в случае с

обращаясь к базе данных «Левада-Центра», можно увидеть, что поддержка данного лозунга замерялась в период 2012–2013 годов и другой шкалой (правда, также четырехпозиционной).

По данным табл. 8, согласие с этим лозунгом (как сумма позиций «совершенно согласен» и «скорее согласен») держится на уровне порядка 40%, а несогласие (как сумма позиций «совершенно согласен» и «скорее согласен») — на уровне порядка 50%. При этом очевидный рост согласия с лозунгом «Россия только для русских» фиксируется в декабре 2012 года. Если брать близкие замеры относительно поддержки «Россия для русских» — ноябрь 2012-го и октябрь 2013-го — со шкалой, рассматриваемой ранее, то действительно фиксируется разница в поддержке лозунгов: 56% в ноябре 2012-го и 66% в октябре 2013-го (против 49% и 38%, по данным табл. 8).

Учитывая, что разница в формулировках лозунгов, как отмечалось выше, несущественно влияет на результат, с одной стороны, можно предположить, что порядковая шкала (от «совершенно согласен» до «совершенно не согласен») суммарно дает более низкий уровень поддержки лозунга, чем шкала от «поддерживаю, ее давно пора осуществить» до «меня это не интересует». Вместе с тем следует принять во внимание нестабильную обстановку в ок-

тябре — ноябре 2013 года относительно сферы межнациональных отношений и ее фиксации в общественном мнении, поэтому разница между замерами с разными шкалами (даже в месяц) может сильно зависеть от информационного и медийного контекста.

ранговой шкалой, вероятно, ее отсутствие в анкете заставляет большую часть респондентов выбирать позицию, демонстрирующую отсутствие неприязненного восприятия к представителям других национальностей или уходить от содержательного ответа, выбирая позицию «затрудняюсь ответить». Подробнее см.: URL: <https://www.levada.ru/2016/10/11/intolerantnost-i-ksenofobiya/>.

Динамика поддержки лозунга

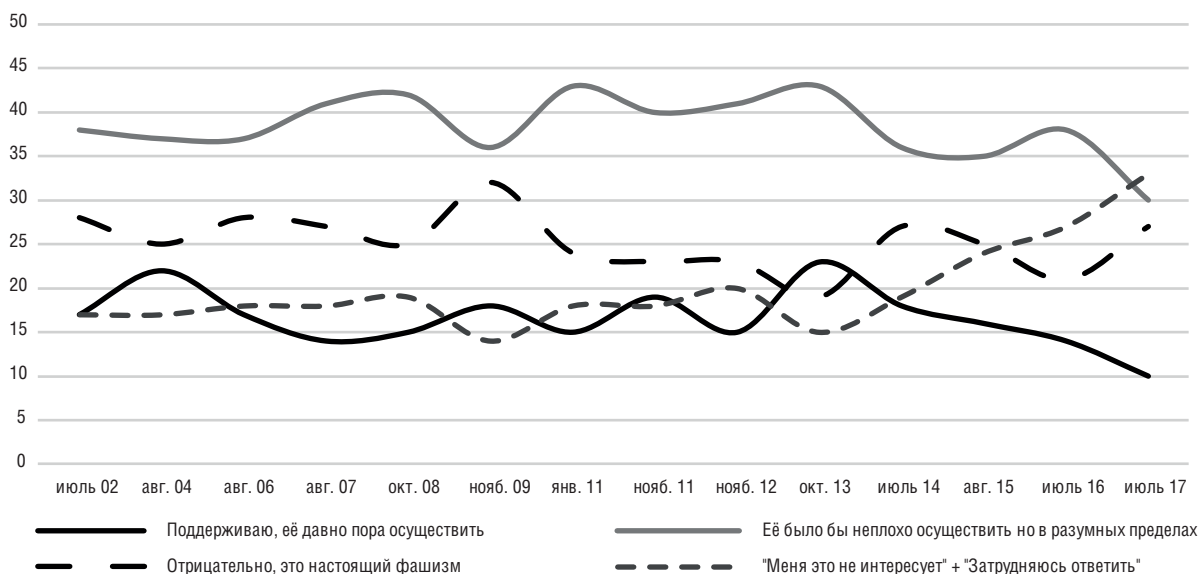
Негативное понимание лозунга большей частью населения представляет ресурс для интерпретации динамики поддержки данного лозунга, репрезентируемой в общественном мнении. Если обратиться к графику 1, то можно отметить два (в 2011 и 2013 годах) подъема позиций, указывающих на ту или иную степень поддержки данного лозунга: «Поддерживаю, ее давно пора осуществить» и «Ее было

в сфере межнациональных отношений и миграции»².

Ксенофобия вне образования

Часто ксенофобию преподносят как социальную болезнь³, свойственную необразованным и «темным» частям общества: девиантам, андерклассу и т.д., а одним из способов ее предотвращения рассматривается просвещение. С целью понимания того, насколько уровень

График 1
ОДОБРЕНИЕ ИДЕИ «РОССИЯ ДЛЯ РУССКИХ»

бы неплохо осуществить, но в разумных пределах». На рост поддержки данного лозунга в 2011 году указывают и данные других служб общественного мнения¹, что снимает возможные претензии в недобросовестности проведения опросов, некорректных формулировок и т.д.

Стоит отметить, что в 2017 году впервые доля россиян, продемонстрировавших отсутствие интереса к данному лозунгу, превысила число опрошенных, придерживающихся других мнений. Если просуммировать две позиции поддержки, то она по-прежнему будет доминировать, однако динамика 2014–2017 годов однозначно свидетельствует о замещении повестки русского этнонационализма другими проблемами и ростом позитивных установок

образования респондентов влияет на уровень поддержки лозунга «Россия для русских», была сделана кросстабуляция на данных опросов в период 2002–2017 годов.

Во-первых, видно, что во всех образовательных группах, кроме группы респондентов со средним образованием, фиксируются два скачка одобрения лозунга: в январе 2011 года (после событий на Манежной площади в декабре 2010-го) и в октябре 2013 года (после погромов в Бирюлево в октябре и преобладания антимигрантской повестки в региональных предвыборных кампаниях в сентябре). Причем наиболее сильное колебание общественного мнения в сторону одобрения (в 15 п.п.) фиксируется в группе россиян с высшим образованием: если в ноябре 2009 года накануне событий на Манежной площади одобрение составляло 50%, то после в январе 2011-го — уже 65%. Одобрение в группе

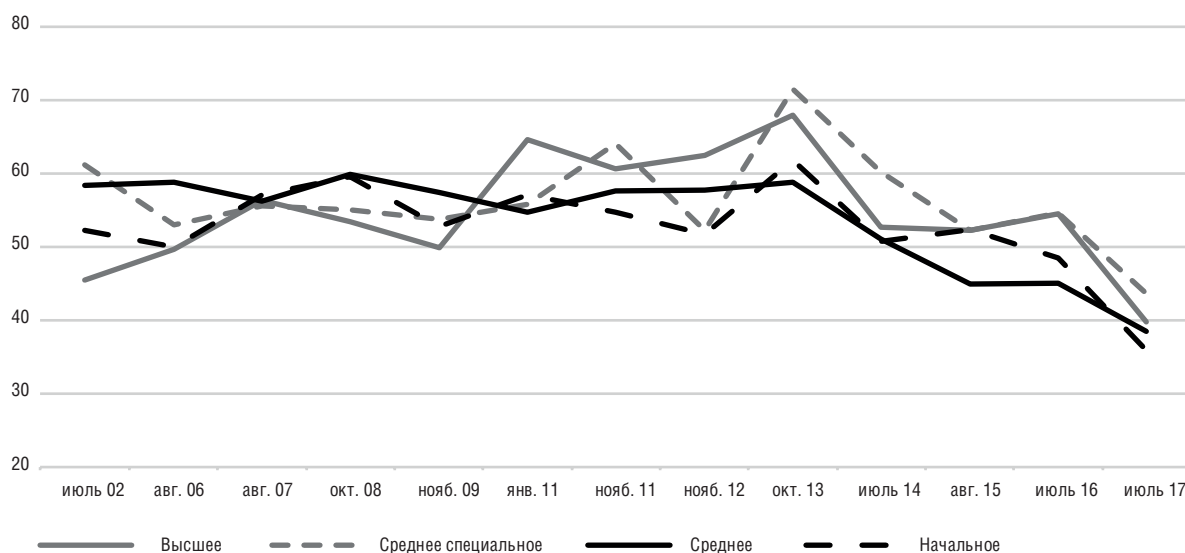
¹ В ноябре 2011 года, по данным ФОМ, 49% россиян выразили поддержку лозунгу «Россия для русских», причем шкала была более жесткой: предлагались ответы «положительно» или «отрицательно». Если просуммировать одобрительные позиции из шкалы «Левада-Центра» также в ноябре 2011 года, то, по нашим данным, показатель поддержки составит 59%, то есть всего на 10 п.п. больше. URL: <http://fom.ru/Nastroeniya/10257>.

² Об этом свидетельствуют другие индикаторы ксенофобии, используемые «Левада-Центром». Например, см.: <https://www.levada.ru/2017/08/23/16486/>.

³ Рывкина И.В. Социальные болезни современной России. Публицистическое исследование. М., 2011. С. 77.

График 2

ОДОБРЕНИЕ ЛОЗУНГА «РОССИЯ ДЛЯ РУССКИХ» В ЗАВИСИМОСТИ ОТ УРОВНЯ ОБРАЗОВАНИЯ

респондентов со средним специальным и начальным образованием увеличилось, но не так значительно. Единственная группа, нарушающая данный тренд, — это россияне со «средним образованием», на которых указанные события не оказали существенного влияния относительно роста поддержки лозунга «Россия для русских»: 57% в ноябре 2009-го против 55% в январе 2011-го и 59% в октябре 2013-го.

Если смотреть на изломы кривых на графике 2 относительно каждой возрастной группы, то складывается впечатление, что влиянию информационной повестки, подогревающей негативизм к этническим меньшинствам и мигрантам в период 2011–2013 годов, в значительной степени подвержены респонденты с высшим и средним специальным образованием, в то время как мнение групп респондентов со средним образованием или начальным образованием более устойчиво (менее резкие изломы кривых на графике). Это логично, если учитывать, что новостями чаще интересуются более образованные группы¹ (и чаще потребляют в той или иной степени «окрашенные» новости).

¹ Например, в июле 2016 года интенсивность ответов на вопрос: «Откуда вы чаще всего узнаете о новостях в стране и в мире?», учитывая допустимость множественного выбора (поэтому сумма превышает 100%), среди россиян с высшим и средним специальным образованием составила суммарно 243% и 217% соответственно, а среди россиян со средним образованием или начальным образованием — 182% и 197% соответственно, что указывает на повышенный интерес к новостям (и на разноеобразие источников их получения) в наиболее образованных группах.

В период «посткрымского» оптимизма, улучшившего практически все социальные показатели, начинается снижение anomalously высокой поддержки лозунга в целом, фиксируемой в период 2011–2013 годов во всех возрастных группах, а к июлю 2017-го суммарный уровень лозунга «Россия для русских» по всем группам достигает минимальных значений, ранее не фиксируемых на таком уровне.

Электоральный потенциал

Иногда исследователи (чаще — СМИ²) пытаются приравнять уровень согласия с лозунгом «Россия для русских» (или другими ксенофобскими лозунгами) к возможной электоральной поддержке радикально-националистических организаций на выборах. Данная логика подразумевает, что 50-процентный уровень поддержки данного лозунга автоматически конвертируется в 50% голосов на выборах за того, кто его олицетворяет (кандидат или партия), что однозначно является ошибкой, и на что периодически указывают исследователи русского национализма³. Лучше всего такую неоднозначность и сложность понимания общественного мнения относительно связи мнений и реального поведения демонстрируют различные исследовательские «ловушки»,

² Другая типичная ошибка относительно понимания результатов общественного мнения: рассматривать одобрение деятельности президента как прямую готовность голосовать за него на грядущих президентских выборах.

³ Соколов М. Изучая «русский фашизм»: несколько критических замечаний о дискуссии 90-х. М., 2007. С. 45.

предлагающие респондентам проголосовать в рамках опроса, например, за несуществующего кандидата, набирающего в результате порядка 11–18% от выборки¹, или оценить свое отношение к ложной новости, придуманной исследователями.

Стоит отметить, что данный лозунг давно превратился в повседневный конструкт² (а не только элемент политической идеологии «борьбы элит»), поэтому говорить о его монополизации только одной организацией или общественным движением, с которым он бы ассоциировался, невозможно, то есть нельзя ответить на вопрос, кому принадлежат «политические дивиденды» от поддержки лозунга «Россия для русских». Более того, учитывая динамику готовности россиян голосовать³ как на президентских выборах, так и на выборах в Государственную думу в период 2010–2017 годов, можно говорить о полном отсутствии более или менее публичного «лица русского нацио-

нализма», в отличие от ситуации 1990-х годов, когда, например, «Русское национальное единство» было не только известно населению (68% россиян в декабре 1998 года слышали о данной партии), но и набирало электоральные симпатии (правда, незначительной части опрошенных – менее 1% голосов в целом от выборки).

В настоящее время уровень поддержки лозунга среди сторонников различных партий также свидетельствует о его общности для всех политических сил, публично представленных в российской политике. Его поддержка (сумма позиций «поддерживаю, ее давно пора осуществить» и «ее было бы неплохо осуществить, но в разумных пределах») в 2016 году превышала 40-процентный порог среди сторонников всех политиков, за которых россияне проголосовали на президентских выборах в 2012 году, и среди партий, за которые были отданы их голоса в 2011-м.

Вместе с тем повышенная поддержка лозунга «Россия для русских» фиксируется сре-

Таблица 9

СТОРОННИКИ ПАРТИЙ И ПОДДЕРЖКА ЛОЗУНГА «РОССИЯ ДЛЯ РУССКИХ»²²

	Всего	Голосовали на президентских выборах 2012 года за...					Голосовали на выборах в Государственную думу в 2011 году за...				
		Зюганова	Жириновского	Путина	Не голосовал(а)	Не помню / не хочу ответить	ЛДПР	КПРФ	Единую Россию	Не голосовал(а)	Не помню
Число опрошенных	1603	132	96	682	495	111	113	160	552	434	167
Поддерживаю, ее давно пора осуществить	14	23	21	11	15	13	20	18	11	15	17
Ее было бы неплохо осуществить, но в разумных пределах	38	39	47	35	38	39	48	40	37	35	39
Отрицательно, это настоящий фашизм	21	18	19	25	19	17	18	21	25	19	14
Меня это не интересует	21	14	12	23	25	24	11	17	23	26	21
Затруднились ответить	6	7	2	6	4	8	3	4	5	6	9

¹ Президент Семенов / Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/09/19/734516-progolosovat-za-vidumannogo-kandidata>

² Трансформация данного лозунга заметна в объявлениях типа «Сдам только русской семье», «Только славянам» и т.д.

³ Левада-Центр замеряет эту готовность вопросом (как правило, чередуя открытую и закрытую формы вопроса): «Если бы выборы президента России состоялись в ближайшее воскресенье, приняли бы вы в них участие, и если да – за кого из нынешних политиков вы бы проголосовали?» или «Если бы выборы в Государственную думу состоялись в ближайшее воскресенье, стали бы вы голосовать на этих выборах? Если да, за какую из этих партий вы бы проголосовали, или вы пришли бы на выборы и испортили и унесли с собой бюллетень?».

ди сторонников Владимира Жириновского и Геннадия Зюганова (68% и 62% соответственно в 2016 году), и это подтверждается на данных 2015 года (56% и 59% соответственно). Среди сторонников Владимира Путина суммарный показатель поддержки составлял 46% в 2016-м против 49% в 2015-м.

⁴ Мы могли анализировать только наиболее наполненные группы, поэтому в таблице приводятся не все партии, которые называли респонденты.

Повышенный уровень поддержки лозунга респондентами, которые проголосовали на президентских выборах в 2012 году за Владимира Жириновского, известного популистскими высказываниями, касающимися сферы межнациональных отношений и этничности, не вызывает недоумения¹. Высокий уровень согласия с лозунгом «Россия для русских» среди россиян, готовых голосовать за Геннадия Зюганова на президентских выборах, может объясняться особенностью его электората, представляющего наиболее обеспеченные и «раздраженные» слои российского общества, на что не раз указывали сотрудники Центра². С точки зрения теории негативной идентификации (Л. Гудков) или теории рессентимента (Л. Гринфельд) такие социальные характеристики (низкий уровень материального благополучия, неудовлетворенность жизнью и т.д.) способствуют формированию более ксенофобского сознания и, следовательно, его репрезентации на уровне массовых настроений.

Заключение

На результатах общероссийских опросов совершеннолетнего населения России было показано, что респонденты, в той или иной мере одобряющие лозунг «Россия для русских», являются носителями более ксенофобского сознания, чем те опрошенные, кто этот лозунг не поддерживают, или те, кому он неинтересен. Более того, чем радикальнее поддержка этого лозунга, тем выше уровень этнической ксенофобии, сильнее нежелание видеть мигрантов в России и негативнее ощущение межнационального дискомфорта в месте проживания респондента.

При этом, по итогам эксперимента, формулировка лозунга («Россия для русских» или «Россия только русских»), во-первых, не оказывает существенного влияния на поддержку лозунга, а во-вторых, уровень этнофобии и мигрантофобии идентичен среди респондентов, поддерживающих первую или вторую формулировку. Напротив, представляется, что шкала, измеряющая отношение к данному лозунгу, может давать дифференциацию в уровне поддержки, однако для подтверждения этого требуется дополнительный методический эксперимент (разница между ними по итогам предварительных сопоставлений не превышает 10 п.п.).

Динамика социальных настроений указывает на снижение интереса к данному лозунгу в период 2014–2017 годов и, соответственно, на снижение его поддержки. В настоящее время образовательный уровень респондентов не оказывает существенного влияния на одобрение идеи «Россия для русских», которая во всех группах держится на уровне порядка 36–44%.

В общественном мнении отсутствует четкая политизация лозунга, его «идеологическое лицо». Уровень поддержки данного лозунга в 2016 году превышал 40-процентный порог среди сторонников всех политиков, за которых россияне проголосовали на президентских выборах 2012 года, и среди партий, за которые были отданы их голоса в 2011-м. Вместе с тем его поддержка несколько выше среди электората Владимира Жириновского и Геннадия Зюганова, что, на взгляд автора, в первом случае определяется популистским образом политика, а во втором — особенностью менее благополучных и проигравших от распада СССР и реформ сторонников.

¹ Именно В. Жириновского называли участники фокус-групп (жители Москвы), когда речь заходила о проблемах «местного» населения в России, нелегальной миграции и т.д.

² Левинсон А. Г. Кто голосовал за парламентские партии. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2016/09/27/658589-golosoval-parlamentskie-partii>.

Лариса КОСОВА

Как живете, старичье?

Анализ процессов старения в обществах разного типа

Проблемы социальных акторов старших возрастов приобретают в настоящее время особую актуальность: население мира переживает глобальные изменения возрастного состава. Демографические структуры с высокой долей молодых людей остаются в прошлом, им на смену приходят структуры с повышенной долей средних и старших возрастов. Социальные и экономические последствия такого перехода различаются по регионам и странам, но сам процесс носит глобальный характер. По оценкам ООН, самой «старой» страной в 2016 году была Япония — доля жителей в возрасте 65 лет и старше составляла там более четверти населения (26,9%). В Италии, Греции, Германии, Португалии, Финляндии, Болгарии и Швеции старшие возраста составили более 20% населения, самая низкая доля пожилых людей зафиксирована в Объединенных Арабских Эмиратах (1,2%). В России доля населения в возрасте 65 лет и старше составляет 13,6%¹.

Годы, соответствующие старости, в исследовательской литературе часто называют «третьим возрастом». Будем использовать этот термин и мы. Специалисты отмечают гетерогенность данной страты. Так, Рисмен указывал, что процессы старения в значительной степени регулируются нормами социальной группы, к которой принадлежит актор². Различия зависят не только от материальных обстоятельств, они определяются накопленным жизненным опытом, достигнутым уровнем профессиональной квалификации, дающим возможность продолжать работу в старших возрастах, системой ценностей, образом жизни. «Успешное старение» принято понимать как комбинацию ряда факторов: в первую очередь низкую вероятность болезней или инвалидности; сохранение высокой способности к обучению и физической деятельности;

активное участие в жизни общества³. Повышенная социальная уязвимость — жестокая реальность старших возрастов, это фиксируют исследования, проведенные в разных частях мира. Успешное старение тесно связано с состоянием здоровья и социоэкономическим статусом⁴. Важную роль играют также продолжительные семейные отношения, отсутствие вредных привычек, отсутствие травматического опыта, вовлеченность в деятельность местных, в первую очередь религиозных, общин. Важнейший элемент концепции «успешного старения» — тезис о том, что степень влияния биологического детерминизма снижается в современных обществах, где целями социального развития являются приоритеты ценности человеческой жизни, при этом уровень экономического развития позволяет поддерживать эти приоритеты.

Опираясь на данные опросов, определим шансы российских пенсионеров на успешное старение. Круг проблем, значимых для россиян старших возрастов, группируется вдоль двух основных осей — состояние здоровья и материальное благополучие. Наиболее острой проблемой, встающей по мере движения вдоль оси возрастов, оказываются высокие цены на медицинские услуги и лекарства. Эта проблема, не волнующая молодых, быстрее других обретает остроту по мере вступления в старшие возраста. Однако вопросы, связанные с низким качеством медицинского обслуживания, не специфичны, с ними сталкиваются люди всех возрастов, хотя пожилые респонденты упоминают их чаще⁵. Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют сравнить важнейший

¹ Щербачева. Старение населения и устойчивое развитие. Демоскоп Weekly, 2016, № 709–710. <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0709/barom01.php>.

² Riesman D. «Some Clinical and Cultural Aspects of Aging». American Journal of Sociology. 1954. Vol. 59, No. 4. P. 379–383.

³ Rowe J.W., Kahn R.L. Successful Aging. N.Y.: Dell Publishing, 1999; Bowling A. «Aspirations for older age in the 21st century: What is successful aging». The International Journal of Aging & Human Development. 2007. Vol. 64. P. 263–297.

⁴ Crosnoe R. and Glen H. Elder. «Successful Adaptation in the Later Years: A Life Course Approach to Aging». Social Psychology Quarterly. 2002. Vol. 65, No. 4. P. 309–28.

⁵ Подробнее см.: Косова Л.Б. Вот такая старость... // Демоскоп. 2016. № 709–710.

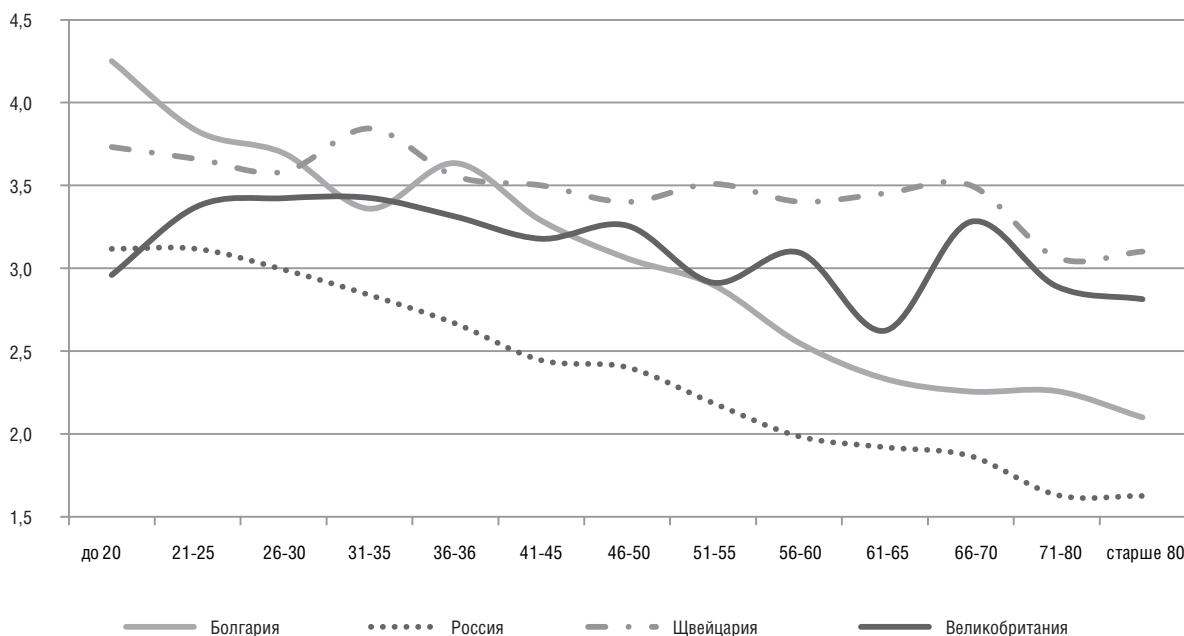
аспект успешного старения — здоровье пожилых людей — в разных странах (рис. 1)¹.

В России и Болгарии оценки состояния здоровья ухудшаются с каждым прожитым годом, при этом жители Болгарии во всех возрастах оценивают свое здоровье позитивнее, чем россияне. В Швейцарии оценки здоровья, несколько снижаясь до 30 лет, достигают пика в интервале 31–35 лет, к 40 годам снижаются до уровня между «хорошее» и «очень хорошее» здоровье и остаются на этом уровне практически до 70 лет. В Великобритании оценки здоровья достигают максимума к 25 годам, остаются на этом уровне почти до 40 лет, после чего несколько снижаются и далее колеблются вокруг той оценки, которую дают своему здоровью самые молодые респонденты. Иными словами, естественный запас здоровья молодости можно сохранять и поддерживать, и современные западные общества этому научились. Давление биологического детерминизма смещается во все более старшие возраста, пожилые люди все позже сталкиваются с депривационными шоками, обусловленными потерей здоровья, возрастающей зависимостью и беспомощностью.

Состояние здоровья тесным образом связано с материальным благополучием, в том

числе возможностью получить необходимое лечение и оплатить его. Проблема доходов в старших возрастах является весьма острой. Сокращение возможностей экономической деятельности делает людей старших возрастов более уязвимыми с материальной точки зрения. Проблема заключается не только в ограничении потребления продуктов питания и товаров длительного пользования, но и в резком сокращении возможностей доступа к здравоохранению, образованию, общим навыкам и знаниям, культурному наследию. В докладе, подготовленном специалистами РАНХиГС², отмечается, что примерно треть жителей России рискуют оказаться за чертой бедности. В 2016 году около 70% россиян, считающихся обеспеченными, сэкономили на всем, в первую очередь на продуктах питания, развлечениях и отпуске, одежде и обуви. Исследование ИС РАН³ выявило несколько причин отрицательной динамики положения российских пенсионеров. Это в первую очередь массовое устаревание товаров длительного пользования в семьях пенсионеров при отсутствии возможности их обновления. Кроме того, структура расходов пенсионеров отличается увеличенной долей затрат на медицинские услуги и лекарства, причем проведен-

Рисунок 1
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОЦЕНОК ЗДОРОВЬЯ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВОЗРАСТА

¹ ISSP-2011. Нам были доступны данные 17 стран, 26 216 опрошенных по репрезентативным для каждой страны выборкам. Данные получены из Единого архива экономических и социологических данных: URL: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=3840&T=m.

² «Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения», РАНХиГС. URL: <http://www.ranepa.ru/images/docs/monitoring/ek-monitoring/mobitoring-insap-12.10.2017.pdf>.

³ Доклад по социальной политике. Институт социологии РАН. Аналитический доклад подготовлен в сотрудничестве с представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации. М., 2006.

ная монетизация льгот только ухудшила ситуацию для многих из них.

Вместе с тем анализ абсолютных линий бедности показывает, что ситуация в России выглядит более благополучной, чем в ряде других стран. Если следовать методикам Всемирного банка, установившего абсолютные линии бедности по паритету покупательной способности равными 1,25 (2005) и 1,9 (2011) доллара в день, уровень бедности в России уже к середине 2000-х составлял 0,0%¹. В России основным официальным показателем уровня бедности является доля населения с доходами ниже прожиточного минимума. Важно отметить, что на протяжении всего периода восстановительного роста экономики с 2000 по 2013 год доля бедных в России снижалась — в 2013-м доля бедных составила 10,7% от численности населения страны. Но в этом же году динамика показателя развернулась в обратном направлении². Эта тенденция сохраняется и в том случае, когда мы рассматриваем только старшие возраста: риски бедности населения старше трудоспособного возраста в 2014 году возросли. Долгое время, включая 2014-й, пенсия превышала прожиточный минимум в 1,6 раза. Однако тенденция изменилась — началось снижение отношения среднего размера пенсии к величине прожиточного минимума пенсионера. Так, в первом полугодии 2015 года данное отношение составило 147%. При этом отмечается, что для приличного уровня жизни в старости необходимо как минимум 2,5–3 прожиточных минимума³.

Большинство российских экспертов сходятся в том, что риски бедности не являются максимальными в старших возрастах, — пенсии до настоящего времени являются более защищенным компонентом доходов населения, чем заработные платы⁴. На протяжении последних двух десятилетий доля старших возрастов в структуре бедного населения сократилась

с 15% в 2000 году до 10% в 2013-м. Это в первую очередь связано с мерами, направленными на повышение размера пенсии, и социальными программами поддержки пожилых людей. Но какой уровень благосостояния обеспечивают указанные меры? Попробуем ответить, опираясь на данные опросов. Обратимся к субъективной шкале материального благополучия, позволяющей оценить уровень депривации в зависимости от характера потребления. Шкала имеет разные форматы, чаще других используется следующая форма:

1. Мы едва сводим концы с концами, денег не хватает даже на продукты.

2. На продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает серьезные затруднения.

3. Денег хватает на продукты и одежду, но покупка вещей длительного пользования (телевизора, холодильника и т.п.) является для нас проблемой.

4. Мы можем без труда приобретать вещи длительного пользования, однако для нас затруднительно приобретать действительно дорогие вещи.

5. Мы можем позволить себе достаточно дорогие покупки — квартиру, дачу и многое другое⁵.

Крайняя бедность — денег не хватает даже на еду — не является спецификой старших возрастов (рис.)⁶. Хотя многие исследования фиксируют снижение оценок качества питания пожилых людей, проблема нехватки денег для обеспечения нужного рациона возникает на более ранних стадиях жизненного цикла. Доля респондентов, отмечающих, что денег на питание не хватает, начинает расти после 30 лет и достигает максимума в возрастной группе 46–50 лет. Это возраста, на которые приходится пик иждивенческой нагрузки: надо поддерживать еще не вставших на ноги детей и заботиться о престарелых родителях. При этом уровень доходов, как будет показано ниже, в группах, достигших средних возрастов, начинает снижаться.

Специфическая проблема старших возрастов — покупка одежды и обуви. Можно назвать это потолком благополучия: пожилые в состоянии обеспечить себя питанием, но носят то, что осталось из «прежней» жизни. Еще одна проблема, которую острее других чувствуют старшие

¹ Malik, Khalid, et al. (2013). Human Development Report 2013. The Rise of the South: Human Progress in a Diverse World. URL: <http://hdr.undp.org/en/2013-report>.

² Овчарова Л.Н., Бирюкова С.С., Попова Д.О., Варданян Е.Г. Уровень и профили бедности в России: от 1990-х годов до наших дней. М.: НИУ ВШЭ, 2014. 37 с.

³ Синявская О.В. «Тем, кто зарабатывает хорошо и все платит в пенсионную систему, в ответ она существенно недодает». Общественное российское телевидение, 17.03.2015, программа «Де факто». URL: <https://otr-online.ru/programmi/de-fakto-24627/oksana-sinyavskaya-pensii-37355.html>.

⁴ http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1252310752594

Бюллетень «Социально-экономические индикаторы бедности», Федеральная служба государственной статистики.

⁵ Цитируется шкала, используемая в мониторинговом исследовании Левада-Центра «Вестник».

⁶ Опрос проведен Левада-Центром в октябре 2012 года по репрезентативной выборке, опрошено 1516 человек. Данные получены из Единого архива экономических и социологических данных. URL: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=2979&T=m&en=0.

поколения, — высокие цены на жилищно-коммунальные услуги. В старших возрастах эту проблему упоминает каждый второй респондент¹. При этом важно отметить, что высокие цены на жилищно-коммунальные услуги не влияют на удовлетворенность качеством этих услуг.

Структура доходов в старших возрастах включает в себя несколько основных «опор» — пенсию, оплату труда для работающих пожилых людей, доходы от ранее сделанных инвестиций/накоплений, трансферты из социальных фондов или от родственников. Вклад данных составляющих различен, но именно инвестиции/накопления, сделанные в трудоспособном возрасте, обеспечивают достойное существование и материальную независимость в старших возрастах.

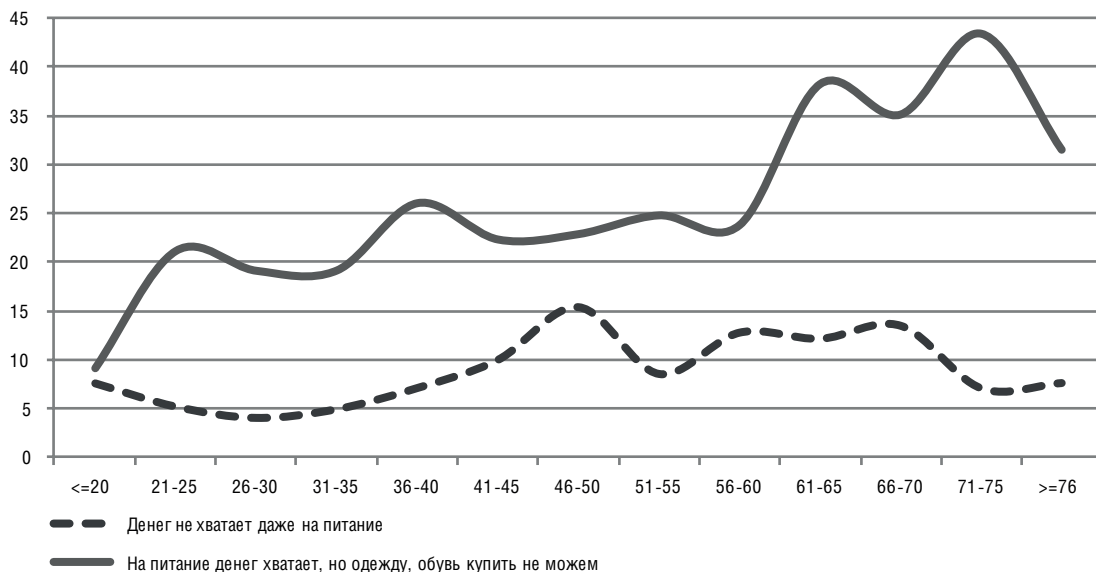
Приносящие значимый доход накопления возможны только в том случае, если заработок в трудоспособном возрасте позволяет откладывать «лишние» деньги. В ситуации, которую сами респонденты описывают словами «денег хватает только на продукты, даже покупка одежды вызывает затруднения», накопления, дающие материальную независимость в третьем возрасте, представляются маловероятными. Эмпирические данные подтверждают это. Так, в 2014 году не более 30% российских граждан имели сбережения, при этом существенная доля этих «сбережений» являлись просто сред-

ствами, отложенными на покупку нужного товара, приобретения которого требовало накопления ресурсов².

На рис. 3 представлена зависимость дохода от возраста для некоторых стран — участниц модуля ISSP «Социальное неравенство»³. Для того чтобы появилась возможность сравнивать уровень зарплаток в разных странах, мы пересчитали доходы респондентов по следующему алгоритму: средний доход в возрастной группе 15–20 лет был принят за единицу, доходы всех остальных групп определялись как отношение к зарплаткам этой группы. Отметим общую для всех стран, представленных на графике, особенность: с возрастом зарплатки падают. Однако характер зависимости доходов от возраста существенно различается. В России пик дохода приходится на возраст 30 лет, далее начинает снижаться, при этом максимальный уровень зарплаток россиян превосходит показатель молодежной группы всего в полтора раза. На Украине мы наблюдаем схожую картину с небольшим отличием — зарплатки начинают снижаться в более зрелых возрастах, а разброс уровней зарплаток по группам еще меньше. Важно, что и в России, и на Украине зарплатки в старших возрастных группах ниже, чем у молодежи 15–20 лет, только начинающей трудовую деятельность. В Швеции пик доходов приходится на возраст 41–45 лет, различие в уровне дохо-

Рисунок 2

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ РЕСПОНДЕНТОВ НА ВОПРОС «КАКОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ ТОЧНЕЕ ВСЕГО ОПИСЫВАЕТ МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВАШЕЙ СЕМЬИ?» ПО ВОЗРАСТНЫМ ГРУППАМ

² <http://www.levada.ru/2014/03/24/valyuta-sberezheniya-nakopleniya/>.

³ Исследование проводилось в 2009 году, было опрошено 55 238 человек из 40 стран по репрезентативным для каждой страны выборкам. Данные получены из Единого архива экономических и социологических данных. URL: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=3846&T=m.

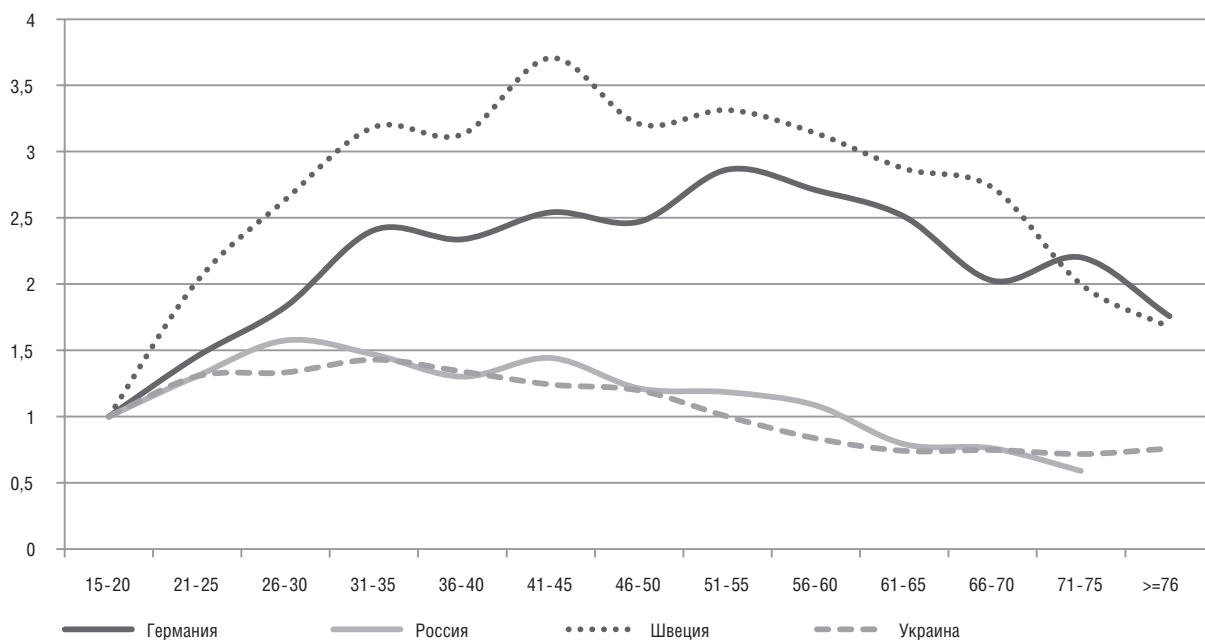
¹ Подробнее см.: Косова Л.Б. Вот такая старость... // Демоскоп. 2016. № 709–710.

дов молодежной группы, чьи заработки были приняты за единицу, и группы, максимально зарабатывающей, составляет более трех с половиной раз. В Германии доходы продолжают расти до еще более пожилых возрастов — максимальный заработок приходится на возрастную группу 51–55 лет. Он превосходит заработки группы, принятой за точку отсчета, почти в три раза. И в Германии, и в Швеции заработки старших возрастных групп выше заработков молодежной группы, которую мы приняли за базовую. Можно сделать вывод, что россияне вступают в старшие возрасты, не защищенными «подушкой материальной безопасности», они лишены возможности сделать накопления на старость в трудоспособном возрасте.

Значительная часть российских пенсионеров продолжают работать и после наступления пенсионного возраста. Согласно данным Пенсионного фонда, на 1 июля 2016 года зарегистрировано 10 млн работающих пенсионеров,

здесь пожилые люди чаще сохраняют рабочие места, найти или продолжить работу в частных компаниях удается немногим². Одним из ведущих факторов, влияющих на занятость в пенсионном возрасте, является образование. По данным Института социологии³, доля работающих пенсионеров среди тех, кто имеет высшее образование, в три раза превосходит аналогичный показатель среди пенсионеров, имеющих начальное образование (рис. 4). При этом важно отметить, что уровень тревожности по поводу возможной потери работы среди пожилых людей существенно выше, чем в других возрастах. Большинство россиян не воспринимает безработицу как угрозу. По данным опросов, 57% работающих не боятся потерять рабочее место, еще 13% уверены, что при увольнении легко найдут новое место работы⁴. Эта массовая установка соответствует экспертным оценкам. Как показал Гимпельсон, в критических ситуациях уровень безработицы в России не растет — ра-

Рисунок 3
ЗАВИСИМОСТЬ ДОХОДА ОТ ВОЗРАСТА ДЛЯ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН

на 1 июля 2017 года — 9,5 млн, что составляет 22% от общего количества пенсионеров¹. Анализируя трудовое поведение российских пенсионеров, Сони́на и Колосни́цына показали, что в 1995–2013 годах занятость пенсионеров возросла в таких отраслях, как образование, здравоохранение, наука, ВПК — в секторах экономики с преобладающей ролью государства и относительно низкой оплатой труда. Именно

¹ <http://www.pfrf.ru/opensdata/>.

² Сони́на Ю.В., Колосни́цына М.Г. Пенсионеры на российском рынке труда: тенденции экономической активности людей пенсионного возраста // Демографическое обозрение. 2015. № 2 (2). С. 37–53.

³ Доклад по социальной политике. Институт социологии РАН. Аналитический доклад подготовлен в сотрудничестве с представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации. М., 2006. 141 с.

⁴ По данным исследования «Мониторинг социально-экономических перемен 2011–2012 гг.». Опрос проведен в декабре 2011, N=1511. Данные получены из Единого архива экономических и социологических данных. URL: <http://sophist.hse.ru/dbp/S=2519/Q=48/>.

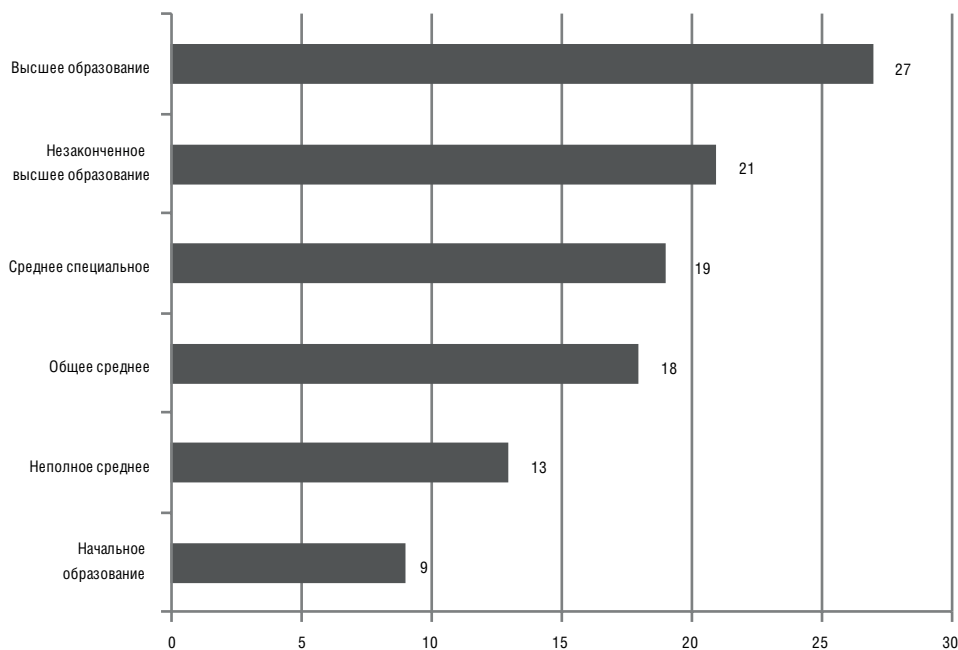
ботники теряют зарплату, а не рабочие места¹. Однако с возрастом картина резко меняется (рис. 5). Если в возрастной группе до 50 лет доля тех, кто полагает, что не найдет другого рабочего места в случае увольнения, не превосходит 5–7%, то в старших возрастах существует уверенность, что нового места работы в случае увольнения найти не удастся. Работающие пенсионеры старше 60 лет часто занимают низкооплачиваемые позиции, не требующие квалификации и соответствующие сниженному уровню притязаний, – позиции вахтеров, консьержей, работников киосков, гардеробщиков и т.п.

Значимой проблемой старших возрастов является сниженная мобильность. Негативные последствия смены места жительства определяются не только материальными обстоятельствами – разрушаются социальные связи, которые в старших возрастах восстановить очень трудно. Смена места жительства оказывает резко негативное воздействие на возможность комфортно прожить старшие возраста. Лучший вариант для пожилых людей – оставаться в том окружении, где они провели большую часть жизни и которое стало для них привычным². Это значит, что пожилые люди – социальная группа, в мак-

симальной степени подверженная негативным факторам регионального неравенства. Наиболее эффективный способ преодолеть региональное неравенство – покинуть депрессивный регион³. Этот способ, эффективно работающий в молодых возрастах, оказывается недоступен для пожилых людей, делая их особо уязвимыми для проблем, связанных с региональным неравенством.

Недостаток социальных связей, являясь существенной проблемой российского общества, особенно остро сказывается в старших возрастах. Уровень социальной активности, вовлеченность в деятельность негосударственных организаций и ассоциаций в России крайне низки, и эта проблема в последнее время усугубляется. Доля тех, кто никогда не участвовал в деятельности общественных организаций в России, составляет 89%, в США – 50%, в Новой Зеландии – 12%⁴. Россияне живут в атомизированном социальном пространстве без поддерживающего и защищающего кокона горизонтальных связей. Они не вовлечены в деятельность добровольных ассоциаций, не чувствуют себя причастными к общественной деятельности большей, чем активность индивидуальная или

Рисунок 4
ДОЛЯ РАБОТАЮЩИХ ПЕНСИОНЕРОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ УРОВНЯ ОБРАЗОВАНИЯ

¹ Гимпельсон, Капелюшников и др. Мобильность и стабильность на российском рынке труда. М., 2017. 529 с.

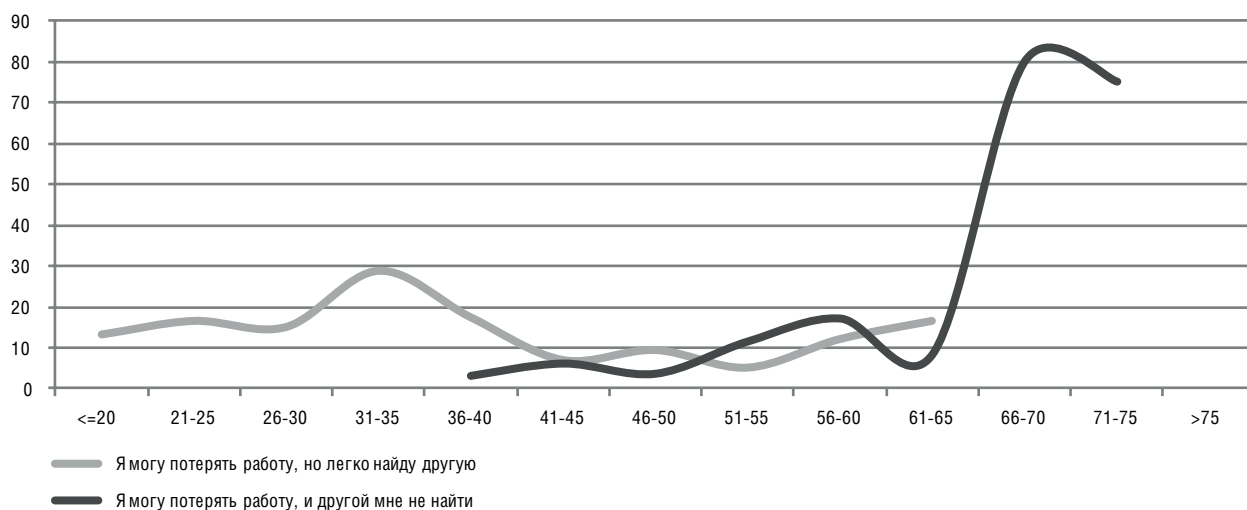
² Henretta J.C. and Richard T.C. (1976). «Status Attainment and Status Maintenance: A Study of Stratification in Old Age». American Sociological Review, Vol. 41. No. 6. P. 981–92.

³ Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: НИСП, 2010.

⁴ Модуль ISSP-2007. В исследовании участвовали 34 страны, опрошено 49 729 респондентов по выборкам, репрезентирующим страны. Данные получены из Единого архива экономических и социологических данных НИУ ВШЭ. URL: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=3844&T=m.

Рисунок 5

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС СУЩЕСТВУЕТ ЛИ РИСК ПОТЕРИ РАБОТЫ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВОЗРАСТА

семейная. Но это означает, что и сами они не находят отклика со стороны общества, когда им необходима поддержка. Не удивительно, что на вопрос: «На чью помощь вы можете рассчитывать в сложных ситуациях?» две трети респондентов отвечают, что только на себя и ближайший круг родных и друзей. Доля тех, кто упоминает общественную или благотворительную помощь, не превышает 1%. На государство надеются около 2% респондентов¹.

Недостаток горизонтальных взаимоотношений — низкая плотность социальной ткани — приводит к тому, что социальный актор оказывается замкнут в узком кругу ближайших связей, остается наедине с собой. Чем могут заполнить люди старшего возраста эту пустоту? Мобильность пожилых людей ограничена, посещение мест, где можно найти общение, затруднено и по материальным обстоятельствам, и в силу того, что площадок такого рода, ориентированных на старшие возраста, немного. Казалось бы, в век интернета и информационных технологий это ограничение легко преодолеть, но, увы, пожилые россияне с интернетом «не дружат». Согласно данным массовых опросов, в начале 2000-х более 70% населения России не имело доступа к интернету. В настоящее время эта доля снизилась примерно до 30%, но она в значительной мере зависит от места проживания и возраста. В 2013 году в Москве доступа в интернет не было лишь у 16% опрошенных, тогда как среди сельских жителей этот показа-

тель вырос более чем вдвое². Еще ярче эта неравномерность доступа проявляется с возрастом. Если молодежь до 20 лет практически вся пользуется интернетом, то в старших возрастах доля тех, кто не имеет доступа к сети, достигает 90%. По данным Всемирного банка, 55 млн жителей России в 2015 году не имели доступа к интернету³. Российские старики оказываются запертыми в стенах своих домов, их мир сжимается до размеров телевизора.

В современных обществах возраст выступает в качестве ресурса самореализации, который в течение жизни может быть конвертирован в другие формы капитала или растрочен. Процессы и возможности самореализации в значительной степени определяются параметрами социальной системы. Мы имеем в виду не столько социальную политику государства, выраженную в качественном медицинском обслуживании и достойной пенсионной системе, сколько социальные обстоятельства, дающие средства полноценной реализации в молодости и зрелых возрастах. Это позволяет создать запас ресурсов, который способен демпфировать потерю снижающихся с возрастом возможностей. На рис. 6 представлена зависимость оценок статуса от возраста для некоторых стран с различным социальным устройством. Респондентов просили оценить собственную позицию на

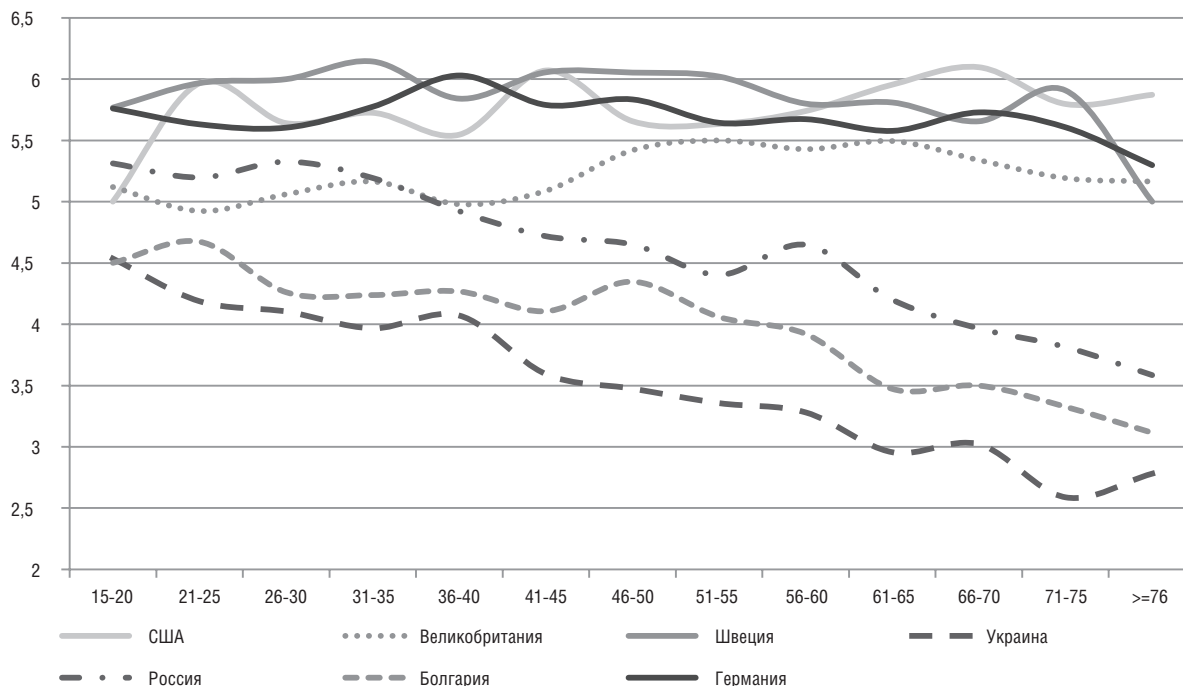
¹ Данные исследования «Курьер 2012-02», «Курьер 2014-14». Проведены Левада-Центром в январе 2012-го и ноябре 2014-го соответственно по репрезентативным российским выборкам. Число опрошенных не менее 1600 человек.

² По данным исследования «Курьер» 2013-07. Опрос проведен АНО «Левада-Центр» 6–10 июня 2013 года, опрошен 1601 человек по репрезентативной российской выборке. Данные получены из Единого архива экономических и социологических данных. URL: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=3395&T=m
³ <http://documents.worldbank.org/curated/en/224721467988878739/pdf/102724-WDR-WDR2016Overview-RUSSIAN-WebRes-Box-394840B-0UO-9.pdf>.

социальной лестнице, самая высокая позиция в обществе отмечалась как «10», самой низкой соответствовал показатель «1»¹.

людей. В развитых обществах научились преодолевать негативные последствия старения, создавая условия для успешной старости —

Рисунок 6
ЗАВИСИМОСТЬ ОЦЕНОК СТАТУСА ОТ ВОЗРАСТА ДЛЯ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН

В России, Болгарии и на Украине оценки статуса практически линейно снижаются с каждым прожитым годом. В Великобритании и США люди пожилого возраста оценивают свой статус выше, чем молодежные группы. В Германии некоторая тенденция падения оценок статуса становится заметной после 40 лет. В Швеции возраст не оказывает влияния на оценки субъективного статуса еще дольше — снижение заметно только после 55. Особо обратим внимание, что российская молодежь в оценке социальных позиций оптимистичнее сверстников из США и Великобритании, а вот россияне третьего возраста, подводя итог прожитой жизни, пессимистичны в оценках. Результат реализации жизненного проекта в России — растрата ожиданий и оценок юности, тогда как в США и Великобритании — приобретение социальных ресурсов, недоступных в молодые годы.

Заключение

Возраст — значимый дискриминирующий фактор, повышающий уязвимость пожилых

снижающуюся вероятность заболеваний, материальную обеспеченность, базирующуюся на накоплениях, сделанных в трудоспособном возрасте, возможность участия в социальной жизни. Иная ситуация в российском обществе. Россияне встречают старшие возраста не защищенными ни с точки зрения здоровья, ни с точки зрения материального благополучия. Система здравоохранения неэффективна и ненадежна — большинство тех, кто высказывают позицию по данному вопросу, не верят, что смогут получить необходимую помощь, когда она понадобится. Существующая пенсионная система не обеспечивает материального благополучия пожилым людям, а ограниченные ресурсы в трудоспособном возрасте не позволяют сделать личные сбережения, которые гарантировали бы комфортную старость.

Эта ситуация усугубляется отсутствием горизонтальных связей, позволяющих смягчить последствия сложных жизненных ситуаций, обеспечивая поддержку со стороны общественных организаций и социальных сетей. Новые информационные технологии, увы, не помогают заполнить этот пробел: большинство пожилых людей в России не имеют доступа к интернету и/или не знакомы с компьютерны-

¹ Модуль ISSP-2009, опрос проводился в 40 странах, было опрошено 55 238 человек по репрезентативным для каждой страны выборкам. Данные получены из Единого архива экономических и социологических данных. URL: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=3846&T=m.

ми технологиями. Мобильность пожилых людей ограничена, посещение мест, где они могут найти необходимое общение, является проблематичным из-за состояния здоровья, плохих материальных обстоятельств и отсутствия площадок, ориентированных на отдых пожилых людей. Старики оказываются заперты в своем доме, их мир сжимается до размера телевизора.

Описанные выше обстоятельства не могут не сказываться на оценке актерами старших возрастов своих позиций в обществе. Социальный статус – кумулятивный показатель, отражающий объем и качество социальных ресурсов, возможности их накопления и конвертации, открытость каналов социальной мобильности, систему массовых установок и ценностей. По мере вступления в старшие возраста россияне все ниже и ниже располагают

себя на социальной лестнице. Жизнь, которую они проживают, – не аккумуляция ресурсов, не череда достижений, а потеря надежд и притязаний, растрата ожиданий молодости. И дело здесь не только в состоянии экономики или систем социального обеспечения, но и в расстановке ценностных приоритетов. Выступая в храме Христа Спасителя, патриарх Кирилл заявил, что человекопоклонничество является глобальной ересью¹. Жизнь российских стариков – прямое следствие такого подхода. Социальная система, подчиняющая приоритеты индивидуальной жизни, индивидуального счастья «государственным задачам», трактуемая самостоятельными индивидов как «человеческие ресурсы», не может – и не стремится – создать социальную ткань, обеспечивающую комфортные условия старения.

¹ <http://www.patriarchia.ru/db/text/4410951.html>.

Место женщины в современной России

В феврале 2017 и сентябре 2016 годов «Левада-Центр» проводил инициативные исследования по теме: участие женщин в политической жизни страны, в частности фиксировалось отношение россиян к занятию женщинами высоких государственных постов.

Результаты этих опросов показывают положение женщины в современном российском обществе, ее положение (в последние 4–5 лет) на политическом ландшафте страны. Безусловное одобрение участия женщин в политике снижается с 40% (2006) до 17% (2014) и держится на 21–23% в 2017 году (табл. 1). Доля тех, кто «в целом не против» участия женщин в политике, остается прежней, но появившийся тренд говорит об ослаблении определенности мнений и готовности видеть женщин в качестве самостоятельных политических акторов. Доминантным в общественном мнении является не очень определенное мнение «скорее за», не противоречащее привычной риторике властей о социальном равенстве граждан России.

Наибольшая разница в ответах проявляется между группами, выделяемыми по полу (табл. 2). Только 4% респонденток категорически против участия женщин в политике, среди мужчин таких — 13%. Треть опрошенных женщин выражают полную поддержку участия женщин в политике (среди мужчин таких — 11%). Различия между социальными группами, выделяемыми по другим основаниям — возрасту, уровню образования, потребительскому статусу и месту жительства, — менее контрастные. В среднем положительное отношение преобладает над негативным (положительное отношение

по сумме ответов «определенно да» и «скорее да» составляет 65–70% в каждой из социальных групп). Но если мы сравним ответы респондентов по разным волнам исследования (например, два предпоследних замера — февраль 2016-го и февраль 2017-го), мы заметим, что перетекание происходит именно за счет умеренных ответов — падение одобрения участия женщин в политике происходит за счет уменьшения численности респондентов, отвечающих «скорее да». То есть негативное отношение более устойчиво, что говорит о слабости декларативных установок на гендерное равенство и справедливость, хотя по численным показателям эти декларативные ценности преобладают (табл. 2 и 3).

Описанные тренды прослеживаются и в вопросах о занятии женщинами высоких государственных постов. Сокращается доля людей, определенно желающих видеть женщин на высших государственных постах (с 35% в 2006 году до 16% в 2007 году), особенно после 2013 года. С этого времени постепенно растет нежелание видеть женщин на государственных постах (табл. 4).

Только 4% женщин настроены категорически против их участия в политике (табл. 5), среди мужчин таких — 13%. Прямо противоположную позицию отражает почти четверть опрошенных женщин, которые поддерживают идею участия женщин в политике, среди мужчин таких — 9%. Если мы возьмем другие социально-демографические срезы общества, мы увидим, что поддержку женщин также оказывают молодежь, экономически успешные россияне и жители столицы (табл. 5).

Таблица 1

ОДОБРЯЕТЕ ЛИ ВЫ УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН В ПОЛИТИКЕ?

	2006 I	2008 II	2012 II	2013 II	2014 II	2016 II	2017 II	2017 IX
Определенно да	40	30	22	29	17	24	21	23
Скорее да	35	39	53	46	51	53	45	48
Скорее нет	15	17	17	16	20	14	22	18
Определенно нет	5	6	4	5	5	6	8	6
Затрудняюсь ответить	5	9	4	4	6	4	3	6
Число опрошенных	1 600	1 600	800	800	800	800	1 600	1 600

Таблица 2

ОДОБРЯЕТЕ ЛИ ВЫ УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН В ПОЛИТИКЕ? (в % от соответствующей группы опрошенных)

	Всего	Пол		Возраст				Образование				Потребительский статус			Населенный пункт				
		мужской	женский	18–24 года	25–39 лет	40–54 года	55 лет и старше	высшее	среднее специальное	среднее	ниже среднего	только на продукты	на продукты и одежду	можем ТДП и пр.	Москва	более 500 тыс,	от 100 до 500 тыс,	города до 100 тыс,	село
Определенно да	21	11	29	22	18	19	25	22	19	18	25	23	21	19	17	20	21	21	23
Скорее да	45	40	49	49	46	46	42	43	48	48	42	41	46	47	49	47	41	48	43
Скорее нет	22	32	14	17	23	22	23	23	22	20	22	23	22	22	25	20	24	20	24
Определенно нет	8	13	4	8	10	10	6	9	7	10	9	9	8	9	8	9	10	8	7
Затрудняюсь ответить	3	4	3	4	4	3	3	2	4	4	3	4	3	4	0	5	3	4	3

Февраль 2017 г., N = 1600

Таблица 3

ОДОБРЯЕТЕ ЛИ ВЫ УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН В ПОЛИТИКЕ? (в % от соответствующей группы опрошенных)

	Всего	Пол		Возраст				Образование				Потребительский статус			Населенный пункт				
		мужской	женский	18–24 года	25–39 лет	40–54 года	55 лет и старше	высшее	среднее специальное	среднее	ниже среднего	только на продукты	на продукты и одежду	можем ТДП и пр.	Москва	более 500 тыс,	от 100 до 500 тыс,	города до 100 тыс,	село
Определенно да	24	17	30	27	25	23	23	26	23	25	22	25	21	31	22	28	22	21	26
Скорее да	53	49	56	55	49	51	56	49	53	53	56	49	56	48	41	46	62	57	52
Скорее нет	14	21	9	10	18	18	10	17	16	11	10	15	14	15	26	17	11	13	11
Определенно нет	6	9	3	5	7	3	7	6	6	3	7	5	7	3	12	6	3	6	4
Затрудняюсь ответить	4	5	3	3	1	5	4	2	2	7	6	6	2	4	0	3	3	3	7

Февраль 2016 г., N = 1600

Таблица 4

ХОТЕЛИ БЫ ВЫ, ЧТОБЫ В РОССИИ ЖЕНЩИНЫ ЗАНИМАЛИ ВЫСШИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПОСТЫ НАРАВНЕ С МУЖЧИНАМИ? (в % от опрошенных)

	2006 I	2008 II	2012 II	2013 II	2014 II	2016 II	2017 II	2017 IX
Определенно да	35	27	21	26	15	18	15	16
Скорее да	35	37	49	40	48	46	41	44
Скорее нет	16	20	17	21	22	20	27	23
Определенно нет	8	8	7	7	7	8	11	8
Соотношение утвердительных и негативных ответов	2,9	2,3	3,9	2,4	2,2	2,3	1,5	1,9
Затрудняюсь ответить	6	9	5	6	8	7	7	8
Число опрошенных	1 600	1 600	800	800	800	800	1 600	1 600

Таблица 5

ХОТЕЛИ БЫ ВЫ, ЧТОБЫ В РОССИИ ЖЕНЩИНЫ ЗАНИМАЛИ ВЫСШИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПОСТЫ НАРАВНЕ С МУЖЧИНАМИ? (в % от соответствующей группы опрошенных)

	Пол		Возраст				Образование				Потребительский статус			Населенный пункт					
	Всего	мужской	женский	18–24 года	25–39 лет	40–54 года	55 лет и старше	высшее	среднее специальное	среднее	ниже среднего	только на продукты	на продукты и одежду	можем ТДП и пр.	Москва	более 500 тыс.	от 100 до 500 тыс.	города до 100 тыс.	село
Определенно да	16	9	22	17	15	18	17	17	19	13	14	13	17	19	20	16	18	19	12
Скорее да	44	39	49	45	41	44	47	47	41	41	48	46	43	45	45	47	43	45	43
Скорее нет	23	30	17	22	26	22	21	22	24	25	21	27	22	22	15	23	25	22	24
Определенно нет	8	13	4	10	8	9	8	8	7	11	8	7	10	7	9	8	9	6	11
Затрудняюсь ответить	8	9	8	7	11	8	7	7	9	11	8	7	9	9	11	6	6	9	11

Сентябрь 2017 г., N = 1600

Таблица 6

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, СЛЕДУЕТ ЛИ ПООЩРЯТЬ УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН В ПОЛИТИКЕ, НАПРИМЕР ЗАКОНОДАТЕЛЬНО ЗАКРЕПИТЬ МИНИМАЛЬНОЕ ЧИСЛО МЕСТ ЗА ЖЕНЩИНАМИ В ПАРЛАМЕНТЕ И ПРАВИТЕЛЬСТВЕ, В РЕГИОНАЛЬНЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОРГАНАХ ВЛАСТИ? (задавался всем, кроме тех, кто против участия женщин в политике/выборах)

	Пол		Возраст				Образование				Потребительский статус			Населенный пункт					
	Всего	мужской	женский	18–24 года	25–39 лет	40–54 года	55 лет и старше	высшее	среднее специальное	среднее	ниже среднего	только на продукты	на продукты и одежду	можем ТДП и пр.	Москва	более 500 тыс.	от 100 до 500 тыс.	города до 100 тыс.	село
Определенно да	13	9	16	14	12	12	15	11	13	11	17	13	13	13	14	13	13	16	10
Скорее да	44	37	48	40	44	41	47	48	44	42	38	42	44	45	60	46	49	43	33
Скорее нет	20	26	15	17	23	23	16	21	20	21	17	18	21	20	17	19	20	21	21
Определенно нет	6	8	4	8	6	5	6	7	5	7	6	5	6	6	3	6	4	6	8
Затрудняюсь ответить	17	19	16	21	16	20	16	13	18	20	22	22	16	16	6	17	15	13	29

Сентябрь 2017 г., N = 1300

Среди респондентов, поддерживающих участие женщин в политике, 58% согласны, что его нужно поддерживать на законодательном уровне, например через квотирование, 25% высказываются против данной инициативы (табл. 6). Среди поддерживающих законодательные инициативы по поощрению участия женщин в политике (1344 респондента, см. табл. 6) почти треть — женщины; мужчины, как и в предыдущих вопросах, чаще демонстрируют негативную оценку таких мер. Различия между другими социально-демографическими группами менее выражены, сумма одобренных ответов в среднем составляет 57%. Это создает впечат-

ление о преобладании демонстративных установок на равенство, все же эти установки слабы и легко переходят к негативному полюсу.

Мы предложили респондентам назвать имена женщин-политиков, государственных или общественных деятелей, которые могли бы в 2018 году баллотироваться на президентских выборах. Таких женщин оказалось мало: 71% опрошенных считают, что таких женщин в России нет или затруднились ответить. Наибольшее количество упоминаний набирает Валентина Матвиенко, которая сейчас занимает должность председателя Совета Федерации ФС РФ, — 6% симпатий опрошенных; показатели

других кандидаток в этом «рейтинге» статистически неотличимы от нуля (табл. 7).

Таблица 7

КТО ИЗ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ЖЕНЩИН-ПОЛИТИКОВ, ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ, ЭТО МОГЛА БЫ БЫТЬ? (в % от числа опрошенных)

Валентина Матвиенко	6
Ирина Хакамада	1
Мария Захарова	1
Оксана Дмитриева	1
Валентина Терешкова	1
Ирина Яровая	1
Ксения Собчак	0
Наталья Поклонская	0
Светлана Савицкая	0
Элла Панфилова	0
Ольга Голодец	0
Другие	1
Таких женщин в России нет	32
Я против участия женщин в президентских выборах	16
Затрудняюсь ответить	39

В списке женщин, составленном из ответов респондентов, в основном представлены нынешние функционерки, занимающие государственные должности последние 20 лет. В списке практически нет ни одной женщины-активистки или лидера общественного движения, руководительницы НКО, других общественных деятельниц. Это странно, так как именно женщины заметно представлены в данном секторе общественных организаций и движений. Такие организации занимаются самыми тяжелыми и острыми проблемами российского общества — домашнее насилие (Центр «АННА», Центр «Сестры» и др.), паллиативная помощь (фонд «Справедливая помощь»), помощь военнослужащим (Комитет солдатских матерей России), помощь заключенным и людям, вернувшимся из заключения, «Мемориал» и др. Это далеко неполный список общественных организаций и инициатив, которые существуют благодаря вовлеченным в них женщинам. Но ни одной из представительниц этих организаций в списке потенциальных кандидаток в президенты нет; в него не попадает даже Чулпан Хаматова, одна из учредительниц фонда «Подари жизнь». Либо об этих организациях люди не знают, либо общественное мнение не относит их к «политике».

Итак, мы видим, что установки на равенство и участие в политике в российском обществе представлены широко и, как кажется, преобладают над негативными. Тем не менее женщины не получают полного и адекватного признания своей работы в общественном сознании. Откуда берется эта «слепота»? Ответ дает анализ современной российской политической системы и власти.

Под «властью» здесь в широком смысле понимается право доступа к материальным и нематериальным ресурсам и контроля над ними, возможность принимать решения в сфере управления, экономике и культуре. Поэтому под «политикой» понимается спектр занятий, напрямую связанный с принятием решений, распределения власти и ресурсов. Вопросы социальной сферы, которыми в основном занимаются женщины, в общественном мнении напрямую не попадают под определение власти. Работа некоммерческих и негосударственных центров зависит от действующего законодательства и средств, получаемых от благотворителей и грантодателей, часть этих средств поступает из государственного бюджета. Разговор о независимости, свободе принятия решений и управления ресурсами не идет.

Сегодня много говорят о том, что Россия — страна «традиционных ценностей». Это же утверждает действующая власть, о чем напомнила гражданам на прошедшей 7 декабря 2017 года Международной конференции «Гендерное равенство — революция или эволюция?»¹. Юлия Зимова, президент Межрегиональной общественной организации «Наши дети» и член Общественной палаты РФ, так определила круг этих ценностей: «Поддержка семей — это вообще основной тренд в нашей стране сегодня. Президент определил меры этой поддержки и в основном это помощь женщине и ее детям».

Женщина в России существует только в контексте роли матери, а не самостоятельного субъекта действия, у которого могут быть другие, кроме заботы о семье, интересы и мотивация. Такое представление о роли женщин существенно сужает инструменты их поддержки и вовлечения в политику.

Топ пяти качеств², которыми по мнению россиян должна обладать женщина, сводится к

¹ [Электронный ресурс]. <https://www.levada.ru/2015/02/13/kachestva-kotorye-muzhchiny-i-zhenshchiny-tsenyat-drug-v-druge/>

² [Электронный ресурс]. <https://www.levada.ru/2015/02/13/kachestva-kotorye-muzhchiny-i-zhenshchiny-tsenyat-drug-v-druge/>

«хозяйственности», «хорошей внешности», «заботливости», «верности», «уму» и «порядочности» (табл. 8).

Основные роли, отведенные сегодня женщине, — роли матери и хозяйки. Для этого женщина должна быть хозяйственной, заботливой и организованной. От нее не ожидают само-

стоятельности и инициативы, умения зарабатывать, то есть тех качеств, которыми обычно наделяют мужчин (табл. 9). У этой «сферической» женщины из общественного сознания нет даже сексуальности.

Хозяйственность и заботливость — полезные качества в быту и заботе о семье, но они не

Таблица 8

ЧТО ВЫ БОЛЬШЕ ВСЕГО ЦЕНИТЕ В ЖЕНЩИНАХ? (множественный выбор, ранжировано по первому столбцу)

	Все	Женщины ценят в женщинах	Мужчины ценят в женщинах
Хозяйственность	49	52	46
Хорошая внешность	41	33	49
Заботливость	39	40	36
Верность	33	28	38
Ум	32	32	31
Порядочность	29	29	29
Легкий характер	15	16	12
Способность опереживать	15	17	14
Сексапильность	12	9	15
Умение сопротивляться невзгодам	10	13	6
Организованность	9	10	8
Умение заработать	7	8	6
Темперамент	7	6	9
Стремление к успеху	4	6	2
Независимость	3	4	2

Январь 2015 г., N = 1600

Таблица 9

ЧТО ВЫ БОЛЬШЕ ВСЕГО ЦЕНИТЕ В МУЖЧИНАХ? (в % от опрошенных)

	Все	Мужчины ценят в мужчинах	Женщины ценят в мужчинах
Ум	59	57	60
Умение заработать	50	48	51
Порядочность	35	30	40
Верность	26	14	36
Умение сопротивляться невзгодам	24	24	24
Стремление к успеху	21	22	20
Заботливость	18	10	25
Хозяйственность	17	16	17
Организованность	17	22	12
Независимость	10	16	6
Хорошая внешность	7	8	7
Легкий характер	6	7	5
Способность опереживать	5	3	6
Темперамент	4	4	4
Сексапильность	2	1	3

Январь 2015 г., N = 1600

так важны для построения успешной карьеры. Любому человеку, работающему полный рабочий день, сложно совмещать данные черты, потому что это разные наборы качеств, которые предполагают разные поведенческие стратегии. Конфликт ролей и моделей поведения женщинами осознается и рефлексруется. В списке проблем, с которыми чаще всего сталкиваются женщины на работе, лидирует именно «совмещение семейных и служебных обязанностей», существенно опережая по частоте упоминания «низкую заработную плату», «трудности продвижения по службе» и гендерную дискриминацию. Можно улучшить экономические показатели (жалобы на низкую заработную плату с 2006 года снизились на 12 п.п.), но непонятно, как снять с женщин двойной груз ответственности.

Согласно глобальному индексу гендерного развития (The Global Gender Gap Index¹), в котором Россия занимает 75-е место (опустившись на 26 позиций с 2006 года), российские женщины хорошо образованы, встроены в рынок труда, чаще мужчин заняты в дополнительных видах труда, дольше живут. Высокий уровень образования женщин свидетельствует об их высоких карьерных установках, но 450 профессий запрещены для занятия женщинами²; зарабатывают они в среднем на 40% меньше мужчин, хотя их уровень образования и квалификации выше; они почти не вовлечены в государственное управление — только 14% мест

в российском парламенте заняты женщинами, в кабинете министров РФ женщин лишь 6%. Религиозные институты навязывают отказ от контрацепции и призывают к рождению большего числа детей, запрету аборт, но уровень контрацепции остается высоким (68% россиянок, состоящих в партнерстве или браке, используют контрацепцию).

Власть, политическая система (здесь используются данные понятия как синонимы), объявляя верховенство патриархальных и мужских установок, опирается на бинарный гендерный порядок, в котором женщина выполняет работу по обслуживанию, но не управлению. Сдерживание женщин и поддержание этого гендерного порядка происходит с помощью системы разнообразных фильтров, часть которых неосознаваемые — образ женщины-матери-жены-хозяйки. Другие инструменты поддержания этого порядка — апелляция к традиционным ценностям, выстраивание ригидной системы разделения труда, отражающей устойчивые стереотипы, касающиеся ролей и обязанностей женщин и мужчин в семье и обществе. Эти действия блокируют общественный потенциал, мешают развиваться установкам на равенство, замедляют социальную дифференциацию и, наоборот, фиксируют и укрепляют неравенство.

Разрыв между усложняющимся обществом и архаичной властью, сдерживающей общество в его дальнейшем развитии, приводит к про-

Таблица 11

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, С КАКИМИ ТРУДНОСТЯМИ ЖЕНЩИНЫ ЧАЩЕ ВСЕГО СТАЛКИВАЮТСЯ НА РАБОТЕ? (множественный выбор; ранжировано по ноябрю 2017 года, в % от опрошенных)

	2006 март	2017 ноябрь
Трудности сочетания семейных и служебных обязанностей	35	35
Низкая заработная плата	34	22
Трудности продвижения по службе	19	19
Меньший заработок, чем у коллег-мужчин в той же должности и с тем же опытом работы	23	19
Сокращение штатов, увольнение с работы	17	14
Дискриминация по половому признаку	12	10
Сексуальные приставания	10	8
Плохие условия труда	14	7
Другое	4	3
Затруднились ответить	17	26

¹ [Электронный ресурс]. <https://www.weforum.org/reports/the-global-gender-gap-report-2017>

² [Электронный ресурс]. <https://www.rbc.ru/society/27/01/2017/588b2f419a79474ac3d52937>

тивостоянию. Сопротивление давлению власти скорее наивно и интуитивно — оставшееся с советских времен недоверие к партии и госап-

парату и проистекающие из этого низкое доверие власти, неуверенность в будущем и развитая сеть неформальных взаимоотношений и методов решения проблем. Российское общество, даже в его сегодняшнем виде — архаичное, слабо дифференцированное, — находит ресурсы для неполитического протеста и сопротивления.

Включение женщин в систему принятия решений имеет огромный потенциал для развития России. Для более активного включения

женщин в политику нужно принять ряд мер, которые сводятся к устранению существующих фильтров: отменить список запрещенных профессий, выравнять зарплаты женщин и мужчин, пересмотреть существующие в обществе гендерные представления о роли женщины, создать новые социальные роли, включить женщин в процесс принятия политических решений во всех областях государственного управления.

Школьная литература: почему ее не любят школьники

По результатам исследования российских школьников и студентов

Проблемная ситуация

В последние годы литература в школе привлекает все больше внимания как в профессиональной среде, так и за ее пределами. Для страны, которую многие десятилетия было принято называть литературоцентричной, в которой основой культуры, ее базой была именно литература, снижение интереса к чтению в молодежной среде воспринимается как начало утраты культурной, если не национальной идентичности. И действительно, молодежь, как и население страны в целом, читает меньше, что показывают многочисленные исследования. Так, по данным ВЦИОМа, в 2014 году 36% россиян вообще не читали книг, что вдвое больше, чем было четверть века назад¹. По данным «Левада-Центра» (Всероссийский опрос, апрель 2016), регулярно читают художественную литературу 24% россиян, а делают это редко или не читают вообще 57%². Молодежь читает больше, чем население в целом, но и среди молодых людей нечитающих немало — 36% среди проживающих в средних и крупных городах³. Такие же результаты получены Михаилом Илле во время опроса молодых жителей Санкт-Петербурга (2014, 4022 респондента): 36% опрошенных не читают художественную литературу⁴.

Ничего специфического в снижении читательской активности в стране нет. Подобные тренды наблюдаются и в других странах, причем везде они вызывают большую тревогу в обществе. Так, в статье «Чтение и класс читателей в XXI веке» ее авторы приводят обзор читательской активности в разных странах мира, и везде доля нечитающих высока⁵.

Литературоцентричность снижается, и не только на уровне читательских практик⁶. По результатам Всероссийского опроса «Левада-Центра» (май 2017), взрослые россияне полагают, что среди школьных предметов наибольшее внимание следует уделять преподаванию истории (52%), русского языка (44%), математики (38%); литература с 32% осталась на скромном четвертом месте. А ровно четверть века назад литература (наравне с только появляющейся вместе с компьютерами компьютерной грамотностью) была лидером подобного опроса⁷.

Поскольку главным институтом, который призван формировать интерес к чтению и читательскую активность, является школа, снижение интереса молодежи к чтению часто объясняют именно тем, что этому предмету уделяется недостаточно внимания, либо тем, что школе не удается выполнить свою основную функцию. В частности, регулярно говорится, что в современной школе количество часов преподавания литературы сократилось, хотя на самом деле оно выросло⁸. При этом решение проблемы ищется по-разному. Так, министр образования РФ Ольга Васильева на Петербургском экономическом форуме 2017 года назвала идеальным решением введение обязательного ЕГЭ по литературе⁹. В учительской среде у этой идеи есть как сторонники¹⁰, так и противники¹¹.

В соответствии с существующим ФГОС среднего (полного) общего образования¹² не предполагается жесткой единой программы преподавания литературы в старших классах школы, но фактически большинство школ работают именно по единой программе, причем

¹ Отраслевой доклад—2016 «Книжный рынок России. Состояние, тенденции и перспективы развития» // Книжная индустрия: электрон. журнал / под ред. В.В. Григорьева. 2016.

² Общественное мнение— 2016. М.: Левада-Центр, 2017. С. 155.

³ Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Молодежь России. Московская школа политических исследований, 2011. С. 80. URL: <http://www.levada.ru/sites/default/files/molodezh.pdf>

⁴ Илле М.Е. Молодежь и чтение художественной литературы: мат. IV ВСК. М.: РОС, 2012. С. 5602.

⁵ Грисволд В., Мак-Доннел Т., Райт Н. Чтение и класс читателей в XXI веке // Новое литературное обозрение. 2010. № 102. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/102/ve24.html>.

⁶ О социокультурных причинах ухода литературоцентричности в нашей культуре см.: Дубин Б.В., Гудков Л.Д. Интеллигенция. Заметки о литературо-политических иллюзиях. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009.

⁷ <http://www.levada.ru/2017/06/06>.

⁸ Асонова Е., Павловец М. Школа должна давать старт траектории чтения, а не завершать ее. URL: <http://www.pravoslavie.ru/93893.html>.

⁹ <http://www.ug.ru/news/21953>.

¹⁰ См., например, мнения учителей И. Кабыш и М. Алимova. URL: <http://echo.msk.ru/programs/assembly/1995946-echo/>

¹¹ <http://www.arh.aif.ru/society/education/946737>.

¹² Утвержден приказом Минобрнауки России от 17 апреля 2012 г. № 413. URL: http://www.ug.ru/new_standards/5.

76% жителей России высказываются за создание единого учебника по литературе, и только 10% относятся к этому отрицательно¹. А единый учебник предполагает и единую программу. Но у разнообразия программ тоже есть свои сторонники, благодаря которым удалось включить вариативность программы в ФГОС по литературе².

Отметим, что дискуссии о литературе в школе, которая не выполняет свою основную функцию — формирование компетентного читателя, имеют длительную историю. В частности, еще в 1962 году об этом писал Корней Чуковский: «Но всегда ли школа обогащает литературой, поэзией, искусством духовную, эмоциональную жизнь своих юных питомцев? Нет, для множества школьников литература — самый скучный, ненавистный предмет. Главное качество, которое усваивают дети на уроках словесности, — скрытность, лицемерие, неискренность. Школьников насильно принуждают любить тех писателей, к которым они равнодушны, приучают лукавить и фальшивить, скрывать свои настоящие мнения об авторах, навязанных им школьной программой, и заявлять о своем пылком преклонении перед теми из них, кто внушает им зевотную скуку»³. Как показало наше исследование, за полувековой срок практически ничего не изменилось, так же как минимальны изменения в самой школьной программе, в основном сложившейся в 1930-е годы.

Описание исследования

В 2016 году нами был проведен опрос учеников 10–11-х классов о читательской активности, литературных предпочтениях, об отношении к русской классической, а также современной русской и зарубежной литературе. Основное внимание при этом уделялось тому, как соотносятся ценности чтения вообще и чтения русской классики в частности, как они формируют основные социальные институты и читательские практики: интерес к русской классике, реальное знакомство с текстами литературных произведений и другие способы знакомства с их содержанием и

пр. В опросе приняли участие 700 школьников из Москвы, Подольска, Тулы, Оренбурга, Челябинска, Кирова, Сарова, Пензы. Бумажную анкету в каждой из школ заполняли все ученики одного из 10-х и 11-х классов в параллели. Анкета⁴ включала как закрытые, так и открытые вопросы.

В 2016 и 2017 годах были проведены серии фокус-групп (по три фокус-группы в каждой) со студентами второго курса гуманитарного факультета одного из ведущих московских вузов. Выбор таких респондентов был обусловлен тем, что все они окончили гуманитарные классы школ, но не поступили на филологические или связанные с филологией или журналистикой факультеты. Они недавно окончили школу, большинство из них любит читать, а потому проблемы школьного литературного образования представляют для них большую важность, чем для других недавних школьников.

Читательская активность современных старшеклассников

Школьная программа в старших классах содержит столь значительное количество литературных произведений, многие из которых очень велики по объему, что для основной части школьников знакомство со всей программой целиком недоступно. О том, что они читают почти все произведения школьной программы, в ходе опроса сообщили лишь 16,5% респондентов (14,2% юношей и 18,3% девушек). Большинство опрошенных читает только некоторые произведения — 76%, а 8% сообщили, что практически не читают ничего из школьной программы. Среди юношей таких 10%, среди девушек только 6%.

При этом выяснилось, что сегодня, когда доступность интернета для подростков очень высока, у многих молодых людей изменилось само представление о чтении книги. И речь идет не только о чтении с электронных носителей. В качестве чтения стали выступать и другие способы знакомства с произведением: краткие пересказы на интернет-ресурсах⁵, аудиокниги,

¹ <http://www.levada.ru/2017/06/06>.

² См., напр.: Павловец М. Школьный канон как поле битвы: купель без ребенка // Неприкосновенный запас, 2016. 5 (109). С. 125–145. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2016/5/shkolnyj-kanon-kak-pole-bitvy-kupel-bez-rebenka.html>. Волков С. Урок литературы — смерть чтению? URL: http://lib.1september.ru/view_article.php?id=201000105.

³ Чуковский К.И. Живой как жизнь. М.: Время, 2014. С. 191.

⁴ Подробно результаты исследования см.: Борусяк Л.Ф. Классическая школа, неклассические дети. Чтение современного школьника: программное, свободное, проблемное / Совпадение. М., 2016. С. 42–50.

⁵ Самый популярный ресурс такого рода Брифли (<https://briefly.ru/>) ежемесячно посещает около 6 млн человек, в основном именно школьники. Для них на сайте есть специальный раздел «Школьное», где все произведения для удобства обращения к ним распределены по классам — с 5-го по 11-й. Предполагается, что ученикам младших классов помощь сайта еще не нужна.

экранизации и театральные постановки и пр. В частности, называя в качестве понравившегося произведения из школьной программы «Обломова» И. Гончарова, отвечая на следующий вопрос, указывают, что книгу не читали, но смотрели фильм Н. Михалкова «Несколько дней из жизни Обломова». А вот те, кто этот роман указывают в качестве непонравившегося, обычно либо пытались читать, но не смогли, либо прибегали к услугам Брифли и подобных ресурсов, но им не понравился сюжет. Вообще нет ни одного произведения крупнее рассказа, с которым не знакомились бы в пересказе или в экранизации. Несколько старшеклассников сообщили, что даже «Евгения Онегина» они не читали, а смотрели фильм 1999 года с Ральфом Файнсом в главной роли. Но самыми любимыми экранизациями, кроме «Обломова», являются «Анна Каренина» с Кирой Найтли в главной роли (Великобритания, 2012), «Жестокий романс» Э. Рязанова и «Война и мир» С. Бондарчука.

Если говорить о тех произведениях, которые получили больше всего положительных оценок, то и у юношей, и у девушек первое место занимает «Преступление и наказание» Ф. Достоевского, второе – «Отцы и дети» И. Тургенева, на третьем у девушек «Мастер и Маргарита», у юношей для третьего места не оказалось произведения, набравшего значительное число упоминаний. Скромная позиция культового для читающей молодежи романа Михаила Булгакова объясняется тем, что большинство респондентов к моменту опроса еще не проходили это произведение в школе¹. Что касается непонравившихся произведений, то девушки чаще всего называли «Войну и мир», пьесы А. Островского и «Обломова», а у юношей самым популярным ответом был «все». Иными словами, не нашлось ни одного произведения школьной программы, которое бы их увлекло.

О том, что ничего не читают сверх школьной программы, сообщили 19,2% старшеклассников (27,5% юношей и 12,4% девушек), одну-две книги в месяц – 53% (50,7 и 54,7% со-

ответственно). Иными словами, не более двух книг в месяц читает около 3/4 учеников 10-х и 11-х классов (2/3 девушек и 4/5 юношей). Такие гендерные различия вообще характерны, женщины любого возраста читают больше, чем мужчины. Понятно, что активных читателей больше среди девушек: не менее пяти книг в месяц среди них читают 11,3%, а среди юношей лишь 3,5%.

Лидерами внешкольного, внепрограммного чтения у девушек являются Эрих Мария Ремарк, Михаил Булгаков (к моменту опроса его в школе еще не проходили, поэтому можно считать, что это было свободное чтение) и Рэй Брэдбери; у юношей – Булгаков, Джек Лондон и Стивен Кинг. При этом упоминаемый Булгаков у девушек заметно выше, чем у юношей, которые чаще не называли любимых авторов в силу меньшей читательской активности.

Уроки литературы в школе: они совсем другие

У значительной части подростков уроки литературы в школе ничем не отличались от остальных школьных уроков, что показали результаты опроса старшеклассников. Это был такой же урок, на котором надо получить оценку и забыть, а для подготовки нужно прочитать произведение. При этом девушки больше ждут от уроков литературы, чем юноши, но чаще пользуются Брифли и подобными порталами. Это не потому, что они меньше читают и чаще испытывают такую необходимость. Просто они не считают возможным прийти на урок совсем не подготовленными, а примерно 10% юношей считают это вполне допустимым. Поэтому нам хотелось выяснить мнение о школьных уроках литературы у той молодежи, для которой они особенно важны: любят читать, в школе учились в гуманитарных классах, где литературе уделяют больше внимания. Именно такая молодежь стала участниками проведенных нами фокус-групп – второкурсники гуманитарного факультета одного из московских топ-вузов.

В ходе фокус-групп девушки были единодушны в том, что в идеале литература – особый предмет, выделяющийся на фоне остальных. Юноши не были столь категоричны, у них мнения разделились, не все согласны с тем, что уроки литературы чем-то отличаются от уроков химии или каких-то еще. Это связано с тем, что юноши менее конформны, далеко не во всем готовы принимать те ценности,

¹ О том, что «Мастер и Маргарита» действительно самое любимое произведение у читающей молодежи, свидетельствует то, что роман лидирует по числу упоминаний на личных страницах молодежи в социальной сети «ВКонтакте»: как у юношей, так и у девушек, как у москвичей, так и у жителей небольших городов. См.: *Борусяк Л.Ф.* Любимые авторы. Любимые книги: что читает современная молодежь (по данным анализа сети «ВКонтакте») // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2015. № 1(119). С. 90–105.

которые формирует школа¹. Характерна фраза одного из юношей на фокус-группе: «*Классика — это не для мальчиков*»². Не говоря уже о том, что они меньше читают, в том числе произведения школьной программы. Но все же большинство юношей хотели бы видеть уроки литературы в школе особыми, не такими, как остальные.

В чем же образованная, читающая молодежь хочет видеть отличие литературы от других предметов? В самом общем виде это было сформулировано так: «*Литература — это нечто большее*». Литература — это нечто большее, чем просто предмет, потому что литература — это основа всей культуры, а значит, этот литературоцентризм, пусть уходящий, но еще сохраняющийся в обществе, отраженным светом падает и на уроки литературы. Обычный урок подростки характеризуют как передачу объективных и не подлежащих сомнению знаний от эксперта-учителя к ученику, то есть здесь нормой представляются субъект-объектные отношения, и это не вызывает протестов: «*На уроке биологии тебе рассказывают какие-то теории, и ты просто познаешь мир*», «*На других предметах есть какой-то набор теоретических знаний, и он строго ограничен. Пока у нас нет какой-то новой теории, нельзя двигаться дальше*», «*Возможно, на уроке математики ты можешь придумать какое-то оригинальное решение задачи, но тут ты ограничен какими-то рамками программы, а ответ все равно такой же*». С литературой все иначе. Во-первых, литература — это не только набор знаний. В течение школьной жизни дети слышат, что литература воспитывает, меняет людей, формирует их личности, духовно развивает и т.д., причем не вся литература, а только русская классика. Большинство школьников это усваивают. 16,5% старшеклассников на вопрос, для чего читать русскую классику, ответили, что «классика развивает и учит»; столько же полагают, что классика прививает детям вечные ценности; 6,6% — что воспитывает и пр., то есть классика делает из тебя другого человека, не такого, каков ты есть. Естественно, при таком усвоенном представлении школьная литература — «*это нечто большее*». Ни один школьный предмет не нагружен таким количеством разнообразных социокуль-

турных и духовно-нравственных коннотаций. Впрочем, 17,2% юношей заявили, что не имеет никакого смысла читать классику (среди девочек таких лишь 4,2%), то есть литература — это самый обычный предмет.

Второе отличие литературы от других предметов заключается, по мнению участников фокус-групп, в том, что это единственный школьный предмет, где не должно быть готовых ответов на все вопросы, что это уроки, когда надо размышлять, и здесь она отличается даже от истории, где такие единственно правильные ответы есть: «*Я считаю, что литература — это место, где бы ты мог выразить свое мнение, пусть оно даже будет и неправильным. И чтобы преподаватель тебя выслушал и как-то помог проанализировать*», «*О законах жизни, а тут нет одного ответа*», «*Когда ты находишь свое мнение, это самое ценное. Это очень интересно, и это выделяет литературу среди других школьных предметов*» и пр. А раз так, то на уроках литературы должны преобладать субъект-субъектные отношения между учителями и учениками, должно быть интересно.

И третье, чего ждут от урока литературы те, кто не разочаровался окончательно в школе вообще и в этих уроках в частности, — возможность раскрыться, показать себя лично: «*Я думаю, урок литературы — это и личное тоже, тут ты должен иметь возможность открыться, высказать свое, личное*».

Литература в школе: что нравится, что не нравится?

Практически все участники фокус-групп учились в двух-трех школах, и о каждой остались разные воспоминания. Если обобщить позитивные воспоминания, то все они связаны с учителем, которого называют хорошим или замечательным. Именно личность учителя считают главным фактором, который делает уроки литературы интересными или вызывающими болезненные воспоминания. Как от урока литературы ждут или перестали ждать того, чтобы он был «особым», так и от учителя литературы ждут гораздо большего, чем от преподавателей других предметов. От остальных учителей ожидают лояльности, минимального уважения к ученикам, знания предмета и способности понятно и интересно о нем рассказывать. От учителя литературы ждут гораздо большего.

Например, он не должен требовать обязательного чтения всей литературы по программе. Во-первых, потому что прочитать все

¹ О гендерных различиях в отношении литературы в школе см.: Борусяк Л. Ценить и быть послушными: школьная литература и гендерная социализация // Неприкосновенный запас. № 105 (1/2016). URL: <http://www.nlobooks.ru/node/7124#sthash.zVt6CjT8.dpuf>.

² Здесь и далее все ответы респондентов даются курсивом.

произведения практически невозможно, программа перегружена. А во-вторых, потому что, по мнению подростков, читать надо то, что нравится, что не вызывает скуки и отвращения. Это же художественная литература, а не просто сухой учебник. От выпускников школы не ждут, что они будут и дальше обязательно заниматься биологией или географией и читать книги по этим наукам. Предполагается, что школа дает минимум, который в дальнейшем пополняют преимущественно те, кто занимается этими науками профессионально. От уроков литературы общество ждет, чтобы бывшие школьники продолжали читать и дальше, причем по собственному желанию и независимо от того, будет ли их профессия связана с литературой. Здесь, парадоксальным образом, выясняется, что учителя, которые требуют, чтобы школьники читали все произведения по программе, не способствуют, а препятствуют достижению этой цели. Учить уроки по всем предметам может быть скучно и сложно, но в отношении других предметов требования это делать не воспринимается как насилие, это правило игры, которое в силу возможностей надо удовлетворять хотя бы минимально. А в случае с литературой требование читать произведения, которые скучны, слишком велики по объему, сложны для понимания, а таких очень много, воспринимаются именно как принуждение и насилие. В какой-то мере ситуация с обязательной программой по литературе объективно способствует тому, что учитель требует от основной части школьников невыполнимого, а школьники вынуждены обманывать. Для не любящих читать подростков это не является существенной проблемой – литература тогда встает в общий список предметов, лишается или изначально не имеет повышенной социокультурной нагрузки. Теми же, для кого литература (не школьная, а просто литература) ценна, это воспринимается болезненно. Одно дело чтение учебника, который не обязан быть интересным, вызывать какие-то эмоции, другое – русской классики, ценность которой успешно внушается на протяжении всего периода обучения.

В ходе опроса старшеклассников мы выяснили, что половина подростков считает: русская классика актуальна и будет актуальной всегда. Среди юношей так ответили 44%, среди девушек – 57%. Выше отмечалось, что большинство юношей и практически все девушки полагают, что читать русскую классику

надо. Речь идет об абстрактной классике, но, когда речь заходит об отдельных произведениях, выясняется, что школьники испытывают от чтения скуку и мучение. Поэтому с большим воодушевлением участники фокус-групп рассказывали об учителях, которые разрешали не читать то, что не нравится: *«У нас в школе был хороший учитель литературы, и в принципе не обязательно было все читать по программе. Я читала только то, что мне нравилось»*. Или разрешали читать не произведение целиком, а только фрагменты: *«У нас такая учительница была хорошая, она не требовала читать всю “Войну и мир”, все равно ведь никто не прочитает, разрешала прочитать только несколько важных отрывков»*, *«Она разрешила нам не читать “Войну и мир”, у нас были прекрасные уроки медленного чтения интересных отрывков»*. Или вместо положенного по программе произведения можно было прочитать какое-то другое, которое больше нравится: *«Ну не могла читать “Мастера и Маргариту”, не понимал ничего, тогда наша учительница разрешила мне прочесть “Белую гвардию”»*.

Хороший урок литературы, по мнению респондентов, это урок, который проходит в нетрадиционной форме, чего практически не ждут от других уроков. С особым чувством участники фокус-групп вспоминали, как они делали самостоятельные проекты под руководством учительницы или уроки были театрализованными, и как это было интересно: *«В 5-6-7-м классе я делала что-то про Пушкина. Сначала я писала про отношения с няней, потом про его любовные стихи, потом я сравнивала его портреты. Например, в исполнении Кипренского и в исполнении Тропинина»*, *«Наша преподавательница, она была такая очень творческая женщина, у нее был свой театральный кружок, и она нас заставляла некоторые сценки разыгрывать прямо в рамках уроков литературы. Это было настолько замечательно, поскольку мы все совершенно искренне готовились к этому, это нам так нравилось»*, *«У нас на уроках мальчики часто читали стихи под гитару. Это была их инициатива, они какую-то мелодию брали, придумывали. Еще мы очень часто писали и издавали свои сборники. Один год это были былины, другой год юмористические рассказы. Нам это очень нравилось, мы участвовали в разных конкурсах, и мне кажется, это учило нас выражать свои мысли правильно. И еще чувствовать»* и пр. При этом почти все пишут, что в старших классах литература стала обычным предметом, на котором учеников готовили к экзаменам.

И здесь уже творческий подход учеников не приветствовался, привычная субъектность терялась.

Современные старшеклассники, которые с детства привыкли к горизонтальной, субъект-субъектной коммуникации при общении в интернете, к возможности высказать свое мнение, в до сих пор консервативной школе более болезненно, чем прежние поколения, переживают свою объектность, воспринимают ее как насилие. И особенно остро воспринимают это на уроках литературы, потому что о книгах можно и даже принято говорить, а в школе этого обычно не происходит. Поэтому главное, чего ждут от учителей и от уроков литературы, – это возможность высказать свое мнение и быть услышанными. При этом большинство респондентов, которые учились в гуманитарных гимназиях, говорили о принуждении и насилии на уроках литературы как школьной норме. По-видимому, это действительно норма, если учесть, какими словами некоторые из них характеризуют даже хороших, любимых учителей литературы: *«Про тех, кому литература была неинтересна, наша своеобразная, но хорошая Ирина Николаевна говорила про моих одноклассников: “Братья наши меньшие”, «Одна замечательная преподавательница была, которая просто заставила меня полюбить русскую литературу».*

Тема возможности высказать свое мнение без последующих репрессий повторялась на всех фокус-группах и практически всеми участниками. Но при этом в большинстве случаев сообщалось, что возможности такой не было или за высказанное мнение наступала расплата. Приведу несколько примеров: *«Я не помню, какую книгу мы обсуждали, у меня спросили мое мнение, я сказала, что герой правильно поступил, высказала свое мнение. А у учительницы были такие огромные глаза: “Ты что? Это неправильно! Даже не думай!” А самое смешное, что вопрос прозвучал: “Каково твое мнение?”, но при этом оно обязательно должно подстраиваться под какие-то рамки, быть таким, как требуется», «На уроках литературы я всегда удивлялась, почему за свое отношение к героям я получала плохие оценки от учителя. Потому что кроме самого произведения и учебника надо было читать аннотации нашей учительницы. Она брала их из разных сборников для учителей, если эти мнения совпадали с ее. И от того, повторяли ли мы это мнение, зависели оценки. У нее было только одно правильное мнение – ее, а больше никакие мнения не могли быть».* Это воспринимается под-

ростками как несправедливость, а потому с их стороны возникает пассивное или активное сопротивление. С возмущением, но и как форму возмездия учителям они повторяли: *«И она у меня отбила всякую любовь к чтению», «После таких уроков я вообще читать перестал, хотя и раньше не очень любил».* Как норму они воспринимают то, что цель уроков литературы – привить любовь к чтению, но, если учитель не позволяет высказать свое мнение, тогда в качестве наказания учителю они этой любви испытывать не будут. А это означает, что учитель не справился со своей главной функцией, то есть он плохой учитель.

И очень типично, что хорошим уроком литературы считают тот, на котором литературное произведение является лишь поводом поговорить о жизни, ее проблемах. Часть респондентов во время опроса писали, а участники фокус-групп говорили: произведения они не читали, не видя в этом смысла, только быстро проглядывали краткое изложение, другие читали, но главный акцент делают совсем не на художественных достоинствах книг. Гораздо важнее для них были бурные и интересные дискуссии на действительно важные для них темы. Общей канвы сюжета многим из них вполне достаточно, чтобы поговорить на волнующие темы, а хороший учитель – это тот, кто такие беседы поддерживает: *«Я очень любила наши школьные уроки литературы. Мне казалось, что вот заходишь в класс, садишься, и прям воздуху больше становится, есть чем дышать. Когда мы читали “Анну Каренину” в школе, нас все время спрашивали: “А вот поставьте себя на это место, на место Анны, и как бы вы поступили?” Вот если надо выбирать между мужем, сыном, любовником, что делать? И мы должны были это себе представлять. Во время урока, когда все время думаешь и пытаешься сплести свою жизненную ситуацию с тем, что происходило в книге, это получается очень интересно».* И, хотя такой прямой перенос собственных проблем на героев литературных произведений выглядит наивным, он в полной мере соответствует активно транслируемым школой представлениям о том, что классика всегда современна, а потому в ней можно найти ответы на все животрепещущие вопросы.

Должна ли школьная программа базироваться на русской классике и только на ней?

Классику читать надо обязательно – это основа нашей культуры, на ней базируется наш

культурный код, без знания классики русская культура существовать не может. В этом уверены практически все, эту ценность поддерживают все культурные институты, и прежде всего школа. Причем читать необходимо не просто классические произведения русской литературы, а именно те, которые в советскую школу перешли из русской гимназии и список которых не пересматривается много десятилетий. Длительное существование неизменной школьной программы привело к тому, что сложилось представление о каких-то объективных, не поддающихся сомнениям причинах, почему школьники изучают именно «Преступление и наказание», а не, например, «Идиота» или «Неточку Незванову». Отсюда в обществе рождается страх перед любыми изменениями программы, которые разрушат систему, а потому приведут к разрушению культурного кода. Соответственно, и недоверие к возможности вариативности школьных программ, и стремление иметь единый школьный учебник. Повторим, что, по данным Всероссийского опроса общественного мнения, 76% россиян выступают за переход именно к единому школьному учебнику по литературе, как и к единому учебнику по истории¹.

Для большинства школьников, особенно девушек, школьная программа, основанная на русской классике, это единственно возможный и правильный подход к преподаванию литературы в школе. И это при том, что большинство из них значительную часть произведений не читают, а многое из прочитанного не понравилось, да и прочитано было под угрозой репрессий. Ценности и читательские практики все дальше расходятся между собой. Лучшие школьницы, отличницы из гуманитарных гимназий, составившие значительную часть респондентов на фокус-группах, говорили, что в старших классах они боялись читать что-то, кроме русской классики: *«И я после школы даже считала, что обязана дочитать всю русскую классику. Мне надо было закрыть чувство, что я в школе не дочитала до конца “Анну Каренину” и “Тихий Дон”, и чтобы перейти на следующий уровень, я должна доделать до конца все там, и только после этого я буду иметь право читать то, что я захочу»*, *«Мне кажется, что вот это давление, а оно есть и очень сильное, приводит к тому, что случилось со мной. Я решила, что пока не прочитаю всю классику, я не просто не буду,*

я не могу, не имею права ничего другого читать. Мне нельзя читать современное, потому что у меня не сформировался вкус, я не могу объективно оценивать литературу. Я сейчас что-нибудь ужасное прочитаю, и, не дай бог, мне это понравится. Ужас какой! Я останусь необразованным человеком! Больше всего я боялась современного», *«Я считала, что мне должно понравиться то, что проверено годами, а проверена годами русская классика. И ты понимала, что если ты читаешь Гришкова или Улицкую, но, не дай бог, не прочитала еще Толстого, то ты плохой человек. Я так и чувствовала себя плохой»*. Конечно, такие представления нетипичны, но они показывают консервативный идеал российской школы: нужно читать проверенное временем, признанное образцовым, избегать рисков, связанных с современной литературой и современностью вообще.

Большинство людей, в том числе подростков, никогда не задумывались, почему практически вся школьная программа состоит из произведений русской классики, им кажется, что так было и будет всегда. Поэтому многим было сложно ответить на вопрос анкеты или задуматься во время фокус-группы о том, почему это именно так. Тем более им постоянно внушали, что именно русская классика — идеал литературы. И одновременно очень многие говорили, что школьную программу воспринимали как насилие над личностью, потому что читать заставляли. В результате любовь к чтению классики, а то и к чтению вообще, исчезает: *«Мое прощание с художественной литературой как раз состоялось в школе. Я в школе вообще не любил уроки литературы: нам пытались скормить эту пиллюлю, но я не хотел ее глотать. Мне пытались насильно скормить какую-то классику, которая, возможно, мне и не нравилась совсем»*, *«У меня литература в школе отбила всякую любовь к художественной литературе. Поэтому я сейчас ничего не читаю»*, *«В школе уроки литературы отбивают всякое желание читать классику»*, *«Я вот просто, наверно, такой человек, которого нельзя заставить — я упрюсь, и как бы нет. Я до сих пор чисто из принципа не прочитала “Войну и мир”*. И я знаю, что никогда в жизни не возьму эту книгу просто потому, что ее очень многие навязывали очень сильно». Но большинство все-таки говорит, что, уйдя из школы, они вдруг поняли — читать интересно, потому что ты свободен в выборе: *«Я читаю примерно столько же, но я теперь читаю, что интересно мне самой, что я сама хочу читать. В школе большинство*

¹ <http://www.levada.ru/2017/06/06>.

материалов для чтения — это было чтение для оценки, а не для удовольствия. И эта литература по программе мне очень часто не нравилась, а теперь нравится. Теперь у меня практически нет обязательной литературы, и теперь я свободный человек в свободной стране».

И тем не менее классику читать нужно. Как отмечалось выше, причины этого обычно не рефлексированы, просто это считается правильным: «Когда я читаю классику, я чувствую себя хорошей девочкой», «Чтение классики — это опыт, и неважно, понравилась тебе книга или нет. И если ты не читаешь, ты себя этого лишаешь», «Это просто правильно». Хорошая девочка смотрит на себя глазами общества и чувствует, что соответствует его требованиям.

Сюда же примыкают ответы — ты знакомишься (пусть даже посмотрев фильм или заглянув в Брифли) с чем-то лучшим, почти сакральным: «Мне кажется, что именно эти произведения входят в школьную программу, потому что эти произведения считаются признанными что ли. Эти произведения признают классическими, их признают хорошими, эти произведения должны учить нас чему-то», «Я считаю, что у нас в школьной программе такая литература, которая признана десятилетиями и столетиями как однозначно хорошая. Это образцовая литература, которая у большинства критиков вызывает однозначно положительные эмоции», «Русская классика важна потому, что она задает правильные нравственные ориентиры». Конечно, подростки повторяют слова учителей, но эти слова не рефлексированы даже в ситуации, когда те же подростки отказываются читать те или иные произведения.

Характерно, что, объясняя, почему в школе представлена почти только русская классика, никто не упоминал, что это та литература, которая интересна детям, они хотят ее читать, получают от этого удовольствие. Сакральные ценности такого не предполагают, как не предполагают они и обязательного глубокого погружения: к ним достаточно прикоснуться, что, собственно, и происходит.

И все-таки идет процесс десакрализации классики, что показало наше исследование. В большей мере это характерно для юношей, но в какой-то степени касается и девушек. Кто-то приравнивал классику к другим литературным произведениям или жанрам («Это такой же жанр, кому-то нравится, кому-то нет»), хотя сакральные ценности сравнению не подлежат. Кто-то говорил, что не все классические про-

изведения понятны и доступны детям, какие-то нравятся больше, какие-то меньше. Кто-то высказался радикально: «Классика — это не для мальчиков, пусть девочки читают». Прозвучало и мнение, что «мы все время читаем классику, чтобы жизнь медом не казалась», то есть, что школьная программа — это способ насилия и принуждения.

Что делать?

Современная школа не формирует любви к чтению, хотя на ценностном уровне работает достаточно успешно — для основной части подростков очевидно, что читать хорошо, хотя и не обязательно. Участники проведенных нами социологического опроса и фокус-групп преимущественно негативно оценивают школьные уроки литературы, делая основной упор на то, что они не полюбили русскую классику, не вынесли из школы любовь к чтению, а то и утратили тот интерес, который был. Что же они предлагают, чтобы изменить ситуацию?

Изменить школьную программу, сделать ее более разнообразной и интересной для детей и подростков? Это предложение позитивно воспринимают многие старшеклассники, участвовавшие в опросе, и часть респондентов фокус-групп. Мало кто решается предложить что-то убрать из программы, все-таки она почти сакральна. Если все-таки предлагают немного «разгрузить» программу, то за счет самых объемных произведений — «Войны и мира», «Тихого Дона» и «Обломова», объясняя это тем, что все равно никто не читает, что прочитать это невозможно. Редко называют другие произведения — от «Кому на Руси жить хорошо» и пьес Островского до рассказов Бунина («Неприличные, их детям читать нельзя»), произведений Гоголя, которые мальчики любят сильнее девочек, «Капитанской дочки» («Ерунда какая-то») и «Муму».

А вот дополнить и так перегруженную программу предлагают очень активно. Для средней школы чаще всего считают необходимым чтение «Гарри Поттера», поскольку это самое любимое детьми произведение. Между тем многие участники исследования говорили, что в их школах учителя вели настоящую борьбу с этим произведением, поэтому они не верят, что те станут преподавать эту книгу: «Почему-то “Гарри Поттер” табуировался у нас в школе, нельзя было его даже упоминать. Если ты его читал, ты плохой. Надо читать Пушкина». Вообще все

предложения по дополнению программы касались исключительно зарубежной литературы. Причин тут две: 1) читающие подростки считают, что программа «перекошена», что зарубежную литературу тоже надо знать; 2) они гораздо больше любят и читают зарубежную литературу, а потому многие надеются, что уроки станут значительно интереснее. Когда на фокус-группах задавались вопросы о книгах, которые произвели на респондентов самое сильное впечатление, были названы только две книги на русском языке – культовая «Мастер и Маргарита» и «Трудно быть богом» братьев Стругацких. А вот зарубежная литература была представлена достаточно широко, прозвучали десятки названий. По числу упоминаний лидировали романы Ремарка, «Над пропастью во ржи» Сэлинджера, у девушек «Джей Эйр» Остин, у юношей классические произведения фантастики и фэнтези.

Правда, энтузиазм от того, что в школе будут изучать действительно любимые подростками произведения, разделяют не все. На фокус-группах часть респондентов с уверенностью говорила, что, как только самые их любимые книги попадут в школу, как только надо будет давать о героях «единственно правильные» ответы, эти книги не захочется читать, они станут такими же скучными, как «Война и мир»: «Даже «Гарри Поттера» читать не захочется, даже Лема «Солярис», «Дети, а теперь запишите правильные ответы! Чему нас учит Ремарк – вот чему! А чему Сэлинджер – вот этому! И сразу зевать хочется и книжку выбросить!» Во время опроса старшеклассников выяснилось, что 2/3 считали бы правильным, чтобы школьная программа была вариативной, чтобы учитель мог сам выбирать произведения, которые будет изучать в конкретном классе. Эту идею поддержали и участники фокус-групп, но с некоторыми сомнениями. Часть из них считала, что в нашей школе это невозможно, «тут никогда не сделать шаг вправо, шаг влево – расстрел!», другие сомневались, что предложенное учителем будет лучше, чем по программе: «У нас была учительница, она очень писателей-деревенщиков любила. В результате мы программу не прошли, на «Мастера и Маргариту» отвела два занятия, а мы три месяца все время читали Белова и Распутина, которые нам совсем не нравились». Финальный вывод прозвучал так: «Надо не только отказаться от определенного списка литературы, но и от списка выводов, которые ученик должен в итоге сделать. А именно на этом построено все обучение».

Тема личности учителя как главного фактора, определяющего отношение школьников к урокам литературы, по числу ответов лидировала в ходе исследования. Один из участников фокус-группы предложил даже сменить всех учителей литературы, поскольку они заостренили в своих шаблонных представлениях и давлении на учеников, а на их место взять молодых учителей, которые любят не только классиков, уважают школьников и позволяют им иметь собственное мнение. Понятно, что всерьез эту идею не воспринимают, но полагают, что проблема с учителями литературы стоит очень остро: «Очень много зависит от преподавателя, почти все: тебе либо дают шаблонные тезисы, которые ты должен выучить, и тогда нет смысла читать произведение, потому что ты не можешь сам их как-то осмыслить, либо тебе повезет с преподавателем, тогда можно будет задуматься, только везет очень редко».

На двух из шести фокус-группах их молодые участники говорили, что никакие отдельные меры не помогут, потому что вся система работает так, что отбивает у школьников любовь к чтению: «Можно сменить всех преподавателей, сменить программу, сменить плохих учеников на хороших, но система будет воспроизводить все то же самое», «Вся школьная система преподавания литературы построена на насилии, только изменив ее, можно что-то сделать». А вот что можно сделать, чтобы изменить систему, никто не предложил.

Заключение

Исследование отношения подростков к урокам литературы в школе показало, что ими достаточно успешно усваивается ценность чтения вообще и чтения русской классики в частности, но основная масса школьников читают лишь часть произведений школьной программы, не испытывая из-за этого чувства вины. Чтение текстов, входящих в школьную программу, стало лишь одной, практически равноправной частью способов знакомства с литературными произведениями наравне с краткими изложениями, фильмами, аудиокнигами и пр. Это связано как с недоступными основной части подростков объемами чтения, заданными школьной программой, так и со сложностью литературных произведений, чрезмерной для современных школьников, не говоря об отличии языка, которыми эти произведения написаны, от современного.

Основная часть участников исследования считает, что преподавание литературы в школе должно отличаться от преподавания других предметов, потому что речь идет о литературных произведениях, о которых могут быть разные мнения. Поэтому они настаивают на субъект-субъектной коммуникации между учениками и учителями литературы, на праве иметь свою точку зрения на литературные произведения, даже не прочитанные, а знакомые по пересказам и другим способам знакомства с текстом.

По мнению большинства подростков, школьная программа должна быть вариативной, учитывать интересы и литературные предпочтения учеников. Но опрошенные не уверены, что при существующей системе принуждения, которую считают присущей школе, изучение даже самых любимых подростками текстов позволит сделать уроки литературы интересными.

Большинство участников исследования не считают, что современная школа формирует у учащихся интерес к чтению, многие полагают, что результат противоположный.

ИЗ АРХИВА ЛЕВАДА-ЦЕНТРА: ОТЧЕТЫ О ПРОШЛЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Общественное мнение о проблемах защиты прав и свобод человека в России¹

Введение

Многолетние исследования «Левада-Центра» показывают, что понятие «правовое государство» только входит в массовое сознание. В этом представлении уже сочетаются идеи законности и справедливости, но ценность гражданских прав и свобод, значение их соблюдения и защиты для развития общества, пока еще значимы для меньшинства — главным образом, наиболее образованной и квалифицированной, социально активной части населения крупнейших городов. Для основной же части населения характерны прежде чрезвычайно устойчивые представления о собственной правовой незащищенности, например от административного произвола и угроз личной безопасности и выживания. Исследования показывают, что значительная часть населения (по разным показателям 40–60%) пребывают в ощущении, что их права не защищены и постоянно нарушаются, однако лишь небольшая часть (примерно одна десятая) в состоянии квалифицировать эти нарушения, дать более или менее ясное выражение тому, какое именно право нарушается. На протяжении всего постсоветского периода это хроническое и слабо артикулированное недовольство и социальное самоощущение выражается в ожиданиях патерналистской политики государства по отношению к «населению»:

¹ Мы публикуем отчет по этому исследованию, проведенному в 2014–2015 году по заказу Общероссийского общественного движения «Гражданское достоинство» (президентский грант), поскольку полагаем, что оно имеет общественную значимость, а его результаты должны быть открытыми и не пылиться в ведомственных архивах. Отчет подготовлен коллективом сотрудников «Левада-Центра»: это Л. Гудков, Д. Волков, С. Гончаров, Н. Зоркая, А. Левинсон, А. Овакемян и др.

главным для подавляющего большинства россиян остается право на бесплатное образование, здравоохранение, гарантированная занятость и право на жизнь. Иными словами, правовая культура в российском обществе развита очень слабо. Готовность отстаивать свои права носит преимущественно декларативный характер, так как шансы отстоять свои права законными способами, прежде всего через суд, оцениваются большинством весьма низко. В особенности это характерно для социально слабых групп, ориентированных в своих представлениях почти исключительно на помощь государства и действительно зависящих от него. Значительное недоверие к правоохранительным и судебным органам сочетается в обществе с готовностью мириться с нарушением прав, в особенности если это относится к еще очень абстрактным для массового сознания гражданским правам и свободам (свобода волеизъявления, свобода собраний, свобода слова, права неприкосновенности личности, собственности и т.п.).

Предшествующие исследования показывают, что в настоящее время как частота обращения за помощью в правозащитные организации, так и уровень доверия к ним не слишком велики. Это соединено с рядом причин, на изучении которых предполагается сосредоточить первостепенное внимание в предстоящем исследовании. Например, весьма слабой информированности граждан о деятельности правозащитных организаций. Она связана со слабым развитием межгрупповой коммуникации в обществе, когда основным каналом информации выступают неформальные, а не специализиро-

ванные источники (личный опыт, опыт и знания ближнего круга, а не экспертное знание, СМИ и пр.). Доступ правозащитных организаций к центральным СМИ ограничен, информация об их деятельности, о нарушениях прав и свобод в обществе явно недостаточна и подвергается цензуре, соответственно в обществе отсутствуют широкие дискуссии о проблемах прав граждан и их защиты. Преимущественная концентрация правозащитных организаций в крупных городах страны оборачивается (особенно в отсутствии информации) проблемой доступности подобной помощи для широких слоев общества. Еще одна важная проблема — слабая коммуникация правозащитных групп и других НКО, занятых более широким спектром социальных проблем. Кроме того, понятно, что правозащитные организации и общественные структуры, занимающиеся проблемами защиты прав, не могут подменить или компенсировать явные дефекты и низкую эффективность работы правоохранительных и судебных органов.

Для анализа текущей ситуации с мнением по поводу защиты прав и свобод человека было проведено три части социологического исследования: углубленные интервью с экспертами — участниками правозащитного поля (чиновниками, журналистами, собственно правозащитниками), групповые дискуссии с населением крупнейших городов, массовый репрезентативный опрос взрослого населения городов численностью от 100 тысяч жителей.

Фокус-группы

Для выявления наиболее широкого спектра мнений по поводу защиты прав и свобод человека в России было проведено 16 дискуссий с группами, представляющими взрослое население крупных городов.

В каждом из городов (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург и Воронеж) было проведено по четыре групповые дискуссии, общее число участников — 128 человек.

Собранная в ходе фокус-групп информация послужила материалом для тематической разметки количественного опроса и подготовки анкеты массового опроса.

Краткий экскурс в историю понятия и движения

Понятие правозащитной деятельности появилось в обиходе социальной группы, которая сложилась в 1960–1980-е годы в Советском Союзе. Эта социальная группа позже получила

название «диссиденты». Термин возник в западной прессе, затем перекочевал в отечественные медиа. Самоназванием группы он никогда не был. Слово же «правозащитник» в этих кругах использовалось. Оно никогда не бывало самоназванием («я правозащитник» или «мы правозащитники»), поскольку было нагружено значительным ценностным содержанием — высоким и позитивным. Интеллигентская этика — а описываемая группа в основном входила в более широкую категорию интеллигенции — этого не позволяла. Но в отношении друг друга понятие «правозащитник» употреблялось. Слово было характерно для письменной речи, для текстов самиздата, прежде всего «Хроники текущих событий».

Именно «Хроника текущих событий» была основным форматом, в рамках которого формировался институт правозащиты и наполнялось содержанием понятие «правозащитник». Можно говорить, что здесь продолжала развиваться давняя и почтенная традиция российской дворянской и разночинной интеллигенции. Традиция эта сложилась в XIX веке и берет начало еще в деятельности членов Южного и Северного обществ, где среди офицеров-дворян было принято становиться на защиту прав своих солдат из простого народа. Главными чертами были пребывание в состоянии хронического антагонизма с властью и ее репрессивным аппаратом, защита от действий этого аппарата или представителей правящих классов против субъектов из «народа», не имеющих возможности вступить за себя. При неравных силах их деятельность была обречена на физическое поражение, но сохранялось моральное превосходство перед карателями.

Именно это выразил Николай Некрасов в описании персонажа с говорящей фамилией Добросклонов: «Ему судьба готовила путь славный, имя громкое народного заступника, чухотку и Сибирь».

Сложившийся в описываемых кругах советской интеллигенции образ правозащитника включал этот ореол жертвенности наряду с представлением о нравственной чистоте и моральной силе, в априорном моральном превосходстве над политическими противниками — властью в широком смысле и органами политического сыска и репрессий в узком. Именно такими были образы генерала Григоренко, академика Сахарова. Благодаря заработанному на службе у государства высокому статусу (генерал, академик) или благодаря вниманию к ним международной прессы и обще-

ственности, они обладали ограниченным иммунитетом от преследований и авторитетом, который использовали для защиты отдельных лиц или категорий населения (например, репрессированные народы), которые сами защитить себя от репрессий не могли.

В силу сложившейся конструкции их взаимоотношений с властью эта группа была вынуждена в значительной степени заниматься и самозащитой, что превращало ее деятельность в самозамкнутую.

В годы перестройки и гласности традиция правозащиты и образы правозащитников получили широкую реабилитацию и ценностную поддержку. Изменение политического режима вывело их на время из противостояния с властью, что было одной из главных их конститутивных черт. Далее деятельность по своего рода правозащите, а именно по восстановлению нарушенных прав граждан, была вменена тем самым картельным органам, которые совершали эти нарушения. КГБ СССР получил задание по реабилитации жертв политических репрессий и проделал огромную работу на этом поприще.

Наиболее важные выводы по проведенным группам

Благодаря этому понятие правозащитной деятельности в широком обиходе лишилось былой априорной конфликтности с режимом в целом, властью как таковой, уточнилось как легитимная деятельность по восстановлению чьих-то процедурно нарушенных прав. Вместе с этим оно лишилось и ауры неперемной жертвенности, обреченности. В глазах широких слоев населения оно приблизилось к представлению о деятельности адвоката, выступающего в роли защитника в судебном процессе.

Правозащитник, он смотрит, чтобы защитить кого-нибудь.

Оппонируя стороне обвинения, государственному обвинителю, защитник оказывается в ситуации противостояния с представителем государства. Но это предусмотрено процедурой судебного процесса и ролью защитника в нем. За рамками процесса защитник не вынужден быть в неперемной оппозиции власти.

Именно понимание ролевого, условного положения такого защитника нарушенных прав, в отличие от «судьбы», «пути» народного заступника, правозащитника, характерно для современного понимания, обнаруженного исследованиями «Левада-Центра».

Кроме защиты отдельных лиц от произвола

в повестку дня вошла защита прав неопределенно большого числа людей, например жителей некоего города или района на пользование теми или иными благами. Деятельностью лиц, которых публика относит к правозащитникам, стала защита этих прав от носителей корпоративных или групповых интересов, посягающих на оные блага и, что важно, получающих поддержку государственных органов, в том числе правоохранительных. Схватки энтузиастов и защитников Химкинского леса с полицией и другими государственными и муниципальными органами стали широко известны. Поэтому образ правозащитника — это и образ защитника природы.

Правозащитник — он защищает лес.

Правозащитник с красным крестиком, с другой стороны лес, природа.

Эти защищают. Кто лес защищает, кто еще чего-то — правозащитники.

Немаловажную роль для общественного сознания сыграло распространение в постсоветские годы понятия «правоохранительные органы» на те органы, которые в рамках прежнего «диссидентского» дискурса и являлись главными нарушителями прав. Деятельность правозащитников зачастую сводилась к противостоянию этим органам. Принятие ими имени правоохранителей, созвучного с термином «правозащитники», отразилось в массовых представлениях, вскрытых исследованием «Левада-Центра». Правоохранительные органы — это и есть правозащитники, так во многих случаях отвечали респонденты.

Защищает мои права правозащитники, какие-то права мои, они по-любому защищают. Прокуратура, силовые еще.

Исследования позволили обнаружить новый социальный тип правозащитника. Новый тип не выводит свое происхождение от диссидентов прошлого столетия. Новые правозащитники зачастую приходят в институт правозащиты изнутри так называемой правоохранительной системы. Это дает им многие преимущества, начиная от юридического образования (которого, как правило, не было у «старых» правозащитников). Они знакомы с реальными практиками следствия, дознания, лишения свободы, а также суда и судебных процедур. Они зачастую сохраняют личные знакомства и контакты в правоохранительных органах. В свою очередь, объектом их деятельности в значительной степени оказываются нарушения прав, не имеющие политической окраски, но связанные с конфликтами интересов, коррупцией, со зло-

употреблениями властью и пр. Жертвами оказываются сугубо неполитические субъекты — рядовые граждане, мелкие предприниматели. Такие дела имеют мало шансов на широкую огласку, внимание международной прессы и пр., что было характерно для наиболее известных правозащитных акций прошлого века.

Деятельность таких правозащитников известна более всего потерпевшим, которые искали и нашли такую защиту. В общественном сознании она отразилась мало, но определенные следы ее наши фокус-группы позволяют найти. Правозащитник в них — тот, кто осуществляет защиту прав не путем широких публичных акций, а путем участия в судебных процессах на ролях защитника, адвоката.

Я знаю, что к ним может любой обратиться и они будут тебя бесплатно защищать.

Исследование, проходившее в 2014 году, застало ситуацию, когда определенные реалии советской жизни стали возвращаться в общественный и политический обиход. Ряд идущих судебных процессов в общественных дискуссиях получил и «старое» название процессов над «узниками совести», и некоторое оживление.

Правозащита снова стала публичным делом.

Правозащитники — это люди с транспарантами.

Правозащитник всегда с плакатом, на каких-нибудь митингах и рядом люди, в гущу событий.

Они любят с плакатами на митингах.

Озвученная бывшим руководством органов госбезопасности идея наличия внутренних врагов («пятой колонны») воспроизвела в общественном сознании старые схемы противостояния репрессивного аппарата и части интеллигенции. В схему включен и враждебный Запад.

А правозащитники все смотрят или на Америку, или на Запад.

Принятая официозом позиция негативного отношения, сарказма и презрения к представителям либеральной интеллигенции, в том числе тем, кто публично протестовал против нарушения различных прав, также известным образом отразилась в результатах исследования. В редких случаях можно было обнаружить знание таких эпизодов и позитивный отзыв о поступках таких людей как правозащитников.

Кого называют правозащитниками?

Люди, которые отстаивают интересы людей. Бесплатно, по-моему, они действуют.

Но чаще это реализовывалось в изображении

правозащитника как кричащего впустую (ирония с сочувствием) или ради привлечения внимания к самому себе (ирония без сочувствия).

Эти конструкции вернули для части респондентов понятие «правозащита» и «правозащитники» на те их традиционные места в отечественной политической культуре, о которых говорилось выше. Но господствующими, повторим, в дискуссиях с участниками фокус-групп оставались отождествления правозащитников либо с правоохранителями, либо с адвокатами, защитниками в суде.

Интервью

С целью наиболее полного понимания проблематики защиты прав и свобод человека в России было проведено 48 глубинных интервью с представителями трех экспертных групп: правозащитниками, журналистами, государственными чиновниками.

Глубинные интервью проведены в четырех крупных городах (Москва, Санкт-Петербург, Пермь или Екатеринбург, Воронеж). В каждом городе взято 12 углубленных интервью, всего по 16 в каждой экспертной группе.

В рамках проведенных интервью были выявлены наиболее важные тенденции в области защиты прав и свобод человека последнего времени (по сравнению с тем, что было 5–10 лет назад), определены позитивные и негативные тенденции.

Место и роль правозащитников в неправовом обществе

Среди исследователей можно встретить определение правозащитников через противопоставление интересов государства и индивида или общественных групп. Правозащитник осуществляет надзор за соблюдением законов исполнительной и судебной ветвей власти, представляя собой важнейший институт гражданского общества. Реальный статус и роль правозащитника в различных странах, культурах и режимах может меняться существенно. Главной проблемой данного исследования является изучение места правозащитников в институциональной среде российского общества, представлений правозащитников о своей работе, проблемах, перспективах. Кроме того, нам кажется необходимым оценить структуру, интенсивность социальных связей между 1) правозащитниками и государством; 2) правозащитниками и журналистами; 3) правозащитниками и населением. Большую роль в формировании этих связей играет представление сторон друг

о друге, активность сотрудничества, барьеры на пути к взаимодействию. Сложности функционирования института правозащитников в России связаны с отсутствием консенсуса в вопросе, нужны ли независимые правозащитные организации как элемент гражданского контроля в принципе. Если они все-таки нужны, то:

1. Какое место в среде институциональных отношений занимают правозащитники?

2. Решение каких задач может находиться в ведении правозащитников?

3. Какими ресурсами могут обладать правозащитники?

4. Как правозащитникам следует взаимодействовать внутри сообщества?

Ответы на эти вопросы лежат в анализе мнений самих правозащитников и государственных служащих, журналистов и граждан. Методы формализованных интервью в рамках массовых опросов не позволяют оценить причины и логику процессов в данной области. Поэтому в рамках реализации социально значимого проекта проведено 48 интервью с экспертами — государственными служащими, политиками, негосударственными правозащитниками — в Москве, Екатеринбурге, Санкт-Петербурге и Воронеже, задачей которых являлось выявление наиболее важных тенденций в области защиты прав и свобод человека последнего времени. Интервью с экспертами позволяют оценить уровень взаимодействия между государством и гражданским обществом, выявить наиболее острые проблемы взаимодействия.

Вне зависимости от того, кто выполняет (или должен выполнять) функцию отстаивания прав россиян, проблема незащищенности, ощущение бесправности и отсутствия реальных инструментов отстаивания своих интересов стоит очень остро. Данные всероссийских массовых опросов, проводимых «Левада-Центром», свидетельствуют: только 10% россиян считают, что никакие права и свободы в России не ущемляются. Существование в обществе само по себе является нескончаемым процессом отстаивания своих прав и интересов от посягательств иных индивидов и групп. И нарушение прав не становится фатальным для устойчивого существования общества, если сохраняются механизмы репрезентации мнений всех заинтересованных сторон. Необходимым условием для этого является наличие воли различных участников защищать свои интересы. По данным за декабрь 2014 года, лишь 65% россиян полагали, что в случае нарушения прав нужно добивать-

ся решения возникающих проблем. Даже среди жителей крупных городов (более 500 тысяч человек), имеющих достаточные материальные возможности и доступ к защите прав, 40% нигде не обращались в случае их нарушения. А из тех, кто обращался, более трети (39%) отметили, что их проблемы не были решены¹.

Опираясь на данные фокус-групп, можно предположить, что россияне плохо знают свои реальные права и не знают, какова процедура преодоления ситуации нарушения прав, у них отсутствует опыт обращения к каким-либо правозащитным организациям.

При анализе состояния правозащитного сообщества, его места и функции необходимо помнить, что вышеописанная ситуация характерна для общества с крайне размытыми представлениями о задачах общественных институтов в области защиты прав граждан, сильным разрывом между нормативным и реальным, а также общества, готового адаптироваться к тем правилам игры, которые навязываются ему нарушителями прав.

Вопрос о необходимости существования независимых правозащитных организаций не может рассматриваться отдельно от дискуссии по поводу самостоятельности публичной гражданской сферы, неподотчетности общественных институтов государственным механизмам. Правозащитная деятельность как форма организации негосударственного контроля над бюрократией, исполнительной властью может быть эффективна только при ее легитимации со стороны значительной части общества. В противном случае правозащитные деятели вынуждены столкнуться с массовым недоверием и сужением круга возможностей. Если общество стремится к соединению с государством в качестве подсистемы и не рассматривает себя как самостоятельно регулируемое образование, оно не будет искать ресурсы для решения своих проблем внутри себя. Россияне же не считают собственные ресурсы достаточными для решения проблем, не видят иных вариантов кроме как обращение к властным институтам.

Место и роль правозащитников в современной российской институциональной среде

По мнению простых россиян, защищать их права должно в первую очередь государство: президент, суд, прокуратура. Остальные

¹ См.: Волков Д.А., Гончаров С.В. Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем: Левада-Центр, 2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/books/potentsial-grazhdanskogo-uchastiya-v-reshenii-sotsialnykh-problem>.

участники могут дополнять, а не заменять государственные функции. Это связано с неосведомленностью об успешных примерах работы негосударственных правозащитников. Россияне тяжело усваивают мысль о том, что правозащитная деятельность может быть непрофессиональной, некоммерческой. Чаще всего правозащитные организации воспринимаются как продолжение государственных институтов социальной защиты населения.

Я знаю, что к ним может любой обратиться и они будут тебя бесплатно защищать.

К числу правозащитных организаций часто относят суд, полицию, прокуратуру, адвокатов, средства массовой информации. Другая часть россиян относит к ним разнообразные добровольческие объединения, дружинников и т.д., в целом склоняясь к тому, что это скорее хобби. Наиболее радикальное понимание включает всех тех, кто борется за свои права, в ряды правозащитников. В таком случае все граждане нашей страны, защищающие свои права, являются правозащитниками.

У россиян нет четкого представления о том, что делают правозащитники, чьи права защищают НКО. Тем не менее наиболее распространенное мнение заключается в том, что они нужны, для них есть работа: граждане ждут помощи как раз там, где государство не держит обещаний или не оправдывает общественные ожидания. Формат некоммерческих организаций вызывает у многих непонимание и негативные ассоциации с «иностранными агентами». Пожалуй, ключевая характеристика, которой наделяют многие респонденты правозащитников, — бесплатность, доступность, как в материальном смысле, так и в смысле близости социального положения. Учитывая, что россияне довольно туманно представляют, кто относится к правозащитникам, наделение защитников прав этим свойством является главным дифференцирующим признаком правозащитного сообщества. Близость к народу здесь выражается не только во внимании к общественным проблемам, но и в отсутствии возможностей исполнять свои функции. Правозащитная организация воспринимается аналогично бесплатным (государственным) институтам, таким как медицина, образование, адвокатура: они доступны, но обращаться к их услугам нужно лишь в том случае, если нет возможности решить проблему другим способом — взяткой, знакомствами, обращением к услугам профессиональных адвокатов и т.д. Есть понимание, что они нужны, но есть и твердое убеждение в их беспомощности, деко-

ративности, неопределенном статусе. Многие россияне говорят о статусе правозащитника как о переходной ступени между простым гражданином и чиновником.

Однако замечаются и негативные тенденции в представлении граждан страны о независимых правозащитниках. Отношение к правозащитникам со стороны простых россиян остается нейтральным. По данным на январь 2014 года, 65% россиян ничего не слышали о деятельности этих организаций, 24% считали, что они, по крайней мере, стараются помочь, а о том, что они наносят вред стране, говорил только 1% опрошенных. Тем не менее укрепляющая позиции политическая реакция формирует негативные коннотации со словосочетанием «некоммерческая организация», что отражается и на восприятии правозащитников. Считается, что поддержка некоммерческих ассоциаций внешнеполитическими врагами, например США, — одна из главных угроз: по данным опросов, проведенных в феврале 2015 года, о том, что НКО на американские деньги ведут разрушительную деятельность, говорили 24% россиян. Особенно заметной общественной истерия стала в свете усиливавшейся пропагандистской кампании, направленной на дискредитацию общественных деятелей и некоммерческих организаций. Непонимание реальных принципов работы правозащитных организаций, специфическая культура правозащитной деятельности в России, определяющая идеологические различия между населением и представителями либеральной интеллигенции, предопределили отсутствие доверительного отношения. Более того, правозащитная деятельность стала восприниматься некоторой частью общества чуть ли не как предательство интересов страны. Многообразие и сложность реальных причин возникновения дисбаланса между силовой, державной внешней политикой и неспособностью навести порядок внутри страны большинству проще свести к поиску, вернее, назначению внутренних врагов, «пятой колонны». Мотивы и цели деятельности правозащитников оказываются непонятными, перевернутыми. У части россиян безвозмездный и гражданский характер деятельности превратился в политически ангажированную и прагматическую работу по организации беспорядков, цветных революций и тому подобных акций.

Отсутствует, по мнению правозащитников, сколько-нибудь значимая поддержка государством гражданских низовых инициатив. Если раньше представители государства более ак-

тивно участвовали в работе общественных инициатив, приглашали в состав наблюдательных комиссий и общественных советов представителей структур гражданского общества, то сейчас это взаимодействие пошло на спад.

У меня такое чувство, что все это происходит под какой-то пленкой, как болото. В самой жизни происходят какие-то процессы, власть они совершенно не интересуют. Власть умышленно оборвала все обратные связи, целенаправленно и очевидно.

Можно говорить, что в среде госслужащих существует мнение об «игрушечности» правозащитников. Нередко можно услышать: непонятно, «зачем правозащитники что-то еще требуют, если у них и так все есть». Требования политических прав не рассматриваются серьезно, поскольку за ними не стоит сколько-нибудь широкая социальная группа.

1. Требования дополнительных политических прав... я ни одного случая не могу привести. Они не возникают. Потому что политические права у нас настолько они предоставлены полно, что чего там надо-то? Голосовать — пожалуйста. Тебя даже уговаривают идти. Я не вижу каких-то политических ограничений по политическим мотивам, у нас в стране в целом, по-моему, их нет.

2. Что будет делать правозащитная организация, когда человек приходит, ему не дают квартиру, а должны дать, он льготник какой-то и что-то еще. Они пишут в суд, в различные структуры письма. А что делает в данном случае депутат, он поднимает трубку, звонит, и этот вопрос решается. Возможности просто несравнимы. И на самом деле, какого-то общественного запроса, создания каких-то оппозиционных структур, в принципе, не существует.

По мнению многих опрошенных правозащитников и журналистов, закрытость власти от общественного контроля очень сильна. В интервью с экспертами отмечается отсутствие каналов коммуникации между журналистами, правозащитниками и государством; существует ограниченный список лиц, допущенных к общению с государственными чиновниками, особенно из высших эшелонов власти.

С другой стороны, в среде чиновников сформировалось позитивное восприятие (хотя бы на уровне декларирования) роли различных правозащитных организаций, в основном разделяющих с государством зону социальной ответственности. Чаще всего чиновники отводят им совещательную роль, не упоминая о возможности ограничения полномочий государства.

Институт уполномоченного по правам человека положительно выделяется многими опрошенными на фоне других государственных образований, возможно, благодаря структурному положению между государством и гражданским обществом. Правозащитники довольно часто обращаются к ней, а власти видят в ней союзника. Сами уполномоченные ощущают свою роль как медиатора между обществом и государством. Роль уполномоченного — реагирование на обращения со стороны общественных организаций: для этого проводятся экспертные опросы, мониторинг ситуации, собирается информация о совершенно разных проблемах жизни города. Сотрудники аппарата уполномоченного отмечают увеличение числа социально ориентированных организаций, рост их активности и вовлечение в дискуссии.

Причем у нас уже амбиции были когда-то, у самых разных организаций. Они между собой ссорились. Но мне кажется, моя площадка как-то объединяла людей, и 90% они все-таки под этой площадкой как-то объединялись.

Проблемой, общей для института уполномоченного, является ограниченность правовых основ для воздействия на деятельность других государственных органов.

Для того чтобы мне как региональному уполномоченному взаимодействовать с полицией, с прокуратурой, со службой судебных приставов, со службой исполнения наказаний, с миграционной службой, у меня нет правовой основы.

Несмотря на ограниченные полномочия омбудсмена, предусмотренные для роли государственного медиатора, обе стороны высоко ценят результат совместной работы. Зачастую это достигается за счет личного авторитета уполномоченного. Личные связи между участниками коммуникации играют решающую роль для конечного результата.

1. Вот знаете, очень сильно смена губернатора и команды влияет, очень сильно. Я с третьей командой работаю, и надо все начинать заново. Начальник приходит новый, и все начинаешь заново. Все абсолютно начинаешь... Прокурор приходит новый, и все начинаешь заново. И это очень тяжело.

2. Но органы публичной власти, они сами нас [правозащитников] не знают. Они знакомы только с отдельными личностями.

В проблемных областях, где происходит непосредственная работа с населением, мы видим совместную или параллельную работу правозащитников и чиновников. В то же время некоторые сферы остаются без внимания государства. И тут правозащитникам приходится работать

в одиночку. Как правило, к таким «забытым» проблемам можно отнести экологию, защиту прав ЛГБТ, заключенных и др. Стоит отметить, что и правозащитники, и чиновники указывают на отсутствие социального заказа со стороны каких-либо социальных слоев. Таким образом, основной мотивацией для правозащитников, занимающихся «непопулярными» темами, становится прежде всего личное осознание значимости вопроса.

1. Просто партии не берутся всерьез за темы экологии, например, вот правозащита этим занимается... Достаточно много сейчас возникает ситуативных правозащитных организаций, которые занимаются, но это скорее объединение по конкретным проблемам. Вот как раз в экологической сфере...

2. Опять же просто я бы сказала, что основная проблема с тем, что правозащитников в целом очень мало. Просто тех людей, которые могут делать вид, что они члены ОНК, их гораздо больше, чем тех, кто реально может этим заниматься.

Ограничение связей с независимыми правозащитниками, отсутствие реальной заинтересованности, а также неэффективность инструментов взаимодействия власти и гражданского общества ведут к вытеснению правозащитников за пределы активного взаимодействия. Вытеснение происходит не только за счет структурной позиции, которую можно назвать изолированной, в системе институциональных связей. Независимые от государства правозащитники оказываются изолированными от каналов коммуникации. В связи с принятием закона об иностранных агентах правозащитникам стало сложнее проводить просветительские и образовательные программы, оказывать влияние на формирование контрольных органов власти, например Счетной палаты. Те органы, которые впускают в себя какую-то часть независимых членов, такие как Общественная палата, лишены реальных властных полномочий. Но, по мнению некоторых опрошенных, так было не всегда.

Это действительно была очень серьезная площадка, куда стекалось огромное количество людей, которым была интересна политика. Эта была площадка для обсуждения политических тем. Форум такой, трибуна. А потом она выродилась в абсолютно формальное мероприятие.

Правозащитники лишены возможности широкой трансляции собственного мнения. Как ни странно, правозащитники не всегда могут находить поддержку в СМИ, даже неза-

висимых. Отчасти это связано и с закрытостью работы некоторых правозащитников, которые не могут обеспечивать информационную поддержку своей деятельности, отчасти ввиду того, что журналисты не считают эти темы достаточно интересными для целевой аудитории СМИ. Возможность представить свое мнение на публику высоко ценится в правозащитной среде.

Когда они [правозащитники] действительно делают что-то конкретно прагматически полезное, о них сообщают все СМИ. Допустим, когда ... была адвокатом у мужчины, который стал потерпевшим по делу пыток в полицейском отделении, об этом написали все СМИ.

Происходит вытеснение правозащитников из области политической деятельности в сферу социальной защиты населения без какой-либо возможности влиять на политику государства в части разработки стратегии.

Трансформация целей и функций

Правозащитники отмечают сужение границ возможного влияния, функций по сравнению с 1990-ми. Неоднократно в ходе бесед с ними было замечено, что правозащитная деятельность все больше приобретает политический характер. Правозащитники вынуждены вступать в партии, занимать государственные посты, чтобы их деятельность могла быть результативной. В такой ситуации нивелируется разница между профессиональной занятостью в сфере политики и правозащитной деятельностью как социально значимой общественной деятельностью. Опрошенные защитники прав не считают свою деятельность политической.

К сожалению, очень сильно все это перемешано. Для нас, к сожалению, потому что мы исповедуем подход все-таки другой — отделение прав человека от политики. В этом смысле нам все равно абсолютно, какая власть сидит, кто там находится, никого мы свергать нигде не собираемся. Цель — именно защита прав человека законными методами, не насильственными, что очень важно, безо всяких революций.

Одновременно с этим они указывают на опасность политизации сферы правозащиты. В области защиты прав россиян особенно активно работают политические партии. Это немаловажная особенность правозащитной культуры России. При характеристике состояния правозащитного поля необходимо учитывать, что:

...спекулирование политических партий на проблемах граждан всегда было, есть и будет. Все проблемы, которые у граждан рождаются, все

рождены законодателями. Но при этом политическая партия крайне заинтересована в поддержке населения. И соответственно они создают эти общественные приемные, в результате этих обращений они формируют какой-то социальный заказ.

В данном случае правозащитник говорит о **манипулировании повесткой** как наиболее серьезной проблеме на пути к формированию эффективной правозащитной сферы. В рамках этого явления народные представители искусственно актуализируют эти вопросы. Естественно, что с точки зрения легкости решения проблем их можно выделить в «удобные» и «неудобные». Правозащитники отмечают, что наиболее сложные случаи приемные партий или президента могут отдавать узкоспециализированным правозащитникам и юристам, имеющим большой юридический опыт решения проблем и желание уделять внимание трудоемким кейсам. Эксперты отмечают, что в целом партии могут эффективно решать материальные проблемы, проблемы коммуникации между чиновниками и простыми гражданами, а также вопросы, связанные с халатностью исполнительных органов. Такое разделение компетенций блокирует возможность системных институциональных изменений, поскольку соответствующим инструментарием и полномочиям обладают в первую очередь законодательные органы и сами партии, но у них нет соответствующей мотивации.

1. То есть приемная Путина решает легко проблемы, когда легко можно выделить денег, какой-то случай решается выделением N-ной суммы, и все исправляется быстро и красиво, где не нужно никаких судов, не нужно никого наказывать, увольнять и т.д. Такие случаи они к нам в основном отправляют.

2. «Справедливая Россия», но это и не только у нас, а по всей России, они взяли на себя функцию, вернее, в особую сферу интересов тему жилищно-коммунального хозяйства. И проблем там с неправильными начислениями, там, счетчики, тарификация и т.д. По сути дела есть же «Справедливое ЖКХ» проект «Справедливой России», он у нас очень активно реализуется и в целом по России. То есть политические партии в основном сферу социальных отношений забрали себе. Коммунисты, справедливороссы да «Единая Россия». В общем, если есть какие-то серьезные проблемы, проблемы бюджетников, зарплаты, вот ЖКХ. Что там еще, жилищное строительство, пенсионное обеспечение, социальное обеспечение — это в основном тематика политических партий.

3. Хотя иногда депутатам бывает приятно тоже проблему чью-нибудь взять и решить, опять же чисто материальную. Выделить деньги инвалиду на коляску, выделить бабушкам на застройку двора чем-нибудь, каким-нибудь газончиком, и все.

За защитой своих прав обращается как раз электорат «левых» партий: пенсионеры, инвалиды, обездоленные. В кругах государственных служащих существует мнение об отсутствии необходимости систематической работы правозащитных организаций в текущей социально-политической обстановке. По мнению госслужащих, функцию аккумуляции и репрезентации общественного интереса в настоящее время выполняют политические партии, вытеснив другие институты общественного контроля. Отношения соперничества не должны возникать между правозащитниками и партиями, поскольку обычные рыночные условия не предусматривают решение вопросов, связанных с защитой прав. Социальные ожидания таковы, что настоящая, «правильная» правозащита в принципе не должна входить в категорию коммерческих видов деятельности. Действительно, прибыли в денежном выражении ни одна из групп защитников прав не получает, но извлекаемый репутационный, имиджевый ресурс в некоторых случаях и является желаемым результатом деятельности, особенно если говорить о партийных интересах. С одной стороны, это выходит за рамки нормативного подхода, определяющего характер гражданского действия как бескорыстного. С другой — в рамках подхода, определяющего гражданское общество как «социальная сфера + экономика»¹, рыночные отношения теоретически вполне применимы к области правозащитной деятельности. Однако главным критерием состоятельности гражданского общества является независимость от государственных интересов. В российских социально-политических условиях трудно говорить о независимости интересов партийной элиты от интересов исполнительной власти, региональной и федеральной, поэтому и относить партии к структуре гражданского общества можно лишь формально. Если для политических партий решение проблемы нарушения прав — средство для достижения политических целей, то для правозащитников и цель, и средство ее достижения совпадают.

¹ См.: Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М.: Московская школа политических исследований, 2004. 240 с.

Партии все себе забрали. И соответственно в этом смысле, я думаю, поэтому произошло значительное сокращение поля деятельности правозащиты. Потому что, по большому счету, от больших вкусных тем, конечно, крохи остаются... Вообще, я бы сказал, что влиятельных правозащитных организаций у нас нет как таковых. И я объяснил, почему. Потому что в отличие от начала 90-х, у них нет сферы деятельности. Конечно, тот рассвет правозащитной деятельности, который был в первой половине 90-х, он ник их деятельности, он давным-давно прошел. Их место заняли в основном, еще раз повторяю, политические партии.

Правозащитные организации не рассматривают, да и не могут рассматривать, партии как конкурентов, поскольку не имеют перед собой цели борьбы за власть, не имеют возможности привлекать значительное финансирование. Процесс вытеснения правозащитников влечет за собой ограничения их доступа к материальным, информационным ресурсам, служит препятствием для налаживания диалога с местной властью, образовательными учреждениями, бизнесменами. Правозащитники часто обвиняют государственный аппарат в косности и в отсутствии прозрачности, оказании давления. В ходе интервью с работниками правозащитных организаций и представителями власти были очерчены основные проблемные зоны: закрытый характер деятельности многих государственных органов, существование негласных запрещенных тем, отсутствие заинтересованности в тесном сотрудничестве с правозащитниками, которая без системной работы становится эпизодической.

Сложился определенный набор проблем, которые традиционно входят в поле пристального внимания правозащитников. По данным массовых опросов «Левада-Центра», не находит подтверждение гипотеза об актуализации гражданских прав и свобод¹ — они уступают место социальным проблемам. Проблемы в политической сфере рассматриваются населением в отрыве от социальных (здравоохранение, образование, трудовые отношения и т.д.), и социальные требования не перерастают в требования политических реформ. Отсутствие массового запроса на защиту гражданских прав связано с их «неприкладным» характером.

Я не могу сказать, что оно не превалирует, то есть превалируют социальные права, а это

просто от года в год какой-то определенный рост происходит. Это право на государственную защиту, прав и интересов, какой спектр этих прав, то есть вот как бы гражданские права, которые ... традиционно так определяются как отрасль, скажем так, прав. Вот мы отмечаем, но это, на мой взгляд, связано как раз в целом с ростом правосознания, скажем так, людей, а не с ухудшением ситуации в этой сфере.

По поводу нарушения жилищных прав, бытовых проблем обращается в первую очередь категория социально ущемленных: это пенсионеры, малоимущие, то есть те, кто не имеет лишних денежных средств и при этом вырван из социальных связей. Они наиболее чувствительны даже к небольшому нарушению собственных прав, требующему финансовых затрат. Активная категория населения предпочитает идти по пути наименьшего сопротивления, дав взятку или взяв расходы на себя, хотя это и не приводит к кардинальному решению проблемы. Это объясняется желанием избежать утомительного выяснения отношений с муниципальными служащими, управляющей компанией и прочими заинтересованными в сохранении проблемной ситуации сторонами.

1. Проблем, в принципе-то, много у граждан, по которым обращаются. Но я сейчас назову... Если брать сферу бытовую, то в сфере жилищно-коммунального хозяйства проблем очень много.

2. Право на жилище. ЖКХ — это же тоже проблема. Проблема непростая, но мы перешли на ее решение, потому что мы поняли, что это наша проблема, потому что государство ушло из сферы ЖКХ, оно кинуло человека.

3. Актуальной остается тема ЖКХ, во всех тех же проявлениях. Но это прежде всего замена ветхого и аварийного жилья, это тарифы, это оплата капитального ремонта многоквартирных домов — люди возмущаются, куда мы отдаем деньги, никто не отчитывается. Вот такие темы актуальны три последних месяца.

Очень широко распространены проблемы, связанные с завышением оплаты ЖКХ («двойные платежи»), сносом ветхого жилья, когда собственников «забывают» переселять, распределением жилья льготникам, улаживанием споров с управляющими компаниями и ТСЖ, приватизацией земли и т.д.

Нарушения трудовых прав составляют одно из главных направлений работы общественных приемных партий, государственных институтов и правозащитников. При этом многие эксперты отмечают уменьшение числа обращений, связанных с невыплатой заработной платы, ха-

¹ См.: Волков Д.А., Гончаров С.В. Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем: Левада-Центр, 2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/books/potentsial-grazhdanskogo-uchastiya-v-reshenii-sotsialnykh-problem>.

рактерной для 1990-х годов. Однако ситуации, связанные с банкротством предприятий, по-прежнему возникают.

Часто банкротятся предприятия с невыплаченной заработной платой трудящихся. Это очень сложный вопрос. Долги остаются. Потому что предприятие — банкрот, и в законе нашем «О несостоятельности (банкротстве)» написано: в случае отсутствия имущества у должника долг считается погашенным. Вот эту несправедливость люди никогда не переживут.

В правозащитном сообществе существует опасение, что ситуация может осложниться. Особенно это опасно в моногородах, благосостояние жителей которых зависит от существования ведущих предприятий. По мнению многих опрошенных экспертов, профсоюзные организации утратили возможность контролировать ситуацию либо перешли под контроль руководства предприятий или государства.

Серьезной проблемой в экспертной среде называют сокращение медицинских учреждений. Особенно остро эта проблема стоит в сельских регионах России. Для достижения намеченных президентом в майских указах показателей по повышению заработной платы медицинским работникам закрываются больницы и поликлиники, сокращаются штаты. Та же проблема существует и в сфере среднего образования. Низкий уровень зарплат ограничивает приток новых кадров.

1. Тема в последние месяцы была актуальна, но, к глубокому сожалению, оптимизация здравоохранения очень тяжело идет в Свердловской области. У нас эта тема очень сложна и, я бы даже сказала, сложнее не бывает.

2. Чиновник смотрит: ага, у нас есть еще школы малокомплектные, больнички малокомплектные в деревнях, в сельской местности — там никак не нарастишь. Ну, представляешь, у них вот оклад 7,5 тысячи, у учителя, да. Как до 31-й? Только за счет переработок и всего прочего можно. А здесь какие переработки, в деревне-то? Поэтому будем закрывать, то есть уничтожится отрасль. Поэтому вроде бы благое дело — указы президента о повышении заработной платы в социальной сфере, а на самом деле уничтожает эти отрасли — качество услуг хуже. Поэтому все люди жалуются: «Мы приходим в больницу, нас никто не принимает, специалистов нет, сидим, на хрен никому не нужны». И что толку, что эти врачи и эти учителя стали лучше получать.

Проблемы в сфере образования всплывают не так часто, как ЖКХ, медицина или трудовые отношения. Образование является инстру-

ментом прежде всего повышения собственного социального статуса, особенно в России. В условиях наличия других, более существенных проблем, препятствующих удовлетворению даже самых базовых потребностей, образование неизбежно уходит на второй план, переходя в разряд «хронических» недугов общества.

1. Учителям стали гораздо меньше платить денег. Не в разы, но гораздо меньше. Везде практически. Сейчас, скажу. В трети муниципальных, у нас их на территории Свердловской области порядка 180, в 60 муниципальных образованиях, это городки, города, районы — офигенные проблемы у учителей, то есть им на 3, 4, 5 тысяч, на тысячу меньше просто стали денег платить, за сентябрь заплатили.

2. Все равно у нас выше общеобразовательный уровень, чем в среднем по России. Там-то, в провинции, еще страшнее.

Нарушение законодательства правоохранительными органами в отношении граждан образует довольно значительную часть всех обращений как к государственным и муниципальным органам, так и к правозащитникам.

Очень много историй по людям, которые считают, что их родственников несправедливо осудили. Это очень сложные истории, потому что трудно спорить с состоявшимся приговором суда. Какие-то очевидно несправедливые вещи.

Специалисты, часто работающие с нарушениями прав граждан, отмечают дефекты всей системы, начиная с полиции и работы с обращениями и заканчивая передачей дела в суд. Фактически речь идет о повсеместном срастании интересов судебных и правоохранительных органов, отсутствии контроля и независимости.

Надо говорить не о большом количестве обвинительных приговоров, а о том, что мизерное количество оправдательных. А с чем это связано? С тем, что у нас по Конституции суды не входят в систему правоохранительных органов. То есть у нас суд должен быть сторонним рефери. А на самом деле это не так. И суды придерживаются той же самой обвинительной тенденции, которая существует во всей системе правоохранительной.

Возможности и ограничения интеграции правозащитного сообщества

При анализе правозащитного сообщества как реального участника сферы защиты прав человека необходимо рассмотреть особенности взаимодействия членов этого сообщества. Правозащитное сообщество даже в крупных городах нельзя назвать цельным, а входящих в его состав экспертов или организации — тесно

связанными друг с другом. Правозащитники-одиночки или представители небольших организаций не чувствуют себя частью большого сообщества, мало знакомы с деятельностью других. Среди активистов, не принадлежащих к какой-либо институции, тоже нет внутренней целостности.

Необходимо сравнивать с соседними регионами все-таки, потому что мы довольно активно пытались работать с коллегами, как-то их поддерживать, развивать, и, конечно, они очень сильно «схлопнулись» за последние годы, то есть региональные организации маленькие совсем «поусохли», и это для нас большое горе. Грустно, когда вымирают все эти инициативы.

Часть респондентов работают в межрегиональных и международных организациях. Они обладают более широкими возможностями сотрудничества, кругозором в отношении работы других организаций. Несмотря на то что они испытывают те же проблемы, что и изолированные, они чаще обладают позитивным опытом сотрудничества. Слабость межорганизационных связей и замыкание внутри узкого круга контактов не позволяют сформировать общую повестку.

1. Кого-то мы обучали, кто-то от нас вышел туда и организовал свою организацию, кто-то с ними сейчас сотрудничает в общероссийском масштабе. ...Если делом Сычева Андрея занимались мы здесь, то солдатские матери занимались по своему направлению, по своим каналам. Сложно даже назвать такую организацию, с которой мы бы ни участвовали в каких-то совместных акциях, в каких-то мероприятиях или кампаниях.

2. Я бы сказала, что в России уровень консолидации правозащитников один из самых высоких на постсоветском пространстве. Видимо, так исторически сложилось, что у нас у всех более или менее единые корни. Конечно, есть конфликты какие-то. Есть организации, которые давно друг с другом не очень дружат. Есть люди, которые друг друга не очень любят. Но в целом позиция почти у всех единая.

Существует некоторая гордость собственной самодостаточностью, автономностью. Неважно, идет речь о финансовой независимости от государства или необходимости обращаться за помощью к другим правозащитникам.

Мы всегда старались быть самодостаточной организацией и опираться на свои силы. Скорее, помогали другим, нежели пользовались помощью чьей-то.

Многие правозащитники считают, что в целом знакомы с деятельностью других орга-

низаций, но при этом они не выполняют совместных проектов. Существует значительные проблемы в информированности членов сообщества о деятельности друг друга.

Насколько мне известно, все общаются, правозащитники знают друг друга очень хорошо. На счет того, помогают они друг другу или нет, это другая немножко история. Об этом я сказать ничего не могу, поскольку я не знаю. Кто-то помогает, кто-то не помогает.

В условиях достаточно сильного прессинга со стороны государства происходит сплочение, но оценки правозащитников возможных сценариев развития ситуации нельзя назвать оптимистичными. Существуют прецеденты перехода из правозащитной деятельности, налагающей некоторый риск на тех, кто ею занимается, в другие, менее политизированные области. Особенно это касается правозащитной деятельности в сфере политических прав и свобод. Часть правозащитников находится под давлением власти и общественного мнения, в связи с этим кто-то уходит в искусство, выбирает другие профессии. При этом предложение работы, связанной со сферой культуры и искусства, очень ограничено, к тому же не все готовы полностью уходить из своей профессии. Некоторые правозащитники, чья деятельность связана с защитой политических прав, говорят о своем движении из политической или правозащитной активности в неполитическую общественную сферу. Нам это представляется достаточно важным фактом, который требует дальнейшего пристального изучения. Однако стоит отметить, что в интеллигентской (интеллектуальной) среде такие настроения соседствуют с готовностью к отъезду либо в Москву и Санкт-Петербург, либо еще дальше — за границу.

Правозащитные организации критикуют за отсутствие профессионализма. Сами опрошенные правозащитники связывают это со слабостью организаций, ограничениями для входа в это поле других организаций и отсутствием независимого контроля.

И это приводит к тому, что многие оценки и документы, которые издают общественные организации, с точки зрения профессионалов, выглядят неубедительно. Они не имеют возможности проверить данные, которыми оперируют.

Материальные ресурсы правозащитников и возможности воспроизводства сообщества

Проблема финансирования своей деятельности является, возможно, одной из главных

забот правозащитников в России. Число благотворителей или фондов, имеющих желание и возможности вкладывать деньги в изначально некоммерческие проекты, весьма ограничено. Получение денег от иностранных фондов невозможно без принятия статуса иностранного агента, накладывающего не только дополнительные юридические обязательства на организацию, но и являющегося еще одним барьером на пути к налаживанию диалога между гражданами и правозащитниками. Весьма специфическим, но в какой-то мере действенным является институт государственных грантов на проекты некоммерческих организаций. По признанию самих правозащитников, политика распределения грантов остается крайне непредсказуемой и непрозрачной, хотя в целом положительно оценивается некоммерческими организациями.

[Система грантов] очень ограниченная. Хорошо, что она есть, но у нее есть несколько рисков. Первый риск связан с тем, что это очень легкий инструмент давления вообще на организацию. Потому что там и в целом очень сложная система отчетности. И как бы у государства получается возможность всегда сказать, что что-нибудь было сделано не так.

Видно, что правозащитники очень осторожно оценивают эффект работы грантовой системы. С одной стороны, она предоставляет некоторые перспективы, с другой — не дает возможность просчитывать деятельность на долгий срок вперед, так как нет гарантии получения гранта в будущем.

Вы знаете, если МВД дадут указание на нас наехать, они наедут даже без каких-либо задних мыслей. Это не разнонаправленность. Просто все сейчас, пока им не дали команду «фас», они все равно так или иначе воспринимают нас как экспертов в нашей области. Вот и все.

Отсутствие четких правил игры во многом не дает возможности планировать деятельность, рассчитывать на долгосрочное сотрудничество в разных областях. К примеру, число конкурсов, где разыгрываются гранты, непредсказуемо, а сами грантодатели работают по широкому кругу тем и предпочитают менять реципиентов государственной поддержки.

Говоря о возможностях организации инициативных групп, состоящих из равнодушных граждан, привлечения и ознакомления со своей деятельностью, эксперты отмечают некоторый рост интереса за последние несколько лет. По мере вовлечения граждан в решение бытовых проблем растет и число людей, видя-

щих дефекты существующих общественно-государственных отношений более широко.

1. Я точно знаю из опыта своей работы, что если люди пытаются что-то сделать и у них что-то получается, то у них абсолютно меняется ощущение уверенности в себе, уверенности в пространстве, у них появляется доверие к этим органам, я знаю успешные вот эти инициативные группы.

2. «Оккупай Абай» он не очень много дал. Потому что потом была Болотная. Потом как-то все так разочаровались, расстроились, загрустили. Потом случился закон об иностранных агентах. Потом Крым, Майдан и все как-то понеслось. Сейчас к нам приходят люди, которые, не знаю там, очень такие интеллигентные, умные, с тремя образованиями. Они говорят: «Я не могу больше так жить. Научите меня чему-нибудь».

3. Просто это систему не меняет, к сожалению. Что может поменять систему, не знаю. Потому что раньше мне казалось, что систему можно поменять с помощью образования и просвещения массового. Но в размерах России что-то такое массовое, нас горстка, силы неравны.

4. Я увидела, как в какой-то момент люди начали в это верить, стали возникать какие-то силы притяжения, когда люди получили консультацию, потом приходят сами, становятся консультантами.

Усилению общественного интереса к проблемам общественно-политического характера со стороны узкой, активной прослойки граждан способствует осознание на базовом уровне своих гражданских прав и их нарушений. У большинства граждан России несоответствие декларируемых Конституцией и формальными нормами порядка и реального положения дел вызывает фрустрацию и политическую апатию. Даже решение проблем, затрагивающих бытовые, повседневные вопросы жизни людей, кажутся им неразрешимыми. Можно наблюдать практически полное отсутствие воли к улучшению качества жизни, в том числе и в крупных городах. Говоря о периферии, даже представители власти отмечают, что

... там уже сломлено население. Там, конечно, беднота и нищета... В деревнях, там либо уже спились, либо за счет пенсионеров живут. В малых городах тоже уже, кто помоложе, — разбежались учиться, работать. Остаются те, кому уже совсем, как говорится, и некуда пойти, либо совсем не хочется двигаться даже.

Фактически консервация и старение проявляются даже не в возрастном, а в психологическом аспекте, что видится более важным. Ю. Ле-

вада писал о существовании «заколдованного круга», фиксирующего установки россиянина на сохранение малого, а не достижение большего¹. Подтверждение мы находим и в разговоре с экспертами. Например, согласно опросу декабря 2014 года, 70% россиян согласились с поговоркой «Хочешь жить спокойно — не высовывайся»; порядка половины респондентов признались, что не могут, таким людям, как они, трудно прожить без поддержки государства.

Люди образованные, социально активные хотят, чтобы вокруг них был нормальный мир, потому что они хотят нормально одеваться, ездить за границу, получать хорошую зарплату, кушать в хороших ресторанах. А ведь кто-то хочет прийти в 9 на работу, в 6 уйти с работы, получить зарплату вовремя, задержали на 2 месяца, ну и ладно, это тоже устраивает.

Остаются за пределами массового социального запроса вопросы расширения инструментов отстаивания своих интересов. Нет понимания того, что без улучшения возможностей распространения информации о проблемах, контроля над деятельностью официальных лиц, смены неэффективных управленцев невозможно добиться системного решения проблем.

1. Часть людей просто находятся в таком состоянии, они вообще настолько потеряны и маргинализированы, просто меньшинства ущемленные, у них кроме нас нет никого, им просто некуда деться.

2. Просто эту систему не меняет, к сожалению. Что может поменять систему, но не знаю. Потому что раньше, мне казалось, что систему можно поменять с помощью образования и просвещения массового. Но в размерах России, что-то такое массовое, нас горстка, силы неравны.

3. Со стороны общества был главный запрос на работу, на деньги и т.д., на базовые потребности, что я помню. Что касается каких-то политических свобод, их было больше, чем сейчас, однозначно. За последние пару лет их стало ощущать меньше.

4. Я не знаю, что сейчас у людей будет в голове под словами «права человека», под словами «фашизм», у них уже очень сложно описать, но это явно не про Гитлера и не про Муссолини, не знаю, про Европейский союз. И то же самое происходит именно с трансформацией каких-то понятий.

Подводя итог, можно сделать вывод, что решение бытовых вопросов, на которые приходится существенная доля всех запросов, удается успешно решать силами экспертов:

правозащитников, партийных функционеров, чиновников. Однако существующие системные проблемы остаются, если для их исправления не направляются совместные усилия. Правозащитники ставят под вопрос возможность системного улучшения правовой сферы, значительных подвижек в области защиты прав и свобод. По их собственным словам, они затыкают дыры существующей системы. Самым главным институциональным изменением они могут назвать лишь установку регулярного диалога с другими правозащитниками и представителями власти. Сами трудности в коммуникации между разными группами не являются отправной точкой, а лишь следствием сразу нескольких факторов:

- Общая атмосфера недоверия, осложняющаяся информационной закрытостью и нежеланием слышать другую сторону. Существованием вопроса о том, нужен ли институт правозащитников в современной структуре отношений государства и общества.

- Дискредитация и вытеснение правозащитников за рамки активного взаимодействия с населением, принятие некоторыми правозащитниками навязываемой роли, замыкание контактов внутри сообщества обуславливают низкую эффективность выполнения функций правозащиты.

- Отсутствие реальных полномочий у тех, кто хочет вносить структурные изменения, и, наоборот, нежелание элит исправлять существующую ситуацию, которая легитимирует наличие именно такого механизма решения проблем.

- Отсутствие реальной поддержки населения одной из групп, из-за чего складывается изолированность, разобщенность внутри самих элитных групп; стремление иметь минимальное число контактов по поводу своих нарушенных прав.

Массовый опрос

Для количественного измерения распространенности мнений по широкому кругу тем, связанных с защитой прав человека, был проведен опрос 2 тысяч жителей больших городов (города с населением от 100 тысяч и более). Опрос проведен 13–25 февраля 2015 года методом личного интервью, статистическая ошибка выборки не превышает 3,3%. Данные этого опроса сравниваются с замерами других исследований «Левада-Центра». Распределение ответов приводится в процентах от опрошенных, если не указано иное.

¹ См.: Левада Ю.А. Проблема человека /Сочинения. Т. 6. [сост. Т.В. Левада]. М.: Издатель Карпов Е.В., 2011. С. 229–231.

Представления россиян о правовом государстве

В массовом сознании понятие «правовое государство» только начинает укореняться. Оно сочетает в себе общее представление о порядке и соблюдении законов, с этим в относительной мере связана и идея справедливости (необходимости независимого суда, работающих во благо граждан правоохранительных органов), равенстве граждан перед законом, соблюдении прав и свобод граждан. Согласованность мнений в этих ответах в разных группах оказывается весьма высокой. Лишь для самых молодых и наиболее обеспеченных (условный средний класс) важнее других представляется соблюдение прав и свобод граждан (52% при 40% в среднем).

Вместе с тем такие важнейшие институциональные и групповые характеристики, как «возможность контроля граждан за действиями власти», упоминаются только 20% опрошенных, разделение властей и независимый суд — 8%, отсутствие тотального контроля над СМИ и свободная деятельность партий — еще меньшим числом опрошенных. На протяжении более двух последних десятилетий главными для подавляющего большинства россиян остаются право на бесплатное образование, здравоохра-

нение, гарантированная занятость, то есть отношение к государству как к главному попечителю и гаранту прав. Характерно, что на второе место почти половина опрошенных (большая часть которых оценивает свою жизнь словами «жить трудно, но можно терпеть», имея в виду прежде всего неудовлетворительный уровень жизни) ставит «высокий уровень жизни населения», полагая ее одной из основных характеристик правового государства.

Таким образом, в массовом сознании правовое государство как бы связывается тем самым со странами развитой демократии (проецируется на них с использованием «верных понятий»), где уровень жизни в среднем значительно выше, чем в России. Другими словами, реальные, а не декларируемые массовые представления о правовом государстве большинства составляет крошечное за этими «правильными словами» (упускающими главное — разделение властей) туманное представление о том, что в демократических странах Запада уровень жизни и социального обеспечения выше, чем в СССР или в странах соцлагеря, и что это как-то связано с гораздо более строгим соблюдением властями и гражданами законов и законности в судах. Формированию этого еще очень сла-

График 1

ЧТО, НА ВАШ ВЗГЛЯД, НАИБОЛЕЕ ВАЖНО ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ МОЖНО БЫЛО ГОВОРИТЬ О ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ?

*В 2011 г. вариант не задавался.

бого осознания связи нормальной, достойной для обычного человека жизни с правовым государством происходило в последние десятилетия через знакомство с массовой западной культурой — кино, сериалы, потребительские товары.

Идеи законности и справедливости все еще остаются сильнейшим образом связанными с установками или сохраняющейся по-прежнему надеждой на патерналистскую политику государства, причем не только по отношению к слабым и неимущим, но и к населению в целом, — на протяжении десятилетий главным для подавляющего большинства россиян оставались права на бесплатное образование, здравоохранение, гарантированная занятость и право на жизнь, тогда как гражданские права и свободы представляли для них гораздо меньшую ценность, а их нарушения принимались большинством как привычное подчинение, приспособление к государственному насилию и чиновничьему произволу. Подавляющее большинство российских граждан считают, что государство не выполняет обязательств перед гражданами, тогда как сами граждане считают, что их в этом государство упрекать не может.

Таблица 1

В КАКОЙ МЕРЕ ГРАЖДАНЕ РОССИИ СЕЙЧАС ВЫПОЛНЯЮТ СВОИ ОБЯЗАННОСТИ ПЕРЕД ГОСУДАРСТВОМ (СОБЛЮДАЮТ ЗАКОНЫ, ПЛАТЯТ НАЛОГИ И Т.П.)?¹

	1998 III	2001 I	2006 II	2010 IV	2011 IV	2012 VI
В полной мере выполняют	4	6	7	6	3	6
По большей части выполняют	15	33	30	33	39	37
Сколько выполняют, столько и не выполняют	36	38	38	40	43	37
По большей части не выполняют	31	16	19	15	10	13
Совершенно не выполняют	9	3	4	2	2	2
Затруднились ответить	5	5	4	4	3	6

1998 г., *N* = 1500; далее *N* = 1600

Таблица 2

В КАКОЙ МЕРЕ ГОСУДАРСТВО ВЫПОЛНЯЕТ СЕЙЧАС СВОИ ОБЯЗАННОСТИ ПЕРЕД ГРАЖДАНАМИ РОССИИ?

	1998 III	2001 I	2006 II	2010 IV	2011 IV	2012 VI
В полной мере выполняет	1	2	1	2	1	2
По большей части выполняет	4	8	8	20	20	18
Сколько выполняют, столько и не выполняет	23	29	33	39	39	36
По большей части не выполняет	45	41	39	27	27	27
Совершенно не выполняет	25	16	15	10	9	12
Затруднились ответить	2	3	4	3	3	5

N = 1600

Все это неудивительно в ситуации, когда в отсутствие реальных, направленных на современность и будущий рост реформ государственного управления, судебной системы, здравоохранения, образования и т.п. в массовом сознании прежде всего воспроизводится привычная с давних, исторических времен патерналистская схема отношений с государством.

Поразительные примеры соединения в массовом сознании представления о должном для демократического и правового порядка в стране, которое остается смутным или декларативным, поскольку в реальности эти принципы не закреплены или не созданы реально работающими, управляемыми во благо общества институтами демократического, правового государства.

Так, большинство (74%) считает, что без реального разделения властей права и гражданские свободы не могут быть надежно соблюдены и защищены (противоположного мнения придерживаются только 12% опрошенных). Причем значительной дифференциации по группам мы не наблюдаем — это согласованное мнение большинства.

Одновременно с этим на протяжении длительного времени большинство было настроено на концентрацию власти в руках сильного национального лидера, «сильной руки». Особенно тревожно это видится сейчас, после резко изменившегося за последние полтора года внутри- и внешнеполитического курса Путина на противостояние несогласным, оппозиции, любой критике режима внутри страны и всему миру с началом украинских событий, на возрождение мифологии великой державы сталинского типа с привнесением в нее агрессивного национализма, идеологии «крови и почвы» (Русский мир, «разделенная нация»).

Надо отметить, правда, что в сравнении с данными 1993 года доля демократически ориентированных людей в таком противопоставлении возросла с 24 до 36%. Примечательно, что чуть сильнее поддерживают эту демократическую позицию самые молодые (среди которых, как правило, сильнее прозападные ориентации, правда, сочетающиеся с аполитичной поддержкой высшей власти), среди москвичей, где доля людей с демократическими позициями выше, чем в среднем по стране, соответственно эта доля возросла с 41 и 44%, примерно на том же уровне она среди специалистов и рабочих (41–42%), но выше всего этот показатель среди респондентов, относящих себя к либералам (55%), среди социалистов и социал-демократов — 44%.

Всплывающая из-за этих данных картина — разрыв представлений о том, как должно быть в России (независимый суд, правовое государство, демократия и т.п.) и как оно есть на самом деле (авторитарная политическая система,

зависимый и коррумпированный суд, чувство социальной и гражданской уязвимости или беззащитности и т.п.), парализует гражданскую активность населения, вызывая всеобщую апатию и чувство безнадежности с одной стороны, а с другой — стремление приспособиться к данной социально-политической и правовой организации общества, следовательно, и к ущемлению своих прав и свобод, приспособлению к неподконтрольному обществу произволу государства, бюрократии, начальства.

Патерналистский характер понимания правового государства (как и ценности прав и свобод) в значительной мере поддерживается преобладающими в общественном мнении на протяжении многих лет невысоким доверием к законодательной власти и довольно низкой оценкой их деятельности (парламент воспринимается большинством как зависимая от президента и администрации власть, а не защитник общественных интересов; лишь 10% опрошенных считают возможным повлиять на действия властей, обращаясь к своему депутату, в реальности эта доля очень мала); весьма невысокого уровня доверием к правоохранительным органам, особенно полиции; неверием в независимость и справедливость судов, доверие и оценки деятельности которых тем ниже, чем они ближе к обычному человеку (суды общей юрисдикции).

Правоохранительные органы

Отметим, что правовая культура населения по-прежнему находится на очень низком уровне и в том, то касается знания о работе правоохранительной и судебной системы, и в том, что

График 2

НАСКОЛЬКО ВАЖНО, С ВАШЕЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ, ДЛЯ СИТУАЦИИ С СОБЛЮДЕНИЕМ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН НАШЕЙ СТРАНЫ РЕАЛЬНОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТЕЙ: РАВНОПРАВИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ, ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ И СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩЕЕ ИХ УРАВНОВЕШЕННОСТЬ?

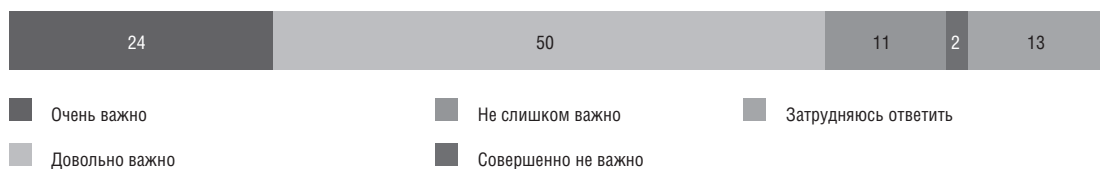
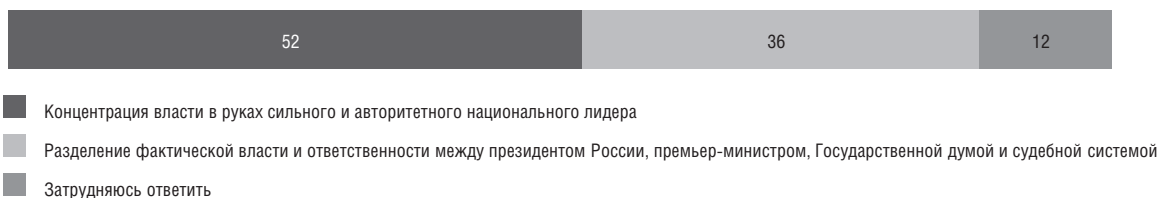

График 3

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ЧТО В БОЛЬШЕЙ МЕРЕ ОТВЕЧАЛО БЫ СЕЙЧАС ИНТЕРЕСАМ РОССИИ?

касается возможностей отстаивания своих прав и интересов. В одном из проведенных «Левада-Центром» в 2000-е опросов о правоохранительной системе 70% опрошенных ответили, что суд входит в систему правоохранительных органов. На протяжении десятилетий милиция или затем полиция пользовались наименьшим доверием среди населения. Хотя 43% опрошенных высказали в настоящем исследовании полное или относительное доверие правоохранительным органам (соответственно 5 и 38%), 42% относятся к ним «скорее с опасением», а каждый восьмой опрошенный — «определенно с опасением». Отметим, что ниже всего доверие к правоохранительным органам в Москве, а опасения примерно равно выражены во всех группах, кроме тех, кто наиболее обеспечен.

Долгие годы в отношении милиции преобладало мнение, что она работает прежде всего «на начальство» и «на себя» и что подавляющее большинство сотрудников милиции «полностью прогнили» (коррупционеры) и требуют замены.

Для значительной части населения серьезной проблемой современной России является именно проблема беззакония и произвола правоохранительных органов. В среднем 66% опрошенных считают, что это очень/довольно серьезная проблема в стране и лишь 5% уверены, что такой проблемы нет. Большую обеспокоенность высказывают жители крупных городов (от 500 тысяч до 1 млн, а также респонденты с низким уровнем жизни (72–74%). Более половины опрошенных (56%) считают вполне возможным, что они сами или их близкие могут пострадать от произвола правоохранительных органов. Практически во всех группах опрошенных данные похожи — чуть выше показатели среди мужчин и значительно выше среднего среди самых бедных (64%), а также предпринимателей, сталкивающихся с криминальной сто-

роной деятельности правоохранительных органов (64%), рабочих (61%) и безработных (78%), наверняка испытывающих проблемы с защитой своих прав, а отчасти также представляющих аномизированную среду, где особенно распространены правонарушения.

Даже если и небольшая часть населения сталкивается с произволом правоохранительных органов (а можно предполагать, что она больше, так как люди могут не воспринимать направленные против них действия как нарушение прав или произвол), подавляющая часть населения не чувствует себя надежно защищенной от подобного произвола.

Полностью/довольно защищенными от произвола чувствуют себя лишь около четверти всех опрошенных (26%), слабо защищенными — 51%, совершенно не защищенными — 14%. Данные по большинству социально-демографических групп примерно одинаковы, но есть и отличия. Сильнее это чувство незащищенности у бедных (72%), а слабее — у обеспеченных (38% при средней 65%). Сильней опасения выражены у рабочих и служащих, не имеющих больших социальных ресурсов и связей (70–71%). Отдельно выделим тех, кто имеет опыт общественной деятельности — здесь показатель также выше, что, возможно, связано с опытом или совершенно реальной сегодня угрозой для общественных активистов. Как видим, в массовом сознании преобладает настороженное и недоверчивое отношение к правоохранительным органам, ощущения, что лучше держать от них дистанцию и избегать контактов. Такие настроения выражаются и в неопределенности мнений опрошенных, смогут ли они при реальной необходимости, став жертвой полиции или несправедливого решения суда, добиться судебной защиты, справедливого и состязательного судебного разбирательства.

График 4

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ЕСЛИ ВЫ СТАНЕТЕ ЖЕРТВОЙ ПРОИЗВОЛА ПОЛИЦИИ, ЗАЩИТЯТ ЛИ ВАС СУД, ПРОКУРАТУРА?

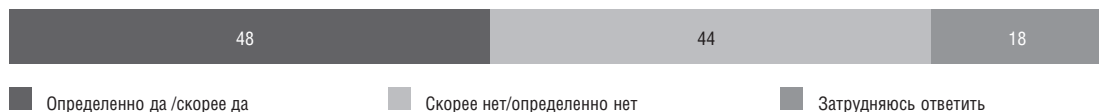
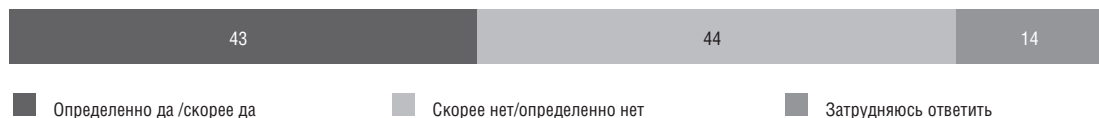

График 5

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, МОЖНО ЛИ В РОССИИ ЗАКОННЫМИ МЕТОДАМИ ВОССТАНОВИТЬ СВОИ ПРАВА, НАРУШЕННЫЕ СУДОМ?

Ответы свидетельствуют о неопределенности мнений и ожиданий в обществе, тем более в основном респонденты выбирают ответ менее уверенный, и при столь высокой доле затруднившихся степень неопределенности мнений еще больше усиливается. Чем меньше ресурсы респондента — возрастные (опыт, знания), образование, уровень жизни, социальные связи, — тем выше неуверенность тем, что в случае необходимости они получают должную защиту.

Суд и защита прав человека

Доверие к государственным институтам судебным органам и общественным организациям

Структура отношения (доверия) к общественно-политическим институтам сохраняется в основных параметрах с начала 1990-х. Верхние позиции максимально позитивного отношения занимают президент, церковь и армия как символы патерналистской персонифицированной власти, эквивалента всего коллективного целого, этноконфессионального единства русских как государствообразующего «народа», морального авторитета, героического или державного прошлого страны. Остальные институты остаются в серой зоне смещения негативных и позитивных оценок (суд, парламент, спецслужбы, СМИ, региональные власти) или даже в темной зоне доминирующего негативного отношения (местные власти, полиция, политические партии, профсоюзы и др.).

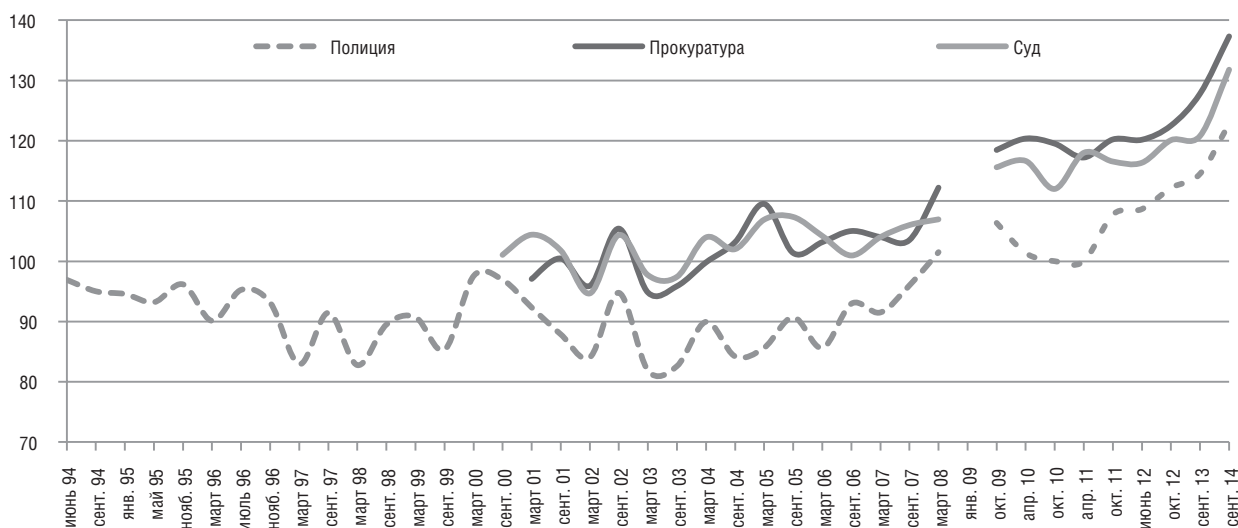
Отношения доверия к властным институтам и их позитивные оценки повторяют одну

и ту же характерную схему распределения: минимум доверия и максимум негативных оценок деятельности важнейших институтов (СФ, ГД, суда, прокуратуры, политических партий, ФСБ, милиции/полиции) приходится на зрелых людей 40–54 лет, людей с высшим образованием, более информированных, включенных в общественно-политическую жизнь, чаще москвичей. Большее доверие институтам высказывают, напротив, молодые люди, обладающие незначительным социальным опытом, и наименее образованные жители малых городов, беднейшие слои населения. Чем сложнее социальные связи и отношения респондентов, чем выше размер их социального и культурного капитала, тем более нетерпимыми оказываются дефекты организации власти и судебной системы (зависимость суда, парламента и политических партий от авторитарной власти и полиции).

Такое положение дел оборачивается массовым осознанием принципиально важного обстоятельства: слабой заинтересованностью судов и правоохранительных органов в защите прав и свобод граждан, а не власть имущих, пониманием неприоритетности для российских судов этих задач.

Отметим, что по последнему замеру общее доверие к прокуратуре превышает суммарное доверие к судам, что указывает на не слишком высокий в обществе авторитет суда (что подтверждают множественные данные из исследования «Левада-Центра» о судебной системе).

График 6
В КАКОЙ МЕРЕ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ЗАСЛУЖИВАЕТ ДОВЕРИЯ...

До июня 2008 г. $N = 2100$; с июня 2009 г. $N = 1600$

Индексы рассчитаны по формуле $A + 0,5 \times B - C + 100$, где A , B и C — процентные доли ответивших «вполне заслуживает», «не вполне заслуживает» и «совсем не заслуживает» соответственно.

Независимость суда

Судя по данным замеров «Левада-Центра» последних лет, включая настоящий опрос, лишь около трети опрошенных считают судебную власть, российский суд в большей или достаточной мере независимой. Данные настоящего опроса городского населения практически не отличаются от опросов всего населения, полученных в прежние годы.

Таблица 3

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ СЕГОДНЯ СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ В РОССИИ НЕЗАВИСИМОЙ ОТ ДРУГИХ ВЕТВЕЙ ВЛАСТИ?

	2010	2011	2012	2013	2015*
Да, в очень большой степени	7	7	7	6	5
Да, в достаточной степени	27	23	27	26	29
Нет, в слишком малой степени	39	31	42	34	43
Нет, она полностью зависима	17	27	15	24	11
Затрудняюсь ответить	10	11	8	10	12

* Здесь и далее данные настоящего исследования, в которых опрашивались респонденты, проживающие в городах от 100 тысяч жителей, сравниваются с четырьмя волнами исследования о поддержке судебной реформы, проведенного по репрезентативной выборке населения России, проведенных в 2010–2013 гг., $N=2000$.

В глазах общества главными причинами слабости и низкой авторитетности российской судебной системы, зафиксированных в исследованиях «Левада-Центра» о судебной системе в 2010–2013 годы и подтвержденных настоящим опросом, являются ее зависимость от исполнительной власти и коррупция в судах (около 60% опрошенных называли коррупцию и взяточничество самой острой проблемой в работе российских судов, и она возглавляет список; на втором месте — зависимость суда, упомянутая почти половиной опрошенных). Наряду с тем, что в реальной жизни всего 8–10% судившихся сталкивались с проявлениями коррупции в судах общей юрисдикции (хотя надо помнить, что значительная часть таких дел — типовая, с заранее предрешенным решением, кроме того, в выборку в малом количестве попадают крупные дела административного или арбитражного судопроизводства), для большинства людей коррупция в судах служит более общим и сильным замещением неразвитого понимания сути независимости суда, сути правосудия и справедливых судебных решений, смысла судебного процесса и процессуальных знаний, иными словами, смутным выражением неверия в правосудие и несовершенства судебной системы.

Готовность к обращению в суд для защиты прав и интересов

Даже на декларативном уровне граждане в меньшинстве своем готовы к обращению в суд в ситуации нарушения их прав теми или иными представителями власти, несколько чаще — работодателями. Декларативность таких утверждений подтверждается тем, что в обществе невысока уверенность, что свои права

можно защитить и добиться справедливости: 40% опрошенных не верят в это, а еще 14% затрудняется ответить¹. Если же вопрос ставится о восстановлении справедливости через суд, то, по данным из опросов «Левада-Центра», доля негативных ответов превышает половину. Как и во всех подобных вопросах, больше уверены в своих возможностях самые молодые, группы с высоким потребительским статусом и активно адаптированные, а меньше всего (и их большинство) — группы с невысокой квалификацией, зрелых и пожилых возрастов, со скудными социальными ресурсами (связями, доходами, низким социальным статусом).

Другими словами, хотя «правильным» в случае возникновения конфликта интересов, сложной или спорной ситуации было бы обратиться за судебной защитой, в действительности обращаться за ней будут гораздо меньше людей, чем в других странах в аналогичных обстоятельствах. Россияне будут либо терпеть и смиряться, не веря в институциональные возможности решения проблем, либо, в соответствии с советскими привычками мышления, жаловаться наверх, идти к начальству, к представителям власти, депутатам, писать письма в средства массовой информации или решать во-

¹ См.: подробнее об отношении россиян к судебной системе Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н. Российская судебная система в мнениях общества // Вестник общественного мнения. 2010. №4. С.7–43

График 7

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ИМЕЮТ ЛИ СЕЙЧАС ГРАЖДАНЕ РОССИИ ВОЗМОЖНОСТЬ ПОВЛИЯТЬ НА ДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ, И ЕСЛИ ДА, ТО КАКИМ ОБРАЗОМ?

просы втихую, путем коррупции или давления на противную сторону. В ответах о возможностях граждан повлиять на действия власти тем или иным образом, на первую позицию выходят СМИ (даже в нынешнем подцензурном состоянии). За этим, по-видимому, стоит ложное, в силу положения СМИ, представление, что только предание широкой огласке, только давление общественности может подействовать на решение правового конфликта, хотя это только идеальные представления, поскольку современные центральные СМИ не выполняют функцию демократического института — четвертой власти.

Обращение в суд за защитой своих прав и интересов, безусловно, осложняют и два других серьезных обстоятельства. Во-первых, это слабое представление подавляющего большинства о том, как устроена, как работает судебная система. От 60 до 80% опрошенных плохо представляют себе нынешнюю российскую судебную систему, считают информацию о ее работе малодоступной и вместе с тем признают, что сами они несколько не интересуются данной тематикой. Даже в отношении судов общей юрисдикции, наиболее близких к гражданам, только 17% утверждало, что «знает и понимает», как работают эти суды.

Многочисленные данные различных опросов «Левада-Центра» показывают, что и осведомленность граждан о своих правах в различных сферах очень невысока, лишь 3–5% респондентов отвечают, что знают свои права

хорошо, большинство же имеет о них крайне смутное представление. Общая правовая безграмотность большинства подтверждается и полученными в настоящем опросе данными — половине опрошенных горожан никогда не приходилось знакомиться с какими-либо кодексами или законами. Меньше всего таких «непросвещенных» в высокодоходной группе, а также в группе активно адаптированных, по определению включенной в более сложные и разнообразные взаимосвязи с различными агентами и институтами. Помимо Трудового кодекса среди них в два раза чаще среднего обращались к Гражданскому кодексу, Кодексу об административных нарушениях, а также к Конституции (соответственно 46, 26, 18, 18%). Сходное отличие от других показали и респонденты с опытом общественной деятельности, которым чаще приходится сталкиваться с государственными структурами и проблемами закона.

В целом лишь 3% опрошенных в настоящем исследовании ответили, что знают свои права, закрепленные законом, Конституцией, «очень хорошо».

Иными словами, подавляющее большинство россиян смутно знают свои законные, конституционные права, но и не очень этим озабочены. «Хорошим» или «неплохим» знанием выделяются респонденты с высшим образованием, предприниматели, руководители (48%), респонденты с высоким потребительским статусом, близкие по своим жизненным стандартам к западному европейскому классу (54%).

Однако в прожективных вопросах от трети до примерно половины респондентов выражают потенциальную готовность подавать в суд на тех или иных представителей государственных органов или работодателей, хотя значительная часть отказывается от этого даже в воображаемой ситуации.

Как и в годы предшествующих замеров, наибольшая безнадежность при воображаемой необходимости найти защиту против злоупотреблений, несправедливости, произвола (даже в чисто условной, прожективной ситуации социологического опроса) проявлена населением в случаях конфликта интересов частного гражданина и судьи, следователя и государственного чиновника.

Напротив, в трудовых конфликтах работодателя и работника на протяжении всех этих лет опрошенными выражается заметно большая готовность судиться, причем в случае трудового спора в частной фирме вероятность защиты своих интересов в суде видится выше, чем в государственных учреждениях и на госпредприятиях. Область трудовых споров защищена в стране гораздо сильнее, чем любые другие отношения (если, конечно, не вмешиваются внешнеэкономические интересы).

Данные, полученные в настоящем исследовании, показывают, что воображаемая готовность судиться за свои права и интересы в текущем году заметно выросла. Отчасти это может быть связано с тем, что в последнем исследовании опрашивались горожане (жители городов от 100 тысяч и выше), испытывающие большее возмущение и недовольство от нарушения своих прав, чем депрессивные и аномичные маленькие ПГТ и депрессивная бедная деревня. Другим объяснением может быть резкая консолидация общества в связи с аннексией Крыма и началом выраженной антизападной и антиамериканской внешней политики, компенсирующей негативные проявления очень слабого, аморфного общества, отсутствие твердых гражданских позиций и минимальное политическое и гражданское участие в жизни общества. При всей патриотичной эйфории, направленной

на воображаемого врага, в обществе не только сохраняется, но и, возможно, постепенно обостряется давно ставшее хроническим недовольство множеством внутренних проблем страны, в особенности в социальной сфере, накопившаяся усталость и раздражение от ущемленных прав, интересов, давления бюрократии и туманных перспектив улучшения своего положения. Повышенные показатели готовности отстаивать свои права в последнем опросе могут указывать и на рост внутренней социальной напряженности.

Как и в других случаях, наибольшую готовность (пусть и воображаемую) судиться с чиновниками, правоохранительными органами и работодателями выражают группы самых молодых и группы с высоким потребителемским и социальным статусом, активно адаптированные, а кроме того, общественные активисты.

Опросы «Левада-Центра», проведенные в 2010–2014 годах в рамках проекта «Поддержка судебной реформы», показали, что в реальности около четверти россиян готовы использовать правовые и судебные способы решения проблемы в случае серьезного нарушения своих прав или интересов какой-либо организацией или ее должностным лицом. Люди готовы судиться (по их мнению, «идти на самые крайние меры») главным образом из-за нарушения прав, которые представляются им жизненно важными, от которых зависит то, чем они дорожат больше всего, — ценности семьи и ее материальное благополучие (заработки или условия их получения, трудовые споры). Эти вопросы составляют 68% всех тех случаев, по которым люди готовы судиться. Более сложные формы регуляции — защита политических, интеллектуальных и хозяйственных прав — представляются для абсолютного большинства населения вещью достаточно отвлекенной и не стоящей того, чтобы идти в суд. Это сфера особых интересов очень небольших, но активных и социально значимых групп, более образованных, занимающих более высокие социальные позиции в обществе, обладающих значительными социальными и культурными ресурсами (источниками информации, компетенции, доходами).

График 8

КАК БЫ ВЫ ЛИЧНО ОЦЕНИЛИ ЗНАНИЯ СВОИХ ПРАВ, ЗАКРЕПЛЕННЫХ ЗАКОНОМ, КОНСТИТУЦИЕЙ?

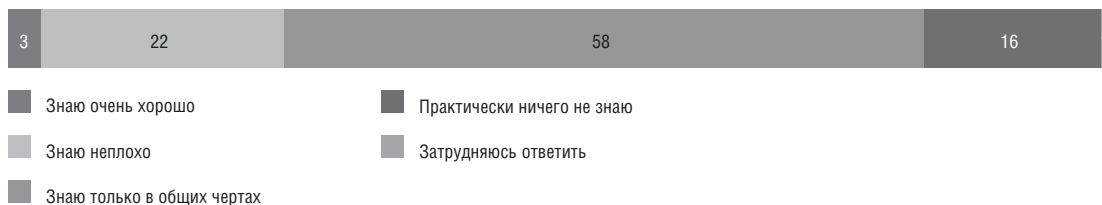

Таблица 4

ЕСЛИ БЫ СУДЬЯ, ЧИНОВНИК ИЛИ КАКОЙ-ЛИБО ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ, СУДЬЯ, РАБОТОДАТЕЛЬ НАРУШИЛ ВАШИ ЗАКОННЫЕ ПРАВА, СТАЛИ БЫ ВЫ ПОДАВАТЬ НА НЕГО В СУД?

	2010	2011	2012	2013	2015*
На государственного чиновника					
Определенно да	10	11	10	11	16
Скорее да	24	28	23	26	33
Скорее нет	34	32	34	36	26
Определенно нет	24	18	23	21	15
Затрудняюсь ответить	8	11	10	6	10
На милиционера/полицейского					
Определенно да	11	13	11	12	16
Скорее да	28	31	24	27	33
Скорее нет	29	30	33	36	27
Определенно нет	25	17	23	21	15
Затрудняюсь ответить	7	9	9	6	9
На следователя					
Определенно да	9	11	10	10	15
Скорее да	23	28	22	25	29
Скорее нет	33	33	34	34	29
Определенно нет	26	18	25	23	17
Затрудняюсь ответить	10	10	9	9	11
На судью					
Определенно да	8	9	9	9	13
Скорее да	19	23	18	20	25
Скорее нет	34	36	36	37	32
Определенно нет	30	22	28	26	20
Затрудняюсь ответить	10	12	10	8	11
На работодателя государственного учреждения					
Определенно да	13	18	14	15	23
Скорее да	38	38	35	39	41
Скорее нет	24	22	25	25	18
Определенно нет	17	13	16	15	10
Затрудняюсь ответить	8	9	10	7	9
На работодателя частного учреждения					
Определенно да	15	18	17	16	25
Скорее да	37	39	36	39	43
Скорее нет	22	20	23	23	15
Определенно нет	18	14	16	15	10
Затрудняюсь ответить	8	10	10	7	9

Проведенное исследование, как и прежние замеры, показывает, что значительная часть людей в случае несправедливого судебного разбирательства по своему делу постаралась бы защитить права и интересы. Только каждый десятый опрошенный ничего не стал бы пред-

принимать в такой ситуации, ссылаясь на то, что справедливости все равно не добьешься.

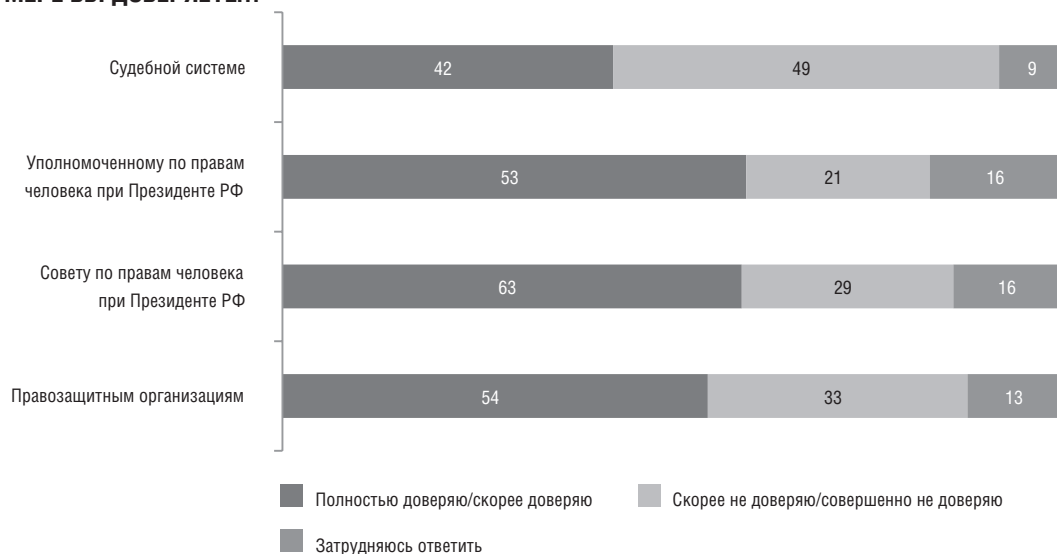
Сравнение данных показывает, что горожане отличаются от всего населения лишь тем, что активнее обращались бы за адвокатской помощью и в вышестоящие судебные инстанции.

Таблица 5

ЕСЛИ БЫ ВАШЕ ДЕЛО РАССМАТРИВАЛОСЬ В СУДЕ НЕОБЪЕКТИВНО, ПРЕДВЗЯТО, ЧТО БЫ ВЫ, СКОРЕЕ ВСЕГО, ПРЕДПРИНЯЛИ?

	2010	2011	2012	2013	2015
Обратился бы к адвокату за советом о дальнейших действиях	48	51	49	49	57
Обратился бы в независимые правозащитные организации	21	20	23	18	20
Обратился бы с жалобой на действия судьи в вышестоящие судебные инстанции или к председателю суда	24	25	27	22	34
Обратился бы к знакомым в органах власти	9	9	9	9	10
Обратился бы к криминальным структурам, чтобы надавить на судью	2	1	1	1	1
Попытался бы решить вопрос взяткой	2	2	1	2	2
Я не знаю, что делать в таких случаях	15	13	15	15	8
Ничего, справедливого решения все равно невозможно добиться	15	15	13	12	10
Затрудняюсь ответить	6	5	4	4	4

График 9

В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ ДОВЕРЯЕТЕ...

Отметим, что значительное число людей (около 20% во все годы замеров) обратились бы за помощью в независимые правозащитные организации. Чаще, чем в среднем, так поступили бы москвичи (26%), где информации о правозащитниках больше и концентрация и масштабы их деятельности шире, респонденты с либеральными политическими ориентирами, более информированные о правозащитных движениях и следящие за их деятельностью, как и группа респондентов, которая имеет опыт общественной активности (26%).

Как видно из нижеследующей таблицы, уровень доверия не только к работающим при президенте организациям, отвечающим за соблюдения прав человека, но и к правозащитным организациям в целом (хотя информированность о работе этих структур и

организаций весьма низкая), выше, чем к судебной системе.

Довольно высокий уровень недоверия, высказанный в адрес правозащитных организаций (33%), с очевидностью связан с начавшейся задолго до принятия закона об «иностранном агенте» политтехнологической деятельностью по девальвации правозащитных организаций и НКО в целом, особенно со времен «Оранжевой революции» 2004 года на Украине и других цветных революций. Официальные российские каналы насаждали общественному мнению идею о том, что эти организации из-за иностранного финансирования многих из них отработывают поставленные Западом задачи по дестабилизации страны, ее подчинению чужим интересам, внедряют вредные и чуждые идеи. И тем ни менее уровень до-

верия к правозащитным организациям остается достаточно высоким.

Проблема законности и правовая защищенность граждан

Как мы уже отмечали, большинство российских граждан слабо представляют себе устройство и деятельность отечественной судебной системы, но уверены, что такая информация по большей части недоступна простым гражданам. Кроме того, большинство россиян, по их словам, не испытывают потребности в подобной информации

Причины такого отношения, на наш взгляд, лежат не только в плохой организации правового просвещения населения, отсутствии должного преподавания таких предметов в средней школе, наиболее массовом и охватывающем все категории населения образовательном институте, и в отсутствии внимания к этим проблемам со стороны СМИ. Более глубокие корни равнодушия к системе судопроизводства и проблематике правового государства вытекают из недоверия к правоохранительным органам и суду и нигилистического отношения к праву как таковому, широко распространенному в массе населения представлению, что правовые институты используются властями исключительно в собственных интересах (для перераспределения собственности, защиты своих позиций или позиций государственной бюрократии, недопустимости критики и т.п.). Так, на вопрос, заданный «Левада-Центром» в 2012 году, на чьей стороне должен стоять российский суд и на чьей он стоит в реальности, были получены следующие ответы.

Таблица 6

ЧЬИ ИНТЕРЕСЫ ЗАЩИЩАЕТ СУД? (КАК, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, СУД В РОССИИ ДОЛЖЕН ПРЕЖДЕ ВСЕГО СТОЯТЬ НА СТРАЖЕ ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВА ИЛИ ЗАКОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАНИНА? А В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СУД В ОБЩЕМ И ЦЕЛОМ СТОИТ НА СТРАЖЕ ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВА ИЛИ НА СТРАЖЕ ЗАКОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАНИНА?)

	Должен стоять	В действительности стоит
На страже интересов государства	8	57
На страже законных прав гражданина	86	19
Затрудняюсь ответить	6	23

2012 год, N=2000.

Подавляющее большинство российских граждан в опросах о судебной системе говорили, что суд используется высшими представителями власти для подавления своих политических противников и инакомыслящих и для решения экономических интересов.

Схожие, хотя не столь однозначные мнения высказали опрошенные горожане в отношении правоохранительных органов.

Менее 10% опрошенных считают, что такой практики вообще не существует, тогда как более четверти считают, что так бывает довольно часто, а каждый десятый — что это постоянная практика.

Отношение к российскому суду как таковому (судебной системе как социальному институту) подрывается не только общей убежденностью в зависимости и коррумпированности суда, но и пониманием более конкретных обстоятельств — использования суда властями в политических целях и в практике нечестной экономической конкуренции. Для большинства, составляющего почти три пятых всего массива опрошенных, не является секретом, что суд играет важную роль в процессах перераспределения собственности или в подавлении оппозиции, становится инструментом избавления от конкретного соперника на выборах, орудием преследования инакомыслящих и т.п. На соответствующий вопрос (см. табл. 6–7) доля затруднившихся с ответом упала с 22 до 12% в 2013 году, времени активных протестов и подготовке к «болотным делам» и репрессивным законам, направленным против политической оппозиции (затруднялись в основном пожилые и малообразованные люди, далекие от политики, жители провинции и села). Остальные ясно и недвусмысленно высказали свое мнение: эти явления имеют место в нашей жизни (23% опрошенных сказали «определенно да», 44% — «скорее да»; с ними категорически не согласны всего 4% плюс — в менее жесткой форме, «скорее

не согласны» — 17%). Но это политические аспекты зависимости суда от исполнительной власти. Еще более однозначно общественное мнение высказывается относительно негативной роли суда в недобросовестной экономической конкуренции: в 2013 году 68% респондентов

Таблица 7

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ИМЕЕТ ЛИ МЕСТО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ ЯВЛЕНИЕ: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СУДА В ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ, ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ИЗБАВИТЬСЯ ОТ ПОЛИТИЧЕСКИХ СОПЕРНИКОВ, ДЛЯ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ИНАКОМЫСЛЯЩИХ?

	2010	2011	2012	2013
Определенно да	19	21	17	23
Скорее да	40	42	40	44
Скорее нет	14	14	16	17
Определенно нет	5	3	6	4
Затрудняюсь ответить	22	21	21	12

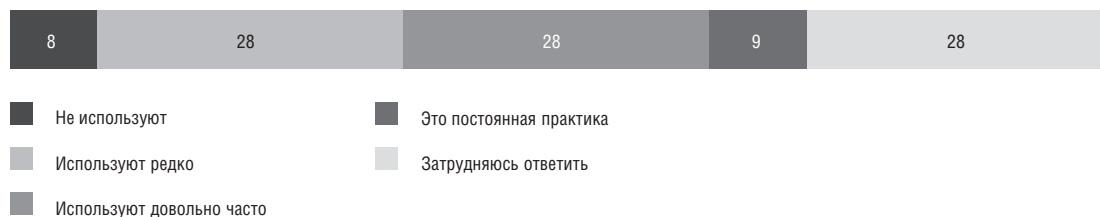
Таблица 8

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ИМЕЕТ ЛИ МЕСТО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ ЯВЛЕНИЕ: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СУДА В КОНКУРЕНТНОЙ БОРЬБЕ С ЦЕЛЬЮ ЗАХВАТИТЬ БИЗНЕС КОНКУРЕНТА, ИСПОРТИТЬ ЕГО РЕПУТАЦИЮ ИЛИ ИНЫМ ОБРАЗОМ ПОВРЕДИТЬ ЕМУ?

	2010	2011	2012	2013
Определенно да	23	23	21	24
Скорее да	44	43	41	44
Скорее нет	10	11	13	16
Определенно нет	4	3	5	5
Затрудняюсь ответить	20	19	19	11

График 10

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ИСПОЛЬЗУЮТ ЛИ РОССИЙСКИЕ ВЛАСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ ДЛЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СВОИМ ПОЛИТИЧЕСКИМ ПРОТИВНИКАМ?

тов считали, что захват бизнеса соперника или подрыв его репутации, дискредитация путем возбуждения уголовного дела или привлечения его к суду и нанесение вреда другим похожим способом имеют место в современной российской судебной системе («определенно да» — 24%, «скорее да» — 44%) (см. табл. 12.2). Отрицающих такие явления меньше, чем тех, кто упоминал использование суда в политических целях: о том, что этого «определенно нет», «не может быть», заявили лишь 5% опрошенных, 16% склонны отрицать это, но в более мягкой форме («скорее нет»).

Устойчивость получаемых данных свидетельствует, что население воспринимает это положение вещей как неизменное в обозримом будущем, несмотря на нравственную сомнительность или несправедливость такого порядка. Люди смиряются, теряют интерес ко всей этой сфере. Можно сказать, что таков горизонт

массового правового сознания в России, поскольку, как было показано выше, *доверие к отдельным судам существенно выше, нежели доверие и интерес к судебной системе в целом.*

Кроме того, у населения присутствует смутное понимание того, что причинами совершения многих правонарушений или преступлений является не «злая природа» тех или иных людей, пренебрегающих почему-то нормами закона, а привычный, т.е. идущий со времен тоталитарного режима, произвол власти, а также сама противоречивость или даже противоестественность многих законов, принимаемых властями в собственных интересах без учета интересов и моральных представлений большей части населения. Точнее — превосходство подзаконных или ведомственных актов и инструкций над законами, монополия на интерпретацию или произвол в интерпретации бюрократией законодательных актов

и положений в собственных интересах, в результате чего обычный человек оказывается полностью беспомощным перед государственной машиной и абсолютно незащищенным. 45% опрошенных заявляют, что *не чувствуют себя под защитой закона*; каждый десятый при этом затрудняется дать определенный ответ, что также указывает на слабость правоприменительной практики в нашей стране (см. табл. 8). Более или менее уверенно в этом плане чув-

ствуют себя лишь 42% (скорее «менее уверенно», поскольку настаивающих на том, что они «определенно защищены законом», насчитывается лишь 7%).

Объяснения, почему, собственно, граждане не чувствуют себя уверенно в правовом пространстве, не верят в силу закона, не чувствуют себя находящимися под его защитой, абсолютное большинство отвечают, почти не затрудняясь в поиске необходимого мотива.

Таблица 9

ЧУВСТВУЕТЕ ЛИ ВЫ СЕБЯ ПОД ЗАЩИТОЙ ЗАКОНА?

	2006	2009	2010	2011	2012	2013	2015 горожане
Определенно да/скорее да	25	25	42	46	42	45	45
Определенно нет/скорее нет	68	64	52	49	51	50	48
Затруднились с ответом	7	11	6	5	7	5	6
<i>Число опрошенных</i>	<i>1 600</i>	<i>940</i>	<i>2 000</i>	<i>2 000</i>	<i>2 000</i>	<i>2 000</i>	<i>2 009</i>

График 11

ПОЧЕМУ ВЫ НЕ ЧУВСТВУЕТЕ СЕБЯ ПОД ЗАЩИТОЙ ЗАКОНА? (в % от тех, кто не чувствует себя под защитой закона)

Таблица 10

ПОЧЕМУ В РОССИИ НЕЛЬЗЯ ЖИТЬ, НЕ НАРУШАЯ ЗАКОНА? КАКИЕ МНЕНИЯ БЛИЖЕ К ВАШЕМУ СОБСТВЕННОМУ?

	% от ответивших «да» на предыдущий вопрос, N = 991	% от всех опрошенных
Закон в нашей стране не работает, ему не подчиняются даже власти	42	21
Закон нарушают все, поэтому по закону ничего не добьешься	28	14
У большинства людей сегодня отсутствует мораль, их ничто не сдерживает	19	9
Нет авторитетов, влиятельных людей, которые поддерживали бы законность и правосознание	5	2
Затрудняюсь ответить	4	2

2012 год, N = 2002

График 12

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЕСТЬ ЛИ СЕЙЧАС В РОССИИ ЛЮДИ, КОТОРЫЕ СЧИТАЮТ СЕБЯ НАХОДЯЩИМИСЯ НАД ЗАКОНОМ, И ЕСЛИ ЕСТЬ, ТО КТО ОНИ?

Таблица 11

КТО, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ПРЕЖДЕ ВСЕГО ДОЛЖЕН ОБЕСПЕЧИВАТЬ В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ ЗАЩИТУ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН? КТО, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, СПОСОБЕН ОБЕСПЕЧИТЬ СЕЙЧАС В РОССИИ ЗАЩИТУ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН?

	Должен обеспечивать	Способен обеспечить
Президент и правительство страны	81	75
Законодательная власть	59	39
Судебная система	46	28
Политические партии	10	8
Профсоюзы	8	7
Общественные организации и движения	7	7
Средства массовой информации	5	4
Затрудняюсь ответить	2	8

Первую причину чаще среднего называют более критично настроенные (но и более «опытные») москвичи (62%), а также высококвалифицированные люди, специалисты (61%). На то, что слишком многие ощущают себя выше закона, чаще других указывают наиболее адаптированные и высокодоходные группы, а также предприниматели (соответственно 53, 54 и 59%; отметим, что последняя группа в выборке невелика). Кроме того, около двух пятых опрошенных в 2012 году считали, что в нашей стране невозможно прожить, не нарушая законы, а 37% — что его нарушают все. Получается, что, по мнению россиян, само состояние законодательной базы, практика правоприменения порождают ответный правовой нигилизм

и пренебрежение законами, причем в первую очередь он порождается именно теми, кто воплощает в своем должностном статусе авторитет государства и авторитет закона, властями. Преступления или правонарушения со стороны властей становятся поводом (или оправданием) для нарушения законов обывателями и источником постоянной, непреходящей внутренней неуверенности и чувства опасности, угрозы, незащищенности жизни.

Лишь 3% опрошенных в настоящем исследовании утверждают, что в стране нет людей, которые считают себя находящимися над законом.

Хотя негативные явления в практике судебной работы накапливаются годами, если не десятилетиями, общественным мнением они

начинают осознаваться, а тем более артикулироваться, лишь в условиях обозначившегося кризиса опорных государственных институтов, размывания нормативно-правового сознания граждан на фоне падения легитимности властных структур. Общая дезорганизация социального порядка и трансформация институциональных структур вызвала в общественном сознании представление о росте беззакония и беззащитности перед произволом.

При таких настроениях и мнениях, хроническом ощущении беззащитности значительной части населения перед произволом властей и чувстве угрозы своим основным правам, по сложившейся модели общественных представлений о социально-политическом устройстве страны и реальности социальной жизни основную ответственность в нашем «правовом государстве» за защиту их прав и свобод россияне возлагают именно на главу государства и его ближайшее окружение.

Лишь чуть более четверти россиян считают, что защиту прав и свобод реально способен обеспечить современный суд, а возможности всех общественных сил, включая СМИ, оцениваются весьма низко.

Чем менее образованны и информированны респонденты, тем чаще они в защите своих прав и свобод надеются на высшее руководство страны, президента, правительство и т.п., а чем более квалифицированы, адаптированы, активны и самостоятельны, тем чаще указывают на суд, однако и в этих группах высшая власть занимает первые позиции.

Иначе говоря, представления о должном и о реальном устройстве государства в России радикально расходятся, причем представления о том, как должно быть, в значительной степени носят утопический или декларативный характер, а представления о реальности определяют прагматические правила массового поведения, патерналистские ориентации основной массы населения и адаптации к действиям чиновников и властей. Утопизм в данном случае имеет скорее риторическую природу, нежели

веру в возможность трансформации действительных отношений, и выступает как условие или основание для нормативной критики властей представителями элиты или социально более продвинутых групп общества.

Зависимость судебной системы от влиятельных групп и институтов представляется большей части населения России пороком государства, но таким, с которым люди не знают, как справиться. Они не знают, как изменить положение к лучшему, а потому вынуждены примиряться и рассчитывать на экстраординарную помощь всемогущих первых лиц государства (так называемый режим «ручного управления»).

Права человека

Оценка с положением политических прав и свобод

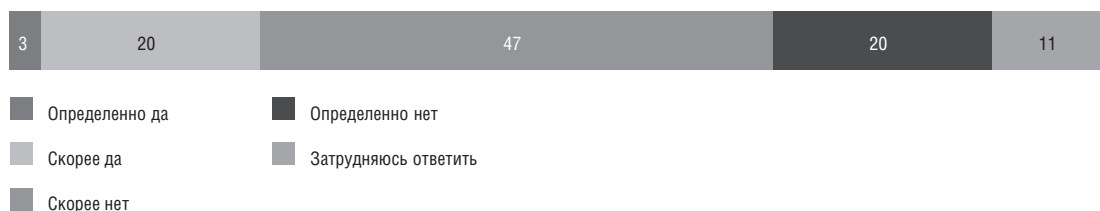
В среднем лишь около четверти жителей городов, от малых до мегаполисов, считают, что за последние два года (с конца 2013 года, когда начала расти волна массовых политических протестов) давление на общество в этом отношении усилилось.

Относительное большинство (47%) выбрали типичную для российского массового сознания уклончивую оценку — «скорее нет». Серьезных расхождений между различными группами в уровне негативных оценок мы не видим. Немного выделяются жители крупных городов (500 тысяч — 1 млн) — среди них 29% считают, что давление государства на права и свободы усилилось (но не среди москвичей, которые по данным опросов последнего года демонстрируют более высокую, чем раньше, лояльность к действиям высшей власти и относительно лояльно-равнодушную позицию к политическим и гражданским вопросам и проблемам сворачивания свободы слова и политических прав граждан).

Примерно на том же уровне выражено недовольство служащих (что, вероятно, можно отнести на счет ухудшения экономического положения, постепенного падения уровня жизни,

График 13

ЕСЛИ ГОВОРИТЬ О ПОСЛЕДНИХ ДВУХ ГОДАХ, ТО ОЩУТИЛИ ЛИ ВЫ ЛИЧНО УСИЛЕНИЕ ДАВЛЕНИЯ НА ОБЩЕСТВО, УЩЕМЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВ И СВОБОД РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН СО СТОРОНЫ ГОСУДАРСТВА?

роста цен, обесценивания денег и пр.), а также среди студентов и учащихся, что вообще-то обычно несвойственно было в массе этой группы, демонстрирующей скорее аполитичность и равнодушие к общественным событиям и политике. Хотя, возможно, и среди них роль играют скорее экономические проблемы, поскольку это поколение привыкло жить в относительном благополучии.

Предположение такой экономической подоплеку недовольства соблюдением прав косвенно подтверждается и тем, что эту оценку высказали 30% тех, для кого свойствен пассивный тип адаптации, то есть не слишком свойственна была обычно озабоченность положением с гражданскими правами и свободами.

Самый высокий показатель обеспокоенности наступления государства на права и свободы наблюдался в группе людей, с той или иной частотой занимавшихся общественной деятельностью, социально активных (36%), но и среди них большинство не высказывает критической позиции в отношении нынешнего государства.

Общие оценки положения с правами человека в России

Как и в предыдущем вопросе, по распределению ответов видно, что проблематика прав человека занимает от четверти до трети опрошенных горожан.

Как и в предыдущем вопросе, мы видим большое число затруднившихся высказаться. И, хотя лишь примерно 20% (чуть чаще более молодые и обеспеченные, менее зависимые от государства) считают, что положение с соблюдением прав и свобод в России все благополучно, вместе с затруднившимися выходит примерно половина опрошенных, у которых нарушения не вызывают особого беспокойства, не представляют собой ценности. То, что речь во многом идет у людей о важности социально-экономических прав, довольно хорошо видно в табл. 12, показывающей отношение к проблеме в зависимости от потребительского статуса ре-

спондента.

Данные, приведенные в ней, показывают, что чем выше потребительский статус респондента, то есть чем меньше проблем он ощущает в потреблении, чем разнообразнее и богаче его покупки, тем меньше его тревожат вопросы, связанные с ущемлением гражданских прав и свобод.

Выше всего обеспокоенность ущемлением прав среди наименее обеспеченных граждан, а самый высокий уровень равнодушия или отстраненности от этих проблем среди тех, кто и сейчас может считать себя по уровню потребления близким к благополучной и относительно обеспеченной части общества.

Более двух пятых (43%) говорят, что нарушения прав их либо особо не беспокоят, либо то, что ими можно пожертвовать ради порядка и законности (?) в стране (правда, таких меньшинство — 8%). Такой же показатель характерен и для группы респондентов, живущих в городах с населением выше миллиона человек (кроме Москвы).

В целом же обеспокоенность или возмущение по поводу ситуации с соблюдением прав и свобод граждан высказывают около трети опрошенных, причем две трети из них выражают относительно сдержанное беспокойство.

В группах, выделенных по типу адаптации, картина схожая. Наиболее благополучной ситуация с соблюдением прав в России видится в группе активно-адаптированных — тех, кому удалось добиться относительного благополучия и высокого статуса (многие добились этого благодаря близости к государственным структурам и ресурсам): 25% считают, что все благополучно. Правда, чуть большая группа (28% при 33% в среднем) обеспокоена ситуацией с защитой прав. Но вот что особенно тревожно и подтверждает слабость надежды на то, что эта группа, условный средний класс, может стать источником перемен и возвращения к строительству демократического и правового государства: для двух пятых характерна равно-

Таблица 12

А КАКУЮ ОЦЕНКУ ЛИЧНО ВЫ ДАЛИ БЫ ПОЛОЖЕНИЮ С ПРАВАМИ ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ

Все вполне благополучно	19
Меня беспокоят серьезные нарушения прав и свобод человека в России	22
Я возмущен, что права человека в России сейчас совершенно не соблюдаются	11
Может быть, какие-то права и свободы не соблюдаются, но меня это не особенно беспокоит	28
Этими правами и свободами вполне можно пожертвовать ради поддержания порядка и законности в стране	8
Затрудняюсь ответить	12

душная позиция (40% при 36% в среднем); кроме того, почти каждый десятый затрудняется дать определенную характеристику ситуации с правами в современной России (или уходит от ответа).

Те же группы — низкодоходные, низкообразованные, дезадаптированные или пассивно-адаптированные — чуть чаще говорят об ухудшении ситуации с соблюдением прав и свобод в России (24–25% при 19% в среднем). Если говорить об активной и адаптированной части опрошенных горожан, то в группе с высоким потребительским статусом и активно-адаптированных этот показатель обеспокоенности ниже среднего, а группы с различной политической ориентацией, опытом общественной работы и гражданской активности дают оценки, еще слабее отличающиеся от более недовольных групп.

Даже на фоне сильнейшей антизападной пропаганды последних полутора лет в оценке защищенности прав в России и на Западе относительно лидирует Запад. Видно, что россияне гораздо больше волнуют социально-экономические права, которые выступают здесь не выражением хороших знаний, а скорее смутным представлением о большем благополучии и более достойной повседневной жизни большей части жителей развитых западных стран. Мы думаем, что высокие показатели лучшей социально-экономической защищенности в таких группах, как самые молодые, среди москвичей, специалистов (50–55%) и особенно учащихся и студентов (59%) также в большей мере говорят о значимости потребительского благополучия и достойной повседневной жизни. Хотя здесь скорее всего присутствует и составляющая о ценности защиты прав (в группе либералов

Таблица 13

КАКУЮ ОЦЕНКУ ЛИЧНО ВЫ ДАЛИ БЫ ПОЛОЖЕНИЮ С ПРАВАМИ ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ?

	Потребительский статус				
	В среднем по выборке	Не хватает даже на еду + хватает только на еду	Хватает на одежду	Могут покупать ТДП	Могут купить авто + не стеснены в средствах
Все вполне благополучно	19	10	19	21	31
Меня беспокоят серьезные нарушения прав и свобод человека в России	22	27	23	17	24
Я возмущен, что права человека в России сейчас совершенно не соблюдаются	11	16	12	10	3
Может быть, какие-то права и свободы не соблюдаются, но меня это не особенно беспокоит	28	26	26	35	23
Этими правами и свободами вполне можно пожертвовать ради поддержания порядка и законности в стране	8	8	8	8	9
Затрудняюсь ответить	12	14	12	9	10

График 14

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ГДЕ ЛУЧШЕ ЗАЩИЩЕНЫ...

этот показатель самый высокий — 65%, но надо помнить, что эта группа невелика и неоднородна по своим взглядам и позициям).

Вопрос сравнения защищенности политических прав и свобод вызывает затруднения у четверти опрошенных, что само по себе говорит о весьма слабо понимаемых проблемах прав и свобод, самых общих и не самых важных, не ставших важнейшей ценностью жизни гражданина. Здесь чаще говорят о преимуществах Запада самые молодые, специалисты, учащиеся и студенты (51% при 31% в среднем), а также респонденты с либеральными идеологическими ориентациями (56%). Иными словами, мы имеем дело скорее с более (или потенциально) политизированной средой.

Опыт защиты собственных прав

В ситуации недоверия государственным институтам и одновременной зависимости от них право на охрану здоровья, воплощенное в массовом сознании в праве на бесплатную медицинскую помощь, по мнению россиян, практически всегда оказывается самым ущемляемым. Так, в марте 2014 года оно лидировало с большим отрывом в рейтинге самых ущемляемых прав по мнению москвичей (46%) и жителей крупных городов (51%). На фоне экономического кризиса и массового сокращения рынка труда жители России оценили ущемление права на труд наравне с ущемлением права на охрану здоровья, хотя еще за год до этого в крупных городах более ущемляемым правом называ-

лось право на образование (40% против 32%), а в Москве — права на образование и справедливый суд (по 31% против 24%). При этом во всем, что не касается проблем первой необходимости — здравоохранения и охраны труда, — оценки ущемляемости прав снизились, что вписывается в общую картину повышения доверия государству. Исключение составляют только оценки общей правовой защищенности: 26% указывают на нарушение права на справедливый суд, 30% на необеспечение равенства граждан в правах. Чувство депривации в условиях сильной социальной дифференциации не гасится даже в условиях мощной консолидации, произошедшей в российском обществе в прошлом году. Оно высоко даже в группе активно адаптированных — неравноправие здесь отмечают на уровне среднего по всем группам, а отсутствие справедливого суда даже чаще. Свободу собраний и слова, право на честные выборы считают ущемленными наиболее высокоресурсные группы: москвичи, самые обеспеченные, активно-адаптированные, а также политическая оппозиция — либералы. Пятая часть опрошенных считает, что никакие права в России не ущемляются.

При этом с ущемлением собственных прав за последние пять лет сталкивались только 40% взрослого населения больших городов. Здесь воспроизводится иерархия, получившаяся в ответах на предыдущий вопрос: самыми нарушаемыми стали права на охрану здоровья, труд и здоровую окружающую среду, затем равнопра-

График 15

КАКИЕ ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ ПРАВ И СВОБОД НАРУШАЮТСЯ В РОССИИ ОСОБЕННО ЧАСТО?

График 16

С УЩЕМЛЕНИЯМИ КАКИХ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ СВОБОД И ПРАВ ВЫ ЛИЧНО СТАЛКИВАЛИСЬ В ТЕЧЕНИЕ ПОСЛЕДНИХ ПЯТИ ЛЕТ?

График 17

КЕМ ИМЕННО БЫЛИ НАРУШЕНЫ ВАШИ ПРАВА? (в % от тех, кто сталкивался с ущемлением собственных прав в течение последних пяти лет)

ние граждан и справедливый суд, а также честные выборы и образование, частота нарушения прочих прав — в рамках статистической погрешности.

Чаще всего права были нарушены учреждением (или его сотрудниками), государственным или коммерческим, частными лицами права нарушаются реже — в каждом восьмом случае. При этом в половине случаев нарушителями были представители органов власти, правоохранительных или судебных органов. Крайне

редко права граждан нарушались финансовыми и общественными организациями.

Подавляющее большинство (две трети) тех, чьи права были ущемлены, не обращались за помощью по защите своих прав в государственные и общественные организации, а также к знакомым. А те немногие, кто обращался, искали помощи в среднем в одной-двух инстанциях. Это ситуация, когда пострадавший от нарушения прав не видит смысла обращаться к кому-то для решения своих проблем, а немно-

гочисленные обращающиеся быстро сдаются. Институты гражданского общества — СМИ и общественные организации — признаются минимально эффективными помощниками в отстаивании прав граждан.

Нельзя сказать, что в государственные и общественные структуры так мало обращаются потому, что предпочитают профессиональную юридическую помощь, к ней прибегают только около 25% пострадавших. Причем это опять в основном обеспеченные, активно-адаптированные люди среднего возраста.

Как видно, нет никакого разделения на тех, кто предпочитает юридическую помощь любой другой или наоборот: те, кто не обращался за профессиональной помощью, в основном не обращался ни за какой другой. Граница проходит между теми, кто не готов защищать свои права, и теми, кто готов и использует для этого разные источники.

За юридической помощью респонденты более склонны обращаться к профессионалам: около половины — к адвокатам, по трети — к другим юристам. К правозащитникам же обращались

только 15%, наравне с теми, кто консультировался с людьми со схожими проблемами. Такое распределение отражает мнение о правозащитнике как о непрофессионале, то есть человеке или организации, которые имеют меньший потенциал успешности, чем адвокаты и другие юристы. Ясно, что такой образ сформировался не столько под влиянием негативного опыта взаимодействия с правозащитниками, сколько в отсутствие какого-либо опыта. Как выяснилось на групповых дискуссиях с респондентами, не вполне понятно, кто такой правозащитник.

Ответы на вопрос о нарушениях прав других людей свидетельствуют, что такой информацией жители больших городов не особо интересуются. В основном подобные сведения они получают из телепередач (где не имеют никакого влияния на формирование контента) или личных бесед (когда речь идет о знакомых, так что интерес слушателя определяется вниманием скорее к действующим лицам, чем к самой истории). В три-четыре раза реже респонденты узнают о подобных событиях через источники, в которых могут фильтровать информацию.

График 18

ОБРАЩАЛИСЬ ЛИ ВЫ ПРИ ЭТОМ НАПРЯМУЮ ДЛЯ ЗАЩИТЫ ВАШИХ ПРАВ В СЛЕДУЮЩИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ИЛИ К СЛЕДУЮЩИМ ЛИЦАМ? (в % от тех, кто сталкивался с ущемлением собственных прав в течение последних пяти лет)

График 19

ОБРАЩАЛИСЬ ЛИ ВЫ ЗА ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩЬЮ, КОНСУЛЬТАЦИЕЙ, УСЛУГАМИ ПО ПОВОДУ ЭТОЙ ВОЗНИКШЕЙ У ВАС ПРАВОВОЙ ПРОБЛЕМЫ? (в % от тех, кто сталкивался с ущемлением собственных прав в течение последних пяти лет)

Таблица 14

ОБРАЩАЛИСЬ ЛИ ВЫ ЗА ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩЬЮ, КОНСУЛЬТАЦИЕЙ, УСЛУГАМИ ПО ПОВОДУ ЭТОЙ ВОЗНИКШЕЙ У ВАС ПРАВОВОЙ ПРОБЛЕМЫ?

	Да	Нет
Обращались ли вы при этом напрямую для защиты ваших прав в следующие организации или к следующим лицам?		
В суд	29	2
В государственные учреждения	25	7
В органы исполнительной власти какого-либо уровня	17	2
В прокуратуру, другие правоохранительные органы	17	1
В полицию	15	4
К знакомым лицам, которые могли уладить дело	10	4
К вашему депутату	6	1
В общественные, правозащитные организации	5	2
К президенту	3	1
В СМИ	3	2
К влиятельным людям из органов власти	3	1
В третейские суды	1	0
К криминальным авторитетам или группам	0	0
Другое	2	1
Никуда не обращался	22	79

График 20

К КОМУ ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ ЛИЦ ИЛИ ОРГАНИЗАЦИЙ ВЫ ОБРАЩАЛИСЬ ЗА ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩЬЮ, КОНСУЛЬТАЦИЕЙ? (в % от тех, кто обращался за юридической помощью)

График 21

ОТКУДА ВЫ ПРЕЖДЕ ВСЕГО УЗНАЕТЕ О КОНКРЕТНЫХ СЛУЧАЯХ НАРУШЕНИЯ ПРАВ ДРУГИХ ЛЮДЕЙ? (не более трех ответов)

График 22

К КОМУ ВЫ ПРЕЖДЕ ВСЕГО ОБРАТИТЕСЬ ЗА ПОМОЩЬЮ В СЛУЧАЕ, ЕСЛИ БУДУТ УЩЕМЛЯТЬСЯ ВАШИ ПРАВА И СВОБОДЫ? (не более трех ответов)

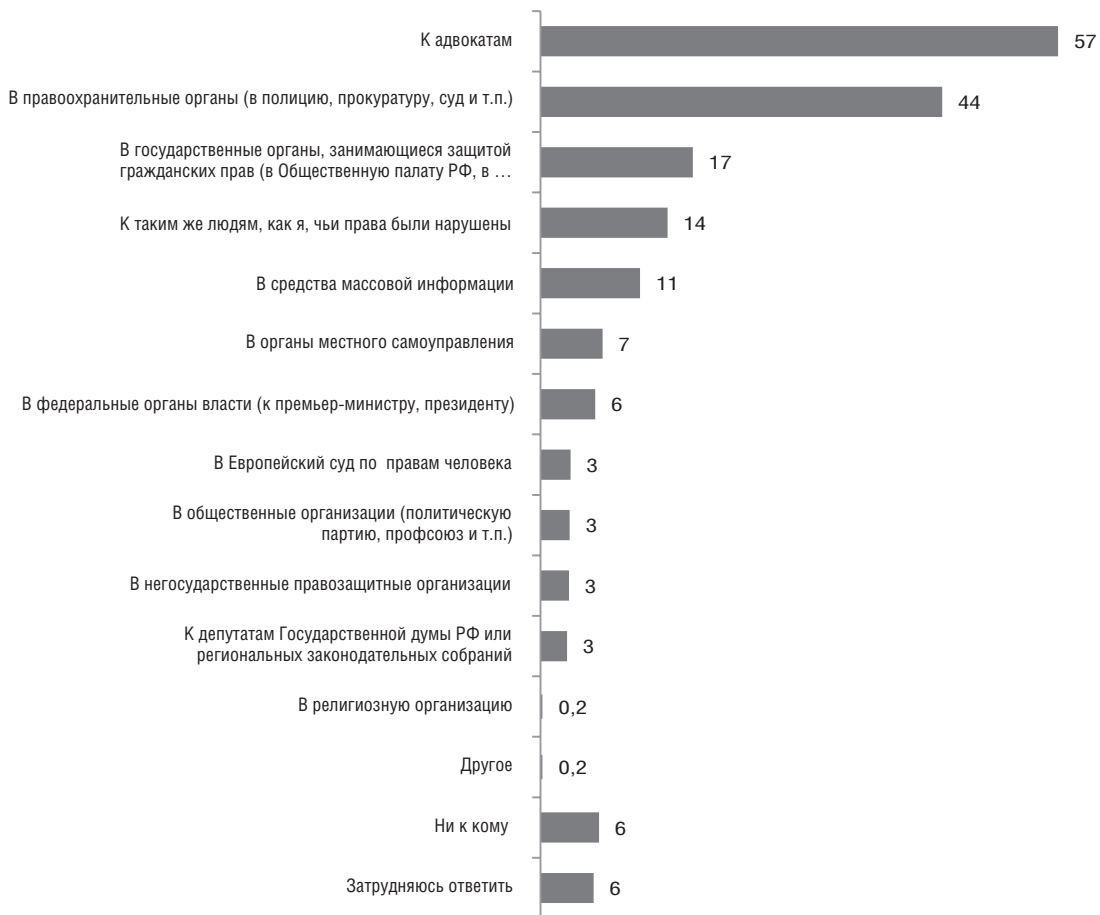

График 23

ОТКУДА ИЛИ ОТ КОГО МОЖНО ЛУЧШЕ ВСЕГО УЗНАТЬ, КАК СЛЕДУЕТ СЕБЯ ПРАВИЛЬНО ВЕСТИ В СЛУЧАЯХ СЕРЬЕЗНОГО НАРУШЕНИЯ ВАШИХ ПРАВ? (не более трех ответов)

Декларации возможного поведения в случае нарушения прав значительно отличаются от реального положения дел: более половины опрошенных намерены обращаться к помощи адвокатов, чуть меньше — в правоохранительные органы и суд, всего 6% не собираются обращаться ни к кому. На третьем месте — готовность обращаться в государственные советы по защите прав, но, как и в предыдущих случаях, не стоит приписывать этой декларации предсказательную силу. Имея куда больше доверия к государственным структурам, респонденты склонны и в подобной ситуации предпочитать их негосударственным. Однако на деле подавляющее большинство все-таки обращается к юристам и в правоохранительные органы или не обращается никуда.

В ситуации, когда большая часть населения признает, что знает свои права только в общих чертах или не знает совсем, было бы уместно предположить, что главным ресурсом информации о возможностях защиты прав станут специализированные источники: специальная литература и интернет-порталы, правозащитники. Однако при неработающих институтах

сила общинных связей по сравнению с общественными так велика, что информация, которую можно получить от других пострадавших и даже от ближнего круга (вне зависимости от того, имеют ли они какой-то подобный опыт), ценится порой даже выше, чем информация из специальных источников.

Также из этого опроса видно, что истинную роль правозащитников население видит в информационной помощи — здесь их значимость оценивается куда выше, чем в вопросе непосредственной защиты прав.

Гражданская активность

Институциональный вакуум, ориентация на себя и свою семью не способствуют возникновению гражданской активности. Люди не видят возможности повлиять на происходящее через организации гражданского общества, не осознают смысла участвовать в инициативах, не имеющих отношения к собственному повседневному существованию. Так, реальную возможность участвовать в политической, общественной жизни видит для себя только каждый пятый опрошенный, втрое больше респонден-

График 24

ВИДИТЕ ЛИ ВЫ ДЛЯ СЕБЯ В СЕГОДНЯШНЕЙ СИТУАЦИИ КАКУЮ-ТО РЕАЛЬНУЮ ВОЗМОЖНОСТЬ УЧАСТВОВАТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ, ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ В ТОМ МЕСТЕ, ГДЕ ВЫ ЖИВЕТЕ, ЕСЛИ НЕ СЧИТАТЬ УЧАСТИЕ В ВЫБОРАХ?

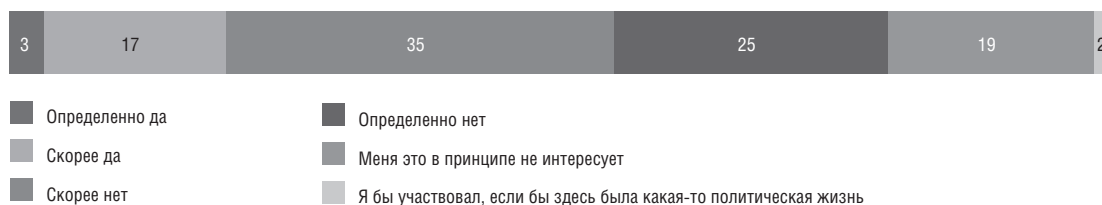

График 25

ЕСЛИ ГОВОРИТЬ В ЦЕЛОМ, КАКУЮ РОЛЬ ИГРАЮТ СЕЙЧАС В ЖИЗНИ РОССИИ ГРАЖДАНСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ, ПРАВОЗАЩИТНЫЕ И ДРУГИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ?

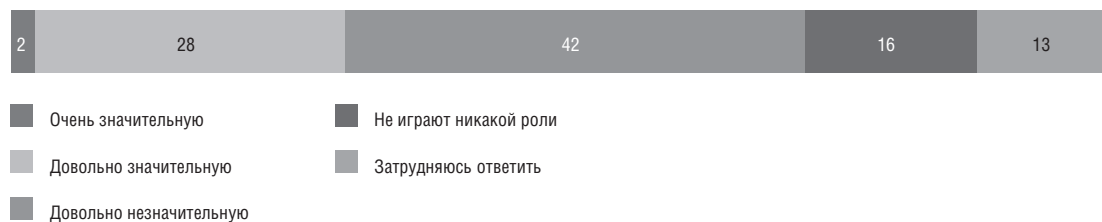

График 26

СЛУЧАЛОСЬ ЛИ ВАМ В ПОСЛЕДНИЕ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ ПРИНИМАТЬ УЧАСТИЕ В РАЗЛИЧНОГО РОДА ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (участвовать в деятельности общественных, правозащитных организаций, принимать участие в их акциях)?

тов считают это невозможным. Причем здесь и далее оценки перспективности общественных объединений напрямую связаны с наличием у респондента опыта участия в подобных инициативах: среди тех, кто за последние несколько лет принимал участие в них хоть раз, положительно оценивают возможность участия в общественной жизни в 2,5 раза чаще — 53%. Помимо них более высоко оценивают вероятность собственной гражданской активности наиболее обеспеченные и активно-адаптированные.

Те, кто не видит возможности участия в общественной жизни, склонны оценивать роль подобных организаций низко. При этом часть тех, кто затруднился оценить возможность собственного участия, роль гражданских инициатив оценили как значительную. Здесь тоже выделяются наиболее обеспеченные и активно-адаптированные и москвичи.

Подавляющее большинство жителей больших городов за последние несколько лет ни разу не занимались общественной деятельностью. Каждый десятый участвовал один-два раза. Количество тех, кто постоянно занят в граждан-

ских инициативах, находится в рамках статистической погрешности (сравнительно больше таких только в категории самых обеспеченных).

При этом в условиях неопределенности будущего и отсутствия перспектив влияния на положение дел россияне не хотят принимать участие в гражданских инициативах: из тех, у кого до сих пор не было подобного опыта, хотели бы его получить лишь 11%. Из тех, кто уже занимался общественной деятельностью, треть оказалась разочарована и заявила, что не готова принимать участие, хотя это все же в два раза меньше, чем в среднем по выборке, — 74%.

Одной из причин нежелания присоединиться к общественным инициативам является отсутствие четкого понимания, каким образом можно принять участие: не имея информации о конкретных организациях и их работе, респонденты заранее предполагают, что это требует большого количества времени и усилий, а потому и не хотят связываться. При ответе на прямой вопрос с перечислением вариантов возможного участия наименее популярными оказываются формы участия, требующие от че-

График 27

ГОТОВЫ ЛИ ВЫ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В КАКИХ-ЛИБО ГРАЖДАНСКИХ ИНИЦИАТИВАХ / В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ / НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ, ЧТОБЫ ПОМОГАТЬ СЕБЕ И ДРУГИМ ЛЮДЯМ В ДОСТИЖЕНИИ КАКИХ-ЛИБО ЗАДАЧ ИЛИ В РЕШЕНИИ КАКИХ-ЛИБО ПРОБЛЕМ?

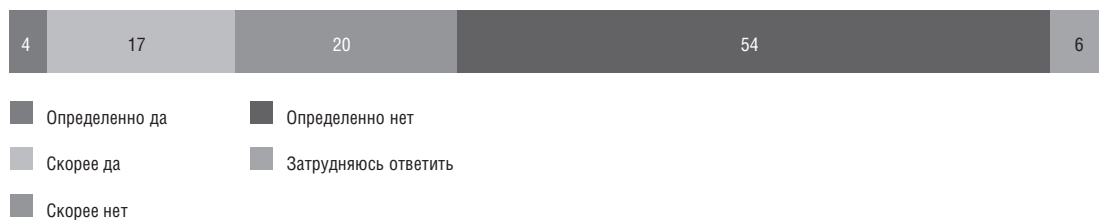

График 28

В КАКОЙ ФОРМЕ ВЫ В ПРИНЦИПЕ ГОТОВЫ ПОДДЕРЖАТЬ ТУ ИЛИ ИНУЮ ГРАЖДАНСКУЮ ИНИЦИАТИВУ / ОБЩЕСТВЕННУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ? (кроме тех, кто определенно не готов поддерживать общественные инициативы)

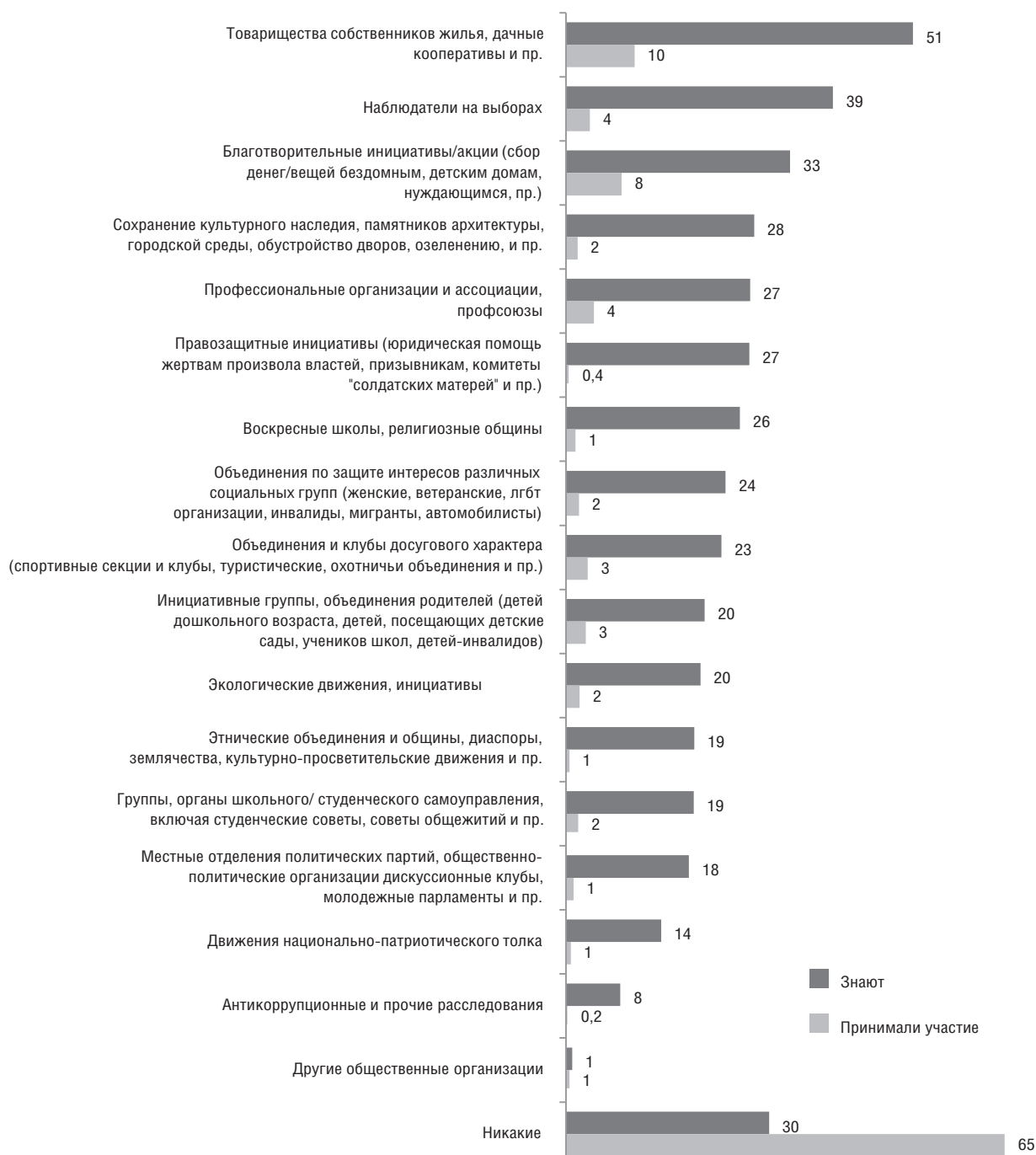
ловека наибольших затрат, материальных (помощь пожертвованиями) или трудовых (организация). При этом наименьшее количество тех, кто не готов помочь никаким способом или затрудняется ответить, оказывается среди молодежи и имеющих опыт общественной деятельности (30 и 12% против 41% в среднем). Самые обеспеченные чаще других выражает

готовность работать волонтером или организатором.

В 2006 году ни о каких гражданских инициативах и общественных объединениях не знали около 60% населения больших городов, сейчас — вдвое меньше. Впрочем, треть населения, не только не вовлеченная в местную гражданскую активность, но даже не осведомленная

График 29

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ КАКИЕ-ЛИБО МЕСТНЫЕ ИНИЦИАТИВНЫЕ ГРУППЫ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ВРЕМЕННОГО ИЛИ ПОСТОЯННОГО ХАРАКТЕРА, СОЗДАВАВШИЕСЯ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ДВА-ТРИ ГОДА МЕСТНЫМИ ЖИТЕЛЯМИ В ВАШЕМ ГОРОДЕ, РАЙОНЕ? В КАКИХ ИЗ ЭТИХ ИНИЦИАТИВ ВЫ СОСТОЯЛИ, ПРИНИМАЛИ УЧАСТИЕ В ИХ МЕРОПРИЯТИЯХ, АКЦИЯХ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ДВА-ТРИ ГОДА?

о ней, — все еще слишком высокий показатель, чтобы говорить о существовании гражданского общества. ТСЖ — самый известный и самый популярный вид общественных объединений, такой статус он получил в последние годы, когда начал повсеместно распространяться. Прежде только около 13% знали о таких товариществах, а сейчас каждый десятый является его членом. Второй по известности вид инициатив — наблюдение на выборах, однако здесь соотношение знающих и принимавших участие гораздо выше: связанные с наблюдением вопросы широко обсуждаются в публичном пространстве, начиная с парламентских выборов 2011 года, однако далеко не всех склоняют к непосредственному участию. Этот вид

инициатив требует высокой дисциплины и ответственности — качеств, которые россияне не особенно склонны демонстрировать в том, что не касается непосредственно их повседневной жизни. Наконец, третий самый известный вид — благотворительные инициативы. Этот вид общественной деятельности наименее обременителен (особенно если быть не организатором, а жертвователем), а потому довольно популярен — примерно наравне с членством в ТСЖ. Все прочие виды местных гражданских объединений знакомы примерно 20–25% опрошенных, но показатель участия колеблется на уровне статистической погрешности. При этом в среднем каждый участник местных инициатив участвовал в одной-двух из них.

График 30

КАК ВЫ УЗНАЛИ О ПОДОБНЫХ ИНИЦИАТИВАХ, КАК В ПЕРВЫЙ РАЗ ПРИШЛИ? (в % от тех, кто принимал участие в инициативах; не более трех ответов)

График 31

ПОЧЕМУ ВЫ УЧАСТВУЕТЕ В ЭТИХ ИНИЦИАТИВАХ? (в % от тех, кто принимал участие в инициативах; не более трех ответов)

График 32

ПОЧЕМУ ВЫ НЕ ПРИНИМАЛИ УЧАСТИЯ В ПОДОБНЫХ ИНИЦИАТИВАХ? (в % от тех, кто не принимал участие в инициативах; не более трех ответов)

Таблица 15

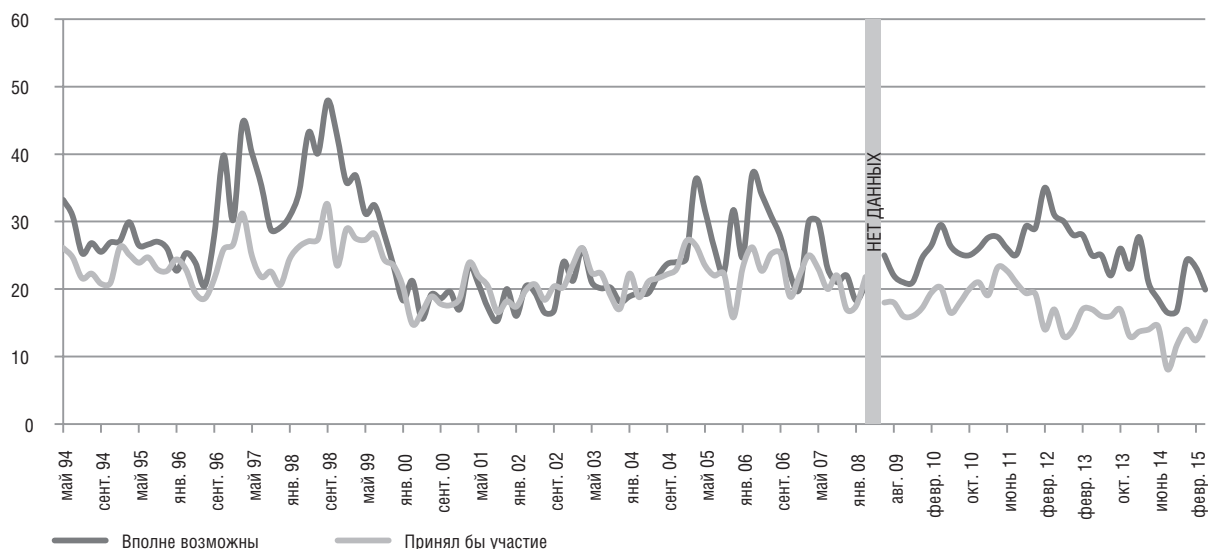
	Всего	РАЗМЕР НАСЕЛЕННОГО ПУНКТА			
		Москва	свыше 1 млн человек	от 500 000 до 1 млн человек	от 100 тыс. до 500 тыс. человек
Как вы думаете, насколько возможны сейчас в вашем городе массовые выступления населения против падения уровня жизни, в защиту своих прав?					
Вполне возможны	31	37	28	28	31
Маловероятны	62	55	65	63	63
Не знаю / затрудняюсь ответить	7	8	7	9	6
Если такого рода массовые выступления протеста состоятся, вы лично примете в них участие или нет?					
Скорее всего да	14	9	10	16	19
Скорее всего нет	76	76	83	76	70
Затрудняюсь ответить	10	14	7	9	11
А возможны ли, на ваш взгляд, в вашем городе выступления протеста с политическими требованиями?					
Вполне возможны	25	31	26	21	24
Маловероятны	68	59	68	73	69
Не знаю / затрудняюсь ответить	7	10	6	6	6
Если массовые выступления протеста с политическими требованиями состоятся, вы лично примете в них участие или нет?					
Скорее всего да	9	7	8	10	11
Скорее всего нет	82	82	86	85	79
Затрудняюсь ответить	8	11	6	5	10

Подавляющее большинство вовлекается в местные инициативы методом снежного кома — приходит вслед за знакомыми. В ситуации дефицита информации доверия к подобным объединениям, личные рекомендации становятся ключевым инструментом легитимизации общественной деятельности. Учитывая численность тех, кто участвует в инициативах, распространенность прочих способов присоединения к ним незначительна. Стоит отметить, что группа активно-адаптированных по сравне-

нию с другими чаще использует «самостоятельные» способы: 32% — СМИ, 26% — Интернет и социальные сети.

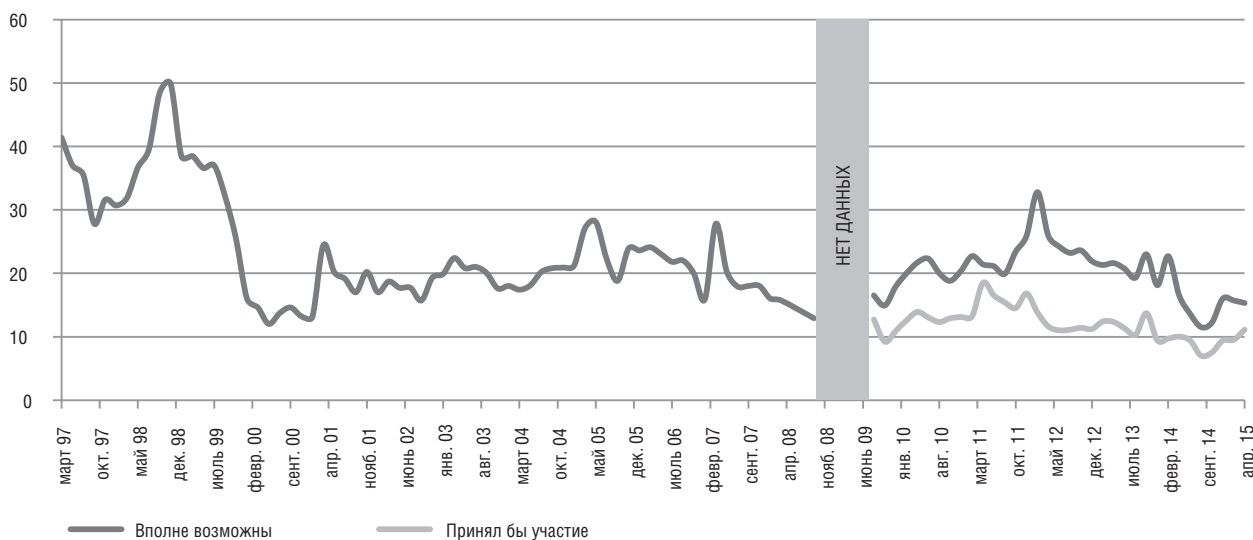
Половина участников местных инициатив делает это из альтруистических побуждений, треть считает это полезным для себя как для гражданина, пятой частью руководит долг перед обществом (в основном это те, кто занимается благотворительностью и наблюдением на выборах). Причины личного характера — удовольствие, новый опыт, связи, знакомства — играют

График 33
ВЕРОЯТНОСТЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОТЕСТОВ И УЧАСТИЯ В НИХ*

*Общероссийский опрос; в 1994 г. $N = 3000$, в 1995–2001 гг. $N = 2400$, в 2002–2008 гг. $N = 2100$, с 2009 г. $N = 1600$

График 34
ВЕРОЯТНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОТЕСТОВ И УЧАСТИЯ В НИХ*

*Общероссийский опрос; в 1997–2001 гг. $N = 2400$, в 2002–2008 гг. $N = 2100$, с 2009 г. $N = 1600$

куда меньшую роль в привлечении горожан к общественной деятельности, сравнительно значимы они только в Москве.

Среди тех, кто не имеет личного опыта участия в местных гражданских инициативах, самыми частыми причинами такого выбора называют отсутствие времени и интереса. При этом понятно, что в ситуации отсутствия информации интересу сложно сформироваться, а среди выбравших вариант «нет времени» есть не только те, кто хочет что-то делать и не располагает свободным временем, но и те, кто никогда не

думал о возможности участия: у них «нет времени» вообще рассмотреть такой вариант. При этом ответы «нет времени» наряду с ответами «мало информации» кажутся более тактичными, извиняющимися, их чаще выбирают женщины. Мужчины же чаще женщин выбирают более прямолинейные ответы: «не хочу», «не доверяю». В целом отказ от участия в гражданских инициативах скорее проистекает из нежелания (которое, в свою очередь, связано и с ощущением безнадежности усилий, и с самоизоляцией от всего, что не касается непосред-

ственно человека и его близкого круга): недоверие не так высоко, а дефицит информации при наличии интереса выглядит как отговорка.

Потенциал протеста различается между типами городов. Так, наибольшую вероятность протестов с социально-экономическими требованиями ожидают в Москве, а личная готовность к участию в подобных акциях в Москве минимальна и растет по мере уменьшения размера города. Ситуация с политическим протестом такая же: чем больше город, тем выше оценки вероятности протеста, но ниже готовность присоединиться к нему. В крупнейших городах протесты случаются чаще, являются более привычной практикой, в силу чего возникают проще. В менее крупных городах население не так мобилизовано, но, будучи более депривированным, имеет большую готовность протестовать.

От общероссийского уровня потенциал протеста в больших городах отличается незначительно. Так, горожане более склонны ожидать массовых выступлений, но декларируют свое участие в них на том же уровне, что и жители России в среднем. Это справедливо и для социально-экономического, и для политического протестов.

В этом смысле россияне, как уже говорилось, рассчитывают на помощь и поддержку (материальную, моральную) исключительно со стороны двух социальных сил: 1) ближайшего круга родных, в несколько меньшей степени — друзей, знакомых; 2) органов государства. Но если высокие ожидания поддержки родных, друзей чаще всего так или иначе оправдываются и подкрепляются реальной практикой повседневных взаимодействий, давая человеку чуть ли

не единственную возможность выжить, то между ожиданиями помощи от государства вообще (нормой его поведения в глазах подопечного населения) и реальной помощью государственных органов и сейчас для россиян существует резкий разрыв. Россиянин — человек государственный, но недовольный; привычным фоном патерналистских ожиданий со стороны масс выступает массовая же неудовлетворенность государством, его чиновниками и службами.

В пространстве между государством, властью как источником благ, с одной стороны, и ближним кругом родных и друзей — с другой, для рядового россиянина нет ничего, социальная пустота. Роль «промежуточных институтов» — общественных движений, организаций, форм самоопределения — в этом плане, по оценкам абсолютного большинства россиян, близка к нулю, доверие к ним достаточно низкое. Лишь 2% опрошенных считают роль общественных организаций в жизни сегодняшней России значительной, еще 28% расценивают ее как «довольно значительную». Почти две трети опрошенных не видят никакой роли у общественных инициатив, движений, организаций. Информированность об их существовании и даже более или менее одобрительное отношение к их работе не предопределяет участия в их деятельности.

Правозащитные организации

Информированность россиян о деятельности правозащитных организаций, как и других структур гражданского общества, чрезвычайно низка: половина опрошенных не знают ни о каких правозащитных инициативах в своем горо-

График 35

ЕСТЬ ЛИ В ТОМ ГОРОДЕ, ГДЕ ВЫ ЖИВЕТЕ, КАКИЕ-ЛИБО ГРУППЫ ИЛИ ОРГАНИЗАЦИИ, КОТОРЫЕ СОБИРАЮТ ИЛИ РАСПРОСТРАНЯЮТ ИНФОРМАЦИЮ О НАРУШЕНИЯХ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ; ПРОВОДЯТ МИТИНГИ И ДЕМОНСТРАЦИИ; СОБИРАЮТ ПОДПИСИ ГРАЖДАН ПОД ОБРАЩЕНИЯМИ К РОССИЙСКОЙ И МИРОВОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ В ЗАЩИТУ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ (СВОБОДЫ СЛОВА, ПЕЧАТИ, ПРОТИВ НЕЗАКОННОГО АРЕСТА И Т.П.)?

Таблица 16

	Всего	РАЗМЕР НАСЕЛЕННОГО ПУНКТА			
		Москва	свыше 1 млн человек	от 500 000 до 1 млн человек	от 100 тыс. до 500 тыс. человек
Есть	31	44	28	25	19
Нет	62	20	23	25	28
Ничего не слышал/а о таких группах/организациях там, где живет	7	36	49	50	53

График 36

КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ТЕМ ГРУППАМ / ОРГАНИЗАЦИЯМ, КОТОРЫЕ ПРОВОДЯТ АКЦИИ В ЗАЩИТУ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ (НЕЗАВИСИМО ОТ ТОГО, СУЩЕСТВУЮТ ЛИ ОНИ В ВАШЕМ ГОРОДЕ ИЛИ В ДРУГИХ)?

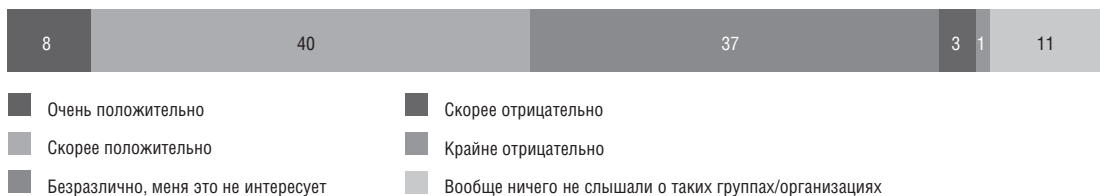

График 37

ПРИНЯЛИ БЫ ВЫ УЧАСТИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГРУПП / ОРГАНИЗАЦИЙ, КОТОРЫЕ ПРОВОДЯТ АКЦИИ В ЗАЩИТУ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ, ЕСЛИ БЫ ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОСУЩЕСТВЛЯЛАСЬ В ТОМ ГОРОДЕ, ГДЕ ВЫ ЖИВЕТЕ?

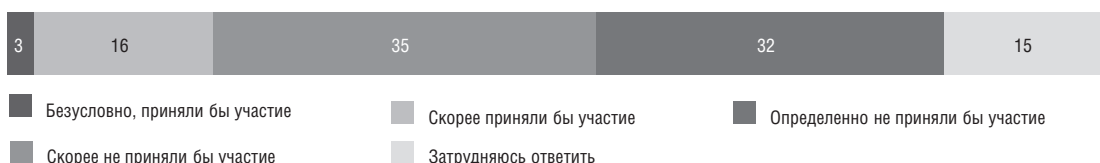
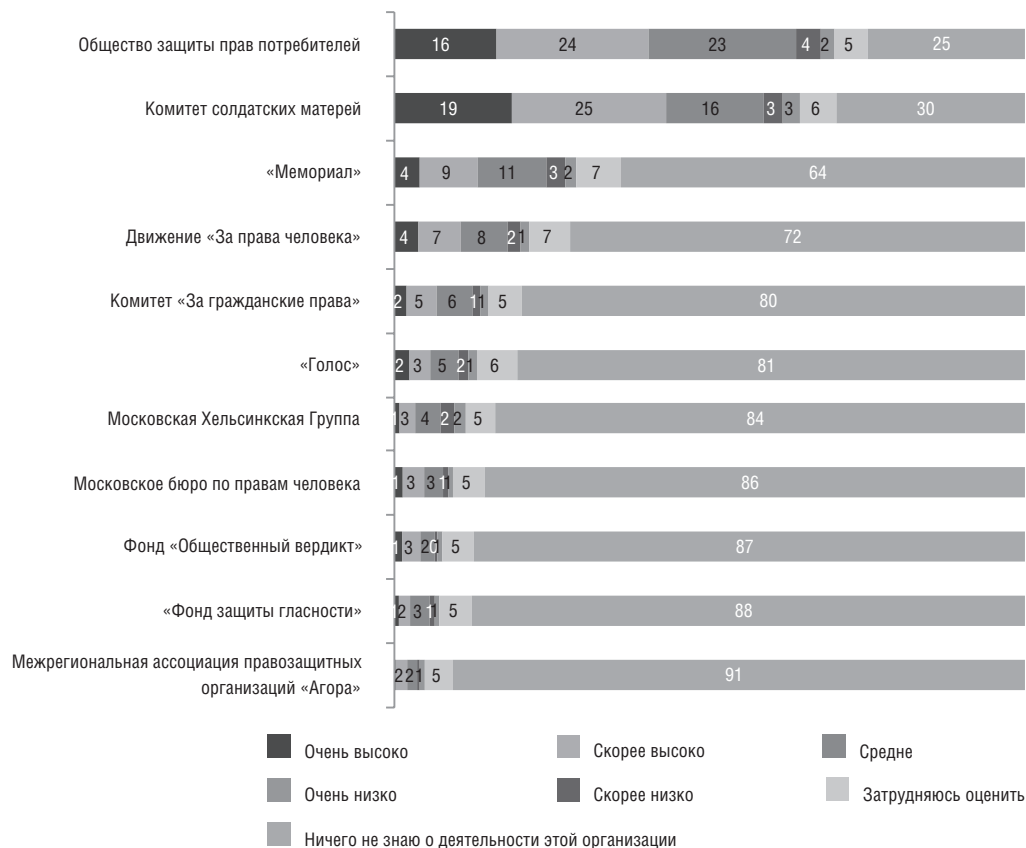

График 38

ЗНАКОМЫ ЛИ ВЫ С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ СЛЕДУЮЩИХ ОРГАНИЗАЦИЙ? ЕСЛИ ДА, ТО КАК ВЫ ОЦЕНИВАЕТЕ ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ?

де. Среди оставшихся еще половина полагает, что в их городах таких организаций нет, что совершенно не обязательно именно так (например, 20% москвичей считают, что в столице нет правозащитных организаций). Осведомленность о работе таких объединений и интерес

к ним падают по мере уменьшения численности жителей города.

Примечательно, что хотя значительную часть опрошенных не интересует работа подобных групп, до введения в интервью понятий «НКО» и «иностранный агент» в целом их рабо-

ту оценивали положительно. Лучше всего к ним относятся самые информированные группы: наиболее обеспеченные (64%) и имеющие опыт гражданской активности (68%).

Подавляющее большинство жителей больших городов не готовы принимать участие в правозащитных акциях, причем треть опрошенных — категорически. Высказавших желание присоединиться оказалась всего около 20%. На это, как и в предыдущем случае, не влияют пол, возраст, образование и тип адаптации, только достаток (33%) и опыт участия в инициативах (47%).

В условиях отсутствия информации о правозащитных инициативах в целом было бы удивительно, если бы о конкретных организациях россиянам было известно много. Как показал блок вопросов об оценке деятельности крупнейших ассоциаций, большинство опрошенных знают только упоминавшиеся на телевидении

Общество защиты прав потребителей и Комитет солдатских матерей. При этом их работу оценивают хорошо и средне, что при оценке незнакомых явлений является нормой. Остальные организации известны от 10 до 30% опрошенных, и оценки их деятельности воспроизводят ту же структуру: хорошо или средне. Негативных оценок крайне мало и они скорее определяют немногочисленную группу людей, плохо относящихся к правозащитным инициативам вообще, чем работу конкретных организаций.

Около трети опрошенных не имеют внятного мнения по поводу общественных объединений, однако с введением термина «НКО» доля негативных оценок сильно увеличилась по сравнению с вопросом об отношении к гражданским инициативам. Нагнетание ситуации вокруг НКО в СМИ и развитие темы иностранных агентов способствовало развитию подозрительности в отношении НКО вообще.

График 39

В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ РОССИЙСКИЕ НЕКОММЕРЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ, ПРЕЖДЕ ВСЕГО ПРАВАЗАЩИТНЫЕ, ПОДВЕРГАЮТСЯ ПРЕСЛЕДОВАНИЯМ СО СТОРОНЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ. А С КАКИМ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ МНЕНИЙ ПО ПОВОДУ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ ПРАВАЗАЩИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВЫ БЫ ЛИЧНО СКОРЕЕ СОГЛАСИЛИСЬ?

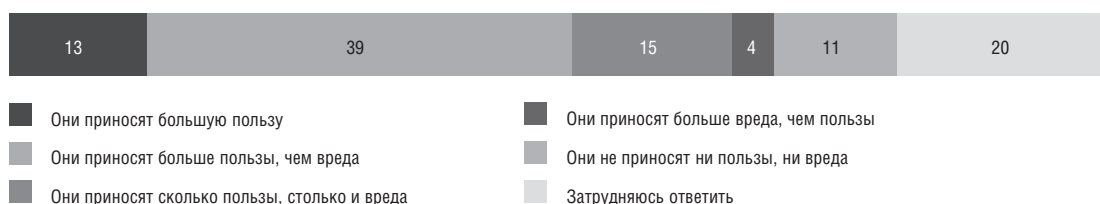

График 40

ВАЖНО ЛИ ДЛЯ ВАС, ФИНАНСИРУЮТСЯ ЛИ РОССИЙСКИЕ ПРАВАЗАЩИТНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ИЗ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИЛИ ИЗ ЗАРУБЕЖНЫХ СРЕДСТВ?

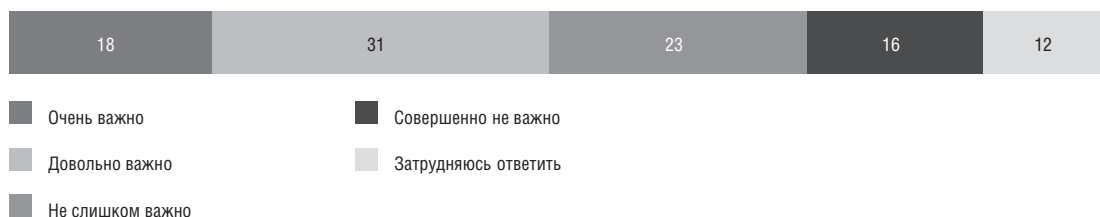

График 41

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, КАКИЕ ЦЕЛИ В ОСНОВНОМ ПРЕСЛЕДУЮТ ЗАПАДНЫЕ СТРАНЫ И ОРГАНИЗАЦИИ, КОТОРЫЕ СНАБЖАЮТ СРЕДСТВАМИ РОССИЙСКИЕ НЕКОММЕРЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ?

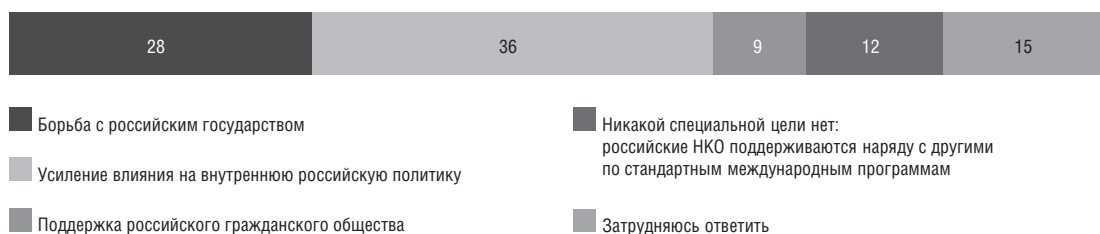

График 42

ОДОБРЯЕТЕ ЛИ ЖЕСТКИЕ САНКЦИИ ВПЛОТЬ ДО ЛИКВИДАЦИИ НКО, КОТОРЫЕ ЗАНИМАЮТСЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ, ПОЛУЧАЮТ СРЕДСТВА ИЗ-ЗА РУБЕЖА, НО В НАРУШЕНИЕ ЗАКОНА НЕ РЕГИСТРИРУЮТСЯ В КАЧЕСТВЕ ИНОСТРАННЫХ АГЕНТОВ?

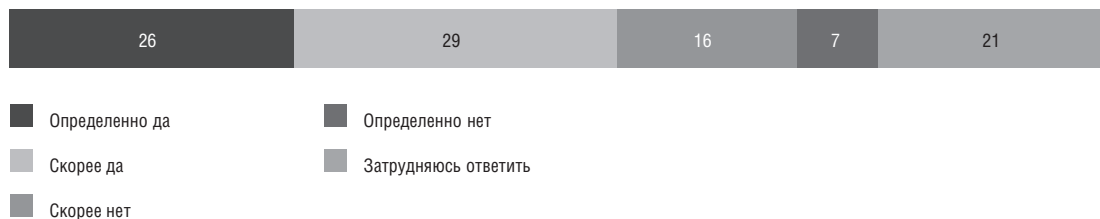

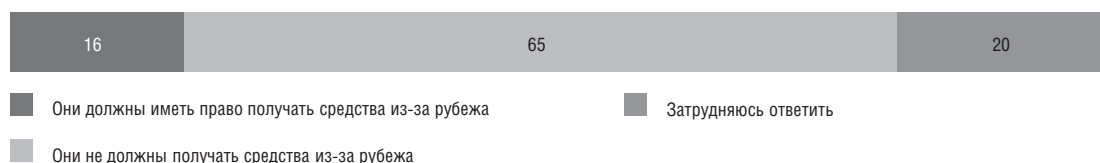
График 43

НА ВАШ ВЗГЛЯД, МНОГО ЛИ СРЕДИ РОССИЙСКИХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ПРАВООЩИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ НАСТОЯЩИХ ИНОСТРАННЫХ АГЕНТОВ – ПРОВОДНИКОВ ИНТЕРЕСОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕРЖАВ И ИХ СПЕЦСЛУЖБ?

График 44

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ДОЛЖНЫ ЛИ ОРГАНИЗАЦИИ, ЗАНИМАЮЩИЕСЯ ЗАЩИТОЙ ПРАВ ГРАЖДАН И КРИТИКУЮЩИЕ ВЛАСТЬ, ИМЕТЬ ПРАВО ПОЛУЧАТЬ СРЕДСТВА ИЗ-ЗА РУБЕЖА ИЛИ ОНИ НЕ ДОЛЖНЫ ПОЛУЧАТЬ СРЕДСТВА ИЗ-ЗА РУБЕЖА?

При этом половина опрошенных заявила, что для них важен источник финансирования правозащитных организаций. Отсутствие различий между разными группами респондентов говорит об эффективности медийной кампании: немного от среднего отличаются москвичи (42%) и люди с высоким потребительским статусом (37%), — все прочие границы стерты.

Еще больше горожан считают, что западные страны — доноры НКО делают пожертвования в политических целях. Чуть более трезвый взгляд на ситуацию среди тех же москвичей и наиболее обеспеченных, но и в этих группах широко распространены конспирологические теории.

Еще не так давно, в 2006 году, при довольно слабой информированности населения о деятельности общественных организаций и при значительных пропагандистских усилиях государственных телеканалов по насаждению негативного отношения к НКО и общественным организациям, подозрительности, обвинений их в том, что они являются проводниками чужого или даже враждебного России влияния, было сравнительно мало. Готовых поддержать обвинения против общественных организаций в том, что они стремятся дестабилизировать по-

литическую обстановку в стране, тем более утверждать, что таких организаций «очень много», было не более 4%, еще 16% полагали, что таких организаций «довольно много». Теперь каждый седьмой полагает, что такие организации исчисляются сотнями, пятая часть — что десятками. Половина опрошенных затруднилась оценить их количество, но при этом большинство считает, что правозащитные организации не должны иметь право получать средства из-за рубежа.

Источники информации

Уровень доверия источникам информации напрямую связан с уровнем их использования, хотя, как можно заметить, не равен ему. Так, трем самым популярным каналам — телевидению, ближнему кругу и интернет-ресурсам — доверяют около двух третей тех, кто потребляет новости через них. Уровень доверия газетам, радио и журналам значительно — примерно в три раза — ниже по сравнению с уровнем их распространенности, при этом газеты являются одним из самых популярных каналов новостной информации. В группах предпочтения меняются предсказуемо: с возрастом увеличивается использование традиционных СМИ (ТВ,

График 45

ОТКУДА ВЫ ЧАЩЕ ВСЕГО УЗНАЕТЕ О НОВОСТЯХ В СТРАНЕ И В МИРЕ?

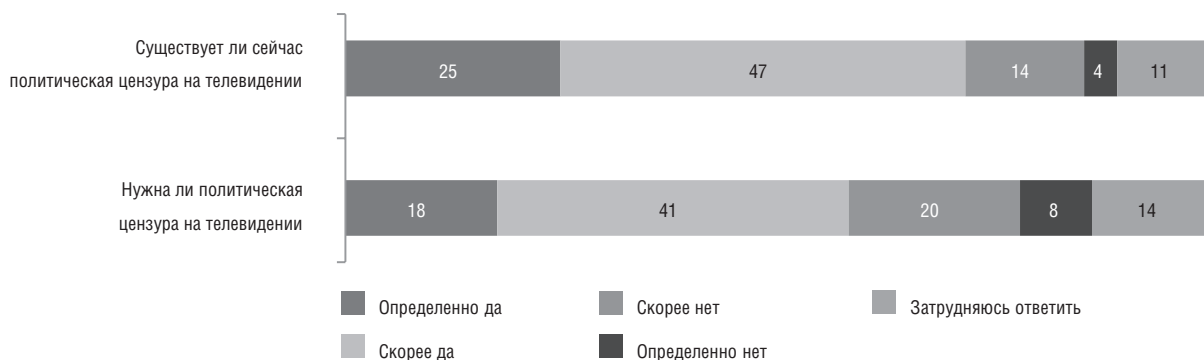
График 46

КАКИМ ИСТОЧНИКАМ ИНФОРМАЦИИ ВЫ БОЛЕЕ ВСЕГО ДОВЕРЯЕТЕ В ОСВЕЩЕНИИ НОВОСТЕЙ В СТРАНЕ И В МИРЕ? (не более трех ответов)

График 47

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ...

газет, радио). Предпочтение новых медиа, где пользователь гораздо более свободен в выборе контента, растет по мере увеличения уровня образования, потребительского статуса, размера города и уровня адаптации.

Степень цензурированности российского телевидения настолько запредельна, что даже склонные одобрять любой государственный контроль в публичной сфере россияне считают ее чрезмерной.

График 48

СМОТРИТЕ ЛИ ВЫ НОВОСТИ ПО ТЕЛЕВИЗОРУ, ЕСЛИ ДА, ТО НОВОСТИ КАКИХ КАНАЛОВ ВЫ СМОТРИТЕ БОЛЕЕ ИЛИ МЕНЕЕ РЕГУЛЯРНО?

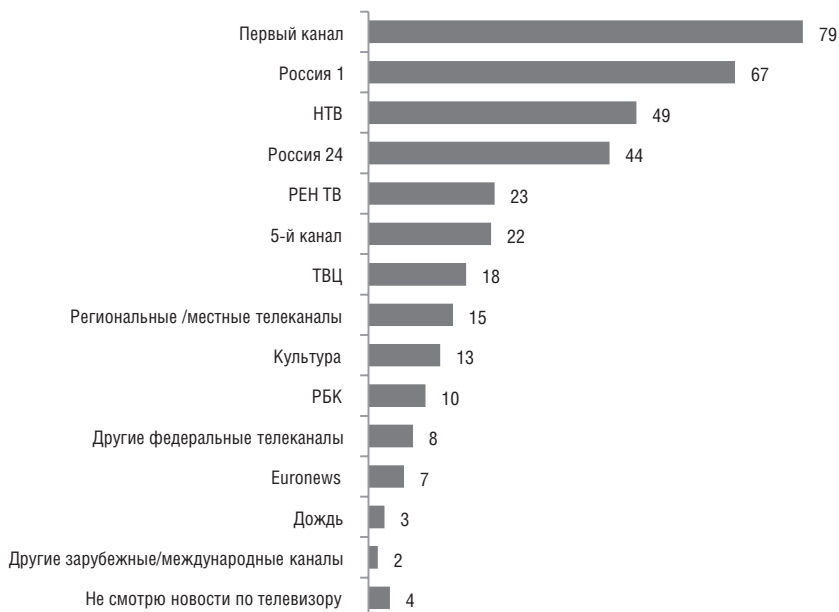

График 49

КАКУЮ СОЦИАЛЬНУЮ СЕТЬ ВЫ ПОСЕЩАЕТЕ ЧАЩЕ ВСЕГО?

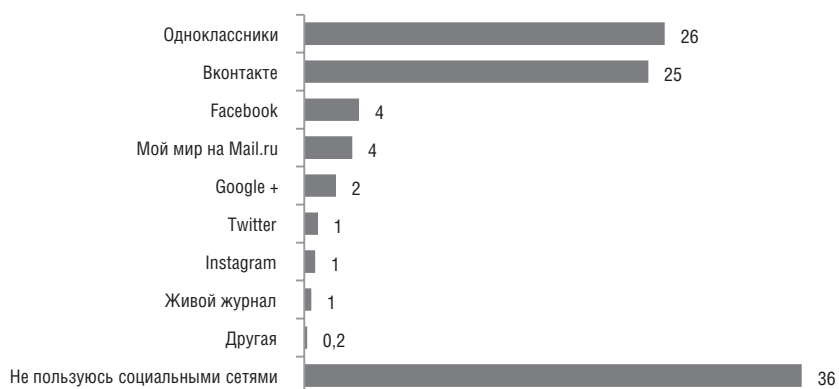
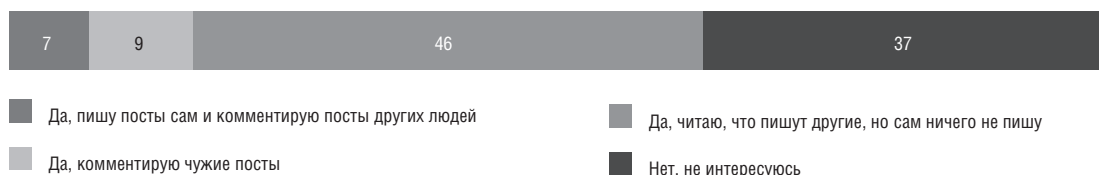

График 50

ИНТЕРЕСУЕТЕСЬ ЛИ ВЫ ОБСУЖДЕНИЕМ ВАЖНЫХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ, АКТУАЛЬНЫХ ТЕМ, ЗНАЧИМЫХ ДЛЯ ОБЩЕСТВА СОБЫТИЙ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ? (в % от тех, кто пользуется социальными сетями)

В рейтинге каналов по новостным передачам ситуация устойчива и уже давно не меняется: от 50 до 80% телезрителей смотрят «Первый канал», НТВ и два канала ВГТРК. Новости зарубежных телеканалов и оппозиционного канала «Дождь» имеют самую маленькую аудиторию.

Относительное большинство опрошенных не пользуются социальными сетями, что на

данном этапе все еще свидетельствует о неполном проникновении Интернета и об отсутствии практики повседневного пользования современными технологиями (в первую очередь у старшего поколения). Две самые популярные в России сети — «Одноклассники» и «ВКонтакте» — упоминаются в качестве приоритетных примерно равным количеством опрошенных. При этом самый высокий уровень пользования

социальными сетями среди москвичей (68%), группы самых обеспеченных (81%) и активно-адаптированных (81%).

Почти 40% пользователей не интересуются обсуждением новостей в социальных сетях, а около половины интересуются пассивно: потребляют чужой контент, но не создают своего. Только каждый шестой проявляет активность и участвует в дискуссиях. Таких людей больше среди москвичей, молодежи, самых обеспеченных и имеющих опыт общественной деятельности.

Заключение

В 2010–2013 годы в российском обществе заметно усилилось сознание незащищенности или уязвимости существования частного человека, приведшее к повышению общего уровня социальной напряженности. Рост тревожности и неуверенности не был связан с какой-то одной причиной. Правильнее было бы говорить о том, что действовал целый ряд факторов — беспокойство в связи с приближающимся экономическим кризисом (или прекращением роста доходов и повышения материального уровня жизни), низкий уровень доверия к важнейшим государственным институтам, в особенности к тем, которые, по мнению большей части населения, должны были бы обеспечивать социальную защиту, гарантировать соблюдение социальных, главным образом социально-экономических прав человека, отсутствие надежды на справедливый суд и т.п. Это «несчастное сознание» крайне болезненно воспринимало ослабление социальной политики государства, в первую очередь явное сокращение реальных социальных расходов, особенно чувствительное на фоне коррупционных скандалов в руководстве страны и увеличения военных статей бюджета.

Исследованием фиксируется (и подтверждается как уже многократно установленный факт) разрыв представлений о том, как *должно быть* в России с важнейшими социальными институтами (независимый суд, правовое государство, демократия и т.п.) и как есть на самом деле (авторитарная политическая система, зависимый и коррумпированный суд, чувство социальной и гражданской уязвимости или незащищенности и т.п.). Сознание и понимание глубокой исторической укорененности этого разрыва парализует гражданскую активность населения, вызывая всеобщую апатию и чувство безнадежности, с одной стороны, и стремление приспособиться к данной социально-политической и правовой организации об-

щества — с другой, следовательно, стремление и к ущемлению своих прав и свобод, приспособлению к неподконтрольному обществу произволу государства, бюрократии, начальства.

В 2014 году мощная идеологическая кампания, связанная с присоединением Крыма и поддержкой «соотечественников» на востоке Украины, на какое-то сравнительно недолгое время ослабила эту диффузную тревожность, повысив чувство гордости за страну и самоуважение россиян. Однако уже со второй половины года ухудшение экономического положения, вызванное санкциями, падением цен на нефть, обесцениванием национальной валюты (и соответственно резким снижением доходов и накоплений), внешнеполитические угрозы (в первую очередь угроза перерастания конфликта с Украиной в большую войну) обернулись не просто рецидивом синдрома «социальной незащищенности» и страхов, но и неверием в то, что государство (суд, парламент, правоохранительные органы, тем более правозащитники, не располагающие достаточными ресурсами влияния и возможностями) может или будет защищать тех, кто сильнее всего в этой защите нуждается.

Реакция отдельных групп общества на это обострение, экономический кризис и угрозу войны была довольно парадоксальной. Наиболее компетентные в социальном и юридическом плане группы (более образованные, обладающие многообразными ресурсами — финансовыми, социальными связями, знаниями, компетентностью, социальностью, коммуникативными способностями и пр.), условно называемые «российским средним классом», демонстрируют явный скептицизм и даже цинизм по отношению к правовым формам решения конфликтов и не собираются обращаться к правозащитным организациям. В этой среде, более обеспеченной и информированной, сильнее выражены представления и убеждения в том, что «справедливости» и «правды» в нашей стране добиться нельзя, надо стараться решать свои проблемы в частном порядке, пользуясь неформальными каналами — связями, знакомствами, денежными средствами, блатом, коррупционными ресурсами и т.п. Напротив, в группах с ограниченными ресурсами, но информированных, относительно чаще сохраняется иллюзия или надежда на возможности правозащитных организаций, организаций гражданского общества.

У основной массы населения скептицизм по отношению к возможности обеспечить свои

права сочетается с фатализмом (ничего сделать нельзя) или безальтернативными патерналистскими установками на то, что государство обязано их защищать от произвола чиновников, работодателей, преступников в еще большей степени.

На протяжении более двух последних десятилетий главным для подавляющего большинства россиян остается право на бесплатное образование, здравоохранение, гарантированная занятость, то есть отношение к государству как к главному попечителю и гаранту этих прав. Характерно, что на второе место почти половина опрошенных (большая часть которых оценивает свою жизнь словами «жить трудно, но можно терпеть», имея в виду прежде всего неудовлетворительный уровень жизни), ставят «высокий уровень жизни населения», полагая это одной из основных характеристик правового государства. Именно обеспечение высокого уровня жизни, приемлемых доходов позволяет, по мнению населения, добиться доступности уже имеющихся социально-правовых форм социальной защиты, оплачивать их из собственных источников (бесплатные формы — не просто легитимны, они приоритетны для населения в настоящее время; при данных условиях они в глазах абсолютного большинства россиян неэффективны и нерезультативны).

В массовом сознании правовое государство связывается с западными странами развитой демократии, где уровень жизни в среднем значительно выше, чем в России. Другими словами, реальные, а не декларируемые массовые представления о правовом государстве большинства составляет убеждение, что в демократических странах Запада уровень жизни и социального обеспечения выше, чем был в СССР, странах соцлагеря или в настоящее время есть в России, а это каким-то образом связано с гораздо более строгим соблюдением властями и гражданами законов и законности в судах. Формирование этого еще очень слабого осознания связи нормальной, достойной для обычного человека жизни с правовым государством происходило в последние десятилетия через знакомство с массовой западной культурой — кино, сериалы, потребительские товары.

Институциональный вакуум, ориентация на себя и свою семью не способствуют возникновению гражданской активности. Люди не видят, во-первых, возможности повлиять на происходящее через организации гражданского общества, во-вторых, смысла участвовать в инициативах, не имеющих отношения к

собственному повседневному существованию. Так, реальную возможность участвовать в политической, общественной жизни видят для себя только каждый пятый опрошенный, втрое больше респондентов считают это невозможным. Здесь и далее оценки перспективности общественных объединений напрямую связаны с наличием у респондента опыта участия в подобных инициативах: среди тех, кто за последние несколько лет принимал участие в них хоть раз, положительно оценивают возможность участия в общественной жизни в 2,5 раза чаще — 53%.

Одной из причин нежелания присоединяться к общественным инициативам является отсутствие четкого понимания того, каким образом можно участвовать: не имея информации о конкретных организациях и их работе, респонденты заранее предполагают, что это требует большого количества времени и усилий, а потому не хотят ввязываться.

Подавляющее большинство вовлекается в местные инициативы методом снежного кома — приходит вслед за знакомыми. В ситуации дефицита информации и доверия к подобным объединениям личные рекомендации становятся ключевым инструментом легитимизации общественной деятельности. Учитывая численность тех, кто участвует в инициативах, распространенность прочих способов присоединения к ним незначительна. Стоит отметить, что группа активно-адаптированных по сравнению с другими чаще использует «самостоятельные» способы: 32% — СМИ, 26% — Интернет и социальные сети.

Половина участников местных инициатив делает это из альтруистических побуждений, треть считает это полезным для себя как для гражданина, пятой частью руководит долг перед обществом (в основном это те, кто занимается благотворительностью и наблюдением на выборах). Среди тех, кто не имеет личного опыта участия в местных гражданских инициативах, самыми частыми причинами такого выбора называют отсутствие времени и интереса. При этом понятно, что в ситуации отсутствия информации интересу сложно сформироваться, а среди выбравших вариант «нет времени» есть не только те, кто хочет что-то делать и не располагает свободным временем, но и те, кто никогда не думал о возможности в чем-то участвовать: у них нет времени не столько на общественную деятельность — «нет времени» вообще рассмотреть такой вариант. При этом ответ «нет времени»

наряду с «мало информации» кажется более тактичными, извиняющимися, такие ответы чаще выбирают женщины. Мужчины же чаще женщин выбирают более прямолинейные ответы: «не хочу», «не доверяю». В целом отказ от участия в гражданских инициативах скорее проистекает из нежелания (которое, в свою очередь, связано и с ощущением безнадежности усилий, и с самоизоляцией от всего, что не касается непосредственно человека и его близкого круга): недоверие не так высоко, а дефицит информации при наличии интереса выглядит как отговорка.

Информированность россиян о деятельности правозащитных организаций, как и других структур гражданского общества, чрезвычайно низка: половина опрошенных не знает ни о каких правозащитных инициативах в своем городе. Среди оставшихся еще половина полагает, что в их городах таких организаций нет, что совершенно не обязательно именно так (например, 20% москвичей считают, что в столице нет правозащитных организаций). Осведомленность о работе таких объединений и интерес к ним падают по мере уменьшения численности жителей города.

Неопределенность смысла работы некоммерческих организаций для респондентов, непонимание их функций и задач, доминирование патерналистских ожиданий по отношению и к властям, и к общественным организациям от правозащитных до экологических ведет, с одной стороны, к переоценке роли власти

в развитии социально-экономической активности вместе с неудовлетворенностью этой властью, а с другой — проявляется в преимущественно негативных суждениях опрошенных о деятельности НКО и общественных организаций. Не ощущая на себе результатов работы общественных и некоммерческих организаций, большинство опрошенных (58%) полагают, что в целом роль общественных организаций в России незначительна, 13% затруднились оценить ее, и лишь 30% назвали ее «значительной», в том числе всего 2% — «очень значительной».

Наиболее позитивно россияне относятся к тем общественным организациям, которые существуют с советских времен и финансируются государством. Фактически же о деятельности независимых общественных организаций население России знает мало. В целом почти треть российского населения (30%) не знает ни о каких гражданских инициативах и об общественных объединениях, созданных в их ближайшей социальной среде — городе, районе — их земляками, местными жителями. Чаще всего информация о деятельности этих организаций распространяется по межличностным каналам. Но информированность о той или иной организации и сознание полезности ее деятельности никак не связаны с реальным участием в ее работе. Реально участвуют в деятельности общественных движений и организаций того или иного типа не более 1% опрошенных, а чаще — около 0,5% (в группах по обустройству жилых территорий и объединениях).

Оценки участия граждан в отправлении правосудия¹

Среди россиян нет единства мнений относительно пользы участия граждан в работе судебной системы. Ответы респондентов на этот вопрос разделились почти на равные доли. Положительно оценивают участие граждан 28% россиян. По их мнению, это добавляет судебной системе независимости, открытости и справедливости. Негативные оценки дали 20% респондентов. Однако большинство опрошенных — 32% — заявили, что простые граждане никак не способны повлиять на отправление правосудия, поскольку пределы их влияния на общественную жизнь в России крайне ограничены. Эта позиция коррелирует с общей политической апатией населения, ощущением своего бессилия перед властью в стране и нежеланием принимать ответственность за происходящее даже на уровне своего города, района. Большое количество опрошенных (20%) затруднилось с ответом.

Институт народных заседателей

В целом россияне не видят необходимости в возрождении института народных заседателей. Около трети респондентов (31%) ответили, что в нем нет смысла, поскольку этот институт полностью лишен самостоятельности и мнение народных заседателей всецело зависит от решения профессионального судьи. Однако 12% респондентов готовы дать новый шанс институту народных заседателей в случае, если его реше-

ния будут самостоятельными и принятыми вне зависимости от мнения судьи. Десятая часть опрошенных, напротив, считает, что институт НЗ стоит вернуть лишь при условии, что его решения будут обсуждаться с судьей.

Рассуждая о возможном восстановлении института народных заседателей, россияне в меньшей степени уделяют внимание способу формирования его состава, нежели принципу его интеграции в общую судебную систему и взаимодействия с профессиональными судьями. Лишь 6% сообщили, что восстановить ИНЗ имеет смысл, если в его состав будут входить больше двух человек, 4% — если народные заседатели будут избираться строго случайным образом. И примерно равное количество респондентов уверены, что восстановить ИНЗ стоит в том случае, если его члены будут делегироваться из числа государственных общественных институтов наподобие «Народного фронта» и Общественной палаты (4%) или независимых НКО, правозащитных организаций (3%).

Большое количество респондентов (30%) затруднилось с ответом на этот вопрос.

Осведомленность россиян о работе суда присяжных

В целом россияне достаточно плохо осведомлены о работе суда присяжных. Наиболее информированы об этом люди старшего воз-

Таблица 1

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, УЧАСТИЕ ГРАЖДАН В ОТПРАВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ ИДЕТ НА ПОЛЬЗУ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ ИЛИ НЕТ? (в % от опрошенных)

Да, это делает судебную систему более независимой, открытой и справедливой	28
Нет, участие в вынесении судебных решений граждан, не имеющих юридического образования, только дезорганизует работу судебной системы	20
Никак не влияет, в нынешней ситуации простые граждане ни на что не могут повлиять	32
Затрудняюсь ответить	20

2015 г., февраль; N = 1600

¹ Опрос был проведен «Левада-Центром» по инициативе Л.В. Никитинского в феврале 2015 года по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1600 человек в возрасте от 18 лет и старше, проживающих в 130 населенных пунктах 45 регионов страны. Распределение ответов приводится в процентах от общего числа опрошенных. Статистическая погрешность в таком исследовании не превышает 3,4%. Отчет подготовлен Н. Зоркой.

раста (от 40 лет), с высшим образованием, высоким уровнем дохода, жители Москвы и крупных городов. Напротив, практически ничего не знают о таком институте, прежде всего, молодые россияне (22–39 лет), с образованием ниже среднего и низким уровнем дохода.

Таблица 2

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, СТОИЛО БЫ ВЕРНУТЬ ИНСТИТУТ НАРОДНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ, И ЕСЛИ ДА, ТО ПРИ КАКИХ УСЛОВИЯХ ЕГО РАБОТА БУДЕТ БОЛЕЕ ЭФФЕКТИВНОЙ? (в % от опрошенных)

Не стоит возвращать институт народных заседателей, их мнение будет полностью зависеть от профессионального судьи, и это ничего не изменит в системе	31
Если заседатели будут обсуждать решение и голосовать за него вместе с профессиональным судьей	10
Если заседатели будут обсуждать решение и голосовать за него отдельно от профессионального судьи	12
Если заседатели будут обсуждать решение вместе с профессиональным судьей, но голосовать отдельно от него	9
Если заседателей будет не двое, а больше	6
Если заседатели будут набираться строго случайным образом	4
Если заседателей будут делегировать надежные общественные институты (например, «Народный фронт», Общественная палата)	4
Если заседателей будут делегировать независимые НКО, правозащитные организации	3
Другое	<1
Затрудняюсь ответить	30

2015 г., февраль; N = 1600

Основная масса респондентов получает представление о работе суда присяжных из телевизионных источников (телепередачи и сериалы) — около 70%. В первую очередь это люди старше 54 лет, со средним образованием. Доля респондентов, получающих информацию о деятельности суда присяжных из газет, — 13%. Таков же процент тех, кто судит о работе присяжных по опыту знакомых и близких, — 13%. Чаще всего это респонденты старшего возраста, с высшим образованием. Личный опыт работы в суде присяжных является источником информации лишь для 2% россиян. Специально этим вопросом интересовались лишь 1% опрошенных. Более трети респондентов признаются, что имеют либо самое общее представление о

суде присяжных (17%), либо ничего не знают о его существовании (17%). Чаще всего признаются в своей неосведомленности в этих вопросах молодые люди (18–39 лет), с образованием ниже среднего и низким уровнем дохода.

Стоит отметить и общий невысокий уровень осведомленности граждан о работе российской судебной системы в целом. Около 55% респондентов знают о деятельности судов лишь в общих чертах, и от одной пятой до четверти опрошенных не знают об этом ничего. Причем такая ситуация с осведомленностью россиян о судебной системе в целом сохраняется на протяжении всего периода регулярных исследований — 2010–2013 годы.

Таблица 3

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ О РАБОТЕ СУДОВ ПРИСЯЖНЫХ В РОССИИ, И ЕСЛИ ДА, ТО ОТКУДА? (в % от опрошенных)

Имею личный опыт участия в коллегии присяжных	2
Из рассказов близких и знакомых, принимавших участие в коллегиях	13
Из газет	13
Из телевизионных передач	46
Из телесериалов о работе суда	23
Специально интересуюсь этим вопросом просто как гражданин	1
По роду занятий, специальности	1
Другое	1
Знаю только, что они существуют	17
Ничего не знаю	17
Затрудняюсь ответить	2

2015 г., февраль; N = 1600

Таблица 4

КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ СВОИ ЗНАНИЯ О ТОМ, КАК УСТРОЕНА, КАК РАБОТАЕТ РОССИЙСКАЯ СУДЕБНАЯ СИСТЕМА, РОССИЙСКИЙ СУД? (в % от опрошенных)

	Всего	2010	2011	2012	2013
Знаю очень хорошо	2	2	2	2	2
Знаю неплохо	14	12	12	16	16
Знаю только в общих чертах	57	60	55	58	54
Практически ничего не знаю	27	25	31	24	28
Затрудняюсь ответить	1	1	1	1	1

*Здесь и далее использованы данные исследований 2010-2013 гг. «Судебная реформа», N=2000.

Таблица 5

ОТКУДА ВЫ В ОСНОВНОМ ПОЛУЧАЕТЕ ЗНАНИЯ, ИНФОРМАЦИЮ О ТОМ, КАК УСТРОЕНА И РАБОТАЕТ СУДЕБНАЯ СИСТЕМА, СУДЫ? (ответы ранжированы по показателям 2013 г. Респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов, поэтому сумма может превышать 100%. В % от числа опрошенных)

	Всего	2010	2011	2012	2013
Из телевизионных новостных, информационных передач	62	63	62	61	60
Из телепрограмм типа «Суд идет», «Час суда», «Судебные страсти»	52	57	56	50	44
Из газет и журналов	31	32	32	29	31
Из кинофильмов и сериалов	2	22	24	24	25
От родственников, знакомых, имевших контакты с судами	25	25	23	27	20
Из радиопередач	8	7	10	7	9
Из других источников в Интернете	7	4	5	10	8
На специальных сайтах в Интернете	7	7	5	10	7
Из художественной литературы, беллетристики	6	6	5	4	7
Из собственного опыта контактов с судами	8	10	7	8	5
Из специальной научной литературы, журналов	4	5	3	4	4
На сайтах судов	4	*	3	*	4
Из учебной программы, учебной литературы	4	5	4	5	3
Из популярных лекций, выступлений юристов	2	2	2	3	3
Из специальных баз правовой информации	2	2	1	3	2
Из профессиональной деятельности	2	2	3	2	2
Я не интересуюсь такой информацией	10	7	9	11	11

* – вариант ответа не предлагался

Таблица 6

ЧТО, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ОТЛИЧАЕТ СУДЕБНЫЕ РЕШЕНИЯ, ВЫНЕСЕННЫЕ СУДАМИ ПРИСЯЖНЫХ, ОТ РЕШЕНИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СУДЕЙ? (в % от опрошенных)

Более справедливы	19
Более независимы	25
Менее компетентны	23
Более зависимы, подвержены манипуляциям и воздействию извне	11
Затрудняюсь ответить	27

2015 г., февраль; N=1600

Сравнивая решения профессиональных судей с решениями присяжных заседателей, последним респонденты дают чаще положительные, нежели отрицательные оценки. Чуть

менее половины россиян (44%) называют решения коллегий присяжных более справедливыми и независимыми по сравнению с решениями обычных судов. Треть населения,

напротив, считают приговоры присяжных менее компетентными и более зависимыми. Существенная доля респондентов (27%) затруднилась с оценкой.

Готовность участвовать в заседаниях коллегии присяжных

Около половины россиян заявляют, что постараются уклониться от роли присяжного заседателя в случае получения такой повестки (из них 32% заявили, что просто проигнорируют это приглашение, а 19% сказали, что найдут уважительную причину для отказа). Заявили, что придут в суд и будут действовать по обстоятельствам, 23% респондентов. Лишь 13% выразили твердую готовность участвовать в коллегии присяжных, если их пригласят.

Объясняя свою готовность участвовать в судебном заседании в качестве присяжного заседателя, 39% ответивших сослались на гражданский долг. Чаще всех эту позицию высказывают люди, которых можно так или иначе отнести к среднему классу, отличающемуся достаточно высоким уровнем правосознания и активной жизненной позицией. Социально-демографические характеристики этой группы: от 40 лет и старше, с высшим образованием и высоким уровнем дохода. Около четверти (24%) из тех, кто бы не отказался побывать присяжным заседателем, объясняют свою готовность наличием свободного времени и ожидаемым денежным вознаграж-

дением. В основном это молодые люди (18–24 года) с низким уровнем дохода. При этом люди пенсионного возраста дают такой ответ значительно реже и, отвечая на данный вопрос, гораздо чаще называют причиной своей решимости чувство долга, нежели наличие свободного времени и желание получить дополнительный доход. 31% готовых участвовать в коллегии присяжных заявили, что они согласились бы на эту работу из интереса. Чаще всего это люди 25–39 лет с высшим образованием и средним уровнем дохода. Это категория людей, занимающих активную жизненную позицию и стремящаяся по возможности расширять свой кругозор.

В категории не готовых участвовать в судебном заседании в качестве присяжных около половины (48%) объясняют свою позицию несовершенством существующей судебной системы. Из них 25% указывают на отсутствие гарантий безопасности для присяжного в случае мести со стороны подсудимых, а 23% — на бессмысленность самого института присяжных по причине его полной зависимостью от судей и прокуроров. Еще четверть россиян заявляют, что не имеют столько свободного времени, сколько необходимо для работы присяжного. Чаще всего это люди 25–54 лет с высшим образованием и высоким уровнем доходов. Пятая часть ответивших затрудняется назвать причины своего нежелания участвовать в коллегии присяжных.

Таблица 7

ЧТО ВЫ, СКОРЕЕ ВСЕГО, СДЕЛАЕТЕ, ЕСЛИ ПОЛУЧИТЕ ПОВЕСТКУ С ПРИГЛАШЕНИЕМ УЧАСТВОВАТЬ В СУДЕ В КАЧЕСТВЕ ПРИСЯЖНОГО ЗАСЕДАТЕЛЯ? (в % от опрошенных)

Не пойду в суд, никакой ответственности за это не установлено	32
Приду по повестке, но постараюсь отказаться от участия в коллегии присяжных, ссылаясь на уважительные причины	19
Приду в суд, а там решу в зависимости от характера дела и длительности процесса	23
Не буду уклоняться от участия в коллегии присяжных независимо от обстоятельств дела	13
Затрудняюсь ответить	13

2015 г., февраль; N = 1600

Таблица 8

ЧЕМ ПРЕЖДЕ ВСЕГО ОБЪЯСНЯЕТСЯ ВАША ГОТОВНОСТЬ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В КОЛЛЕГИИ ПРИСЯЖНЫХ? (в % от готовых участвовать)

Я считаю, что каждый гражданин должен выполнять этот долг	39
У меня есть свободное время, а работа присяжного оплачивается	24
Мне жаль своего времени, но интересно посмотреть, как это работает	31
Другое	<1
Затрудняюсь ответить	6

2015 г., февраль; N = 574

Таблица 9

ЧЕМ ПРЕЖДЕ ВСЕГО ОБЪЯСНЯЕТСЯ, ЧТО ВЫ НАСТРОЕНЫ ОТКАЗАТЬСЯ ОТ УЧАСТИЯ В КОЛЛЕГИИ ПРИСЯЖНЫХ? (в % от не готовых участвовать)

Я читал и слышал о суде присяжных слишком много плохого	8
Существующая система не обеспечивает безопасность присяжных от родных и друзей подсудимых	25
Существующая система не обеспечивает независимости присяжных от судей и прокуроров, поэтому в суде присяжных нет смысла	23
Процессы длятся очень долго, и мое начальство на работе этого не поймет	24
Затрудняюсь ответить	20

2015 г., февраль; N = 820

Таким образом, можно отметить высокую степень недоверия и страха в обществе по отношению к судебной системе при общей слабой информированности о ее работе. Высокий процент (20%) затруднившихся с ответом о причинах своего возможного отказа от работы присяжным говорит о том, что россияне привыкли сторониться участия в работе государственной системы, не задумываясь о причинах.

Опыт личного участия в судебном процессе

Лишь 16% россиян сообщили, что присутствовали когда-либо на судебном заседании. Чаще всего такой ответ дают лица старше 54 лет с высшим образованием и низким уровнем доходов. Подавляющее большинство россиян не имеют личного опыта участия в судебном разбирательстве – 83%.

Около трети респондентов из категории участвовавших в судебных процессах (16% от

Таблица 10

ПРИХОДИЛОСЬ ЛИ ВАМ ЛИЧНО УЧАСТВОВАТЬ В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ ИЛИ ПРИСУТСТВОВАТЬ НА НЕМ В ЛЮБОМ КАЧЕСТВЕ, ВКЛЮЧАЯ ЗРИТЕЛЯ? (в % от опрошенных)

Да	16
Нет	83
Затрудняюсь ответить	1

2015 г., февраль; N = 1600

Таблица 11

В КАКОМ ИМЕННО КАЧЕСТВЕ ВАМ КОГДА-ЛИБО ПРИХОДИЛОСЬ УЧАСТВОВАТЬ В СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССАХ? (в % от тех, кто участвовал в судебных процессах)

Потерпевшего	10
Подсудимого	9
Истца	21
Заявителя	11
Ответчика	13
Свидетеля	32
Эксперта, специалиста	3
Журналиста	<1
Законного представителя несовершеннолетнего или недееспособного участника процесса	3
Правозащитника	<1
Зрителя	14
Присяжного заседателя	5
Профессионального участника процесса: судьи, адвоката, прокурора и пр.	1
Арбитражного заседателя	<1
В другом качестве	3

2015 г., февраль; N = 256

всей выборки) признаются, что присутствовали на заседаниях в качестве свидетелей (32%). Пятая часть когда-либо присутствовавших на суде привлекалась в качестве истцов (21%), 13% — в качестве ответчиков. Примерно поровну респондентов имели опыт потерпевшего и подсудимого (10 и 9% соответственно). 14% ответили, что наблюдали за процессом в качестве зрителя.

Таким образом, в российском обществе в данный момент не наблюдается согласие относительно оценки деятельности коллегий присяжных заседателей и итогов их работы. И это неудивительно, если принять во внимание общий низкий уровень знаний россиян о судебной системе и тот факт, что институт суда присяжных был восстановлен в России сравнительно недавно.

На протяжении последних лет сохраняется низкая осведомленность российских граждан о работе судебной системы в целом и о суде присяжных в частности. Основным источником

информации, формирующим представление наших сограждан по этим вопросам, служат постановочные телепередачи и сериалы. При этом заметен невысокий интерес респондентов к работе судебной системы и суда присяжных — от одной пятой до трети респондентов, как правило, затрудняются с ответами на вопросы по этим темам. Специально данными проблемами интересуется незначительная доля россиян. Уровень правового сознания в общей массе россиян довольно низок.

Необходимо отметить существенную степень недоверия и опасения со стороны общества ко всей системе судопроизводства в России. Значительное число россиян убеждено в своей неспособности оказывать влияние на социально-политические процессы в стране в целом и на процессы судопроизводства в частности. В связи с этим большая доля респондентов считает участие обычных граждан в отправлении правосудия лишеным положительного смысла.

Авторы номера:

Бизюков Петр Вячеславович — ведущий научный сотрудник, Центр социально-трудовых прав, Москва

Борусяк Любовь Фридриховна — кандидат экономических наук, заместитель главного редактора электронного журнала «Демографическое обозрение», Институт демографии Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Вацов Димитар — Ph.D., Департамент философии и социологии, Новый Болгарский университет

Касамара Валерия Александровна — кандидат политических наук, доцент, Факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Косова Лариса Борисовна — кандидат технических наук, доцент, Факультет социальных наук Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Кочергина Екатерина Владимировна — научный сотрудник, Левада-Центр

Левинсон Алексей Георгиевич — кандидат искусствоведения, заведующий отделом социально-культурных исследований, Левада-Центр

Лёзина Евгения Владимировна — Ph.D., ведущий научный сотрудник, Левада-Центр

Лысова Татьяна Сергеевна — социолог, Левада-Центр

Петров Николай Владимирович — кандидат географических наук, профессор, Факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Пипия Карина Джаниеровна — кандидат социологических наук, Левада-Центр

Урнов Марк Юрьевич — доктор политических наук, ординарный профессор, Факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Якимова Милена — Ph.D., доцент, Факультет социологии, Софийский университет

SUMMARY

The evolution of populism in Russian politics (by Nikolai Petrov)

The author continues the discussion of populism started in the previous issue of the Herald. Starting from the mid-eighties the USSR and then Russia demonstrated a wide variety of types and forms of populism which can serve as a platform for the study of its forms (the populism of the authorities themselves, the counter-elite populism of B. Yeltsin who rose to power on the wave of a struggle against privilege, the retro-populism of the Communist Party of Russia, the openly over-the-top political strategy populism of V. Zhirinovskiy aimed at “blowing off steam”, the smaller-scale populism of S. Mironov and his Fair Russia Party). Petrov distinguishes two typological phases - “the populism of coming to power” and “the populism of keeping the power”, emphasizing on the style of each and the use of sub-institutions (such as public opinion manipulation techniques, “direct lines” of address by the national leader). Key topics of populism and key examples (cases) of populist rhetoric are analyzed in detail.

Co-opting discontent: Russian propaganda in the Bulgarian media (by Milena Iakimova, Dimitar Vatsov)

Russian propaganda co-opts themes from western grassroots critique of liberalism and globalization, recasting both left and right populist critique in nationalist terms. Vice versa, local actors borrow the Russian propaganda package and use it for their populist purposes. An analysis of the Bulgarian media landscape 2013–2016.

Notes on the current role of bureaucracy in the structure of Russian society (by Alexey Levinson)

The phenomenon of bureaucracy (of local, not of Weberian type) is considered against the dichotomy of formal vs informal structures and practices. The specific feature of bureaucracy nourished during Putin’s period is predominance of the informal rules and habits over formal not only

de-facto but also in their corporate culture. This is typical for the closed/secret service institutions that formed the core of the modern bureaucracy in Russia. Meanwhile the general public in this country is also prone to treating informal ways and means as more familiar, more effective and morally superior to formal ones. Hence stems the basis of the unprecedented commonality in attitudes of the «top» and the «people» reflected in the extremely high level of approval enjoyed by President Putin while being in office since 2000.

The article is based on the analysis of the focus-groups conducted by the author and his colleagues at Levada-center in this period.

National identity of students in Russia and the USA (a comparative analysis) (by Mark Urnov and Valeria Kasamara)

The article compares some basic aspects of the national identity of Russian and American students. We have analyzed the views of the students at three leading Russian universities (MSU, MGIMO and NRU HSE) and at Princeton University (USA). The study is based on comparing of Russian students’ positions with those of the Princeton University’s students (USA).

Features under study: (a) normative views on the country as an object of national identity (type of relations with other countries and basic principles of social life), (b) aspects of attitude towards the country making it an object of national identity (country favoritism, level of criticism and specific expressions of duty to the country)

The Cheka and its successors: methods of terror and practices of discrimination. On the occasion of the 100th anniversary of the founding of the Soviet secret police. (by Evgenia Lezina)

The year 2017 marks the anniversary of the October Revolution and the creation of the Soviet secret police in December 1917. The article focuses on the repressive policies and practices of the Soviet regime and their consequences. The author

attempts to generalize the discriminatory and repressive practices that constituted the system of state terror in the USSR, analyzes the role played in this system by the secret police and its extra-judicial bodies, and tries to outline the major social effects and consequences of mass repressions in the Soviet Union.

Interaction of actors in the labor protest context (by Petr Bizyukov)

The article depicts the interaction of actors participating in labor protests in Russia. Russian legislature sets a very long and convoluted procedure for resolving employment disputes and launching legal strikes. Unions consider this procedure to be prohibitive, since almost nobody gets to use it in real life. However protests in the form of strikes, hunger strikes, rallies and even blocking federal roads occur everywhere and in all industries. A controversial situation occurs during these protests – the employees express their disagreement and indignation in ways not prescribed by law. This leads to the following consequences: firstly, it allows the employers to avoid using the institutional procedures of settling disputes with employees. In particular they ignore the trade unions as institutional actors, preferring to interact with unorganized workers since it's easier to confuse, scare or trick them. And trade unions are not seen as partners during talks but as competitors trying to snatch away the right to make decisions. Secondly, in the event of nonlegal protest the authorities end up involved in the conflict not as arbiters but as participants, siding either with the worker or with the employer.

Socio-cultural relationships modeling: an analysis of the entrepreneurial potential (by Tatiana Lysova)

This paper focuses on analyzing the cultural factors that influence the attitudes to entrepreneurship in Russia. The objective of this work is the statistical evaluation of a model that analyzes the relationship between the paternalistic orientations of the Russian population, the subjective evaluation of the rewards of various social traits and entrepreneurship.

The analysis was conducted by using structural equation modeling (SEM). The results of the statistical analysis show that the perception of entrepreneurship as a socially advantageous but “dishonest” type of activity prevails in modern Russia. This perception may be explained by the popularity of the opinion that “non-modern” traits (readiness to obey and impudence) are

efficient for achieving more in life. These views are partially explained by the paternalistic attitudes of the Russian population. As the result, there is no friendly social environment for the development of entrepreneurship.

To understanding one xenophobic slogan: «Russia for Russians» (by Karina Pipiia)

The author analyzes the results of national polls regarding «Russia for Russians» and «Russia only for Russians» xenophobic slogans in order to discover the roots of their approval. It was concluded that respondents who approve of these slogans are more xenophobic than those who do not. The levels of «ethnic-phobia» and «migrant-phobia» are highest in groups of approval as opposed to the groups of respondents which expressed negative or indifferent attitudes to these slogans (they are more tolerant to people from other ethnic groups and migrants). Currently, the level of education does not determine the level of approval of «Russia for Russians», which is about 36–44% in all education groups. There appears to be no significant correlation between the approval levels of the slogans and political preferences of respondents, however supporters of Zhirinovskiy and Zyuganov seem to be more xenophobic.

How's life, old people? An analysis of the aging process in various society types (by Larisa Kosova)

The article analyzes the various aspects of aging. Age is one of the most important factors bringing disadvantages into human existence, reducing abilities, preventing individuals from full participation in social life. However, modern societies have learned to create conditions for “successful aging”, insuring lower probability of illness, possibility of maintaining health and capacity in the older age, conditions for reasonable investment behavior in adulthood. Russians meet old age unprotected in terms of either health or financial circumstances. The health care system is unreliable and untrustworthy, people do not believe they can receive the necessary help when they need it. The existing pension system does not ensure material prosperity and limited resources at the time of maturity do not allow to make personal savings to insure a comfortable life at an old age.

This situation is only exacerbated by the lack of horizontal connections that could mitigate the effect and provide some help and support from networks and social organizations. As a result, they believe that support, when they are in need, can only be found in the closest circle of relatives and friends. New information technologies, alas, do not

help to fill the gap: most elderly people do not have access to the Internet. Old people find themselves stuck within their homes, their world shrinking to the size of a television set.

Russian seniors place themselves lower on the social ladder than all other age groups. Social exclusion increases with age and old people are aware of this. Poor health, problems with obtaining medical care, limited mobility, narrowed circle of communication - this is the world in which Russian seniors exist.

The role of women in Russian society (by Ekaterina Kochergina)

This paper presents data of several surveys conducted as part of regular monitoring within Levada-center research. The author describes current attitudes towards women's participation in politics and the image of women in Russia. Unarticulated filters exist that prevent women from job markets, politics and high salaries. A woman is seen as a housekeeper and wife. Society is not eager to let women enter big politics, gain access to resources and have independence.

Literature at school: why do high-schoolers dislike it (based on a survey of Russian high school and college students) (by Lyubov Borusyak)

The article is based on a survey of 700 Russian high-schoolers from 10 cities and 6 focus-groups of Moscow college students and analyzes young people's attitude towards the major issues of literature instruction at school. School manages to establish the value of literature, including classical Russian literature, but given the current approach it rarely manages to induce an interest in reading, a desire to read. Teenagers would like literature classes to be different from other school subjects, since in their opinion literature doesn't imply ready-made, "right" answers to the questions raised in literary works. They want to have a chance to express their own opinions; many respondents do not believe that such open discussions necessarily require reading full works of literature. Most respondents claim that the teaching of literature at school is based on coercion, which causes fear, inner protest or full rejection which influences their attitude towards reading fiction in general and Russian classics in particular.

Making changes to the curriculum is important to some of the teenagers but it's not the biggest issue in their opinion: the person of the teacher representing the entire system is key. For the reading youth the teacher of literature plays a large role in establishing the value of traditional or modern

literature and culture in general. It is especially true for girls who are more conforming to the influence of the values promoted by the teachers. Our study shows that the orientation towards the traditional is translated, helped along by the school curriculum which has been around for about 80 years. The study focuses on discovering what the respondents would prefer the teacher of literature to be like and which major changes to the teaching of literature seem most important to them.

Public opinion on the issues of human rights defense in Russia.

A report based on a survey of the same name conducted in 2014-2015 for the "Civil Dignity" All-Russian public movement. The report was prepared by Levada Center staff members – L. Gudkov, D. Volkov, S. Goncharov, N. Zorkaya, A. Levinson, A. Ovakemyan and others. The study captures a gap between the notions of what the situation with the major social institutions in Russia is supposed to be (independent court, a state of law, democracy etc) and what actually is (authoritarian political system, non-independent and corrupt court, the feeling or social and civil vulnerability and defenselessness etc). For the great majority of the populace skepticism about the possibility to insure the observance of one's rights is combined with and even greater degree of fatalism (nothing can be done) and single option paternalistic notions that the state has an obligation to defend them from the arbitrary treatment of officials, employers and criminals. Throughout the last two decades the right to free education, medical care, guaranteed employment have been of the greatest importance for the majority of Russians. That is to say the state is seen as the main caregiver and guarantor of these rights. In their opinion insuring a high quality of life, acceptable income levels makes existing socio-legal forms of social security available, by paying for them from one's own resources. Although free forms of social security are not only legitimate but a priority for the populace, in current conditions they are ineffective according to the vast majority of Russians. In the mass consciousness state of law is associated with the Western developed democracies, where living standards are on average much higher than in Russia.

The better adapted citizens use the media, Internet and social networks more often. Half of the participants of local initiatives does so (participates) out of altruistic motives, a third considers it useful for themselves as citizens, a fifth sees it as a civic duty (mostly those involved in charity work and observers at elections). Russians' awareness about

the activities of human rights organizations as well as other civil society structures is very low: half of the respondents is not aware of any human right initiatives in their city. The ambiguity of the goals of NGO's work for the respondents who do not understand what their functions and goals are leads, on the one hand, to the overestimation of the authorities' role in the development of socio-economic activity and on the other hand is expressed through mostly negative comments of the respondents regarding the activity of NGO's and public organizations. Not more than 1%, more like 0.5% of the respondents actually participates in public movements and organizations of any kind.

**Evaluation of citizens' participation in judicature
(by Natalia Zorkaya)**

This publication is a short account of a survey into the notions of Russians regarding the

importance of jury court and their willingness to participate in its work. The survey on these topics (opinion on the independence of such courts, general level of awareness, willingness to participate, notions as to the degree to which expanding said courts' jurisdiction would improve the level of objectivity of courts in general) was conducted by Levada Center in February 2015, and involved a country-wide representative selection. The survey results show that Russian citizens' awareness of the workings of the court system as a whole and of jury court in particular remains low. The overall level of legal awareness of Russians is rather low. The high level of distrust and apprehension in society towards the entire judicial system of Russia is worth mentioning. A large share of respondents considers the participation of citizens in judicature to be devoid of positive effect.

Список статей, опубликованных в 2016 году

	№	Стр.
<i>Артемьева Н., Богданов М., Лебедев Д., Назимова А.</i> Факторы, определяющие тип потребления алкоголя среди студентов	1-2	203-232
<i>Берелович А.</i> Путин – популист на фоне западных лидеров	1-2	82-90
<i>Бизюков П.</i> Взаимодействие акторов в пространстве трудового протеста	3-4	132-145
<i>Борусяк Л.</i> Школьная литература: почему ее не любят школьники (по результатам исследования российских школьников и студентов)	3-4	187-196
<i>Волков Д., Гончаров С.</i> Российский медиаландшафт: основные тенденции использования СМИ	1-2	105-129
<i>Гольдман О., Бердышева Е.</i> Система онкопомощи в России: о некоторых результатах мониторинга пациентов в г. Москве	1-2	152-160
<i>Гудков Л.</i> Особенности российского популизма	1-2	91-104
<i>Гудков Л., Зоркая Н.</i> Вытеснение истории: что осталось от мифа революции?	1-2	161-181
<i>Зоркая Н.</i> Оценки участия граждан в отправлении правосудия	3-4	248-253
<i>Казун А.</i> Откуда берется повестка дня? Роль СМИ в конструировании значимости событий	1-2	182-189
<i>Корси Е.</i> Проблемы повседневной жизни трансгендера в России	1-2	190-202
<i>Косова Л.</i> Как живете, старичье? Анализ процессов старения в обществах разного типа	3-4	171-179
<i>Кочергина Е.</i> Как общество отвечает на неотрадиционалистскую политику государства на примере отношения к абортам	1-2	141-151
<i>Кочергина Е.</i> Место женщины в современной России	3-4	180-186
<i>Кынев А.</i> Электоральный популизм на российских выборах	1-2	65-81
<i>Левинсон А.</i> Заметки о бюрократии в социальной структуре современного российского общества	3-4	48-73
<i>Лёзина Е.</i> ВЧК и ее преемники: методы террора и практики дискриминации. К 100-летию основания советской тайной полиции	3-4	104-131
<i>Лысова Т.</i> Моделирование социально-культурных связей: анализ предпринимательского потенциала	3-4	146-158
<i>Макаренко Б.</i> Популизм и политические институты: сравнительная перспектива	1-2	15-27
<i>Медушевский А.</i> Популизм на Западе и в России: сходства и различия в сравнительной перспективе	1-2	28-47
<i>Петров Н.</i> Эволюция популизма в российской политике	3-4	20-37
<i>Пипия К.</i> К пониманию одного ксенофобского лозунга: «Россия для русских»	3-4	159-170
<i>Пипия К.</i> Структура образа мигранта в российском общественном мнении	1-2	130-140
<i>Рябов А.</i> Парадоксы современного популизма. Причины его взлета в развитых демократиях и отсутствия на постсоветском пространстве	1-2	48-56
<i>Урнов М., Касамара В.</i> Национальная идентичность студентов России и США (сравнительный анализ)	3-4	74-103
<i>Чижев Г.</i> Украина в объятиях популизма: Предпосылки политического популизма в Украине	1-2	57-64
<i>Якимова М., Вацов Д.</i> Российская пропаганда в Болгарских СМИ	3-4	38-47

List of Publications. 2016

	№	P.
<i>Nina Artemieva, Mikhail Bogdanov, Daniil Lebedev and Alina Nazimova</i> , Factors determining the type of alcohol consumption among students	1-2	203-232
<i>Alexey Berelovich</i> , Putin – the populist in comparison to European leaders	1-2	82-90
<i>Petr Bizyukov</i> , Interaction of actors in the labor protest context	3-4	132-145
<i>Lyubov Borusyak</i> , Literature at school: why do high-schoolers dislike it (based on a survey of Russian high school and college students)	3-4	187-196
<i>Georgiy Chizhov</i> , Ukraine. Embraced by populism: Preconditions of political populism in the Ukraine	1-2	57-64
<i>Elisabetta Corsi</i> , Daily life problems of a transgender person in Russia	1-2	190-202
<i>Olga Goldman, Elena Berdysheva</i> , Anticancer Care in Russia: Some Results of Moscow Cancer Patients' Survey	1-2	152-160
<i>Lev Gudkov</i> , Peculiarities of Russian populism	1-2	91-104
<i>Lev Gudkov, Natalia Zorkaya</i> , The wiping out of history: what is left of the revolutionary myth?	1-2	161-181
<i>Milena Iakimova, Dimitar Vatsov</i> , Co-opting discontent: Russian propaganda in the Bulgarian media (by)	3-4	38-47
<i>Anastasia Kazun</i> , Where does agenda come from? The role of the media in setting the importance of events	1-2	182-189
<i>Ekaterina Kochergina</i> , How Russian society responds to the neo-traditionalist politics of Russian state: attitudes towards abortions	1-2	141-151
<i>Ekaterina Kochergina</i> , The role of women in Russian society	3-4	180-186
<i>Larisa Kosova</i> , How's life, old people? An analysis of the aging process in various society types	3-4	171-179
<i>Alexander Kynev</i> , Electoral populism on Russian elections	1-2	65-81
<i>Alexey Levinson</i> , Notes on the current role of bureaucracy in the structure of Russian society (by)	3-4	48-73
<i>Evgenia Lezina</i> , The Cheka and its successors: methods of terror and practices of discrimination. On the occasion of the 100th anniversary of the founding of the Soviet secret police.	3-4	104-131
<i>Tatiana Lysova</i> , Socio-cultural relationships modeling: an analysis of the entrepreneurial potential	3-4	146-158
<i>Boris Makarenko</i> , Populism and Political Institutions: A Comparative Perspective	1-2	15-27
<i>Andrey Medushevsky</i> , Populism in Western Europe and Russia: common traces and peculiarities in the comparative perspective	1-2	28-47
<i>Nikolai Petrov</i> , The evolution of populism in Russian politics	3-4	20-37
<i>Karina Pipiia</i> , The structure of migrant's image in the Russian public opinion (by)	1-2	130-140
<i>Karina Pipiia</i> , To understanding one xenophobic slogan: «Russia for Russians»	3-4	159-170
<i>Andrey Ryabov</i> , Paradoxes of modern day populism. The causes of its upsurge in developed democracies and lack thereof in the former USSR	1-2	48-56
<i>Mark Urnov</i> , Valeria Kasamara, National identity of students in Russia and the USA (a comparative analysis)	3-4	74-103
<i>Denis Volkov, Stepan Goncharov</i> , Russian Media-Landscape: Main Trends in Media-Consumption	1-2	105-129
<i>Natalija Zorkaya</i> , Evaluation of citizens' participation in judicature	3-4	248-253

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

ПОДПИСНОЙ КУПОН НА 2017 год

на комплект из _____ номеров (№1, №2, №3, №4 – нужное подчеркнуть)

«Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии»

Стоимость 1 номера – 250 руб. (включая НДС 10% и пересылку почтой)

Мы перевели сумму* _____ (включая НДС 10%) за подписку на журнал

«Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии»

платежным поручением № _____ от _____

на расчетный счет **40703810100010000119** в банке «Кредит-Москва» (ОАО) г. Москвы.

Корр. счет **30101810700000000501** БИК **044583501** ИНН **7705466756**

Получатель: Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)

Просим выслать по адресу:

Куда: _____

Кому: _____

Телефон (e-mail) для связи _____

Доставка почтой (заказной бандеролью)

Заполненный купон и копию платежного поручения отправьте, пожалуйста, по адресу: 109012, Москва, ул. Никольская, д. 17, или на электронный адрес arysyova@levada.ru

ПОДПИСКА НА ЭЛЕКТРОННУЮ ВЕРСИЮ

Редакция осуществляет подписку на электронную версию журнала (в формате PDF).

Стоимость подписки на один номер — 165 рублей (включая НДС 18%).

По всем вопросам подписки, пожалуйста, звоните по тел. (499) 755-40-30 или пишите на arysyova@levada.ru

SUBSCRIPTION

Foreign readers may subscribe for the e-version of our magazine via e-mail arysyova@levada.ru

One year subscription costs 25€